

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2023. № 492. Июль

• ФИЛОЛОГИЯ

• PHILOLOGY

• ФИЛОСОФИЯ

• PHILOSOPHY

• СОЦИОЛОГИЯ

• SOCIOLOGY

И ПОЛИТОЛОГИЯ

AND POLITICAL SCIENCE

• ИСТОРИЯ

• HISTORY

• ПЕДАГОГИКА

• PEDAGOGICS

• ПРАВО

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2023. № 492. July

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прозументов**, д-
р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-
р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yerшов**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shragер**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Romyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Бушуева Л.А. Лингвокогнитивная модель поступка «измена в любви» (на материале русского языка)	5
Власов М.С., Павлов В.И., Одончимэг Т. Влияние фактора нёбного сингармонизма на визуальное распознавание слов халха-монгольского языка: пилотажное исследование	16
Даниловцева А.А. Фрагмент речевого портрета рецензента (на материале литературных рецензий К. Мильчина)	23
Лучинский Ю.В., Безрукавая М.В. Краеведческая тематика на страницах кубанской педагогической прессы (1906–1918)	31
Склярлова Н.Г., Лаврухина А.В. Лингвосемиотика медийного пандемического дискурса (на материале англоязычных публикаций, посвященных эпидемии коронавируса)	40

ФИЛОСОФИЯ

Иогансон Е.Н. (Э. Мартин-Иогансон). Дадаизм: феномен деструктивизма и идейный источник экзистенциализма и постмодернизма западной философии	50
Николаев А.В. Пространство языка и речи в драме: дополненная поэтика	57
Поздняков М.В. Критическое мышление: его сущность и присутствие во образовательных программах российских вузов	68
Прокопьева М.Ю., Шихардин Н.В., Шихардина Л.Н. Теория генетического структурализма Люсьена Гольдмана	76
Сыров В.Н. К вопросу о философских основаниях «культуры отмены» и ее значении для осмысления и отношения к прошлому	85

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Арнания-Кепуладзе Т.Г., Кепуладзе Г.А. Социальный капитал этнической группы: особенности формирования и проявления (на примере Сванетии)	91
Пиралова О.Ф., Легчилина Е.Ю., Нехода Е.В. Трансформация трудовых ценностей преподавателей технических вузов в условиях развития экосистемы университета	103

ИСТОРИЯ

Зарубин А.Н., Городкова А.Е. Логистическое взаимодействие регионов РФ с КНР: двусторонний и транснациональный аспекты	116
Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Семиреченской области по данным переписи 1897 г.	130
Колева Г.Ю., Колев Ж.М. Движение в Арктику. Освоение газовых месторождений полуострова Ямал: практики советской эпохи	136
Путилин М.С. Сюжет о царе-старце в массовой культуре	147
Устюгова О.А. Снабжение населения Дальнего Востока России оружием и патронами из артиллерийских складов Приамурского военного округа в конце XIX – начале XX в.	154

CONTENTS

PHILOLOGY

Bushuyeva L.A. Linguo-cognitive model of the act named “adultery” (in the Russian language)	5
Vlasov M.S., Pavlov V.I., Odonchimeg T. Palatal vowel harmony effect on visual word recognition in Khalkha-Mongolian: A pilot study	16
Danilovtseva A.A. Fragment of a reviewer’s speech portrait (on the material of literary reviews by Konstantin Milchin)	23
Luchinsky Yu.V., Bezrukavaya M.V. The local history theme in the Kuban pedagogical press (1906–1918)	31
Sklyarova N.G., Lavrukhina A.V. Semiotic description of the pandemic media discourse (on the material of English articles on the coronavirus epidemic)	40

PHILOSOPHY

Martin-Ioganson E. Dadaism: Phenomenon of destructivism and ideological source for existentialism and postmodernism of the Western philosophy	50
Nikolaev A.V. The space of language and speech in drama: Supplemented poetics	57
Pozdnyakov M.V. Critical thinking: Its essence and presence in the educational programs of Russian universities	68
Prokopieva M.Yu., Shikhardin N.V., Shikhardina L.N. Lucien Goldman’s theory of genetic structuralism	76
Syrov V.N. On the philosophical foundations of “cancel culture” and its significance for understanding and attitude to the past	85

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Arnania-Kepuladze T., Kepuladze G. Social capital of an ethnic group: features of formation and manifestation (Svaneti case)	91
Piralova O.F., Legchilina E.Yu., Nekhoda E.V. Transformation of technical university teachers’ labor values in the context of the university ecosystem development	103

HISTORY

Zarubin A.N., Gorodkova A.E. Cooperation between Russia’s regions and China in logistics: Bilateral and transnational aspects	116
Zinoviev V.P. Interethnic division of labor in Semirechensk Oblast according to the 1897 Census	130
Koleva G.Yu., Kolev Zh.M. Movement to the Arctic. Development of Yamal Peninsula gas fields: Soviet-era practices	136
Putilin M.S. The plot of the Starets Tsar in mass culture	147
Ustyugova O.A. Provision of the population of the Russian Far East with firearms and ammunition from artillery magazines of the Priamursky Military District in the late 19th – early 20th centuries	154

ПЕДАГОГИКА

Булатбаева К.Н., Адилова В.Х., Фахрутдинова Г.Ж., Жакиянова Ж.Г. Повышение эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований в высшей школе	161
Сошенко И.И., Червонный М.А., Абакумова Н.Н. Профессиональные инициативы студентов как фактор развития субъектности будущих педагогов	169

ПРАВО

Князьков А.С., Кругликов В.Д. Преюдиция как фактор формирования нового вида частных криминалистических методик	181
Рааб Р.С. Философско-юридический метод в сравнительном правоведении: структурная интерпретация	193
Терди Е.С., Тузов Д.О. Невозможность исполнения обязательства по французскому праву: результаты реформы в сравнительной перспективе	203
Ящук Т.Ф. Кодификационные проекты советского уголовного законодательства в конце 1920-х – начале 1930-х гг.	210

PEDAGOGICS

Bulatbayeva K.N., Adilova V.Kh., Fahrutdinova G.Zh., Zhakiyanova Zh.G. Enhancing the effectiveness of the system of ethical supervision and risk control of scientific research in higher education	161
Soshenko I.I., Chervonnyy M.A., Abakumova N.N. Students' professional initiatives as a factor in future teachers' agency development	169

LAW

Knyazkov A.S., Kruglikov V.D. Pre-judiction as a forming factor of a new type of specific forensic techniques	181
Raab R.S. Philosophical approach to law as a methodological attitude in comparative legal studies: A structuralist interpretation	193
Terdi E.S., Tuzov D.O. Impossibility of performance of an obligation under French law: Results of the reform in a comparative perspective	203
Yashchuk T.F. Codification projects of the Soviet criminal legislation in the late 1920s and early 1930s	210

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 811.161.1'1
doi: 10.17223/15617793/492/1

Лингвокогнитивная модель поступка «измена в любви» (на материале русского языка)

Людмила Александровна Бушуева¹

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, sebeleva@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности категоризации знаний о поступке «измена в любви» в терминах теории фреймов. Представлена фреймовая модель ситуации поступка «измена в любви»; выделены слоты в структуре данной модели, актуализирующие различные аспекты ситуации; показаны особенности актуализации данной модели в лексической системе русского языка, русской речи и обыденном сознании носителей русской культуры. На основе анализа лексикографических, речевых и ассоциативных данных выделены прототипические значения слотов фрейма.

Ключевые слова: поступок, измена в любви, фрейм, прототип, корпусное исследование, вербальные ассоциации

Для цитирования: Бушуева Л.А. Лингвокогнитивная модель поступка «измена в любви» (на материале русского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 5–15. doi: 10.17223/15617793/492/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/1

Linguo-cognitive model of the act named “adultery” (in the Russian language)

*Lyudmila A. Bushuyeva*¹

¹ *Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, sebeleva@yandex.ru*

Abstract. The aim of this article is to show how the linguo-cognitive model (frame) of the act “adultery” is represented in the Russian language, discourse and word associations. The research objectives are to identify the components and prototypical characteristics of the frame “adultery”, and to analyze how these components are represented in the language, modern discourse and verbal associations of Russian speakers. The sources of the material are dictionaries of the Russian language including the explanatory dictionary, the dictionary of synonyms, the derivational dictionary, the association dictionary; the texts of the Russian National Corpus (more than 1000 texts with words of different parts of speech that represent the frame “adultery”). The following research methods are applied: the analysis of the semantics of the words; the analysis of phrases, synonymous and derivational connections; discourse analysis; the analysis of associative data. The research is based on the current cognitive approach. According to this approach, people learn about the world through categorization, which is a process in which ideas and objects are recognized, differentiated, and thus understood. Categories in a language are arranged with the help of structures with prototypical elements. A prototype is viewed in the article as an object that can be defined as a unity of elements with features associated with a certain category. In general, it is the most central member of a category. With the help of frames, people’s knowledge and experiences are structured. By means of vocabulary research, words belonging to different parts of speech that can denote the situation of adultery, are identified. These words are thoroughly analyzed in terms of their semantic peculiarities, which helps to design a model of the situation the words represent. The analysis of the dictionary data helps to build a frame and determine its basic elements: “action”, “subject”, “valuation”, “result”, “patient”, “counter-agent”. Discourse analysis specifies the core of the frame and the prototypical characteristics of its components. Moreover, it reveals one more element of the frame – “aim”. As part of the study, the peculiarities of the frame components in Russian discourse and their associative connections are investigated. The study of word associations clarifies the prototypical features of the frame of “adultery”. Comparison of the dictionary, discourse, and association data helps to most accurately distinguish the conceptual content of the frame’s elements.

Keywords: act, adultery, frame, prototype, discourse analysis, verbal associations

For citation: Bushuyeva, L.A. (2023) Linguo-cognitive model of the act named “adultery” (in the Russian language). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/1

Введение

С точки зрения современных исследователей, центральной проблемой когнитивной лингвистики является проблема категоризации знаний об окружающей действительности. Категоризация – «это главный способ придать поступающей к человеку информации упорядоченный характер, как-то систематизировать и, главное, рассортировать увиденное, услышанное и т.п.» [1. С. 25]. В процессе восприятия информации человек определяет ее, классифицирует и помещает на определенное место в той картине мира, которая у него уже сложилась. Категоризация позволяет свести полученную из внешнего мира информацию в определенные рубрики [2. С. 224]. Изучение того, каким образом «языковое сознание расчленяет действительность на отдельные», является одной из задач языкознания [3. С. 201].

Одним из способов исследования процессов категоризации действительности и того, каким образом эти процессы отражены в языковых структурах, является интерпретация языковых средств, классифицирующих отдельные фрагменты мира. Часть знаний, получаемых человеком, структурируется по принципу вариант – инвариант, но большая часть опыта организована более сложным способом, с помощью лучевых структур с прототипичными и периферийными членами категории [4. С. 11].

Очевидно, что моделирование всякой новой коммуникативной ситуации производится, как правило, путем соотнесения со знакомой ситуацией, с некоторым хранимым в памяти стандартным ситуативным типом, обеспечивающим когнитивную обработку данной ситуации [5. С. 170]. Одной из структур такого типа является фрейм.

Фрейм – это экономный способ передачи информации, который ускоряет процесс ее обработки и отражает основные моменты близких ситуаций, принадлежащих одному классу [6]. Фрейм помогает собрать воедино рассыпанную на фрагменты эмпирическую реальность, структурировать восприятие мира. Как полагает М. Минский, процесс мышления человека основан на наличии в его памяти большого количества фреймов, из которого человек в зависимости от ситуации отбирает соответствующий [6. С. 14]. Значимым признаком фрейма является то, что это всегда структурированная единица знания, в отличие от концепта, который является неким знанием. Другими словами, концепт может быть систематизирован в виде разных структур: фрейма, скрипта, гештальта или сценария. В данном исследовании инструментом анализа поступка «измена в любви» избрана фреймовая структура, поскольку фрейм – когнитивная структура, которая основана на вероятностном знании и типических ситуациях.

При распознавании объектов и явлений действительности сознание человека опирается на наиболее выделяющиеся элементы, прототипы, вокруг которых группируются все остальные входящие в ту или иную категорию объекты [7. С. 39; 8. С. 185].

Цель данного исследования заключается в выявлении характера категоризации знаний о поступке «измена в любви» в русской лингвокультуре и построении на этой основе лингвокогнитивной модели данного поступка. Теория фреймов и теория прототипов служат инструментами решения этой задачи. Фреймовая структура поступка «измена в любви» ранее не подвергалась анализу, что обуславливает новизну данного исследования. Лексика, обозначающая поступок «измена в любви», исследовалась ранее в следующих аспектах: на материале диалектной лексики [9]; на материале русских народных говоров [10]; как скрипт типичной жизненной ситуации [11]; эвфемистические единицы, актуализирующие «измену в любви» [12].

Новизна исследования, таким образом, также обуславливается включением в исследовательское поле нового предмета и материала для научного анализа. В работе впервые предпринято описание смыслового наполнения концепта «измена в любви», его языковой и речевой репрезентации, а также связанных с данным концептом вербальных ассоциаций в аспекте лингвокогнитивного подхода к анализу значимых феноменов национальной культуры.

Эмпирическую базу исследования образуют имена и глаголы, репрезентирующие поступок «измена в любви» в русском языке. Под поступком в данном исследовании понимается осознанное действие человека, совершающееся в результате реализации мотива, которое всегда получает оценку, а также ведет к определенным последствиям (подробнее о поступке см. [13]). При концептуализации воспринимаемого поступка в сознании остаются только функционально обязательные компоненты, которые соотносятся с прототипом структуры поступка.

Инвариантный фрейм поступка, как показывают проведенные ранее исследования, состоит из элементов «мотив поступка», «агент поступка», «действие как проявление поступка», «оценка поступка» и «результат поступка» [13]. В задачи данной работы входит анализ того, каково содержание и прототипические значения слотов фрейма поступка «измена в любви»; насколько активны/пассивны данные значения в современной речевой практике и ассоциативно-вербальной сети носителей русского языка.

Источниками материала послужили данные толковых, этимологических, синонимических, словообразовательных словарей разных периодов развития русского языка, ассоциативные словари. Для анализа речевого функционирования фрейма поступка «измена в любви» были использованы данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [14] и данные «Русского ассоциативного словаря» (РАС) [15]. Всего было рассмотрено более 1 000 контекстов НКРЯ с лексемами-репрезентантами фрейма «измена в любви»: *измена, неверность, изменник, изменница, изменщик, изменщица, прелюбодей, прелюбодейка, изменить, прелюбодействовать, изменнический, изменнически, неверный, неверная, прелюбодейный*. На материале данных РАС были рассмотрены ассоциативные поля с лексемами-стимулами *измена, изменит, изменить, из-*

менила, изменишь, изменю, а также лексемами-реакциями *измена, изменил, изменила, изменить, изменник, изменники, изменница, измену, измены, изменяет, изменяют* [15].

Отбор языкового материала, составившего эмпирическую базу исследования, проведен методом дефиниционного анализа лексикографических толкований. Для решения задачи моделирования фрейма рассматриваемого поступка (единицы ментального уровня) применяются такие методические процедуры, как анализ языковой (словарной) семантики слов; анализ парадигматических сближений (синонимия); анализ деривационных (словообразовательных) связей; анализ синтагматических свойств (непосредственной сочетаемости). Выбор данных методических процедур объясняется тем, что системно-языковые данные (лексические значения слов, их синонимические и словообразовательные связи) позволяют выявить основные, закрепленные общественной конвенцией элементы фреймовой структуры изучаемого понятия, воссоздать каркас соответствующего фрейма. Семантический анализ, направленный на выявление элементов значения знака, является необходимым преддверием к концептуальному анализу.

Фрейм поступка «измена в любви» по лексикографическим данным

Рассмотрим, каким образом раскрываются компоненты концептуального содержания фрейма поступка «измена в любви» в лексикографических толкованиях выделенных единиц-репрезентантов. *Измена*, в соответствии с «Этимологическим словарем русского языка» Г.А. Крылова, возводится к старославянскому глаголу *измънити* (переменить) ← *мънити* (менять, обменивать) ← *мъна* («замена, возмещение») (1371) [16]. Таким образом, можно выделить идею замещения одного другим, получение другого, отличного от того, что имел. В отличие от предательства, в измене важен не только отказ от того, чем обладал, но и приобретение нового.

В русской лексикографии, отражающей состояние русского языка XVIII и XIX вв., на первом месте для слова *неверный* религиозное значение: «неверный – исповедующий иную веру; не признающий христианского вероучения» [17]; «неверный – непросвещенный божественным учением, христианским благочестием; неисповедующий христианской веры» [18. С. 1293]. В «Толковом словаре русского языка» В. Даля это значение еще сохраняется: «неверный – не исповедующий истинной, чистой веры, непросвещенной словом Божиим, не христианин» [19. С. 411], хотя приводится не в первую очередь. В современных толковых словарях это значение не встречается вовсе или приводится как устаревшее: «неверный – 8. тот, кто исповедует чужую (по сравнению с чье-либо) веру, иную религию» [20. С. 425].

Прелюбодеяние, как отмечает М. Фасмер, связано с глаголами *прелюбодейать, прелюбодействовать*, которые заимствованы из ст.-слав. *прълюбы дъати* (*любы* – любовь) [21], где приставка *пре-* в значении

«через» обозначает незаконную связь, преступное действие (переступить через закон) под влиянием любовного влечения. В Писании слово *прелюбодеяние* использовалось не только в значении любовной связи, но и относительно пристрастия к идолам.

Рассмотрим, отражают ли словарные толкования составляющие, заложенные во внутренней форме данного концепта. Примечательно, что в «Словаре Академии Российской» 1809 г. первое значение лексемы *измена* выражает именно идею обмена одного на другое: «измена – 1. вещь в замену чего служащая» [18. С. 1038]. И в русском языке XVIII в. значение, связанное с изменением, является первостепенным для измены: «измъна – 1. перемена, изменение; 2. нарушение верности кому-, чему-либо, предательство»; «измънить – 1. сделать иным, не таким, как раньше; переменить; 2. [17]. Значение, близкое современному, приводится вторым: «измена – 2. нарушение верности к кому; 3. тоже, что перемена, или произведение» [18. С. 1038]. Данное значение является единственным для номинаций субъекта измены: «изменник, изменница – нарушитель данной присяги, обещания, или должной к кому верности» [18].

БАС, издававшийся с 1950–1965 гг., приводит следующие значения для слова *измена*: «1. предательство, вероломство; 2. нарушение верности в дружбе, любви, супружеской верности; неверность; 3. отказ, отклонение от убеждений, взглядов, разделявшихся прежде, от принятых прежде обязательств» [22]. В издании 2004 г. *измена* получает сходное толкование: «измена – 1. предательство, вероломство; 2. нарушение верности в дружбе, любви, супружеской верности; неверность; 3. отказ, отклонение от убеждений, взглядов, разделявшихся прежде, от принятых прежде обязательств» [23]. На основе этого толкования мы можем сделать вывод, что значение, связанное с поступком, выходит на первый план, по сравнению с ранними толкованиями, где в фокусе внимания находится идея изменения.

В «Большом толковом словаре русских существительных» 2004 г. *измена* получает общее описание, без уточнения объекта поступка: «измена – поступок, характеризующийся нарушением верности, предательством, вероломством» [24. С. 722]. Лексемы *неверность* и *прелюбодеяние* не представлены.

В словаре русского языка под редакцией В.В. Морковкина 2017 г. значение «нарушение супружеской верности или верности в любви, а также сам факт такого нарушения» приводится последним для лексемы *измена*, при этом первые два значения связаны с переходом на сторону противника (предательство, государственная измена) и отказом от сохранения верности тому, что прежде рассматривалось как важное, обязательное (измена убеждениям) [25. С. 379]. Лексемы *неверность* и *прелюбодеяние* не представлены в словаре вовсе.

Анализ данных словарей позволяет выявить смысловую объем концепта «измена в любви» в русской национальной концептосфере: 1. отказ от прежних убеждений, чувств; 2. замена прежнего иным; 3. нарушение верности в любви; 4. поступок против совести;

5. поступок, нарушающий моральный закон; 6. коварный поступок.

Данные словарей синонимов в целом подтверждают выявленные посредством анализа толковых словарей когнитивные признаки концепта «измена в любви». Так, «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (год издания – 1970) включает «измену» в синонимический ряд, доминантой которого является слово *неверность*: «неверность, измена – нарушение верности в супружестве, в любви. Слово *неверность* чаще употребляется в тех случаях, когда говорится о нарушении верности в супружестве» [26. С. 626].

Также синонимический ряд актуализирует связь измены с нечестным поведением: «изменять (кому), обманывать (кого) – нарушать супружескую верность или верность в любви» [26. С. 426]. Значимо, что измена отделяется от предательства через характеристики действия: «изменник – тот, кто нарушает верность кому-, чему-либо; предатель – тот, кто намеренно раскрывает что-либо врагу, враждебной стороне или вероломно выдает кого-либо» [26. С. 424]. В этом смысле *предавать* то же, что *продавать*: «продавать – предавать из корыстных побуждений, или, обманывая чье-либо доверие, руководствуясь корыстными побуждениями, поступать бесчестно по отношению к кому-либо» [26. С. 426]. Важным элементом в данном случае становится мотив поступка (корыстные побуждения), который не свойственен поступку «измена в любви». Однако в «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова (1999) [27] в качестве синонимов лексемы *измена* приводятся, наряду с *неверностью*, также *вероломство* и *предательство*. Связь данных лексем строится на основе значений «нарушение обязательства» и «коварный поступок». Ср.: «вероломство – нарушение обязательства, клятвы, вероломное (коварный, предательский) поведение»; «предательство – предательский (коварный) поступок, поведение, вероломство» [20. С. 362].

Анализ синтагматических связей слова *измена* в русском языке в общем также подтверждает выявленные ранее когнитивные признаки. Стандартная атрибутивная сочетаемость слова *измена* реализует, в первую очередь, его отрицательно-оценочную семантику: *коварная измена, вероломная измена, грязная измена, злая измена, презренная измена, черная измена (черный в значении «отрицательный, плохой»)*. Стандартные контексты *подлая измена, предательская измена, тайная измена, подозревать в измене* реализуют характеристику действия в основе рассматриваемого поступка: это действие, совершаемое тайно; скрываемое от других. На противозаконный характер поступка указывает типичное словосочетание *обвинить в измене*: измена видится как нарушение закона (морального закона).

Модель генитивного словосочетания отражает главных участников ситуации «измена»: *измена невесты, измена мужу, измена жене; изменить тебе/ей/ему*.

Типичные словосочетания *простить измену, заплатить за измену* свидетельствуют о наличии результата рассматриваемого поступка.

По данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова, в структуре словообразовательного гнезда с вершиной *изменить* широко представлены глагольная область и субстантивная область [28]. Глаголы передают идею об однократном поступке (*изменить*) и повторяющемся поведении (*изменять*). Субстантивные дериваты представляют собой два ряда: 1) ряд неодушевленных существительных (*измена, изменничество*), которые обозначают поступок и поведение агента, при этом *изменничество* имеет отчетливо книжный характер; 2) ряд одушевленных существительных (*изменник, изменница, изменщик, изменщица*), которые обозначают представления о людях, совершающих измену и различаются по стилистической принадлежности. Семантика дериватов на базе исходного *изменить* в основном актуализирует большинство из отмеченных ранее когнитивных признаков концепта «измена в любви».

Единица *неверность* входит в словообразовательное гнездо с вершиной *верный*, в структуру которого входят лишь три единицы, актуализирующие рассматриваемый поступок: *неверный, неверная, неверность*. Адъективная область представлена двумя дериватами (*неверный, неверная*), которые характеризуют свойства агента измены.

Гнездо с вершиной *прелюбодей* включает в себя семь производных: *прелюбодейка, прелюбодейство, прелюбодейственный, прелюбодействовать, прелюбодейный, прелюбодейничать*. Синонимичные глаголы *прелюбодействовать, прелюбодейничать* обозначают действие как проявление поступка; неодушевленное существительное *прелюбодейство* вербализует сам поступок; одушевленные существительные *прелюбодей, прелюбодейка* обозначают представления об агентах поступка; оценка поступка и его агента выражена с помощью прилагательных *прелюбодейственный, прелюбодейный*. Из восьми представленных дериватов три являются устаревшими: *прелюбодейственный, прелюбодейный, прелюбодейничать*.

Таким образом, на основе анализа толковых, этимологических, словообразовательных словарей можно реконструировать фрейм поступка «измена в любви». В лексической системе русского языка вербализованы слоты «Агент поступка, его свойства» (*изменник, изменница, изменщик, изменщица, прелюбодей, прелюбодейка*): коварный человек, состоящий в законной связи с другим человеком; «Действие как проявление поступка» (*изменять, прелюбодействовать*): обманное, совершаемое тайно, заключается в нарушении верности и перемене партнера; «Оценка поступка, агента поступка» (*изменнический, изменнически, неверный, неверная, прелюбодейный*): отрицательная. Измена, изначально осмысляемая как поступок, нарушающий закон Божий, в современном языковом сознании видится как нарушение закона морального.

Также выделяется несколько слотов, которые не находят вербального выражения, однако актуализированы в иллюстративных примерах большинства словарей и эксплицированы в стандартных сочетаниях ключевых лексем: «Пациенс поступка»: человек, с которым агент поступка состоит в отношениях/браке (под

Пациентом мы, вслед за О.Н. Ляшевской, понимаем участника ситуации, претерпевающего самопроизвольно или под воздействием другого участника изменения [29]; «Контрагент поступка»: человек, с которым агент поступка вступает в незаконную (с точки зрения морали, общественных норм) связь; «Результат поступка»: существует всегда, определяется в зависимости от конкретной ситуации.

Фрейм поступка «измена в любви» по корпусным данным

Рассмотрим особенности функционирования фрейма «измена в любви» в современных контекстах НКРЯ [14]. Отметим, что в наименьшей степени в контекстах, описывающих измену в любви, используются лексемы *изменнический, изменнически, прелюбодейный, прелюбодейка*. Все остальные единицы по-прежнему употребительны.

Данные НКРЯ демонстрируют активность в речевой практике выявленных ранее когнитивных признаков, при этом в них обнаруживаются некоторые новые когнитивные признаки концепта «измена в любви».

Слот «Агент поступка и его свойства». В современном сознании носителей русского языка четко противопоставлены мужская измена и женская измена. Ср.: «Ну чем помочь маленькой любимой девочке, которая впервые узнала, что такое мужская **измена**?» (И. Смирнова. Прости его – я знаю, ты сумеешь. 2003); «Мужчины полагают, что мужская **измена** – ерунда, а женская – «ах, ох, она мне **изменила!**» (Е. Колина. Дневник измены. 2011).

Современные контексты репрезентируют базовые характеристики агента поступка, выявленные ранее по данным словарей. Агентом поступка может быть любой человек, состоящий в законной связи с другим человеком, о чем свидетельствует словосочетание *супружеская измена*, а также современные контексты: «*Ведь измена – это уж точно такой грех, который себе позволяют все*» (Е. Колина. Дневник измены. 2011).

Кроме базовых когнитивных признаков агента измены, в русском языковом сознании за последние двадцать лет обнаруживаются признаки, не отмеченные в словарях, но проявляющиеся в речевой практике современного русского общества. К одному из таких признаков агента измены можно отнести финансовое благополучие: «*Почему богатые мужики чаще **изменяют** своим женам? Секрет семейного счастья*» (Т. Мартынов. Smart-Lab. 2020); «*Ученые: богатые чаще бедных **изменяют** и жульничают. Большие деньги портят человека*» (А. Ковальский. Наука. 2020).

Осторожность – еще один признак, который актуализирован в контекстах, описывающих изменника: «*Его шагов не было слышно. Вкрадчивый, он переносился будто по воздуху. Многолетняя практика **измены** сделал его невидимым и неслышимым – настолько, насколько это возможно для живого человека*» (К. Сурикова. Ира-дура. 2003).

В рамках анализа слота «Агент поступка, его свойства» важно отметить частотность прилагательного

настоящий в рассматриваемых контекстах: оно призвано передавать идею соответствия того или иного действия требованиям, которым должны удовлетворять действия, оцениваемые в результате как измена. Значимой характеристикой настоящей измены, судя по современным контекстам, является состояние, в котором пребывает агент поступка – агент настоящей измены непременно должен быть влюблен в контрагента: «*Полина думала, что у них была любовь, а он отвечал ей из неловкости. Это была не измена, не настоящая **измена**, а просто ответная реакция на Полину, ему было проще уступить, чем объяснить ей, что она ему не нужна*» (Е. Колина. Дневник измены. 2011); «*Я изменял Еве. Но это не было настоящей **изменой**. Я никогда ни об одной из этих женщин не думал так, как о Еве. Я любил их лишь телом. Но душа принадлежала только ей*» (Н. Трофимова. Третье желание. 2003).

Слот «Действие как проявление поступка». Большинство контекстов НКРЯ актуализируют признак «действие совершается тайно», выявленный по данным языковой экспликации концепта в лексикографических источниках, парадигматических, синтагматических связях: типичные словосочетания *заподозрить / подозревать / подозрения в измене, поймать на измене, уличить / убедиться в измене, скрывать измену, доказательство / разоблачение измены, измена вскрылась*. Ср.: «*Когда вскрылась **измена**, мать мольбами и стонами вымаливала у мужа снисхождения*» (А. Григоренко. Мэбэт. 2011); «*Каждый раз, когда я уходила гулять без него, он подозревал меня в **измене***» (колл. форум Нижегородка. 2014); «*Вначале Георгий обдуманно скрывал **измену***» (В. Букур. Н. Голованова. Белый кофе. 2013) – измена обнаруживается, вскрывается, разоблачается, что явно указывает на секретный характер действия.

К признакам, не отмеченным в словарях, но актуализированным во многих современных контекстах, можно отнести повторяемость действия, а также наличие постоянного партнера вне семьи, т.е. однократная измена не осознается как измена вовсе: «*Мучилась из-за измены мужа, пока сама не изменила ему. Вернее, пока не поняла, что это не **измена**. Курортный роман*» (М. Шишкин. Венерин волос. 2004); «*Дамы никогда не тушат пожар два раза одним и тем же таксистом. Потому что два раза с одним – это уже **измена**. А один раз – просто трагическая ошибка*» (Слава Сэ. Другие опусы. 2010); «*В своем журнале для мужчин она не раз писала о том, что случайная связь **изменой** считается не может*» (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда». 2004) – в фокусе внимания оказывается непреднамеренность действия, его случайный характер, что как бы выводит измену из категории поступков, которые и отличаются от действий обязательным наличием мотива и оценкой.

Современные контексты репрезентируют «новый» тип измены – виртуальную измену: «*Участились скандалы и разводы из-за бесконечных электронных “туров” супруга в другие измерения и коварных виртуальных **измен***» (И. Андреев Куда нас тащит сеть? Азы социальной интернетки. 2008).

Слот «Пациенс поступка». Пациенс поступка, в соответствии со словарными толкованиями, предполагает человека, с которым агент поступка связан узами брака или просто близкими отношениями.

Контексты НКРЯ позволили выявить дополнительные признаки данного элемента в структуре поступка «измена в любви». Отметим противоречивость некоторых признаков: с одной стороны, пациенс поступка не знает наверняка об измене (поскольку поступок совершается в тайне), но всегда чувствует неладное: «Супруга не может не знать об **измене**, что бы в паре не говорили себе и друг другу» (А. Цветкова. Трое без времени. 2012); «Женщина чуёт **измену** по тому, как необычно подъезжает к остановке троллейбус» (Слава Сэ. Другие опусы. 2010); с другой стороны, пациенс поступка не догадывается об измене и всегда узнает о ней последним: «Просто все замечали в поведении Алексея нечто необычное, а я – нет. Как будто была уверена, что со мной ничего подобного не произойдет... Но это же банально – **измена** мужа!» (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда». 2004); «Игорь попытался прикинуться удивленным **изменой** жены Рината. – Да ладно тебе, – весь отдел знает, а ты не знаешь» (А. Сальников. Отдел. 2015).

Пациенс измены характеризуется в современной речевой практике как человек, вызывающий жалость, как жертва ситуации: «Несправедливость **измены** заключается в том, что обманутый и так, в общем, наказан неизвестно за что. Плюс методично уничтожает себя ревностью с такой силой, как будто самый ненавистный теперь ему человек на свете – это он сам» (А. Геласимов. Рахиль. 2003); «Влюбленный всегда смешон. Ну а уж покинутый – так просто жалок. Лопух. Тонны картин и тысячи книг не удержат женщину от **измены**» (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь. 2009).

Слот «Контрагент поступка». Наиболее часто эксплицированным контрагентом измены (тем, с кем агент поступка вступает в незаконную связь) в современных контекстах является человек, близкий пациенсу поступка, например, друг/подруга или родственник/родственница. Ср.: «Докопались и до **измены** мужа с родственницей» (М. Трауб. Замочная скважина. 2012); «И если появляется молодой человек, сразу прекращать всякое общение с подружками? Ну почему они выбирают самый больной объект для **измен**?» (колл. форум Женщина + мужчина: психология любви. 2004).

Слот «Оценка поступка, агента поступка». На значимость элемента «оценка» в структуре фрейма «измена в любви» указывает, в первую очередь, то, что измены поддаются исчислению, т.е. участник ситуации как бы закрепляет, фиксирует поступок в своей памяти, отсюда частотные контексты типа *первая измена, многочисленные измены, вереница измен, первая и последняя измена* и т.д. Ср.: «То было первое в моей жизни предательство, первая **измена**» (В. Давыдов. Театр моей мечты. 2004).

Прототипической для измены является отрицательная оценка. Это находит подтверждение и в современных контекстах, где измена встречается в одном ряду с отрицательно-оценочными лексемами: «Но

*жить в нем было плохо, счастья у людей не было, поэтому были супружеские **измены** и прочие неприятности*» (И. Кон, О. Балла. Человек с птичьего полета. 2010); «Нина Ивановна стояла красная. Точно пойманная на нехорошем, на **измене**» (В. Шапко. Графомания как болезнь моего серого вещества. 2012); в контекстах, где эксплицирована эмоциональная отрицательная оценка: «*Может, я еще молодая жена (в смысле браку нашему 4 года только), но для меня **измена** – это грязь*» (колл. форум Женщина + мужчина: Брак. 2004); «*Что еще может быть более мерзким. Супружеская **измена** на семейном ложе*» (В. Кузнецов. Часовой. 2013).

Важным направлением процесса обогащения концептуального содержания измены является переосмысление традиционной для этого концепта негативной оценочности. Речь, конечно, идет о «речевой оценке», выражающей разнообразные коммуникативные намерения говорящего. На базе формирующегося в русской культуре понимания измены как прощительной человеческой слабости, незначительного греха, развивается положительная оценочность для некоторых «видов» измены. Речь идет о том, что измена может рассматриваться, во-первых, как незначительный проступок, во-вторых, как нечто хорошее в определенных условиях, когда снимается его исконное толкование в качестве разрушительного начала. Поэтому концепт «измена в любви» в современном национальном сознании получает два вектора оценочности: положительный и отрицательный. Ср.: «*Супружеские **измены** в наше время обычно рассматриваются как некие “шалости”*», и *сильные мужчины в этих ситуациях нередко прибегают к особой мужской привилегии – прощать*» (колл. форум: Что сводит с ума? 2010); «*Сейчас все пишут, что **измена** и предательство – это в принципе нормально? Левак укрепляет брак*» (колл. форум. Мне 75. И я еще нужен. 2010); «*Современный человек почти не знает, что означает слово “верность”*». *Измена* давно не считается чем-то из ряда вон выходящим. Так, забавное приключение» (И. Давыдов. Боль, пустота, верность. 2012).

Измена нередко характеризуется как незначительный грех: «*Есть два типа адюльтера, к которым общество относится с величайшей снисходительностью – хотя снисхождения, по общему мнению, заслуживает любой **прелюбодей**; **прелюбодеяние** – это младший грех, грешок*» (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия. 2008); «*Супружескую **измену** не считала таким уж большим грехом, зато предательство в рабочем вопросе не прощала*» (М. Трауб. Плохая мать. 2010).

Примечательно, что выделяются разные типы положительной оценки измены в современных контекстах НКРЯ: умная измена, правильная измена. Например, «*Не будь ковриком, о который вытирают ноги. Ни ковриком, ни половой тряпкой, ни персидским ковром. Помни: умная **измена** не оставляет следов*» (М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь. 2007); «*Я так и думала – прогулки, концерты и театры с Максимом – это не та **измена**, которая портит отношения в семье, а наоборот, правильная измена, полезная, измена,*

которая улучшает отношения в семье» (Е. Колина. Дневник измены. 2011); «Итак, первый тип общественно оправданного, умственно “обмятого”, “узаконенного” **прелюбодения** – это “адольтер-отдушина”» (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия. 2008).

Слот «Результат поступка». В лексикографических источниках результат измены очерчен лишь в общих чертах: измена всегда имеет последствия, но они зависят от определенной ситуации. В современных контекстах НКРЯ данный элемент актуализирован в большей степени по сравнению с другими слотами рассматриваемого фрейма.

В первую очередь отметим сходство в репрезентации результата поступка «измена в любви» на материале лексикографических источников и контекстов НКРЯ: измена всегда приводит к серьезным последствиям, при этом в современных контекстах уточняется деструктивный характер таких последствий. Ср.: «Ее героиня переживает глубокую личную драму унижения и боли от **измены** любимого мужа...» (Душа в беде и боли созревает. 2004); «Узнав об **измене** мужа, Элеонора попыталась покончить с собой» (Или весенняя то негя?.. Или то женская любовь? 2011).

В современном языковом сознании дифференцированы результат для агента поступка и для пациенса поступка. Для агента поступка, в основном, эксплицированы три разных по оценке результата:

1) состояние удовлетворения, счастья: «*Вот я прихожу домой от любовника умиротворенная. После **измены** снова нежна к мужу*» (М. Шишкин. Письмовник. 2009);

2) состояние стыда, угрызения совести: «*Смерть жены была огромной утратой для Мосли – несмотря на беспрерывные **измены**, он любил ее и к тому же испытывал угрызения совести за нанесенные ей обиды*» (А. Харитонова. Прекрасная леди Гитлера и Черчилля. 2003); «*Сотрудник объясняет, какие потери понесла **изменница**: мало того что она раскаивается, так еще и думает об этом, переживает*» (С. Скарлош, О. Цыбульская. Покаяние оптом и в розницу. 2010);

3) наказание, месть со стороны пациенса поступка или третьего лица (контексты, актуализирующие данный признак, преобладают): «*Может, брат действительно убил брата, а жене потом отомстил за **измену**?*» (А. Слаповский. Большая книга перемен. 2010); «*Якобы родственники сообщили Алмазу о **неверности** его невесты, и тот бросился с оружием, дабы наказать обидчика*» (А. Хохлов, Позарез. Российская армия нуждается в глобальных переменах. 2002).

Для пациенса поступка актуализированы следующие последствия измены: 1) состояние горя, страдания; 2) прощение агента поступка. Ср.: «*Когда Надя узнала об **измене** мужа (с Хрусталевой), несколько дней плакала*» (В. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко. 2016); «*Это известно, как и то, что Герцен тяжело переживал **измену** жены*» (колл. форум: Размышления на могиле Герцена. 2012); «*Прощая измены и обиды, Бонапарт по-прежнему продолжал любить ее всем сердцем*» (Н. Малыхина. Бонапарт и его окружение. 2006).

Примечательно, что рассматриваемый поступок вызывает неоднозначную реакцию относительно его результата, поскольку встречается приблизительно одинаковое количество контекстов, в которых отмечается, что измену следует простить (в речи частотны сочетания *закрывать глаза на измену, смириться с изменой*) и те, в которых измена описывается как непростибельный поступок: «*Не понимаю, как можно простить **измену**?!*» (А. Макарьева. Почему все лучше всех. 2018); «*Заранее прощала ему все, что могло случиться. Полина не верила: – Быть не может! То есть и любые **измены** простишь, если будут? – Да, постараюсь не знать, но если узнаю, ничего ему не скажу*» (А. Слаповский. Большая книга перемен. 2010).

Значимым результатом поступка «измена в любви» является разрыв отношений: «*Ирина решила гнать **неверного** мужа из дома*» (В. Токарева. Своя правда. 2002); «*В действительности от измен страдали и мужчины, и женщины. По данным реальных бракоразводных дел рубежа 1950–1960-х годов, на первом месте в ряду причин расторжения семейных уз (28%) стояла супружеская **неверность***» (Н. Лебина. Мужчина и женщина. Тело, мода, культура. СССР – оттепель. 2014).

В результате анализа фрейма «измена в любви» по данным НКРЯ был выделен слот «Мотив поступка», который не актуализирован в лексикографических источниках.

Слот «Мотив поступка». Осмысление мотива поступка происходит в следующих направлениях:

1) признается отсутствие значимого мотива: «*А его поступки – пьянство, **измены** горячей любимой жене – воспринимаются как немотивированные*» (В. Суриков. Живописец в глубине пейзажа. 2015);

2) агент склонен к изменам: «*Нина хочет расстаться с Юрой Гаприндашвили, потому что он якобы сильно склонен к **изменам***» (И. Сахновский. Ревнивый бог случайностей. 2003); «*Допустим, некто склонен к супружеской **неверности**. На людях он будет подчеркнуто внимателен к жене, нежен, обходителен с нею – лишь для того чтобы при удобном случае в очередной раз **изменить** ей*» (Иеромонах Макарий. О духовной жизни и прелести. 2010);

3) агент движим злыми намерениями: «***Измены** для него – сладкая месть, поэтому он непременно доведет их до сведения партнера*» (И. Соловьева. Измены нет: любовь – одна. 2010);

4) агент не удовлетворен отношениями с пациенсом (контексты выражающие данную идею превышают все остальные): «*В первую очередь именно психологические, а не сексуальные мотивы толкают на **измену***» (И. Соловьева. Измены нет: любовь – одна. 2010); «*Раз уж Алексей завел любовницу, то, скорее всего, их отношения оставляют желать лучшего. **Неверность** – симптом дисгармонии в браке*» (Т. Тронина. Никогда не говори «Навсегда». 2004).

Таким образом, измена в современном русском языковом сознании мыслится как поступок, который видится разными участниками и наблюдателями ситуации по-разному, что и объясняет наличие многообразия актуализированных признаков поступка.

С точки зрения агента измены, в основе поступка лежит возвышенное чувство (любовь/влюбленность / привязанность), которое отсутствует/утрачено в отношениях с пациентом. Это ведет к пониманию измены не как чего-то однократного, случайного и сиюминутного, а повторяющегося и значимого. При этом, агент измены, понимая истинную порочную подоплеку подобного поведения (что выливается в необходимость скрывать поступок, действовать тайно), испытывает неоднозначные чувства: от удовлетворения и радости до стыда и раскаяния.

Относительно пациента измены в большей степени эксплицированы результат поступка (чувство оскорбления/страдания; готовность/неготовность простить; разрыв отношений), оценка поступка (всегда отрицательная), мотив поступка (склонность агента к таким поступкам; злые намерения агента; неудовлетворенность отношениями). Пациент репрезентирован в современном дискурсе неоднозначно: пациент не знает об измене агента наверняка, но всегда чувствует; пациент не подозревает об измене наверняка и узнает последним. В целом пациент представлен в дискурсе как жертва, как человек, вызывающий жалость.

В современном дискурсе также очерчены признаки контрагента поступка: в большинстве контекстов речь идет о близком пациенту поступка человеке.

Примечательно, что в современном русском языковом сознании выделяется еще один слот – «Мотив поступка», который занимает важное место в структуре данной ситуации.

Повышение «оценочного регистра» (термин Т.Б. Радбиля) для этого концепта в современной русской речи связано с тем, что измена трактуется как простительная человеческая слабость, незначительная шалость и не подлежит отрицательной оценке – в таком понимании измена не равна предательству. Второе – это приобретение некоторыми «видами» измены положительно-оценочной коннотации на базе представления о мимолетности, однократности, несерьезности поступка (в данном случае поступок равен действию). Отметим, что исконно данному концепту в русском национальном сознании присуща негативная оценочность.

Фрейм поступка «измена в любви» по ассоциативным данным

Ассоциативные данные позволили выявить те же слоты, которые актуализированы в современном речевом материале, а также сходные характерные признаки данных слотов. Рассмотрим каждый слот подробнее.

Слот «Агент поступка, его свойства». Данный слот актуализирован в ассоциативных реакциях, главным образом обозначающих пол изменника: 16 ассоциатов со значением «изменница», 13 ассоциатов со значением «изменника». Ср.: измена → жена 2, женская 1, женщина 1; изменила → жена 5, девка 1, девушка 1; изменит → женщина 1; изменить → жена 2, девушка 1, женщина 1; изменил → муж 2, любимый 1; изменит → муж 4, мужчина 1, юноша 1; изменить → муж

4. Данные выводы можно сделать и на материале стимулов, на которые были даны реакции, связанные с изменой: S: муж 5, жена 3, мужья 2, о мужьях 2, жены 1, подруга 1.

В стимулах также находит выражение идея о том, что изменник – тот, кто постоянно находится в поиске чувственных наслаждений (S: *Дон Жуан 1, повеса 1*).

Слот «Пациент поступка». Данный слот представлен в ассоциативных реакциях в наибольшей степени (всего выделено 106 ассоциатов, что значительно превышает число ассоциатов, актуализирующих все остальные слоты). Ассоциативные реакции, зафиксированные на стимулы *измена, изменил, изменила, изменит, изменить, изменишь*, примерно в равной степени распределяются между пациентом мужского и женского рода, а также обращают внимание на близкие отношения между агентом и пациентом поступка: измена → жене 2; изменил → жене 13; изменила → мужу 9, любимому 1; изменит → жене 1; изменить → мужу 34, жене 28, любимому 5, любимой 2, женщине 1, парню 1, подруге 1, супругу 1; изменишь → жене 3, мужу 2. Ср.: *измена, изменить* в качестве реакций на стимулы *с кем-то, мужу*. Отметим, что признак «любимый человек» практически не актуализирован в речевом материале: в современном дискурсе основное внимание сосредоточено на чувствах и догадках пациента измены.

Слот «Контрагент поступка» обозначен в вербальных ассоциациях лишь в общем виде: изменила → с другим 1, изменить → любовница 1.

Слот «Действие как проявление поступка». Реакции на стимулы *измена, изменил, изменить, изменишь* достаточно полно раскрывают суть измены. Во-первых, ассоциаты конкретизируют действия агента, которые заключаются в уходе от партнера: изменил → бросил 1, ушел 1; изменила → ушла 8, бросила 1; изменить → уйти 2. Во-вторых, ассоциаты вскрывают то, в чем именно заключается измена, ее физиологическую сторону: измена → ложе 1; изменил → переспал 1; изменить → постель 1. Ассоциаты также показывают, что в основе измены лежит обман: измена → вранье 1; изменила → наврала 1; изменить → обмануть 3, лгать 1, обман 1 ср. также S: обман 6; изменишь → обманешь 1. Измена совершается втайне от партнера и оценивается как нечто неожиданное: измена → неожиданная 2, неизвестно 1; S: неожиданный 1; изменить → проверить 1; измена выходит за рамки заурядного поведения: изменила → решилась 1.

Слот «Оценка поступка, агента поступка». В ассоциативных реакциях и стимулах преобладает отрицательная оценка измены, при чем выделяется достаточно много реакций, выражающих эмоциональную отрицательную оценку. Ср.: измена → жестокая 2, подлость 2, страшная 2, жаль 1, злая 1, коварная 1, конец жизни 1, подлая 1, противно 1, сволочь 1, страшно 1, черная 1, это очень плохо 1; изменил → боже! 1, дурак 1, сволочь 1; изменила → сволочь 2, дрянь 1, дура 1, нахалка 1, нехорошо 1, черт возьми 1; изменит → напрасно 1, негодяй 1; изменить → плохо 2, подлость 2; S: грех 1, коварный 1, мерзость 1, неправильно 1, подонок 1.

Нейтральная и положительная оценка также выявляется в ассоциатах, но в меньшей степени: *измена → не страшна 1*; *изменила → ну и что 3, ну и ладно 1, правильно сделала 1, хорошо 1*. Реакция *умна* на стимул *изменила* выражает положительную оценку агента поступка.

Слот «Результат поступка». Отметим, что многие ассоциативные реакции, зафиксированные в РАС, созвучны смыслам, актуализированным в современных контекстах. В основном, ассоциаты отражают отношение пациента к рассматриваемому поступку: *измена → непростительна 1, не прощается 1*. Большинство реакций свидетельствуют о страдании, которое приносит измена: *измена → боль 2, горе 2, беда 1, горечь 1, горькая 1, огорчение 1, печаль 1, тяжело 1*; *изменил → боль 1*; *изменить → слезы 1*; *изменишь → мне – умру 1*. Подчеркивается значимость поступка, которая проявляется в неизбежных переменах, которые он влечет: *измена → все изменяется 1*; *изменить → трагедия 1*. В ассоциатах отражена активная реакция пациента поступка: *изменит → убью 1*; *изменишь → убью 1*. В качестве результата измены упоминается разрыв отношений: *измена → развод 1, разрыв 1*; *изменит → и уйдет 1, уйдет 1, уйти 1*. Единичные реакции высвечивают последствия для агента поступка: *изменишь → покаешься 1*.

Слот «Мотив поступка». Данный слот представлен в ассоциативных реакциях, которые все указывают на один основной мотив агента поступка. Измена совершается по причине угасания чувств агента к своему партнеру и возникновению чувств к контрагенту поступка. Ср.: *изменил → разлюбил 2, полюбил 1*; *изменила → полюбила 1, полюбила другого 1*; *изменит → полюбит 1*; *изменить → полюбить 2, любить 1*; *изменишь → любовь 2, разлюбишь 2*. На то, что поступок был спланирован, указывает стимул *нарочно → измена*.

Заключение

В целом языковые, дискурсивные и ассоциативные данные позволяют сделать следующие выводы о фреймовой организации поступка «измена в любви».

В системе русского языка вербализованы в виде специальных лексем слоты «Агент поступка, его свойства»; «Действие как проявление поступка»; «Оценка поступка, агента поступка». В словарных толкованиях и иллюстративных примерах также эксплицированы слоты «Пациент поступка»; «Контрагент поступка»; «Результат поступка». Содержание выявленных слотов раскрывается в словарных толкованиях следующим образом: *измена*, изначально осмысляемая как поступок, нарушающий закон Божий, в современном языковом сознании видится как нарушение морального закона. Изменник – коварный человек, состоящий в законной связи с другим человеком, обманывает его, в тайне нарушая верность. Поступок оценивается отрицательно.

В русском современном дискурсе актуализированы все выявленные слоты, а также слот «Мотив по-

ступка», который не эксплицирован на системно-языковом уровне. Кроме обозначенных ранее признаков поступка, в дискурсе находят выражение дополнительные характеристики. Измена осознается как поступок, который, с точки зрения агента этого поступка, имеет в своей основе любовь, которая была утрачена в отношениях с пациентом поступка. Измена в таком ракурсе видится как нечто значимое и возвышенное, при этом в пресуппозиции имеется представление о порочной сути подобного поведения, что объясняет необходимость скрывать поступок: все это выливается в целый комплекс чувств, который испытывает агент поступка (от удовлетворения и радости до стыда и раскаяния). Результат поступка в речи очерчен более развернуто, по сравнению со словарными определениями, особенно в отношении пациента поступка. Пациент поступка испытывает чувство оскорбления, страдает, колеблется от желания простить и невозможности сделать это. Типичным результатом измены является разрыв отношений между агентом и пациентом.

Контрагент поступка представлен в современном дискурсе как человек, близкий пациенту поступка. Неоднозначно репрезентирован пациент поступка: он/она не знает об измене агента наверняка, но всегда чувствует; он/она не подозревает об измене наверняка и узнает последним. Пациент представлен как жертва ситуации.

Из современных контекстов становится очевидной важность слота «Мотив поступка»: обсуждаются разные мотивы, включая злые намерения агента/его склонность к такому поведению, неудовлетворенность агента существующими отношениями.

Обращает на себя внимание то, что при свойственной данному концепту исконной отрицательной оценке, некоторые «виды» измены приобретают положительнооценочную коннотацию на базе представления об однократности и несерьезности поступка (поступок оценивается как незначительный грех, шалость).

Русские ассоциативные данные подтверждают выводы, сделанные в ходе лексикографического и дискурсивного анализов, при этом показывают, какая сторона данной ситуации находится в наибольшем и наименьшем фокусе внимания. Судя по количеству ассоциатов, ядерным элементом данного фрейма является слот «Результат поступка», наименее значимым – слот «Контрагент поступка». Остальные слоты актуализированы примерно одинаковым количеством ассоциатов. По сравнению с современными контекстами НКРЯ в ассоциативном материале слоты фрейма «измена в любви» очерчены в общих чертах, при этом большинство реакций высвечивают сходные признаки и свойства элементов данной ситуации. Агент поступка – мужчина или женщина. Пациент поступка – любимый(ая) мужчина/женщина. Контрагент поступка – любовница. Действие в основе данного поступка заключается в уходе от партнера, физической связи с контрагентом, характеризуется как нечестное и совершаемое тайно. Для пациента поступок является неожиданным. Поступок оценивается как отрицатель-

ный, значительно реже – как положительный. Результат очерчен в основном применительно к пациенту поступка. Эксплицированы негативные чувства, которые испытывает пациент, желание расправиться с агентом и неготовность простить измену. Одним из результа-

тов является разрыв отношений. В отличие от дискурсивных примеров, ассоциативные данные высвечивают вполне определенный мотив измены, а именно утрата любви к пациенту поступка и возникновение любви к контрагенту поступка.

Список источников

1. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
2. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта, 2014.
3. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
4. Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж, 2003.
5. Бочкарев А.Е. Семантический словарь. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2003.
6. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
7. Smith E.E., Medin D.L. *Categories and Concepts*. Cambridge, 1981. P. 260–272
8. Geeraerts D. *Theories of Lexical Semantics*. Oxford, 2010.
9. Малькова Я.В. Соперничество любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. Вып. 3. С. 47–56.
10. Кучко В.С. Русская диалектная лексика со значением измены в любви: семантико-мотивационный аспект // Славянский альманах. 2017. № 3-4. С. 479–498.
11. Осетрова Е.В., Челушкина М.В. «Роман» и «конфликт» как типы медийных скриптов: интенсификация оценки (на материале журнала «Караван историй») // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 293–301.
12. Бушуева Л.А. Фрейм поступка «измена в любви» и его эвфемистические репрезентации в русской и английской лингвокультурах // Научный диалог. 2021. № 7. С. 45–60.
13. Бушуева Л.А. Категории поступков и их лингвокогнитивное моделирование. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019.
14. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 15.05.2022).
15. Русский ассоциативный словарь (РАС) / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель, 2002.
16. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка URL: www.lexicography.online.ru (дата обращения: 13.03.2022).
17. Словарь русского языка XVIII века. / под ред. Ю.С. Сорокин. СПб.: Наука, 1997. URL: <https://iling.spb.ru/> (дата обращения: 13.03.2022).
18. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Т. 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1809.
19. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2002.
20. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988.
21. Этимологический словарь Макса Фасмера. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения: 15.05.2022).
22. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. URL: <https://iling.spb.ru/> (дата обращения: 08.04.2022).
23. Большой академический словарь русского языка / под ред. К.С. Горбачевич. СПб.: Наука, 2004. URL: <https://iling.spb.ru/> (дата обращения: 08.04.2022).
24. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТПРЕСС КНИГА, 2005.
25. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века, 2017.
26. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 1: А–Н / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Астрель, 2003.
27. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. URL: <https://synonym.slovaronline.com/> (дата обращения: 15.05.2022).
28. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. I. М.: Русский язык, 1985.
29. Кашкин Е.В., Ляшевская О.Н. Семантические роли и сеть конструкций в системе FrameBank // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2013. № 12 (19). С. 325–343.

References

1. Kubryakova, E.S. (1997) *Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Parts of Speech from a Cognitive Perspective]. Moscow: [s.n.].
2. Golovanova, E.I. (2014) *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction to Cognitive Terminology]. Moscow: Flinta.
3. Doroshevskiy, V. (1973) *Elementy leksikologii i semiotiki* [Elements of Lexicology and Semiotics]. Moscow: Progress.
4. Boriskina, O.O. & Kretov, A.A. (2003) *Teoriya yazykovoy kategorizatsii. Natsional'noe yazykovoe soznanie skvoz' prizmu kriptoklassa* [A theory of Linguistic Categorization. National linguistic consciousness through the prism of the cryptoclass]. Voronezh: Voronezh State University.
5. Bochkarov, A.E. (2003) *Semanticheskiy slovar'* [Semantic Dictionary]. Nizhny Novgorod: DEKOM.
6. Minskiy, M. (1979) *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for Representing Knowledge]. Moscow: Energiya.
7. Smith, E.E. & Medin, D.L. (1981) *Categories and Concepts*. Cambridge, MA: Harvard University Press. pp. 260–272.
8. Geeraerts, D. (2010) *Theories of Lexical Semantics*. Oxford: Oxford University Press.
9. Mal'kova, Ya.V. (2019) Soperничество lyubvi v zerkale dialektnoy leksiki (na materiale govorov Russkogo Severa) [Rivalry of love in the mirror of dialect vocabulary (based on the dialects of the Russian North)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 3 (11). pp. 47–56.
10. Kuchko, V.S. (2017) Russkaya dialektnaya leksika so znacheniem izmeny v lyubvi: semantiko-motivatsionnyy aspekt [Russian dialect vocabulary with the meaning of betrayal in love: semantic and motivational aspect]. *Slavyanskiy al'manakh*. 3–4. pp. 479–498.
11. Osetrova, E.V. & Chelushkina, M.V. (2016) “Roman” i “konflikt” kak tipy mediynykh skriptov: intensifikatsiya otsenki (na materiale zhurnala “Karavan istoriy”) [“Novel” and “conflict” as types of media scripts: intensification of evaluation (based on the material of the Karavan Istoriy magazine)]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2. pp. 293–301.
12. Bushueva, L.A. (2021) Freym postupka “izmena v lyubvi” i ego evfemisticheskie reprezentatsii v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh [Frame of the act “betrayal in love” and its euphemistic representations in Russian and English linguistic cultures]. *Nauchnyy dialog*. 7. pp. 45–60.
13. Bushueva, L.A. (2019) *Kategorii postupkov i ikh lingvokognitivnoe modelirovanie* [Categories of Actions and Their Linguocognitive Modeling]. Nizhny Novgorod: National Research State University of Nizhny Novgorod named after N.I. Lobachevsky.
14. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. (n.d.) [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (Accessed: 15.05.2022).
15. Karaulov, Yu.N. et al. (eds) (2002) *Russkiy assotsiativnyy slovar' (RAS)* [Russian Associative Dictionary (RAS)]. Moscow: Astrel'.

16. Krylov, G.A. (n.d.) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] [Online] Available from: www.lexicography.online.ru (Accessed: 13.03.2022).
17. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1997) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Saint Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <https://iling.spb.ru/> (Accessed: 13.03.2022).
18. Imperatorskaya Akademiya nauk [Imperial Academy of Sciences]. (1809) *Slovar' Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poryadku raspolozhenny* [Dictionary of the Russian Academy, arranged in alphabetical order]. Vol. 2. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk.
19. Dal', V.I. (2002) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Modern version]. Moscow: Eksmo.
20. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Rus. yaz.
21. GUFO.ME. (n.d.) *Etimologicheskii slovar' Maksa Fasmera* [Etymological Dictionary of Max Vasmer]. [Online] Available from: <https://gufo.me/dict/vasmer> (Accessed: 15.05.2022).
22. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1956) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Moscow; Leningrad: USSR AS. [Online] Available from: <https://iling.spb.ru/> (Accessed: 08.04.2022).
23. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2004) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <https://iling.spb.ru/> (Accessed: 08.04.2022).
24. Babenko, L.G. (ed.) (2005) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy* [Large Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic description. Synonyms. Antonyms]. Moscow: ASTPRESS KNIGA.
25. Morkovkin, V.V. (ed.) (2017) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [Large Universal Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Slovare XXI veka.
26. Evgen'eva, A.P. (ed.) (2003) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Astrel'.
27. SLOVARonline. (n.d.) *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy* [Dictionary of Russian Synonyms and Similar Expressions]. [Online] Available from: <https://synonym.slovaronline.com/> (Accessed: 15.05.2022).
28. Tikhonov, A.N. (1985) *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [Word-Formation Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
29. Kashkin, E.V. & Lyashevskaya, O.N. (2013) Semanticheskie roli i set' konstruktivnykh v sisteme FrameBank [Semantic roles and network of constructions in the FrameBank system]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. 12 (19). pp. 325–343.

Информация об авторе:

Бушуйева Л.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры зарубежной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: sebeleva@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.A. Bushuyeva, Dr. Sci. (Philology), professor, Lobachevsky University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: sebeleva@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.06.2022;
одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 21.06.2022;
approved after reviewing 03.03.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 81'23
doi: 10.17223/15617793/492/2

Влияние фактора нёбного сингармонизма на визуальное распознавание слов халха-монгольского языка: пилотажное исследование

Михаил Сергеевич Власов^{1, 2}, Владимир Иванович Павлов³, Тумээ Одончимэг^{4*}

¹ Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, Бийск, Россия

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

³ Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия

⁴ Ховдский филиал Монгольского государственного университета, Ховд, Монголия

^{1, 2} vlasov@bigpi.biysk.ru

³ vladimirvip2006@mail.ru

⁴ odonchimeg.t@num.edu.mn

* Автор для корреспонденции

Аннотация. Проведено экспериментальное исследование влияния фактора нёбного сингармонизма на скорость распознавания слов халха-монгольского языка в задаче лексического решения. Помимо эффекта частотности слова в качестве значимого фиксированного эффекта, определяющего скорость распознавания лексических единиц, выявлен фактор нёбного сингармонизма: «женские слова» (с палатальной гармонией гласных) распознавались значительно быстрее, чем «мужские слова» в среднем на 203 мс.

Ключевые слова: нёбный сингармонизм, халха-монгольский язык, визуальное распознавание слов, задача лексического решения

Благодарности: авторы благодарят преподавателей Ховдского государственного университета Г. Нямдаву, Д. Ундарму, Б. Нямжава за помощь в организации эксперимента.

Для цитирования: Власов М.С., Павлов В.И., Одончимэг Т. Влияние фактора нёбного сингармонизма на визуальное распознавание слов халха-монгольского языка: пилотажное исследование // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 16–22. doi: 10.17223/15617793/492/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/2

Palatal vowel harmony effect on visual word recognition in Khalkha-Mongolian: A pilot study

Mikhail S. Vlasov^{1, 2}, Vladimir I. Pavlov³, Tumees Odonchimeg^{4*}

¹ Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russian Federation

² Perm State University, Perm, Russian Federation

³ National University of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia

⁴ Khovd Branch of the National University of Mongolia, Khovd, Mongolia

^{1, 2} vlasov@bigpi.biysk.ru

³ vladimirvip2006@mail.ru

⁴ odonchimeg.t@num.edu.mn

* Corresponding author

Abstract. The study is focused on palatal vowel harmony effect on word recognition time in Khalkha-Mongolian native speakers during the lexical decision task. The study involved 26 native speakers of Khalkha-Mongolian living in the Khovd province of Mongolia (females (n=17) and males (n=9); mean age=21.8; SD=6.9). Experimental blocks included only visual verbal stimuli printed in Cyrillic: words and pseudo-words representing the presence or absence of palatal vowel harmony, as well as non-words (unpronounceable sets of letters). Visual stimuli included real Khalkha-Mongolian word forms of different frequencies (n=30, from 613.64 to 0.98 ipm, half of them were “masculine” words (-ATR harmonic class) and the other half included “feminine” ones (+ATR harmonic class). The word forms were extracted from the *Mongolian Web Texts 2016 corpus* (mnWaC16) with a volume of 6 104 565 word forms. Word length varied from six to ten characters. All words were of independent grammar categories (parts of speech); the set of stimuli included word forms with both derivational and inflectional affixes. The first syllable of all words varied in the same way as the first syllable of the pseudo-words we used (n=16). The pseudo-words were constructed according to Amy LaCross’ study (2011). Fourteen stimuli were non-words (a sequence of letters not amenable to normal pronunciation).

The main session included 60 trials. Each trial included blank screen for 500 ms, then one of three types of visual verbal stimuli was presented for 1000 ms, for example: *medeelel* (“feminine” word), *metyybi* (“feminine” pseudo-word), *todorkhoy* (“masculine” word), *toboyta* (“masculine” pseudo-word), and non-words (*bkadlof*, *nsodsokh*), etc. Participants had to decide whether a real word of the Khalkha-Mongolian language or a non-existent set of letters was presented (pseudo-words or non-words) by pressing one key for appropriate decision. The reaction time (RT) was recorded using E-Prime software. After removing RTs less than 150 ms, only responses to words were analyzed ($n=669$). A linear mixed effects regression model was used for RTs analysis. The effect of word frequency appeared to be the most significant RT predictor according to fixed effects analysis (i.e., when the logarithm of word frequency changed by 1 standard deviation, the words were recognized faster on average by 11 ms). In addition to the robust word frequency effect, one more significant fixed effect that determined word recognition time was revealed. It is the palatal vowel harmony effect: “feminine” words (+ATR vowel harmony) were recognized significantly faster than “masculine” words on average by 203 ms. This vowel harmony effect on RT word recognition is not consistent with earlier studies.

Keywords: palatal vowel harmony, Khalkha-Mongolian, visual word recognition, lexical decision task

For citation: Vlasov, M.S., Pavlov, V.I. & Odonchimeg, T. (2023) Palatal vowel harmony effect on visual word recognition in Khalkha-Mongolian: A pilot study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 16–22. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/2

Введение

Целью исследования является экспериментальная проверка влияния фактора нёбного сингармонизма на скорость распознавания слов халха-монгольского языка в задаче лексического решения как одной из методик современной психолингвистики.

Данное научное направление основывается на фундаментальных представлениях о механизмах переработки языковой информации носителем языка в режимах офлайн и онлайн. Если в первом случае мы имеем дело с результатом обработки языковой информации (например, ответами в анкетах), то во втором случае мы наблюдаем и фиксируем процесс получения такого результата в режиме реального времени. В основе последнего подхода лежит, как правило, эксперимент с использованием аппаратуры и программного обеспечения для регистрации поведенческих реакций (например, времени реакции). Несомненным плюсом таких методик является регистрация и дальнейшая работа с более мощными шкалами для измерения языковых феноменов, возможность контроля самых разнообразных предикторов, определяющих изменение зависимых переменных. Стоит сказать и о минусах данных методик: все они, в той или иной степени, подвержены влиянию случайных факторов, которые в статистическом анализе с применением моделей со смешанными эффектами очень часто демонстрируют решающий вклад в полученное распределение значений зависимой переменной (например, времени реакции). Несмотря на это использование таких регрессионных моделей, учитывающих как фиксированные, так и случайные факторы, является хорошим шагом вперед в экспериментальной психолингвистике.

В экспериментальной психолингвистике один из ключевых элементов моделирования лексической памяти основывается на мощных эффектах частотности при выполнении заданий на лексическое решение (LDT), в которых субъекты оценивают, является ли письменный стимул реальным словом или нет, а сложность когнитивной обработки измеряется временем реакции (RT). Распознавание слов облегчается (или подавляется) частотой их употребления в языке, измеренной по репрезентативному корпусу. Наши предыдущие пилотажные исследо-

вания по методике LDT подтвердили значимость частотности как мощнейшего предиктора скорости распознавания слова носителями халха-монгольского языка, объяснившей 63,1% дисперсии времени реакции. В ходе данного исследования контролировались еще два лингвистических фактора (предиктора): длина слова в знаках и в слогах, которые «не сработали» на значимом уровне в нашей регрессионной модели (данные предикторы оказались незначимыми по сравнению с частотностью лексем) [1].

Если изучение таких факторов, как частотность и длина слова, распространяется на многие разнотурные языки, то такой фактор, как сингармонизм, изучается только на материале агглютинативных языков, в которых это явление является регулярным.

Интерес представляет подробный анализ распознавания псевдослов в сравнении со словами в задаче лексического решения. Так, на материале финского языка, в котором также наблюдается явление нёбного сингармонизма, установлено, что реакции на псевдослова с нарушенными законами нёбного сингармонизма распознавались медленнее, чем псевдослова, созданные по законам сингармонизма. Также авторами установлено, что носители финского языка чувствительны к эффекту нёбного сингармонизма, однако этот эффект не наблюдается на начальных этапах лексической обработки стимула [2]. Заслуживают внимания отдельные исследования распознавания слов vs псевдослов и слов vs неслов, поскольку есть данные нейрокогнитивных исследований о том, что распознавание слов и неслов чаще запускает процесс фонологической дифференциации у носителей языка, в то время как распознавание слов и псевдослов запускает процесс лексического доступа [3]. Частота паттернов гласных в стимулах с наличием и отсутствием гармонии гласных может являться значимым предиктором скорости распознавания различных типов вербальных стимулов при условии контроля частотности слов по репрезентативному корпусу.

Нёбный сингармонизм в халха-монгольском языке

Сингармонизм, или прогрессивная ассимиляция гласных, – это фонетический феномен, при котором гласные звуки аффиксов согласуются с основными

гласными звуками корня по ряду и огубленности. В халха-монгольском языке наблюдается явление нёбной гармонии, при которой наблюдается продвижение корня языка вперед при произнесении отдельных гласных (ATR – *advanced tongue root*), и губная гармония гласных, причем нёбная гармония является более регулярной в языке и характерна как для одноморфемных, так и многоморфемных слов. Губная гармония «действует» только в пределах классах слов с нёбной гармонией.

Распределение классов гласных фонем халха-монгольского языка [4] представлено в табл. 1.

Таблица 1
Классификация гласных фонем халха-монгольского языка по ряду, подъему и типу артикуляции +ATR/–ATR

Подъем/ряд	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд	Тип артикуляции гласных в слове
Верхний подъем	i i:		u u: ui	+ATR (женские)
			o o: oi	–ATR (мужские)
Нижний подъем	e e: ei	o o: oi		+ATR (женские)
		a a: ai	o o: oi	–ATR (мужские)

Несмотря на то что фонема /i/ отнесена в первую строку (к классу «женских» фонем, тяготеющие к переднерядной артикуляции), её часто называют нейтральной, поскольку она может встречаться как в «женских» (с гласными переднего ряда), так и в «мужских» (с гласными заднего ряда, но только в первых слогах) лексических единицах (например, *зарчим, тамир, болхи, борви, цорги, холхи* – «мужские» слова; *хэрчим, тэнхим, зүгшир, хөгжил, хөгжим* – «женские» слова).

Помимо указанных выше гласных в монгольском языке встречаются дифтонги (ai, oi, ui, ei, oi), произносимые в речи как долгие гласные, на которые также распространяется правило нёбного сингармонизма.

Явление сингармонизма распространяется на все слова монгольского языка, кроме заимствованных и сложных слов (состоящих из двух основ), а также имен собственных. Кроме этого в монгольском языке явление нёбного сингармонизма распространяется не только на одну словоформу, но и вопросительные частицы ([o:]/[u:]), выбор одной из которых зависит от сингармонического класса основы глагола (например, *авсан уу? ярьсан уу? захисан уу? хэлсэн үү? мэндэлсэн үү?*).

Репрезентация сингармонизма у носителей монгольского языка

Исследования Эми Лакросс [5, 6] на сегодня являются единственной экспериментальной работой (по нашим данным), посвященной явлению сингармонизма в халха-монгольском языке в психолингвистическом аспекте. Лакросс был составлен корпус (500 тыс. токенов). Экспериментальные задачи включали как полученные офлайн-ответы носителей языка

(оценки от 1 до 5), так и элементы онлайн-эксперимента (фиксацию времени реакции при распознавания носителями монгольского языка стимулов разного типа: слов и псевдослов). Так, Лакросс установила, что носители языка быстрее оценивали псевдослова с высокочастотными сочетаниями фонем. Интересно то, что участники исследования оценивали «мужские» псевдослова как более похожие на реальные монгольские слова, чем «женские» псевдослова. На основе этих данных Лакросс предположила, что носители халха-монгольского языка имеют определенные ментальные репрезентации для разных сингармонических классов слов в их ментальном лексиконе.

В одном из экспериментов Лакросс использовала методику *Artificial grammar learning task* [7], согласно которой участники исследования должны распознать в потоке речи сегменты, состоящие из серии открытых слогов CVCVCV, как слова (с высокочастотными сочетаниями гласных) или части слов (с низкочастотными сочетаниями гласных), при этом после тренировочных заданий испытуемые должны были «предпочитать» в своих ответах именно слова. При этом ни один из сегментов не соответствовал законам нёбного сингармонизма. Примеры сочетаний гласных и созданных стимулов: 1) [e ai o] [pemaith^o, gesaix^o, pesait^o, gemaix^o]; 2) [a ei o] [math^eeipo, saxeigo, maxeipo, sat^eeigo]; 3) [i u o] [thⁱipum^o, xigus^o, thⁱigum^o, xipus^o]. Всего Лакросс сконструировала 72 CVCVCV-сегмента с указанными выше сочетаниями гласных, которые нарушали явление сингармонизма (табл. 2).

Таблица 2
Модель образования искусственных сегментов для распознавания (*Artificial grammar learning task*, автор Лакросс [4])

Параметр	[–ATR]	[+ATR]
bilabial	[te CV pe]	[ta CV pa]
alveolar	[te CV te]	[ta CV ta]
velar	[te CV xe]	[ta CV xa]

Примечание. [–ATR] – Target CV Syllables (целевые слоги с «мужскими» гласными), [+ATR] – Target CV Syllables (целевые слоги с «женскими» гласными), C – согласный, V – гласный.

Для тренировочной пробы в стимульном потоке речи Лакросс выделила искусственные слова (по указанным выше моделям) и части слов (CVCVCV-последовательности слогов на границах слов) по принципу частотности тройных сочетаний гласных: слова включали высокочастотные сочетания, а части слов – низкочастотные сочетания. В рамках данного эксперимента Лакросс контролировала также частотность биграмм по созданному ей корпусу. Процедура эксперимента заключалась в том, что участники прослушивали слова искусственного языка (этот этап занимал примерно 14 минут). Затем им предлагались для восприятия на слух пары искусственных слов, из которых они должны были узнать слова из предыдущей тренировочной сессии. Каждая проба состояла из пары: слова и части слова, разделенных двухсекундной паузой. Результаты показали статистически значимое предпочтение искусственных (выученных) слов по

сравнению с частями искусственных слов, однако скорость решения данной задачи значимо не различалась.

Интересными представляются результаты предпочтения искусственных слов с разными сочетаниями открытых слогов (указывается % носителей языка, которые выбирали слова с данной структурой): 1) [e ai u] (62,26%); 2) [a ei o] (66,16%); 3) [i u o] (47,11%). Интересно, что носители халха-монгольского языка меньше всего выбирали слова, в структуре которых были следующие гласные: [i u o]. Потенциальное объяснение данному феномену лежит в начальной позиции нейтральной фонемы /i/ [5].

Результаты исследования Лакросс показали, что носители монгольского языка успешно справляются с задачей усвоения фонетических закономерностей организации искусственных слов. В другом исследовании Бонатти и соавторов с использованием данной методики отмечается, например, что носители французского языка с этой задачей не справлялись [7]. Результаты показали, что фонологическая система монгольского языка (даже при отсутствии эффекта сингармонизма) оказывается «чувствительным» модулем у носителей данного языка по сравнению с фонологической системой французского языка (в котором отсутствует сингармонизм). Работа такого модуля, по предположению Лакросс, является своеобразным «баесом» (предпочитаемой стратегией) для носителей монгольского языка.

Для следующего эксперимента Лакросс задалась вопросом, будет ли обнаружена указанная выше тенденция (предпочтение искусственных слов по сравнению с частями слов), если все гласные фонемы будут выстроены в цепочку по законам нёбного и губного сингармонизма? Предполагалось, что сингармонизм значительно облегчит данный процесс. Для эксперимента использовались искусственные слова (псевдослова) следующей структуры, представленной в табл. 3.

Таблица 3
Экспериментальные искусственные слова, созданные по модели соответствия нёбного сингармонизма (эксперимент Лакросс [4])

[+ATR] (женские)		[-ATR] (мужские)	
[o ei u]	[e ui i]	[oi ai o]	[o oi a]
Пример: гэмэйхү	Пример: мэхүйби	Пример: муйсайгу	Пример: тогойма

Таким образом, ни один из указанных стимулов не являлся реальным словом монгольского языка, однако все они соответствовали законам сингармонизма. Части слов не соответствовали законам сингармонизма.

По результатам исследования носители языка также предпочитали искусственные слова, а не части слов. Данные о скорости решения задачи говорят о том, что части слов вызывали большее латентное время реакции, однако статистически значимых различий обнаружено не было.

Таким образом, фактор сингармонизма не «сработал» в эксперименте Лакросс. Несмотря на то, что данный фактор контролировался в пятом эксперименте, значимых различий в скорости решения задачи по

сравнению с четвертым экспериментом обнаружено не было.

Но причиной этого является очень большое стандартное отклонение времени реакции по испытуемым (индивидуальные различия). Данный фактор мы учли в нашем эксперименте и использовали модель со смешанными эффектами.

Одним из ограничений исследования Э. Лакросс является нерепрезентативный объем корпуса (около 500 тыс. словоформ). Среди ограничений по статистическим методам можно выделить следующие: использовался стандартный t-критерий Стьюдента и однофакторный дисперсионный анализ для сравнения средних значений без учета индивидуальных различий в скорости выполнения задания у разных участников исследования; предложенный эксперимент не учитывал реальные условия восприятия и порождения сингармонизма (в реальных словах монгольского языка).

Вместе с тем исследование Лакросс дало нам возможность понять определенные стратегии для разработки нашего собственного дизайна эксперимента.

Экспериментальное исследование эффекта нёбного сингармонизма при визуальном распознавании кодифицированных слов халха-монгольского языка

Выборка. В исследовании приняли участие 26 носителей халха-монгольского языка, проживающих в Ховдском аймаке Монголии (17 женщин, 9 мужчин, средний возраст 21,8 лет, стандартное отклонение 6,9).

Гипотеза. Предполагалось, что при задаче распознавания слов за короткое время предъявления (1 000 мс) носители языка должны продемонстрировать определенный паттерн распознавания «мужских» и «женских» слов (помимо известного нам эффекта частотности слова), при этом, по данным Лакросс, в разработанном ею корпусе средняя частотность «мужских» слов оказалось значимо больше, чем «женских».

Стимулы. Для визуального распознавания слов в задаче лексического решения [8, 9] в качестве стимулов слова халха-монгольского языка разной частотности ($n = 30$ от 613,64 до 0,98 ipm), из которых 50% «мужских» (-ATR) и 50% «женских» (+ATR) словоформ, извлеченных из корпуса *Mongolian Web Texts 2016* (mnWaC16) объемом 6 млн 104 тыс. 565 словоформ.

Длина слов варьировалась от 6 до 10 знаков. Все слова являлись знаменательными, в набор стимулов включались слова со словообразующими и формобразующими аффиксами (данный фактор не контролировался в рамках данного пилотажного исследования). Первый слог всех слов варьировался так же, как и первый слог используемых нами псевдослов ($n = 16$), которые были образованы по модели Лакросс. 14 стимулов представляли собой неслова (последовательность букв, не поддающаяся нормальному произношению).

Процедура эксперимента. Участникам предлагалась стандартная задача лексического решения с использованием программного обеспечения *E-Prime* следующего дизайна:

- фиксационный крест (500 мс);
- стимул (слово/псевдослово/неслово) (1 000 мс);
- пустой экран (500 мс).

Тренировочная сессия: 16 проб (в дальнейшем не анализировались).

Основная сессия: 60 проб (табл. 4).

Таблица 4

Типы стимулов в задаче лексического решения (примеры слов халха-монгольского языка, псевдослов, образованных по законам сингармонизма, и неслов)

[+ATR] (женские)		[-ATR] (мужские)	
Слово	Псевдослово	Слово	Псевдослово
мэдээлэл	мэтүйби	тодорхой	тобойма
Неслова: <i>баadloф</i> , <i>нсодсоx</i>			

Анализу подвергались только реакции на слова ($n = 669$) основной сессии, перед этим были исключены реакции менее 150 мс ($n = 111$, 14% всех реакций) как нерелевантные (верхний порог был зафиксирован

в 1 000 мс). Для анализа предикторов времени реакции на слова использовалась линейная регрессионная модель со смешанными эффектами.

Эффект частотности слова оказался наиболее значимым предиктором согласно анализу фиксированных эффектов (т.е. при изменении логарифма частотности на 1 стандартное отклонение слова распознаются быстрее в среднем на 11 мс).

К значимым фиксированным эффектам, определяющим скорость распознавания слов, относятся также факторы сингармонизма («женские слова» (ATR1) распознаются быстрее, чем мужские в среднем на 203 мс).

Доля объясняемой дисперсии (R^2) для фиксированных эффектов составила 0,07632201 (7,6%). Доля объясняемой дисперсии (R^2) для всей модели (с учетом фиксированных и случайных эффектов) составила 0,25626616 (25,6%), табл. 5, рис. 1, 2.

Stimuli Display RT

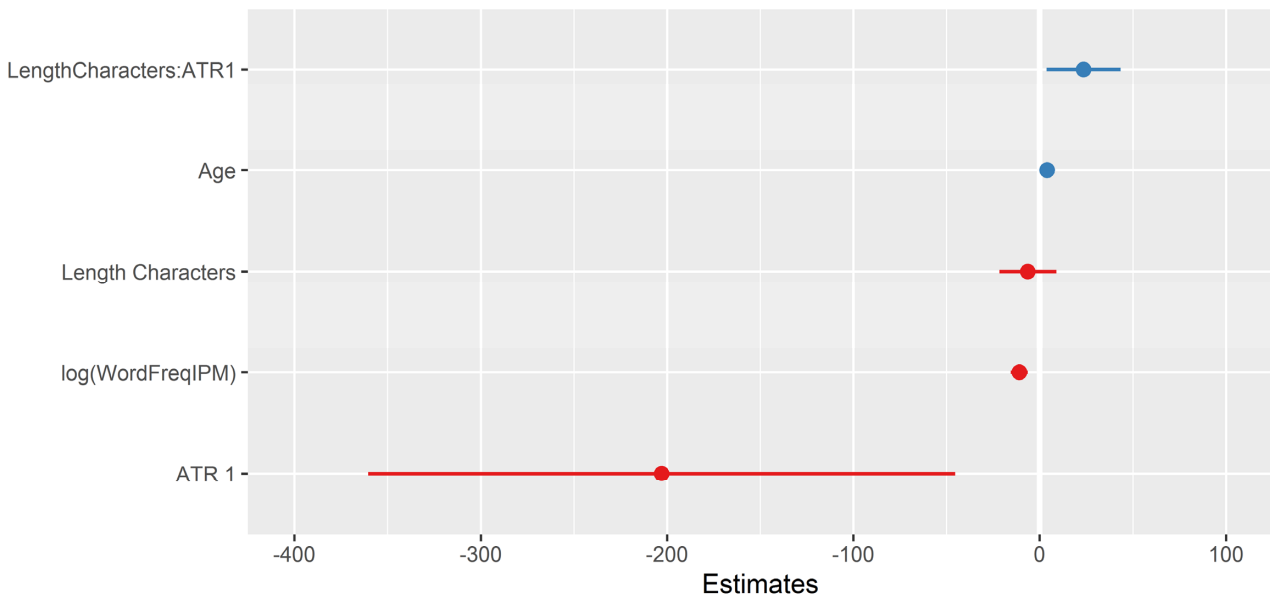

Рис. 1. Фиксированные эффекты длины стимула, возраста участников, логарифма частотности и не́бного сингармонизма на скорость распознавания слов халха-монгольского языка (отрезки для каждого предиктора указывают на границы 95%-го доверительного интервала). Stimuli Display RT (время реакции, мс), LengthCharacters:ATR1 (эффект длины слова в знаках, «женские» слова), Age (возраст), Length Characters (длина слов в знаках, все слова-стимулы), log(WordFreqIPM) (логарифмированная частотность слова-стимула на миллион словоформ), ATR1 (фактор – «женское» слово), Estimates – размер эффекта

Таблица 5

Фиксированные эффекты на скорость распознавания слов халха-монгольского языка

Fixed effect	Estimate	Std.Error	df	t-value	p
Intercept	605,294	69,991	202,300	8,648	0,000000000000001
LengthCharacters:ATR1	23,545	10,121	680,700	2,326	0,0203
Age	3,888	1,771	26,200	2,196	0,0372
Length-Characters	-6,373	7,827	680,800	-0,814	0,4158
log(WordFreqIPM)	-11,002	2,310	681,100	-4,763	0,00000234
ATR1 (женские слова)	-202,942	80,383	680,800	-2,525	0,0118

Примечание. Значимые предикторы отмечены полужирным шрифтом. Fixed effect – фиксированные эффекты, Estimate – размер эффекта, Std.Error – стандартная ошибка среднего, df – степень свободы, t-value – значение t-критерия, p-уровень, Intercept – случайное среднее, LengthCharacters:ATR1 (эффект длины слова в знаках, «женские» слова), Age (возраст), Length Characters (длина слов в знаках, все слова-стимулы), log(WordFreqIPM) (логарифмированная частотность слова-стимула на миллион словоформ), ATR1 (фактор – «женское» слово).

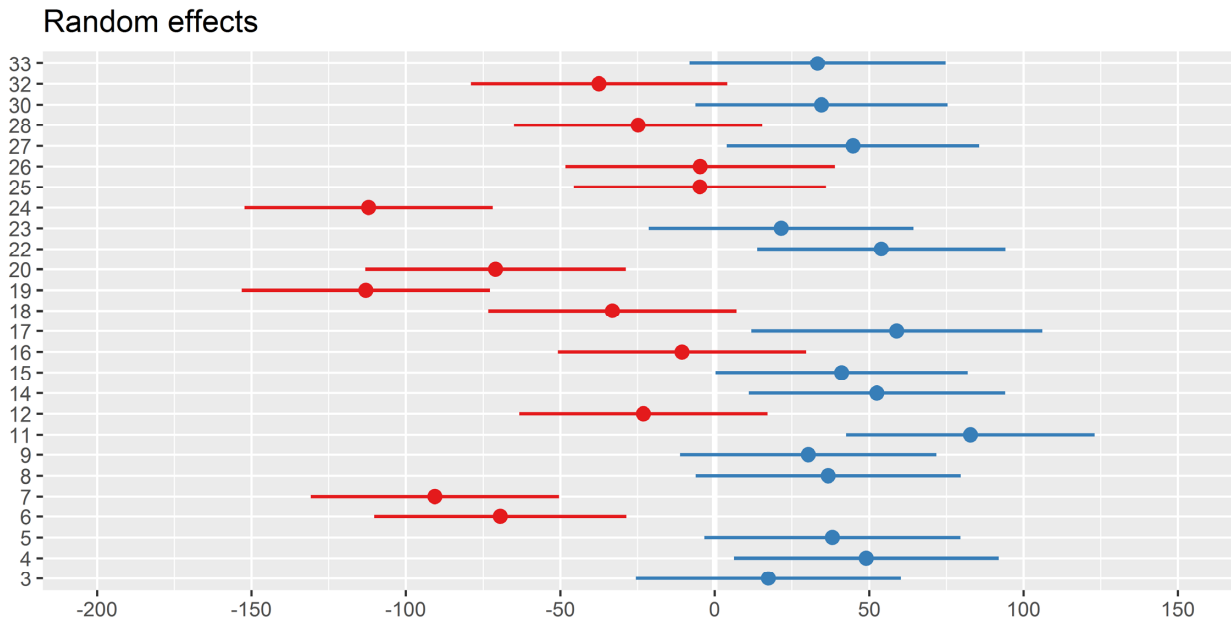

Рис. 2. Случайные эффекты участников исследования на скорость распознавания слов халха-монгольского языка (количество участников $n = 26$, количество слов-стимулов $n = 30$)

Заключение

Наблюдаемый эффект сингармонизма не согласуется с эффектом частотности того или иного сингармонического класса слов согласно исследованию Лакросс. Так, по ее данным, средняя частотность «мужских» слов (-ATR) в корпусе халха-монгольского языка превосходит частотность «женских» (+ATR) [5. С. 162], однако в таком случае в нашем эксперименте «мужские» слова должны были распознаваться быстрее, чем «женские». Тем не менее наши данные говорят об обратном. Сингармонические классы слов требуют более детального изучения их распределения по частотности в корпусах.

Тем не менее в нашем эксперименте задача для участников была усложнена тем, что они должны были выбирать между словами, псевдословами и несловами, т.е. анализу подвергались стимулы с «высокой степенью конкуренции» (слова и псевдослова всегда следовали одному из вариантов нёбного сингармонизма в отличие от неслов). Анализ скорости распознавания именно таких стимулов позволяет говорить о реальном вкладе гармонии гласных в процесс распознавания слов халха-монгольского языка, учитывая при этом фактор отсутствия сингармонизма в несловах (см. Приложение).

Таким образом, нёбный сингармонизм заслуживает дальнейшего внимания в рамках психолингвистических исследований халха-монгольского языка.

Приложение

Целевые слова-стимулы халха-монгольского языка

Слово-стимул	Число вхождений на миллион слов
тодорхой	613,6391
боломжтой	547,2953
мэдээлэл	543,8553
холбоотой	516,3349
хөрөнгө	401,339
мэргэжлийн	384,6302
томоохон	343,5134
бодлого	314,8463
болгосон	227,207
хоногийн	215,4126
төдийгүй	190,677
тогтоосон	182,6502
сэргийлэх	91,89844
холбогдон	31,94331
сэтгэлгээ	28,83088
гомдолыг	17,85549
тосгоны	15,56212
тохионо	8,354404
говьсүмбэр	8,02678
төрөгсөд	5,405791
хөгжино	5,405791
горхитой	2,293366
бодсоны	1,965742
мэдэрхүй	1,80193
босгоно	1,638118
голлоно	1,638118
тогоны	1,638118
сэдэвлэж	1,474307
хөлдөнө	1,146683
хөвөрнө	0,982871

Список источников

1. Vlasov M.S., Odonchimeg T., Sainbaatar V., Gromoglasova T. Word frequency effect in lexical decision task: evidence from Khalkha Mongolian // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. № 12 (10). P. 1954–1964. doi: 10.17516/1997-1370-0498
 2. Perea M., Hyönä J., Marcet A. Does vowel harmony affect visual word recognition? Evidence from Finnish // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2022. № 48 (12). P. 2004–2014. doi: 10.1037/xlm0000907

3. Specht K., Holtel C., Zahn R., Herzog H., Krause B.J., Mottaghy F.M., Radermacher I., Schmidt D., Tellmann L., Weis S., Willmes K., Huber W. Lexical decision of nonwords and pseudowords in humans: a positron emission tomography study // *Neuroscience letters*. 2003. № 345 (3). P. 177–181. doi: 10.1016/s0304-3940(03)00494-4
4. Svantesson J., Tsendina A., Karlsson A., Franzén V. *The phonology of Mongolian*. Oxford University Press, USA, 2005. 314 p.
5. LaCross A.B. *The role of Language-Specific Phonology: Tracking Linguistic Variables in Khalkha Mongolian* : PhD dissertation. University of Arizona, 2011. 180 p.
6. LaCross A. Khalkha Mongolian speakers' vowel bias: L1 influences on the acquisition of non-adjacent vocalic dependencies // *Language, Cognition and Neuroscience*. 2014. № 30 (9). P. 1033–1047. doi: 10.1080/23273798.2014.915976
7. Bonatti L., Pena M., Nespors M., Mehler J. Linguistic constraints on statistical computations: the role of consonants and vowels in continuous speech processing // *Psychological Science*. 2005. № 16 (6). P. 451–459. doi: 10.1111/j.0956-7976.2005.01556.x
8. Perea M., Rosa E., Gómez C. The frequency effect for pseudowords in the lexical decision task // *Perception & Psychophysics*. 2005. № 67. P. 301–314. doi: 10.3758/BF03206493
9. Meyer D.E., Schvaneveldt R.W. Facilitation in recognizing pairs of words: Evidence of a dependence between retrieval operations // *Journal of Experimental Psychology*. 1971. № 90. P. 227–234.

References

1. Vlasov, M.S., Odonchimeg, T., Sainbaier, V. & Gromoglasova, T. (2019) Word frequency effect in lexical decision task: evidence from Khalkha Mongolian. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 12(10). pp. 1954–1964. doi: 10.17516/1997–1370–0498
2. Perea, M., Hyönä, J. & Marcet, A. (2022) Does vowel harmony affect visual word recognition? Evidence from Finnish. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 48 (12). pp. 2004–2014. doi: 10.1037/xlm0000907
3. Specht, K. et al. (2003) Lexical decision of nonwords and pseudowords in humans: a positron emission tomography study. *Neuroscience Letters*. 345 (3). pp. 177–181. doi: 10.1016/s0304-3940(03)00494-4
4. Svantesson, J., Tsendina, A., Karlsson, A. & Franzén, V. (2005) *The phonology of Mongolian*. Oxford University Press, USA.
5. LaCross, A.B. (2011) *The role of Language-Specific Phonology: Tracking Linguistic Variables in Khalkha Mongolian*: PhD dissertation. University of Arizona.
6. LaCross, A. (2014) Khalkha Mongolian speakers' vowel bias: L1 influences on the acquisition of non-adjacent vocalic dependencies. *Language, Cognition and Neuroscience*. 30 (9). pp. 1033–1047. doi: 10.1080/23273798.2014.915976
7. Bonatti, L., Pena, M., Nespors, M. & Mehler, J. (2005) Linguistic constraints on statistical computations: the role of consonants and vowels in continuous speech processing. *Psychological Science*. 16 (6). pp. 451–459. doi: 10.1111/j.0956-7976.2005.01556.x
8. Perea, M., Rosa, E. & Gómez, C. (2005) The frequency effect for pseudowords in the lexical decision task. *Perception & Psychophysics*. 67. pp. 301–314. doi: 10.3758/BF03206493
9. Meyer, D.E. & Schvaneveldt, R.W. (1971) Facilitation in recognizing pairs of words: Evidence of a dependence between retrieval operations. *Journal of Experimental Psychology*. 90. pp. 227–234.

Информация об авторах:

Власов М.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы, начальник научно-исследовательского отдела Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина» (Бийск, Россия); научный сотрудник учебно-научной лаборатории социокогнитивной и компьютерной лингвистики Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: vlasov@bigpi.biysk.ru

Павлов В.И. – канд. филос. наук, доцент, консультант кафедры европеистики Монгольского государственного университета (Улан-Батор, Монголия). E-mail: vladimirvip2006@mail.ru

Одончимэг Т. – канд. филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков и культурологии Института социально-гуманитарных наук Ховдского филиала Монгольского государственного университета (Ховд, Монголия). E-mail: odonchimeg.t@num.edu.mn

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.S. Vlasov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy (Biysk, Russian Federation); research fellow, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: vlasov@bigpi.biysk.ru

V.I. Pavlov, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, consultant, National University of Mongolia (Ulan-Bator, Mongolia). E-mail: vladimirvip2006@mail.ru

T. Odonchimeg, Cand. Sci. (Philology), head of the Department of Foreign Languages and Culturology, Khovd Branch of the National University of Mongolia (Khovd, Mongolia). E-mail: odonchimeg.t@num.edu.mn

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.05.2022;
одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 12.05.2022;
approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 81'282.2, 81'42
doi: 10.17223/15617793/492/3

Фрагмент речевого портрета рецензента (на материале литературных рецензий К. Мильчина)

Александра Александровна Даниловцева¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, adanilovceva@gmail.com

Аннотация. Представлен фрагмент речевого портрета литературного критика К. Мильчина. Материалом выступают 60 литературных рецензий автора, размещенных на портале «Горький». В работе используется метод речевого портретирования. Выявляются лексические, грамматические особенности речи К. Мильчина. Определено, что автор следует законам жанра, а также привносит в тексты яркое личностное начало. В них отражается специфика профессии, образования и риторической компетенции автора.

Ключевые слова: языковая личность, речевой портрет, литературная рецензия, речевой жанр, интернет-дискурс

Для цитирования: Даниловцева А.А. Фрагмент речевого портрета рецензента (на материале литературных рецензий К. Мильчина) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 23–30. doi: 10.17223/15617793/492/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/3

Fragment of a reviewer's speech portrait (on the material of literary reviews by Konstantin Milchin)

Alexandra A. Danilovtseva¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, adanilovceva@gmail.com

Abstract. The article presents a fragment of the speech portrait of the literary critic Konstantin Milchin. The research material is 60 texts of literary reviews from the Gorky Internet portal. A literary review in this work is understood as a critical analysis of a work of art, including an evaluation of its components and content, performed by a professional reviewer. All literary reviews are characterized by a relatively stable thematic content, composition, and linguistic expression, which allows qualifying them as a speech genre. The article aims to identify and describe the features of the speech of a literary critic who publishes literary reviews on the Internet, and to create a fragment of his speech portrait. The research method of speech portraiture, which has a sociolinguistic orientation, is used. Phonetic, derivational, lexical, morphological, syntactic features, stylistic means are considered; biographical information about the reviewer is provided. The choice of the language personality is determined by the following factors: Milchin is a professional reviewer with an appropriate education; he has been perfecting his skills in various newspapers and magazines on culture and literature for many years; he was the chief editor of the Gorky site and is one of the most popular authors of this Internet project. His reviews get 90 thousand views, while the average number of review views reaches 5–6 thousand. A fragment of Milchin's speech portrait reflects the following information: (1) biography of a language personality, (2) genre qualification of the material under study, (3) verbal-semantic level. The study revealed that, on the one hand, the speech genre of the literary review conveys lexical and grammatical, syntactic and communicative features of the author-reviewer; provides freedom of choice of means of self-expression (among the most common are: words with emotional connotations, precedent texts, phraseology, irony, anaphora, and metaphor). On the other hand, the composition limits this choice: the reviewer adheres to a certain structure, follows the laws of the genre, includes necessary information in reviews.

Keywords: language personality, speech portrait, literary review, speech genre, Internet discourse

For citation: Danilovtseva, A.A. (2023) Fragment of a reviewer's speech portrait (on the material of literary reviews by Konstantin Milchin). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 23–30. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/3

Изучение речевых жанров (РЖ) является актуальной задачей современной коммуникативной лингвистики. Исследователи (В.В. Дементьев, К.Ф. Седов,

В.Е. Гольдин, В.И. Карасик, Т.В. Шмелева, А. Вежибицкая, Н.Б. Лебедева, О.Б. Сиротинина и др. [1, 2]) разрабатывают теоретико-методологические основа-

ния описания РЖ, создают модели анализа РЖ, выявляют специфику функционирования РЖ в различных видах дискурса, в том числе в интернет-дискурсе (Е.И. Горошко [3, 4]). Жанроведы ставят перед собой задачу изучения как новых РЖ, появившихся в интернет-коммуникации, так и трансформированных в этой среде.

Наряду с изучением специфики речевых жанров, которую накладывает сфера их реализации, исследователи обращают внимание на речезанровую коммуникативную компетенцию языковой личности, работая в рамках нового направления – лингвоперсонологического жанроведения. На наш взгляд, исследование особенностей речи языковой личности на материале созданных ею текстов одного речевого жанра перспективно как для жанроведения, для выявления вариантов композиции РЖ, образа автора, средств языкового воплощения РЖ, так и для лингвоперсонологии, перед которой стоит задача инвентаризации существующих типов языковых личностей.

В рамках этого направления уже выполнены работы по анализу языковой личности писателя [5, 6], диалектоносителя [7] через призму речевого жанра.

Объектами речевого портретирования становились представители разных профессий и статусов: учителя [8], студенты [9, 10], преподаватели [11], журналисты [12], блогеры [13], телеведущие [14], политики [15, 16] и т.д. Рецензенты также попадали в зону внимания лингвистов: анализировался образ автора театральной рецензии [17], создавался курс-портрет рецензента научной статьи в экономическом дискурсе [18].

Цель данной статьи – создание фрагмента речевого портрета рецензента, литературного критика, публикующего тексты литературных рецензий (ЛР) в интернет-пространстве: выявление и описание ярких особенностей его речи.

Под ЛР в данной работе понимается критический разбор художественного произведения, включающий в себя оценку его компонентов и содержания, выполняемый профессиональным рецензентом. Исследуемые тексты в работе мы называем «рецензия» и «литературная рецензия» и используем эти термины как синонимичные.

Рецензент (от лат. *recensere* – рассматривать) – лицо, пишущее рецензии, то же, что критик [19].

Объектом исследования выбрана языковая личность современного литературного критика, журналиста Константина Мильчина. Выбор языковой личности обусловлен рядом факторов. Константин Мильчин – профессиональный рецензент, который публиковался в газетах «Книжное обозрение», «Ведомости. Пятница», журналах «Иностранная литература», «Time Out», на сайте информационного агентства «ТАСС», руководил отделом культуры в журнале «Русский Репортер», был главным редактором сайта «Горький» и является одним из самых популярных авторов этого интернет-проекта. Это подтверждается статистическими данными: рецензия К. Мильчина «Обычные невежественные евреи» на

книгу Фергюсона «Дом Ротшильдов. Пророки денег» достигла 84 746 просмотров. В то время как в рубрике «Рецензии» среднее число просмотров рецензий достигает 5 000–6 000.

На данный момент К. Мильчин – шеф-редактор сервиса аудио- и электронных книг Storytel. Он преподает в РГГУ историю современной литературы и является куратором Иркутского международного книжного фестиваля [20].

Материалом исследования выступают 60 текстов ЛР К. Мильчина, опубликованных на страницах интернет-издания о книгах и чтении «Горький» в рубрике «Рецензии» (<https://gorky.media/>).

Методы исследования

При анализе РЖ ЛР, функционирующей в интернет-среде, мы опираемся на модель, предложенную Т.В. Шмельевой [21], и дополняем ее теми параметрами, которые, на наш взгляд, обусловлены средой функционирования РЖ: 1) коммуникативная цель и **тип речевого жанра**; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) образ прошлого; 5) образ будущего; 6) диктумное содержание; 7) **структура речевого жанра**; 8) языковое воплощение; 9) **невербальные характеристики**.

Анализ литературных рецензий как речевого жанра и описание отдельного параметра модели – образа автора – показали, что в рецензиях проявляется яркое личностное начало [22], что дает возможность анализа РЖ ЛР в лингвоперсонологическом аспекте.

Основным методом исследования выступает метод речевого портретирования, который подразумевает «описание особенностей речи индивида с опорой на доступные для наблюдения факты, позволяющее составить общее представление об его идиолекте» [23].

При создании фрагмента речевого портрета К. Мильчина мы остановимся на его социолингвистическом варианте, т.е. поярусном описании речевых особенностей автора ЛР и биографических сведениях, повлиявших на языковую личность автора.

Таким образом, фрагмент речевого портрета К. Мильчина формируется через рассмотрение и анализ следующих составляющих: 1) биография языковой личности; 2) жанровая квалификация исследуемого материала; 3) вербально-семантический уровень: выявление и описание ярких особенностей текстов автора ЛР, реализуемых на разных уровнях языковой системы: фонетической, словообразовательной, лексической, морфологической, синтаксической.

Анализ материала

1. Биография языковой личности. Константин Аркадьевич Мильчин родился 21 мая 1980 г. в Москве. Его мать, В.А. Мильчина, – историк литературы и переводчик французских писателей XIX в., ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований имени Е. М. Мелетинского РГГУ и Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС; его дед, А.Э. Мильчин – кандидат филоло-

гических наук, советский и российский книговед и редактор, составитель словарей и справочников в помощь автору и редактору. По воспоминаниям К. Мильчина, это не смогло не отразиться на выборе им профессии. Он стал третьим человеком в роду, кто занимается книгами, но изначально хотел быть историком, где фамилия Мильчиных была не так известна, как в книгоиздании. К. Мильчин окончил историко-филологический факультет Российского государственного гуманитарного университета по специальности «История». Критиком стал случайно: работал в газете «Книжное обозрение», в которой нужно было писать рецензии за небольшие деньги [21].

В 2009–2010 гг. Мильчин – приглашенный эксперт, в 2011 г. – член жюри, в 2013 г. – председатель жюри литературной премии «НОС». В 2017 г. – главный редактор сайта о литературе «Горький», с 2020 г. – шеф-редактор отечественной версии сервиса Storytel [24]. Сегодня К. Мильчин популярный журналист, рецензент, литературный критик.

2. Жанровая квалификация исследуемого материала. В жанровом отношении проанализированные тексты представляют собой РЖ ЛР. В данной работе ЛР рассматривается как речевой жанр, потому что это «относительно устойчивый тип высказывания», наделенный «тематическим содержанием, стилем и композиционным построением» и определяющийся спецификой сферы общения [25. С. 255].

Автор при построении рецензий придерживается классической структуры жанра, которая включает [26]:

– фактологическое содержание произведения (автор, название произведения, место и время создания публикации): *Что же до автора, то его биография гораздо интереснее его же прозы. И так, бывший пограничник и бывший фронтовой разведчик Шевцов после войны работал корреспондентом «Красной звезды» и пробовал себя в литературе. «Тля» была написана в конце 1940-х – начале 1950-х, когда советское государство и коммунистическая партия начали бороться с космополитизмом вообще и евреями в частности. Но тогда роман, несмотря на полное соответствие духу, до печати не допустили. Сам Шевцов пишет, что «идеологический ветер подул в другую сторону». Так или иначе, книга вышла лишь в 1964 году, после того как Хрущев начал войну с абстрактным искусством;*

– характеристика-оценка структурных компонентов произведения (с привлечением пересказа и комментирования сюжета, описания кульминационного момента, цитирования и др. приёмов): *В «Байках кремлевского диггера» описываются все сейчас подзабытые повороты российской истории с 1997 по 2003 год. Впрочем, все это личные воспоминания автора. Ну то есть не правительство Кириенко пало, а она не смогла спасти правительство Кириенко. «Когда я рассказала Чубайсу о встрече с Грефом в приемной у Волошина, главный энергетик замахал на меня руками: – Да нет! Ну что ты! При чем здесь Волошин! Герман – порядочный... – Может быть, ваш Герман и порядочный. Но трус он – точно порядочный». Тут вообще об авторе больше, чем о героях. В принципе*

никаких претензий к автору быть не могло: это же не учебник по истории России. На обложке написано: «байки»;

– анализ содержания и формы произведения: *Так если любовная линия столь примитивна, то в чем же секрет успеха? В детективном сюжете? Ну да, в первых частях он был бодрый и затягивающий, но новый цикл Роулинг оказался подвержен тем же болезням, что и старый: от тома к тому объем романов увеличивается, а сюжет усложняется. Порой даже слишком <...> Но все равно книга хороша. И тут есть несколько вполне понятных причин, почему именно хороша. Обычно в детективах мы видим героя только в момент какого-то эксклюзивного суперважного расследования. Тут же мы наблюдаем за подробно и увлекательно прописанной рутинной;*

– определение места произведения в жизни и творчестве автора или культурно-просветительском процессе в целом: *С другой стороны, история публикации «Малой земли» лишь подтверждает литературоцентричность России. Во Франции времен мушкетеров король должен быть первым фехтовальщиком страны. В России лидер должен быть писателем номер один. Брежнев публикует книгу не где-нибудь, а в главном литературном журнале – «Новом мире», Брежнев принимают в Союз Писателей, Брежневу вручают Ленинскую премию. Без книги ты никто, только книга придает власти легитимность.*

Таким образом, анализ структуры рецензий К. Мильчина показал, что автор исследуемых текстов, с одной стороны, ограничен жанровой формой, все рецензии построены одинаково, а с другой стороны, эта жанровая форма и сфера реализации текстов предоставляют возможности свободы выбора языковых средств и средств самовыражения автора.

Далее рассмотрим индивидуальные речевые особенности автора.

2. Вербально-семантический уровень. Яркие особенности речи К. Мильчина, как автора ЛР, проявляются преимущественно на словообразовательном, лексическом и грамматическом уровнях.

На фонетико-графическом уровне индивидуально-авторских проявлений обнаружено немного. Встречается вариативное написание неосвоенных заимствованных слов: *Как-то по-новому, свежо прозвучали там слова Владимира Ильича о том, что искусство принадлежит народу, что оно должно быть понятно широким массам». Хэппи-энд, занавес. Добро победило, хоть и с потерями; «Байки» – это своеобразная предтеча «50 оттенков серого» с Путиным в роли мистера Грея без БДСМ и хэппи-энда;* написание отдельных слов и предложений латиницей: *если вы думаете, что я сейчас издеваюсь над Захаром или над читательницами, то je suis та самая романтически настроенная девочка.*

К. Мильчин использует:

– цитаты из рецензируемых произведений, в которых встречается написание слов латиницей: *Он же создавал единую парагвайскую нацию почти евгеническими методами: «Официальное разрешение властей требовалось для женитьбы, причем проживавшим в*

стране потомкам испанских колонистов разрешалось вступать в брак только с представителями местных индейских племен. Таким способом *El Supremo* [титул диктатора Франции] намеревался полностью ассимилировать испанский этнический элемент, создав единый интернациональный парагвайский народ»;

– неосвоенные заимствованные слова, имеющие вариативное написание в русском языке при уже установленном их написании в орфографических словарях: *Ну да, над феминистками – как радикальными, так и не очень – Пелевин и правда издевается. А Федор, совокупившись с девушкой в майке #metoo (хотя что уж там, изнасиловав ее), говорит, что теперь та «заработала право на своей хэштег. Даже на два»* (см. Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, отражающий нормативное написание слова «хештег») [27].

На словообразовательном уровне выявлено употребление:

– окказиональных лексических единиц, образованных способом сложения слов: *Ближе к концу книги, когда вдруг выясняется, что Прилепин вот-вот станет начальником всея ДНР, он произносит монолог, который прекрасен сам по себе, но еще и напрямую отсылает как минимум к фильму Захарова (сколько захаросодержащих имен и фамилий выходит, а?); консервативно-охранительским по духу были «Любовь к трем Цукербринам» и «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами»; автобиографический рассказ о мытарствах и неудачах с обретением любви в финале под названием «Ешь, молись, любви» стал супербестселлером и превратил Несчастливцеву в Счастливецеву;*

– слов с суффиксами субъективной оценки: *Сцена у баньки – это и ее незакрытый геитальт. А тут ей звонит Дамиан и предлагает реконструировать баньные игрища.*

В области лексики отметим:

1. Употребление заимствованных слов: *Мулдашев знает толк в саспенсе: каждый очередной том заканчивается обещанием рассказать всю правду о личных встречах с атлантами; На самом деле экиена там мало. Переправы, падения с сейнеров, перебежки по пляжу под пулями занимают лишь малую часть от общего объема; В 1990-х и даже начале нулевых его идеи были чем-то противоположным позиции элиты и СМИ. Сейчас что-то очень близкое стало мейнстримом. Мейнстрим всегда искажает; То есть потроллить Украину получилось, но никаких других результатов нет. Да и быть не могло.*

2. Использование различных лексических средств для создания позитивного или негативного образа анализируемого произведения, среди которых:

– эмоционально-окрашенная лексика: *Эту пургу вслед за желтыми подхватывали издания разной степени солидности; По поводу личности автора в интернете встречаются разные версии – впрочем, на youtube есть ролики, где человек по имени Сергей Норка вещает унылую лабуду о распаде России и планах коварного Запада; Рецензируемая книга, наверно,*

должна была стать ответом на вопрос «Какого хрена Захарушика туда поперся». Ну да, без него Донецкая народная республика загнулась бы быстрее.

– фразеологизмы и прецедентные тексты в исходной и трансформированной формах как один из видов языковой игры. Фразеологизм в таком смысле, с одной стороны, является средством усиления эмоциональности и аттрактивности текста и влияет на восприятие читателя, который в знакомых формах видит игру автора словом. С другой стороны, это «показатель языкового мастерства, кругозора журналиста» [28]: *У отца было три сына. Старший, Антон, как и положено, умный был детина. Он сразу выбрал светлую сторону силы, с юных лет боролся с царской властью, сидел в тюрьмах, был мучим белочешской контрразведкой, в мирное время работал на заводе и погиб как герой, спасая людей. А вот средний, Федор, и младший, Иван, никак не могли понять, с кем они, – со светом или с тьмой; Капля Мандельштама способна убить все советское в советском человеке. В этой странной логике «Доктор Живаго» действительно опаснее танковых армий; Смишались кони, люди, крокодилы и гиппопотамы, христиане, мусульмане, иудеи, индусы, цыгане, язычники, белые, черные, мулаты – все промелькнуло перед нами, все побывало тут; Впрочем, не налогами едиными; в книге есть отдельные главы о положении в Средние века крестьян или, скажем, женщин.*

Отметим наличие слов из тематических групп «Литература» (как материал анализа) и «История» (как интерес самого автора). Здесь необходимо отметить, что автор как историк обращает внимание читателя на многие исторические процессы и при написании текста рецензии использует свои знания для создания фона, то же самое касается и литературного процесса: *Этот эпизод вошел в историю как «Пражская дефенестрация», и именно он дал старт Тридцатилетней войне, одному из самых долгих конфликтов в мировой истории. То, что началось как комедия, закончилось трагедией, конфликт унес порядка 8 миллионов человек, погиб каждый двадцатый житель Европы, а основной удар пришелся на Германию, где, в зависимости от региона, убыль населения составляла от 33% до 66%. О Тридцатилетней войне написаны романы, монографии и пьесы, но сегодня хочется вспомнить одну из лучших книг об этом конфликте.*

Одной их ярких особенностей текстов К. Мильчина является использование лексических единиц, функционирующих в рецензируемых им книгах. Среди них встречаются индивидуально-авторские, оценочные слова: *Затем в романе появляется заглавный KGBT+. Он плод короткой любви двух персонажей из опять-таки прошлогоднего романа «Transhumanism Inc.». KGBT+ сперва был янычаром, а потом стал вбйщником. Это такой тип музыкантов будущего, они даже круче крэперов, а еще они немножко коучи. Они вбивают смысл в голову желающим и нежелающим; Сперва здесь жили пигмеи. Потом пришли скотоводы-тутси и земледельцы-хуту. Пигмеев оттеснили в леса, а скотоводы подчинили себе земледельцев. Тутси стали малочисленной элитой, хуту –*

многочисленным народом. Но жили они тогда относительно мирно.

В области морфологии обычно при передаче сюжета анализируемого произведения и перечислении действий героев рецензент использует глаголы:

– в форме будущего времени: *На всей дистанции романа героиня будет болтать с подругами; оплатит убийство убийцы мужа; организует бизнес по продаже сыворотки; вколет себе ботокс; будет болтать с подругами; поймет, что убила не того; поймет, что затея с ботоксом была неудачной; уволит служанку; будет болтать с подругами; найдет истинного злодея; наймет филиппинку; помирится с любовницей мужа, продаст бизнес; будет болтать с подругами; уедет в Индию, найдет свою любовь; Четвертые сутки пылают станицы, горит под ногами черноморская земля, со всех сторон в бойцов Кожуха стреляют их собственные братья, но командир не подведет. Он обманет казаков, обхитрит белых, прорвется мимо турок, разгромит грузин;*

– в форме настоящего времени: *Николай отправляется в отпуск один, плавает в море, занимается подводной охотой, пьет южное вино. Вдруг звонок: в райкоме Чрезвычайное Происшествие! <...> Несмотря на ЧП районного масштаба, Николай продолжает жить своей обычной жизнью: с утра до вечера он объезжает подведомственные заводы и стройки, проверяет работу подчиненных, готовится к слету. Глаголы в форме настоящего исторического времени употребляются для придания изобразительности рецензии, отображения событий как происходящих на глазах у читателя.*

В области синтаксиса отметим использование различных типов высказываний, которые выполняют в тексте экспрессивно-усилительную и композиционную функции:

– использование предложений с однородными членами (подлежащими, сказуемыми, дополнениями и т.д.). Такое перечисление служит не только средством стройного, логического изложения материала, но и ярким источником речевой экспрессии: *У нас было лучше все. Даже не так. Не просто все, а ВСЕ. Самолеты, ракеты, корабли, бомбы, пушки, космическая программа; Что же делать? Нужно создать новую Россию на следующих столпах: антипотребительстве, порыве в будущее, антизападничестве, православии, геополитике и крестьянстве; Но в реальности – это ударный отряд холодной войны. Они приехали растлевать, развращать, спаивать советскую молодежь;*

– использование вопросительных конструкций как проявление тактики диалога с читателем, что реализуется через апелляцию к читателю и имитацию ответных реплик: *Как к нему относятся коллеги? Как я понял, по-разному. Есть восторженные поклонники, которые считают, что он движет науку вперед, но скептиков все-таки больше; Не впечатляет? А всего каких-то 11 лет назад, в 2005 году, это была самая настоящая бомба. Только за первые полгода было продано 270 тысяч экземпляров «Casual» и 170 тысяч последовавшего за ним романа «День счастья завтра»;*

С чем же можно сравнить «Глю» с ее стройной версией о глобальном заговоре? Например, с повестью литературных и идеологических антагонистов Шевцова братьев Стругацких «Миллиард лет до конца света»; Можно пересказывать сюжет дальше, но, во-первых, его в реальности нет, а во-вторых, давайте коснемся главного вопроса, который интересует потенциальных читателей: Пелевин как-то объясняет происходящие последние восемь месяцев? В некоторой степени;

– употребление вставных конструкций, осложнение высказываний, включение в их состав других конструкций. Это придает повествованию разговорный характер: *Да, это, конечно, полный бред, но зато Мулдашев увязывает в одно и мифы об Атлантиде (я что-то об этом слышал), и происхождение окутанных легендами достопримечательностей (был я в Египте, вряд ли эти чудики могли построить что-то такое фундаментальное), и байки про инопланетян (правительство скрывает от нас правду); Но оно так и осталось в штучных экземплярах, потому что Горбачев, Ельцин и, для разнообразия, Шеварнадзе, Гайдар и Чубайс. И (иногда) Бурбулис; Здесь же таким брендом является не только частный сыщик (типичная английская история), но и сложноустроенное иерархическое общество.*

Наиболее ярко языковая личность проявляется в текстах через используемые им стилистические средства:

– метафоры: *Советская литературная жизнь 1960-х была чрезвычайно бурной. Если взять за основу либеральную легенду, то на литературных полях шла битва между армией ангелов, у которых вместо хоругвей был журнал «Новый мир», и армией дьяволов, которые шли на бой под знаменами журнала «Октябрь». Армией ангелов командовал архистратиг и главред «Нового мира» Александр Трифонович Твардовский, а самым страшным дьяволом был фельдмаршал ада и главред «Октября» Всеволод Анисимович Кочетов. <...> Важной темой сражений были Сталин и Оттепель. Ангелы оберегали Оттепель, дьяволы всячески пытались ее заморозить, опорочить и вернуть на трон своего идола – владыку тьмы Сталина. Теперь, когда черные и белые фигуры расставлены на доске, можно вернуться собственно к роману;*

– лексические повторы, при помощи которых выделяется та или иная часть высказывания, чтобы привлечь внимание читателя и усилить воздействие на него: *Хорошие герои рисуют картины и думают, как бы победить плохих. Плохие думают, как уничтожить хороших. Колеблющиеся герои колеблются; Их деятельность – набор формальностей. Формальные встречи с активом. Формальные заседания. Формальные проверки. Формальный прием в комсомол; Потом рассказ о каком-нибудь американском чудо-оружии, которое вовсе не чудо, а самый настоящий позор. А вот наше чудо – настоящее чудо;*

– парцеллированные конструкции: *Героиня мужа не то чтобы любила, скорее ей было хорошо*

с ним. **А без него плохо.** С эмоциями в романе вообще туго. **Как и с длинными фразами.** В основном от пяти до семи слов в предложении. **Иногда даже короче; Россия, которую мы потеряли.** «Гетика» Иордана. **Рай до грехопадения.** Трегубова добросовестно описывает этот рай; Самые радикальные из нынешних сталинистов готовы с пеной у рта доказывать, что его [Сталинского террора] вообще не было. Анатолий Иванов смотрит на них с того света с презрением, как на недоучек. **Все было не так. Террор был;**

– синтаксический параллелизм: Тут как раз опыты объединения мертвого и живого оказались успешными. **Живое – это всевозможные тайны вселенной, байки про инопланетян, про загадки пирамид и истуканов со страниц желтой прессы и из полупорнографических телепередач. Мертвое – это полузабытые традиции русской эзотерики, мистическое учение Елены Блаватской, которое в конце XIX века предвосхитило нью-эйдж, мир полотен Рерихов; В мире есть свет и есть тьма. Свет – это презрение к материальным ценностям, патриотизм, забота об общественном благе, отсутствие страха перед смертью. Тьма – это алчность, забота только о себе, страх перед смертью. А еще разврат;**

– анафора: **А в то же самое время в несчастной России все плохо: демократия, отвратительный президент, олигархи и бандиты. <...>А в то же самое время в несчастной России все плохо до такой степени, что офицеры спецназа ГРУ работают грузчиками. <...>А в то же самое время отвратительный президент России пытается отменить выборы. Но народ поднимается. <...> А в то же самое время в России на все-таки состоявшихся выборах побеждает неожиданный кандидат в президенты, темная лошадка, которого автор так и называет – Темная Лошадка. <...>**

В исследуемых текстах К. Мильчина есть полностью простроенный при помощи этого стилистического приёма. Каждый абзац текста рецензии «50 оттенков Пелевина» начинается с обращения *О, Великий* (в тексте встречается 8 раз). Таким образом, рецензент выстраивает не только диалог с читателем, но и с автором художественного произведения;

– ирония: **После того как книга вышла и была с упоением и ритуальными проклятиями прочитана, Трегубовой взорвали дверь. Кто именно это сделал, как водится, осталось неизвестным; Новые тексты становились все скучнее и скучнее, а роман «Эта-Тета» про инопланетян на Рублевке был столь волшебен, что разом разрешил все споры о том, кто же пишет книги Робски: она сама или «писатели-призраки». Так вот, трудно себе представить, что какому-нибудь литературному негру могли заплатить хоть копейку за «Эту-Тету».**

Выводы

Таким образом, проанализировав тексты ЛР, написанные Константином Мильчиным, отметим, что речевой жанр литературной рецензии можно рассматривать как одно из средств описания языковой личности автора. При сохранении структурных особенностей жанра, тексты обладают ярким личностным началом и творческой интерпретацией произведений, что проявляется в свойственной автору подаче материала и языковых особенностях (лексических, грамматических, стилистических). Среди наиболее часто встречающихся средств выделяются: эмоционально-окрашенные слова, прецедентные тексты, фразеологизмы, ирония, анафора и метафора. Автор как литературный критик является носителем литературного языка. В созданных им текстах проявляются эрудиция, профессиональные интересы, образование автора.

Список источников

1. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / В.Е. Гольдин, С.Ю. Данилин, В.В. Дементьев [и др.] ; под ред. К.Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. 320 с.
2. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
3. Горошко Е.И., Землякова Е.А. Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия : Филология, социальные коммуникации. Симферополь, 2011. Т. 24 (63). № 1, ч. 1. С. 225–237.
4. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Текстология.RU. 2009. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=206> (дата обращения: 26.10.2022).
5. Янмурзина Р.Р. Аспекты изучения языковой личности писателя // Языки и литературы народов Горного Алтая : международный ежегодник. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2016. С. 107–110.
6. Чернова И. В. Языковая личность писателя: основные подходы к определению понятия // Языковая личность. Речевые жанры. Текст : Материалы Всероссийской молодежной конференции, Таганрог, 15–17 октября 2014 года. Таганрог : Таганрогский государственный педагогический институт им. А.П. Чехова, 2014. С. 218–221.
7. Казакова О.А. Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 241 с.
8. Козырев В.А., Черняк В.Д. Речевой портрет современного учителя: поиски идеала // Вестник Герценовского университета. 2010. № 1 (75). С. 36–42.
9. Селиверстова Л.Н., Ковалев В.Э. Штрихи к речевому портрету современной студентки (на материале текстов эссе) // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2019. № 1 (29). С. 128–131.
10. Королева И.А. Моделирование речевого портрета современного студента (на материале обращений в студенческой коммуникации) // Модели в современной науке: единство и многообразие : сб. науч. тр. Калининград : Рос. гос. ун-т им. И. Канта, 2010. С. 93–100.
11. Кыркунова Л.Г., Чжан Х. Речевой портрет современного преподавателя: опыт сравнительного анализа // Филология в XXI веке. 2019. № 1(3). С. 11–16.
12. Есенова Т.С., Гольдинова И. Речевой портрет журналиста национального радио // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 1 (8). С. 113–119.
13. Широких Е.А. Речевой портрет блогера (на материале туристического блога) // Конвергенция в сфере научной деятельности: проблемы, возможности, перспективы : материалы Всероссийской научной конференции, Ижевск, 11 декабря 2018 года. Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2018. С. 359–364.

14. Тарасова И.В., Минец Д.В. Речевой портрет современного телеведущего (по материалам программы «время» с Ирадой Зейналовой) // Таврический научный обозреватель. 2016. № 7 (12). С. 99–104.
15. Дементьева М.К. Языковая личность политика // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2011. № 2. С. 72–78.
16. Еремина С.А. Речевой портрет политика // Современная политическая лингвистика : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, окт. 2003 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. С. 195–198.
17. Мошникова Н.Н. Образ автора в тексте театральной рецензии // Язык, сознание, коммуникация. М. : МАКС Пресс, 2005. С. 126–139.
18. Гайдук Л.Д. Дискурс-портрет рецензента научной статьи в экономическом дискурсе // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию основания кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, Минск, 24–25 октября 2019 года. Минск : Белорусский государственный университет, 2019. С. 40–44.
19. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/fc/slovar-208-2.htm#zag-23524> (дата обращения: 22.10.2022).
20. Шмельёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 88–98.
21. Корнеевская И. Третий в роду, кто занимается книгами. URL: <https://familio.media/interview/tretij-v-rodu-kto-zanimaetsya-knigami/> (дата обращения: 18.10.2022).
22. Даниловцева А.А. Средства репрезентации образа автора в речевом жанре литературной рецензии (на материале интернет-портала "Горький") // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Вып. 23 : сборник материалов IX (XXIII) Международной научно-практической конференции молодых ученых (14–16 апреля 2022 г.). Томск, 2022. С. 73–79.
23. Иванцова Е.В. Методы анализа диалектной языковой личности // Демешкина Т.А., Волошина С.В., Иванцова Е.В. Новые направления в русской диалектологии: Массовый открытый онлайн-курс. Томск : ТГУ, 2017. URL: <https://mooc.tsu.ru/ru/?courses=новые-направления-в-русской-диалектологии> (дата обращения: 20.10.2022).
24. Попова А. «Пелевин – это чистое электричество, которое находится в Лейденской банке». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/565590> (дата обращения: 18.10.2022).
25. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–297.
26. Фролова И.В. Мастерство литературного критика: учеб. пособие. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. С. 86.
27. Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС. URL: <https://orfo.ruslang.ru> (дата обращения: 30.10.2022).
28. Соловьёва А.Д. Современные СМИ как источник пополнения фразеологизмов русского языка // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2010. Т. 2, № 6. С. 76–80.

References

1. Sedov, K.F. (ed.) (2007) *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of Speech Genres: Everyday communication]. Moscow: Labirint.
2. Dement'ev, V.V. (2010) *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of Speech Genres]. Moscow: Znak.
3. Goroshko, E.I. & Zemlyakova, E.A. (2011) Virtual'noe zhanrovedenie: stanovlenie teoreticheskoy paradigmy [Virtual genre studies: the formation of a theoretical paradigm]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya, sotsial'nye kommunikatsii*. 1–24 (63). Part 1. pp. 225–237.
4. Goroshko, E.I. (2009) Internet-zhanr i funkcionirovanie yazyka v Internete: popytka refleksii [Internet genre and the functioning of language on the Internet: an attempt at reflection]. *Tekstologiya.RU*. [Online] Available from: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=206> (Accessed: 26.10.2022).
5. Yanmurzina, R.R. (2016) Aspekty izucheniya yazykovoy lichnosti pisatelya [Aspects of studying the linguistic personality of the writer]. In: Chuvakin, A.A. (ed.) *Yazyki i literatury narodov Gornogo Altaya* [Languages and Literatures of the Peoples of Gorno-Altai]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 107–110.
6. Chernova, I.V. (2014) [The linguistic personality of a writer: basic approaches to defining the concept]. *Yazykovaya lichnost'. Rechevye zhanry. Tekst* [Linguistic Personality. Speech genres. Text]. Proceedings of the All-Russian Conference. Taganrog. 15–17 October 2014. Taganrog: Anton Chekhov Taganrog State Pedagogical Institute. pp. 218–221. (In Russian).
7. Kazakova, O.A. (2004) *Yazykovaya lichnost' dialektonositelya v zhanrovom aspekte* [Linguistic personality of a dialect speaker in the genre aspect]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
8. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2010) Rechevoy portret sovremennogo uchitelya: poiski ideala [Speech portrait of a modern teacher: search for an ideal]. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta*. 1 (75). pp. 36–42.
9. Seliverstova, L.N. & Kovalev, V.E. (2019) Shtrikhi k rechevomu portretu sovremennoy studentki (na materiale tekstov esse) [Touches to the speech portrait of a modern student (based on essay texts)]. *Vestnik Taganrofskogo instituta upravleniya i ekonomiki*. 1 (29). pp. 128–131.
10. Koroleva, I.A. (2010) Modelirovanie rechevogo portreta sovremennogo studenchestva (na materiale obrashcheniy v studencheskoy kommunikatsii) [Modeling the speech portrait of modern students (based on appeals in student communication)]. In: Vaulina, S.S. & Greshnykh, V.I. (eds) *Modeli v sovremennoy nauke: edinstvo i mnogoobrazie* [Models in Modern Science: Unity and diversity]. Kaliningrad: Immanuel Kant Russian State University. pp. 93–100.
11. Kyrkunova, L.G. & Zhang, H. (2019) Rechevoy portret sovremennogo prepodavatelya: opyt sravnitel'nogo analiza [Speech portrait of a modern teacher: experience of comparative analysis]. *Filologiya v XXI veke*. 1 (3). pp. 11–16.
12. Esenova, T.S. & Gol'dinova, I. (2020) Rechevoy portret zhurnalista natsional'nogo radio [Speech portrait of a national radio journalist]. *Istorikokul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya*. 1 (8). pp. 113–119.
13. Shirokikh, E.A. (2018) [Speech portrait of a blogger (based on a travel blog)]. *Konvergentsiya v sfere nauchnoy deyatel'nosti: problemy, vozmozhnosti, perspektivy* [Convergence in the Field of Scientific Activity: Problems, opportunities, prospects]. Proceedings of the All-Russian Conference. Izhevsk. 11 December 2018. Izhevsk: Izdatel'skiy tsentr "Udmurtskiy universitet". pp. 359–364. (In Russian).
14. Tarasova, I.V. & Minets, D.V. (2016) Rechevoy portret sovremennogo televedushchego (po materialam programmy "vremya" s Iradoy Zeynalovoy) [Speech portrait of a modern TV presenter (based on materials from the Vremya program with Irada Zeynalova)]. *Tavricheskii nauchnyy obozrevatel'*. 7 (12). pp. 99–104.
15. Dement'eva, M.K. (2011) Yazykovaya lichnost' politika [Linguistic personality of politics]. *Vestnik MGOU. Ser. "Russkaya filologiya"*. 2. pp. 72–78.
16. Eremina, S.A. (2003) [Speech portrait of a politician]. *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern Political Linguistics]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. October 2003. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 195–198. (In Russian).
17. Moshnikova, N.N. (2005) Obraz avtora v tekste teatral'noy retsenzii [The image of the author in the text of a theater review]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Moscow: MAKS Press. pp. 126–139.
18. Gayduk, L.D. (2019) [Discourse-portrait of a reviewer of a scientific article in economic discourse]. *Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennoy polikul'turnom mire* [Linguistic Personality and Effective Communication in the Modern Multicultural World]. Proceedings of the 5th International Conference. Minsk. 24–25 October 2019. Minsk: Belarusian State University. pp. 40–44. (In Russian).

19. Chudinov, A.N. (1910) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words included in the Russian language]. [Online] Available from: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/fc/slovar-208-2.htm#zag-23524> (Accessed: 22.10.2022).
20. Shmeleva, T.V. (1997) Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. In: Gol'din, V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of Speech]. Vol. 1. Saratov: Kolledzh. pp. 88–98.
21. Korneevskaya, I. (2021) Tretiy v rodu, kto zanimaetsya knigami [The third in the family who deals with books]. *Familio.Media*. 12 May. [Online] Available from: <https://familio.media/interview/tretij-v-rodu-kto-zanimaetsya-knigami/> (Accessed: 18.10.2022).
22. Danilovtseva, A.A. (2022) [Means of representing the image of the author in the speech genre of literary review (based on the material of Gorky internet portal)]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the 9th (23rd) International Conference. Vol. 23. Tomsk. 14–16 April 2022. Tomsk: Tomsk State University. pp. 73–79. (In Russian).
23. Ivantsova, E.V. (2017) Metody analiza dialektnoy yazykovoy lichnosti [Methods for analyzing dialectal linguistic personality]. In: Demeshkina, T.A. et al. *Novye napravleniya v russkoy dialektologii: Massovyj otkrytyj onlayn-kurs* [New Directions in Russian Dialectology: Massive open online course]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <https://mooc.tsu.ru/ru/?courses=novye-napravleniya-v-russkoy-dialektologii> (Accessed: 20.10.2022).
24. Popova, A. (2022) “Pelevin – eto chistoe elektrichestvo, kotoroe nakhoditsya v Leydenskoy banke” [“Pelevin is pure electricity, which is located in the Leyden jar”]. *BiznesOnline*. 3 October. [Online] Available from: <https://www.business-gazeta.ru/article/565590> (Accessed: 18.10.2022).
25. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo. pp. 237–297.
26. Frolova, I.V. (2010) *Masterstvo literaturnogo kritika* [The Skill of a Literary Critic]. Ulan-Ude: Buryat State University. P. 86.
27. *Orfograficheskiy akademicheskiy resurs AKADEMOS* [Orthography academic resource AKADEMOS]. (n.d.) [Online] Available from: <https://orfo.ruslang.ru> (Accessed: 30.10.2022).
28. Solov'eva, A.D. (2010) Sovremennye SMI kak istochnik popolneniya frazeologizmov russkogo yazyka [Modern media as a source of replenishment of phraseological units of the Russian language]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 6 (2). pp. 76–80.

Информация об авторе:

Даниловцева А.А. – аспирант кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: adanilovceva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Danilovtseva, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: adanilovceva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.11.2022;
одобрена после рецензирования 22.06.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 25.11.2022;
approved after reviewing 22.06.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 070: 908
doi: 10.17223/15617793/492/4

Краеведческая тематика на страницах кубанской педагогической прессы (1906–1918)

Юрий Викторович Лучинский¹, Марина Васильевна Безрукавая²

^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹ lyv22@mail.ru

² sea_pearl_@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена специфика редакционно-издательской политики трех педагогических журналов, выходивших в Кубанской области с 1906 по 1918 г. Изучена динамика включения краеведческой тематики в общий контент данных периодических изданий. Описаны творческие биографии редакторов – В.В. Скидана («Кубанская школа», 1906), И.Ф. Пальмова («Школа и жизнь», 1907–1908), Б.М. Городецкого («Кубанская школа», 1914–1916). Показана роль Б.М. Городецкого в развитии кубанского литературного краеведения.

Ключевые слова: литературное краеведение, педагогическая пресса Кубани, В.В. Скидан, И.Ф. Пальмов, Б.М. Городецкий

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта № МФИ-20.1/8.

Для цитирования: Лучинский Ю.В., Безрукавая М.В. Краеведческая тематика на страницах кубанской педагогической прессы (1906–1918) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 31–39. doi: 10.17223/15617793/492/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/4

The local history theme in the Kuban pedagogical press (1906–1918)

Yuri V. Luchinsky¹, Marina V. Bezrukavaya²

^{1,2} Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

¹ lyv22@mail.ru

² sea_pearl_@mail.ru

Abstract. After analyzing the editorial policies of three educational journals published in Kuban Oblast from 1906 to 1918, we drew interesting conclusions. Using historical-typological, historical-biographical, and comparative methods, as well as content analysis, we found that there was only one newspaper in the region until the end of 1905 – the official *Kubanskiye oblastnyye vedomosti*. Studying the content of the journals, we can conclude that the dominant topics in educational publications at that time concerned problems in school education, upbringing, and teaching methods. Analyzing the topics of the articles, we see that the editors often focused on social issues such as poverty, child labor exploitation, and the education of orphaned children. By studying the creative biographies of V.V. Skidan, I.F. Palmov, and B.M. Gorodetsky as editors, the main vectors of the editorial policy of Kuban's educational publications were identified. The article shows the development of pre-revolutionary educational press in Kuban from 1906 to 1918. By researching this issue, we identified the main tendencies of the formation and development of educational journals, as well as the creative biographies of the editors who determined the main vectors of the editorial policy. The analysis of the content and direction of the journals in the context of literary and historical local lore showed the influence of political events on the publishing model of the considered publications. We determined the typological characteristics of the journals under consideration and identified the main tendencies in the formation and development of educational press in Kuban during the specified period using the historical-typological method. The use of the historical-biographical method allowed us to examine the creative biographies of the journal editors and identify their contribution to the development of educational press. We analyzed the content of the journals and determined their direction in the context of literary and historical local lore using the comparative method. Our study of archival materials related to the publication of journals revealed the peculiarities of their editorial and publishing policies and the influence of political events on the policies. The article shows that the journal *Shkola i zhizn* was created during the reforms of Nicholas II and reflected in its materials relevant topics of education and pedagogy. The article touches on important issues related to people's education and upbringing in the early 20th century. It shows what problems and tasks teachers of that time faced, and how they sought ways to solve them. It is worth noting that many of these problems remain relevant even in our time. The article may be useful to historians, researchers of pre-revolutionary pedagogical press, as well as regional specialists.

Keywords: literary local history, Kuban pedagogical press, V.V. Skidan, I.F. Palmov, B.M. Gorodetsky

Financial support: The research is carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation in the frame work of Scientific Project No. MFI-20.1/8.

For citation: Luchinsky, Yu.V. & Bezrukavaya, M.V. (2023) The local history theme in the Kuban pedagogical press (1906–1918). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 31–39. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/4

Введение

Дореволюционная педагогическая периодика, составлявшая обширный сегмент специализированной прессы в Российской империи, достаточно хорошо изучена в отечественном медиаведении. Ее историко-биографические и историко-типологические характеристики рассмотрены в работах М.А. Азарной [1], М.А. Гончарова [2], А.Г. Готалова-Готлиба [3], Т.Е. Денисович [4], Р.Л. Доватора [5], Г.В. Кондратьевой [6], Л.В. Пузыревой [7], Н.А. Трушина [8]. Предложена вполне убедительная система классификации (Е.А. Волик), включающая в себя такие параметры, как место и язык издания, тематическая палитра, образовательный уровень, целевая аудитория, тип информации и периодичность [9].

При этом стоит отметить, что краеведческая тематика на страницах региональной педагогической прессы еще не становилась предметом специального рассмотрения. Педагогическая пресса Кубанской области как площадка для публикаций материалов литературно-исторического характера может рассматриваться в качестве источниковой базы для систематизации данных публикаций и включения их в общий контекст краеведческого материала исследуемого периода. Однако в настоящее время не появилось обобщающего исследования, посвященного данной проблематике, а проблемам истории дореволюционной педагогической прессы на Кубани посвящены только две статьи А.И. Слуцкого [10, 11].

Целью настоящего исследования является изучение редакционно-издательской политики трех педагогических журналов, выходивших в Кубанской области в период с 1906 по 1918 г. К этим журналам относятся «Кубанская школа» (1906), редактором которой являлся В.В. Скидан «Школа и жизнь» (1907–1908), редактором которой выступал И.Ф. Пальмов; и еще один журнал под названием «Кубанская школа», выходивший с 1914 г. по 1918 г. под руководством нескольких редакторов, первым из которых был Б.М. Городецкий, возглавлявший это издание с 1914 по 1916 г. На посту редактора «Кубанской школы» Б.М. Городецкого последовательно сменяли С.С. Лизарев, И.А. Билый и П.Н. Колотинский.

При изучении редакционно-издательской политики данных периодических изданий необходимо решить следующие задачи:

- выявить основные тенденции в становлении и развитии дореволюционной педагогической прессы на Кубани;
- определить типологические характеристики рассматриваемых журналов;
- рассмотреть творческие биографии В.В. Скидана, И.Ф. Пальмова, Б.М. Городецкого как редакторов,

определивших основные векторы редакционной политики кубанских педагогических изданий;

- проанализировать содержание и направленность журналов «Кубанская школа» (1906), «Школа и жизнь» (1907–1908) и «Кубанская школа» (1914–1918) в контексте литературно-исторического краеведения;

- изучить архивные материалы, связанные с изданием данных журналов;

- показать влияние политических событий на издательскую модель рассматриваемых журналов.

В работе были использованы историко-типологический, историко-биографический и сравнительно-сопоставительный методы исследования, а также контент-анализ.

Спецификой информационного поля Кубанской области являлось наличие до конца 1905 г. только одной газеты – официальных «Кубанских областных ведомостей». Положение дел изменилось с введением «Временных правил о повременной печати от 24 ноября 1905 г.» [12. С. 202]. С 1906 года на Кубани начался быстрый подъем частной прессы, который привел к появлению первых местных педагогических журналов.

Журнал В.В. Скидана «Кубанская школа» (1906)

Первым периодическим изданием в системе местной педагогической прессы стал журнал «Кубанская школа», редактором-издателем которого выступил директор народных училищ Кубанской области Владимир Васильевич Скидан (1858–1930).

Начало жизненного пути В.В. Скидана было связано со студенческим революционным движением. За политическую неблагонадежность его трижды отчисляли из университетов – Киевского Св. Владимира, Харьковского и Казанского, и он даже был сослан под негласный полицейский надзор в Архангельскую губернию. Однако благодаря хлопотам отца, священника Кубанского казачьего войска, В.В. Скидану удалось перевестись в Новороссийский университет, где он окончил полный курс «по юридическому факультету со степенью кандидата прав».

С 1886 по 1889 г., до переезда в Кубанскую область, В.В. Скидан состоял помощником присяжного поверенного в Одесской судебной палате, одновременно являясь «секретарем редакции „Одесских новостей“». В Екатеринодаре он занял должность помощника секретаря гражданского отделения суда, затем – исполняющего делами начальника хозяйственного отделения Кубанского областного правления. В 1892 г. начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска Я.Д. Малама назначил В.В. Скидана редактором неофициальной части «Кубанских областных ведомостей» (1892–1897).

Исполняя обязанности редактора, В.В. Скидан опубликовал программную статью, в которой подчеркивал важность периодической печати для образовательно-просветительской деятельности на Кубани: «Вспомните, как много значит вовремя сказанное живое слово, и вам понятным станет великое значение солидного органа печати, способного живым словом жечь сердца людей. А живых забытых слов у нас много накопилось и в разных укромных уголках: задачи просвещения народных масс в области, открытие сельскохозяйственного (в Екатеринодаре) и технического (в Майкопе) училищ на средства войска, постановка на должную высоту различных отраслей областного хозяйства и проч.: – все это такие первостатейные вопросы, которые не ждут, а жаждают забытых слов, живого обсуждения и правдивого освещения» [13. С. 69–70].

Реализуя свой интерес к сфере образования и просвещения, В.В. Скидан принял деятельное участие в организации библиотеки Кубанского Александро-Невского религиозно-просветительного Братства, стал членом Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), созданного в 1897 г., способствовал открытию в Екатеринодаре публичной библиотеки имени А.С. Пушкина.

Возвращение к редакторской деятельности состоялось в 1906 г., когда в Кубанской области стали появляться частные периодические издания, и В.В. Скидан, занявший к тому времени должность директора народных училищ Кубанской области, приступил к изданию «двухнедельного обозрения» под названием «Кубанская школа».

Заявленная программа нового печатного органа была достаточно традиционна для педагогической прессы данного периода, ведущими представителями которой были «Вестник воспитания» и «Русская школа». «Являясь органом общественно-демократической педагогической мысли, эти журналы интенсивно разрабатывали проблемы научной педагогики и боролись за осуществление передовых идей в практике русской школы» [14. С. 53].

На них ориентировался и В.В. Скидан в своей редакционно-издательской политике. Его журнал состоял из трех отделов. В первый входили правительственные распоряжения по учебному ведомству и распоряжения директора и инспекторов народных училищ, во второй – оригинальные и переводные статьи, доклады, рефераты, сообщения, известия и заметки, «относящиеся к народному образованию», педагогическое обозрение, а также общая и местная хроника, книжные рецензии, библиографический указатель книг и статей по народному образованию и ответы редакции. Третий отдел заполнялся справочным материалом, рекламой и объявлениями.

Первый номер «Кубанской школы» вышел 1 сентября 1906 г. оказался несколько политизированным, что было характерно для большинства отечественных периодических изданий периода Первой русской революции. Из наиболее заметных материалов – статья памяти народного учителя Кубанской области осетина Ф.И. Такоева и отчет о народном образовании за 1905 г. Хотя сам журнал в большей степени напоминал информационный бюллетень, его читательская

аудитория вызывала опасения Кубанского областного жандармского управления, в обзоре которого отмечалось: «Учительский персонал в народных училищах заслуживает особого внимания, так как участие этого персонала в революционном движении и даже руководство им народными массами не подлежит никакому сомнению... Директор народных училищ Кубанской области В.В. Скидан недавно занявший этот пост после должности советника областного правления по сведениям агентуры, состоит членом революционной украинской партии, и принадлежность его к ней подтверждается тем участливым отношением, которое он проявляет ко всем деятелям этого революционного общества» [15. С. 254].

Особых репрессий против журнала и его редактора не последовало, но 15 декабря 1906 г. вышел последний (восьмой) номер издания, после чего В.В. Скидан передал эстафету новому педагогическому журналу. В «Циркуляре Директора народных училищ Кубанской области от 10 декабря 1906 года», опубликованном в № 1 журнала «Школа и жизнь», говорилось следующее: «С выпуском № 8 “Кубанской школы” я приостановил это издание в виду того, что с 1-го января 1907 г. будет выходить журнал “Школа и жизнь”, издателем которого состоит председатель Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в Кубанской области и Черноморской губернии Д.Г. Георгиев, а редактором – И.Ф. Пальмов, преподаватель Кубанской учительской семинарии.

Полагая, что ответственный редактор этого журнала даст ему то именно направление и содержание, в каких более всего, по моему мнению, нуждаются подведомственные мне учебные заведения, я обещал И.Ф. Пальмову всякое свое посильное содействие в его редакторском деле, а потому:

1) довожу до сведения гг. учителей народных училищ, что в журнале “Школа и Жизнь” будут печататься распоряжения и циркуляры по дирекции народных училищ Кубанской области;

2) рекомендую названный журнал к выписке на 1907 г.,

3) разрешаю произвести потребный на это расход из хозяйственных сумм или училищных запасных капиталов (если против последнего ничего не будут иметь местные общества) и

4) прошу заведующих тех училищ, которым по их бедности не по силам будет произвести означенный расход (в 3 р.), сообщить мне об этом: быть может, я найду возможным посылать им журнал бесплатно» [16].

Журнал И.Ф. Пальмова «Школа и жизнь» (1907–1908)

Недавно опубликованный «Биографический словарь преподавателей и наставников Томской духовной семинарии» позволил восстановить биографию Ивана Федоровича Пальмова (1871–1944). Будущий редактор екатеринодарского журнала «Школа и жизнь» учился в Саратовской духовной семинарии, окончил Московскую духовную академию, получив звание кан-

дидата богословия, с 1897 г. преподавал в Томской духовной семинарии, читая курсы по гомилетике и литургике, а также «по совместительству временно преподавал в семинарии церковное пение» [17. С. 232].

В 1900 г. И.Ф. Пальмов по собственному желанию уволился из семинарии и перешел на должность помощника инспектора Томского технологического института, а затем стал инспектором народных училищ Томской губернии.

Но в Томской губернии И.Ф. Пальмов не задержался, и «в 1905 г. из-за болезни жены переехал с семьей на юг – сначала в Екатеринодар, а затем в Тифлис, где в разных учебных заведениях преподавал русский язык, дидактику и географию» [17. С. 234].

В Кубанской учительской семинарии надворный советник И.Ф. Пальмов преподавал русский язык и историю и, в соответствии со своими преподавательскими интересами, расширил программу нового периодического издания. 1 января 1907 г. вышел в свет первый номер «двухнедельного педагогического, литературного и общественно-политического журнала» под названием «Школа и жизнь». Из новых разделов в журнал были добавлены «известия и заметки, касающиеся воспитания и обучения, общественно-политической жизни и науки общей и специальной», а также беллетристический раздел, предполагавший публикацию рассказов, повестей и романов.

Журнал в определенной степени сохранил оппозиционный настрой, что нашло отражение в редакционной передовице: «Сила и значение общества обратно пропорциональны его невежеству: чем больше невежества, – меньше силы общества. Иными словами: кто желает обществу роста, свободы и силы, тот прежде всего позаботится о просвещении народа; но кому выгодно и желательно видеть в обществе безответного раба, или безличный предмет эксплуатации, тот постарается затереть вопросы просвещения, уделить нуждам образования грошовый паек из миллиардного бюджета, а над работником просвещения – поднять дубину потяжелее и дать им “фельдфебеля в Вольтеры”» [18. С. 2].

В пятом номере (1 марта 1907 г.) были опубликованы два материала об открытии 2-й государственной Думы – письмо от депутата от Кубанского казачьего войска Ф.А. Щербина и статья о деятельности Думы, написанная депутатом 2-й государственной Думы «от крестьян Ставропольской губернии» Я.В. Борисова. Эти тексты не имели отношения к педагогическому процессу, но отражали радикализированную позицию редакции и ряда авторов журнала, особенно Я.В. Борисова, выступавшего также под псевдонимом «Я. Борин» (статья «Патриотическая беседа»).

Рекламный блок журнала был представлен в основном адресами книжных магазинов и объявлениями о подписке на педагогическую периодику (литературно-педагогический журнал «Вестник Донских учителей»; журнал московского областного отдела Лиги Образования «Просвещение» под редакцией В.П. Вахтерова и В.Д. Соколова; общепедагогический журнал для учителей и деятелей по народному образованию «Русская школа»; журнал «Для народного учителя»; педа-

гогический журнал «Народное образование в Виленском учебном округе»; журнал «Читальня народной школы»; педагогический журнал «Воспитание и обучение»).

Первая публикация, относящаяся к литературному краеведению, появилась только в шестом номере журнала. Это был объемный очерк писателя-народника Николая Ивановича Наумова «Горная идиллия», полученный редакцией, скорее всего, через томские связи И.Ф. Пальмова: «Редакция имеет возможность напечатать предлагаемый талантливый рассказ покойного крупного писателя (Н.И. Наумова) единственно благодаря любезности сына Николая Николаевича Наумова, которому и выражает свою глубокую благодарность. Читатель несомненно убедится, что изображаемые явления не исчезли с лица бесправной родины и доселе: аналогий много и ныне, и далеко не на одном Алтае» [19].

Очерк Н.И. Наумова публиковался в четырех номерах журнала и был окончен в 9 выпуске «Школы и жизни». К местному литературному краеведению он имел весьма косвенное отношение, да сам редактор только начинал осваивать специфику Кубанской области, поэтому наумовский очерк рассматривал в качестве некоего ориентира для размещения на страницах своего журнала следующих художественных произведений.

Чтобы лучше ориентироваться в новой обстановке, И.Ф. Пальмов предпринял небольшое путешествие, итогом которого стала очерковая серия «Из поездок по Кавказу», выходявшая с 10-го по 13-й номер. Автор подробно описывал бакинские нефтяные промыслы и чаквинские чайные плантации, погружаясь в региональное ведение, пока еще далекое от краеведения, связанного с Кубанской областью, – «в предлагаемых очерках намеренно сообщено только то, что получается от непосредственного, живого впечатления <...> переданные разговоры перенесены в очерки не только потому, что они были на самом деле, но главным образом ради их типичности» [20. С. 8].

Двенадцатый номер вышел с месячным запозданием (1 июля 1907 г.) в связи с временным закрытием типографии «Основа», в котором печатался журнал (приостановка деятельности типографии была вызвана печатанием в ней оппозиционной «еженедельной газеты для трудового народа» Я.В. Борисова, выходявшей под названиями «Степь» и «Степь широкая»). Особенность этого номера – появление «журнала в журнале». И.Ф. Пальмов, избранный председателем первого общего собрания членов Кубанского общества народных университетов, включил в свой журнал бюллетень «Известия Кубанского общества народных университетов» со своим докладом «О народных университетах». Еще один выпуск «Известий» с подробным описанием деятельности общества был напечатан в № 16 «Школы и жизни».

В целом же к публикациям краеведческого характера в журнале «Школа и жизнь» можно с определенным допуском можно отнести статью «Экскурсия в Новый Афон», рассказ «Спор (Из давних встреч)» самого И.Ф. Пальмова («Школа и жизнь». 1907. № 18) и полемический материал за подписью «П. Т-кий» под

названием «Несколько слов о культуре Кубанской области», в которой, в частности, говорилось следующее: «Кубанская область действительно богата; и если она привлекает внимание переселенцев и манит у себе надеждами на обогащение, то очевидно были факты, которые окрыляли эти надежды и толкали русского человека именно на “Кубань”».

По самой простой логике нужно предположить, что чем богаче страна, тем вероятнее, что и культура в ней выше, и наоборот: в Сахаре, либо в наших тундрах никакая культура невозможна вследствие бедности местностей.

Относительно же Кубанской области, нужно сознаться вышеприведенная логика никуда не годится: здесь мы видим громадные естественные богатства и весьма низкую культуру» [21. С. 33].

В финансовом отношении журнал «Школа и жизнь» оказался убыточным. На общем собрании членов Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Кубанской области и Черноморской губернии, состоявшемся в 1907 г., И.Ф. Пальмов сообщал о «совершенно бесплатном труде редактора и сотрудников, вошедших в состав редакционной комиссии и составляющих издательское товарищество» [22. С. 32]. Тем не менее при общих затратах (типографские, канцелярские, почтовые и непредвиденные расходы, гонорары «за труды лицам с известными литературными именами», арендную плату за помещение для редакции, телефон и услуги рассыльного) в 4 200 руб. прибыль (подписка, розничная продажа и плата за объявления) составила всего 3 000 руб.

Данные обстоятельства, а также высылка редактора за пределы Кубанской области в 1908 г. (за лекцию «Россия в Закавказье», прочитанную И.Ф. Пальмовым в народном университете) привели к закрытию журнала «Школа и жизнь» на десятом номере, увидевшем свет в мае того же года.

В целом же можно прийти к выводу, что журнал И.Ф. Пальмова только обозначил интерес к литературно-историческому краеведению, но не смог его реализовать его потенциал по целому ряду обстоятельств – от общественных настроений данного периода, захваченных стихией становления российского парламентаризма, до личности редактора, не успевшего в должной мере осознать местную специфику.

Журнал Б.М. Городецкого «Кубанская школа» (1914–1918)

Случайно или нет, но появление педагогических периодических изданий в Кубанской области совпало с кризисными моментами в истории России начала XX в. – первые два журнала выходили в Период первой русской революции, а выход третьего журнала, повторившего название первого – «Кубанская школа», пришлось на первые дни Первой мировой войны.

Пост редактора занял губернский секретарь Борис Митрофанович Городецкий (1876–1941), переехавший на Кубань в октябре 1904 г. и поступивший на работу

в Кавказское отделение Крестьянского поземельного банка.

В отличие от И.Ф. Пальмова, который так и не смог освоить кубанскую специфику, Б.М. Городецкий серьезно занимался проблемами кавказоведения, кубановедения и местной библиографии, и многие его работы вошли в «золотой фонд» отечественной регионалистики. В этой связи стоит выделить два обстоятельства. Научные интересы Б.М. Городецкого стали формироваться под влиянием отца, Митрофана Ивановича Городецкого, который в период работы в Ломжинской губернии увлекся проблемами исторического регионоведения и активно публиковался в таких журналах, как «Исторический вестник» и «Русская старина», а наставником Б.М. Городецкого в области библиографических исследований стал видный литературовед и библиограф Семен Афанасьевич Венгеров, привлечший студента Санкт-Петербургского университета к подготовке материалов для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона.

В Екатеринодаре Б.М. Городецкий сразу же включился в общественную деятельность – в 1907 г. он стал «секретарем по научной части» Кубанского общества народных университетов, в 1908 г. был избран секретарем Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО). С 1909 г. он редактировал «Известия общества любителей изучения Кубанской области», где продолжил традицию составления библиографических обзоров литературы о Северном Кавказе, заложенную Е.Д. Фелицыным и В.С. Шамраем, а также разместил на страницах этого сборника текст ставшего в дальнейшем знаменитым произведения Василия Федоровича Золотаренко – «Плач Василия при реке Кубани».

Общественно-педагогический журнал «Кубанская школа», первый номер которого вышел в свет 15 августа 1914 г., издавался «при участии Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших в Кубанской области и Черноморской губернии» и рассматривался Б.М. Городецким не только как педагогический, но и как просветительский с привлечением материалов литературно-исторического плана. Заявленная периодичность нового периодического органа составляла 10 номеров в год. Особенно важным аспектом редактору представлялось изучение местного края: «Мы хотели бы привлечь внимание не только учителей и немногих сравнительно с массой населения деятелей народного просвещения, но и рядового обывателя, заинтересовать его вопросами местного учительства, заставить его проникнуться сознанием, что местная школа – это его непосредственное личное, кровное дело, в котором он заинтересован на каждом шагу своей повседневной обывательской жизни».

Учитель и начальная школа, как два наиболее крупных фактора народного просвещения, будут естественно главными объектами нашего внимания, но это, конечно, не исключает для нас необходимости уделять на страницах журнала должное внимание и другим формам народного роста, в которых он проявляется у нас на Кубани» [23. С. 4].

К «другим формам народного роста» редакция относила материалы, размещенные в таких рубриках, как

«Некрологи и литературные характеристики» (некрологи в этом журнале представляли собой литературно-исторические статьи памяти видных историков, литераторов и педагогов) и «Галерея деятелей Кубанской области, получивших известность на разных поприщах общественной пользы», а также рубрика «О войне. – Война и общественная работа», где публиковались статьи местных поэтов, писателей и журналистов.

При этом необходимо учитывать динамику развития редакционной политики журнала, что заметно по изменению рубрикации в разные годы его издания. Так, если в 1914 г. насчитывалось семнадцать рубрик, то в 1915 г. их осталось только десять – исчезли три вышеупомянутые рубрики, а также «Цели и задачи журнала “Кубанская школа”», «Кубанская литературная летопись», «Фонд для оказания помощи учителям, пострадавшим от войны», «Официальный отдел», «Справочный отдел» и «Почтовый ящик», зато была введена рубрика «Изучение родного края», соответствующая тематике литературно-исторического краеведения.

Особенность журнала Б.М. Городецкого – внимание к изучению Кубанской области, а также привлечение серьезных научных и литературных сил местного и российского масштаба. Приветственное слово («Привет “Кубанской школе”») к первому выпуску журнала прислал известный кубанский историк Ф.А. Щербина, ставший к 1914 г. членом-корреспондентом Императорской академии наук. «Привет “Кубанской школе”» в большей степени напоминал мемуарный очерк:

«Пятьдесят пять лет тому назад, пишущий эти строки сидел в горнице за длинным столом у пономаря Харитона Захаровича за азбукою Киевской печати с указкой из гусяного пера. Рядом со мною помещалось еще три ученика. В то время это была единственная в станице Новодеревянковской школа, а Харитон Захарович единственным ее учителем.

В горнице царил невообразимый шум, производимый звонкими и хриплыми детскими голосами. Один, тыча указкой в каждый слог лежавшей перед ним на стол «грамматики», во все горло выкрикивал: “буки-аз-ба – ба! веди-аз-ва – ва! глагол-аз-га – га”! Это называлось у нас “учить по складам”. Другой высоким фальцетом неистово вопил: “Аз – ангел, архангел, буки – Бог, божество”! Этот “учился по верхам”. А третий с необычайным напряжением в нос тянул: “И блажен... и муж... и иже... и не иде... и на совет... и нечестивых”. Он удостоен был высшей премудрости – “сидел на псалтыри”» [24. С. 78].

С программной статьей «О школьной дисциплине» в рубрике «Руководящие статьи по вопросам воспитания и обучения» выступил заведующий двухклассным начальным училищем в станице Невинномысской Савва Васильевич Товпекин [25. С. 67], сетовавший на плачевное состояние дел в современной школе:

«Современная жизнь растеряла былые идеалы и святые заветы. Все в нашей жизни измельчало. Литература и та потеряла нить жизни, обратилась к декадентству и вырывает из жизни, подобно калейдоскопу,

отдельные штрихи. Мы тоже стоим на перепутье, растеряв свои светильники. Чем можем освещать путь молодому поколению? И оно потеряло интерес к жизни, к учению как безвременные. Общий уровень успехов все понижается, а мы единственное спасение видим в двойках» [26. С. 15].

Б.М. Городецкий обращал особое внимание на публикацию материалов литературно-краеведческого характера. Он первых двух номерах журнала за 1914 г. он разместил статью секретаря редакции Тимофея Федоровича Лапика «Литературные чтения-беседы для учеников-мусульман», в которой в учебных целях подробно разбирались повесть Екатерины Ивановны Новиковой-Зариной «В плену у черкесов». Уроженка Анапы Е.И. Новикова-Зарина, первый рассказ которой заслужил одобрение М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.А. Некрасова и был опубликован в «Современнике» еще в 1863 г., стала известной российской писательницей. Многие ее произведения были связаны с кавказской тематикой – в частности, события повести «В плену у черкесов» происходили в Анапе, что предполагало сочетание воспитательного и краеведческого аспектов в процессе школьного обучения:

«Книга читается с увлечением, имеет много воспитывающего элемента, особенно близкого для детей. Дружба Васи с Алеком наводит на мысль, что тесная дружба и взаимная помощь должны соединить когда-то бывшие враждебными два народа. С этой книжки следовало бы начинать исторические чтения и беседы в Анапе и окрестностях ее; во всяком случае, странно было бы не знать ей там всеми учениками» [27. С. 89].

Для удобства работы учителя с чтением этой повести Т.Ф. Лапик в своей статье детально описывал место («крепость Анапа, окрестные станицы и аулы») и время («через несколько лет после присоединения Анапы к России (9 сент. 1829 г.)») действия, приводил полный список действующих лиц, предлагал возможные наглядные пособия («карта Кавказа или Кубанской области, художественные открытые письма с видами Анапы») и даже составил сюжетный план («Жизнь в креп. Анапы. Вася и пленные черкесы. На свадьбе у казака. Нападение черкесов и похищение Васи. Жизнь в плену у Кирима. Вася-пастух. Несчастье с Васей и спасение его Алеком. Отправление экспедиционного отряда для розыска Васи. Вася в другом ауле у Гирея, встреча с Кирой (Ольгой Федоровной). Бегство его и Киры при помощи Алека и Умида. Русский отряд в ауле князя Азамата (где жил Гирей). Встреча отряда с беглецами и общая радость. Радостная встреча в Анапе. Алек и Вася – неразлучные друзья и офицеры» [27. С. 91].

Не менее интересны и вопросы к тексту повести Е.И. Новиковой-Зариной:

«Какова была жизнь в краях Анапы и окружающих станицах и в аулах в первой половине 19 в.? Когда покорили западный Кавказ? Какой характер был у Васи и причины, благодаря которым сложился этот характер? Чем объясняется отношение к Васе Хариса, внука его Алека, Алисы? Как относились к пленным русским татары и черкешенки (молодые)? Что общего в этом и в рассказах “Кавказский пленник” и “В плену у

черкесов”? Расскажите о жизни Васи в плену у Кирима-Али-Мурзы, у Гирея и его бегство. Назовите всех лиц, относившихся к Васе в плену враждебно и дружелюбно, объясните причины того и другого» [27. С. 92].

Выбор для чтения повести Е.И. Новиковой-Зариной и включение ее в контекст литературного краеведения был не случаен – в разделе «Кубанская литературная летопись», которую вел Б.М. Городецкий, были помещены сразу несколько справочных материалов, относившихся к биографии Е.И. Новиковой-Зариной.

В номере журнала за 1914 г. Б.М. Городецкий опубликовал собственную теоретическую статью «Отечественное и учителя», в которой прояснял специфику своей редакционно-издательской политики: «Мы хотим насадить отечественное в школе, а жизнь показывает, что нужно начинать не с того конца; нам нужно насаждать интерес к отечественному в самих себе: у нас его мало или даже совсем нет. Родины мы своей почти не знаем, и во многих случаях любовь к изучению местного края для некоторых из нас дика и непонятна.

Однако, справедливость требует отметить, что у нас на Кубани дело с вопросом о родиноведении обстоит гораздо лучше, чем в других местах нашей обширной Империи. <...> Идя навстречу развитию у читателей “Кубанской школы” интереса к кубановедению, позволяем себе обратиться к учителям, живущим в станицах, селениях и аулах Кубанской области, с предложением принять участие в работе по изучению нашей родины» [28. С. 94].

На следующий год Б.М. Городецкий развил эту тему в целом цикле концептуальных статей под общим названием «Очерки по Кубановедению» и продолжил публикацией статьи «Родиноведение или локализация учебного материала?» известного московского краеведа-методиста Евгения Алексеевича Звягинцева. Стоит также выделить публикацию учителя Дмитриевского Екатеринодарского благотворительного общества двухклассного мужского училища Михаила Тимофеевича Вергуна «Сокровищницы культуры Кубанской области» – одно из первых систематизирующих описаний Кубанского войскового этнографического и естественно-исторического музея (в настоящее время – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына).

Если рассматривать собственно литературные произведения, то к ним можно отнести яркие материалы мемуарного плана С.В. Товпекина (о первом директоре Кубанской области («Воспоминания о Николае Федотьевиче Блюдове») и о еще одном директоре народных училищ, застреленного террористом в марте 1908 г., («Воспоминания о Григории Малаховиче Шкиле»)), рассказ «Греческий язык (Воспоминания из жизни бывшей Кубанской войсковой гимназии)» Александра Авксентьевича Малахова и очерковый материал «Чем живут теперь наши дети» будущего классика советской литературы Федора Васильевича Гладкова, бывшего в то время инспектором высшего начального училища в станице Павловской.

Несмотря на финансовую поддержку Общества взаимопомощи учащихся и учивших в Кубанской области и Черноморской губернии, журнал «Кубанская

школа» не приносил прибыли, о чем 3 января 1916 г. в докладе о финансовой отчетности за предыдущий год заявил секретарь редакции Т.Ф. Лапик, высказав «опасение за успешное продолжение издания в виду дороговизны бумаги с одной стороны и уменьшения числа сотрудников по случаю мобилизации с другой стороны» [29. С. 27]. Читательская аудитория журнала также оставляла желать лучшего – на 1 февраля 1916 г. подписчиков число подписчиков составляло 375 человек, а общий дефицит достиг 827 руб.

Б.М. Городецкий покинул пост редактора «Кубанской школы» в марте 1916 г. (его уход был связан с предложением работы в газете «Кубанская мысль»), и с третьего номера журнал возглавил секретарь правления Общества взаимопомощи учащихся и учивших в Кубанской области и Черноморской губернии Сергей Семенович Лизарев и продолжал редактирование до конца года. В 1917 г. сменилось еще два редактора – с 1-го по 5-й номер им был товарищ председателя правления общества Игнат Архипович Белый, а затем – до января 1918 г. – преподаватель 2-й Екатеринодарской мужской гимназии «не имеющий чина» Петр Николаевич Кологинский.

С уходом Б.М. Городецкого в «Кубанской школе» были свернуты краеведческие проекты, а в 1917 г. журнал снова вернулся к политическому дискурсу, связанному с событиями, происходившими в стране.

Заключение

В данной статье был проведен анализ дореволюционной педагогической прессы Кубанской области в период с 1906 по 1918 г. Основной акцент был сделан на изучение значимости педагогических изданий для развития системы преподавания в регионе и становления литературно-исторического краеведения.

Результаты исследования показали, что многие публикации в журналах «Кубанская школа» (1906), «Школа и жизнь» (1907–1908) и «Кубанская школа» (1914–1918) были посвящены истории и культуре региона и включены в общий контекст преподавания родиноведения в школе. Изучение редакционно-издательской политики педагогических журналов «Кубанская школа» (1906), «Школа и жизнь» (1907–1908) и «Кубанская школа» (1914–1918) позволило выявить системно-типологические связи данных изданий.

В ходе проведенного исследования была показана определяющая роль редакторов (В.В. Скидана, И.Ф. Пальмова, Б.М. Городецкого) в формировании издательской стратегии рассматриваемых периодических изданий, а интерес Б.М. Городецкого к формулированию задач кубановедения значительно расширил тематическую направленность возглавляемого им журнала и внес серьезный вклад в развитие литературного краеведения на Кубани. Отмечено влияние политического дискурса как на тематическую направленность кубанских педагогических журналов, так и на их финансовую составляющую.

Анализ основных тенденций в развитии педагогической журналистики на Кубани позволил прийти к выводу, что педагогическая пресса играла важное значение

в формировании общественного сознания и национальной идентичности. Результаты данного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения исто-

рии региональной журналистики и литературного краеведения, а также для более глубокого понимания взаимосвязи между прессой и системой образования в регионе.

Список источников

1. Азарная М.А. «Гимназия» (1888–1900 гг.) как образец провинциальной педагогической периодики Российской империи // I-формат. Журналистика провинции: Научно-публицистический альманах. Ставрополь, 2006. Вып. 2. С. 116–123.
2. Гончаров М.А. Генезис государственно-общественного управления педагогическим образованием в России XVIII – начала XX в. М.: Пробел, 2018. 400 с.
3. Готалов-Готлиб А.Г. Русская педагогическая журналистика первой половины XIX в. и К.Д. Ушинский // Советская педагогика. 1941. № 3. С. 79–90.
4. Денисович Т.Е. Педагогическая журналистика: учеб. пособие. Смоленск: Смол. гор. тип., 2005. 144 с.
5. Доватор Р.Л. Педагогическая печать России на рубеже веков // Советская педагогика. 1987. № 6. С. 114–120.
6. Кондратьева Г.В. Из истории частных педагогических журналов второй половины XIX в. // Педагогика. 2002. № 2. С. 64–70.
7. Пузырева Л.В. О феномене русской педагогической журналистики (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 49–59.
8. Трушин Н.А. Общественно-педагогическая деятельность Н.И. Новикова // Советская педагогика. 1956. № 6. С. 70–83.
9. Волик Е.А. О тематических особенностях педагогической журналистики 1860–1917 гг. // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 1. С. 197–203.
10. Слуцкий А.И. Из истории педагогической периодики Кубани // Федор Андреевич Щербина и народы Юга России: история и современность: сб. материалов IV междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2006. С. 310–316.
11. Слуцкий А.И. «По условиям задачи...»: архивный сюжет // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1995. № 1. С. 22–24.
12. Лучинский Ю.В. История периодической печати Кубанской области (1863–1905). Краснодар: Парабеллум, 2013. 226 с.
13. Городецкий Б.М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе. Екатеринодар, 1914. С. 69–70.
14. Гончаров М.А. Русские педагогические журналы и их влияние на общее и педагогическое образование России середины XIX – начала XX вв. (К 150-летию со дня выхода журнала «Учитель») // Проблемы современного образования. 2011. № 4. С. 47–59.
15. Екатеринодар – Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях. Материалы к Летописи. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1993. 798 с.
16. Школа и жизнь. 1907. № 1 (1 янв.). С. 39–40.
17. Митрополит Ростислав (Девятов). Биографический словарь преподавателей и наставников Томской духовной семинарии (1858–1920). Томск: Издательство Томской духовной семинарии, 2018. 352 с.
18. От редакции // Школа и жизнь. 1907. № 1 (1 янв.). С. 2–4.
19. Школа и жизнь. 1907. № 6 (15 марта). С. 22.
20. Пальмов И. Из поездок по Кавказу // Школа и жизнь. 1907. № 10 (15 мая). С. 7–14.
21. П. Т-ский Несколько слов о культуре Кубанской области // Школа и жизнь. 1907. № 18. С. 33–35.
22. Протокол очередного общего собрания членов Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Кубанской области и Черноморской губернии 3–4 января 1907 г. // Школа и жизнь. 1907. № 9 (1 мая 1907). С. 28–37.
23. От редакции. Кубанская школа. 1914. № 1. С. 1–5.
24. Щербина Ф.А. Привет «Кубанской школе» // Кубанская школа. 1914. № 1. С. 78–81.
25. Колесников В.А. Региональный учительский корпус в начале XX века (На примере училищ станиц Невинномысской и Григориполисской) // Вестник Ставропольского краевого института развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования: научно-методический журнал. 2020. Вып. 11. С. 66–68.
26. Товпекин С. О школьной дисциплине // Кубанская школа. 1914. № 1. С. 13–16.
27. Лапик Т. О чтениях для мусульман // Кубанская школа. 1914. № 2. С. 89–93.
28. Городецкий Б.М. Отечествоведение и учителя // Кубанская школа. 1914. № 2. С. 94–97.
29. Протокол общего собрания членов Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших в Кубанской области и Черноморской губернии, состоявшегося 3–4 января 1916 года // Кубанская школа. 1916. № 1. С. 25–32.

References

1. Azarnaya, M.A. (2006) "Gimnaziya" (1888–1900 gg.) kak obrazets provintsial'noy pedagogicheskoy periodiki Rossiyskoy imperii [The Gimnaziya (1888–1900) as an example of provincial pedagogical periodicals of the Russian Empire]. *I-format. Zhurnalistika provintsii*. 2. pp. 116–123.
2. Goncharov, M.A. (2018) *Genезis gosudarstvenno-obshchestvennogo upravleniya pedagogicheskim obrazovaniem v Rossii XVIII – nachala XX v.* [The Genesis of State-Public Management of Teacher Education in Russia in the 18th – early 20th Centuries]. Moscow: Probel.
3. Gotalov-Gotlib, A.G. (1941) Russkaya pedagogicheskaya zhurnalistika pervoy poloviny XIX v. i K.D. Ushinskiy [Russian pedagogical journalism of the first half of the 19th century and Konstantin Ushinsky]. *Sovetskaya pedagogika*. 3. pp. 79–90.
4. Denisovich, T.E. (2005) *Pedagogicheskaya zhurnalistika* [Pedagogical Journalism]. Smolensk: Smol. gor. tip.
5. Dovator, R.L. (1987) *Pedagogicheskaya pechat' Rossii na rubezhe vekov* [Pedagogical press in Russia at the turn of the century]. *Sovetskaya pedagogika*. 6. pp. 114–120.
6. Kondrat'eva, G.V. (2002) *Iz istorii chastnykh pedagogicheskikh zhurnalov vtoroy poloviny XIX v.* [From the history of private pedagogical journals of the second half of the 19th century]. *Pedagogika*. 2. pp. 64–70.
7. Puzyreva, L.V. (2012) *O fenomene russkoy pedagogicheskoy zhurnalistiki (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [On the phenomenon of Russian pedagogical journalism (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 1. pp. 49–59.
8. Trushin, N.A. (1956) *Obshchestvenno-pedagogicheskaya deyatelnost' N.I. Novikova* [Social and pedagogical activities of Nikolai Novikov]. *Sovetskaya pedagogika*. 6. pp. 70–83.
9. Volik, E.A. (2020) *O tematicheskikh osobennostyakh pedagogicheskoy zhurnalistiki 1860–1917 gg.* [On the thematic features of educational journalism 1860–1917]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. 1 (26). pp. 197–203.
10. Slutskiy, A.I. (2006) [From the history of pedagogical periodicals of Kuban]. *Fedor Andreevich Shcherbina i narody Yuga Rossii: istoriya i sovremenmost'* [Fedor Andreevich Shcherbina and the Peoples of the South of Russia: History and modernity]. Proceedings of the 4th International Conference. Krasnodar. 26 February 2006. Krasnodar: IMSIT. pp. 310–316. (In Russian).
11. Slutskiy, A.I. (1995) "Po usloviyam zadachi...": arkhivnyy syuzhet ["According to the terms of the task...": archival story]. *Kuban': problemy kul'tury i informatizatsii*. 1. pp. 22–24.

12. Luchinskiy, Yu.V. (2013) *Istoriya periodicheskoy pechati Kubanskoj oblasti (1863–1905)* [History of the Periodical Press of the Kuban Region (1863–1905)]. Krasnodar: Parabellum.
13. Gorodetskiy, B.M. (1914) *Ocherk razvitiya russkoj periodicheskoy pechati na Severnom Kavkaze* [Essay on the Development of Russian Periodicals in the North Caucasus]. Yekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya. pp. 69–70.
14. Goncharov, M.A. (2011) Russkie pedagogicheskie zhurnaly i ikh vliyanie na obshchee i pedagogicheskoe obrazovanie Rossii serediny XIX – nachala XX vv. (K 150-letiyu so dnya vykhoda zhurnala “Uchitel’”) [Russian pedagogical journals and their influence on general and pedagogical education in Russia in the mid-19th – early 20th centuries. (To the 150th anniversary of the publication of the magazine “Teacher”)]. *Problemy sovremennoy obrazovaniya*. 4. pp. 47–59.
15. Avramenko, A.M. et al. (1993) *Ekaterinodar – Krasnodar. Dva veka goroda v datakh, sobyitiyakh, vospominaniyakh. Materialy k Letopisi* [Yekaterinodar – Krasnodar. Two centuries of the city in dates, events, and memories. Materials for the Chronicle]. Krasnodar: Krasnodar. kn. izd-vo.
16. *Shkola i zhizn’*. (1907) 1. 1 January. pp. 39–40.
17. Metropolitan Rostislav (Devyatov). (2018) *Biograficheskiy slovar’ prepodavateley i nastavnikov Tomskoy dukhovnoy seminarii (1858–1920)* [Biographical Dictionary of Teachers and Mentors of the Tomsk Theological Seminary (1858–1920)]. Tomsk: Izdatel’stvo Tomskoy dukhovnoy seminarii.
18. *Shkola i zhizn’*. (1907) Ot redaktsii [From the editors]. *Shkola i zhizn’*. 1. 1 January. pp. 2–4.
19. *Shkola i zhizn’*. (1907) 6. 15 March. P. 22.
20. Pal’mov, I. (1907) Iz poezdok po Kavkazu [From trips to the Caucasus]. *Shkola i zhizn’*. 10. 15 May. pp. 7–14.
21. P. T–skiy. (1907) Neskol’ko slov o kul’ture Kubanskoj oblasti [A few words about the culture of the Kuban region]. *Shkola i zhizn’*. 18. pp. 33–35.
22. *Shkola i zhizn’*. (1907) Protokol ocherednogo obshchego sobraniya chlenov Obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchashchim i uchivshim v nachal’nykh uchilishchakh Kubanskoj oblasti i Chernomorskoy gubernii 3–4 yanvarya 1907 g. [Minutes of the next general meeting of members of the Society for Mutual Assistance to students and teachers in primary schools of the Kuban region and the Black Sea province on January 3–4, 1907]. *Shkola i zhizn’*. 9. 1 May. pp. 28–37.
23. Kubanskaya shkola. (1914) Ot redaktsii [From the editors]. *Kubanskaya shkola*. 1. pp. 1–5.
24. Shcherbina, F.A. (1914) Privet “Kubanskoj shkole” [Hello to “Kuban School”]. *Kubanskaya shkola*. 1. pp. 78–81.
25. Kolesnikov, V.A. (2020) Regional’nyy uchitel’skiy korpus v nachale XX veka (Na primere uchilishch stanits Nevinnomysskoj i Grigoripolisskoj) [Regional teacher corps at the beginning of the 20th century (On the example of schools in the Nevinnomysskaya and Grigoripoliskaya stanitsas)]. *Vestnik Stavropol’skogo kraevogo instituta razvitiya obrazovaniya, povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki rabotnikov obrazovaniya: nauchno-metodicheskiy zhurnal*. 11. pp. 66–68.
26. Tovpekin, S. (1914) O shkol’noy distsipline [About school discipline]. *Kubanskaya shkola*. 1. pp. 13–16.
27. Lapik, T. (1914) O chteniyakh dlya musul’man [About readings for Muslims]. *Kubanskaya shkola*. 2. pp. 89–93.
28. Gorodetskiy, B.M. (1914) Otechestvovedenie i uchitelya [National studies and teachers]. *Kubanskaya shkola*. 2. pp. 94–97.
29. Kubanskaya shkola. (1916) Protokol obshchego sobraniya chlenov Obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchashchikh i uchivshikh v Kubanskoj oblasti i Chernomorskoy gubernii, sostoyavshegosya 3–4 yanvarya 1916 goda [Minutes of the general meeting of members of the Society for Mutual Assistance of Students and Teachers in the Kuban Region and the Black Sea Province, held on January 3–4, 1916]. *Kubanskaya shkola*. 1. pp. 25–32.

Информация об авторах:

Лучинский Ю.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: lyv22@mail.ru

Безрукавая М.В. – д-р филол. наук, доцент кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: sea_pearl_@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.V. Luchinsky, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: lyv22@mail.ru

M.V. Bezrukavaya, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: sea_pearl_@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.05.2023;
одобрена после рецензирования 17.06.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 07.05.2023;
approved after reviewing 17.06.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 81'42:811.111
doi: 10.17223/15617793/492/5

Лингвосемиотика медийного пандемического дискурса (на материале англоязычных публикаций, посвященных эпидемии коронавируса)

Наталья Геннадиевна Склярова¹, Анастасия Витальевна Лаврухина²

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ panochka@bk.ru

² 15nastia15@mail.ru

Аннотация. Через совокупность типологических параметров характеризуется медийный пандемический дискурс. На материале текстов публикаций британских и американских СМИ рассматриваются вербальные знаки медийного пандемического дискурса, служащие для описания распространения коронавирусной новой инфекции и борьбы с ней. Исследуются особенности функционирования различных типов языковых знаков в медийном пандемическом дискурсе для осуществления речевого воздействия на читательскую аудиторию.

Ключевые слова: дискурс, пандемия, речевое воздействие, семиотика, языковой знак, средства массовой информации

Для цитирования: Склярова Н.Г., Лаврухина А.В. Лингвосемиотика медийного пандемического дискурса (на материале англоязычных публикаций, посвященных эпидемии коронавируса) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 40–49. doi: 10.17223/15617793/492/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/5

Semiotic description of the pandemic media discourse (on the material of English articles on the coronavirus epidemic)

Natalia G. Sklyarova¹, Anastacia V. Lavrukina²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹ panochka@bk.ru

² 15nastia15@mail.ru

Abstract. In the article, pandemic media discourse is characterized through the typological features such as time, place, participants, conditions, aims, and communication means. Various types of verbal signs used in the texts of British and American media, which discuss the situation with the spread of coronavirus and the struggle against it, are investigated. The methods of contextual and discourse analysis help to reveal the ways verbal signs influence the reader in pandemic media discourse. Pandemic discourse is not characterized by regularity and predictability as it emerges with the epidemic and accompanies it. The conditions which determine its appearance include the quick spread of the infection, which is resistant to the traditional treatment; the high rate of mortality from its complications; people's concern about it; and the search for the means to stop it. Consequently, the aim of pandemic discourse consists in the fight against the disease. It exists in written and oral forms and is divided into institutional, personal, and media variations depending on the location of the communication; thus its participants may be professionals and experts in this field, common people, celebrities, journalists, politicians, authorities. The study of the language material shows that the verbal signs in pandemic media discourse denote persons involved in the situation connected with the spread of the infection and the struggle against it, their resources and actions, the location of the events, various quantitative and qualitative characteristics. The signs convince the reader in the seriousness of the epidemic by displaying its scale, characterizing the variants of the virus, and showing the authorities' concern. Informing about the deterioration or improvement of the situation, negative economic consequences, helplessness of the healthcare, or, on the contrary, the professional efficiency of the medical staff, effectiveness of the vaccine, the state support of the people and business, the above-mentioned verbal signs evoke various feelings and emotions from anxiety and uncertainty to hope and optimism. The gloomy details of the life in the period of the pandemic depicted by them affect the recipients' mood as well. The verbal signs also remind of the precautionary measures and the necessity of vaccination, which provokes opposite reactions, such as approval or disapproval. The peculiarities of treatment and vaccines, described by the verbal signs, not only clarify some issues but also cause negative effect on the psyche. Besides, they produce the impression on the addressees by increasing the reliability of the information. On the whole, the verbal signs of various types both inform the readers and manipulate them, creating in their minds the pandemic picture of the world.

Keywords: discourse, pandemic, speech manipulation, semiotics, verbal sign, mass media

For citation: Sklyarova, N.G. & Lavrukhina, A.V. (2023) Semiotic description of the pandemic media discourse (on the material of English articles on the coronavirus epidemic). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 40–49. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/5

В современных лингвистических исследованиях важное место занимает анализ языка в социокультурном контексте, теоретические основы которого сформулированы в работах З. Харриса [1], Т. ван Дейка [2], А.А. Кибрика [3], В.И. Карасика [4], В.Д. Кашкина [5] и других ученых. К настоящему времени лингвистикой накоплен достаточно большой материал по вопросам, связанным с определением и структурой дискурса, всесторонне описаны различные типы дискурса, предприняты попытки их классификации. Вместе с тем имеющийся на сегодняшний день перечень дискурсов нельзя считать исчерпывающим в силу гибридизации существующих и возникновения новых разновидностей, иными словами, дискурсивное пространство является динамичным, реагирующим на происходящие в обществе изменения.

Цель данной статьи состоит в характеристике медийного пандемического дискурса как лингвосемиотической системы, служащей для реализации информирующей и воздействующей функций. В соответствии с поставленной целью в круг задач исследования входят, во-первых, описание пандемического дискурса с точки зрения типологических параметров и структуры; во-вторых, систематизация и классификация вербальных знаков, функционирующих в его медийной разновидности; в-третьих, анализ особенностей использования в медийном пандемическом дискурсе знаков разных типов для осуществления речевого воздействия на массовое сознание и формирования картины мира реципиента. Новизна работы заключается в том, что в ней впервые обобщены типологические признаки медийного пандемического дискурса и выявлены функционально-семантические свойства его языковых знаков.

Распространение новой коронавирусной инфекции в мире за последние несколько лет и приобретение ею масштабов пандемии, которая оказала влияние на образ жизни множества людей и борьба с которой осуществляется в международном масштабе, повлекло за собой обращение средств массовой информации к данной проблеме, ставшей одной из наиболее обсуждаемых. Языковой репрезентации эпидемии посвящены работы отечественных ученых, где рассматриваются вызванные ею метафорические процессы [6], аксиологические изменения [7], разновидности сообщаемой о ней информации [8]. Все это позволяет говорить о необходимости выделения пандемического дискурса как особого типа дискурса, имеющего свою специфику, изучение которой представляется в настоящее время особенно актуальным. В связи с тем, что эпидемия довольно редко приобретает статус пандемии, лингвистам выпадает уникальная возможность всесторонне исследовать пандемический дискурс, кардинально важный в данный момент по своему функциональному статусу, и вместе с тем чрезвычайно многообразный и интересный по своему содержанию.

Как форма коммуникации пандемический дискурс характеризуется с точки зрения таких выделенных В.И. Карасиком параметров, как время, место, участники, условия, цель и способы общения [9. С. 6]. Одной из его особенностей служит то, что он имеет формальную и неформальную стороны, каждая из которых включает текст и контекст и обладает особыми стилистическими характеристиками, отражающими специфику коммуникации в конкретной ситуации. Мы полагаем, что пандемический дискурс существует в институциональной, персональной и медийной формах. Институциональный пандемический дискурс представляет собой профессиональную коммуникацию в рамках заданных статусно-ролевых отношений между врачами и пациентами, а также между самими медицинскими работниками, учеными-вирусологами, инфекционистами, эпидемиологами и т.п. Персональный пандемический дискурс включает общение между людьми, которые на бытовом уровне обсуждают эпидемию и высказывают свое мнение по поводу сложившейся ситуации. Медийный пандемический дискурс включает освещение событий, связанных с распространением эпидемии и борьбой с ней, в публикациях и телевизионных передачах. В нем участвуют как специалисты и эксперты в данной области, так и рядовые граждане, а также политики, представители власти, журналисты, знаменитости.

Таким образом, участники пандемического дискурса варьируются в зависимости от типа коммуникации. Места реализации пандемического дискурса также зависят от его разновидности. Институциональный пандемический дискурс ассоциируется с госпиталями и больницами, лабораториями, обрабатывающими тесты на наличие инфекции, научными мероприятиями, посвященными ее изучению, исследовательскими институтами, занимающимися разработкой вакцин и лекарств. Персональный пандемический дискурс не имеет определенной локации, поскольку может возникнуть где угодно – дома, на работе, в общественном транспорте и других местах. Медийный пандемический дискурс осуществляется в прессе, телевизионной студии, Интернете, причем во втором случае он может существовать как в устной, так и в письменной формах. Что касается условий его возникновения, то к ним следует отнести появление инфекции, не поддающейся традиционному лечению, ее стремительное и масштабное распространение, высокую смертность от вызываемых ею осложнений, а также озабоченность людей происходящим и поиск способов остановить эпидемию. В связи с тем, что такие условия наблюдаются довольно редко, пандемический дискурс не обладает четкими временными параметрами. Иными словами, он не отличается периодичностью, систематичностью, регулярностью, предсказуемостью, а возникает стихийно и сопровождает пандемию на протяжении всего периода ее существования. Наконец, целью

пандемического дискурса является борьба с эпидемией.

Среди различных подходов к анализу дискурса выделяется лингвосомиотический, который позволяет понимать любой его тип как сложное коммуникативное явление, включающее процессы производства и восприятия сообщений на фоне социального контекста и дающее представление об участниках коммуникации, их целях, действиях и качествах, эксплицируемых с помощью вербальных знаков [10. С. 167] – двусторонних единиц языка, репрезентирующих различные фрагменты действительности [11. С. 167]. Преимуществом семиотического описания дискурса служит тот факт, что знак не приравнивается к слову, а может представлять собой сочетание нескольких слов.

Единицы любой семиотической системы имеют определённые функции, сущность которых обуславливается характером данной системы. Лингвистическая семиотическая система не является исключением – каждая её единица способствует реализации трех основополагающих и тесно связанных между собой функций языка: сообщение (информирование), общение (коммуникация), воздействие, которые отражают реальное практическое назначение речи и речевой деятельности. Для данного исследования существенное значение имеет информирующая функция, поскольку вербальные знаки, функционирующие в медийном пандемическом дискурсе, знакомят читателей с развитием ситуации с коронавирусом. Однако наибольший интерес представляет воздействующая функция, с помощью которой происходит изменение отношения реципиента к описываемым событиям и ситуации в целом.

Семиотический подход неоднократно использовался для характеристики различных типов дискурса, а именно: волонтерского [10], циркового [12], гастрономического [13], сельскохозяйственного [14], университетского [15], милитарно-медийного [16], медийного монархического [17] и других, которые рассматривались как система различных типов знаков, взаимодействующих друг с другом для реализации различных коммуникативных задач.

В нашей работе мы будем опираться на классификацию А.В. Олянич, согласно которой среди языковых знаков различают знаки-персоналии, знаки-инструментативы, знаки-процессивы, знаки-локативы, знаки-квантификаторы и знаки-классификаторы. Перечисленные типы знаков обозначают, соответственно, участников событий, их действия, используемые ими материальные и нематериальные ресурсы, а также осуществляют локализацию происходящих событий и дают им количественную и качественную оценку [18]. Материалом исследования послужили отобранные случайно 86 публикаций, посвященных эпидемии коронавируса, которые размещены на сайтах британских и американских изданий *The Independent*, *The Guardian*, *The Sun*, *The New York Times*, *The Washington Post*, *The Daily News*, англоязычных информационно-новостных агентств *The BBC News*, *Aljazeera*, *CNBS*, *CNN*, *Fox News*, *Bloomberg*, а также

интернет портале *Stat News* в период с января 2020 по апрель 2021 г.

Знаки-персоналии, представленные нарицательными и (или) собственными именами существительными, а также субстантивными словосочетаниями, в медийном пандемическом дискурсе обозначают участников описываемых событий, а именно:

– медицинских работников (*doctors and nurses on the front lines, health-care workers, front-line health workers, clinicians, respiratory physicians, pulmonologist, military doctors, medical professionals, medical stuff, volunteer medical teams / doctor* и т.п.). Данные знаки-персоналии употребляются в контекстах, подчеркивающих трудные условия работы медицинского персонала: (1) ***Doctors and nurses on the front lines are running on empty, under increasing duress as the pandemic surges and hospitals are overrun with patients*** [19];

– экспертов и специалистов в области вирусологии, эпидемиологии, медицины, фармакологии (*researchers, epidemiologists, virologists, drugmakers, respiratory consultant, health care / public health / medical experts, public health consultant, government's leading expert, professor of immunology, infectious disease specialist, professor of the chair of public health medicine, an adjunct lecturer on global health* и т.п., которые могут использоваться в сочетании с их личными именами). В подобных знаках-персоналиях элемент, указывающий на принадлежность к научным кругам, повышает авторитетность мнения, тогда как название конкретного лица придает достоверность сообщаемой информации, а его отсутствие позволяет избежать ответственности за высказанное мнение: (2) ***Professor Gabriel Leung, the chair of public health medicine at Hong Kong University, said the overriding question was to figure out the size and shape of the iceberg*** [20];

– должностных лиц (*Prime Minister, President, the head of the World Health Organization, health minister, the health secretary, health officials, chief medical officer, interim executive chairwoman of the National Institute for Health Protection, public-health authorities* и т.п., в том числе в сочетании с их личными именами и (или) с наименованиями представляемых ими учреждений или возглавляемых ими государств). В зависимости от контекста функционирования знаки-персоналии этой группы выполняют различные задачи. Во-первых, они служат для того, чтобы подчеркнуть следующее: для коронавирусной инфекции не существует никаких границ, поскольку заразиться может каждый, даже позволяющий себе воздерживаться от обширных контактов с другими людьми в силу своих статусных и должностных привилегий. Во-вторых, ссылка на авторитетные источники придает информации о распространении коронавируса больше убедительности, с тем чтобы посеять беспокойство или, наоборот, вселить надежду. В-третьих, данные знаки указывают на озабоченность властей сложившейся ситуацией:

(3) ***The head of the World Health Organization warned the threat of a global coronavirus pandemic was "very real" as the contagion continued its rapid spread around the world*** [21];

(4) **Prime Minister Boris Johnson** has tested positive for coronavirus and is self-isolating in Downing Street [22];

– рядовых граждан, тем или иным образом вовлеченных в ситуацию (*patients, participants, examinees, symptomatic Covid-19 patients, silent coronavirus carriers, asymptomatic carriers, care home resident, the elderly, teenagers, young adults, students, volunteers, workers at greater risk* и т.п.). Использование таких знаков персоналий свидетельствует о том, что ситуация так или иначе коснулась всех и каждого: (5) **From that date, care home residents in England will be allowed one regular visitor and there will almost certainly be some easing of the rules on meeting people from other households outdoors** [23].

Отдельного внимания заслуживают знаки-персоналии, появление которых обязано самой эпидемии (*coronator, covidiot, apocalypse wife, super-spreader, super-shedder, anti-vaxxer* и т.п.): (6) **But the council was nevertheless worried that college students sharing dorms, bathrooms and showers could become super-spreaders and bring the virus off campus, council chair George Handley said** [24].

Знаки-локативы, представленные именами собственными, в медийном пандемическом дискурсе осуществляют локализацию происходящих событий путем обозначения следующих топографических и урбанистических объектов:

– государств и их административно-территориальных единиц (*the United States, China, England, Florida, New York, Auckland* и т.п.). Такие знаки-локативы показывают масштаб пандемии, подчеркивают, что ею охвачены даже самые экономически благополучные районы, с высоким уровнем жизни, а также населенные пункты, расположенные в различных климатических зонах: (7) **Seven states are reporting new highs for current coronavirus hospitalizations – Arizona, Arkansas, California, North Carolina, South Carolina, Tennessee and Texas – as the number of infections continues to climb across the South and West** [25];

– медицинских учреждений, где развернуты ковидные госпитали, и зданий, переоборудованных для приема и лечения ковидных больных (*Nightingale Hospital, Belfast City Hospital, Queen Elizabeth Hospital, Jackson Memorial Hospital, Manchester's Central Complex, Birmingham's National Exhibition Centre* и т.п.). Знаки-локативы, входящие в данную группу, свидетельствуют о серьезности ситуации, сложившейся в мире, о распространении пандемии, увеличении случаев, требующих госпитализации: (8) **The emergency department at Jackson Memorial Hospital, wedged between Little Havana and the vibrant murals of Wynwood in Miami, has overflowed with Covid-19 patients for weeks** [26].

Знаки-локативы, номинирующие учреждения как урбанистические объекты, следует отличать от знаков-инструментативов, дифференцирующих учреждения по профилю предоставляемых медицинских услуг, на том основании, что первые служат для наименования мест, где разворачивается борьба с пандемией, тогда как вторые, речь о которых пойдет ниже, выступают в качестве наименований средств данной борьбы.

Знаки-инструментативы, представленные нарицательными и собственными именами существительными и субстантивными словосочетаниями, в медийном пандемическом дискурсе обозначают материальные и нематериальные ресурсы, используемые для борьбы с пандемией. Они номинируют различные денотаты, как то:

– предметы личной гигиены (*hand sanitizer, face-mask, bottles of sanitizer, protective suit, face-covering* и т.п.). Подобные знаки-инструментативы напеминают о необходимости соблюдать меры предосторожности, а также используются в контекстах, где говорится о снабжении санитарно-гигиенической продукцией районов с высоким уровнем эпидемиологической опасности: (9) **Medical supplies including face masks, protective suits, and medicines are arriving in epidemic areas** [27]. Но иллюкутивная установка высказывания не всегда дает нужный перлокутивный эффект, и подобные предостережения способны пробудить у реципиентов разные реакции. Если сознательные и ответственные граждане, вероятно, будут строго выполнять предписания, то у несознательных и безответственных слоев населения их упоминание может вызвать раздражение и отрицание опасности заражения;

– учреждения, оборудование, препараты, предназначенные для тестирования, лечения, вакцинации, а также способы лечения и предотвращения болезни и все, что связано с производством вакцины (*hospital, research labs, mobile testing units, PCR test, saliva test, nasopharyngeal swab testing, home test kit, late stage trial, clinical trial, survivors' blood plasma, antibody cocktail, antiviral drug, oxygen, respiratory wards, high-dependency beds, ventilator, medically induced coma, immunotherapy, steroid treatments, hospital treatment, intensive care, ventilation beds, steroid dexamethasone, hydrocortisone, tocilizumab, sarilumab, Remdesivir, coronavirus vaccines, the Sputnik V vaccine, the AstraZeneca vaccine, the Moderna vaccine* и т.п.). Знаки-инструментативы, принадлежащие к этой группе, употребляются в публикациях, где доходчиво объясняются принципы действия прививки или особенности терапии, методы тестирования: (10) **Tocilizumab and sarilumab dampen down inflammation, which can go into overdrive in Covid patients and cause damage to the lungs and other organs** [28]. Здесь можно выделить несколько типичных ожидаемых вариантов коммуникативного поведения реципиентов, обусловленного воздействием этих знаков. Так, если на одних подробности лечения будут наводить страх, а сложные названия медицинских препаратов усилят неясность, то другие попытаются извлечь больше полезной информации и прояснить для себя вопросы, связанные с новой коронавирусной инфекцией;

– ограничительные мероприятия, вводимые федеральными и региональными органами власти для того, чтобы остановить распространение инфекции (*coronavirus-related quarantine, curfew, travel restrictions, severe restrictions, new lockdown restrictions, lockdown, strict lockdown, national lockdown, social distance, social distancing rules / measures, prevention / precautionary measures, strict quarantine measures, physical distancing,*

travel ban, new coronavirus laws и т.п.). Такие знаки-инструментативы свидетельствуют о масштабности борьбы с ростом заболеваемости, о степени заразности вируса и о серьезности ситуации в целом: (11) *It's also not possible to maintain true social distance from the people preparing or serving the food* [29];

– меры правительства, направленные на помощь населению и бизнесу (*corona bond, vaccination allocations, additional support, sick pay, guaranteed sick leave, paid family leave, financial rewards* и т.п.). Знаки-инструментативы данной группы вселяют в реципиента надежду на то, что государство не оставляет своих граждан в трудную минуту, заботится о них, в том числе предоставляя возможность бесплатной вакцинации, и что каждый может рассчитывать на его поддержку: (12) *European leaders briefly debated the possibility of corona bonds last week* [30];

– различные международные, государственные и негосударственные организации, фонды, учреждения, существующие или созданные в условиях пандемии и так или иначе причастные к ситуации (*the World Health Organization, Public Health, National Pandemic Flu service, health protection principal committee, The Centers for Disease Control and Prevention, European Centre for Disease Prevention and Control, the Coalition for Epidemic Preparedness Innovations, the Bill and Melinda Gates Foundation, the Global Giving United Nations Foundation, DirectRelief, Doctors Without Borders* и т.п.). В зависимости от контекста знаки-инструментативы служат для реализации различных функций. Они придают авторитетность сообщаемой информации, свидетельствуют о вовлеченности в борьбу с коронавирусом ряда медицинских, коммерческих и благотворительных структур, координированности действий официальных властей и экспертов: (13) *The Centers for Disease Control and Prevention (CDC) on Wednesday announced shorter coronavirus-related quarantine periods ahead of anticipated holiday travel* [31].

Знаки-квантификаторы, представленные количественными числительными, нередко сопровождаемыми аппроксиматорами *about, around, more than, over, something, younger, older* и т.п., в медийном пандемическом дискурсе содержат следующие статистические сведения:

– стоимость медикаментозного лечения, дезинфицирующих средств, разработки новых вакцин, объем средств, отчисляемых на борьбу с пандемией, и т.п. Знаки-квантификаторы, обозначающие перечисленные выше затраты, информируют о дополнительной нагрузке, оказываемой коронавирусной инфекцией на экономику: (14) *The average cost to treat a hospitalized patient with the virus is \$30,000, according to a study released Wednesday by America's Health Insurance Plans, a trade group for insurers* [32];

– число инфицированных, госпитализированных, умерших, вакцинированных людей, добровольцев, привлеченных для испытания новых вакцин, количестве необходимых доз и т.п. При помощи знаков-квантификаторов точной семантики подчеркивается, что органами здравоохранения учитывается каждый слу-

чай заражения новой коронавирусной инфекцией, тогда как знаки-квантификаторы приблизительной семантики в силу округления числовых данных способствуют запоминанию информации. Они либо служат показателями профессионализма работников медицинской сферы, результативности методов лечения, эффективности вакцины, либо свидетельствуют о беспомощности медицины перед вирусом, но в любом случае производят впечатление на читателя:

(15) *A further 15,166 lab-confirmed cases of coronavirus in the UK were reported on Saturday, and 81 more deaths were confirmed of people who died within 28 days of testing positive for Covid-19* [33].

(16) *Its trial involved more than 30,000 people, half of whom received the vaccine and the other half received a placebo* [34];

– возрастные категории граждан, находящихся в группе риска, вакцинированных, инфицированных, в том числе госпитализированных и пребывающих в тяжелом состоянии. Знаки-квантификаторы данной группы апеллируют к реципиентам соответствующего возраста, цифры оказывают на читателя определенное воздействие, заставляют задуматься о необходимости пройти вакцинацию, соблюдать предписанные меры предосторожности: (17) *In South Korea, for example, which had an early surge of cases, the death rate in Covid-19 patients ages 80 and over was 10.4%, compared to 5.35% in 70-somethings, 1.51% in patients 60 to 69, 0.37% in 50-somethings. Even lower rates were seen in younger people, dropping to zero in those 29 and younger* [35].

Знаки-процессивы, представленные глаголами и глагольными словосочетаниями, в медийном пандемическом дискурсе описывают действия коронавируса, а также противодействие ему со стороны властей, медиков и рядовых граждан.

Процессы, в которые вовлечен вирус, касаются как его распространения, так и воздействия на здоровье (*to resist, to infect, to spread, to kill, to cause damage to the lungs and other organs* и т.п.): (18) *After Boris Johnson imposed strict tier 4 coronavirus restrictions on London and southeast England on Saturday, the UK's neighbours responded by banning British travellers from crossing their borders for fear that the novel virus variant would spread* [36].

Процессы, в которых участвуют люди, охватывают широкий спектр действий, связанных, в частности:

– с выявлением и подтверждением новых случаев заражения и штаммов (*to identify variants, to track down / trace / detect / diagnose cases, to test asymptomatic cases* и т.п.). Подобные знаки-процессивы информируют об ухудшении эпидемиологической обстановки и воздействуют на эмоциональное состояние читателя: (19) *Three cases have been detected in England and three in Scotland, health authorities have said* [37];

– разработкой новых и действенных методов лечения, предотвращением и диагностикой (*to approve, to develop, to devise, to expertise, to dampen down inflammation, to reduce / cut the risk of death / mortality risk, to shorten recovery time, to sign licensing agreements* и т.п.). Они свидетельствуют о том, что ученые

находятся в постоянном поиске эффективного средства для борьбы с коронавирусом, и позволяют читателю надеяться на то, что с эпидемией рано или поздно будет покончено: (20) *Researchers and drug-makers are racing to develop treatments that could hold the key to recovery* [38];

– контролем эпидемиологической ситуации, соблюдением мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции (*to impose, to ease, to fine, to force school closures, to close hospitality businesses / borders, to reopen pubs / gyms / spas / nail bars / beauty salons, to lift, to keep oneself away from, to wash hands regularly, to clean work surfaces and door handles, to test / check for coronavirus, to vaccinate against COVID-19, to hospitalize, to localize an outbreak, to slow / stem / contain / prevent the spread / transmission of coronavirus / outbreak / infection, buy and deliver food and medicines, to shut down whole cities and transport networks, to record deaths* и т.п.). Знаки-процессивы данной группы сообщают об ухудшении или улучшении ситуации в стране целом или конкретном регионе и, соответственно, вызывают обеспокоенность или вселяют надежду: (21) *The Brazilian "variant of concern" that has been discovered in the UK could disrupt plans to lift all lockdown measures in the UK by June 21 an expert has suggested* [39];

– проживанием в условиях пандемии (*to die, to mourn, to fall ill, to contract the illness, to recover, to struggle to pay bills, to endure, to pray for, to avoid household mixing, to self-isolate* и т.п.). Такие знаки-процессивы дополняют представление читателя о сложившейся ситуации мрачными деталями о трудностях, с которыми пришлось столкнуться людям в условиях пандемии, о финансовой и психологической неподготовленности к ним: (22) *Essential workers are falling ill. And struggling to pay the bills* [40].

Знаки-классификаторы, представленные именами существительными, прилагательными, причастиями, именными словосочетаниями, в медийном пандемическом дискурсе обозначают качества, свойства, ценности и антиценности, характеризуют различные фрагменты действительности, а именно:

– физическое и моральное состояние рядовых граждан и врачей (*trauma, fatigue, uncertainty, endurance, total panic, fear, exhausted, worried, steadfast, anxious, overwhelmed, tired* и т.п.). Такие знаки-классификаторы в основном имеют отрицательную коннотацию и поэтому в условиях неопределенности, непредсказуемости и неконтролируемости ситуации оказывают угнетающее воздействие на психику реципиента: (23) *Recent polls have shown the effects of pandemic fatigue – people getting tired of following strict Covid-19 guidelines – even though the virus's spread is worsening* [41];

– различные штаммы коронавируса (*infectious, life threatening, contagious, severe, transmissible, concerning, mutated, virulent, deadly, rapidly spreading, serious* и т.п.). Знаки-классификаторы данной группы часто используются в сочетании с интенсификаторами *highly, more, especially, twice as ... as* и свидетельствуют о еще более серьезной опасности, которую несут новые штаммы, возникшие в результате мутации коронавируса, что также оказывает негативное

влияние на читателя: (24) *Early research into people infected with the coronavirus variant first detected in Brazil, known as P1, estimates that it is roughly twice as infectious as other mutated forms of the virus and can partially evade immunity elicited by previous infection* [42];

– состояние экономики в целом и отдельных ее секторов, систему здравоохранения, эпидемическую ситуацию и данный временной период (*evolving situation, critical stage, devastation, disaster, huge falls, pained, indefinite, fading dark, difficult, vulnerable, understaffed, stretched beyond capacity* и т.п.). Подобные знаки-классификаторы создают еще более безнадешную и пессимистичную картину и оказывают влияние на настроение читателя: (25) *The fading dark days of this pandemic winter could yield to another wave of infections propelled by mutated variants of the virus that have taken root, with 997 infections attributed to them nationwide by Thursday night* [43];

– изменения приоритетов во время пандемии (*food, comfort, daily meals, sleep, families, old ties*). Перечисленные выше знаки-классификаторы свидетельствуют о том, что в условиях эпидемии и социальной изоляции люди стараются извлечь максимум пользы и позитивных эмоций из сложившейся ситуации и начинают ценить то, что раньше воспринимали как должное, находить удовольствие в обыденных вещах: (26) *Life in lockdown has necessitated close, constant contact with our families and partners, but social distancing measures have isolated us from our friends and wider communities* [44].

Количественный подсчет знаков-персоналий, знаков-локативов, знаков-инструментативов, знаков-квантификаторов, знаков-процессивов и знаков-классификаторов, функционирующих в медийном пандемическом дискурсе, дает неоднозначные результаты. Анализ полученных данных свидетельствует о том, что встречаемость вербальных знаков различных типов варьируется в зависимости от тематики публикации. В частности, в статьях, предлагающих обзор ситуации с распространением коронавируса, включая случаи заражения, выздоровления, смерти, вакцинации, превалируют знаки-квантификаторы (34,6%), тогда как второе место занимают знаки-локативы (28,8%). В материалах, специализирующихся на медицинских аспектах проблемы, увеличивается число знаков-инструментативов (30,7%), а на второе место по употребительности выходят знаки-процессивы (22,8%). В текстах, освещающих социальные аспекты, лидируют знаки-процессивы (32,9%), второе место принадлежит знакам-персоналиям (21,5%). В целом в медийном пандемическом дискурсе количественные показатели распределились следующим образом: 23,3% – знаки-квантификаторы, которые включают числовые, процентные и сопоставительные данные и могут считаться содержательной доминантой рассматриваемого дискурса; 19,6% – знаки-процессивы; 17,9% – знаки-инструментативы, которые отличаются числом выделяемых подклассов; 15,3% – знаки-персоналии; 13,8% – знаки-локативы; 10,1% – знаки-классификаторы.

Следует отметить, что перечни знаков каждого типа не являются исчерпывающими и при дальнейших

исследованиях, вероятно, пополнятся другими разновидностями. В перспективе не исключена и дифференциация внутри выделенных классов, а также количественный подсчет встречаемости единиц различных подклассов, с тем чтобы выявить знаки, маркирующие данный дискурс. Кроме того, планируется рассмотрение возможных комбинаций нескольких типов знаков и лингвосомиотическая классификация метафор, встречающихся в медийном пандемическом дискурсе, исходя из их принадлежности к знакам того или иного типа.

Итак, пандемический дискурс представляет собой особым образом установленное производство языковых знаков, которое является неотъемлемой частью жизни современного общества вместе со всеми социокультурными, прагматическими, психологическими факторами, оказывающими непрерывное воздействие на процесс его вербализации и восприятия. Он не отличается регулярностью и предсказуемостью, поскольку возникает с пандемией и сопровождает ее. Условия, предопределяющие его появление, включают быстрое распространение инфекции, которая не поддается традиционному лечению, большую смертность от ее последствий, озабоченность людей и поиск способов остановить пандемию. Пандемический дискурс существует в устной и письменной формах и подразделяется на институциональную, персональную и медийную разновидности, в связи с чем его участниками могут быть специалисты и эксперты в данной области, рядовые граждане, знаменитости, представители власти, политики, журналисты. Цель медийного пандемического дискурса заключается в информировании населения о ситуации с эпидемией, ее последствиях для экономики и других сфер, предупреждение об опасности заражения, с тем чтобы консолидировать усилия общества, направленные на предотвращение распространения инфекции, и таким образом способствовать борьбе с ней.

В медийном пандемическом дискурсе знаки-персоналии, знаки-локативы, знаки-процессивы, знаки-инструментативы, знаки-квантификаторы и знаки-квалификаторы взаимодействуют друг с другом и служат для решения широкого спектра задач. Они призваны убеждать в серьезности сложившейся ситуации через демонстрацию масштабов эпидемии и борьбы с ней, степени заразности различных штаммов вируса, трудных условий работы медицинского персонала, озабоченности властей и вовлеченности в события различных общественных и государственных структур. При

помощи соответствующих языковых знаков авторы публикаций сообщают об ухудшении или улучшении эпидемиологической обстановки, негативных экономических последствиях, беспомощности медицины перед вирусом или, напротив, результативности методов лечения, эффективности вакцины, профессионализме работников здравоохранения, постоянном поиске действенных средств для борьбы с заболеваемостью и с самой болезнью, заботе государства о рядовых гражданах и представителях малого бизнеса и таким образом пытаются породить у читателей беспокойство, тревогу, пессимизм, состояние безнадежности, безысходности или, напротив, вселить надежду на то, что с эпидемией рано или поздно будет покончено. Кроме того, вербальные знаки разных типов дополняют описание мрачными деталями о трудностях, с которыми пришлось столкнуться населению, о финансовой и психологической неподготовленности к ним, что также не может не влиять на эмоциональное состояние читательской аудитории. Напоминания о необходимости соблюдать меры предосторожности, призывы пройти вакцинацию, осуществляемые языковыми знаками перечисленных классов, способны вызвать у реципиентов разные реакции: от строгого выполнения предписаний до раздражения и отрицания опасности заражения. Отображаемые ими подробности лечения, принципы действия прививки или особенности терапии, вероятно, окажут отрицательное, угнетающее влияние на психику одних читателей, в то время как другие, возможно, будут стремиться извлечь больше полезной информации и прояснить для себя вопросы, связанные с инфекцией. Используя знаки, подтверждающие опору на авторитетные мнения, журналисты повышают достоверность сообщаемым сведениям, придают им большую убедительность и тем самым стараются произвести впечатление на реципиентов, которые, судя по постам в социальных сетях в период эпидемии, начинают ценить то, что раньше воспринимали как должное, находить удовольствие в обыденных вещах.

В целом в условиях неопределенности, непредсказуемости и неконтролируемости ситуации перечисленные типы знаков информируют читательскую аудиторию, апеллируют к ней, управляют ее настроением, т.е. выступают в качестве механизмов речевого воздействия на массовое сознание и создают в нем пандемическую картину мира.

Список источников

1. Harris Z. Discourse analysis // *Language*. 1952. Vol. 28, № 1. P. 1–30.
2. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: URSS, 2015. 320 с.
3. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Кашкин В.Д. Введение в теорию дискурса. М.: Восточная книга, 2010. 152 с.
6. Купина Н.А. Языковые и индивидуальные метафоры в текстах СМИ эпохи коронавируса // *Русский язык коронавирусной эпохи*. СПб.: Изд-во Ин-та лингвистических исследований РАН, 2021. С. 224–233.
7. Купина Н.А. Руководящие ценности россиян в эпоху пандемии коронавируса // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2021. Т. 27, № 2. С. 74–83.
8. Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // *Политическая лингвистика*. 2020. № 2 (80). С. 25–34.
9. Карасик В.И. О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
10. Филиппова Т.А. Лингвосомиотика англоязычного волонтерского дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 167 с.
11. Уфимцева А.А. Знак // *Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярецевой*. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 167.

12. Олянич А.В. «Show must go on», или семиотика циркового дискурса // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 3. С. 759–775.
13. Олянич А.В., Земскова А.Ю. Лингвосомиотика англоязычного гастрономического дискурса. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. аграр. ун-та, 2015. 392 с.
14. Сухова Е.А. Лингвосомиотика сельскохозяйственного дискурса. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. аграр. ун-та, 2016. 199 с.
15. Кириллова И.К. Лингвосомиотика англоязычного университетского дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 199 с.
16. Склярва Н.Г. Лингвосомиотика милитарно-медийного дискурса (на материале современных публикаций англоязычных СМИ). М. : Инфра-М, 2019. 88 с.
17. Склярва Н.Г. Лингвосомиотическая репрезентация жизни британской королевской семьи в медийном монархическом дискурсе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 4. С. 47–55.
18. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. Волгоград : Парадигма, 2004. 507 с.
19. Brenner D. Covid Combat Fatigue: 'I Would Come Home with Tears in My Eyes' // The New York Times. 2020. November 25. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/25/health/doctors-nurses-covid-stress.html>.
20. Boseley S. Coronavirus 'could infect 60% of global population if unchecked' // The Guardian. 2020. February 11. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/11/coronavirus-expert-warns-infection-could-reach-60-of-worlds-population>.
21. Mayberry K. Threat of coronavirus pandemic 'very real': Live updates // Aljazeera. 2020. March 9. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/3/9/threat-of-coronavirus-pandemic-very-real-live-updates>.
22. Coronavirus: Prime Minister Boris Johnson tests positive // BBC News. 2020. March 30. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-52060791>.
23. Merrick R. All UK adults to be offered vaccine by end of July under dramatic acceleration of programme // The Independent. 2021. February 20. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/covid-vaccine-uk-adults-july-b1805091.html>.
24. 'No social distancing': US college towns close bars as Covid-19 cases surge // The Guardian. 2020. August 29. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/aug/29/theyre-not-social-distancing-us-college-towns-close-bars-as-infections-surge>.
25. Knowles H., Wagner J. Seven states report highest coronavirus hospitalizations since pandemic began // The Washington Post. 2020. June 24. URL: <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/06/23/coronavirus-live-updates-us/>.
26. Glenza J. Florida hospitals stretched to capacity by acute coronavirus outbreak // The Guardian. 2020. July 24. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/jul/24/florida-hospitals-coronavirus-outbreak-ron-desantis>.
27. Coronavirus battle in China // The Daily News. 2020. February 15. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/02/15/features/211494/coronavirus-battle-china>.
28. Gallagher J. Coronavirus cure: What progress are we making on treatments? // BBC News. 2021. April 21. URL: <https://www.bbc.com/news/health-52354520>.
29. Mandavilli A. Wondering About Social Distancing? // The New York Times. 2020. March 16. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/16/smarter-living/coronavirus-social-distancing.html>.
30. Amaro S. How far will Europe go? Central bankers and EU leaders push for 'corona bonds' // CNBC. 2020. March 23. URL: <https://www.cnbc.com/2020/03/23/corona-bonds-what-they-are-and-why-europe-is-talking-about-them.html>.
31. Rivas K. CDC shortens coronavirus quarantine period, adds travel-related testing recommendations // Fox News. 2020. December 2. URL: <https://www.foxnews.com/health/coronavirus-quarantine-duration-shortened-cdc>.
32. O'Brien S. Here's what you need to know when it comes to paying for coronavirus treatment // CNBC. 2020. April 9. URL: <https://www.cnbc.com/2020/04/09/heres-what-you-need-to-know-about-coronavirus-treatment-costs.html>.
33. Coronavirus: Millions face ban on socialising under new Covid-19 restrictions // The Independent. 2020. October 11. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/coronavirus-lockdown-uk-new-rules-ban-boris-johnson-covid-update-b947399.html>.
34. Cambridge E. Moderna produces first Covid vaccine to tackle South African variant // The Sun. 2021. 25. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/14158602/moderna-trials-covid-vaccine-south-africa-variant/>.
35. Begley S. New analysis breaks down age-group risk for coronavirus – and shows millennials are not invincible // Stat News. 2020. March 18. URL: <https://www.statnews.com/2020/03/18/coronavirus-new-age-analysis-of-risk-confirms-young-adults-not-invincible/>.
36. Sharman J., Sullivan R., Chapman B. Coronavirus: Freight crisis as new strain leads France and European neighbours to ban travel from UK // The Independent. 2020. December 21. URL: <https://www.independent.co.uk/news/health/coronavirus-new-strain-travel-ban-france-eurotunnel-freight-dover-b1776901.html>.
37. Covid-19: Brazil 'variant of concern' detected in UK // BBC News. 2021. February 28. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-56233038>.
38. Mapping the Coronavirus Outbreak Across the World // Bloomberg. 2021. April 30. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2020-coronavirus-cases-world-map/>.
39. Gutteridge N. Schools reopening: Boris Johnson promises parents teacher grading system for A Levels and GCSEs will be 'fair' // The Sun. 2021. February 25. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/14159198/boris-johnson-schools-reopening-march-8/>.
40. The coronavirus pandemic in the voices of those who lived it // The Washington Post. 2020. December 30. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/national/coronavirus-oral-history/>.
41. Aratani L. US again breaks daily Covid-19 record with 121,000 cases recorded Thursday // The Guardian. 2020. November 6. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/06/us-coronavirus-record-daily-cases-thursday>.
42. Lovett S., Ng K. What is the new Brazil Covid variant? Everything we know so far // The Independent. 2021. March 15. URL: <https://www.independent.co.uk/news/health/what-is-the-brazil-variant-b1809240.html>.
43. Winter coronavirus wave ebbs and deaths drop, but experts fear a spring surge // The Washington Post. 2021. February 12. URL: https://www.washingtonpost.com/health/coronavirus-cases-deaths-dropping/2021/02/12/8e3cc38c-6c8b-11eb-9ead-673168d5b874_story.html.
44. Liu Y. Is Covid-19 changing our relationships? // BBC. 2020. June 5. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20200601-how-is-covid-19-is-affecting-relationships>.

References

1. Harris, Z. (1952) Discourse analysis. *Language*. 28 (1). pp. 1–30.
2. Dijk, T.A. van. (2015) *Language. Cognition. Communication*. Moscow: URSS. (In Russian).
3. Kibrik, A.A. (2003) *Analiz diskursa v kognitivnoy perspektive* [Discourse analysis in a cognitive perspective]. Philology Dr. Diss. Moscow.
4. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
5. Kashkin, V.D. (2010) *Vvedenie v teoriyu diskursa* [Introduction to Discourse Theory]. Moscow: Vostochnaya kniga.
6. Kupina, N.A. (2021) *Yazykovye i individual'nye metafory v tekstakh SMI epokhi koronavirusa* [Linguistic and individual metaphors in media texts of the coronavirus era]. In: Butseva, T.N. et al. *Russkiy yazyk koronavirusnoy epokhi* [Russian language of the coronavirus era]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS. pp. 224–233.
7. Kupina, N.A. (2021) Rukovodnyashchie tsennosti rossiyan v epokhu pandemii koronavirusa [Guiding values of Russians in the era of the coronavirus pandemic]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 27 (2). pp. 74–83.
8. Karasik, V.I. (2020) Epidemiya v zerkale medynogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii [The epidemic in the mirror of media discourse: facts, assessments, positions]. *Politicheskaya lingvistika*. 2 (80). pp. 25–34.

9. Karasik, V.I. (2000) O tipakh diskursa [On types of discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs* [Language personality: institutional and personal discourse]. Volgograd.: Peremena, 2000. S. 5–20.
10. Filippova, T.A. (2014) *Lingvosemiotika angloyazychnogo volonterskogo diskursa* [Linguosemiotics of English-language volunteer discourse]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
11. Ufimtseva, A.A. (1998) Znak [Sign]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Large Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya.
12. Olyanich, A.V. (2019) “Show must go on”, ili semiotika tsirkovogo diskursa [“Show must go on”, or semiotics of circus discourse]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 6 (3). pp. 759–775.
13. Olyanich, A.V. & Zemsikova, A.Yu. (2015) *Lingvosemiotika angloyazychnogo gastronomicheskogo diskursa* [Linguosemiotics of English-language gastronomic discourse]. Volgograd: Volgograd State Agrarian University.
14. Sukhova, E.A. (2016) *Lingvosemiotika sel'skokhozyaystvennogo diskursa* [Linguosemiotics of agricultural discourse]. Volgograd: Volgograd State Agrarian University.
15. Kirillova, I.K. (2010) *Lingvosemiotika angloyazychnogo universitetskogo diskursa* [Linguosemiotics of English-language university discourse]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
16. Sklyarova, N.G. (2019) *Lingvosemiotika militarно-mediynogo diskursa (na materiale sovremennykh publikatsiy angloyazychnykh SMI)* [Linguosemiotics of military media discourse (based on modern publications of English-language media)]. Moscow: Infra-M.
17. Sklyarova, N.G. (2020) Lingvosemioticheskaya reprezentatsiya zhizni britanskoj korolevskoy sem'i v mediynom monarkhicheskom diskurse [Linguosemiotic representation of the life of the British royal family in the media monarchical discourse]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 4. pp. 47–55.
18. Olyanich, A.V. (2004) *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Presentation theory of discourse]. Volgograd: Paradigma.
19. Brenner, D. (2020) Covid Combat Fatigue: ‘I Would Come Home with Tears in My Eyes’. *The New York Times*. November 25. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2020/11/25/health/doctors-nurses-covid-stress.html>
20. Boseley, S. (2020) Coronavirus ‘could infect 60% of global population if unchecked’. *The Guardian*. February 11. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/11/coronavirus-expert-warns-infection-could-reach-60-of-worlds-population>
21. Mayberry, K. (2020) Threat of coronavirus pandemic ‘very real’: Live updates. *Aljazeera*. March 9. [Online] Available from: <https://www.aljazeera.com/news/2020/3/9/threat-of-coronavirus-pandemic-very-real-live-updates>
22. BBC News. (2020) Coronavirus: Prime Minister Boris Johnson tests positive. *BBC News*. March 30. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/uk-52060791>
23. Merrick, R. (2021) All UK adults to be offered vaccine by end of July under dramatic acceleration of programme. *The Independent*. February 20. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/covid-vaccine-uk-adults-july-b1805091.html>
24. ‘The Guardian. (2020) No social distancing’: US college towns close bars as Covid-19 cases surge. *The Guardian*. August 29. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/aug/29/theyre-not-social-distancing-us-college-towns-close-bars-as-infections-surge>
25. Knowles, H. & Wagner, J. (2020) Seven states report highest coronavirus hospitalizations since pandemic began. *The Washington Post*. June 24. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/06/23/coronavirus-live-updates-us/>
26. Glenza, J. (2020) Florida hospitals stretched to capacity by acute coronavirus outbreak. *The Guardian*. July 24. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/jul/24/florida-hospitals-coronavirus-outbreak-ron-desantis>
27. The Daily News. (2020) Coronavirus battle in China. *The Daily News*. February 15. [Online] Available from: <http://www.dailynews.lk/2020/02/15/features/211494/coronavirus-battle-china>
28. Gallagher, J. (2021) Coronavirus cure: What progress are we making on treatments? *BBC News*. April 21. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/health-52354520>
29. Mandavilli, A. (2020) Wondering About Social Distancing? *The New York Times*. March 16. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2020/03/16/smarter-living/coronavirus-social-distancing.html>
30. Amaro, S. (2020) How far will Europe go? Central bankers and EU leaders push for ‘corona bonds’. *CNBS*. March 23. [Online] Available from: <https://www.cnbc.com/2020/03/23/corona-bonds-what-they-are-and-why-europe-is-talking-about-them.html>
31. Rivas, K. (2020) CDC shortens coronavirus quarantine period, adds travel-related testing recommendations. *Fox News*. December 2. [Online] Available from: <https://www.foxnews.com/health/coronavirus-quarantine-duration-shortened-cdc>
32. O'Brien, S. (2020) Here's what you need to know when it comes to paying for coronavirus treatment. *CNBS*. April 9. [Online] Available from: <https://www.cnbc.com/2020/04/09/heres-what-you-need-to-know-about-coronavirus-treatment-costs.html>
33. The Independent. (2020) Coronavirus: Millions face ban on socialising under new Covid-19 restrictions. *The Independent*. October 11. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/coronavirus-lockdown-uk-new-rules-ban-boris-johnson-covid-update-b947399.html>
34. Cambridge, E. (2021) Moderna produces first Covid vaccine to tackle South African variant. *The Sun*. 25. [Online] Available from: <https://www.thesun.co.uk/news/14158602/moderna-trials-covid-vaccine-south-africa-variant/>
35. Begley, S. (2020) New analysis breaks down age-group risk for coronavirus – and shows millennials are not invincible. *Stat News*. March 18. [Online] Available from: <https://www.statnews.com/2020/03/18/coronavirus-new-age-analysis-of-risk-confirms-young-adults-not-invincible/>
36. Sharman, J., Sullivan, R. & Chapman, B. (2020) Coronavirus: Freight crisis as new strain leads France and European neighbours to ban travel from UK. *The Independent*. December 21. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/news/health/coronavirus-new-strain-travel-ban-france-eurotunnel-freight-dover-b1776901.html>
37. BBC News. (2021) Covid-19: Brazil ‘variant of concern’ detected in UK. *BBC News*. February 28. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/uk-56233038>
38. Bloomberg. (2021) Mapping the Coronavirus Outbreak Across the World. *Bloomberg*. April 30. [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/graphics/2020-coronavirus-cases-world-map/>
39. Gutteridge, N. (2021) Schools reopening: Boris Johnson promises parents teacher grading system for A Levels and GCSEs will be ‘fair’. *The Sun*. February 25. [Online] Available from: <https://www.thesun.co.uk/news/14159198/boris-johnson-schools-reopening-march-8/>
40. The Washington Post. (2020) The coronavirus pandemic in the voices of those who lived it. *The Washington Post*. December 30. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/national/coronavirus-oral-history/>
41. Aratani, L. (2020) US again breaks daily Covid-19 record with 121,000 cases recorded Thursday. *The Guardian*. November 6. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/06/us-coronavirus-record-daily-cases-thursday>
42. Lovett, S. & Ng, K. (2021) What is the new Brazil Covid variant? Everything we know so far. *The Independent*. March 15. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/news/health/what-is-the-brazil-variant-b1809240.html>
43. The Washington Post. (2021) Winter coronavirus wave ebbs and deaths drop, but experts fear a spring surge. *The Washington Post*. February 12. [Online] Available from: https://www.washingtonpost.com/health/coronavirus-cases-deaths-dropping/2021/02/12/8e3cc38c-6c8b-11eb-9ead-673168d5b874_story.html
44. Liu, Y. (2020) Is Covid-19 changing our relationships? *BBC*. June 5. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/future/article/20200601-how-is-covid-19-is-affecting-relationships>

Информация об авторах:

Склярова Н.Г. – д-р филол. наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: panochka@bk.ru

Лаврухина А.В. – аспирант кафедры теории и практики английского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: 15nastia15@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.G. Sklyarova, Dr. Sci. (Philology), professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: panochka@bk.ru

A.V. Lavrukina, postgraduate student, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: 15nastia15@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.01.2022;
одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 26.01.2022;
approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 18+7.01
doi: 10.17223/15617793/492/6

Дадаизм: феномен деструктивизма и идейный источник экзистенциализма и постмодернизма западной философии

Елена Николаевна Иогансон (Эллен Мартин-Иогансон)¹

¹Независимый исследователь, Великобритания, Лондон, Ellenmrtn@googlegmail.com

Аннотация. Рассматриваются история и философия дадаизма, зародившегося в Европе как интеллектуальный протест против Первой мировой войны. Философские и художественные идеи Дада, выраженные через деструкцию норм эстетики, стимулировали развитие постмодернизма конца XX в. Проводится сравнительный анализ философского содержания дадаизма и экзистенциализма. Дада – это экзистенциальный бунт против ценностей западного гуманизма и рационализма, которые, по мнению дадаистов, не смогли предотвратить бессмысленную жестокость войны.

Ключевые слова: Дада, дадаизм, постмодернизм, абсурд, деструктивизм, экзистенциализм, духовный бунт, художественное движение

Для цитирования: Иогансон Е.Н. (Э. Мартин-Иогансон). Дадаизм: феномен деструктивизма и идейный источник экзистенциализма и постмодернизма западной философии // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 50–56. doi: 10.17223/15617793/492/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/6

Dadaism: Phenomenon of destructivism and ideological source for existentialism and postmodernism of the Western philosophy

Ellen Martin-Ioganson¹

¹Independent researcher, United Kingdom, London, Ellenmrtn@googlegmail.com

Abstract. The article is concerned with the historical background of Dadaism, an avant-garde Western-European art movement during the First World War. Special attention is paid to Dada as a philosophical phenomenon, which is responsible, to a certain extent, for an absolute domination of relativism in the West. The article discusses Dada's key ideas and aesthetic principles. Dadaism is not just an art movement, but an ideological-philosophical movement, which is defined by Dadaists as "Dada". Dada is a mindset, a spiritual revolt against any norms and principles. It is an ideology of an artistic freedom, which is based on individual's imagination. The author analyses the notion of destructivism as a protest against failed values of Western humanism and rationalism. By questioning traditional aesthetic principles, Dadaists tried to weaken the ontological stability of moral norms and traditional principles, on which Western humanism was built. The author compares Dada and the philosophy of existentialism, and explores the notions of absurdity and authenticity. Both Dada and existentialism advocate the creation of a self that aims for authenticity through ambiguity. Alienation is expressed through absurd. This artistic movement sought the discovery of authentic reality and meaning through the abolition of traditional culture and aesthetic forms. Absurd is used to show the meaninglessness of social values and norms, which failed to prevent the humanity from falling into conflicts and wars. On the basis of a comparative analysis of the philosophical views of J.F. Lyotard and J. Baudrillard, the author shows that many ideas of contemporary postmodernism were previously proclaimed by Dada at the beginning of the last century. The author emphasises that key ideas of Dada philosophy (the denial of Absolute Truth and reality), which the Dadaists embodied through ambiguity and aesthetic freedom in the art work, were continued in postmodernism.

Keywords: Dada, Dadaism, postmodernism, absurd, destructivism, existentialism, spiritual rebellion, artistic movement

For citation: Martin-Ioganson, E. (2023) Dadaism: Phenomenon of destructivism and ideological source for existentialism and postmodernism of the Western philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 50–56. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/6

История дадаизма. Кто такие дадаисты?

В современном западноевропейском мире наблюдается возросший интерес к эстетике и философии дадаизма, несмотря на кратковременность этого авангардистского художественного движения. Дадаизм имел своей целью открытие подлинной реальности через отрицание традиционной культуры и эстетических форм. По словам Г. Рихтера, трудно сказать «где и как» началось движение дадаизма [1. Р. 11]. Небольшую группу художников и писателей, оказавшихся в Цюрихе в 1915 г. в разгар Первой мировой войны, идейно сплотил протест против бессмысленной жестокости и ужасов войны. Художники и поэты стали регулярно встречаться в политически нейтральном Цюрихе, в кабаре «Вольтер», который открыл в феврале 1916 г. писатель и продюсер Хьюго Болл (1886–1927) и его партнерша Эмми Хеннингс. Интернациональная артистическая группа встречалась почти каждый вечер в кабаре, в заряженной дионисийством атмосфере, где аудитория из соотечественников и диссидентов испытывала провокационное сочетание поэзии на разных языках, танцы с африканскими масками, а также чтение экспрессионистов и футуристов. На стенах кабаре висели работы Ганса Арпа и Отто ван Риса. Многие дадаисты к 1925 г. присоединились к сюрреалистическому движению. Дадаизм ассоциируется прежде всего с изобразительным искусством, хотя в него входили писатели, поэты, скульпторы, театральные критики и философы [1, 2].

Происхождение имени «дада» до сих пор неясно и спорно. Считается, что Хьюго Болл придумал это имя: «Давайте возьмем звук “дада”» ... Первые звуки ребенка выражает примитивность, начало с нуля, новое в нашем искусстве» [3. Р. 110].

Идейным вдохновителем Дада в Цюрихе был поэт авангардист Тристан Тцара (1896–1963), а его помощником был французский поэт и художник Френсис Пикабия (1879–1953). Вместе Тцара и Пикабия продвигали подрывной взгляд на искусство и нигилистическое видение жизни. По окончании войны Цюрих теряет свою популярность и значимость как политически нейтральная «гавань». Ричард Хюльзенбек (1892–1974), немецкий писатель, поэт и психоаналитик, один из основателей дадаизма, уехал в Берлин, Пикабия отправился в Париж, а когда Тцара последовал за ним в 1920 г., цюрихский период дадаизма закончился.

Дадаисты находились под влиянием кубизма, футуризма, художников-абстракционистов, в частности В. Кандинского. Хьюго Болл, который часто общался с Кандинским, писал в своем дневнике: «Мюнхен был в то время домом для художника, чье одно только присутствие поставило этот город в лидирующую позицию в мировом искусстве. Имя этого художника Василий Кандинский» [1. Р. 35]. Однако сами дадаисты категорически отрицали принадлежность к какому-либо определенному стилю или принципам, выступая за художественную свободу. Поэтому было бы некорректно отождествлять дадаистов с абстракционистами или какими-либо другими направлениями. Они заявили о новом искусстве, в котором постоянно присутствует сомнение. Как выразился Т. Тцара, «Дада ставит сомнение выше всего» [4. Р. 226].

Сами дадаисты называли свое движение Дада. Согласно воспоминаниям дадаистов, дада – это состояние ума и духовный настрой. Андрэ Бретон считал, что дада – это не школа художников. «Дада – это настоящая опасность для индивидуализма... Индивидуальное воображение, сохраняющее полную свободу, – это больше, чем само движение. Это и есть Дада» [1. Р. 174]. Что следует из этих слов Бретона? То, что индивидуальное воображение – это и есть дада. Но если есть индивидуальное воображение, то должно быть и какое-то коллективное воображение. Индивидуальное корреспондирует с детским лепетом. Коллективное согласуется с социумом. Согласно «Манифесту Дадаиста», автор которого Ричард Хюльзенбек, «Дада – это состояние ума, которое может быть обнаружено в любом разговоре, так, что вы вынуждены сказать: этот человек Дадаист или нет...» [1. Р. 107].

Теоретики дадаизма выступили против логики культуры. «У воображения нет логики» – этот тезис стал манифестацией антиискусства. Что значит антиискусство? Это искусство сновидения, которое ставит под вопрос реальность культурной логики, которая (по мнению дадаистов) довела человечество до грани самоубийства.

Деструктивизм и духовный бунт как утверждение новых ценностей

Дада – это сознательная интеллектуальная шизофрения. Вызывающий абсурд дадаизма имел своей целью подорвать, дестабилизировать общественное мышление, трансформировать существующие социально-политические и художественные нормы.

Манифест 1918 г., автором которого был Т. Тцара, гласит: «Пусть каждый человек провозглашает: предостоят великая деструкция... Мы должны подметать и чистить. Подтвердим чистоту лица после состояния безумия, агрессии мира, брошенного в руки бандитов, которые рвут друга друга и уничтожают» [5. Р. 4]. Деструкция Тцара пришла на смену гегелевскому «снятию». Гегель стремился к абсолютному знанию, дадаисты считали, что в истории нет логики. Первая мировая война была следствием краха западной цивилизации, которая, в свою очередь, была слишком оторвана от реальной жизни. Этот вывод вдохновил ключевые идеи Дада – тотальный идейный, художественный бунт и деструкцию. Р. Хюльзенбек писал: «Дадаизм – лишь один из символов великого духовного бунта нашего времени. Его можно назвать экзистенциальным бунтом, ибо все его элементы можно понять через призму человеческого существования, посредством психологии» [6. Р. 146].

Деструктивизм дадаизма как последовательное, намеренное разрушение традиционных норм эстетики и красоты – это протест против несостоятельных ценностей гуманизма. Что же дада понимает под ценностями гуманизма? То, что Ницше называл «человеческим слишком человеческим». Как скажет Сартр, настоящий гуманист – это атеист. В нарочитой некрасивости и даже безобразности дадаизм отражал искаженные образы Европы. Эти образы представляли

фальшивое и болезненное состояние человечества. В основе Дада – эстетический анархизм, граничащий с отвращением к миру. Философским основанием дадаизма является антиантропологизм. Х. Болл, один из основателей дадаизма, пишет: «Изображение человеческого облика постепенно исчезает из живописи этого времени, и все объекты появляются только во фрагментах. Это еще одно доказательство того, насколько уродливым и утомленным стало человеческое лицо и как все предметы окружающей нас среды стали отталкивающими для нас» [7. Р. 55]. Если сравнить авангардизм дадаизма с концепцией зеркальной сцены Лакана, то можно увидеть не ребенка, радующегося своему отражению, а скорее, ребенка, пытающегося разбить его [8. Р. 94].

Вот как Хюльзенбек описывает деструктивные попытки дадаистов: они разрывают все принципы, «достижения этики, культуры и внутреннего мира», чтобы эстетическое построение стало более «примитивным отношением к реальности и окружающей среде» [9. Р. 258].

Нигилизм, деструктивные начала и откровенный бунт дадаизма сочетались с поиском новых ценностей. «Всегда на полпути между отчаянием и утопией, бунт дадаистов подразумевает позитивное представление о том, какими должны быть человек и жизнь» [10. Р. 7]. Искать ценности – значит учреждать их. У разных социальных групп могут быть разные ценности. И проблема состоит в том, чтобы сделать их общими. Постоянная борьба между положительным и отрицательным, откровенная деконструкция эстетических принципов, игра разрушения и творчества направлены на радикальную перемену современного западноевропейского менталитета.

Бунт дада можно сравнить с «Бунтующим человеком» А. Камю. Бунтующий человек – это человек, который говорит «нет». Однако, говоря «нет», он не отрекается. Это также человек, которые говорит «да» [11. Р. 27]. Тот факт, что дадаисты сказали «нет», менее важен, чем сама манера, в которой это было сказано. Р. Хюльзенбек представляет Дада как движение самосознания, которое близко к французскому экзистенциализму. Он считает, что именно вызывающая дерзость Дада приближает его к экзистенциализму. «Экзистенциализм – это гуманизм», говорит Сартр, обосновывая мысль о том, что если человек есть, то Бога нет. Если же есть Бог, то человека нет [12].

Как художественное движение дадаизм имел короткую жизнь, однако его философия явно оказала идейное влияние на развитие на философии экзистенциализма.

Двусмысленность человеческого состояния и подлинность в философии дадаизма и экзистенциализма

Подлинность существования – это понятие, которое не имеет четкого определения в философии экзистенциализма, но, несомненно, занимает центральное место в ней. Подлинность в традиционном философском понимании означает истинность человеческого

состояния. Что означает такая истинность? Она означает ничем не опосредованное отношение человека к самому себе. Осознание реальности, которое сводится лишь к деятельности разума, не является достаточно эффективным, чтобы обосновать подлинность, поэтому экзистенциализм обращается к переживаниям, к взаимоотношениям себя и мира, себя и другого, к отношению между свободой выбора и событиями. Отношение к другому всегда опосредовано отношением человека к самому себе.

Подлинность основана на субъективном выборе, свободном от внешнего давления. Ж.-П. Сартр утверждает, что попытка к индивидуальной подлинности оказывает влияние на других: «Я открываю себя самому себе, открываю подлинность и других поднимаю к подлинному» [13. Р. 285]. «Я» в дадаизме – сложная многогранная конструкция в социуме, основанная на различных способах маскировки и разоблачения, манипулирования истиной, позволяющей сделать субъективный выбор не удостоверено. Движение человека направлено к Я, но это движение не удостоверено Я. Осмысленное движение отсчитывается от Я. В этом случае весь мир отражается в Я. Однако в этом мире есть все, кроме самого Я.

Для человека важно осознание собственного выбора в атмосфере социальной нестабильности, когда кажется, что моральные ценности стали несостоятельными. Следовательно, согласно дадаизму, двусмысленность является неизбежной в условиях множества возможностей. Неизбежная двусмысленность может пониматься как принципиальная раздвоенность человеческого существования.

Дадаизм и экзистенциализм представляют поиск подлинности посредством двусмысленности. Т. Цара заявляет: «Я против систем, наиболее приемлемой из всех систем является принцип не иметь никаких систем» [5. Р. 3].

Через двусмысленность, неопределенность дадаизм выражает протест не только против войны, но и против всей несправедливости происходящего. А происходящее несправедливо, если неравным предлагается равное. Равным равное, а неравным – неравное. Двусмысленность – это осознание того, что что-то неправильно, это указание на происходящий распад общества. Одним из примеров поиска подлинности через двусмысленность, являются композиции С. Таубер и Дж. Арп. Эти художники известны явной преднамеренной двусмысленностью в своих произведениях. Ни одно из произведений портретной живописи не имеет реального сходства.

Идея двусмысленности человеческого состояния, воплощенная в дадаизме открыла путь к последующему размытию человеческой идентичности, через стирание гендерных границ, расовых и национальных различий. Например, The Dada-Kopf (голова Г. Арпа), сделанная С. Таубер, отвергает отличительные признаки внешней идентичности. Здесь можно провести параллели с образом киборга Д. Харрауэй в «Манифесте Киборга», опубликованного в середине 1980-х гг. Киборг – это гибридный

симбиоз, совмещающий человеческие и нечеловеческие качества, образ бесполого, безрасового существа [14. Р. 1987].

Экзистенциальный абсурд

Несмотря на довольно частое использование в повседневном дискурсе термина «абсурд», это понятие остается неуловимым для универсального определения. В обычных ситуациях абсурд отождествляется с бессмысленностью, отклонением от норм, явной нелепостью. Можно, следуя Камю, сказать, что абсурд – это не понятие. Абсурд – это чувство. Питер Бергер, например, в своей работе «Искушительный Смех» рассматривает абсурд этимологически, как «глухой к разуму», подразумевая под этим «взгляд на реальность, исходящий из самой глухоты, т.е. наблюдения за действиями, которые уже не сопровождаются языком, когда действия становятся бессмысленными» [15. Р. 162]. В отличие от обычного обыденного понимания абсурда, существуют два специализированных понимания, связанных с экзистенциальной философией и тематическим литературным направлением. В литературном контексте определение абсурда тесно связано с именем театрального критика Мартина Эсслина, который впервые ввел это понятие в литературный оборот в своей книге «Театр Абсурда» [16]. Эсслин рассматривает абсурд как «выражение современного положения западного человека, который находится в состоянии иррациональности» [16. Р. xii].

В творчестве А. Камю, чьи работы предлагают наиболее устойчивую трактовку экзистенциального абсурда, индивидуальное ощущение того, что жизнь бессмысленна, не является результатом какого-либо врожденного отсутствия смысла в мире, а скорее является следствием несовместимости индивидуального понимания смысла и, как он выразился в «Мифе о Сизифе», «неразумным молчанием мира» [17. Р. 26]. Камю определяет абсурд как тщетность поиска смысла в непостижимой Вселенной, лишённой Бога и смысла. Абсурд возникает из-за противоречия между нашим стремлением к порядку, смыслу, счастью и невозможностью мира обеспечить это. Во многих событиях нет смысла, но они происходят.

Что объединяет дадаизм и экзистенциализм? Это вопрос о том, если жизнь по сути бессмысленна, то как и зачем жить? Как мне реагировать на мир, в котором я живу? Если ли мои действия являются бесполезными, надо ли за них нести ответственность? Ответом на эти вопросы является отрицание дадаистами той действительности, которая их окружала. Дадаизм представляет повседневные предметы совершенно неожиданным, удивительным образом, меняя их изначальную функцию и смысл существования, придавая им новые измерения. Болл пишет: «То, что мы называем дадаизмом, есть фарс небытия, в который вовлечены все высшие вопросы... дадаист любит необыкновенное и абсурдное... Он больше не верит в постижение вещей с одной точки зрения и все же он убежден в

единстве всех существ... он культивирует любопытство того, кто радуется даже самым сомнительным формам бунта» [7. Р. 65].

Дадаисты, диссиденты, спасавшиеся от фашизма, стали свидетелями Первой мировой войны индустриальной эпохи. Это было первое потрясение мирового масштаба. Вернувшиеся с войны солдаты носили протезные конечности, что создавало впечатление полумеханических людей. Вся Европа, казалось, погрузилась в кошмар. Вот что вспоминают дадаисты: «Протестуя против бойни войны 1914 года, мы в Цюрихе посвятили себя искусству. Пока пушки гремели, мы пели, писали картины, создавали коллажи, писали поэмы со всей нашей мощью. Мы искали в искусстве основания излечить безумие нашего времени, создать новый порядок вещей, чтобы восстановить равновесие между раем и адом. Мы постоянно были рядом с негодованием и горем, страданием и унижением человечества» [1. Р. 25].

Война неизбежно создает чувство страха и брошенности. Это желание убежать, элемент одиночества и повышенное внимание к собственной изменчивости присутствует и по-разному отражаются в литературе дадаизма и экзистенциализма. Например, Тцара, пытаясь обосноваться в Цюрихе, отмечает: «Я постепенно стал другим, чужим для себя» [18. Р. 35].

А. Камю объяснял, что абсурдность – это когда ты чужой себе. Сартр утверждал, что «человек всегда постоянно вне себя» [12. Р. 76]. Продолжая эту мысль, Сартр писал: «Бегство от себя есть бегство к себе, и мир предстает как чистое расстояние от себя к себе» [13. Р. 288]. В этой фразе выражен фундаментальный вопрос экзистенциализма: нужно ли быть чужим даже по отношению к самому себе, чтобы переосознать и определить состояние человека?

Дадаизм через абсурдность показывает бессмысленность и бесполезность существующих социокультурных норм. Ведь несмотря на все социально-политические и моральные нормы, человечество впало в безумие братоубийственной войны.

Продолжение дадаизма в постмодернизме

В основе постмодернизма лежит предположение, что большинство вещей, которые мы воспринимаем как должные, на самом деле являются иллюзиями. Все отношения между людьми опосредованы их субъективностью. Ж. Бодрийяр определяет постмодернизм как катастрофу модерна, т.е. катастрофу современности [19. Р. 11, 18]. Он утверждает, что в обществе, насыщенном средствами массовой информации, ни одно историческое событие не достигает своего исторического значения за пределами настоящего момента, потому что изменения настолько быстры, а общество насыщено информацией, которое стало инерцией [20].

Постмодернизм смещает акцент с субъекта (человека) и сознания на язык как интересубъективность. Истины не существуют вне переживания текста, а смысл создается каждый раз, когда текст переживается. Автор не вкладывает смысла в текст, а его интерпретация верна не более, чем любая другая [20–22]. То, что мы

называем реальностью, на самом деле непознаваемо, мы живем в иллюзии, думая, что мы соприкасаемся с ней. Дадаисты считали смысл произвольным и субъективным. Они поняли, что язык ничего не значит и поэтому им можно манипулировать как угодно. Особое внимание проблеме языка уделяло парижское направление дадаизма.

Подобно постмодернизму, дадаизм возник как реакция против рационалистической традиции западной мысли. По их мнению, рациональность, несмотря на свою культурную и интеллектуальную гегемонию, оказалась совершенно неспособной противостоять безобразной жестокости реального мира. Дадаистов сплотил протест против линейного мышления и попытки найти новое эстетическое единство в напряженном взаимодействии между хаосом и детерминизмом.

Художник, скульптор и поэт дадаист Ганс Арп сказал: «...У нас было смутное предчувствие, что одержимые властью гангстеры, однажды будут использовать само искусство как способ умерщвления человеческого разума» [1. Р. 25]. Арп, как и многие дадаисты, считал, что политическая элита будет использовать визуальное искусство, как способ создания определенной версии реальности. Это было бы возможным только в том случае, если искусство оставалось статичным, если ему было бы позволено сохранять свою безупречную ауру. Бодрийяр высказал схожую мысль о средствах массовой информации, утверждая, что современные средства коммуникации создали медийный мир, существующий параллельно реальности. Имиджи в средствах массовой информации искажают реальность, это «чистый симулякр» [23. Р. 6]. Бодрийяр говорил об извращенности «отношений между имиджем и его референтом, предполагаемым настоящим. ... Как симулякры, медийные имиджи предшествуют реальному настолько, что они переворачивают причинно-следственный порядок реальности и ее воспроизведения» [24. Р. 13].

Дадаизм противостоял абсолютным моральным законам и художественным принципам. Таким образом, дадаисты «легализовали» господство релятивистского мышления на западе. Они верили, что не существует ни абсолютной Истины, ни конкретной реальности, а возможны только относительная истина и переживаемая реальность. Продолжая эту традицию, Ж.Э. Лиотар отвергает «обобщающие нарративы» и Истину [22]. Постмодернизм характеризуется иррациональностью, ситуативной или произвольной истиной.

Репрезентация реальности. Почему дадаизм не мог создать красивое

Искусство – это отражение мировосприятия, материализация воображения. Человек сначала воображает, а потом мыслит. В продуктивном воображении рождаются образы, а потому именно благодаря продуктивному воображению рождаются произведения искусства. Чисто продуктивному воображению не нужна реальность. Ей нужна самость, которая не ограничена субъект-объектной дуальностью. Самость, как

обращение к себе, есть необходимое условие становления духовности, но без Бога, она может стать причиной болезненных фантазий, которые могут привести к саморазрушению. Понятия воображения иногда сравнивают с понятием гения. Согласно немецкой эстетической традиции (Шиллер, Гёте, Шеллинг, позднее Гессе, Целан), поэт или художник – это искусный ремесленник, подражатель природы, вдохновенный гений, создающий новые миры. Поэт или художник делает это спонтанно, создавая оригинальные произведения из глубин собственного воображения. И. Кант считал, что «воображение есть способность представлять предмет также и без его присутствия в созерцании. Поскольку способность воображения есть спонтанность, я называю ее иногда также продуктивной способностью воображения» [25. С. 204–205]. Создавая произведения искусства, художник как бы вкладывает частичку собственной души, а душа – «жилица двух миров» (Ф. Тютчев). Дадаисты – материалистические фантазеры. Душа не слышала Бога, а ум наблюдал кошмар. Дадаизм – это игра фантазии, репрезентирующая реальность, где нет критериев истины и норм, где в основе бытия ничто. Если нет Бога, то все возможно, но все теряет смысл и потому ничего невозможно. В релятивистском плюрализме истина и красота исчезают в бездне «ничто». Дадаизм намеренно создает некрасивость, странность, как репрезентацию реальности, в которой нет смысла, нет покоя и гармонии, но есть множество бессмысленных событий. Война – это зло, несовместимое со смыслом. Бессмысленные действия создают хаос. Странность дадаизма – это репрезентация бессмысленных действий. Абсурдность произведений отражает духовное состояние общества.

Трансгрессия дадаистской деконструкции

Дадаисты как культурно-идеологические шаманы ворвались в раздираемую войной Европу, чтобы изменить нормы и принципы нормальности, ценности, ибо все ценности гуманизма казались бессмысленными. Это воплощенный в искусстве кризис гуманизма, начало умерщвления субъекта, который найдёт свой конец в постмодернизме. Дада является феноменом трансгрессии, пролонгирующий в постмодернизме и постгуманизме. Дадаисты сделали революционную попытку привести искусство, как мировосприятие, к точке отсчёта, т.е. к началу, которое можно сравнить с восприятием ребёнка, который ещё не обременен общественными ценностями и воспринимает мир, как он видится. Поставив под сомнение традиционные эстетические принципы, они пытались ослабить онтологическую устойчивость норм морали и традиционных принципов, на которых строился гуманизм. Трансгрессия дадаистской деконструкции продолжилась в постмодернизме. «Дадаизм был включен включен в нашу социальную ткань...» [4. Р. 224]. Этот же успех и привел к упадку. Разрушение и красота – понятия несовместимые.

Постулирование релятивизма в дадаизме находит свое отражение в соединении совершенно разнородных

элементов (коллаж), в гротесковом сочетании банального и откровенно непристойного с возвышенным, уродливыми и нарочито бессмысленными изображениями, провоцирующими иное восприятие красоты и нормальности. Эстетический анархизм дадаизма можно сравнить с эпистемологическим анархизмом Пола Фейерабанда, утверждавшего, что «все может быть»: «Освободить людей от тирании абстрактных понятий, таких

как “истина”, “реальность” или “объективность”, которые сужают видение людей и способы их существования в мире» [26. Р. 179–80]. Дадаизм как авангардное направление, выдвинувшее принципы антиэстетики, подтолкнул постмодернизм как процесс деконструкции смысла, отрицания истины, провозглашения принципа относительности, отказа от субъекта (человека) к радикальной переоценке критериев добра и зла.

Список источников

1. Richter H. *Dada: Art and Anti – Art*. London : Thames & Hudson, 2016.
2. Rubin W. *Dada, Surrealism, and Their Heritage*. New York : The Museum of Modern Art-New York, 1967.
3. Ades D. *Dada and Surrealism // Stangos N. Concepts of Modern Art: From Fauvism to Postmodernism*. London, 1981.
4. Sanouillet M. *Dada: A Critical History of the Literature in France and the United States // Crisis and the Arts: The History of Dada*. S. Foster (ed.). New York : G.K. Hall and Co, 1996
5. Tzara T. *Dada Manifesto 1918*. URL: http://www.writing.upenn.edu/library/Tzara_Dada-Manifesto_1918.pdf.
6. Huelsenbeck R. *Memoirs of a Dada Drummer*. London : University of California Press, 1991.
7. Ball H. *Flight out of Time: a Dada Diary*. New York : Viking Press, 1974.
8. Lacan J. *The Mirror Stage as Formative of the I Function as Revealed as Revealed in Psychoanalytic Experience // Ecrits: A Selection*. London : W.W. Norton & Company, 2002.
9. Harrison C., Wood P. (Eds.) *Art in Theory: 1900–2000 // An Anthology of Changing Idea*. Malden MA; Oxford : Blackwell Publishing, 2003. P. 257–259.
10. Tison-Braun M. *Tristan Tzara: inventeur de l’homme nouveau*. Paris : A.-G. Nizet, 1977.
11. Camu A. *The Rebel: An Essay on Man in Revolt*. New York : Vintage Books, 1991.
12. Sartre J.P. *Existentialism is a Humanism*. London : Yale University Press, 2007.
13. Sartre J.P. *Being and Nothingness. An Essay in Phenomenological Ontology*. London : Routledge, 2018.
14. Haraway D. *A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, & Socialist Feminism in the 1980s // Australian Feminist Studies*. 1987. Vol. 2. № 4. P. 1–42.
15. Berger P. L. *Redeeming Laughter: The Comic Dimension of Human Experience*. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2014.
16. Esslin M. *The Theatre of the Absurd*. New York : Doubleday, 1961.
17. Camus A. *The Myth of Sisyphus*. London : Penguin Books, 2005.
18. Buot F. *Tristan Tzara: L’homme qui inventa la révolution Dada*. Paris : Grasset & Fasquelle, 2002.
19. Baudrillard J. *The Evil Demon of Images*. Annandale, Australia : Power Institute, 1984.
20. Baudrillard J. // *Jean Baudrillard: Selected Writings / Ed. by Mark Poster*. Stanford : Stanford University Press, 1988.
21. Connor S. *Postmodernist Culture: An introduction to theories of the contemporary*. Cambridge : Basil Blackwell Inc., 1989.
22. Lyotard J.F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1984.
23. Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. New York : The University of Michigan, 1994.
24. Baudrillard J. *The Evil Demon of Images*. London : Maxwell Printing, 1987.
25. Кант И. *Критика чистого разума // Кант И. Сочинения : в 6 т. М., 1966. Т. 3. С. 204–205*.
26. Feyerabend P. *Against Method*. London : Verso, 1975.

References

1. Richter, H. (2016) *Dada: Art and Anti-Art*. London: Thames & Hudson.
2. Rubin, W. (1967) *Dada, Surrealism, and Their Heritage*. New York: The Museum of Modern Art-New York.
3. Ades, D. (1981) *Dada and Surrealism*. In: Stangos, N. (ed.) *Concepts of Modern Art: From Fauvism to Postmodernism*. London: Thames & Hudson.
4. Sanouillet, M. (1996) *Dada: A Critical History of the Literature in France and the United States*. In: Foster, S. (ed.) *Crisis and the Arts: The History of Dada*. New York: G.K. Hall and Co.
5. Tzara, T. (1918) *Dada Manifesto 1918*. [Online] Available from: http://www.writing.upenn.edu/library/Tzara_Dada-Manifesto_1918.pdf
6. Huelsenbeck, R. (1991) *Memoirs of a Dada Drummer*. London: University of California Press.
7. Ball, H. (1974) *Flight out of Time: a Dada Diary*. New York: Viking Press.
8. Lacan, J. (2002) *The Mirror Stage as Revealed as Revealed in Psychoanalytic Experience*. In: *Ecrits: A Selection*. London: W.W. Norton & Company.
9. Harrison, C. & Wood, P. (eds) (2003) *Art in Theory: 1900 – 2000. An Anthology of Changing Idea*. Malden MA; Oxford: Blackwell Publishing. pp. 257–259.
10. Tison-Braun, M. (1977) *Tristan Tzara: inventeur de l’homme nouveau*. Paris: A.-G. Nizet.
11. Camus, A. (1991) *The Rebel: An Essay on Man in Revolt*. New York: Vintage Books.
12. Sartre, J.P. (2007) *Existentialism is a Humanism*. London: Yale University Press.
13. Sartre, J.P. (2018) *Being and Nothingness. An Essay in Phenomenological Ontology*. London: Routledge.
14. Haraway, D. (1987) *A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, & Socialist Feminism in the 1980s. Australian Feminist Studies*. 2 (4). pp. 1–42.
15. Berger, P.L. (2014) *Redeeming Laughter: The Comic Dimension of Human Experience*. Berlin & Boston: Walter de Gruyter.
16. Esslin, M. (1961) *The Theatre of the Absurd*. New York: Doubleday.
17. Camus, A. (2005) *The Myth of Sisyphus*. London: Penguin Books
18. Buot, F. (2002) *Tristan Tzara: L’homme qui inventa la révolution Dada*. Paris: Grasset & Fasquelle.
19. Baudrillard, J. (1984) *The Evil Demon of Images*. Annandale, Australia: Power Institute.
20. Poster, M. (ed.) (1988) *Jean Baudrillard: Selected Writings*. Stanford: Stanford University Press.
21. Connor, S. (1989) *Postmodernist Culture: An introduction to theories of the contemporary*. Cambridge: Basil Blackwell Inc.
22. Lyotard, J.F. (1984) *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
23. Baudrillard, J. (1994) *Simulacra and simulation*. New York: The University of Michigan.
24. Baudrillard, J. (1987) *The Evil Demon of Images*. London: Maxwell Printing.
25. Kant, I. (1966) *Writings in six volumes*. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 204–205. (In Russian).
26. Feyerabend, P. (1975) *Against Method*. London: Verso.

Информация об авторе:

Иогансон Е.Н. (Мартин-Иогансон Э.) – канд. ист. наук, независимый исследователь (Лондон, Великобритания). E-mail: Ellenmrtn@googlemail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E. Martin-Ioganson, Cand. Sci. (History), independent researcher (London, United Kingdom). E-mail: Ellenmrtn@googlemail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.03.2022;
одобрена после рецензирования 06.04.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 17.03.2022;
approved after reviewing 06.04.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 82.01:82-2
doi: 10.17223/15617793/492/7

Пространство языка и речи в драме: дополненная поэтика

Александр Валерьевич Николаев¹

¹*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.v.nicolaev@gmail.com*

Аннотация. Представлена попытка анализа драмы как рода литературы, отталкивающейся от ее особенных отношений с пространством. Рассматривается, как в драме функционируют выделенные Ж. Женеттом виды означающей литературной пространственности: фигур, письма и языка. Показывается, что отсутствие в драме рассказчика приводит к появлению специфически драматургического пространства речи, существующего в противопоставлении пространству зрения и поэтому изоморфного пространству драматического представления.

Ключевые слова: драма, пространственность, пространство речи, литературное пространство, поэтика драмы, роль читателя

Для цитирования: Николаев А.В. Пространство языка и речи в драме: дополненная поэтика // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 57–67. doi: 10.17223/15617793/492/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/7

The space of language and speech in drama: Supplemented poetics

Alexander V. Nikolaev¹

¹*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, a.v.nicolaev@gmail.com*

Abstract. The article studies drama as a literary form, paying close attention to the specific relationship it has with space and spatiality. I begin by following Gerard Genette’s notion of four types of literary spaces, three of which turn out to be especially relevant. Firstly, the space of figures is relevant because metonymy and irony help drama overcome its spatial insularity, while also defining the interactions between characters and environment and between characters and readers in a much stronger, more specific sense of “spatiality” than that described by Genette. Secondly, the space of writing in drama, especially in verse drama, is geometric, contrary to writing in epic or lyric, which, while also two-dimensional, has a certain tendency to a verbal monopoly. In drama, every character through their speech is provided with their own space. Thirdly, the space of language is relevant because drama not only formulate its problems in spatial terms, but also solves them by spatial means, especially, but not exclusively, in tragedy: for a conflict to be resolved is for space to be cleared. Dramatic time turns out to be problematic, and the only place one has to search for solutions in is space; at least one can use it to escape their problems. Since drama has no mediating figure of a narrator, nor a temporal distance between story events and the time of spectacle, dramatic space is split into two. On one side there is the space of speech and action, and on the other – the space of reading, seeing, and knowledge. Dramatic form implies this division; therefore, it is also a part of dramatic content. Firstly, drama implies its “environment”, a certain type of reader, one that treats the text quite differently from a reader of epic or lyric and that rather resembles a viewer of visual arts, a theatre spectator, or a Las Meninas viewer. While an ordinary reader is an addressee of a message as it was created by an author, a reader of drama is a witness who can see the event with their own eyes. Drama creates this reader as its own character, whose function is to do nothing. Secondly, dramatic space turns out to be isomorphic to the space of dramatic spectacle in a sadomasochistic economy of acting and reading, suffering and pleasure, which are distributed between the author, characters, and readers. Thus this literary space, which is specifically dramatic, being different from the spaces of language, writing, figures, and Library, might be conceptualized as the space of speech.

Keywords: drama, spatiality, space of speech, literary space, poetics of drama, role of reader

For citation: Nikolaev, A.V. (2023) The space of language and speech in drama: Supplemented poetics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 57–67. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/7

Есть ли у драмы какое-нибудь свойство, способное в рамках поэтики, т.е. эстетики словесного творчества, отделить ее внутри пространства литературы (не прибегая к помощи театра) от эпоса с той же степенью уверенности и необходимости, с какой художественная проза отделена от поэзии? Иными словами, являются ли определенные известные особенности драмы только лишь добровольно ею на себя наложенными ограничениями относительно эпоса¹ [3. С. 214] или же в них есть и некий позитивный момент (подобно тому, как рассмотренные под одним углом метр, ритм и рифма являются ограничениями, под другим – уникальными смыслообразующими факторами поэзии) – и если да, то в чем он заключается? В этой статье мы попробуем предложить взгляд на художественное своеобразие драмы, отталкиваясь от ее особенных отношений с пространством.

Вытеснение драмы на периферию области поэтики явилось следствием трудности деления трех на два: трех выделенных романтизмом родов литературы (эпоса, лирики и драмы) на две противопоставленные друг другу категории². Утвердившееся в современном литературоведении деление – на тематическую и формальную поэтики [5], *fictio et dictio* [4. Т. 2. С. 342–451] – как правило, объединяет драму с эпосом в рамках «прозы», повествовательного или изобразительного вымысла, противопоставляя их поэзии, черпающей собственную литературность из внимания к форме [6. С. 38]. Редким, но интересным для нас исключением будет позиция Кэте Хамбургер, противопоставившей лирику вымыслу по принципу того, исходит ли высказывание из Я-Огиго³ или от неустановленного источника [7]. В этой логике роман от первого лица будет отнесен к лирике, а драма (впрочем, диегесис не от первого лица и повествовательная поэзия тоже) – к вымыслу. Несколько поднимая ставки мысли Хамбургер, Женетт отмечает, что «не будет ничего несообразного, и даже наоборот, в том, чтобы предложить объединить не эпос и драму, а эпос и лирику, выделив одну только драму как единственную “объективную” в строгом смысле форму высказывания» [4. Т. 2. С. 326].

Отнесемся к подобной радикальности серьезно – особенно припомнив литературные программы Сартра и Генри Джеймса, постулировавшим добродетель максимальной субъективности повествования, полного слияния рассказчика с персонажами – т.е. внутреннюю фокализацию повествования как идеал романа [8. С. 236, 326–327] (см. о «законе Лаббока – Бахтина – Сартра»: [9. С. 102–105]). Итак, эпос и лирика настолько подобны друг другу, насколько они субъективны (изначально предлагают нашему вниманию внутреннюю жизнь или способны, благодаря божественному всевидению рассказчика, проникать в мысли любого персонажа, ограничиваясь только субъективным, опять-таки, желанием рассказчика делать это); в противоположность им драма объективна: читатель знает только о том, что происходит или проявляется внешне – пускай даже иногда через не обращенный ни к кому монолог, в котором изливаются самые интимные чувства героя.

Какие выводы можно сделать из этой постулируемой объективности драмы? Благодаря Бергсону и его многочисленным последователям известно, что субъективное, т.е. относящееся к внутреннему опыту человека, связано прежде всего с временем, длительностью. Объективное же, получается, связано с пространством. Можно предположить, что категория пространства поэтому должна играть особенно важную роль в драме в сравнении с эпосом и лирикой. Случайно ли Ролан Барт начинает свое сочинение о трагедиях Расина именно с анализа пространства у него: «...у Расина есть три трагедийных места» [10. С. 132]?

Как вообще связаны (или могут быть связаны) литература и пространство? Очевидный ответ – литература может описывать, означать пространство – плохо подходит для наших целей, ведь драматический текст куда хуже эпического или лирического справляется с этой задачей (он может справляться с ней постольку, поскольку сам отчасти является эпическим или лирическим). Скорее стоит обратить внимание на обратное: литература сама обозначается пространством; пространство в литературе выступает в качестве означающего. Обратимся к двум работам Жерара Женетта на эту тему: «Пространство и язык» и «Литература и пространство» [4. Т. 1. С. 126–132, 278–282]. В них он выделяет четыре способа, какими литературу можно понимать как пространственное искусство, в котором сам язык так же, как в живописи «само изображение разворачивается в пространстве, специфическом пространстве живописного произведения» [4. Т. 1. С. 279]. Из этих четырех способов два связаны с языком вообще, два – специфичны для литературы. Можно предположить, что более пристальный взгляд на эти способы через призму драмы позволит по крайней мере яснее понять ее специфичную связь с пространством. Рассмотрим их в порядке возрастания их релевантности для целей нашего исследования, то есть в порядке, обратном тому, в котором их располагает Женетт.

4. Пространственность Литературы. Библиотека, синхронное сосуществование всех текстов.

Нам нечего добавить к этому, так как это уровень выше конкретных произведений.

3. Пространственность фигур. Семантическое пространство между двумя означаемыми (буквальным и фигуральным смыслами), а также пространство контекстов и смысловая толща текста.

Из четырех классических базовых фигур (метафора, метонимия, синекдоха, ирония) [4. Т. 2. С. 16–36] две имеют особое значение для драмы.

По Якобсону метонимия соответствует прозе вообще и особенно реалистическому роману [11. С. 331, 391], т.е. можно добавить, такому роману, который стремится к объективности, пусть это и несколько иная объективность, чем та, которая присуща драме. В ней метонимия играет особую роль благодаря пространственной ограниченности действия. С одной стороны, именно она сталкивает действующих лиц и их интересы: как говорит Барт о творчестве Расина, «трагедию образует трагедийное пространство» [10. С. 152].

С другой стороны, она вынуждает уделять специальное внимание воображаемым соседним пространствам, особенно в классической трагедии, придерживающейся «единства места»: «между Покоем и Передней имеется трагедийный объект, который с некоей угрозой выражает одновременно и смежность, и обмен, соприкосновение охотника и жертвы» [10. С. 133] – но разве не так же устроена, например, «В ожидании Годо» Беккета? Означающее пространство (сцена) помимо «буквального» пространства метонимически означает другие пространства через смежность с ними – пространства, куда можно уйти и откуда можно ожидать, с надеждой или тревогой, прибытия других персонажей.

Ярко указывает на роль метонимии такой распро- страненный прием драматического сюжета, как под- слушивание: в действие вводится, не обозначаясь прямо, некое соседнее пространство, точнее, два про- странства. Первое содержит неких персонажей, кото- рые, подслушав или подсмотрев за действующими лицами на сцене, приобретают определенное знание (не всегда, впрочем, истинное: неправильно понятый смысл подслушанных слов с незапамятных времен является движущей силой равно трагедий и комедий), но сами не становятся «действующими» лицами, пока не выйдут на сцену. Это пространство можно срав- нить с перспективой в живописи: с его помощью по- мощью искусство стремится преодолеть свой медиум – пространство (что только свидетельствует о его важности). Перспектива – способ преодолеть плос- кость холста, приобрести глубину, скульптур- ность; подслушивание – способ преодолеть замкну- тость пространства сцены, приобрести нарративную протяженность вместо необходимой драматической дискретности.

Второе смежное пространство, отгороженное от сцены «реальной» (если речь о спектакле) или «воображаемой» (при чтении драмы с бумаги) «четвертой стеной», как ее принято называть, содержит читателей и зрителей, чье принципиальное отличие от подслушивающих персонажей внутри драмы заключается в том, что они никогда не смогут выйти на сцену, а значит, и повлиять на события. «Передняя – это место-объект, окруженное со всех сторон пространством-субъектом; таким образом, расиновская сцена представляет спектакль в двояком смысле – зрелище для невидимого и зрелище для зрителя» [10. С. 133] (ср.: [12. С. 411]); даже если будет неверно распространять специфически расиновскую фигуру «невидимого» на драму в целом, зрелищем для зрителя она остается всегда, когда присутствует зритель.

Вторая родственная драме фигура – ирония. Ду- маем, не стоит отдельно отмечать ее функцию в сюже- тах двух классических драматических жанров – траге- дии и комедии. Однако ирония всегда распределена не- равномерно: она известна читателям (зрителям), но не актерам⁴. Ирония создает зрение из двух перспектив: читатели знают истинное положение вещей, но также они знают, что знают актеры; им доступна не только

внешняя точка зрения, но внешняя и внутренняя, объ- ективная и субъективная одновременно. Эти две пер- спективы взаимообратны: мир с точки зрения актеров является словно зеркальным отражением мира «на са- мом деле»: так, награда Эдипа за победу над сфинксом является его проклятием; самоубийство Ромео, с его точки зрения являющееся следствием смерти Джуль- етты, на самом деле является ее причиной. Плоско- стью, относительно которой, как в зеркале, отражен мир драмы, является ошибка, двусмысленность. Два мира, порожденные ею, сосуществуют в одном про- странстве, и в случае узнавания меняются местами: второй смысл, о котором не задумывались актеры, встает на место первого, который они принимали за ис- тинный. «Судьба обращает всякую вещь в собствен- ную противоположность как бы через зеркало: мир остается тем же, но все его элементы поменяли свой знак на противоположный» [10. С. 167].

2. Пространственность письма. Письменного тек- ста, страницы, печатной книги, в которой слова, пред- ложения и эпизоды не разворачиваются линейно во времени, а существуют синхронно.

«Чтение... разъединяет соседние и объединяет да- лекие друг от друга отрывки текста – процесс, кото- рому текст и обязан своей пространственной, а не ли- нейной организацией» [9. С. 39–40]. Давно стало по- нятно, что вертикальное измерение в прозе присут- ствует точно так же, как и в поэзии. Но чем заключа- ются пространственные особенности именно драмати- ческого текста?

Конвенции драматической формы уделяют особую роль геометрии письма. В первую очередь стоит обра- тить внимание на геометрию реплик в пьесах, осо- бенно в поэтических драмах: Шекспир, Расин или Пушкин – у них особую роль играет *antilabe* – несовпа- дение границ стихотворных строк с границами между репликами персонажей; так, внутри одной строки мо- жет быть одно или даже несколько переключений между голосами. В некоторых случаях две части строки могут быть отделены друг от друга также зна- чительным временным перерывом – например, как в строке, разбитой ремаркой «(Играет.)» в первой сцене «Моцарта и Сальери». При сценической постановке этого пушкинского текста метрическое единство пред- шествующих (занимающей, быть может, минуты) му- зыкальной сцене слов Моцарта и следующих за ней слов Сальери не ускользнет разве что от зрителей с ис- ключительно крепкой памятью, в то время как в пись- менном тексте оно очевидно – две половины строки складываются друг с другом как две части мозаики, идеально геометрически подходящие друг к другу.

Другой геометрический эффект – разделение во- проса и ответа, когда реплика персонажа оказывается ответом не на непосредственно предшествующую ему реплику, а на реплику до этого; этот прием часто для комического эффекта используется, например, Бекке- том. Типичный случай: Владимир задает вопрос Эс- трагону, Поццо отвлекает Владимира, они перебрасыва- ются репликами, Эстрагон наконец отвечает на перво-

начальный вопрос Владимира, его ответ выглядит комично из-за предшествующего диалога Владимира с Поццо – простое линейное чтение создает ошибочное понимание смысла ответа Эстрагона, двухмерное – без труда вскрывает комедийную двусмысленность.

Другая особенность драматического письма заключается в том, что вся речь распределена между персонажами. Объективность драмы, отсутствие в ней Я-Огито значит, что в ней (и только в ней) мы всегда слышим речь героев «как она есть» из их собственных уст и никогда не в вольном пересказе рассказчика, т.е. в нарративизированном или транспонированном, косвенном или несобственно прямом виде. Дrame доступен только цитатный дискурс, не рассказывающий о речи, а копирующий ее [4. Т. 2. С. 187]; это чистый мимесис без диэгесиса (за исключением ремарок). Поскольку цитата является копией речи, а не рассказом о ней, то и отношения с пространством у нее другие. Как речь распределена между персонажами, так и пространство текста оказывается поделенным на блоки (особенно это заметно в поэтической драме), диалогически противостоящие друг другу, тогда как эпос всегда оказывается монологом рассказчика (пусть даже некоторым авторам, как Достоевскому в интерпретации Бахтина, удастся создать впечатление диалогичности: эта диалогичность означенная, а не означающая). Геометричность драмы заставляет вспомнить о первоначальном предназначении геометрии – размежевании участков: пространство страницы делится между персонажами согласно их правам, и неоправданно затянувшийся монолог одного из них может восприниматься как агрессия (ср. реакцию на монолог Лаки). В противоположность драме лирическую поэзию можно уподобить источнику, а эпос – широкой реке речи рассказчика, вобравшей в себя и перемешавшей множество течений – речей персонажей: божественная власть рассказчика или хотя бы его положение в истоке дискурса нивелирует любые разграничения.

1. Пространственность языка. Первичная пространственная предвзятость языка, пространственная метафорика в языке, язык как пространство дифференциальных отношений.

«Пруст, который грезил и жил только пространством, причем именно „субстанциализированным“ пространством, – об этом пишет Маторе в связи с современным пространством вообще, – все-таки озаглавил свое произведение “В поисках утраченного времени”», – отмечает Женетт [4. Т. 1. С. 132], в другом месте добавляя несколько туманное «следует иметь в виду, что для него обретенное время – это время отмененное» [4. Т. 1. С. 282]. Если время было утрачено – значит, осталось только пространство. Да и что значит «в поисках»? Что вообще значит *искать*, если не искать *где*, исследовать пространство?

«The time is out of joint», – восклицает Гамлет в конце первого действия одноименной пьесы Шекспира. «Век расшатался»⁵, «порвалась дней связующая нить»⁶, буквально – «время вывихнуто»; эта пространственная метафора вывиха, геометрического несовпадения тем интереснее, что ее подлежащим является

время. Но еще интереснее то, как Гамлет будет его «вправлять» – ведь проблема со временем не только формулируется в терминах пространства, но и решается в них же: на всем протяжении пьесы Гамлет расширяет пространство для возвращения Фортинбраса. Именно Фортинбрасу принадлежит последнее слово: сюжет заканчивается с его прибытием, выходом на сцену, в то время как тела убитых персонажей уносят с нее.

Возьмем радикально иной пример – «В ожидании Годо» Беккета – и увидим здесь в действии очень похожие механизмы. Владимир и Эстрагон ждут прибытия другого персонажа. Вместо Годо, впрочем, по дороге мимо места действия проходят только Поццо и Лаки, не считая – в финалах действий – мальчиков с посланиями от Годо. Движение это чисто горизонтально и линейно – налево или направо, две другие стороны – задник и рампа, яма, аудитория – тупики; причем демонстративно признающееся наличие четвертой стены (тем более абсурдное, что действие происходит в открытом пространстве) дополняется разрушением двух других: Эстрагон говорит о коридоре за кулисами [14. С. 38]. Все действие герои могут проводить в трех положениях – стоя, сидя (на кочке или раскладном стуле) или лежа (упасть, ползти). Вертикальное измерение существует в четырех взаимосвязанных аспектах. Во-первых, это небо, на которое герои смотрят и о котором часто говорят. Но даже закатное солнце, остановившись на горизонте, переходит в горизонталь: оно движется сверху вниз, словно уходя под землю ночью. Во-вторых, это канава, в которой проводит ночь Эстрагон. Во-третьих, это могила, о которой говорит Поццо: «Вот так рожают, распластанные на могиле, блеснет день на мгновение, и снова ночь»⁷ [15. С. 194]. В английском варианте оригинала используется слово *astride* – ‘верхом’, как сидят верхом на лошади или велосипедисте. Таким образом, Поццо сравнивает жизнь с вертикальным путешествием сверху вниз – из-под дневного света солнца прямо вглубь могилы. Наконец, есть дерево, на котором герои дважды собираются повеситься. Говоря об этих планах, они также надеются на эрекцию, что у них «встанет» – снова вертикаль – и что там, куда упадет их сперма, вырастут мандрагоры, кричащие, когда их вырывают из земли [14. С. 16] – как кричат новорожденные; движение мандрагор противоположно по направлению – снизу вверх, – но его суть такая же, как в могильной метафоре Поццо. Владимир и Эстрагон боятся, что повеситься им помешает сломавшийся сук или порвавшаяся веревка, которые вернут их вновь в горизонталь действия и обрекут на продолжение ожидания. Веревку они и правда рвут, но перед этим ее вытаскивают из штанов – и они падают вниз. Таким образом, любое движение по вертикали оказывается подорвано, превращено в собственную снижающую противоположность, а пространственная метафора языка выливается в реальное пространственное действие.

Драматические действия и события вообще пространственны – это прибытия и отправки персонажей и их перемещения. Фортинбрас и Годо; брат Джованни, не сумевший встретиться с Ромео, тогда как

Бальтазар сумел – событие, изменение status quo языка, возможность производства новых речей появляются тогда, когда прибывают новые актеры, взаимодействуют со старыми или сменяют их, или же сменяется место действия: Сальери не может отравить Моцарта у себя дома, для этого он идет с ним в трактир; во всех «Маленьких трагедиях», хоть слово «маленькие» в заглавии и не врет (в отличие от слова «трагедии»), конфликт не вызревает изнутри сцены, а требует прибытия персонажей или смены локаций. В остальное же время «ничего не происходит, никто не приходит, никто не уходит, ужасно!» [14. С. 47].

Вопору поставить вопрос: не покупается ли такая роль пространства ценой времени? Это, кажется, так и происходит. Умберто Эко отмечает, что «в художественном произведении время существует в трех формах: фабульное время, время дискурса и время чтения» – и что «теоретики, специализирующиеся на изучении нарративности... более или менее сходятся в том, что измерить фабульное время довольно просто... Сложнее измерить время дискурса» [16. С. 99–100]. Однако в драме все, кажется, ровно наоборот. Время дискурса, особенно в случае спектакля, где оно совпадает с временем «чтения» (в смысле «произнесения»), измерить легко, а вот с фабульным временем постоянно возникают проблемы. «Считается, что фабульное время и время дискурса соответствуют по длительности в диалогах», а значит, в драме должно обнаруживаться «единство времени» – фабульного, дискурса и чтения – но скорее правилом является «совершенно исключительная ситуация», что «диалог... длится дольше, чем в реальности» [16. С. 116] (ср.: [12. С. 417]) – или ровно наоборот. «В ожидании Годо» особенно показательно: время то абсолютно неподвижно («Время остановилось», – говорит Владимир о часах Поццо, которые тот вскоре потеряет [14. С. 40]), то день вдруг превращается в ночь; абсолютно загадочно все, что касается прошлого персонажей, включая даже предыдущий день, и их возраста (так же неопределен возраст Гамлета); непонятно, сколько времени проходит между актами; вообще вся пьеса посвящена сложным отношениям со временем, на которое герои пытаются воздействовать своей болтовней.

Широко известно замечание Беньямина о неуместности часов в спектакле: «Идущие часы на сцене всегда будут только раздражать. Их роль – измерение времени – не может быть предоставлена им в театре. Астрономическое время вступило бы в противоречие со сценическим даже в натуралистической пьесе» [17. С. 211]. Часы могут быть только карманными или наручными, т.е., с точки зрения зрителей, знаком часов, увидеть циферблат которых и измерить ход времени сами они не могут. Но даже такие часы представляют собой аттрактор драматического напряжения, что хорошо видно в пьесах Беккета (см. сцены с часами в «В ожидании Годо», «Действия без слов 2», «Театральном осколке 2», «Элефтерии» [14. С. 40–41, 52–53, 194–195, 213–214, 278]). Часы, получается, – улика, свидетельствующая о неустрашимом несовпадении между временем дискурса (которое они измеряют точно) и фабульным временем – даже в диалогах.

Однако к театральной тождественности времени дискурса и времени чтения (восприятия) нужно отнестись серьезно, так как они ограничивают стратегии зрителя: он не может ни пропустить скучную сцену, ни взять передышку, отложить наступление неприятного момента, как это может сделать читатель книги (или зритель кино, поставив фильм на паузу). Единственное, что он может сделать – покинуть театр (как трагический герой может только покинуть пространство конфликта [10. С. 133–135]), но такой поступок сильно нагружен значением – обычно так делают только для выражения протеста.

Суммируя вышесказанное, можно выдвинуть гипотезу о существовании «ложной посылки драмы» – посылки «прямой трансляции», являющейся продуктом взаимодействия двух «иллюзий». Во-первых, это иллюзия равенства и единства (по крайней мере, в рамках явлений) фабульного времени, времени дискурса и времени чтения. Во-вторых, это иллюзия линейности разворачивания произведения, особенно сильная в драме из-за ее связи с театром. В современной культуре именно прямая трансляция – механизм, способный увеличить комичность или трагичность ситуации до небывалых масштабов. Ложность, доказанная выше, этой посылки не принижает ее важности и реальности ее следствий, заключающихся в том, что не в силах контролировать время, слишком независимое от человека, будь он автором или читателем (в чем в то же время заключается и особая сила драмы), драма предоставляет особые привилегии пространству: она вынуждена приобретать определенную пространственную глубину. Чем сильнее внешняя временная линейность произведения прикрывает его подспудную пространственность, тем важнее оказывается истинное значение последней.

Начиная по крайней мере с Лессинга, вербальные искусства принято считать искусствами временными; драма распространяет свое недоверие к времени на слово. «Герой прикладывает безмерные, мучительные усилия, чтобы прочесть партнера, с которым он связан. Поскольку уста являются местом ложных знаков, читающий неизменно устремляет внимание на лицо: плоть как бы дает надежду на объективное значение. В лице особенно важны чело (как бы гладкое, обнаженное лицо, на котором ясно отпечатывается полученное сообщение), и, главное, глаза (истина в последней инстанции). Но самый верный знак – это перехваченный знак (например, письмо)» [10. С. 177]. Слово, существующее во времени, обманчиво, подобно самому сценическому времени, и, в той мере, в которой оно производно от этого времени, оно не становится событием; только визуальным знаком, или по крайней мере более «пространственному» письму можно доверять, и потому они являются событиями, откровениями, делят время на до и после, подобно резкому движению стрелки часов, отмечающему реальное движение времени, независимое от нашего субъективного и ненадежного чувства длительности. И в отличие от речи, доступной подслушиванию как персонажам, так и читателям и зрителям, визуальные знаки гораздо более требовательны – для их восприятия надо разделять одно пространство.

Драма, которую можно считать самой объективной формой литературы, парадоксальным образом испытывает трудности именно в том месте, где необходимо донести объективную информацию – она не может сделать это объективными средствами, чистым мимесисом: как астрономическое время не может означать сценическое, так и о визуальных знаках мы можем узнать или из речи акторов о себе или о других, т.е. в их интерпретации (никогда нельзя исключать ненадежности рассказчика и тем более способности акторов ошибаться, неправильно интерпретировать знаки – вспомним роль письма в судьбе Розенкранца и Гильденстерна), или из ремарок, т.е. через минимальный диегесис⁸. В литературе, в отличие от кино⁹ или комикса, читатель не может видеть то, что видят герои; для него закрыто это пространство очевидности, а значит, и истины. Таким образом, между читателем и пространством действия оказывается непреодолимая пропасть. Эта пропасть – впрочем, не только она – дает повод предположить существование пятой, не обнаруженной Женеттом роли пространства, актуальной прежде всего в драме. Мы можем определить эту роль так:

5. Пространство речи. Диалога, перформативности, отделенное от пространства чтения, зрелища, удовольствия.

Женетт отмечает, что возможны два пути, каким пространство обретает свой язык: через язык, особенно язык письменной литературы (четырьмя вышеуказанными способами), «а также, быть может (но совершенно в ином смысле), в пластических конструкциях (скульптура, архитектура), всякий раз подразумевающих пустоту, которая их окружает и поддерживает и, следовательно, некоторым образом изрекает» [4. Т. 1. С. 127]. Нельзя ли предположить, что драма, благодаря своему родству с театром, заимствует у него эту совершенно иную пространственность? Что она, даже оставаясь вербальным искусством, содержит в себе, хотя бы в виде намека, и нечто от пластических искусств?

Все же стоит немного подправить Женетта: что если пространство, которое «окружает и поддерживает» произведение искусства – это не обязательно пустота¹⁰? Зачастую оно, конечно, именно ею и является: идеология автономности произведения искусства, белого куба – это в некотором роде самоподтверждающаяся теория, истинная в той мере, в какой в нее верят, в какой она влияет на художественную практику. Однако она не могла не вызвать сопротивления – замкнутому модернистскому пространству противопоставило себя site-specific искусство, признающее то окружение, в котором оно находится, и делающее его частью своего собственного содержания [18. С. 215–224]. Пространство перестает существовать только «в источнике или в основании сообщения», «подобно тому как язык или сам говорящий присутствуют во фразе» [4. Т. 1. С. 127], но и становится – как раз благодаря этому присутствию в источнике, тут нет ничего взаимоисключающего – также его содержанием.

Драма, можно сказать, является подобным сайт-специфичным искусством, однако это не значит, что

она всегда является по своей сути постмодернистской: у этой аналогии есть границы. Скорее ее можно сравнить с определенным родом произведений живописи, самым известным представителем которого являются «Менины» Веласкеса, содержащие в себе фигуру зрителя не только как некое абстрактное место, которое может занять любой человек, вставший перед картиной, но как одновременно и очень конкретное место, занятое конкретной личностью. Зритель «Менин» является частью содержания картины. Позаимствовав термины из словаря Эко, можно сказать, что образцовым зрителем в этом случае является конкретный эмпирический зритель – точнее, чтобы стать образцовым зрителем, нужно в определенном смысле понять, что картина заставляет примерить маску этого конкретного эмпирического зрителя – персонажа картины. «Менины» словно носят своего зрителя с собой – поэтому их, конечно, нельзя назвать сайт-специфичным искусством, но и сказать, что они полностью независимы от своего окружения, тоже нельзя. Они сами создают себе окружение.

Конечно, литература крайне редко бывает сайт-специфичной в полном смысле слова. В отличие от живописи или скульптуры, произведения которых индивидуальны и потому могут специально создаваться под определенное место, и тем более от архитектуры, книгу можно читать где угодно (ставить спектакль и тем более смотреть его в записи – тоже)¹¹. Однако устройство драмы оказывается похожим на устройство картин типа «Менин»; вспомним слова Барта о сцене: «...место-объект, окруженное со всех сторон пространством-субъектом» [10. С. 133]. О фотографии Барт говорил, что она «носит свой референт с собой» [19. С. 14]. Можно сказать, что драма носит с собой своего читателя. Конечно, по сравнению с конкретным персонажем-зрителем «Менин» (или референтом фотографии) персонаж-читатель драмы крайне абстрактен, но это абстрактность драматического типажа или проповедской функции-персонажа (вредитель, даритель, помощник...). Этот читатель принципиально отличается от читателя любой другой формы литературы; скорее он похож на театрального зрителя [21. Р. 124]. Читателю прозы рассказывают, что произошло; зритель собственными глазами видит, как все происходит – даже если просто читает книгу у себя дома. Читатель прозы, даже принимая на себя активную роль, приводя в движение текст, «ленивый механизм» по выражению Эко [16. С. 9], соотносится с рассказчиком; это адресат, выполняющий часть работы адресанта. Зритель же соотносится с действующим лицом; это субъект, чья отличительная особенность заключается в том, что это субъект бездействия и наблюдения¹². Поэтому и граница, отделяющая читателя от действия, концептуализируется в драме совершенно иначе.

Благодаря отсутствию рассказчика читатель драмы имеет дело непосредственно с актерами. Если в эпосе или лирике бумага, письмо связывают читателя с рассказчиком, то в драме – напротив, отделяют читателя от актеров. Не будет ничего удивительного, если лирический герой стихотворения обратится к читателю или

адресует стихотворение какому-либо конкретному лицу. Эпос также знает бесчисленное множество способов признаться в собственной ориентированности на читателя: мнимые обращения «издателей» «случайно обнаруженных рукописей», эпистолярная форма, форма очерка, дневника или автобиографии, с многочисленными обращениями «читатель», как в «Джейн Эйр»; два самых известных произведения, радикальных в своей игре с читателями, – «Если однажды зимней ночью путник» Итало Кальвино и «Убийство Роджера Экройда» Агаты Кристи. Рассказчику ничего не стоит обратиться к читателю, ведь все произведение по большому счету является таким обращением; для действующего лица драмы – это большое дело, моментально опознаваемый и очень сильный прием (разумеется, речь только о тех случаях, когда наличие читателя/зрителя признают, а не о простых репликах в сторону). Рассказчик принадлежит сразу двум мирам – миру действия, населенному персонажами, и миру рассказа, в котором живет читатель, опосредуя отношения между ними. В драме разделение этих миров при отсутствии подобного медиатора ощущается как определенная пропасть; слом «четвертой стены» – невероятный¹³ прыжок через эту пропасть.

Отделяя акторов от зрителей, драма создает асимметрию знания и действия: акторы действуют в условиях незнания, совершают комические или трагические ошибки, а зрители все знают, но не могут вмешаться в действие, как бы сильно они этого ни хотели. Конечно, желание вмешаться в ход событий часто возникает и у читателей романов, однако сама их форма направлена на определенную его нейтрализацию: прошедшее время намекает на законченность действия, неотвратимость судьбы [8. С. 149–154, 236; 10. С. 79], а сам объем книги – на то, что до конца еще далеко, успокаивая нас по крайней мере насчет судьбы рассказчика, если он лично присутствует в сюжете (все-таки мертвецы историй не рассказывают), или судьбы нарратива; продолжение сообщения является гарантией продолжающегося существования адресанта или телеологическим обещанием морального вывода [8. С. 150; 23. Р. 20; 24. С. 207–208]. Читатель или зритель драмы, как один из ее персонажей, наравне с актерами исполняет свою роль: конечно, он ему нельзя «лезть на сцену, чтобы защитить Дездемону от Отелло» [12. С. 404] – такой поступок пойдет вразрез в отведенным им сценарием местом в игре (*play*), – но равно неправильно он исполнит свою роль, если в нем вообще не появится желания лезть на сцену. Как и актер, читатель может переиграть или недоиграть, если ему неизвестно «искусство быть зрителем» [12. С. 409].

Таким образом, читатель романа отделен от событий временем, читатель же драмы – нет; эпос – рассказ о событиях прошлого, драма – разворачивание события в настоящем. Феноменология драмы, можно сказать, представляет собой вывернутую наизнанку феноменологию фотографии: если ноэма второй, следуя Барту, звучит как «это там было» [20. С. 97], то первой можно дать формулу «не-это здесь есть»; фотографию можно назвать «настоящим не-настоящим», тогда как

драма – это «ненастоящее настоящее». Разделяющую роль времени берет на себя пространство. «Настоящая» четвертая стена или играющая ее роль бумага делят пространство на две неравные части: пространство действия и пространство чтения, сцена и зрительный зал. Эта стена тонкая, даже прозрачная, что (особенно в трагедии) только разжигает фрустрированное невозможностью желание читателя вмешаться, но непреодолимая; для того, чтобы нивелировать этот эффект, перенести действие в область иллюзий, чистого зрелища, Вагнеру пришлось пойти на особые сценические меры [25. С. 305]. Главным содержанием драмы является пространство действия, (сценического) сопresутствия персонажей; только то, что сказано на сцене, является речевым актом в полном смысле этого слова, т.е. действием, имеющим определенные последствия; все, что может быть сказано в зале, игнорируется – если какая-либо реакция и есть, это реакция актера, а не актора, не имеющая никаких последствий для хода действия¹⁴. Пространство действия – это пространство речи, а не языка; речи, всегда локальной, обращенной к другим актерам, построенной на оппозиции присутствующего и отсутствующего, ближнего и дальнего. И в то же время это пространство визуальных знаков, доступа к истине которых оказывается лишен находящийся вне него читатель.

Пространство речи сильно отличается от пространства языка, понятого как сосюроевская абстрактная топология дифференциальных отношений, о котором были справедливы слова Бланшо, что понять его «не позволяет ни обычное геометрическое пространство, ни пространство практической жизни» (цит. по: [4. Т. 1. С. 281]). Пространство речи, напротив, с одной стороны, геометрично: оно определяется сопresутствием персонажей, явным или скрытым (подслушивание), их перемещением с места на место, прибытием и отбытием – и в то же время задано геометрическим разделением сцены и зрительного зала. С другой стороны, это деление является символом разделенности пространства практической жизни: способность к действию и речи, буквально право на голос, находится на стороне немногих действующих лиц, в то время как массе зрителей или читателям остается только наблюдать за происходящим. Хотя обычно позицию зрителя принято отождествлять с субъектом, наблюдающим за персонажами-объектами ради своего удовольствия, становится ясно, что такое отождествление некорректно, поскольку вмешаться в ход действия он как раз не может. Зритель бессубъектен, поскольку лишен доступа к пространству речи, из которого черпают свою субъектность акторы.

Пространство речи определяется выходами и уходами акторов, но для описания самих этих перемещений необходимо прибегать к ремаркам, то есть диегесису, повествованию; собственно драматический мимесис, разворачивающийся внутри сцен, оказывается неспособен описать собственные границы или перешагнуть через них: без помощи диегесиса персонажи не могут ни прийти, ни уйти, не могут смениться декорации. (Не соответствует ли общему абсурдистскому

духу использование Беккетом ремарок вроде «Не трогаются с места» [14. С. 106]? Подобное описание бездействия, вполне уместное в эпической форме, в драме избыточно, ведь она и так предполагает постоянство актеров и декораций, если не указано обратного.) Главная функция ремарок, таким образом, заключается в том, чтобы включать и выключать доступ персонажей к пространству речи. Здесь уместно будет вспомнить о лингвистической категории шифтеров (или подвижных определителей) – индексных символов, знаков вроде некоторых местоимений, сочетающих в себе признаки символа (немотивированность означающего) и индекса (материальность связи с означаемым), благодаря чему они являются кодом, направленным на сообщение [26. С. 97–99]. Пространство речи является пространством, в котором значение подобных шифтеров определено и конечно: каждое произнесенное «я» и «ты», «этот» и «здесь» могут означать только некоторое конкретное и конечное множество людей, вещей и мест, заданных пространственным присутствием. Ремарки, указывая на изменение этих множеств, отделяют одно пространство речи от другого. В то же время ремарки никогда не затрагивают читателей или зрителей: они не могут быть ни включены, ни исключены из этого множества – тем скандальнее слом четвертой стены, когда они оказываются означаемым слова «вы», без того, впрочем, чтобы дать им право на слова «я» и «мы».

Вспомним три выделенные Бартом трагедийных места расиновской трагедии: Покои, Передняя и Внешний мир [10. С. 132–133]. Нет ли определенного изоморфизма между этими означенными местами и означающими пространствами драматического действия? До этого мы говорили о том, что в драме мир разделен на две части – сцена и зрительный зал. Но ступенью ранее сам драматический мир должен быть отделен от мира в целом. Возникшие после такого двойного деления три пространства – внешний мир, зрительный зал, сцена – можно соотносить с тремя местами, но способ такого соотношения очевиден только для «внешнего мира». Чтобы определить два другие соответствия, необходимо вспомнить о существующим между ними отношениях: Покои и Передняя соотносятся как тиран и герой, охотник и жертва, садист и мазохист. Мазохизм героя заключается в том, что он отказывается покинуть трагедийное пространство, сбежать во внешний мир, ведь это испортит трагичность ситуации [10. С. 133–135].

Если заменить вопрос о Покое и Передней вопросом о садизме и мазохизме, ответить на него станет легче. Кого можно назвать садистом, как не автора драмы, использующего свою власть над героями ради игры с ними – не слишком важно, смешной или жестокой? «...Можно было бы говорить о расиновском садизме», «не желают признавать, что речь идет о садизме» [10. С. 155, 209]. В то же время мазохист – это зритель; даже в мещанской драме или комедии, где он скорее вместе с автором смеется над действующими¹⁵ лицами, чем сопереживает страдающим от рук автора героям и добровольно обливается слезами над вымыслом, принципиальным остается то, что от него здесь

ничего не зависит, он никак не может повлиять на ход действия – только отказаться от своего участия в игре, закрыть книгу или выйти из зала, как будто сказать стоп-слово. Особенно это видно в трагедии: чем сильнее и несправедливее страдают герои, чем меньшей властью над собственной участью они располагают, чем злее ирония судьбы, тем большее удовольствие получают читатели и зрители. Барт пишет о фрустрации, в которой проявляется расиновский садизм, имея в виду фрустрацию героя, которой его подвергает тиран [10. С. 155], но нет ли оснований скорее считать, что ей подвергается зритель со стороны драматурга, а персонажи выполняют посредническую роль в этой экономике страдания и удовольствия? С точки зрения автора они замещают читателя; с точки зрения читателя – через них исполняются воля автора: они будто бы добровольно и назло самим себе, но сами этого не понимая, ставят себя в такое положение, которое принесет зрителю максимальное удовольствие от осознания иронии ситуации и неспособности вмешаться.

Таким образом можно установить определенный изоморфизм между формой и содержанием классической, расиновской трагедии: внешний мир = Внешний мир, зрительный зал = Передняя, сцена = Покои. Разумеется, нужно быть очень осторожным, распространяя это равенство, установленное на примере одного автора, на весь жанр (трагедию) и тем более архижанр (драму). Уже сейчас довольно очевидным кажется, что для двух классических драматических жанров, трагедии и комедии, эта схема будет работать (если будет) с меньшими натяжками, чем для драмы в узком смысле слова (мещанской драмы). В качестве контрольного материала снова используем «В ожидании Годо», чей жанр был определен Беккетом как трагикомедия (стоит полагать, в шекспировском смысле слова) – пьесу из совершенно другой эпохи, совершенно непохожую на расиновские по содержанию, но в целом довольно классическую по форме. Владимир и Эстрагон, с одной стороны, и читатели или зрители – с другой, здесь словно подвергаются пыткой ожиданием; однако ни те, ни другие, не могут покинуть пространство драматического представления, причем по одной и той же причине – и герои, и зрители ждут Годо. Об этом Владимир каждый раз напоминает Эстрагону – а через него читателям – в ответ на его вопрос, почему они не могут уйти. Владимир ведет такую же садистскую игру с читателем, какую с ним самим ведет автор, указывая на то, что выход из этой игры (уход во внешний мир) не принесет никому из них должного удовлетворения. Интересно отметить, что единственная альтернатива прибытию Годо, рассматриваемая героями в качестве удовлетворительного исхода – это самоубийство, причем в диалоге подчеркиваются сексуальные аспекты повешения [14. С. 16]. Пытка ожиданием может быть оправдана или рационально, по принципу цель оправдывает средства, прибытием Годо, или радикальным повышением мазохистских ставок до того предела, в котором оргазм совпадает со смертью.

Подведем итог нашим размышлениям. Три из четырех выделенных Женеттом типов литературного пространства оказываются особенно актуальными для

драмы. Пространство фигур – поскольку метонимия и ирония помогают преодолеть пространственную ограниченность драматического действия, определяют взаимодействие между героями и средой, а также между героями и зрителями, причем даже в гораздо более сильном, конкретном смысле пространственности, чем тот, который фигурам отводил Женетт. Пространство письма – поскольку геометричность драматического письма противоположна тенденциям к вербальной монополии рассказчика в лирике и эпосе. Пространство языка – поскольку драма не только ставит проблемы в терминах пространства, но и решает их с помощью пространственных средств. Драматическое время оказывается проблематичным, и решение проблем с ним остается искать только в пространстве – или хотя бы использовать его для побега от них. Благодаря отсутствию опосредующей фигуры рассказчика и временной дистанции между событием и зрелищем драматическое пространство оказывается разделенным на

два – пространство речи и действия с одной стороны и пространство чтения, зрения и знания – с другой.

Драматическая форма подразумевает подобное деление, а следовательно, оно является частью и содержания драмы. Во-первых, драма предполагает свое «окружение», определенного читателя, по-другому относящегося к тексту, чем читатель эпоса или лирики, и скорее близкого зрителю пластических искусств, театральному зрителю или зрителю «Менин»; драма творит этого зрителя как своего персонажа. Во-вторых, драматическое пространство оказывается изоморфно пространству драматического представления в садомазохистской экономике действия и чтения, страдания и удовольствия, распределяемых между писателем, персонажами и читателем. Поэтому есть основания концептуализировать это теоретически выделенное означающее литературное пространство, отличное от пространства языка, письма, фигур и Библиотеки, как пространство речи.

Примечания

¹ Так рассматривал драму уже Аристотель – впрочем, в ограничениях он видел достоинство («Поэтика» 1461b26 и до конца) [1. С. 831]. В ответ можно указать, что ограничить эпос с приданием ему единства действия и пр. можно и без превращения в его драму. Другие указанные достоинства – музыка и зрелище – релевантны при сравнении театра и литературы, но не драмы и эпоса внутри литературы. 20 век отмечен борьбой с таким отношением к этим ограничениям – эпизацией театра [2].

² Из предложенных способов деления трех на три – грамматических лица, времени и пр. – ни один, к сожалению, нельзя признать удовлетворительным (подробнее см.: [4. Т. 2. С. 312–314]).

³ Ich-Origo в немецком оригинале, I-Origo в английском переводе.

⁴ Мы используем этот термин в качестве синонима понятия «действующее лицо», отчасти следуя за А.-Ж. Греймасом [13. С. 252], но избегая неудобной двусмысленности его термина «актер».

⁵ Пер. М.Л. Лозинского.

⁶ Пер. Б.Л. Пастернака.

⁷ Пер. М. Богословской.

⁸ Пьесы, состоящие целиком из «ремарок», т.е. являющиеся одной большой ремаркой, вроде «Действий без слов» Беккета, неотличимы от эпоса, рассказа с внешней фокализацией, если только тем, что написаны в настоящем времени, а не в прошедшем.

⁹ В кино распространено и обратное: зритель видит гораздо больше, чем персонаж. Например, если действие происходит глубокой ночью или в темном помещении, мы предполагаем – или узнаем от самого героя – что он ничего не видит, в то время как мы видим все отлично. Впрочем, степень видимости определяется драматическими критериями: в данном случае показывать зрителю то же, что видит герой, т.е. ничего, было бы драматической ошибкой – точно такой же, как описывать место преступления глазами детектива, т.е. показывать слишком много.

¹⁰ В этом контексте очень интересна другая статья Женетта, несколько развивающая его аналитику литературной пространственности, – «Метонимия у Пруста» [4. Т. 2. С. 36–58], в которой рассматривается эстетическая позиция Пруста и его рассказчика. Для них произведение искусства неразрывно связано со своим «естественным» обрамлением, здание – с пейзажем, в котором оно находится, и даже девушка – с местом, где она выросла. Женетт показывает, что прустовская метафора часто основана на метонимии в широком смысле слова: вещи аналогичны соседним вещам. Поэтому пространство должно быть заполнено вещами, дающими повод к таким аналогиям, – нет ничего важнее подобного добрососедства, – и не может быть пустым или мыслиться таковым. И наоборот: благодаря механизмам памяти одна вещь подтягивает за собой соседнюю, пока подтянутым не окажется весь мир. Интересно и то, что собственное искусство Пруста – литература – с таким взглядом на эстетику плохо сочетается, т.к. книги привязки к месту обычно лишены.

¹¹ Проблема возможности или невозможности сайт-специфичности лишь отчасти пересекается с проблемой автографичности и аллографичности искусств самих по себе [19. Р. 113]. Произведения Ксенакиса, Штокхаузена, Кейджа и Фелдмана показали, как музыка может быть сайт-специфичной. Сайт-специфичным можно назвать и проект «Книги» Малларме.

¹² Это дает повод сравнить драму с фотографией, рассмотренной с точки зрения фотографа: «Фотографирование, по существу, – акт невмешательства. <...> [Съемка] [п]редполагает соучастие в том, что делает сюжет интересным, заслуживающим фотографирования, даже если этот интерес составляют чьи-то неприятности или мучения» [22. С. 23–24]. Отличие читателя от фотографа в том, что он и не может предпочесть наблюдению вмешательство, а следовательно, его стоит уподобить скорее не вуайеристу, а мазохисту, о чем будет сказано далее.

¹³ Также и в буквальном смысле – это брешь в «правдоподобности» действия, в герметичности миметического идеала.

¹⁴ Перформанс или постдраматический театр могут быть построены на взаимодействии с аудиторией, но не драма – тем более не драма как литературное произведение (хотя литература всегда вовлекает читателя в работу, в вышеуказанном смысле это делают только книги-игры).

¹⁵ В лингвистике русского языка свойство, противоположное «действию», принято называть как раз «страданием» (см.: действительный и страдательный залого). Поэтому можно сказать, что читатели противопоставлены действующим лицам как лица страдающие (или сострадающие).

Список источников

1. Аристотель. Поэтика // Гаспаров М.Л. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1: Греция / вступ. ст., сост. Н.П. Гринцера, М.Л. Андреева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 848 с.
2. Сонди П. Теория современной драмы. М.: V–A–C Press, 2020. 148 с.
3. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / вступ. ст. Н.Д. Тамарченко; ком. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тамарченко. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
4. Женетт Ж. Фигуры. В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1: 472 с.; Т. 2: 472 с.
5. Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. Составление, вступительная статья и общая редакция Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 355–369.
6. Компаньон А. Демон теории. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
7. Hamburger K. The Logic of Literature. Second, Revised Edition / Translated by Marilyn J. Rose. Bloomington; London: Indiana University Press, 1973. 369 p.
8. Сартр Ж.П. Что такое литература? / пер. с фр. Н.И. Полторацкой. М.: АСТ, 2020. 448 с.
9. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 37–113.
10. Барт Р. Нулевая степень письма / пер. с фр. М.: Академический Проект, 2008. 431 с. (Философские технологии).
11. Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с. (Языковеды мира).
12. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р.Г. Григорьева; пред. С.М. Даниэля. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
13. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода / пер. с фр. Л. Зиминной. М.: Академический Проект, 2004. 368 с. (Концепции).
14. Беккет С. В ожидании Годо: Пьесы / пер. с фр. М.: Текст, 2010. 286 с.
15. Беккет С. В ожидании Годо / пер. с фр. М. Богословской // Иностранная литература. 1966. № 10. С. 165–195.
16. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: Симпозиум, 2003. 285 с.
17. Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: сб. ст. / пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой, Е. Павлова, А. Пензина, С. Ромашко, А. Рябовой, Б. Скуратова, И. Чубарова; филол. ред. переводов А.В. Белобратов; ред. Я. Охонько; сост. и послесл. И. Чубаров, И. Болдырев. М.: РГГУ, 2012. 288 с. (Серия: «Современные гуманитарные исследования», Кн. I).
18. Краусс Р. Подлинность авангарда и другие модернистские мифы. М.: Художественный журнал, 2003. 320 с.
19. Goodman N. Languages of Art. An Approach to a Theory of Symbols. Indianapolis, New York; Kansas City: The Bobbs-Merrill Co., Inc., 1968. xiv, 277 p.
20. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 192 с.
21. Wiśniewski T. The Irish Stage: Space and Communication in Printed Drama // Space in Literature / ed. by U. Terentowicz-Fotyga. Berlin: Peter Lang, 2018. P. 123–134.
22. Сонтаг С. О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 272 с.
23. White H. The Value of Narrativity in the Representation of Reality // W.J.T. Mitchell (ed.) On Narrative. Chicago: University of Chicago Press, 1981. P. 1–24.
24. Рансьер Ж. Понятие анахронизма и истина историка // Социология власти. 2016. Т. 28, № 2. С. 203–223.
25. Дамиш Ю. Теория /облака/. набросок истории живописи / пер. с фр. А. Шестакова. СПб.: Наука, 2003. 360 с.
26. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б.А. Успенский; сост. О.Г. Ревзина. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 95–113.

References

1. Gasparov, M.L. (2021) *Sobranie sochineniy v shesti tomakh* [Collected Works in Six Volumes]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Szondi, P. (2020) *Teoriya sovremennoy dramy* [Theory of Modern Drama]. Translated from German. Moscow: V–A–C Press.
3. Tomashevskiy, B.V. (1996) *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow: Aspekt Press.
4. Genette, G. (1998) *Figury* [Figures]. Translated from French. Vols 1–2. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
5. Todorov, Tz. (1983) *Ponyatie literatury* [The concept of literature]. Translated from French. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga. pp. 355–369.
6. Compagnon, A. (2001) *Demon teorii* [Demon of Theory]. Translated from French. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
7. Hamburger, K. (1973) *The Logic of Literature*. Translated by M.J. Rose. 2nd ed. Bloomington; London: Indiana University Press.
8. Sartre, J.-P. (2020) *Chto takoe literatura?* [What is Literature]. Translated from French by N.I. Poltoratskaya. Moscow: AST.
9. Todorov, Tz. (1975) *Poetika* [Poetics]. In: Basin, E.Ya. & Polyakov, M.Ya. (eds) *Strukturalizm: “za” i “protiv”* [Structuralism: “For” and “against”]. Moscow: Progress. pp. 37–113.
10. Barthes, R. (2008) *Nulevaya stepen’ pis’ma* [Writing Degree Zero]. Translated from French. Moscow: Akademicheskij Proekt.
11. Jakobson, R. (1987) *Raboty po poetike: Perevody* [Works on Poetics: Translations]. Moscow: Progress.
12. Lotman, Yu.M. (2002) *Stat’i po semiotike kul’tury i iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt.
13. Greimas, A.J. (2004) *Strukturnaya semantika: poisk metoda* [Structural Semantics: Search for a method]. Translated from French by L. Zimina. Moscow: Akademicheskij Proekt.
14. Beckett, S. (2010) *V ozhidanii Godo: P’esy* [Waiting for Godot: Plays]. Translated from French. Moscow: Tekst.
15. Beckett, S. (1966) *V ozhidanii Godo* [Waiting for Godot]. Translated from French by M. Bogoslovskaya. *Inostrannaya literatura*. 10. pp. 165–195.
16. Eco, U. (2003) *Shest’ progulok v literaturnykh lesakh* [Six Walks in the Fictional Woods]. Translated from English by A. Glebovskaya. Saint Petersburg: Simpozium.
17. Benjamin, W. (2012) *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya* [The Doctrine of Similarity. Media aesthetic works]. Translated from German by I. Boldyrev et al. Moscow: Russian State University for the Humanities.
18. Krauss, R. (2003) *Podlinnost’ avangarda i drugie modernistskie mify* [The Originality of the Avant-Garde and Other Modernist Myths]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal.
19. Goodman, N. (1968) *Languages of Art. An approach to a theory of symbols*. Indianapolis, New York; Kansas City: The Bobbs-Merrill Co., Inc.
20. Barthes, R. (2013) *Camera lucida. Kommentariy k fotografii* [Camera Lucida. Comment on the photo]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem Press.

21. Wiśniewski, T. (2018) The Irish Stage: Space and Communication in Printed Drama. In: Terentowicz-Fotyga, U. (ed.) *Space in Literature*. Berlin: Peter Lang. pp. 123–134.
22. Sontag, S. (2014) *O fotografii* [On Photography]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
23. White, H. (1981) The Value of Narrativity in the Representation of Reality. In: Mitchell, W.J.T. (ed.) *On Narrative*. Chicago: University of Chicago Press. pp. 1–24.
24. Rancière, J. (2016) Ponyatie anakhronizma i istina istorika [The concept of anachronism and the truth of the historian]. Translated from French. *Sotsiologiya vlasti*. 2 (28). pp. 203–223.
25. Damisch, H. (2003) *Teoriya /oblaka/. Nabrosok istorii zhivopisi* [A Theory of /Cloud/: Toward a History of Painting]. Translated from French by A. Shestakov. Saint Petersburg: Nauka.
26. Jakobson, R. (1972) Shiftery, glagol'nye kategorii i russkiy glagol [Shifters, verbal categories and the Russian verb]. In: Uspenskiy, B.A. (ed.) *Printsiipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of Typological Analysis of Languages of Different Systems]. Moscow: Nauka; Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. pp. 95–113.

Информация об авторе:

Николаев А.В. – аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.v.nicolaev@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Nikolaev, postgraduate student, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.v.nicolaev@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.04.2022;
одобрена после рецензирования 07.04.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 21.04.2022;
approved after reviewing 07.04.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 165.021
doi: 10.17223/15617793/492/8

Критическое мышление: его сущность и присутствие во образовательных программах российских вузов

Максим Владимирович Поздняков¹

Московский политехнический университет, Москва, Россия, ma2017xim@gmail.com

Аннотация. Рассматривается вопрос о сущности критического мышления и его выработке у студентов российских вузов. Задача выработки универсальной компетенции № 1 (УК-1), содержащей в себе слова «критический анализ и синтез информации», должна решаться отдельной дисциплиной. Оспаривается уже высказанная российскими авторами позиция, что данная задача решается другими дисциплинами, изучаемыми студентами. Исходя из выявленного каркаса критического мышления обрисовывается, что содержательно должна представлять собой данная дисциплина.

Ключевые слова: критическое мышление, скепсис, рефлексивное мышление, образовательные стандарты, универсальные компетенции, манипуляции сознанием, инфопространство, логика, аргументация

Для цитирования: Поздняков М.В. Критическое мышление: его сущность и присутствие во образовательных программах российских вузов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 68–75. doi: 10.17223/15617793/492/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/8

Critical thinking: Its essence and presence in the educational programs of Russian universities

Maxim V. Pozdnyakov¹

¹ Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation, ma2017xim@gmail.com

Abstract. The article deals with the issue of the essence of critical thinking and its development among students of Russian universities, which has become relevant due to the fact that the Russian educational standards of higher education 3++ introduced in 2017 contain a group of universal competencies “systemic and critical thinking”, which did not exist before. The article aims to answer several interrelated questions: What is critical thinking (what components does it include)? How should the task of developing critical thinking be implemented in Russian higher education institutions? What should be included in the content of the academic subject that is responsible for developing critical thinking? The analysis is based on the already existing positions of Russian and foreign authors, as well as the pedagogical practice at universities of the Russian Federation of the author himself, which includes teaching logic and philosophy. When considering the points of view on the essence of critical thinking and its components, the author concludes that critical thinking includes a general skeptical attitude, logical components, metacognition, etc. The author particularly points out that these elements should be supplemented by the ability to fix in the proposed information the fact of manipulation of consciousness and the distinction of its types. This requires the knowledge of these techniques. The author infers that the necessary link within these operations is the identification of the beneficiaries of manipulation. It explains why, without this link, critical thinking cannot function in principle. The result of the article is the following conclusions. 1. Based on the modern requirements for educational standards, which contain a universal competence related to the category “critical thinking”, it is necessary to introduce a discipline into educational programs that teaches such thinking. 2. The position according to which this task can be solved by studying the main program in the absence of such a discipline seems unconvincing to the author. 3. Meaningful critical thinking is a complex ability, which, being a generally enhanced version of the rational, integrates a number of components. Setting and solving the task of developing students’ critical thinking, the teacher needs to fix the following components as such: a skeptical position regarding the reliability of information, an attitude to the use of critical thinking (with its sub-components mentioned above), logic and theory of argumentation, metacognitive monitoring, knowledge of typical methods of manipulation of consciousness, including raising the question of its beneficiaries in specific situations, etc. 4. An academic discipline whose task is to teach critical thinking should include a number of theoretical blocks: a block on the general structure of cognitive abilities, a block of logic, a block of argumentation theory, a block on methods of manipulating consciousness, a block on ways of presenting tasks and strategies for solving them.

Keywords: critical thinking, skepticism, reflective thinking, educational standards, universal competencies, consciousness manipulation, information space, logic, argumentation

For citation: Pozdnyakov, M.V. (2023) Critical thinking: Its essence and presence in the educational programs of Russian universities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 68–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/8

В данной статье будут рассмотрены два взаимосвязанных вопроса: вопрос о сущности критического мышления и вопрос о месте, которое оно должно занимать в конструкции образовательных программ российских вузов. Второй вопрос в сущности сводится к следующему: как должна быть организована выработка критического мышления (какая дисциплина отвечает за это, и что она в себя включает). Целесообразно начать с того, что на текущий момент термин «критическое мышление» подразумевает как минимум три значения. Во-первых, это определенный модус мышления (противопоставляемый некритическому или иначе догматическому); во-вторых, междисциплинарная область исследований, занятая рассмотрением данного феномена и, в-третьих, учебная дисциплина, которая преподается в ряде университетов США, Канады, Европы и других государств, в число которых постепенно входит Российская Федерация (имеется в виду, что некоторые вузы нашей страны уже ввели в свои учебные программы такой предмет либо предмет с похожим названием).

Подавляющее большинство исследователей, рассматривающих содержание образовательных программ вузов в части базовых навыков, которые должны приобретать студенты, указывают на то, что насущной задачей высшего образования является подготовка специалистов, владеющих методами самостоятельного поиска, сбора, анализа и оценки информации. Мы не будем охарактеризовывать черты современного инфопространства, предъявляющего возросшие требования к этим навыкам будущих специалистов, поскольку они очевидны и неоднократно обсуждались. Однако, помимо общего признания, что современного студента необходимо оснастить умением жить и трудиться в перенасыщенном информацией пространстве, потребность рассмотреть заявленную тему продиктована следующим обстоятельством. Во введенных в декабре 2017 г. Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования 3++ появился ряд нововведений. Взамен фигурировавшего в стандартах предыдущего поколения набора общекультурных компетенций (ОК) появилось понятие «универсальные компетенции», а также введены категории (группы) универсальных компетенций (УК). И первая категория этих компетенций как раз имеет название «системное и критическое мышление». Единственная представленная в данной категории компетенция УК-1 раскрыта в следующей формулировке: «способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач»¹. В свете этих нововведений представляется важным и актуальным еще раз рассмотреть вопрос о существовании «критического мышления», поскольку при внешней кажимости того, что смысл данного термина представляется очевидным, что в частности выражается в бодрых

призывах различных медийных фигур мыслить критически, на самом деле он далеко не очевиден.

Рассмотрением существа критического мышления занималось достаточно много западных исследователей, в числе которых следует отметить Глэйзера, Энниса, Р. Пола, Липмана, Сирса, Д. Халперн и многих других. Занимаются данным вопросом и отечественные исследователи, в числе которых можно упомянуть В.Н. Брюшинкина, И.Н. Грифцову, Г.В. Сорину, И.В. Смирнову, А.С. Боброву и др.

Приступая к краткому обзору точек зрения по данному вопросу, необходимо располагать хотя бы предварительным кратким определением феномена. Из ряда претендующих на эту роль наиболее удачным нам представляется следующее: «...сознательные усилия по определению того, какие утверждения считать правильными, а какие – нет» [1. Р. 478]. Согласно авторам этого определения, оно указывает на то общее, в чем сходится подавляющее большинство исследователей.

Основательно рассмотрением состава критического мышления начали заниматься во второй половине XX в. Однако отправной точкой этих исследований по мнению ряда авторов (российских и зарубежных) является понятия «рефлексивное мышление» (reflective thinking), введенное в оборот американским философом и теоретиком педагогики Джоном Дьюи в начале XX в. Трансформация этого понятия и дала в итоге мышление «критическое». Собственно мышление определяется Дьюи, во-первых, как переход от осознаваемого факта или вещи, которые наличествуют во внешнем мире здесь и сейчас, к другим вещам или фактам, которые актуально не даны, т.е. как отсылка от присутствующего в восприятии к отсутствующему в нем; а во-вторых, формирование уверенности в правильности такого перехода. В этой уверенности в свою очередь различаются два модуса: первый, в котором «уверенность приобретается при слабой попытке или почти без всякой попытки установить основания, на которых она утверждается» [2. С. 3], и второй, в котором «основание или причина уверенности внимательно исследуется и рассматривается их способность обосновать ее» [2. С. 3]. Этот второй модус и является рефлексивным мышлением. Итоговым его определением в свете сказанного у Дьюи выступает следующее: «Активное, настойчивое и внимательное рассмотрение какого бы то ни было мнения или предполагаемой формы знания, при свете оснований, на которых оно покоится, и анализ дальнейших выводов, к которым оно приводит, и образует рефлексивное мышление» [2. С. 5].

Далее рассмотрению подвергается как сама ситуация запуска рефлексивного мышления, так и его механизм. Делается это сквозь призму категорий «сомнение» и «верование» – общих для всех представителей прагматизма. Исходной ситуацией включения в работу рефлексивного мышления всегда является некая проблема, затруднение при выборе одного из нескольких

исключающих друг друга мнений – ситуация сомнения. Существенным является то, что такая ситуация должна наличествовать в собственном опыте индивида, он должен быть лично заинтересован в разрешении проблемы. Следующий шаг после ее осознания состоит в рассмотрении какого-то решения, в проекте попытки, подборе подходящей теории. Основой для этого является предыдущий опыт индивида и имеющиеся у него знания. Из них он извлекает релевантный ситуации материал.

В сжатом виде суть дела излагается Дьюи в блестящем фрагменте, который уместно привести целиком: «Если возникшая мысль сразу принимается, то перед нами – некритическое мышление, *minimum* рефлексии. Обдумывать вещь, размышлять, значит искать добавочных данных, новых фактов, которые разовьют мысль, и, как было сказано, или подтвердят ее, или сделают очевидной ее нелепость и неприложимость. Если дано действительное затруднение и разумное количество аналогичного опыта, на который можно опереться, то в данном пункте находится различие *par excellence* между хорошим и дурным мышлением. Самый легкий путь – это принять любую мысль, которая кажется правдоподобной, и таким образом покончить с состоянием умственной неловкости. Рефлексивное мышление всегда более или менее беспокойно, так как заключает в себе нарушение инерции, склонной принимать мысль по ее внешнему достоинству; оно заключает согласие перенести состояние умственного беспокойства и тревоги. Короче, рефлексивное мышление означает приостановку суждения на время дальнейшего исследования; а приостановка может быть несколько мучительной. Как мы увидим ниже, самый важный фактор в воспитании хороших умственных навыков состоит в приобретении способности задерживать заключение и в обладании различными методами подыскивать новый материал, чтобы подтвердить или отвергнуть первые пришедшие на ум мысли. Поддерживать состояние сомнения и вести систематическое и медленное исследование – таковы существенные элементы мышления» [2. С. 6].

Из приведенной цитаты видно, что для Дьюи существенным в рефлексивном мышлении представляется осознанное удержание себя от пассивного принятия за истину первого приходящего в голову заключения и готовность выдерживать это неприятное состояние, заполняя его методичными усилиями по поиску новых соображений, подтверждающих либо опровергающих это первое заключение. Нам будет вполне достаточно этого для рассмотрения подходов других авторов. При этом в наши задачи не входит полноценный обзор всех точек зрения. Необходимо вычленив сам каркас критического мышления.

Работа Дьюи увидела свет в 1910 г., и ближайшей к ней вехой в рассмотрении данного феномена является работа Эдварда Глейзера 1941 г. В ней критическое мышление сводится к трем базальным элементам: «1) предрасположенность к вдумчивому рассмотрению проблем и предметов, входящих в диапазон чьего-то опыта, 2) знание методов логического мышления,

3) навыки применения этих методов» [3. Р. 5]. Этот перечень далее развертывается в более обширный список умений и навыков: «Критическое мышление требует настойчивых усилий по изучению любого верования или предполагаемой формы знания в свете подтверждающих их доказательств и выводов, к которым они ведут. Оно также, как правило, требует способности распознавать проблемы и находить работоспособные средства их решения, собирать и упорядочивать соответствующую информацию, распознавать невыраженные допущения и ценности, понимать и использовать язык с точностью, ясностью и разграничением, интерпретировать данные, оценивать доказательства, устанавливать существование (либо отсутствие существования) логических связей между предложениями, делать обоснованные выводы и обобщения, проверять выводы и обобщения, к которым кто-то приходит, перестраивать свои верования на основе более широкого опыта, выносить точные суждения о конкретных вещах и качествах повседневной жизни» [3. Р. 6].

Из данного списка явствует, что критическое мышление в понимании Глейзера включает в себя ряд знаний, которые составляют предмет логики и, соответственно, наработку умения применять эти знания на практике. О том, что такое понимание практически сразу закрепилось как общее место, свидетельствует содержание десятков учебников по критическому мышлению, в которых освещению этих вопросов уделено большое внимание.

Следующим важным компонентом критического мышления, на который указывает ряд исследователей (Сирс, Парсонс, Халперн), является наличие установки на само его применение. Субъект, приступающий к рассмотрению какой-либо информации и при этом пребывающий в уверенности, что он способен критично мыслить, должен не просто располагать знанием логики – он должен захотеть, так сказать, включить этот механизм в актуальной ситуации. При этом данная установка, согласно Д. Халперн, в свою очередь подразумевает ряд личностных качеств этого субъекта: готовность к планированию, гибкость, настойчивость, готовность исправлять ошибки, осознание (метапознание), поиск компромиссных решений [4. С. 44–45]. Соответственно, обучение критическому мышлению должно быть построено так, чтобы, с одной стороны, субъект выработал у себя эти качества в принципе, и, с другой – научился ситуативно их задействовать.

Констатация важности наличия описанной установки, а также вскрытие субкачеств, ее образующих, позволяет установить еще ряд причин, по которым критическое мышление не применяется субъектом. Во-первых, сами перечисленные субкачества могут или отсутствовать вовсе, или быть слабо выражены. Во-вторых, применение этих субкачеств, пуск их в ход, требует усилий, сопровождается расходом гораздо большей энергии, чем мышление некритическое. Отсюда простейшее объяснение того, почему большое количество людей (с высшим образованием в том числе) предпочитает последнее. Они просто не желают расходовать на критическое мышление свою

энергию. Для того чтобы «скрипеть мозгами», окончив вуз, изо дня в день работая и решая помимо работы бытовые задачи, к тому же имея семью, этой свободной энергией надо располагать. А ее, как правило, нет. И получается, что субъект, у которого режим экономии энергии отключает установку на критическое мышление, попадает в распростертые объятия СМИ, у которых есть свои резоны и методы его обжужливания. Разумеется, для решения профессиональных задач критическое мышление, если оно хоть в какой-то степени выработано, этими людьми применяется. Речь идет о том, что уже не остается свободной энергии для его применения вне профессиональной деятельности.

Ряд исследователей (Флавелл, Лангер, Пол Р.П. Пинтрич, Б.Такман) указывают на еще один компонент, с необходимостью входящий в состав критического мышления. Данный компонент называется «метапознание». Сам термин был введен в оборот Флавеллом (J.H. Flavell), и понимается под ним отслеживание мыслящим субъектом процесса собственного мышления, осознание того, из каких звеньев он состоит и как протекает. При отсутствии такого компонента человек не отдает себе отчета в том, каким путем он приходит к какому-то выводу или решению, использует готовые шаблоны, не понимая их происхождения и границ их применимости. «Метакогнитивное наблюдение за собственными мыслительными процессами включает в себя определение приоритетных задач для решения, оценку времени и усилий, необходимых для решения этих задач и их составных частей, а также контроль за тем, как вы продвигаетесь к намеченной цели» [4. С. 47]. Развитие метапознавательного компонента критического мышления включает в себя общие сведения об устройстве когнитивных способностей: памяти, языка, мышления. Еще более важно, что сюда включаются знания о конкретных методах повышения их эффективности.

Теперь мы подошли к очень важному компоненту критического мышления, которому при его анализе уделяется неоправданно мало внимания. Мы рассматривали критическое мышление со стороны его устройства и важности для субъекта, выступающего потребителем некоей информации, к которой он прикладывает указанную способность. Теперь надо указать на следующее очевидное обстоятельство. За сообщаемой информацией всегда стоят лица, группы и организации, которые, в том числе, могут осознанно использовать методы введения реципиента в заблуждение, дезинформировать его и целенаправленно работать на отключение у него критического мышления. Столь же очевидно, что построение иллюзорной картины преследует целью достижение выгоды того или иного рода в различных сегментах общественной жизни: политическом, экономическом, коммерческом, духовном и прочих. Речь идет о так называемой манипуляции сознанием. В свете обсуждаемого вопроса удачной дефиницией последней представляется следующее: «...технология преодоления критической рефлексии индивидов, внушения им заданных

манипулятором представлений, целей и ценностей как основы воспроизводства социальных практик» [5. С. 114].

В данном определении прямо указывается, что целью манипуляции является именно подавление критического мышления. Общие принципы и методы такой работы с инфопространством уже многократно описаны. Помимо этого, зарубежными и российскими исследователями уже приведена масса примеров того, как это делалось по разным поводам, и показано, какую именно выгоду приобретали конечные заинтересованные лица и круги. В наши задачи не входит описание самих этих методов. Для ознакомления с вопросом достаточно указать две монографии, доступные на русском языке: хрестоматийную и не утратившую своей актуальности работу Г. Шиллера [6], базирующуюся на американском материале, и исследование этого вопроса российским автором С.Г. Кара-Мурзой на отечественном [7]. Нас же интересует, как то обстоятельство, что сознанием потребителя информации манипулируют, преломляется в рассматриваемой теме. С одной стороны, понятно, что вскрывать такие манипуляции и прорываться сквозь них должно именно критическое мышление. С другой стороны, именно на его парализацию манипуляция и работает.

Реальная проблема заключается в том, что все перечисленные выше компоненты критического мышления против манипуляции иногда не срабатывают, защита может быть обеспечена только в том случае, если критически мыслящий субъект знаком именно с принципами и распространенными методами подобных манипуляций. Это специфические сведения, и в их широкой огласке не заинтересованы прежде всего те, кто извлекает из них выгоду (политики, главы корпораций, владельцы СМИ и т.п.). И, как правило, эти лица располагают возможностями сокрытия подобных знаний от основной массы населения (в том числе через организацию образования). Это приводит к парадоксальной ситуации, когда можно учить критическому мышлению и даже вводить соответствующие курсы в образовательные программы, но если в процессе такого обучения не сообщать данные сведения, то на выходе получается инструмент, в котором отсутствует важнейшая деталь. Он будет работать только в несложных ситуациях и отключаться там, где он нужен больше всего.

На наш взгляд, существует еще одна сложность – чтобы опознать манипуляцию (хотя бы даже просто почувствовать, что имеет место скрытое управление), мало одних только знаний о том, как это в принципе делается – необходимо сначала поставить, а потом и ответить на вопрос: кто является конечным выгодополучателем ее использования? Можно обсуждать вопрос о том, с какого уровня сложности манипуляции это является необходимым, но события буквально последней пары лет демонстрируют, что теперь эта практика уже не интеллектуальная роскошь – без нее разобратся, водят ли тебя за нос, уже невозможно.

Еще раз заострим внимание на следующем: некоторые манипуляции можно разоблачить только обнаружив выгодополучателей, и наоборот, присутствие в тени выгодополучателей осознается субъектом только

тогда, когда он почувствовал, что вывод, который он сейчас сделает (из услышанного, увиденного, прочитанного), делается не им, а как бы в нем. В большинстве случаев такого осознания как раз и не происходит. Искусство манипуляции в этом и состоит. Остается только подписаться под замечанием, которое делает в своей статье В.В. Рокотянская: «Интернет-манипуляция общественным мнением должны происходить незаметно и не вызывать даже минимальных подозрений: человек должен прийти к выводу, что он сам делает данное заключение по определенному вопросу. Именно так и усыпляется критическое мышление» [8. С. 47]. При этом речь ведется уже не просто о манипуляциях (на незаметность таковых указывал уже Шиллер в 1973 г.), а об интернет-манипуляциях. Сетевое информационное пространство, которое до определенного момента представляло собой альтернативу традиционным СМИ, сейчас само является мощным генератором дезинформации и ареной манипуляций.

Осознание, что за продвижением конкретной информации почти всегда стоит заинтересованное лицо и обнаружение этого лица – самая тонкая часть критического мышления. Без нее мы получаем устройство, которое будет срабатывать тогда, когда уже слишком поздно. Дело в том, что при отсутствии этой части попадающая в поле зрения реципиента информация выглядит нейтральной, а в таком статусе само ее присутствие в этом поле уже направляет его мысли в нужном направлении, т.е. скрытно задает траекторию, по которой он придет к нужному выводу. Реципиент не осознает того, что «естественное» присутствие конкретной информации в поле его зрения есть результат ее осознанного введения туда под личиной объективного положения дел. Он не осознает ни самого этого факта, ни наличия, так сказать, рельсов, по которым она туда прибывает.

Из сказанного напрямую следует, что в программу обучения полноценному критическому мышлению должен входить сегмент, в котором дается представление о методах манипуляции сознанием, включая пункт о необходимости выявления выгодоприобретателей. Правда, здесь возникает один вопрос: насколько в существовании людей, имеющих такие познания, заинтересовано государство? Его рассмотрение явно находится за пределами содержания данной статьи. Впрочем, ответ можно найти практически в любой серьезной публикации, посвященной техникам манипуляции сознанием, и в большинстве случаев он отрицательный.

Подведем некий промежуточный итог по части набора элементов, составляющих каркас критического мышления. Центральным его элементом, ядром, отличающим его от некритического (догматического), является скепсис. Любая информация по подлежащей разрешению проблеме, любые сведения, знакомство с которыми предполагает формирование какой-то позиции, попадая в поле зрения критически мыслящего субъекта, не могут быть признаны достоверными без сопоставления с фактами или (если факты недоступны) проверки в отношении ее происхождения, без доли сомнения в том, что эти сведения верны, и посему на них можно опираться. Из этого

следуют две вещи. Во-первых, критично мыслящий субъект обязан ставить вопрос об источнике информации и степени ее обоснованности. Это фундамент критического мышления, признаваемый таковым всеми исследователями, следы чего можно обнаружить во многих дефинициях данного понятия. Вот, к примеру, часто цитируемое в отечественных исследованиях определение В.Н. Брюшинкина. Согласно его подходу, критическое мышление есть «последовательность умственных действий, направленных на проверку высказываний или систем высказываний с целью выяснения их несоответствия принимаемым фактам, нормам или ценностям» [9. С. 30]. Во-вторых, если материалом приложения критического мышления выступают какие-то выводы, умозаключения, то оно должно задаваться вопросом о соответствии их требованиям логики. Из этого очевидным образом следует, что субъект, не имеющий представления о том, как строятся логически корректные рассуждения, даже при всем его желании мыслить критично, не будет к этому способен.

Скептическая позиция наряду с логическим контролем ложатся в основание самой установки применять критическое мышление. Она является вторым важным элементом. Третьим можно считать метакогнитивный мониторинг, реализация которого подразумевает знания о когнитивных способностях и связанные с ними навыки эффективного структурирования информации и представления задач. Четвертый элемент – знание технологий манипуляции сознанием наряду с желательным выявлением выгодополучателей.

С учетом сказанного приобретение каких умений должно обеспечить обучение критическому мышлению? Они должны сводиться к следующему перечню:

- а) общая установка на разумную долю скепсиса в отношении поступающей информации;
- б) блок умений, заключающихся в оперировании понятиями (отдавать себе отчет в их содержании, при необходимости осуществлять их дефиниции, устанавливать отношения между понятиями и др.);
- в) блок умений, связанных с умозаключениями (выявление структуры умозаключений, их вида, установление наличия либо отсутствия отношения логического следования или подтверждения), выявление ошибок в умозаключениях;
- г) блок умений, связанных с аргументацией (выявление ее структуры, построение собственной аргументации или контраргументации, оценка конкретного образца аргументации на его правильность, выявление приемов некорректной аргументации);
- д) постановка правильных вопросов и формулировка корректных ответов;
- е) фиксация факта манипуляции сознанием, производимой в СМИ или иных каналах поступления информации, опознание примененных приемов дезинформирования, умение ставить вопрос о скрытых выгодоприобретателях потребления конкретной информации в качестве достоверной, умение хотя бы приблизительно очерчивать круг этих лиц;

ж) подбор наилучшего варианта презентации задачи, слежение за процессом ее решения и корректировка траектории в случае необходимости.

Теперь разберемся с тем, как необходимо решать задачу выработки у студента российского вуза критического мышления. Задача, на первый взгляд, может быть решена двумя способами. Первый сводится к тому, что такое мышление формируется у студентов в процессе изучения любой (профильной или непрофильной) дисциплины, т.е. преподаватели решают эту задачу каждый раз применительно к специфике преподаваемого им предмета. Второй подход состоит в том, что студент получает представление о критическом мышлении из специальной дисциплины. Она может носить одноименное название, возможен вариант, что термин «критическое мышление» входит в название как составная часть. Первый подход выражен, например, в статье Ю.А. Карпушиной и О.Ю. Ивановой. По поводу компетенции УК-1 они пишут: «Неоспоримым является тот факт, что формирование системного и критического мышления является ведущим требованием УК. ОК-1 “Формирование мировоззренческой позиции на основе философских знаний” уступила место УК-1, которая является первой и фундаментальной компетенцией из всего набора УК. Учебный процесс по любому направлению подготовки бакалавриата должен быть построен так, чтобы УК-1 формировалась каждой учебной дисциплиной на протяжении всех этапов обучения» [10. С. 240].

Напомним, что УК-1 сводится к формулировке «способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач» и входит в категорию «системное и критическое мышление», в которой кроме данной компетенции больше ничего нет.

Схожее мнение высказано в статье В.Д. Васильевой. Автор на примере специальности 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника» привязывает универсальные компетенции к определенным социально-гуманитарным дисциплинам, которые должны их вырабатывать. При этом УК-1 не привязана ни к одной из них. В числе этих дисциплин фигурирует, в частности, «Психология профессиональной деятельности», которая просто напрашивается на эту роль, но она, согласно автору, отвечает за другие универсальные компетенции. Это свидетельствует о том, что выработка УК-1 мыслится автором, как задача дисциплин, непосредственно отвечающих за профессиональные компетенции. Прямо об этом в статье не говорится, но никакого иного вывода не просматривается [11].

Второй подход (наличие в учебных программах отдельной дисциплины) представляется нам предпочтительным, так как не исключает первый в силу того, что любая профильная дисциплина действительно способствует выработке навыков критического обращения с информацией, касающейся предмета этой дисциплины. Однако при отсутствии специального учебного предмета, рассматривающего сам феномен критического мышления, студент лишается ясного представления о его содержании, о том, на чем оно базируется,

как функционирует, каким требованиям должно подчиняться. Кроме того, преподаватель профильных предметов вряд ли будет делать специальный акцент на наращивании критичности мышления, равно как и располагать временем для того, чтобы сфокусировать внимание студента на самом феномене, содержательно включающем, как уже было показано, достаточно большой массив сведений.

Помимо этого, целесообразно, в принципе различать две информационные области, инструментом обработки которых выступает мышление вообще. Первая область – та, в которой субъект является специалистом либо находится на пути превращения в специалиста. Эта область знаний, которые транслируются преподавателями в процессе профессионального образования и усваиваются в ходе него студентом. В ней знания передаются будущему специалисту совокупно с указанием источников их происхождения и способов их обоснования. Помимо этого знания в ней предстают разомкнутыми в направлении способов их дальнейшей трансформации: методик наращивания профессиональным сообществом и самим специалистом. В зависимости от сложности профессиональной области формы организации и освоения таких знаний варьируются от краткосрочных курсов до полноценных многоступенчатых систем высшего образования (к примеру, последовательность бакалавриат–магистратура–аспирантура). Соответственно сроки от нескольких месяцев до нескольких лет. Кроме того, подразумеваются обязательные процедуры аттестации.

Вторая область представляет собой информацию, которая не имеет прямого отношения к основной профессии человека, которая, соответственно, не жидется на базовой подготовке и методы работы с ней не закреплены квалификационными проверками. Так вот, если мы предполагаем, что критическое мышление вырабатывается преподавателями профильных предметов при отсутствии специальной дисциплины, посвященной рассмотрению самой его сущности и содержания, то обучающийся может оказаться в положении, когда он будет неспособен применять его за пределами своих профессиональных знаний. В связи с этим уместно привести соображение Г.В. Сориной, которая пишет: «Вместе с тем одна из важнейших особенностей критического мышления заключается в том, что оно учит анализу и конструированию рассуждений, получению знания вне зависимости от профессиональной сферы деятельности» [12. С. 102].

То есть преимущество второго подхода состоит в том, что, во-первых, внимание студента фокусируется на самом феномене, во-вторых, студент получает массив информации о содержании феномена, в-третьих, ему дается установка и навыки применения критического мышления к любой получаемой информации, с которой он может столкнуться.

Каким же образом должен быть построен учебный курс по критическому мышлению? Учитывая сказанное ранее о его содержании, он, на наш взгляд, должен состоять из следующих разделов или блоков. В первом необходимо дать общие представления об устройстве человеческих когнитивных способностей. Разумеется, уже на этом этапе придется дать хотя бы

предварительное определение «критического мышления». В этой же части целесообразно осветить обстоятельства, осложняющие эффективное применение мышления в принципе. Следующий подпункт первого раздела – специфика современного информационного пространства, бросающего находящемуся в нем индивиду новые вызовы.

Второй раздел представляет собой нечто иное, как логику в ее основных темах и подтемах. Невозможно вести какое бы то ни было рассмотрение критического мышления, не располагая знаниями о том, из чего это мышление состоит. В том случае, если в учебной программе для конкретной специальности уже имеется дисциплина «Логика», то данный раздел исключается.

Третий раздел – теория аргументации.

Четвертый раздел состоит из сведений о способах манипуляции сознанием потребителей информации в современном инфопространстве, т.е. скрытом управлении их мышлением и поведением.

Пятый раздел должен включать сведения о различных способах презентации задач, стратегиях их решения.

Данных разделов, на наш взгляд, будет достаточно для выработки основ критического мышления студентами любых специальностей. Разумеется, совершенствование данной способности реализуется на конкретном материале в процессе последующей профессиональной, а также непрофессиональной деятельности, поскольку никакой курс не может охватить всего многообразия ситуаций, требующих ее применения.

Выводы

1. Исходя из современных требований к образовательным стандартам стандартам 3⁺⁺, в которых содержится универсальная компетенция, связанная с категорией «критическое мышление», представляется необходимым ввести в образовательные программы предмет, который должен иметь либо одноименное название, либо содержать данный термин как составную

часть. Содержательно данная дисциплина включает в себя сведения о сущности критического мышления, его компонентах и его применении их к информации из самых разных областей современной жизни.

2. Позиция, согласно которой выработка у студентов критического мышления может быть решена путем изучения основной программы при отсутствии отдельной дисциплины, представляется нам неубедительной.

3. Содержательно критическое мышление представляет собой комплексное образование, которое, являясь в целом усиленным вариантом радио, согласно проведенным исследованиям, содержит также ряд специальных компонентов. Ставя и решая задачу выработки у студентов критического мышления, преподавателю необходимо фиксировать в качестве таковых компонентов следующие: скептическую позицию в отношении достоверности информации, установку на применение критического мышления (с ее упомянутыми выше субкомпонентами), логику и теорию аргументации, метакогнитивный мониторинг, знание типовых методов манипуляции сознанием, включая постановку вопроса о ее выгодополучателях в конкретных ситуациях и др.

4. Критическое мышление не может функционировать должным образом, если его предполагаемый носитель не располагает знаниями о способах манипуляции сознанием.

5. Критическое мышление не выполняет своих задач в полном объеме, если его предполагаемый носитель не способен ставить вопрос о скрытых выгодополучателях, в интересах которых пытаются манипулировать сознанием, а также не способен, хотя бы в первом приближении, их выявлять.

6. Учебная дисциплина, задачей которой является обучение критическому мышлению, должна включать в себя ряд теоретических блоков: блок об общем устройстве когнитивных способностей, блок логики, блок теории аргументации, блок о методах манипуляции сознанием, блок о способах презентации задач и стратегиях их решения.

Примечание

¹ ФГОС ВО 3⁺⁺. URL: <https://fgosvo.ru>

Список источников

1. Daud N.M., Husin Z. Developing Critical Thinking Skills in Computer-Aided Extended Reading Classes // *British Journal of Educational Technology*. 2004. Vol. 35, № 4. P. 477–488.
2. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. М. : Совершенство, 1997.
3. Glaser E.M. An Experiment in the Development of Critical Thinking. Teachers College, Columbia University, 1941.
4. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб. : Питер, 2000.
5. Козлова О.Н. Манипуляция сознанием и субъектность в XXI веке // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология»*. 2010. № 3. С. 113–120.
6. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием М. : Мысль, 1980.
7. Кара-Мурза С.Г. Манипуляции сознанием. М. : Эксмо, 2005.
8. Рокотянская В.В. Управление общественным мнением в современной России // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2018. № 5. С. 43–47.
9. Брюшинкин В.Н. Критическое мышление и аргументация // *Критическое мышление, логика, аргументация* / под ред. В.Н. Брюшинкина, В.И. Маркина. Калининград : Изд-во КГУ, 2003. С. 29–34.
10. Карпушина Ю.А., Иванова О.Ю. О проблеме формулирования универсальных компетенций ФГОС ВО 3⁺⁺ (уровень бакалавриата) // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2019. № 2 (83). С. 239–242.
11. Васильева В.Д. Социально-гуманитарные дисциплины инженерной подготовки в аспекте ФГОС ВО 3⁺⁺ // *Высшее образование в России*. 2019. Т. 28, № 4. С. 111–119. doi: 10.31192/0869-3617-2019-28-4-111-119
12. Сорина Г.В. Критическое мышление: история и современный статус // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2003. № 6. С. 97–110.

References

1. Daud, N.M. & Husin, Z. (2004) Developing Critical Thinking Skills in Computer-Aided Extended Reading Classes. *British Journal of Educational Technology*. 4 (35). pp. 477–488.
2. Dewey, J. (1997) *Psikhologiya i pedagogika myshleniya* [Psychology and Pedagogy of Thinking]. Translated from English. Moscow: Sovershenstvo.
3. Glaser, E.M. (1941) *An Experiment in the Development of Critical Thinking*. Teachers College, Columbia University.
4. Halpern, D. (2000) *Psikhologiya kriticheskogo myshleniya* [Psychology of Critical Thinking]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
5. Kozlova, O.N. (2010) Manipulyatsiya soznaniem i sub"ektnost' v XXI veke [Manipulation of consciousness and subjectivity in the 21st century]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya"*. 3. pp. 113–120.
6. Schiller, H. (1980) *Manipulyatory soznaniem* [Manipulators of Consciousness]. Translated from English. Moscow: Mysl'.
7. Kara-Murza, S.G. (2005) *Manipulyatsii soznaniem* [Manipulation of Consciousness]. Moscow: Eksmo.
8. Rokotyanskaya, V.V. (2018) Upravlenie obshchestvennym mneniem v sovremennoy Rossii [Managing public opinion in modern Russia]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. 5. pp. 43–47.
9. Bryushinkin, V.N. (2003) Kriticheskoe myshlenie i argumentatsiya [Critical thinking and argumentation]. In: Bryushinkin, V.N. & Markin, V.I. (eds) *Kriticheskoe myshlenie, logika, argumentatsiya* [Critical Thinking, Logic, Argumentation]. Kaliningrad: Kaliningrad State University. pp. 29–34.
10. Karpushina, Yu.A. & Ivanova, O.Yu. (2019) O probleme formulirovaniya universal'nykh kompetentsiy FGOS VO 3++ (uroven' bakalavriata) [On the problem of formulating universal competencies of Federal State Educational Standards of Higher Education 3++ (undergraduate level)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (83). pp. 239–242.
11. Vasil'eva, V.D. (2019) Sotsial'no-gumanitarnye distsipliny inzhenernoy podgotovki v aspekte FGOS VO 3++ [Social and humanitarian disciplines of engineering training in the aspect of Federal State Educational Standards of Higher Education 3++]. *Iysshie obrazovanie v Rossii*. 4 (28). pp. 111–119. doi: 10.31992/0869-3617-2019-28-4-111-119
12. Sorina, G.V. (2003) Kriticheskoe myshlenie: istoriya i sovremennyy status [Critical thinking: history and modern status]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 6. pp. 97–110.

Информация об авторе:

Поздняков М.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: ma2017xim@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Pozdnyakov, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ma2017xim@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.04.2022;
одобрена после рецензирования 17.07.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 19.04.2022;
approved after reviewing 17.07.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 14.141
doi: 10.17223/15617793/492/9

Теория генетического структурализма Люсьена Гольдмана

Марина Юрьевна Прокопьева¹, Николай Владимирович Шихардин², Людмила Николаевна Шихардина³

^{1, 2, 3}Курганский государственный университет, Курган, Российская Федерация
¹prokopiewa.m@yandex.ru
²shikhardin@yandex.ru
³ardinal@yandex.ru

Аннотация. Представлен анализ теории генетического структурализма Люсьена Гольдмана. Рассматриваются этапы становления методологии социологического анализа, понятийный аппарат и принципы данной теории. Дается обоснование достоинств данной теории, состоящее в исследовании генезиса и структуры произведений духовной культуры, что и составляет суть генетического структурализма. Выделены основные положения оппонентов теории Гольдмана.

Ключевые слова: социология литературы, генетический структурализм, структурно-генетический метод, неомарксизм, социальная тотальность, мировидение

Для цитирования: Прокопьева М.Ю., Шихардин Н.В., Шихардина Л.Н. Теория генетического структурализма Люсьена Гольдмана // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 76–84. doi: 10.17223/15617793/492/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/9

Lucien Goldman's theory of genetic structuralism

Marina Yu. Prokopieva¹, Nicolay V. Shikhardin², Liudmila N. Shikhardina³

^{1, 2, 3}Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation
¹prokopiewa.m@yandex.ru
²shikhardin@yandex.ru
³ardinal@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the concept of the sociology of literature as an independent scientific theory, connecting two opposite trends: the desire to specify sociological studies and strengthen their philosophical character. The aim of the work is to study the concept of genetic structuralism of Lucien Goldman, which has developed as a result of the integration of structuralism, psychoanalysis, and Marxism. The authors seek to trace the becoming of the sociology of literature and substantiate the advantages of Goldman's concept, relying on studies of domestic and foreign thinkers and on the works of the thinker himself. In his works, Goldman attempts to integrate Marxism and humanitarian knowledge, drawing on the mental structures of creativity; justifies solidarity with the Frankfurt School of Criticism of Scientism and Positivism, with a dialectical approach to social facts; analyzes literature as a reflection and expression of the interests of a certain social group, and the writer – class interests. Literary-critical analysis becomes an integral part of his philosophical research. The works of W. Benjamin, C. Codwell, Yu.N. Davydov, L.G. Ionin, A.D. Kovalev, O.S. Lee, G.V. Osipova, A.I. Chuprynin briefly cover the formation of sociology as an independent scientific theory and are the historical basis for this work. Studies by S.M. Mitina, K.N. Lubutin, and P.N. Kondrashov analyze the principles of Goldman's genetic structuralism, show its strengths and weaknesses. Using a comparative historical method in their work, the authors analyze the formation and development of the sociology of literature as an independent science, revealing the features of Goldman's genetic structuralism. The authors argue the main advantage of the methodology proposed by Goldman – it allows a simultaneous exploration of the genesis and structure of a spiritual culture work. Goldman names three directions by which the methodological value of his proposed literary-critical method can be traced: (1) it allows identifying various visions of the world that exist in a certain era and clarifying the content of the most significant literary works and their place in culture; (2) sociological aesthetics determines the relationship between the vision of the world and the universe of the work; (3) actual literary criticism and aesthetics reveal the relationship between this universe and the literary means that the author chose to express it. Goldman identifies three main types of worldview (rationalistic, dialectical, and tragic), which determine the crisis state of modern spiritual culture and the tragedy of alienation, reincarnation, reification of values in art.

Keywords: sociology of literature, genetic structuralism, structural-genetic method, neo-Marxism, social totality, worldview

For citation: Prokopieva, M.Yu., Shikhardin, N.V. & Shikhardina, L.N. (2023) Lucien Goldman's theory of genetic structuralism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 76–84. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/9

В европейской традиции принято разграничивать социологию литературы и ее составную часть – литературную социологию как необходимый элемент литературоведения, которую интересует, в первую очередь, создание литературного произведения, его восприятие, интерпретация, его социальная фундированность. Основопологающие принципы и проблематика социологии литературы были заданы представлениями о литературе как выражении духа времени, сложившимися к началу XIX в. под влиянием философии Г.В.Ф. Гегеля. Ипполит Тэн в «Философии искусства» позиционировал гегелевское понятие «дух времени» в качестве важнейшего инструмента объяснения социокультурных феноменов.

Становление социологии литературы происходило под существенным влиянием марксизма, хотя формы этого влияния отличались значительным разнообразием. Так у В. Беньямина – философа, литературного критика, стоявшего у истоков Франкфуртской школы, он сочетался с мистицизмом и психоанализом [1]. Под влиянием марксизма находился и К. Кодуэлл – британский писатель и поэт, оказавший заметное влияние на становление социологии литературы. Следствием его увлечения марксизмом стал жесткий социологизм, который, с одной стороны, сочетался с увлечением психоанализом Фрейда и Юнга, а с другой – разбивался о хорошее литературное образование [2]. Кодуэлл подверг критике два наиболее распространенных подхода к анализу произведений литературы. Во-первых, формализм, который как эстетическая теория соответствует механистическому материализму в философии, и приводит к сведению анализа к рассмотрению концепций, схем, правил. Во-вторых, понимание произведения искусства как субъективного феномена, эстетического переживания художника или читателя. В силу этого любая критика признается сугубо личной и индивидуальной, а потому критерий научности не может быть к ней применен.

К середине 1930-х гг. в результате социологической генерализации и рационализации складывается концепция литературы как отражения общественной жизни, и предпринимаются успешные попытки применения социологического инструментария для решения традиционно литературоведческих задач. Это было по преимуществу контент-аналитические исследования, фиксирующие корреляционные связи содержания литературного произведения и социальной реальности. Лишь в конце 1950-х – начале 1960-х гг. происходит окончательное становление социологии литературы как самостоятельной научной теории, использующей адекватные ее предмету методы анализа. С момента возникновения в ней сосуществуют две противоположные тенденции. С одной стороны, стремление к конкретизации социологических исследований, вплоть до применения количественных методов, когда объектом анализа становятся книжные рынки, вкусы читателей, источники успеха у читателей. С другой стороны,

можно зафиксировать усиление философского характера социологических исследований, возникающее как ответная реакция на преобладание в социологии эмпиризма. Именно к этому периоду относится творчество Гольдмана.

Люсьен Гольдман – видный французский социолог, литературовед, основатель Центра социологии литературы в Институте социологии в Брюсселе. Его философские позиции принято определять как неомарксизм, однако собственно марксистом он никогда и не был. Гольдман не скрывал, что воспринял марксизм в интерпретации Д. Лукача, чьи работы он перевел на французский язык. В теоретическом наследии Гольдмана работы по социологии культуры имеют своим предметом философские произведения (Паскаль), романы (Мальро и Кафка), поэзию (Гёте и Валери), драматургию (Расин и Жане). Литературно-критический анализ – составная часть его философских исследований, таких как «Сокровенный Бог», «Лукач и Хайдеггер», «О социологии романа». В пространство его интересов вписываются: комплекс произведений отдельного автора – наследие Расина; отдельное произведение духовной культуры – роман Кафки; явления стилевого порядка – роман как литературный жанр; социально-политическая установка автора – трагическое мировоззрение янсенизма. Иногда они выступают предметом самостоятельного исследования, но чаще дополняют друг друга.

В Брюсселе в 1973 г. появляется сборник «Социология литературы», в котором наряду с программными статьями Гольдмана были опубликованы работы ряда его учеников и сотрудников. С этого времени Гольдман становится родоначальником социологической школы, имеющим многочисленных последователей, анализирующих произведения художественной литературы в русле предложенной мэтром «генетико-структуральной» социологии. Они обращались к поэзии Бодлера, романам Стендаля, пьесам Ионеску, фильмам Годара и Пазолини.

У Гольдмана были не только последователи, но и обстоятельные оппоненты. Французский социолог, философ Бурдьё, предложивший концепцию символического поля, ставил своей целью преодолеть ограниченность структуралистского подхода, ориентированного на анализ текста произведения и не учитывающего экономических и социальных условий, в которых оно создавалось, так и ограниченность ультрасоциологического, игнорирующего текст, специфические особенности объектов культурного творчества, чего так и не смог сделать Гольдман.

Глубокий философский анализ генетического структурализма Гольдмана был осуществлен С. Митиной. Она анализирует последствия предпринятой Гольдманом попытки объединить в органически целое совершенно разнородные, противостоящие друг другу социально-философские теории, такие как марксизм,

экзистенциализм, психоанализ и структурализм. Поскольку данная теоретическая процедура проводится им на самом абстрактном уровне, исследуемые феномены могут трактоваться совершенно произвольно. Весь понятийный аппарат «генетической социологии» Гольдмана, делает вывод Митина, построен на принципе подмены конкретной марксистской терминологии абстрактными обозначениями [3].

Концепцию генетического структурализма Гольдман относил к третьему этапу становления методологии социологического анализа. Первый был задан философией Гегеля и Маркса. Гольдман опирался, по его собственному признанию, на диалектический материализм Маркса, который «представляет генерализованный генетический структурализм» [4. Р. XI]. Как сам Гольдман, так и его последователи имеют в виду не столько идентификацию генетического структурализма с учением Маркса, сколько его развитие и модернизацию в рамках неомарксизма. С точки зрения Гольдмана, Д. Лукач является едва ли не первым по значению автором современного, наиболее адекватного варианта диалектики, развившим собственно философскую часть марксизма и создавшим последовательную теорию диалектического материализма.

Второй этап эволюции генетического структурализма связан с теорией психоанализа Фрейда. Гольдман уверен, что марксизм и психоанализ представляют собой две научные школы структурно-генетического типа [5. С. 225]. Как и марксизм, психоанализ стремится объяснить гуманитарные факты путем их включения в структуры социальной реальности и индивидуальной биографии. Объектом критики, однако, стал тезис Фрейда о том, что субъектом культурного творчества является только индивид, что приводит, по мнению Гольдмана, к абсолютизации динамики индивидуальной психики и игнорированию коллективного субъекта. Гольдман предостерегает от переоценки возможностей предлагаемого психоанализом биографического метода в литературном исследовании. Биография автора не способна выполнить функцию универсального ключа к расшифровке литературного произведения, она лишь вспомогательный элемент данной теоретической процедуры [6. С. 15].

Преодолеть ограниченность биографического и психологического анализа личности автора может филологическое и феноменологическое исследование самого произведения. Движение должно идти не от текста к автору или от автора к тексту, а от индивида к группе. Понять произведение нередко позволяет не поведение автора, а поведение той социальной группы, с которой он себя ассоциирует. Таково методологическое кредо Гольдмана. Поясняя свою мысль, Гольдман напоминает о несводимости анализа творчества Паскаля исключительно к выявлению характера его отношений с сестрой: «Мы установим тем самым лишь сугубо аффективное или биографическое значение этих произведений, однако... даже не приблизимся к их философскому или литературному смыслу» [7. С. 436]. Вывод Гольдмана категоричен: «Гёте есть Гёте, по-

тому, что в своих чувствах он отражает и выражает целый мир» [8. С. 61]. Психоанализ в той его форме, которую создал Фрейд, имеет для Гольдмана еще один принципиальный недостаток: в нем «отсутствует такое временное измерение как будущее» [7. С. 345]. И в этом, по мнению Гольдмана, он существенно проигрывает марксизму.

Присущее Гольдману стремление взаимодополнить марксизм и психоанализ – характерная черта многих неомарксистских теоретических построений, в том числе и социологии Франкфуртской школы. Гольдман был солидарен с присущей ей критикой сциентизма и позитивизма, с диалектическим подходом к социальным фактам [9, С. 39]. Однако это не помешало ему подвергнуть критике взгляды одного из авторитетных ее представителей – философа и музыкального критика Т. Адорно.

Адорно утверждал, что сущность творчества сводима к неким бессознательным импульсам, отражающим историческую реальность. Только принципиальное отрицание системности и завершенности может быть истинным, поэтому ближе всего к истине приближается искусство абсурда. Всякое законченное произведение есть пример «ложной идеологии». Поскольку содержание истины с трудом поддается рациональному пониманию, то произведение искусства не следует рассматривать в его целостности, в том числе нет смысла выявлять его генезис. Литература может быть объектом размышлений лишь немногих избранных, критически мыслящих личностей. Гольдман не смог принять ни отказ от генетического подхода, ни субъективизации анализа духовного творчества, ни полного отказа от анализа содержания произведения культуры. Он отвергает «негативную диалектику» Адорно, так как она не способна обеспечить развернутое объяснение ни социальной реальности в целом, ни духовной культуры в частности. Адорно, в свою очередь, упрекал Гольдмана в излишней социологизации духовного творчества.

Критически относился Гольдман и к структурализму, в том числе и к его неомарксистскому варианту, предложенному Л. Альтюссером, поскольку тот оперирует безличными и статичными структурами [9. С. 114–115]. Для Альтюссера комбинации средств, элементов структуры оказывается превыше анализа ценностей и целей. Структурализм как теория «формальных трансисторических структур», убежден Гольдман, бессилён дать строгий критерий обоснованности выбора той или иной структуры в качестве объекта исследования [9. С. 8]. Гольдман, критикуя и интегрируя некоторые элементы структурализма, психоанализа, Франкфуртской школы, позиционирует «генетический структурализм» как теорию принципиально более совершенную, способную взглянуть на произведение «сквозь призму научной позитивной социологии познания». В основе такого подхода лежит «диалектическое изучение человеческой реальности в целом» [10. Р. XII]. Отличительную особенность своей теории Гольдман видел в раскрытии содержания и придании методологического характера понятию структуры,

рассмотренной в ее генезисе и динамике, т.е. генетической структуры.

Своими учителями Гольдман считал Ж. Пиаже и Д. Лукача, которые каждый в своей области: первый в гуманитарных науках, второй – в психологии, методологически четко сформулировали понятие генетической структуры. Гольдман экстраполирует идеи Пиаже на область социальных отношений: любой человеческий акт, в том числе и творческий, есть ответ на реальную историческую ситуацию, с целью обеспечить уравновешивание (термин Пиаже) между субъектом и окружающим его миром, разрушив при этом прежде существовавшее равновесие. Лукач, по мнению Гольдмана, с одной стороны, «возродил диалектическую мысль Гегеля», а с другой – интегрировал некоторые важные аспекты философии Гуссерля и Кьеркегора, тем самым еще раз доказав, что марксизм и экзистенциализм – две «великие школы» современной мысли, с генетической точки зрения вполне сопоставимые и радикально разделять их можно только стоя на «антиисторических» позициях.

Литература Гольдманом не воспринимается как непосредственное отражение и выражение интересов определенной социальной группы, а писатель как рупор классовых интересов. Он подчеркивает неотделимость методологии от конкретных литературно-критических исследований. Метод совпадает с самим исследованием. Гольдман выделяет два пути познания. Один из них используется в естественных науках и очень редко в науках о человеке (данные социологии, прикладной психологии, в экономической теории). Другой широко используется в общественных науках и крайне редко находит применение в науках о природе (частично, например, в биологии). Первый путь познания, ведущий от индивидуального к общему зачастую оказывается абстрактным, второй – от абстрактного к конкретному во многих случаях более продуктивен, поскольку абстрактное изучение отдельных явлений, фактов конкретизируется исследованием их внутренней структуры, функций, отношений.

Гольдман ставит перед собой цель разработать позитивный метод в социологии литературы. Он пишет: «Мы, с одной стороны, отвергаем сциентизм и в то же время превозносим позитивную историю и социологию, науку о человеческой жизни, противопоставляя ее эссеистике и абстрактным спекуляциям» [6. С. 8]. Структурно-генетический метод – это применение к области литературы «некой общей методологии, поскольку художественное творчество имеет ту же природу и подчиняется тем же законам, что и все прочие формы человеческого поведения» [7. С. 335].

Ключевыми в социологии литературы Гольдмана являются два концепта: тотальность и мировидение, которыми он обязан Лукачу, как и тезисом о том, что произведение искусства есть часть коллективного сознания выработанной социальной группой как отражение ее социального бытия и повседневной жизни. Художественное произведение, настаивает Гольдман, следует анализировать как структуру, тесно связанную, а в некоторых случаях идентичную соответствующим

структурам экономической, политической и духовной жизни эпохи рождения данного произведения. Учитывая иерархичность структур, он предлагает для обозначения самой фундаментальной из них, охватывающей все многообразие реально существующих социальных структур в их диалектической взаимосвязи и взаимозависимости, понятие «тотальность».

Социальная тотальность, представляя собой «значимую динамическую структуру», предстает как совокупностью разномасштабных, диалектически взаимосвязанных «структур». Термин «значимая динамическая структура» является основным в концепции «генетического структурализма». Именно трактовка структуры в ее генезисе и динамике представляется Гольдману основным отличием его теории от традиционного структурализма. Гольдман, вводя понятие тотальности, получает возможность не обращаться к таким важнейшим в марксистской теории понятиям как базис и надстройка в их методологическом значении. «Человеческое поведение, – пишет он, – предстает как двусоставный процесс, а именно процесс деструктурирования старых структур и как процесс структурирования новых целостных образований, способных создать такие системы равновесия, которые удовлетворяли бы требованиям, вырабатываемыми определенными социальными группами» [7. С. 336].

Другим важнейшим для социологии литературы Гольдмана является понятие «мировидение: *vision du monde*, как перевод термина, используемого Гегелем и Лукачем: *weltanschauung*, введенного в научный оборот немецкими романтиками. Видение мира для Гольдмана – критерий, «позволяющий отделять главное от случайного» [6. С. 21], это «совокупность надежд, чаяний, чувств, идей, объединяющих членов группы и противопоставляющих их другим группам» [6. С. 24]. Таким образом, видение мира – это не арифметическое суммирование индивидуальных сознаний, не метафизическая реальность, а конкретный аспект того, что социология описывает как коллективное сознание. Человек одновременно принадлежит к нескольким социальным группам, и это существенно затрудняет изучение индивидуального сознания в его уникальности и полноте. Более продуктивным является анализ коллективного сознания, поскольку в нем элементы, общие для данной социальной группы, доминируют, а те, что обусловлены принадлежностью к другим группам, минимизируются.

Принципы генетического структурализма как инструмента анализа литературного произведения, предложенные Гольдманом, можно свести к следующим:

– Рассмотрение художественного произведения требует сочетания понимания и объяснения как общенаучных методов познания. Генетический структурализм – рефлексивная диалектическая социология гуманитарных фактов: философских, литературных и т.д. произведений в их социокультурных контекстах. Гуманитарные факты одновременно понимаются и объясняются. Понимание – рационально и логично, оно предполагает выявление сущностных связей, структур и внутренней согласованности текстов.

У Гольдмана нет указаний на необходимость экзистенциального погружения в прочтение произведения: «Понимание означает не просто интерпретировать, как это имеет место в герменевтике, но означает схватывать предмет в имманентно деятельностной логике его использования другими людьми» [11. С. 183]. Суть понимания – уразумение смысла, но оно «лишь результат какого-то более фундаментального процесс, в котором данное уразумение фундировано» [11. С. 181].

Объяснение – это поиск того субъекта (индивидуального или коллективного), по отношению к которому ментальная структура, управляющая произведением, имеет функциональный, и, следовательно, значимый характер. Объяснение предполагает обращение к структурам более масштабным, чем исследуемая частная структура. Объяснить – значит включить факт в охватывающую его значимую динамическую структуру. Способность и умение соединить процессы понимания и объяснения в литературно-критическом анализе и делает генетический структурализм диалектическим научным методом.

– Проблемное поле социологического анализа художественного произведения образуют структуры и состояния ментальности определенной социальной группы, которые вообрал в себя воображаемый мир, созданный автором и которые нашли отражение в отстаиваемых им моральных ценностях. Сложная иерархичность и взаимодействие многообразных социальных структур делают неизбежным существование различных типов мировидения. Основными из них Гольдман считает рационализм, трагическое мировидение и диалектическое мышление.

Гольдман, высоко оценивая статус понятия «мировидение» в социологии литературы, тем не менее, подчеркивает, что, изучая произведение, нельзя ограничиваться рассмотрением содержания мировидения. Необходимо найти ответ на вопрос, каковы социальные и индивидуальные причины, которые обусловили тот факт, что это видение выражено данным образом и в данную историческую эпоху [6. С. 26].

– Цель социологии литературы состоит в том, чтобы определить взаимосвязь идеологии группы и литературного жанра, избранного автором. Коллективный характер литературного творчества обусловлен не объектом воспроизведения, а изоморфностью структур, образующих мир произведения, мыслительных структурах некоторых социальных групп [7]. В этом смысле, утверждает Гольдман, писатель не отражает коллективное сознание, а, напротив, продвигает, оформляет в некоторую целостность выработанные этим сознанием структуры. Произведение, следовательно, «конституирует коллективное осознание индивидуального сознания творческой личности, в результате чего у группы возникает неосознанное стремление следовать мыслям, чувствам, поведению данной творческой личности» [12. С. 245].

Таким образом, ментальные структуры, генетически обусловленные на индивидуальным субъектом – группой, лишь воплощаются во множестве ее представителей, поэтому они по-разному проявляются в реаль-

ном и возможном сознании. Именно возможное сознание порождает идеалы и пределы переоценки и переустройства социальной реальности, и ближе всего к этим пределам способны подойти создатели великих произведений культуры.

Обвинение Гольдмана в ограничении творческой свободы автора стало бы упрощением его позиции. Автор – вовсе не обязательно представитель той социальной группы, чье мировоззрение он отражает. Сложное переплетение социальных отношений продуцирует многообразные коллизии между его творчеством и его повседневной жизнью, но именно он продвигает, презентует выработанные группой ментальные структуры, синтезируя их в некую тотальность. Только второстепенные произведения искусства непосредственно отражают реальное сознание, поскольку в арсенале доступных им выразительных средств, преобладают штампы и стереотипы. В значимых произведениях, способных выдержать проверку временем, автор имеет широчайшую свободу творчества. Именно поэтому реализм, безусловно, существенный, но не единственный и решающий критерий оценки художественного произведения. Многие шедевры искусства, в том числе и литературы отнюдь не соответствуют данному критерию.

– Гольдман констатирует, что понятие класса как «творческой группы» слишком расширительно, поэтому следует, не отвлекаясь «идеологическими симпатиями и антипатиями», обратиться к «позитивному эмпирическому поиску», чтобы определить «новые творческие группы». Гольдман рассматривает два типа социальных групп с точки зрения их значения для культурного творчества. Коллективное поведение и сознание одних направлено, главным образом, на улучшение собственного положения в данной социальной структуре. Коллективное сознание подобных групп он определяет как идеологическое. Сознание и эмоции, поведение привилегированных групп направлены на реорганизацию, реформирование некоторых уровней социальной тотальности на основе собственных идеалов видение мира. Наконец, существуют элиты, вырабатывающие новое, целостное, глобальное видение мира. Элитарное видение мира, его идеалы противопоставляются Гольдманом утилитарному идеологическому подходу [12].

Так, марксистский подход к творчеству как явлению, социально дифференцированному, «увязывается» с теорией творческих элит. Основное достоинство методологии, предложенной Гольдманом, состоит в том, что она позволяет одновременно исследовать и генезис, и структуру произведения духовной культуры. Самая очевидная претензия к ней, связанная с минимизацией субъекта в пользу социальных структур, может быть объяснена тем, что она сформировалась, в том числе, как антитеза литературной методологии, избранной Сартром. Для Сартра «писатель (художник вообще) неизменно предстал, независимо от меры осознания этого, как истинное и действительное воплощение экзистенциальной свободы» [13. С. 190].

Гольдман называет три направления, по которым можно проследить методологическую ценность предложенного им литературно-критического метода. Во-первых, он позволяет выявить различные видения мира, существующие в определенную эпоху, прояснить содержание самых значительных литературных произведений и их место в культуре. Во-вторых, социологическая эстетика определяет отношение между видением мира и универсумом произведения. В-третьих, собственно литературная критика и эстетика выявляет отношения между этим универсумом и теми литературными средствами, которые автор выбрал для его выражения [6. С. 376]. Он выделяет три основных типа мировидения: рационалистическое, диалектическое и трагическое.

Характерные черты рационалистического видения мира Гольдман фиксирует в философских произведениях Вольтера, романах Франса, поэмах и прозе Валери. Специфику мировидения трагического он раскрывает через сопоставление понимания Творца Паскалем и Декартом. Декарт – деист, по мнению которого, Бог – создатель, более не вмешивающийся в дела мира. Он не наставник, не собеседник, а некий общий и универсальный закон. В то время как Бог трагического мировидения – это бог «чей суд, чья шкала ценностей в корне противоположна суду и ценностям повседневной жизни» [14. С. 46]. Бог Паскаля скрывается от тех, кто его пытается и открывается навстречу ищущим. Трагическое сознание не верит ни в возможность изменить мир, ни в возможность бежать от него. Декарт, по мнению Паскаля, неспособен признать ничтожество человеческой природы, но человек слаб, разум его ограничен, воля порочна. Трагический человек все время остается в состоянии постоянного и обоснованного осознания несоответствия между ним и всем, что его окружает, в состоянии «осознания непроходимой пропасти, отделяющей его и от целостности, и от данного явления» [6. С. 64]. Следует заметить, что трагическое мировидение для Гольдмана не имеет никакого отношения к любой форме мистицизма или спиритуализма.

Суть диалектического мировидения Гольдман выявляет через его сопоставление с трагическим восприятием мира Паскалем. Маркс и Лукач, пишет Гольдман, сумели заменить «ставку на парадоксального бога – посредника христианской религии, ставкой на историческое будущее и человеческое сообщество» [6. С. 370]. В то же время диалектическая мысль не отвергает идею логического или линейного порядка, присущую рационализму Декарта. Отличие диалектического мировидения заключается в том, что оно благодаря понятию «становление» может сказать «да» или «нет» любой действительности, не впадая в противоречие: человек постоянно преобразует действительность, превращая истину в ошибку и ошибку в истину. В трагическом видении мира двусмысленность, неопределенность, пари – необходимый элемент всякой значимой системы. Даже бог присутствует и отсутствует, он достоверен и недостоверен, а человек требует истинной истины и справедливой справедливости.

Гольдман, исходя из тезиса о том, что структуры произведения гомологичны мыслительным структурам некоторых социальных групп, осуществляет литературно-критический анализ творчества Паскаля и Расина. Он тщательно исследует экономическую, политическую и духовную ситуацию во Франции XVII в., раскрывает сущность и содержание янсенизма – религиозного течения во французском католицизме как формы протеста против королевского и папского абсолютизма, центром которого стало аббатство Пор-Рояль и с которым были связаны судьбы и творчество Паскаля и Расина. Гольдман обнаруживает в ряде их теологических, философских и литературных произведений общность структуры и генетическое родство воплощенных в них духовных ценностей, присущих трагическому мировидению.

Гипотеза, обоснование которой предпринимает Гольдман, сводится к следующему. Если бы Расин получил другое воспитание, принадлежал к иной социальной среде, то его пьесы могли бы быть подобны тем, что писал Мольер, но, невероятно, чтобы та часть французского дворянства, которая вышла из буржуазной среды и разделяла идеи янсенизма, выработала бы эпикурейскую или радикально-оптимистическую идеологию. Заключение, к которому он приходит: творчество Расина – свидетельство существовавшего в тот период во Франции противоречия между аристократическим гедонизмом и янсенистским аскетизмом. Все его трагедии – это одновременно и апология страсти, и апология отречения от страсти. Расин разделяет представления янсенизма о слабости и порочности человеческой природы. Отсюда и присутствующий в его трагедиях конфликт между волей и страстью, в котором побеждает страсть. «Береника» – единственная трагедия Расина, где проблема чувства и долга решается героями бесповоротно и однозначно, где страсть оказывается преодолимой и управляемой с помощью разума.

Гольдман выделяет в творчестве Расина два типа трагедий. Трагедии с неожиданными коллизиями, узнаваниями, разоблачениями: «Федра», «Баязит», «Митридат», «Ифигения». И трагедии без ошеломляющих неожиданностей (например, «Андромаха»), которые в свою очередь имеют два варианта в зависимости от того, кто стоит в центре действия: герой или мир. В трагедии не обязательно должны быть кровь, трупы, но всегда должны быть страсть, обнаженные нервы, раскаленные чувства и выбор, который не знает компромисса. Последовательный янсенист, замечает Гольдман, не писал бы трагедий, но их бы и не писал бы человек, интегрированный в мир, интеллектуально и духовно принимающий его ценности. Расин мог их писать, поскольку находился в промежуточной ситуации [6. С. 439]. Прежде чем изложить свою теорию романа в работе «К социологии романа», опубликованной в 1963 г., Гольдман обращается к сравнительному анализу взглядов по этому вопросу Лукача и Жирара. Рене Жирар – французский философ, культуролог, литературовед в своей первой книге «Ложь романтизма и правда романа» (1961 г.) на основе сравнительного анализа произведений Сервантеса, Флобера, Стендаля,

Пруста и Достоевского формулирует базисное положение: человек в желаниях миметически (подражательно) равняется на желания другого. Чем больше отходит на задний план направленность к трансцендентной цели, тем притягательнее становятся желания ближнего. И вот уже объекты его желаний становятся и нашими, а сам он оказывается нашим соперником или даже противником. Такие феномены, как ревность или зависть, происходят именно из этой коллизии.

Согласно Гольдману, роман – всегда хроника разрыва между героем и миром. Этим он отличается от своих близких родственников: трагедии и эпоса. В трагедии разрыв абсолютен; в эпосе он отсутствует или случаен. В романе имеет место компромиссное решение между этими двумя крайностями. Герой не может примириться со своей средой в поиске ценностей, которых в ней нет. Но так как герой – часть этой среды, он нередко примиряется с ней в конце романа. Содержание романа вращается вокруг поиска героем подлинных ценностей в деградирующем обществе [5].

Гольдман ссылается на три типа романа, которые выделяли и Лукач, и Жирар:

– Идеалистический: у героя слишком узкий и поверхностный кругозор, чтобы понять и оценить сложность и неоднозначность мира, в который он погружен, поэтому его выбор эмоционален и спонтанен. Это выбор Дон-Кихота: иду, даже если не знаю, куда приду.

– Психологический роман: его предмет: внутренний мир героя. Герой не совпадает со своим временем и окружением, его внутренний мир слишком широк и многогранен, чтобы вписаться в окружающий его мир, принять его персонажей и их взаимоотношения.

– *Bildungsroman* (воспитательный) – вид романа, который фокусируется на психологическом и моральном росте главного героя, начиная с его юности и заканчивая взрослой жизнью [15]. Обычно сюжет составляет конфликт между исканиями главного героя и ценностями общества.

Если в трактовке типологии романа позиции Лукача и Жирара не имеют принципиальных расхождений, то этого нельзя сказать о понимании каждым из них формы романа. Жирар утверждает, что роман – история трагического и болезненного поиска в мире, который не может дать ответа на мучающие героя проблемы. Герой, опустошенный безуспешными попытками найти конкретные ценности в реальном мире, начинает обращаться к метафизическому, потустороннему. В этих поисках абсолюта, идеала, согласно Жирару, героя отвлекают, задерживают «посредники», которые, помещая себя между героем и подлинными ценностями, сбивают его с пути (как сирены Гомера). Есть две формы посредничества, внешнее и внутреннее. В качестве примера первой Гольдман ссылается на романтические увлечения Дон-Кихота, которые отвлекают его от поиска подлинных ценностей. Внутренний посредник – это какая-то часть внутреннего мира самого героя [5]. В этом случае неизбежен разлад с самим собой. Для Лукача роман как эпический жанр никогда не может утратить контакт с эмпирической реальностью, которая представляет собой неотъемлемую часть его формы. «В

романе конституируется не тотальность жизни, но скорее отношение, действенная или ошибочная позиция писателя, который появляется на сцене как эмпирический субъект, во весь свой рост, но также во всей своей ограниченности», – пишет Лукач [15].

Жирар и Лукач, утверждает Гольдман, разошлись и в анализе отношения автора современного романа к воссоздаваемому им миру. Оба теоретика соглашались, что романист должен показать изменения в сознании его героев. Но если Жирар полагает, что преобразование героя – открытие подлинных ценностей, то Лукач убежден, что преобразование героя – открытие невозможности подлинных ценностей. Гольдман объясняет, что подлинные ценности конкретно не присутствуют в романе; скорее они только присутствуют абстрактно в уме писателя, в романе нет места для абстрактных идей [5]. Гольдман внимательно прослеживает историю романа как литературного жанра, менявшегося с изменением социальных структур.

Гольдман отмечает, что примерно до Первой мировой войны роман был социальной хроникой, портретом эпохи, отражением времени. Но в послевоенные годы роман-биография исчезает, появляются попытки ввести коллективного героя. Авторы романов все чаще рисуют абсурдный мир, вымысел выглядит как реальность. В современном романе исчезают как герой, так и сюжет. Гольдман в качестве примера ссылается на творчество Натали Саррот, ее романы «Портрет неизвестного», «Вы слышите их?» и Роб-Гриيه «Смотрящий» и «В лабиринте». Почему это обнаруживается именно в начале XX в.? Отвечая на этот вопрос, Гольдман предлагает смотреть не на содержание романа, а на его форму, его отношение к структуре современного общества. Верный избранному методу Гольдман устанавливает корреляцию между исторически меняющимися социальными структурами и теми изменениями, которые претерпевает роман как литературный жанр.

Подход Гольдмана к истории романа как литературного жанра и его типологии носит, в первую очередь, социологический характер: он выявляет в жанре гомологичность социальным структурам. Существует строгое соответствие между литературной формой романа и повседневными отношениями между человеком и предметами потребления в целом, и отношениями между людьми в условиях рыночной реальности [5]. В эпоху раннего капитализма свободная конкуренция позволяла личности сохранять свою индивидуальность, которая принималась или отвергалась окружающими. Отсюда интерес к внутреннему миру героев романов. Гольдман в качестве примера ссылается на романы Бальзака. Но по мере развития капитализма меновая стоимость начинает постепенно вытеснять потребительную и, как следствие, подлинные человеческие ценности: любовь, дружба, сострадание теряют самоценность, они опосредуются социальным статусом, престижем, модой и т.д.

Социологическая методология литературного анализа, которой пользуется Гольдман, неразрывно связана с той системой ценностей, которую он разделял.

Ее основные координаты: кризисное состояние современной духовной культуры и трагедия отчуждения и овеществления, реификация ценностей в искусстве (это понятие использует Гольдман в работе «К социологии романа») взаимосвязаны. Под напором эгоизма целостную личность средневековья вытесняют картезианское эго, статуя Кондильяка, монада Лейбница. «Европейское общество все больше начинает напоминать множество монад без окон и дверей», – констатирует Гольдман [6. С. 474]. Отчуждение для него, в первую очередь, проблема человеческой психологии. В случае отчуждения «психическая жизнь человека, его личность, его сознание теряют контакты с реальностью, которая кажется ему чем-то странным, в крайней степени нереальным» [8. С. 84]. Мир все больше начинает напоминать механический театр марионеток: судья применяет закон, булочник печет хлеб... подсудимый – только повод для применения закона. Покупатель – автомат, который кладет деньги на прилавок. Все они большую часть своей жизни лишь носят маски, которые слились с их лицами [8. С. 83].

Подтверждение данного тезиса Гольдман увидел в романах Кафки. Причем не только в судьбах героев, сюжете, но и в той форме, которую автор выбирает для своих произведений. Калейдоскопическая, мозаичная форма романов постоянно саморазрушается, а границы между ее размытыми структурными элементами не поддаются устойчивой фиксации. По мнению Гольдмана, структура этих романов отражает возрастающую атомизацию общества, механический мир, где есть только маски, личины, марионетки, где даже частная жизнь становится еще одной утраченной иллюзией. В этом мире «любовь трансформируется во внешнее и условное украшение брачного контракта, а взаимоотношения между родителями и детьми, братьями и сестрами сводятся к проблемам наследования» [8. С. 84].

Гольдман, давая определение романа как литературного жанра, пишет: «Роман – это история поиска аутентичных ценностей деградирующими средствами в деградирующем обществе, и деградация в отношении героев проявляется в основном в опосредовании, в редукции аутентичных ценностей до имплицитного (скрытого) уровня, в исчезновении их как выраженных реальностей» [5. С. 16]. Современный роман отражает структуры того общества, где личность лишается возможности выбора и ответственности за него. Ей отводится роль конформного и эффективного исполнителя чуждых ей решений. Во всех сферах: политике, образовании, культуре происходит усиление авторитарных тенденций. Все это становится почвой, на которой возвращается трагическое мировидение современного романа.

Гольдман предпринимает попытку определить ту социальную группу, которая могла бы переломить ситуацию. Он приходит к выводу, что западный пролетариат не способен стать творцом новой культуры, поскольку он успешно интегрирован в современное общество потребления, а потому утратил свой креативный потенциал. Тотальное овеществление превратило

его коллективное сознание в проекцию политических и экономических структур, в которые включена его жизнедеятельность.

Рассматривая творчество французского драматурга Жана Жене, Гольдман обнаруживает носителя социальных изменений в группе маргинальной по своей сути, которую общество старается не замечать или просто игнорирует. Гольдман предостерегает от попытки рассматривать творчество Жене через призму его биографии: последовательный имморалист в личной жизни, творчестве, политической деятельности. Творчество Жене следует рассматривать в контексте его эпохи [10].

Сартр увидел в нем драму человека, который, не выдерживая бремени своей изначальной свободы и неизбежной трагедии выбора, стремится вернуться в объективированный вещный мир, пытается уйти из ничто в бытие, хотя бы и отчужденное. Иной взгляд у Жоржа Батая: мораль всегда утилитарна, все, что выходит за ее пределы, соприкасается со злом. Вхождение в область сокровенного превращает человека в преступника, его подстерегает искушение злом, кощунство, саморазрушение. Если человек стремится стать самим собой, он превращается в преступника в глазах общества.

Гольдман, реализуя постулируемый им принцип гомологии, обнаруживает у Жене нового социального актора – люмпен-пролетария. Он циничен, асоциален, переполнен презрением к современному миру, его ценностям, навязанному им порядку, насаждаемой тягой к респектабельности. Открывает Гольдман и нового автора: теперь творцами становятся проблематичные личности, зачастую с девиантным поведением, маргинальная элита, ориентированная на чуждые большинству качественные ценности. Приходит к выводу, что Жене бессознательно интегрировал умонастроения определенной части радикально настроенной интеллигенции, которая в 1960-е гг. испытала разочарование в социализме Восточной Европы и утратила иллюзии по поводу революционных изменений в Европе Западной.

Диагноз, который Гольдман ставит индустриальному обществу, пессимистичен: деперсонализация набирает все большую силу. История в «Процессе» Кафки начинается с «ничего нелепости» и заканчивается «ничем смерти». Кто тот судья, которого К. не видел? Где тот суд, на котором он так и не побывал? Государство – безликая и бездушная структура не оставляет простора для человеческой уникальности. Трагическое мировидение обретает, поистине космические масштабы: гуманизм капитулировал перед напором социальных структур.

Методология генетического структурализма Гольдмана была подхвачена его довольно многочисленными учениками и последователями, которые создали различные ее модификации. До сих пор она остается одним из плодотворных направлений социологии культуры, а терминология, которой пользовался Гольдман, прижилась в социологии литературы.

Список источников

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М. : Модимум, 1996. 239с.
2. Кодуэлл К. Иллюзия и действительность. Об источниках поэзии. М. : Прогресс, 1969. 364с.
3. Митина С.М. Генетический структурализм. М. : Наука, 1981. 98с.
4. Goldmann L. Sociologie et connaissance. Structures mentales et creation culturelle. Paris. Gallimard. 1970. 493 p.
5. Goldmann L. Pour une sociologie du roman. Paris : Les Éditions Gallimard, 1964. 231 p.
6. Гольдман Л. Сокровенный Бог. М. : Логос, 2001. 480 с.
7. Гольдман Л. Структурно-генетический метод в истории литературы // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М. : Изд. МГУ, 1987. 510 с.
8. Goldmann L. Recherches dialectiques. Paris : Gallimard, 1959. 356 p.
9. Goldmann L. Marxisme et sciences humaines. Paris : Gallimard. 1970. 361 p.
10. Goldmann L. Structures mentales et création culturelle. Paris : Antropos, 1970. 490 p.
11. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Дialeктика повседневности: методологический подход. Екатеринбург : УрГУ, 2007. 295 с.
12. Критика современной буржуазной теоретической социологии / Л.Г. Ионин, Г.В. Осипов, А.Д. Ковалев и др. М. : Наука 1977. 279 с.
13. Неомарксизм и проблемы социологии культуры: Макс Вебер и кризис западно-европейского разума. Парадоксы «неомарксистского» культуроборчества. Пробл. отчуждения: культурфилос. смысл / Ю.Н. Давыдов, О.С. Ли, С.М. Митина, А.И. Чупрынин. М. : Наука, 1980. 352 с.
14. Паскаль Блез. Мысли / пер. с фр., вступ. ст., ком.. Ю.А. Гинзбург. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 480 с
15. Лукач Д. Теория романа (Опыт философского исследования форм большой этики / Д. Лукач // Новое литературное обозрение. М., 1994. № 9. С. 19–78.

References

1. Benjamin, W. (1996) *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [A Work of Art in the Era of Its Technical Reproducibility. Selected essays]. Translated from German. Moscow: Modium.
2. Caudwell, C. (1969) *Illyuziya i deystvitel'nost'. Ob istochnikakh poezii* [Illusion and Reality, A study of the sources of poetry]. Translated from English. Moscow: Progress.
3. Mitina, S.M. (1981) *Geneticheskiy strukturalizm* [Genetic Structuralism]. Moscow: Nauka.
4. Goldmann, L. (1970) *Sociologie et connaissance. Structures mentales et creation culturelle*. Paris. Gallimard.
5. Goldmann, L. (1964) *Pour une sociologie du roman*. Paris: Les Éditions Gallimard.
6. Goldmann, L. (2001) *Sokrovenny Bog* [The Hidden God]. Translated from French by V.G. Bol'shakov. Moscow: Logos.
7. Goldmann, L. (1987) *Struktarno-geneticheskiy metod v istorii literatury* [Structural-genetic method in the history of literature]. Translated from French. In: Koskova, G.K. (ed.) *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. Traktaty, stat'i, esse* [Foreign Aesthetics and Theory of Literature of the 19th – 20th Centuries. Treatises, articles, essays]. Moscow: Moscow State University.
8. Goldmann, L. (1959) *Recherches dialectiques*. Paris: Gallimard.
9. Goldmann, L. (1970) *Marxisme et sciences humaines*. Paris: Gallimard.
10. Goldmann, L. (1970) *Structures mentales et création culturelle*. Paris: Antropos.
11. Lyubutin, K.N. & Kondrashov, P.N. (2007) *Dialektika povsednevnosti: metodologicheskiy podkhod* [Dialectics of Everyday Life: A methodological approach]. Yekaterinburg: Ural State University.
12. Ionin, L.G. et al. (1977) *Kritika sovremennoy burzhuznoy teoreticheskoy sotsiologii* [Criticism of Modern Bourgeois Theoretical Sociology]. Moscow: Nauka.
13. Davydov, Yu.N. et al. (1980) *Neomarksizm i problemy sotsiologii kul'tury: Maks Veber i krizis zapadno-evropeyskogo razuma. Paradoksy "neomarksistskogo" kul'turoborchestva. Probl. otchuzhdeniya: kul'turfilos. smysl* [Neo-Marxism and Problems of the Sociology of Culture: Max Weber and the crisis of Western European reason. Paradoxes of "neo-Marxist" cultural warfare. Problem alienation: cultural philosophy. meaning]. Moscow: Nauka.
14. Pascal, B. (1995) *Mysli* [Thoughts]. Translated from French by Yu.A. Ginzburg. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovoykh.
15. Lukach, D. (1994) *Teoriya romana (Opyt filosofskogo issledovaniya form bol'shoi etiki)* [The Theory of the Novel (Experience in philosophical research into the forms of great ethics)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 9. pp. 19–78.

Информация об авторах:

Прокопьева М.Ю. – канд. филос. наук, доцент кафедры «Культурология» Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация). E-mail: prokopiewa.m@yandex.ru

Шихардин Н.В. – д-р филос. наук, зав. кафедрой «Культурология» Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация). E-mail: shikhardin@yandex.ru

Шихардина Л.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры «Зарубежная филология, лингвистика и преподавания иностранных языков» Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация). E-mail: ardinal@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.Yu. Prokopieva, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: prokopiewa.m@yandex.ru

N.V. Shikhardin, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Culturology Department, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: shikhardin@yandex.ru

L.N. Shikhardina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: ardinal@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.05.2022;
одобрена после рецензирования 07.04.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 14.05.2022;
approved after reviewing 07.04.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 304.4; 930.1
doi: 10.17223/15617793/492/10

К вопросу о философских основаниях «культуры отмены» и ее значении для осмысления и отношения к прошлому

Василий Николаевич Сыров¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, narrat59@gmail.com*

Аннотация. Обсуждается философская роль «культуры отмены» и перспективы ее применения в сфере осмысления прошлого. Рассмотрена роль философии в открытии новых перспектив исследований. Анализируются пути использования «культуры отмены» в области этики. Утверждается о трактовке «культуры отмены» как симптома проявления глубинных тенденций, связанных с развитием цифровых технологий не только в сфере социальной критики, но и социальных отношений в целом. В заключение обсуждаются перспективы и риски, связанные с использованием «культуры отмены» для осмысления прошлого.

Ключевые слова: культура отмены, новая этика, историческое познание, коллективная память, историческая идентичность

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Для цитирования: Сыров В.Н. К вопросу о философских основаниях «культуры отмены» и ее значении для осмысления и отношения к прошлому // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 85–90. doi: 10.17223/15617793/492/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/10

On the philosophical foundations of “cancel culture” and its significance for understanding and attitude to the past

Vasily N. Syrov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, olnikitin@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the philosophical role of “cancel culture” and the prospects for its application in the field of understanding the past. The author notes that “cancel culture” is usually interpreted as a form of public condemnation of public figures, initiated on social networks. The dual and contradictory nature of such condemnation is noted both among researchers and in public opinion. Some see “cancel culture” as an effective tool in the fight against those who abuse their power and public influence. Others see it as a threat to one of the basic values of modern civilization – the freedom of speech. Although the period of “cancel culture” popularity is not yet sufficient to draw serious research conclusions, the author believes that it can become an object of philosophical reflection. The function of philosophy may lie, firstly, in the fact that it allows explicating the grounds, implicit as a rule, on which any specific ideas about any specific things are based. Secondly, thanks to such reflection, it is possible to actualize some perspectives that might otherwise be unrealized. Thirdly, philosophy can take part in the discussion of the ethical potential that “cancel culture” contains. The author believes that cancel culture can be interpreted as a symptom of deeper social processes, namely, as the formation and dissemination of a new format, not so much of social criticism, but of social relations in general. One can argue about the transformation of digital technologies into an immanent part of social reality as such and interpret activity on social networks not as a form of substitution for the so-called real social practices by passive contemplation, but as an actual and even dominant social practice. The author notes that both the practice and the very idea of “cancel culture” can be, firstly, imported from one culture (country) to another, and, secondly, applied to the understanding of new socio-cultural spheres. It may be linked with the prospect of transferring this idea to the field of studying collective memory – with the discussion of the value of national identity, in particular, with the practices of overcoming ethnocentrism. Secondly, “cancel culture” can be associated with the popularity of history in the modern public consciousness, in particular, with the history of people and events. The inconsistency of such an attitude to the past is noted. On the one hand, such objects of the past, including moral ones, seem to be generally accessible, understandable and easy to evaluate, which makes it possible to turn “cancel culture” into a catalyst for understanding deeper processes. On the other hand, they are the most accessible for their mythological or ideological bias, which can lead to a shift in attention from depth to surface.

Keywords: cancel culture, new ethics, historical cognition, collective memory, historical identity

Financial support: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465>

For citation: Syrov, V.N. (2023) On the philosophical foundations of “cancel culture” and its significance for understanding and attitude to the past. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 85–90. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/10

Если начать с определения, то, как отмечается в статье одного из исследователей, «культура отмены – это форма публичного осуждения, инициированного в социальных сетях, чтобы лишить какую-либо персону ее обычного влияния или внимания с целью сделать публичный дискурс более расплывчатым и менее монополизированным теми, кто занимает привилегированное положение» [1. Р. 1]. Известный американский журналист Эрнест Оуэнс начинает свою книгу с характеристики «культуры отмены» как противоречивого явления. По его словам, политики правого толка используют это понятие как боевой клич против «левых», утверждая, что своей поддержкой «культуры отмены» они ставят свободу слова под угрозу. «Левые», напротив, считают, что она является важным инструментом в борьбе с теми, кто злоупотребляет властью. Занимающие промежуточную политическую и социальную позицию задаются вопросом, трактовать ли данную форму культуры как неприятность или как необходимые действия [2]. Обычно такой расклад позиций с констатацией неопределенности оценки наблюдается и в исследовательской литературе.

Стоит заметить то, что, как правило, не вызывает разногласий среди исследователей. Актуализация по общественному осуждению тех или иных публичных фигур большинством авторов связывается с развитием так называемой цифровой культуры или социальных сетей, и, согласно словоупотреблению некоторых из них, с появлением виртуального коллективного сознания. Особо подчеркивается роль так называемых активистов в инициировании данного процесса. По этому поводу наш отечественный автор Михаил Немцев заметил, что появляется «мир децентрализованных глобальных медиа, где очень быстро возникают информационные волны и контролировать их распространение невозможно. Зато они создают удобную основу для спонтанной со-организации массы активистов» [3. С. 257].

Опять же можно подчеркнуть, что молодежь становится той основной питательной средой, где разворачиваются ключевые темы и проблемы, поднимаемые «культурой отмены». Соответственно, это обстоятельство определяет основные объекты данной культуры. Как правило, дискуссии разворачиваются вокруг так называемых публичных персон или продуктов их деятельности. По словам того же Оуэнса, «социальные медиа делают селебрити более доступными для своих поклонников, но одновременно и более уязвимыми» [2]. Оуэнс замечает, что старшее поколение оказывается более затронутым критикой, чем несправедливостью, хотя он же указывает, что не стоит сводить «культуру отмены» к разнице возрастов [2]. По этому поводу можно заметить, что либо этот феномен останется лишь кратковременной модой, либо с постепенным

привыканием к новым технологиям станет имманентной частью социальной и культурной среды в целом, где решающую роль будут играть отнюдь не возрастные особенности.

Уже тот относительно небольшой период развертывания «культуры отмены» позволил, тем не менее, исследователям сделать некоторые выводы. Как уже отмечалось выше, становится понятным, что позиции разделяются «за» и «против». Сторонники одобрительного отношения к процедурам отмены полагают, что это совокупность действий, направленных на «публичное порицание кого-либо за предполагаемое или реальное социальное нарушение, которое не было должным образом устранено с помощью традиционных каналов» [4]. Оппоненты считают, что вопрос стоит о сохранении такой базисной современной ценности как свободы слова. Достаточно распространенным является утверждение о том, что грань между искренней заботой о социальной справедливости, негодованием и придирчивостью к чьему поведению является весьма тонкой [5. Р. 4]. Опять же можно говорить о правомерности данного вывода, если учитывать столько короткое время популярности культуры отмены.

Как известно, сова Минервы вылетает в сумерки. Тем не менее отсутствие времени для полноценной и обстоятельной рефлексии не отменяет возможности обсуждения того вклада, который философия может внести в обсуждение этой темы. Оставим в стороне сам по себе интересный вопрос о возможном изменении роли философа или представителя научного сообщества как публичного интеллектуала и сосредоточимся на тех аспектах, в которых она может обсуждаться. Представляется, что как минимум можно говорить о двух аспектах ее философского осмысления. Прежде всего, речь может идти о тех возможных основаниях (эпистемологических, онтологических, антропологических аксиологических), на которые может опереться профессиональное сообщество в ее осмыслении. В данных рассуждениях мы исходим из убеждения, что сама по себе тема, конечно, к философии не имеет прямого отношения. Но считаем, что философская рефлексия, призванная вскрыть те, как правило, имплицитные основания, на которые опираются любые конкретные представления о любых конкретных вещах, может актуализировать некоторые перспективы, которые в противном случае могли оказаться нереализованными. Например, если мы убеждены, что те или иные процессы могут двигаться только в одном направлении (линейно так сказать), то будем игнорировать свидетельства о возможной реализации иных альтернатив общественной жизни просто потому, что считаем их несущественными или, так сказать, информационным шумом. Это первый аспект, в котором данная тема может обсуждаться.

Что касается второго аспекта, то он может быть связан с убеждением, что сам факт «культуры отмены» является или может являться толчком к обсуждению масштабных вопросов, прямо связанных с собственно философской проблематикой, а именно с этикой. По сути, таком аспекте тема уже обсуждается [6]. Понятно, что и здесь от философии мы не ожидаем решения или предложений по решению тех или иных социальных проблем. Это дело собственно социальных теорий или социальных практик. Хотя если обсуждение этических проблем относится к компетенции собственно философии, то здесь мы можем надеяться на более непосредственное философское присутствие. Возможно, что в качестве аналогии философской реакции стоит воспользоваться размышлениями крупнейших мыслителей современности по поводу трагических событий 9 сентября [7]. Как отметил Михаил Рыклин, отталкиваясь от суждений Жака Дерриды в подведении итогов таких размышлений, «Жак Деррида подмечает, что и на этот раз избыток утверждения не выдержал собственных последствий; через него фактически осуществляется нечто другое, что нам еще предстоит понять, готовым опытом чего мы не обладаем» [7]. Иначе говоря, такого рода явления стоит трактовать скорее как симптом некоторых более фундаментальных процессов.

Конечно, «культура отмены» в отличие от вышеприведенного примера представляет собой не «сингулярное событие», а скорее процесс, который начинает затрагивать не только культуру западной цивилизации, но и другие регионы. Отмечается, в частности, что «культура отмены также достигла берегов Юго-Восточной Азии» [1. Р. 4–5]. Но, тем не менее, аналогия видится вполне уместной. Возможно, конечно, что «культура отмены», как говорилось выше, окажется очередным проявлением своеобразной моды, которое исчезнет, как и другие явления моды, но, возможно, что мы присутствуем при зарождении процесса, который, в силу распространения цифровых технологий, будет приобретать глобальный характер и знаменовать зарождение некоторых новых механизмов социального взаимодействия. Рыклин, вслед за Дерридой, прав, конечно, в том, что более глубинные последствия действия «культуры отмены» еще не выявились. Но уже можно говорить о том, что приводимые авторами, как правило, журналистами, примеры стоит рассматривать как симптом более глубинных процессов. По этому поводу можно привести характерное высказывание испанской исследовательницы Лауры Триго: «Хотя сам процесс отмены носит кратковременный характер, но гомофобия, трансфобия или гендерное насилие остаются распространенными в обществе» [5. Р. 12], сохраняя тем самым необходимость выработки тех или иных форм реакции на их проявление.

Если перевести тему в дискурсивную плоскость, то стоит особо указать на тот факт, что сам язык высказываний тех или иных публичных фигур, как правило, фиксируемый активистами и являющийся одним из основных объектов их деятельности, становится наиболее ярким бессознательным воплощением вышеописанных (да и иных морально осуждаемых) процессов.

С этой точки зрения действие «культуры отмены» позволяет понять или иметь в виду некоторые важные моменты происходящего. Во-первых, что все эти процессы (высказывания или действия, внешне кажущиеся безобидными или привычными) имеют место не где-то там, а происходят в том числе и с нами; во-вторых, заставляют тем самым нас самих определиться по отношению к ним; а в-третьих, подталкивают к тому, чтобы просто обратить внимание на те стороны социального бытия, которые казались до этого естественными и само собой разумеющимися.

Вышеописанные обстоятельства заставляют сфокусировать внимание еще на одной стороне бросающихся в глаза процессов, а именно на возможных последствиях данных действий. Понятно, что ближайшие следствия уже бросаются в глаза. Вот почему одни авторы отмечают, что «легко изображать культуру отмены как форму травли» [2]. Цитируемый нами Оуэнс неоднократно подчеркивает, что культура отмены коренится не в критике персональных убеждений. Он указывает, что в отличие от травли, направленной на причинение преднамеренного вреда кому-либо, «культура отмены» предполагает стимуляцию трансформационных изменений. По его словам, «это не отрицание чего-либо или кого-либо, это выбор жизненного пути» [2]. В свою очередь, оппоненты «культуры отмены» в один голос предостерегают от угрозы подавления свободы высказывания и возрождения цензуры, а более масштабном плане, от перспективы разрушения базисных культурных ценностей современной цивилизации «Это новый маккартизм “проснувшегося поколения”» по словам известного американского правоведа и политического комментатора Алана Дершовича [8]. В этом смысле остаются пока неоднозначными сами масштабные процессы, симптомом которых предстает «культура отмены».

Отдельно стоит обратить внимание на вопрос о времени происхождения «культуры отмены», как он трактуется в литературе. «Культура отмены стара, как и сама культура. Каждое общество устанавливает границы допустимого», как полагает американский политолог и активист Норман Финкельштейн [9]. Альтернативным является тезис о новизне «культуры отмены», как порожденной современными цифровыми технологиями. Представляется, что речь идет не просто об академической дискуссии по поводу истоков и времени возникновения данного культурного и социально-политического феномена. Скорее стоит связать его с характером общественного и исследовательского отношения к теме. Здесь тоже можно провести некоторые аналогии. Как отметил в свое время Мирча Элиаде, характеризуя существенные черты мифологического восприятия реальности: «Завоеватели-варвары эпохи раннего Средневековья были отождествлены с библейским архетипом Гога и Магога, а затем обрели онтологический статус и эсхатологическую функцию. Несколько веков спустя христиане увидели в Чингисхане нового Давида, призванного осуществить пророчества Иезикииля. При таком взгляде страдания и катастрофы, произошедшие вследствие появления варва-

ров на историческом горизонте Средневековья, оказались “выносимыми” – точно такой процесс несколькими тысячелетиями ранее позволил вынести ужас перед историей обитателям древнего Востока» [10. С. 129]. Дело, конечно, не в том, чтобы утверждать о возрождении мифологического мировосприятия «культуры отмены» в форме архетипизации тех или иных явлений в современной культуре (хотя все это в широких масштабах и по отношению к другим культурным феноменам имеет место). Хотя, конечно, полагание «нормальности» и «нормализация» «культуры отмены» не сводится к успокаиванию себя тезисом о том, что нет ничего нового под солнцем, и убеждением в монотонности воспроизведения одних и тех же социальных явлений. Вопрос скорее стоит об определении продуктивного угла зрения, а именно о возможности обратить внимание на нюансы, которые по вполне понятной логике не замечаются сторонниками альтернативного подхода.

Поэтому возможно и даже резонно полагать, что мы присутствуем при рождении весьма новых и оригинальных социально-культурных явлений. Продолжая эту тему и переводя ее в плоскость предполагаемых последствий, возможно утверждать, что мы имеем дело с зарождением и распространением нового формата даже не столько социальной критики, сколько социальных отношений в целом. В свете дальнейшего развития цифровых технологий и перевода в данный формат многих традиционных видов социальных действий, резонно предположить, как отмечают исследователи, что при таком подходе становится более правомерным говорить не о параллельном существовании двух видов реальности (обычной и виртуальной) и сетовать на растущее бегство индивидов в реальность виртуальную (как форму современного эскапизма), а утверждать о превращении цифровых технологий и всего, что с ними связано, в имманентную часть социальной реальности как таковой. Тогда логично предполагать, что активность в социальных сетях можно трактовать не в терминах «общества спектакля» или замещения так называемых реальных социальных практик пассивным созерцанием и переживанием у экрана монитора, а как действительную и даже доминирующую социальную практику. Как следствие, резонно допустить тогда, что коллективные действия именно в сети будут способствовать или приводить к блокировке тех или иных форм социальной жизни как таковой.

Надо сказать, что специфика и доступность современных технологий в некоторой своеобразной форме возрождают публичность, об утрате которой столь много писали авторы, анализирующие эпоху позднего модерна. Более того, в контексте такой массовой доступности логично допустить возрождение дискурсов, оперирующих такими сильными в свое время мнениями, как «народ», «народные массы», «учет мнения простых людей» и т.д. Хотя опыт функционирования массовой или, как принято сейчас говорить, «популярной» культуры позволяет осознать, что общественная реакция, интерпретированная как голос масс, может показаться совершенно неожиданной, особенно

для тех, кто привык использовать этот достаточно архаический язык.

Может оказаться, что массы будут говорить не так, не то и не о том, в противовес ожиданиям интеллектуальных элит, поэтому, возможно, стоит рассматривать дискурс «культуры отмены», помимо прочего, как толчок к росту рефлексивности самих интеллектуалов по поводу еще одного переосмысления используемых ими языков описания. Если даже говорить о протесте как воплощении сущности массовых публичных практик, то может оказаться, что он скорее выполняет функцию сублимации в силу общей тревожности состояния современного индивида [11. Р. 207], или, что, по сути, становится протестом, осуществляемом ради протеста.

Если теперь обратиться к теме этики как возможного содержания философского интереса к «культуре отмены», то здесь резонно согласиться с Артемием Магуном о правомерности утверждения о «новой моральной чувствительности» или «новой моральной аллергии», а не о формировании «новой этики» как таковой [6]. Бесспорно, что любая хорошая метафора, а речь идет о «новой этике», призвана провоцировать мысль к открытию новых горизонтов, но представляется, что это, скорее, тот случай, когда она остается лишь риторикой и не более того. Если перевести тему в скучный академический дискурс, то можно утверждать, что прорыв в этике, деонтологической, прежде всего, предполагал бы претензию на разработку новых моральных требований или нового списка моральных правил. Однако в притязаниях сторонников «культуры отмены» речь не идет даже о новых объектах применения моральных требований, не говоря уже о перспективах выработки новых требований как таковых. Позиция Магуна в этом плане сходна с позицией Михаила Немцева: «“Новой этики” не существует. Ибо в чём она состоит? В том, что снизилась терпимость к тому, что и раньше было нельзя, но вроде как можно, а теперь стало совсем нельзя? Этика имеет дело с нормами. Какие новые нормы предписывает “новая этика”?» [3. С. 260].

Ситуацию можно уподобить соотношению этики и прикладной этики, отмеченную в свое время Аласдером Макинтайром: «Рубрика “прикладная этика”... представляет собой барьер для понимания того, что действительно происходит... Прикладная этика не только основана на заблуждении, но на таком, которое может оказывать пагубное влияние» [12. Р. 61]. Поэтому, «когда этика и мораль правильно поняты, понятие прикладной этики теряет всякое значение» [12. Р. 61]. Если же говорить о теории добродетели как одной из доминирующих моральных теорий, то, к примеру, исследователь из Ланкастерского университета Гаррат Уильямс трактует ответственность как отдельную добродетель современного индивида [13. Р. 456]. Но вряд ли чувствительность к несправедливости или к проявлениям дискриминации и ксенофобии можно трактовать как складывающиеся новые добродетели. Скорее они относятся к содержанию любого морального требования как такового и являются составной частью нормальной моральной реакции на любое морально значимое явление.

Оба вышеупомянутых автора (Магун и Немцев) считают, что так называемая новая этика является специфическим американским явлением, связанным с особенностями сложившихся в стране культурных традиций, поэтому следует либо трактовать ее более как совокупность некоторых полезных культурных ритуалов, необходимых для нормальной повседневной жизни (Магун), либо разрабатывать свой аналитический аппарат и свой публичный политический язык, чтобы говорить о сходных проблемах (Немцев). Важный момент, на наш взгляд, заключается в тезисе авторов об необходимости учитывать особенности социально-культурного контекста (американского в данном случае). Бесспорно, что многие аспекты «культуры отмены» будут просто непонятны без знания такого контекста. Но возможно допустить и обратное. Если предположить, что как практика, так и сама идея «культуры отмены» могут быть, во-первых, импортированы из одной культуры (страны) в другую, а, во-вторых, применены к осмыслению новых социально-культурных сфер, то возможно, что некоторая степень игнорирования такого контекста может оказаться эвристически продуктивной. Так, исследовательница из университета Огайо Ева Нг пишет о формах проявления «культуры отмены» в Китае, хотя и отмечает, что дискуссии отмены и сама «культура отмены» могут переплетаться с националистическими тенденциями, примером чего является их использование в КНР [14. Р. 90]. О распространении и специфике использования «культуры отмены» в других регионах говорят и другие авторы [1. Р. 4].

Что касается возможности применения «культуры отмены» к осмыслению новых социально-культурных сфер, то она может быть связана с перспективой переноса данной идеи в область изучения коллективной памяти. Речь, в частности, идет о процессах и процедурах формирования исторической идентичности, которые в свете общего распространения представлений об историчности социального бытия приобретают повышенную актуальность в современной культуре. Здесь, наверное, стоит отметить два момента. Первый так или иначе связан с обсуждением ценности национальной идентичности, которая зачастую и по сей день связывается и даже отождествляется с этноцентристским видением социально-культурного мира. По этому поводу известный немецкий исследователь Йорн Рюзен особо указывал на связь определенных трактовок истории и этноцентристского видения социального мира: «Телеологическая непрерывность – вот господствующий концепт времени, что определяет идею истории в основных нарративах» [15. Р. 122]. Более того, с его точки зрения, традиционный формат написания истории как последовательного и поступательного движения от происхождения своей жупной формы, через ее изменение во времени, к настоящему и вытекающую из этой перспективы будущего фактически представляет собой темпорально расширенную версию всех тех элементов жизни, что конституируют данное сообщество [15. Р.

122]. Поэтому резонно предположить, что ресурс «культуры отмены» может быть использован, в частности, для поиска новых форм выражения отношения к этноцентризму и национальной идентичности как таковой.

Второй аспект, как нам кажется, можно увязать с теми ракурсами, которые тема истории в целом, столь популярная в современной культуре, приобретает в общественном сознании. Несколько упрощенно трактуя отношение к ней, тем не менее, можно утверждать, что, как правило, индивидам легче воспринимать прошлое как историю людей и событий, а не как историю структур и процессов. С одной стороны, такое восприятие прошлого делает именно его благоприятным для формирования (коллективной, как правило) идентичности, поскольку людям легче отождествлять или видеть себя в привлекательном свете как продолжателей действий великих людей и великих событий. Да и в целом на данном уровне видения объекты прошлого кажутся общедоступными, понятными и простыми для оценок, в том числе моральных. С другой стороны, так воспринятое прошлое оказывается наиболее уязвимым для его мифологической зараженности и чрезмерной насыщенности моральными, а лучше сказать, морализаторскими аспектами, порождающими бесконечные дискуссии об уместности применения современных моральных принципов к фигурам достаточно отдаленного прошлого.

Нет нужды отстаивать тезис, что именно «знаковые» личности и их действия становятся приоритетными и наиболее доступными объектами для обсуждения и критики. По их поводу индивидам легче выразить свое отношение к ним в весьма определенных действиях, создающих ощущение, а вернее иллюзию полноты и завершенности переосмысления и пересмотра. Как заметил по этому поводу Дершовиц, попытки переписать историю проявляются в разрушении памятников, переименовании зданий и пересмотре значимости исторических персонажей, в послужном списке которых перемешано как положительное, так и отрицательное. Он заключает, что «почти никто из них не прошел тесты на чистоту, которые теперь требует культура отмены» [6]. Все эти ситуации теперь также стали имманентной частью «культуры отмены». В итоге, как справедливо отмечает Ева Нг, внимание к личностям и событиям может приводить к смещению внимания, так сказать, с глубины на поверхность, а именно к игнорированию структурных причин тех или иных обсуждаемых и осуждаемых явлений [14. Р. 65]. Однако, как мы уже отмечали выше, они могут стать катализатором для более масштабного и глубинного осмысления процессов, выражением, симптомом или символом, которых они являются [14. Р. 140]. Возможно, что такая глубина и степень масштабности может проявиться в пересмотре, как ни парадоксально, не только притязаний исторической идентичности на универсальность, но и самой ее самой ценности как предпочтительного формата идентичности.

Список источников

1. Velasco J.Ch. You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Human*. 2020. Vol. 12, № 5. P. 1–7. URL: <https://rupkatha.com/V12/n5/rioc1s21n2.pdf> (дата обращения: 13.07.2023).
2. Owens E. *The Case for Cancel Culture. How This Democratic Tool Works to Liberate Us*. St. Martin's Press, 2023. 256 p.
3. Интервью Т.В. Левиной с М.Ю. Немцевым. Насколько уместна критика «новой этики» в современной России? // *Историческая экспертиза*. 2023. № 1 (34). С. 256–265.
4. Appleman D. *Literature and new Culture wars: Triggers, Cancel culture and Teacher's dilemma*. W.W. Norton & Company, 2022. 192 p.
5. Trigo L. A. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters // *PopMeC Research Blog*. Published 2020. Sept. 25. P. 1–13. URL: <https://popmec.hypotheses.org/3043> (дата обращения: 13.07.2023).
6. Сысоев Т. Философ Артемий Магун: «Новая этика» – это не про культурность, а про «новую моральную аллергию», которая пришла к нам из США // *Культура*. 2021. 28 января (№ 1). URL: <https://portal-kultura.ru/articles/world/331659-filosof-artemiy-magun-novaya-etika-eto-ne-pro-kulturnost-a-pro-novuyu-moralnuyu-allergiyu-kotoraya-p> (дата обращения: 13.07.2023).
7. Рыклин М. Apocalypse now. Философия после 11 сентября // *Отечественные записки*. 2002. № 3 (4). URL: <https://strana-oz.ru/2002/3/apocalypse-now-filosofiya-posle-11-sentyabrya> (дата обращения: 13.07.2023).
8. Dershowitz A. *Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process*. Hot Books, 2020. 168 p.
9. Finkelstein N. *I'll Burn That Bridge When I Get to It! Heretical Thoughts on Identity Politics, Cancel Culture, and Academic Freedom*. A Sublation Press Book, 2023. 544 p.
10. Элиаде М. *Космос и история. Избранные работы / пер. с фр. и англ. А.А. Васильевой, В.Р. Рокитянского, Е.Г. Борисовой*. М.: Прогресс, 1987. 312 с.
11. Bracken P.J. *Trauma Culture, Meaning and Philosophy*. Whurr Publishers Ltd, 2002. 258 p.
12. MacIntyre A. Does Applied Ethics rest on a Mistake? // *Public Reason and Applied Ethics: the Ways of Practical reason in Pluralistic Society* / ed. by A. Cortina, D. Garsia-Marza, J. Conill. Ashgate Publishing Ltd., 2008. P. 49–62.
13. Williams G. Responsibility as a Virtue // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2008. № 11. P. 455–470.
14. Ng E. *Cancel Culture. A Critical Analysis*. Palgrave Macmillan, 2022. 153 p.
15. Rusen J. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // *History and Theory*. 2004. № 43 (4). P. 118–129.

References

1. Velasco, J.Ch. (2020) You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Human*. 12 (5). pp. 1–7. [Online] Available from: <https://rupkatha.com/V12/n5/rioc1s21n2.pdf> (Accessed: 13.07.2023).
2. Owens, E. (2023) *The Case for Cancel Culture. How This Democratic Tool Works to Liberate Us*. St. Martin's Press.
3. Istoricheskaya ekspertiza. (2023) Interv'y u T.V. Levinoy s M.Yu. Nemtsevym. Naskol'ko umestna kritika "novoy etiki" v sovremennoy Rossii? [Interview of T.V. Levina and M.Yu. Nemtsev. How appropriate is criticism of the "new ethics" in modern Russia?]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 1 (34). pp. 256–265.
4. Appleman, D. (2022) *Literature and new Culture wars: Triggers, Cancel culture and Teacher's dilemma*. W.W. Norton & Company.
5. Trigo, L.A. (2020) Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters. *PopMeC Research Blog*. Sept. 25. pp. 1–13. [Online] Available from: <https://popmec.hypotheses.org/3043> (Accessed: 13.07.2023).
6. Sysoev, T. (2021) Filozof Artemiy Magun: "Novaya etika" – eto ne pro kul'turnost', a pro "novuyu moral'nyuyu allergiyu", kotoraya prishla k nam iz SShA [Philosopher Artemy Magun: "New ethics" is not about culture, but about the "new moral allergy" that came to us from the USA]. *Kul'tura*. 1. 28 January 2021. [Online] Available from: <https://portal-kultura.ru/articles/world/331659-filosof-artemiy-magun-novaya-etika-eto-ne-pro-kulturnost-a-pro-novuyu-moralnyuyu-allergiyu-kotoraya-p> (Accessed: 13.07.2023).
7. Ryklin, M. (2002) Apocalypse now. Filozofiya posle 11 sentyabrya [Apocalypse now. Philosophy after September 11]. *Otechestvennye zapiski*. 3 (4). [Online] Available from: <https://strana-oz.ru/2002/3/apocalypse-now-filosofiya-posle-11-sentyabrya> (Accessed: 13.07.2023).
8. Dershowitz, A. (2020) *Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process*. Hot Books.
9. Finkelstein, N. (2023) *I'll Burn That Bridge When I Get to It! Heretical Thoughts on Identity Politics, Cancel Culture, and Academic Freedom*. A Sublation Press Book.
10. Eliade, M. (1987) *Kosmos i istoriya. Izbrannye raboty* [Cosmos and history. Selected works]. Translated from French and English by A.A. Vasil'eva, V.R. Rokityanskiy, E.G. Borisova. Moscow: Progress.
11. Bracken, P.J. (2002) *Trauma Culture, Meaning and Philosophy*. Whurr Publishers Ltd.
12. MacIntyre, A. (2008) Does Applied Ethics rest on a Mistake? In: Cortina, A., Garsia-Marza, D. & Conill, J. (eds) *Public Reason and Applied Ethics: the Ways of Practical reason in Pluralistic Society*. Ashgate Publishing Ltd. pp. 49–62.
13. Williams, G. (2008) Responsibility as a Virtue. *Ethical Theory and Moral Practice*. 11. pp. 455–470.
14. Ng, E. (2022) *Cancel Culture. A Critical Analysis*. Palgrave Macmillan.
15. Rusen, J. (2004) How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century. *History and Theory*. 43 (4). pp. 118–129.

Информация об авторе:

Сыров В.Н. – д-р филос. наук, зав. кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: narrat59@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.N. Syrov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat59@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.07.2023;
одобрена после рецензирования 21.07.2023; принята к публикации 31.07.2023.

The article was submitted 14.07.2023;
approved after reviewing 21.07.2023; accepted for publication 31.07.2023.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.35
doi: 10.17223/15617793/492/11

Социальный капитал этнической группы: особенности формирования и проявления (на примере Сванетии)

Тамила Георгиевна Арнания-Кепуладзе¹, Георгий Акакиевич Кепуладзе²

¹Государственный университет имени Акакия Церетели, Кутаиси, Грузия, tamila.kepuladze@atsu.edu.ge
ORCID: 0000-0001-8911-7173

²Университет бизнеса и технологий, Тбилиси, Грузия, giorgi.kepuladze@btu.edu.ge
ORCID: 0000-0003-4642-7811

Аннотация. Исследование основано на социологическом анализе историко-этнографических фактов формирования социального капитала этнической группы высокогорья Грузии – Сванетии. Предложены такие категории формирования групп, как формальная принадлежность группе и естественная принадлежность группе. Изучены особенности различных типов социального капитала малых и больших первичных и вторичных групп, предложена модель этнической группы и ее социального капитала.

Ключевые слова: социальный капитал, теория групп, первичные и вторичные группы, малые и большие группы, естественная и формальная принадлежность группе, Сванетия

Благодарности. Выражаем благодарность сотрудникам научно-исследовательского центра картвелологии им. профессора Т. Путкарадзе при Государственном университете имени Акакия Церетели (Кутаиси, Грузия) и нашим информантам за содействие в проведении исследования. Выражаем также благодарность доктору исторических наук, профессору кафедры истории и археологии Государственного университета имени Акакия Церетели Владимиру Эшиковичу Цварава, научному сотруднику научно-исследовательского центра картвелологии им. профессора Т. Путкарадзе Государственного университета имени Акакия Церетели, ассоциированному профессору Давиду Шавианидзе за деловые рекомендации и ценные советы при написании статьи, руководителю научно-исследовательского центра картвелологии им. профессора Т. Путкарадзе, ассоциированному профессору Эке Дадияни за предоставление архивных данных.

Для цитирования: Арнания-Кепуладзе Т.Г., Кепуладзе Г.А. Социальный капитал этнической группы: особенности формирования и проявления (на примере Сванетии) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 91–102. doi: 10.17223/15617793/492/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/11

Social capital of an ethnic group: Features of formation and manifestation (Svaneti case)

Tamila Arnania-Kepuladze¹, Giorgi Kepuladze²

¹ Akaki Tsereteli State University, Kutaisi, Georgia, tamila.kepuladze@atsu.edu.ge
ORCID: 0000-0001-8911-7173

² University of Business and Technology, Tbilisi, Georgia, giorgi.kepuladze@btu.edu.ge
ORCID: 0000-0003-4642-7811

Abstract. Social capital is considered today as one of the most effective factors of economic development, social stability and political consolidation. In this regard, to explore the problems of social capital formation and functioning becomes particularly important. The study aims to investigate the features of an ethnic group's social capital formation and manifestation. The main hypothesis of the study is the assumption that the nature and size of the group affect intragroup and intergroup relationships, the formation and manifestation of various types of social capital. The study proceeds from the analysis of historical, ethnographic and socio-anthropological facts of the social capital formation of an original ethnic group that lives in the high-mountainous region of Georgia – Svaneti, and forms a model of the ethnic group and its social capital. The theoretical basis for the study is the sociological theory of group, developed by Charles Cooley and Mansur Olson, and the theory of social capital of Pierre Bourdieu, James Coleman, and Robert Putnam. The empirical basis of this study is semi-structured interviews conducted by the authors in 2019–2021, archival materials collected in ethnographic expeditions in 1997 and 2004–2005 by the staff and students of the Department of

History and Archeology and the Research Center of Kartvelology of Akaki Tsereteli State University. The article proposes the following categories of group formation: formal affiliation to a group, which proceeds from a conscious (free or forced) personal choice, and a natural affiliation to a group that is given from birth. Based on the data collected as a result of semi-structured interviews and analysis of archival materials, the features of the formation of various types of social capital of small and large primary and secondary groups were studied. The research has shown that within the framework of small primary groups of natural affiliation the “bonding” social capital is formed; at the level of secondary small and large groups of formal affiliation and large groups of natural affiliation the “bridging” social capital is formed, while the interaction of large groups of natural and formal affiliation is based on the “linking” social capital. This means that the size of the group and its affiliation impact the nature of intragroup and intergroup interaction, the features of the functioning of social capital, and contribute to the achievement of the goals that were the reasons for the group formation.

Keywords: social capital; group theory, primary and secondary groups, small and large groups, natural and formal affiliation to group, Svaneti

Acknowledgements. We express our gratitude to the staff of the Research Center of Kartvelology named after Professor T. Putkaradze at Akaki Tsereteli State University (Kutaisi, Georgia) and our informants for assistance in conducting the study. We also express our gratitude to Dr. Vladimir Tsverava, professor of the Department of History and Archaeology of Akaki Tsereteli State University, and David Shavianidze, associate professor, research fellow at the Research Center of Kartvelology named after Professor T. Putkaradze, for business recommendations and valuable advice in writing the article, and to Eka Dadiani, associate professor, head of the Research Center of Kartvelology named after Professor T. Putkaradze for providing archival data.

For citation: Arnania-Kepuladze, T. & Kepuladze, G. (2023) Social capital of an ethnic group: features of formation and manifestation (Svaneti case). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 91–102. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/11

Введение

В последние десятилетия ученые-экономисты, социологи, политологи в числе многочисленных факторов социально-экономического развития и политической стабильности выделяют такие своеобразные составляющие, как сформировавшиеся в обществе социальные отношения, характер связи между различными хозяйственными субъектами и уровень доверия, существующий между ними, т.е. все то, что объединено в концепции социального капитала. Именно социальный капитал признан сегодня одним из действенных факторов социально-экономического развития общества.

Формирование социального капитала не осуществляется однолинейно и несет на себе печать культурного и исторического развития каждой отдельной страны, региона и организации, определяется ценностными приоритетами отдельных личностей. Все это предопределяет необходимость более глубокого и всестороннего исследования процесса формирования и развития социального капитала.

Несмотря на несомненную значимость и разработанность проблемы социального капитала, некоторые вопросы по-прежнему остаются дискуссионными и требуют дальнейшего изучения. В частности, одним из недостаточно исследованных остается вопрос формирования социального капитала этнической группы, которая рассматривается как единая, одномерная общность и полностью игнорируются ее внутренняя структура и особенности составляющих ее групп.

Изучение вовлеченности людей в группы, согласно некоторым западным исследованиям, становится все более значимым. Именно на такое исследование, проведенное американским социологом Р. Ватноу, ссылается один из «отцов-основателей» социально-экономического подхода к исследованию социального капитала

американский политолог Р. Патнэм в популярной работе «Bowling Alone», когда указывает, что 40% американцев подтверждают свою включенность в небольшие группы, члены которых регулярно собираются, поддерживают и заботятся друг о друге [1. Р. 65–78].

Социальный капитал является имманентной составляющей групп, и изучение его значения в формировании и развитии как самих групп, так и общества в целом занимает значительное место в западной экономической, социологической, этнографической, антропологической и политической науках. Именно в отношении локальных групп людей началось исследование социального капитала в том смысле, который в него вложил П. Бурдьё [2. Р. 51], американским общественным деятелем начала XX в. Л. Ханифаном [3, 4]. Проблему социального капитала группы исследовали Д. Джекобс [5], Г. Лоури [6], Х. Ох, М. Чанг и Дж. Лабянца [7], С. Пунчер [8], Р. Патнэм [1], М. Олсон [9] и др.

Такой интерес к исследованию социального капитала групп неслучаен и вызван тем, что «совокупная численность человеческих групп на Земле превышает численность населения в 1,5–2 раза» [10. С. 279], так как отдельный индивид может быть членом сразу нескольких групп. Если же учесть и тот фактор, что группы являются основой формирования таких неформальных институтов, как традиции, обычаи, и предопределяют правила и нормы поведения как внутри группы, так и в обществе в целом, то изучение социального капитала группы приобретает особое значение.

Принятые в пределах определенных групп принципы и правила поведения улучшают координацию совместной деятельности, упрощают обмен информацией, облегчают принятие решений и тем самым способствуют рациональному использованию имеющихся ресурсов и повышению эффективности коллективных действий.

В последние десятилетия начал возрастать интерес к этническим группам. Этническая принадлежность рассматривается как более значимый по сравнению с классовой принадлежностью «источник стратификации» [11; 12. Р. 7], как наиболее эффективный фактор «мобилизации ресурсов» [13. Р. 33] с целью достижения экономических, социальных или политических интересов, развития «этнического предпринимательства» [14. С. 144]. При этом этническая группа рассматривается как единая, одномерная общность.

В данной статье мы рассматриваем этническую группу как общность, состоящую из различных структурообразующих элементов, или подгрупп, и исходим из предположения, что характер формирования и размер группы влияют на внутригрупповые и межгрупповые взаимодействия, что предопределяет функционирование различных типов социального капитала в рамках этнической группы.

В данном исследовании, основываясь на социологической теории групп и теории социального капитала, мы осуществляем анализ историко-этнографических и социально-антропологических фактов формирования социального капитала самобытной этнической группы, проживающей в высокогорном районе Грузии Сванетии, формируем модель этнической группы и раскрываем специфику социального капитала составляющих ее структур. Такой подход способствует расширению и углублению понимания как внутренней структуры этнической группы и складывающихся в ее рамках социально-экономических связей, так и самой теории социального капитала.

1. Теория социального капитала в контексте теории групп

Общество не является однородным и состоит из совокупности разных групп. Общество, по сути, само является одной большой группой или, как указывал еще Аристотель, «все сообщества – это как бы члены государственного сообщества...» [15. С. 33].

Группа по своей природе является локальным объединением, условно обособленным образованием, носящим определенные специфические черты. Группы – это относительно самостоятельные, независимые объединения определенным образом взаимодействующих друг с другом людей, осознающих свою принадлежность к данной группе и считающихся членами этой группы с точки зрения других людей (Merton, 1968). Каждая группа характеризуется определенными отношениями, убеждениями, ценностными предпочтениями, а также доступом к ресурсам, возможностям и в конечном итоге – к власти [16. Р. 2].

Объединение людей в группы осуществляется на основе определенных критериев и принципов. Каузальное направление традиционной теории групп исходит из предположения, что формирование и существование групп основано на врожденной склонности людей к объединению. Сторонники же формального

направления традиционной теории групп придерживаются функционального подхода к объяснению причин образования групп и утверждают, что посредством объединения усиливается эффект совместных действий, благодаря чему достигается цель образования групп – получение некоего коллективного блага, выгодного как всей группе, так и ее отдельному члену, и которое невозможно получить без такого объединения [9. Р. 21]. Говоря другими словами, «привлекательность членства в группе не в самой принадлежности к ней, а в получении чего-либо посредством этого членства» [17. Р. 93]. Такой подход, развиваемый сторонниками формального направления традиционной теории групп, наиболее близок к идее социального капитала. Более того, рассмотрение социального капитала с точки зрения объединения людей в группы вполне оправданно ввиду того, что слово «социальный», этимологически происходящее от латинского «societas», т.е. «товарищеский, общественный, брачный, союзный», подразумевает связь людей, живущих в социуме, и наличие определенных общественных отношений между ними.

Социальный капитал основывается на обязательствах, ожиданиях, нормах, надежности, взаимном доверии, реципрокности (reciprocity), возникающих между людьми в результате их объединения в группы [18. Р. 95–120] и при использовании которых, благодаря координированию действий и сотрудничеству, можно получить больше выгоды и увеличить эффективность коллективных действий [19. Р. 169]. То есть основой формирования социального капитала является объединение субъектов социально-экономического взаимодействия, а сам социальный капитал является производной, результатом таких объединений.

Социальный капитал – это многосущностное явление, состоящее из определенных аспектов социальных структур, призванных облегчить действия обособленных, изолированных или корпорированных акторов, т.е. целенаправленных организаций (purposive organization), и создающих определенный тип структурированных социальных отношений между акторами [18. Р. 98]. Таким образом, социальный капитал, обладающий, по Дж. Коулману, структурной сущностью, является действенным инструментом анализа экономических систем, социальных организаций и прочих групп.

Вступая в группу или находясь в ней, индивиды мотивированы определенными интересами, удовлетворение которых они стремятся получить через членство в группе. Посредством такого объединения образуются определенные связи, на основе которых формируется социальный капитал группы. Именно наличие общих интересов и расчет на получение определенных выгод являются основой формирования групп [9. Р. 21; 20. Р. 211; 21. Р. 48–63; 22 и др.].

Группы различаются по своим количественным и качественным характеристикам и могут быть дифференцированы как по размеру, так и по структуре. Принято выделять большие и малые группы, которые, по-

мимо размера, различаются характером господствующих в них социально-экономических, моральных и прочих взаимоотношений.

Размер группы, особенности ее структуры, степень устойчивости взаимосвязей и другие характеристики предопределяют успех коллективных действий при использовании общих ресурсов и оказывают значительное влияние на особенности формирования внутригруппового взаимодействия ее членов, на специфику функционирования социального капитала и, таким образом, на эффективность экономического взаимодействия.

Классическая теория групп рассматривает малую группу как элемент социальной структуры, особый вид социальной микросистемы, с одной стороны, зависящий от особенностей функционирования и развития общества, составной частью которого эта группа является, и, с другой стороны, относительно самостоятельный субъект общественных отношений, в свою очередь оказывающий влияние на функционирование общества.

Малые группы характеризуются такими признаками, как немногочисленность (2–20 человек), общность ценностей и норм поведения, устойчивость и непосредственность межличностных контактов, системность совместной деятельности.

Основным принципом объединения в малые группы является свобода сотрудничества, мотивированная духом общности, когда каждый вносит свой вклад в общее дело в соответствии со своими способностями [12. Р. 119].

Выделяют «первичные» и «вторичные» малые группы. В первичных малых группах происходит первоначальная социализация человека, овладение им социальными нормами и ценностями. Эти группы характеризуются неформально основанными межличностными связями, непосредственными контактами, общностью интересов и эмоциональной вовлеченностью ее членов в дела группы, что способствует достижению высокой степени идентификации группы с ее членами, прозрачности взаимодействия, росту доверия между членами группы и, как следствие, – повышению экономической результативности группы.

Вторичные малые группы представляют собой в большей степени формализованное, носящее обезличенный характер объединение людей для достижения совместных целей. Как правило, эти группы являются более многочисленными.

Малые группы входят в состав больших групп.

Отношения людей в больших группах не обусловлены непосредственными личными контактами своих членов, т.е. по своей сути являются вторичными и характеризуются наличием определенных устойчивых общих ценностей, интересов, норм поведения и механизмов регулирования социальной, экономической и политической жизни. Большие группы имеют более сложную по сравнению с малыми группами структуру. Они состоят из множества малых групп, имеющих свои собственные интересы и ценности, и, в свою очередь, являются составной частью общества как еди-

ного целого. Как малые, так и большие группы действуют «для получения коллективного блага, которое по своей природе выгодно для всех членов группы» [9. Р. 21].

Членство в той или иной группе может быть как результатом *формальной принадлежности*, т.е. исходить из осознанного (свободного или вынужденного) *личного выбора* человека, так и результатом *естественной*, т.е. заданной от рождения, *принадлежности*, когда человек не выбирает группу, а «рождается в ее пределах и становится ее частью посредством эмоциональных и символических уз» [23. Р. 401–411]. При этом принятие этих «уз» может быть не только результатом естественной принадлежности, но и осознанного выбора личности. Человек, рождаясь в определенной среде (семье, общине, конфессии и проч.), в процессе социализации воспринимает субкультуру этой среды на уровне естественной принадлежности. Но человек может принять субкультуру иной среды посредством осознанного личного выбора, т.е. может сменить свою «естественную принадлежность», например, в результате изменения убеждений. При этом некоторые аспекты естественной принадлежности, такие, как место жительства, гражданство или вероисповедание, могут поддаться смене, тогда как смена других (например, места рождения, расы, этноса) изменению не поддается.

Исходя из таких вводных, этническая группа рассматривается нами как основанная на естественной принадлежности большая группа, состоящая из множества разнотипных малых групп, в рамках которых функционирует социальный капитал разных видов.

Как указывает исследователь этнографических групп Е. Фурсова, «каждая конкретная этнографическая группа имеет тот «стержень», вокруг которого она сформировалась» [24. С. 265]. В качестве такого «стержня» могут быть выделены особенности этнической истории, включающей процессы переселения и ассимиляции, длительная изоляция населения, конфессиональная, сословная, кастовая идентичность и т.д.

Именно с этой точки зрения нами рассмотрена этническая группа сванов и ее социальный капитал.

2. Методы исследования и анализ данных

Данное исследование основывается на социологической теории групп, развитой Чарльзом Кули и Мансуром Олсоном, на социологической теории социального капитала, разработанных Пьером Бурдьё, Джеймсом Коулманом и Робертом Патнэмом, а также на анализе историко-этнографических фактов формирования социального капитала одной из этнических групп высокогорья Грузии – Сванетии.

Выбор Сванетии и ее населения как объекта исследования не был случаен и обуславливался историко-географическими факторами развития этого региона, которые вкратце описаны в параграфе 3 нашей статьи.

В качестве основной гипотезы исследования берется предположение, что характер и размер группы

вливают на внутригрупповые и межгрупповые взаимоотношения, на формирование и особенности проявления различных типов социального капитала.

Эмпирическую основу данного исследования составляют проведенные авторами в 2019–2021 гг. полуструктурированные интервью. На основе случайной выборки для интервью были отобраны информанты старшей (50+) возрастной категории, которые были расценены нами как лица, память которых хранит более полные, неискаженные и последовательные воспоминания, предания, рассказы и знания относительно традиций, реальных историй и повседневных практик, связанных с межличностными и межгрупповыми взаимоотношениями в пределах определенной этнической группы и способствующих более глубокому пониманию особенностей формирования и функционирования социального капитала сванов как этнической группы.

Нашими информантами выступили сваны, проживающие как в самой Сванетии, так и в других регионах Грузии, в частности в городах Кутаиси, Тбилиси, Самтретиа, Зестафони и Зугдиди.

В ходе исследования были опрошены 23 человека в возрасте от 51 до 70 лет. Из них 13 информантов – женщины и 10 информантов – мужчины. Мы намеренно не стремились уравнивать число опрошенных мужчин и женщин из соображений среднестатистического соотношения мужского и женского населения старшей возрастной категории в Грузии, в которой женское население превалирует над мужским.

Продолжительность интервью составляла 55–70 минут. Возраст информантов указан на момент взятия интервью.

Помимо интервью было произведено комплексное изучение архивных материалов, собранных сначала в 1997 г. сотрудниками научно-исследовательского института грузинской диалектологии, а затем в 2004–2005 гг. сотрудниками научно-исследовательского центра картвелологии государственного университета им. Акакия Церетели. Изученные этнографические материалы предстают собой оцифрованные переводы со сванского на грузинский язык нарративных интервью с членами общины Латали, расположенной в Верхней Сванетии и состоящей из десяти деревень, а также с жителями села Меле, находящегося в Лентекском муниципалитете Нижней Сванетии. Эти интервью были записаны на 35 кассетах и вмещают более 30 историй. Кассеты вместе с оцифрованными версиями на сванском языке, а также их переводов на грузинский язык общим объемом в 246 323 грузинских слова, или 748 777 печатных знаков без пробелов, хранятся в архиве научно-исследовательского центра картвелологии им. профессора Тариела Путкардзе Государственного университета имени Акакия Церетели.

Сбор и анализ полуструктурированных интервью были проведены в контексте теории групп и теории социального капитала и были ориентированы на выявление характера и особенностей взаимосвязи между представителями различных (малых и больших, первичных и вторичных) групп сванов. На этой основе

мы стремились углубить понимание внутренней структуры этнической группы и складывающихся в ней социально-экономических взаимосвязей, определить особенности формирования социального капитала конкретных структурообразующих составляющих этнической группы. Для этой же цели последовательно были проанализированы также и нарративные интервью, собранные в процессе этнографических экспедиций, и изучен каждый отдельный случай, рассказанный информантами. Затем, используя метод аналитической абстракции, методы индукции, группировки, анализа и синтеза, была произведена интерпретация как полуструктурированных, так и нарративных интервью и выделены отдельные составляющие социального капитала сванов, что позволило нам сформировать модель этнической группы и раскрыть специфику социального капитала каждой из ее структурных элементов.

3. Краткий историко-географический экскурс

Сванетия – один из самых высокогорных районов Грузии. Коренное население этого района Грузии – сваны – представители картвельской группы кавказской семьи, говорящие на собственном языке, относящемся к сванской группе картвельских языков и считающихся одним из самых старых и дифференцированных языков мира [25. Р. 1; 26. Р. 6].

Первое упоминание о сванах восходит к греческому географу и историку Страбону (Strabonis), который в своей знаменитой «Географии» рассматривал сванов как обособленную группу людей, заселяющую высоты Кавказа над Диоскурией (Сухуми) [27].

В результате длительных изоляций, вызванных затяжными региональными похолоданиями V–X и XIII–XIX вв., жители этого высокогорного района Грузии вели и по сей день сохранили самобытный образ жизни, сочетающий древнюю языческую и христианскую религии, традиционную вражду и гостеприимство, являющиеся частью повседневной жизни сванов и их семей.

В античный период и раннее Средневековье по территории Сванетии через Кодорское ущелье проходил военно-торговый путь с Северного Кавказа к построенным еще древними греками торговым фортам Черного моря, а оттуда – к странам Центральной и Северной Европы, а также в Византию.

С конца X в., в период потепления климата (так называемый Средневековый климатический оптимум), от ледников освободились дороги, соединяющие Северный Кавказ и Сванетию, и грузинские цари начинают развитие Грузии как регионального лидера, для которого было крайне важным построение отношений с северными народами. Именно в это время сформировалась роль Сванетии как северокавказского форпоста, призванного обеспечить, с одной стороны, безопасность Грузии, а с другой стороны, способствовать расширению границ в северном направлении. Государственная политика,

осуществляемая по отношению к Сванетии, была направлена на превращение этого края в военный, религиозный и культурный центр Кавказа.

Упорядоченная и благополучная жизнь сванов непосредственно основывалась на регулировании общественных отношений, важной составляющей которых был порядок взаимодействия членов локально существующих малых групп и прежде всего семей и родовых общин.

4. Внутренняя структура этнической группы

4.1. Семьи и родовые общины

Семья является основой формирования любого общества. Семья – это основанное на браке и кровном родстве объединение людей, связанных общим бытом, ведущих совместное хозяйство и несущих ответственность друг перед другом и друг за друга.

Семья, как одна из разновидностей первичных малых групп, характеризуется прямыми (лицом к лицу) контактами между людьми, находящимися в непосредственной взаимосвязи и взаимодействии друг с другом [23. Р. 23]. Семья, согласно Ф. Тённису, представляет собой составную часть «общности» (*Gesellschaft*), т.е. основанной на эмоциональных, духовных и родственных связях социальной организации, в которую люди объединены неосознанно, опираясь на традиции и общие ценности, и включает в себя отношения между матерью и ребенком, между супругами, между братьями и сестрами [28. Р. 22–25].

Являясь нерыночной, неконкурентной группой, семья как основанное на совместной собственности на средства производства домохозяйство и все ее члены заинтересованы в получении некоего коллективного блага, объем которого непосредственно связан с количеством участников производства этого блага, являющегося общедоступным и совместно потребляемым всеми членами домохозяйства. Создание коллективного блага представляет собой ту цель, которую преследует каждый член семьи и которая сочетает общие и частные интересы.

Что являлось коллективным благом для сванской семьи? Ответ на этот вопрос заключается в особенностях исторически сложившегося быта сванов.

В условиях сурового высокогорного климата, нестабильной политической ситуации и периодически возникающих межсемейных распрей особое значение приобретала необходимость физического выживания и, следовательно, обеспечения безопасности. Весь жизненный уклад сванов был направлен на достижение этой цели, что требовало значительных материальных и людских ресурсов. Поэтому семьи, являясь простейшей формой контрактов и обмена [29] и будучи «кооперативным сообществом, учреждаемым в целях потребления средств существования и воспроизводства рабочей силы» [28. Р. 170], были заинтересованы в увеличении своей численности.

В таких условиях наличие детей, и особенно сыновей, становилось настоящей необходимостью. Дети придавали семье и родителям морально-социальную значимость и экономическую силу.

Эта необходимость в детях могла принять несвойственные христианской религии формы. В частности, если у четы не было потомства, супруги могли не только усыновить чужих, но глава семьи, с согласия супруги и других членов семьи, мог обзавестись второй женой.

Значение численности семьи подтверждается и тем фактом, что в рассказах ряда информантов в том или ином контексте упоминается проклятие, в котором звучит фраза: «чтобы ты/вы размножил(ся/ась)/ись до двенадцати, а потом чтобы вновь один остался». В этом проклятии прослеживается пожелание не только уменьшения численности семьи, но утраты членов семьи, что наносит семье большую психологическую травму.

Кроме того, стремлению к сохранению численности семьи подчинялся и глубоко укоренившийся у сванов институт кровной мести, когда за преднамеренное или случайное убийство члена семьи родственники мстили семье убийцы.

Кровная месть в первую очередь несла нравственную нагрузку – наказание обидчика, защита члена семьи и взаимная ответственность членов семьи. Кроме того, кровная месть имела и социально-правовую составляющую – коллективная ответственность за деяние члена семьи. Помимо этого, институт кровной мести имел также экономическое значение, что было связано со стремлением уменьшить численность рабочей силы семьи-обидчика и таким образом нанести ей ущерб.

В поисках более «цивилизованного» пути решения подобных конфликтов был создан институт «присяжных», состоявший из специально выбранных двенадцати человек, который при помощи так называемых медиаторов рассматривал каждый случай убийства. После этого посредством принятых в Сванетии института «клятвы в церкви», «клятвы на иконе», стороны принуждали к примирению под давлением экономических санкций. Таким образом, материальная составляющая кровной мести приобрела большее значение.

Помимо семьи, в горах Грузии истари особое место занимал институт общины. Изначально сванская община строилась на основе родства (однофамильности) и отличалась высоким уровнем доверия, взаимности и сплоченности.

Семьи и родовые общины часто противостояли нападением соседних семей и родовых общин и отстаивали свою самостоятельность и экономическую независимость.

Именно большие семьи и родовые общины могли оградить себя от посягательств соседних семей, для чего возводили родовые башни, в которых укрывались в случае конфликтов и, в свою очередь, посягали на чужие земли в стремлении увеличить свое благосостояние.

Большая семья, родство на основе однофамильности до сих пор имеют большое значение.

Для сванской семьи были характерны особые межличностные взаимоотношения, основанные на принципах высокого доверия и психологической близости, на взаимоподдержке и внимании, что полностью соответствует структуре внутрисемейного социального капитала, предложенной Коулманом [18].

Стабильность сформированных в пределах семьи/общины межличностных отношений обусловлена тем фактором, что сваны в основном эндогамны, ввиду того что женщины из равнинной части Грузии редко вступали в брак с жителями высокогорья [30]. Это, с одной стороны, снижало уровень социальных обменов между жителями гор и низменности и, с другой стороны, ограничивало гибридизацию населения и не приносило в быт никаких чуждых сванской культуре элементов, что объясняет сохранение сложившегося образа жизни сванов.

Все члены семьи, основываясь на половозрастном разделении труда, осуществляли между собой не гарантированные формальными контрактами различные виды обмена, посредством чего обеспечивалось материальное благосостояние семьи и защита от посягательств врагов. Совместное проживание и непосредственные контакты, сильные неформальные институты, такие как семейные связи и основанные на них нормы и правила поведения, способствовали согласованности деятельности членов семьи, реципрокности взаимоотношений, повышению уровня доверия в пределах домохозяйства. Все это ограничивало вероятность оппортунистического поведения и делало взаимоотношения внутри семьи прозрачными и открытыми.

В результате повышалась эффективность экономической деятельности большой семьи, что позволяло ей производить больше продуктов и, как следствие, иметь сравнительно более высокие доходы.

Ввиду характера сложившихся взаимоотношений семья и родовые общины можно отнести к основанным на естественной принадлежности малым первичным группам. Семьи и родовые общины сванов отличаются высоким уровнем доверия, близостью отношений. Они характеризуются стойкостью социальной идентичности и сильными внутригрупповыми связями, что, согласно типологизации социального капитала [1. Р. 22–24; 31; 32], представляет собой сплачивающий (Bonding) социальный капитал.

Если внутрисемейные и внутриродовые отношения строятся на основе кровного родства и общности интересов, то межсемейные и межродовые отношения носят уже характер основанного на принципе определенной местности соседства, т.е. формируются на основе географической близости, образуя деревни и территориальные общины.

4.2. Соседство и деревня

Месторасположение, площадь и рельеф земли не позволяли формировать крупные населенные пункты. В конце XIX в. в Сванетии было более 140 деревень. Несколько семей, находящихся в непосредственной близости друг от друга, становились соседями и образовывали деревню. Деревни располагались вдоль ущелий и группировались по территориальному принципу.

Согласно классификации Ф. Тённиса [28. Р. 27–29], *соседство* (наряду с дружбой) рассматривается как вторая составная часть «общности» (Gesellschaft).

Несмотря на свою относительную многочисленность, специфика сложившихся в сванских деревнях межсемейных (соседских) отношений позволяет причислить их к основанным на естественной принадлежности (место рождения) вторичным малым группам, сравнительно легко поддающимся изменению (смена места жительства).

Постоянные контакты, общие проблемы (климатические, политические, экономические и т.д.) и сходство интересов, направленных на обеспечение безопасности и самосохранение, приводили к необходимости неформального налаживания связей для получения взаимной поддержки, особенно в критических ситуациях.

Так, кончина и связанные с ней ритуалы погребения предполагали присутствие родных и близких (родственников и соседей) в период прощания с усопшим и в день его/ее похорон.

Истари в Сванетии был распространен простой способ трудовой кооперации, предполагавший безвозмездную помощь соседям в сборе урожая или покосе взамен на такую же помощь.

Однако межсемейные отношения носили двоякий характер и взаимоотношения между соседями не исключали противостояния различных интересов, выразившихся в периодических межсемейных конфликтах, посредством которых каждая семья стремилась максимизировать свои краткосрочные экономические интересы.

Противостояние семей могло произойти из-за стремления к переделу земель и пастбищ или из-за похищения женщины и т.д. По разным причинам противостояния возникали и между соседствующими селами.

Все эти конфликты, вызванные стремлением к частной семейной (материальной или моральной) выгоде, снижали уровень доверия между соседями. В результате такого противостояния все семьи оказывались в худшем положении, чем если бы они действовали совместно, так как только коллективные действия субъектов способствуют получению «кооперативного дивиденда сверх того, что они имели бы, оставаясь в плохом равновесии» [33. С. 17].

Таким образом, несмотря на постоянные контакты и сходство интересов и проблем, между соседствующими семьями и деревнями периодически возникали конфликты, что значительно снижало уровень межгруппового доверия и взаимность, формировались горизонтальные межгрупповые

отношения, характерные [34, 35] для так называемого вспомогательного (Bridging) социального капитала.

Негативные последствия эгоистического стремления к индивидуальной выгоде регулировались формальной властью территориальных общин, устанавливавших нормы сосуществования, т.е. взаимодействовали с помощью формальной или институциональной власти.

4.3. Территориальные общины

Территориальные общины Сванетии представляли собой четко определенный и организованный союз, подчиненной частью которого были состоявшие из нескольких семей деревни.

Изначально территориальные общины состояли из представителей одной фамилии. Территориальные общины руководились специально избранными людьми, которых в Сванетии называли «махвши». Махвши отличались умом и отвагой, были справедливы и строги, следовали христианским заповедям и жили по религиозным правилам. В мирное время махвши руководили общиной, определяли границы земельных участков и при участии четырех или пяти членов общины лично рассматривали спорные вопросы, решение по которым иногда могло занимать несколько лет. В случае необходимости махвши собирали общее собрание, а в военное время стояли во главе армии.

По своей природе территориальные общины являются демократическим образованием, которое решало все спорные вопросы на основе голосования. В голосовании принимали участие все жители общины вне зависимости от пола [30. Р. 56; 36. Р. 228–229].

Между территориальными общинами формировались горизонтальные взаимосвязи, которые особенно усиливались в периоды общих проблем – политических или природных катаклизмов.

Подобные проблемы решались посредством формальной власти общего собрания, образованного на основе территориальных общин Объединенной общины Сванетии, так называемое Хеви, и избранного им руководителя [30. Р. 95; 36. Р. 228]. Установленная таким образом система общего правления сообщала решала все значимые для общин вопросы. Она была нацелена на единение своих членов, оказание совместными усилиями противостояния внешним врагам и формирование вооруженных отрядов для совместной защиты общей собственности – пастбищ, церквей и хранящихся в них утвари и предметов культуры.

Так, по всей вероятности, имели место случаи игнорирования членами территориальных общин необходимости участия в военных действиях против внешних врагов. Об этом может свидетельствовать тот факт, что общим собранием было предусмотрено наказание деревни или семьи в случае неподчинения «правилу присоединения» для участия в походе. За подобные действия, рассматриваемые как измена, формальная власть общего собрания принуждала

виновника к наказанию в виде штрафа и/или изгнания из общины [30. Р. 130].

Территориальные общины и Объединенные общины Сванетии (Хеви), как основанные на формальной принадлежности вторичные группы, являлись результатом осознанного выбора, исходящего из необходимости единения для достижения такого общего блага, как безопасность, самосохранение, справедливость и спокойствие в общине.

Доминирование частных внутрисемейных интересов в рамках территориальных общин приводило к «проблеме безбилетника» и вызывало необходимость минимизировать негативные последствия оппортунистического поведения отдельных семей и/или их членов, что осуществлялось посредством принятия формальных правил регулирования взаимодействий, осуществляемых по нисходящей вертикали от Объединенного Хеви Сванетии к территориальным общинам. Это взаимодействие наделенных властью структур привело к формированию так называемого связующего (Linking) социального капитала. Принятые таким образом нормы социального и экономического взаимодействия, сдерживающие эгоистические устремления, носили принудительный характер и способствовали достижению общих интересов на благо всего сообщества.

4.4. Религия

Социальный капитал сванов формировался также на уровне такой, основанной преимущественно на естественной принадлежности большой группы, как религия, являющейся выражением «неисчерпаемости и неуничтожимости семейной морали, укорененной в биологическом воспроизводстве» [37].

Вероисповедание было одной из наиболее важных составляющих совместного сосуществования территориальных общин Сванетии. Об этом свидетельствуют практически все рассказы информантов.

Христианская религия сванов, так же как и жителей других высокогорных районов Грузии, не была типичной, и язычество оказывало значительное влияние на вероисповедание людей, придавая особые черты как самой христианской религии, так и образу жизни сванов.

Все сваны, независимо от того, к какой территориальной общине, семье или фамилии они принадлежали, соблюдали христианские обычаи и чтити православные традиции. Непосредственно в церкви и посредством церкви происходило примирение враждующих или конфликтующих сторон. Именно вероисповедание являлось тем «клеем», который, с одной стороны, объединял сванское население и, с другой стороны, связывал население Сванетии с другими православными регионами.

Религия играла и продолжает играть в Грузии большую роль, и общегрузинское самосознание формировалось под культурным влиянием Грузинской православной церкви [38. Р. 31]. Христианская церковь обладала высоким авторитетом и в жизни Сванетии. Она была наделена наибольшей политической и экономической властью, которой подчинялось все население.

Церковь выступала инициатором и посредником всех светских дел, исполняла роль судьи при улаживании межсемейных и межобщинных конфликтов. Во время нашествия врагов религия объединяла людей, а церковь служила укрытием как для мирного населения, так и для религиозного и художественного наследия – икон, иллюстрированных рукописей, золотых и серебряных церковных изделий и т.д. [26. Р. 7].

Территориальные общины имели главные храмы, а в каждой деревне функционировали и собственные христианские церкви, где проводились совместные молебны и решались локальные задачи. Такую роль церковь сохранила и по сей день.

Совместные молебны способствовали сближению прихожан и укреплению этнической идентичности, формированию у них общих интересов и целей, которые полностью соответствовали основным христианским правилам и догмам и усиливали чувство взаимной поддержки, доверия и сплоченности.

Для образованных подобным путем в рамках большой группы малых групп естественной принадлежности были характерны непосредственность и близость отношений, при этом сохранялась открытость для единомышленников, что вело к усилению взаимности и доверия. Таким образом церкви и религия противостояли эгоистическим устремлениям отдельных семей и способствовали расширению взаимосвязей, т.е. формированию социального капитала открытого типа (Bridging) (рис. 1).

Такие отношения придавали основанной на естественной принадлежности большой группе большую сплоченность и силу, что в значительной степени проявлялось в критических (войны, распри) ситуациях.

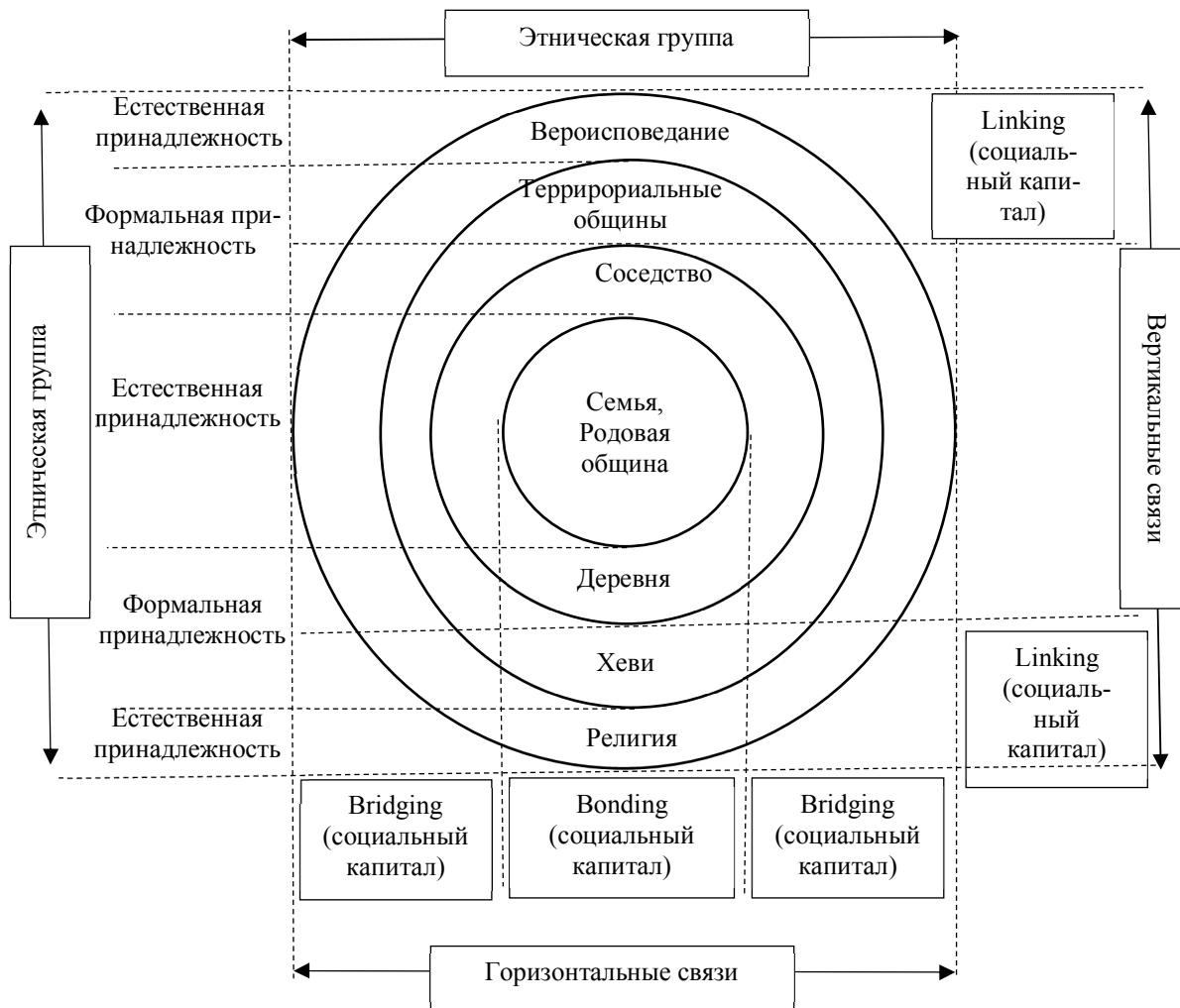

Рис. 1. Модель социального капитала этнической группы

Дискуссия и заключение

Формирование сванов как особой этнической группы и особенности ее социального капитала в значительной степени предопределено как географическим местоположением ее территории, так и историческим развитием этого региона.

Основной целью формирования групп и, соответственно, социального капитала всех уровней явилось самосохранение как на уровне семей, так и на уровне этноса. Эта цель была достигнута, а сваны и по сей день остаются одной из наиболее колоритных этнографических групп Грузии. Улучшение материального благосостояния рассматривалось лишь как способ сохранения независимости семьи – и здесь уже, основываясь на принципе конкуренции, некоторые семьи достигали этой цели.

В пределах основанной на естественной принадлежности малой первичной группы (семьи) при персонифицированном и постоянном взаимодействии возникают «близкие» связи людей, формируется социальный капитал закрытого типа (Bonding), характеризующийся высоким уровнем внутригрупповой лояльности и доверия, предсказуемостью поведения, стремлением сохранения самобытности и приверженностью общим целям и ценностям, когда благополучие одного является залогом благополучия других.

По мере увеличения численности группы и перехода к основанным на формальной принадлежности вторичным малым (соседство, деревня, территориальная община) и большим (Объединенное Хеви Сванетии) группам увеличивается их неоднородность, снижается степень близости отношений и уровень доверия, усложняется достижение консенсуса, возникают конфликты

интересов и необходимость их регулирования посредством формальной власти, что формирует связующий (Linking) социальный капитал.

В пределах религии, основанной на естественной принадлежности к большой группе, взаимоотношения людей строятся на основе этических норм и принципа «обычной справедливости», которая во многих случаях исходит из церковной морали и не требует непосредственного контроля за действиями членов группы, хотя не исключает применения нормативных санкций. Совместные же молебны способствовали формированию вспомогательного (Bridging) социального капитала, что придавало основанной на естественной принадлежности большой группе еще большую сплоченность и направляло на достижение общей цели.

Таким образом, размер группы и способ ее формирования (естественная или формальная принадлежность группе) оказывают значительное влияние на характер внутригруппового и межгруппового взаимодействия ее членов и на особенности функционирования социального капитала, способствуя достижению именно тех общих для групп целей, которые лежат в основе их формирования. При этом естественная принадлежность группе оказалась наиболее действенным фактором формирования и функционирования социального капитала.

Предложенное видение вопроса никоим образом не претендует на то, чтобы сделать окончательные выводы по данному вопросу, но развивает подход, который может быть использован для исследования внутренней структуры социального капитала групп, а также предлагает идеи, которые могут способствовать дальнейшим размышлениям и дискуссиям.

Список источников

1. Putnam R.D. Bowling alone: America's declining social capital // *Journal of Democracy*. 1995. № 6 (1). P. 65–78.
2. Bourdieu P. The forms of capital // J. Richardson (Ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York; Greenwood, 1986. P. 241–258.
3. Hanifan L.J. The Rural School Community Center // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1916. № 67. P. 130–138.
4. Hanifan L.J. *The Community Center*. Boston; New York; Chicago; San Francisco : Silver, Burdett & Company, 1920. URL: <https://archive.org/details/communitycenter00hani/page/n4/mode/1up?ref=ol&view=theater>
5. Jacobs J. The death and life of great American cities. New York: Random House, 1961. URL: http://www.petkovstudio.com/bg/wp-content/uploads/2017/03/The-Death-and-Life-of-Great-American-Cities_Jane-Jacobs-Complete-book.pdf
6. Loury G. A Dynamic Theory of Racial Income Differences // *Women, Minorities, and Employment Discrimination* / P.A. Wallace, A. LaMond (eds.). Lexington, Mass. : Lexington Books, 1977. P. 153–188.
7. Oh H., Chung Myung-Ho, Giuseppe L. Group Social Capital and Group Effectiveness: The Role of Informal Socializing Ties // *Academy of Management Journal*. 2004. № 47 (6). P. 860–875.
8. Puntcher S., Cristoph H., Janette W., Gottfried T. The Impact of Social Capital on Subjective Well-being: A Regional Perspective // *Journal of Happiness Studies*. 2015. № 16 (5). P. 1231–1246. doi: 10.1007/s10902-014-9555-y
9. Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. 12-th printing. Harvard University Press, 2002.
10. Бельский В., Кравченко А., Курганов С. *Социология для юристов : учеб. пособие для вузов*. 2-е изд. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
11. Briggs X. de S. Bridging Networks, Social Capital, and Racial Segregation in America / John F. Kennedy School of Government. Faculty Research Working Paper Series Paper RWP02-011. 2003. URL: <https://research.hks.harvard.edu/publications/getFile.aspx?Id=35>
12. Glazer N., Moynihan D.P. (eds.) *Introduction Ethnicity. Theory and Experience*. Cambridge : Harvard University Press, 1975.
13. Parkin F. *Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique*. London : Tavistock Publications, 1979.
14. Нуреев Р., Латов Ю. Человеческий и социальный капитал как основа современной экономики // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2010. № 5. С. 139–154.
15. Аристотель. *Никомахова этика* // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М. : Мысль, 1984.
16. Narayan D. Bonds and Bridges: Social Capital and Poverty // *Poverty Group, PREM, World Bank*. 1999. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/989601468766526606/107507322_20041117172515/additional/multi-page.pdf
17. Festinger L. Group attraction and membership, group dynamics // D. Cartwright, A. Zander (ed.). *Group dynamics research and theory*. Row, Peterson, 1953.
18. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. 1988. № 94. P. 95–120.

19. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York : Simon & Schuster, 2000.
20. Bentley A. *The Process of Government: A Study of Social Pressures*. Indiana : Principia Press, 1949.
21. Cattell R.B. Concepts and methods in the measurement of group syntality, Small Groups // *Psychological Review*. 1948. № 55 (1). P. 48–63. doi: 10.1037/h0055921
22. Cooley C.H. *Social Organization: A Study of the Larger Mind*. New York : Charles Scribner's Sons, 1909. URL: <https://archive.org/details/socialorganizati00cool/page/n5/mode/2up?ref=ol&view=theater>
23. Berghe P.L. Race and ethnicity: Sociobiological perspective // *Ethnic and Racial Studies*. 1978. № 1 (4). P. 401–411.
24. Фурсова Е. Этнографические и этнические группы: проблема их идентификации и методов исследования // *Рябининские чтения–2003 : сб. науч. докл. IV науч. конф. / отв. ред. Т.Г.Иванова. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2003. С. 263–265.*
25. Yardumian A., Shengelia R., Chitanava D., Laliashvili S., Bitadze L., Laliashvili I., Villanea F., Sanders A., Azzam A., Groner V., Edleson K., Vilar M.G., Schurr T.G. Genetic diversity in Svaneti and its implications for the human settlement of the Highland Caucasus // *American Journal of Biological Anthropology*. 2017. № 164 (4). P. 1–16. doi: 10.1002/ajpa.23324
26. Yardumian A. *Genetic Diversity in Svaneti and Highland Western Georgia : PhD dissertation In Anthropology. University of Pennsylvania, 2015.*
27. Kauhchishvili T. *The geography of Strabo: Information on Georgia. Georgian Academy of Science, Institute of History, 1957. (In Georgian).*
28. Tönnies F. *Community and Civil Society*. Cambridge University Press, 2001.
29. North D.C. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. URL: <https://books.google.fr/books?id=oFnWbTqgNPYC&printsec=frontcover&hl=fr#v=onepage&q&f=false>
30. Topchishvili R. *Svaneti and its inhabitants (Family Names and Ethno-historical Studies)*. Tbilisi : Universali, 2015. (In Georgian). URL: https://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/359654/1/Svaneti_Da_Svaneti_Mkvidrni.pdf
31. Saiyedatun N. Bonding and bridging social capital: A focus on the Bangladeshi Community in the UK // *The International Journal of Interdisciplinary Social and Community Studies*. 2017. № 12 (2). P. 35–53. doi: 10.18848/2324-7576/CGP/v12i02/35-53
32. Larsen L., Harlan S., Bolin R., Hackett E.J., Hope D., Kirby A., Nelson A., Rex T.R., Wolf S. Bonding and Bridging Understanding the Relationship between Social Capital and Civic Action // *Journal of Planning Education and Research*. 2004. № 24 (1). P. 64–77.
33. Капелюшников П.И. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике – 2009 // *Экономический журнал ВШЭ*. 2010. № 1. С. 12–69.
34. Paxton P. Is Social Capital Declining in the United States? A Multiple Indicator Assessment // *American Journal of Sociology*. 1999. № 105 (1). P. 88–127.
35. Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // *Sociological Theory*. 1983. № 1. P. 201–233.
36. Shavianidze D. *Svaneti: Historical- Ethnographic essays*. Akaki Tsereteli State University, 2022.
37. Беккер В. Сообщество и общество: Об основных понятиях социальной философии и некоторой исторической неизбежности // *Симпозиум*. 1995. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000048/index.shtml>
38. Bukhrashvil P. Saint George the Great Knight. Tbilisi, 2014 (Supplement to Amirani Journal, 25). URL: http://eprints.iliauni.edu.ge/1605/1/giorgi_paata.pdf

References

1. Putnam, R.D. (1995) Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*. 6 (1). pp. 65–78.
2. Bourdieu, P. (1986) The forms of capital. In: Richardson, J. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York; Greenwood. pp. 241–258.
3. Hanifan, L.J. (1916) The Rural School Community Center. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 67. pp. 130–138.
4. Hanifan, L.J. (1920) *The Community Center*. Boston; New York; Chicago; San Francisco: Silver; Burdett & Company. [Online] Available from: <https://archive.org/details/communitycenter00hani/page/n4/mode/1up?ref=ol&view=theater>
5. Jacobs, J. (1961) *The death and life of great American cities*. New York: Random House. [Online] Available from: http://www.petkovstudio.com/bg/wp-content/uploads/2017/03/The-Death-and-Life-of-Great-American-Cities_Jane-Jacobs-Complete-book.pdf
6. Loury, G. (1977) A Dynamic Theory of Racial Income Differences. In: Wallace, P.A. & LaMond, A. (eds) *Women, Minorities, and Employment Discrimination*. Lexington, Mass.: Lexington Books. pp. 153–188.
7. Oh, H., Chung Myung-Ho & Giuseppe, L. (2004) Group Social Capital and Group Effectiveness: The Role of Informal Socializing Ties. *Academy of Management Journal*. 47 (6). pp. 860–875.
8. Puntscher, S., Cristoph, H., Janette, W. & Gottfried, T. (2015) The Impact of Social Capital on Subjective Well-being: A Regional Perspective. *Journal of Happiness Studies*. 16 (5). pp. 1231–1246. doi: 10.1007/s10902-014-9555-y
9. Olson, M. (2002) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. 12th printing. Harvard University Press.
10. Bel'skiy, V., Kravchenko, A. & Kurganov, S. (2011) *Sotsiologiya dlya yuristov [Sociology for lawyers]*. 2nd ed. Moscow: YuNITI-DANA.
11. De Sousa Briggs, X. (2003) *Bridging Networks, Social Capital, and Racial Segregation in America*. John F. Kennedy School of Government. Faculty Research Working Paper Series Paper RW02-011. [Online] Available from: <https://research.hks.harvard.edu/publications/getFile.aspx?Id=35>
12. Glazer, N. & Moynihan, D.P. (eds) (1975) *Ethnicity. Theory and Experience*. Cambridge: Harvard University Press.
13. Parkin, F. (1979) *Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique*. London: Tavistock Publications.
14. Nureev, R. & Latov, Yu. (2010) Chelovecheskiy i sotsial'nyy kapital kak osnova sovremennoy ekonomiki [Human and social capital as the basis of modern economics]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*. 5. pp. 139–154.
15. Aristotle. (1984) *Nicomachean Ethics*. In: *Writings*. Vol. 4. Moscow: Mysl.
16. Narayan, D. (1999) *Bonds and Bridges: Social Capital and Poverty*. Poverty Group, PREM, World Bank. [Online] Available from: https://documents1.worldbank.org/curated/en/989601468766526606/107507322_20041117172515/additional/multi-page.pdf
17. Festinger, L. (1953) Group attraction and membership, group dynamics. In: Cartwright, D. & Zander, A. (eds) *Group dynamics research and theory*. Row, Peterson.
18. Coleman, J.S. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. 94. pp. 95–120.
19. Putnam, R.D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
20. Bentley, A. (1949) *The Process of Government: A Study of Social Pressures*. Indiana: Principia Press.
21. Cattell, R.B. (1948) Concepts and methods in the measurement of group syntality, Small Groups. *Psychological Review*. 55 (1). pp. 48–63. doi: 10.1037/h0055921
22. Cooley, C.H. (1909) *Social Organization: A Study of the Larger Mind*. New York: Charles Scribner's Sons. [Online] Available from: <https://archive.org/details/socialorganizati00cool/page/n5/mode/2up?ref=ol&view=theater>
23. Berghe, P.L. (1978) Race and ethnicity: Sociobiological perspective. *Ethnic and Racial Studies*. 1 (4). pp. 401–411.
24. Fursova, E. (2003) [Ethnographic and ethnic groups: the problem of their identification and research methods]. *Ryabininskie chteniya–2003 [Ryabinin Readings–2003]*. Conference Proceedings. Petrozavodsk: Karelia Scientific Center, RAS. pp. 263–265. (In Russian).
25. Yardumian, A. et al. (2017) Genetic diversity in Svaneti and its implications for the human settlement of the Highland Caucasus. *American Journal of Biological Anthropology*. 164 (4). pp. 1–16. doi: 10.1002/ajpa.23324

26. Yardumian, A. (2015) *Genetic Diversity in Svaneti and Highland Western Georgia*: PhD dissertation In Anthropology. University of Pennsylvania.
27. Kaukhchishvili, T. (1957) *The geography of Strabo: Information on Georgia*. Georgian Academy of Science, Institute of History. (In Georgian).
28. Tönnies, F. (2001) *Community and Civil Society*. Cambridge University Press.
29. North, D.C. (2004) *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press. [Online] Available from: <https://books.google.fr/books?id=oFnWbTqgNPYC&printsec=frontcover&hl=fr#v=onepage&q&f=false>
30. Topchishvili, R. (2015) *Svaneti and its inhabitants (Family Names and Ethno-historical Studies)*. Tbilisi: Universali. (In Georgian). [Online] Available from: https://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/359654/1/Svaneti_Da_Svanetis_Mkvidmi.pdf
31. Saiyedatun, N. (2017) Bonding and bridging social capital: A focus on the Bangladeshi Community in the UK. *The International Journal of Interdisciplinary Social and Community Studies*. 12 (2). pp. 35–53. doi: 10.18848/2324-7576/CGP/v12i02/35-53
32. Larsen, L. et al. (2004) Bonding and Bridging Understanding the Relationship between Social Capital and Civic Action. *Journal of Planning Education and Research*. 24 (1). pp. 64–77.
33. Kapelyushnikov, R.I. (2010) Mnozhestvennost' institutsional'nykh mirov: Nobelevskaya premiya po ekonomike – 2009 [Plurality of institutional worlds: Nobel Prize in Economics – 2009]. *Ekonomicheskiy zhurnal VShE*. 1. pp. 12–69.
34. Paxton, P. (1999) Is Social Capital Declining in the United States? A Multiple Indicator Assessment. *American Journal of Sociology*. 105 (1). pp. 88–127.
35. Granovetter, M. (1983) The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. *Sociological Theory*. 1. pp. 201–233.
36. Shavianidze, D. (2022) *Svaneti: Historical- Ethnographic essays*. Akaki Tsereteli State University.
37. Becker, W. (1995) Soobshchestvo i obshchestvo: Ob osnovnykh ponyatiyakh sotsial'noy filosofii i nekotorykh istoricheskoy neizbezhnosti [Community and society: On the basic concepts of social philosophy and some historical inevitability]. Translated from German. *Simpozium*. [Online] Available from: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000048/index.shtml>
38. Bukhrashvil, P. (2014) *Saint George the Great Knight*. Tbilisi (Supplement to Amirani Journal, 25). [Online] Available from: http://eprints.iliauni.edu.ge/1605/1/giorgi_paata.pdf

Информация об авторах:

Арнания-Кепуладзе Т.Г. – канд. экон. наук, д-р философии по менеджменту и экономике, профессор факультета бизнеса, права и социальных наук Государственного университета им. Акакия Церетели (Кутаиси, Грузия). E-mail: tamila.kepuladze@atsu.edu.ge
ORCID: 0000-0001-8911-7173

Кепуладзе Г.А. – д-р философии по экономике, ассоциированный профессор факультета администрирования бизнеса Университета бизнеса и технологий (Тбилиси, Грузия). E-mail: giorgi.kepuladze@btu.edu.ge
ORCID: 0000-0003-4642-7811

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T. Arnanian-Kepuladze, Cand. Sci. (Economics), PhD in Management and Economics, professor, Akaki Tsereteli State University (Kutaisi, Georgia). E-mail: tamila.kepuladze@atsu.edu.ge
ORCID: 0000-0001-8911-7173

G. Kepuladze, PhD in Economics, associate professor, University of Business and Technology (Tbilisi, Georgia). E-mail: giorgi.kepuladze@btu.edu.ge
ORCID: 0000-0003-4642-7811

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.06.2023;
одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 13.06.2023;
approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 316.4
doi: 10.17223/15617793/492/12

Трансформация трудовых ценностей преподавателей технических вузов в условиях развития экосистемы университета

Ольга Федоровна Пиралова¹, Елена Юрьевна Легчилина², Евгения Владимировна Нехода³

^{1, 2} Омский государственный университет путей сообщения, Омск, Россия

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, sheyna1963@yandex.ru

¹ piralovaof@mail.ru

² legcelena@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена трансформация трудовых ценностей преподавателей в экосистеме университета. Дано авторское определение понятию «экосистема университета». Предложена оригинальная концепция рефлексивно-аксиологической системы сопровождения для преподавателей высшей школы в экосистеме университета через цифровое наставничество. Представлены результаты эксперимента по реализации рефлексивно-аксиологической системы сопровождения на примере референтной группы преподавателей университета, подтверждающие возможность регулирования трансформации трудовых ценностей и формирования определенного трудового поведения преподавателей в экосистеме университета.

Ключевые слова: трудовые ценности, экосистемы университета, рефлексивный анализ, аксиологическое сопровождение, институты, цифровое наставничество, трансформация

Для цитирования: Пиралова О.Ф., Легчилина Е.Ю., Нехода Е.В. Трансформация трудовых ценностей преподавателей технических вузов в условиях развития экосистемы университета // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 103–115. doi: 10.17223/15617793/492/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/12

Transformation of technical university teachers' labor values in the context of the university ecosystem development

Olga F. Piralova¹, Elena Yu. Legchilina², Evgenia V. Nekhoda³

^{1, 2} Omsk State Transport University, Omsk, Russian Federation

³ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, sheyna1963@yandex.ru

¹ piralovaof@mail.ru

² legcelena@yandex.ru

Abstract. In this article, the authors explore the possibility of influencing the values of employees with the help of a system of reflexive-axiological support in an ecosystem that forms the necessary labor behavior. The study aimed to analyze the transformation of the labor values of university lecturers and to form theoretical and methodological foundations of the reflexive-axiological support system for professors of technical universities in the context of the university ecosystem development. The study is based on the axiological methodology of Milton Rokeach and the methodological approach of Dov Elizur. Primary data were collected on the basis of a sociological survey of a reference group of university lecturers, the indicators of which were measured on a Likert scale. The theoretical and methodological basic ecosystems of the university and the system of reflexive-axiological support were formed on the basis of a complex methodological approach combining elements of the system-process and institutional-axiological approaches. The authors came to the conclusion that the university ecosystem is a network system of relationships between the subjects of socio-educational and social-labor processes that is built on values functioning reflexively and regulated by institutions. The authors propose the concept of a reflexive-axiological support system for professors of technical universities, which aims to help and support professors in the digital ecosystem of the university. The article provides experimental data on the practical implementation of the reflexive-axiological support system on the example of a reference group of university professors based on the transformation of labor values. The results of the study showed the possibility of forming a certain labor behavior of professors in the digital ecosystem of the university. The proposed system made possible a quick adaptation of professors to new socio-labor and socio-educational processes in the digital environment of the university ecosystem. The authors found a correlation between the transformation of labor and patriotic values, which indicates the possibility of regulating (increasing the priority) shared patriotic and state values among university professors in the ecosystem through axiological support tools. The results of the study have theoretical and practical significance.

Keywords: labor values, university ecosystems, reflective analysis, axiological support, institutions, digital mentoring, transformation

For citation: Piralova, O.F., Legchilina, E.Yu. & Nekhoda, E.V. (2023) Transformation of technical university teachers' labor values in the context of the university ecosystem development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 103–115. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/12

Введение

В настоящее время в научном обществе большое внимание уделяют проблемам трансформации ценностей и высшего образования, формированию и развитию цифровой образовательной среды, инновационной экосистемы университета (вуза). Данные тенденции связаны с совокупностью протекающих процессов, которые способствуют кардинальному изменению аксиологического пространства в высшем образовании, трансформации взаимодействия между преподавателем и студентом, что порождает ряд проблем и противоречий.

1. Процессы глобализации, создание единого информационного поля в вузах привели к широкому распространению новой аксиологии, вестернизации образовательной и научно-технической среды. Данные процессы обусловлены социально-экономическими трансформациями общества. Так, развитие цифровой экономики, привело к необходимости формирования цифровой аксиологии общества, что непосредственно повлияло на формирование гибридных форм обучения, в частности способствовало появлению цифрового наставника. Происходит наделение новым смыслом образовательного процесса, взаимоотношений между преподавателем и студентом, ускоряются познавательные и коммуникационные процессы. То есть цифровой образовательной экосистеме требуются мобильные, креативные научно-педагогические работники, готовые и способные работать в высокодинамичной цифровой образовательной среде, обладающие необходимыми цифровыми компетенциями, для которых информационные и цифровые образовательные технологии представляются одними из базовых инструментальных ценностей (ценностей-способов).

2. Наблюдается «старение» профессорско-преподавательского состава в вузах. Так, по данным исследований высшей школы экономики в российских вузах более 50% преподавателей старше 50 лет, доля преподавателей младше 35 лет – менее 15%. Результаты ежегодных мониторингов говорят о негативной тенденции дальнейшего «старения» профессорско-преподавательского состава вузов [1]. Следует отметить, что большинство необходимых для преподавания и научной деятельности цифровых компетенций (в частности таких как знание современных программных продуктов, цифровых возможностей для осуществления преподавательской деятельности, навыки работы в цифровой среде, умение преподавать онлайн, разрабатывать видеолекции, интерактивные онлайн-занятия, навыки сетевых коммуникаций и т.п.) имеется именно у молодых преподавателей до 35 лет, которые воспитаны на вестернизации и новой развивающейся цифровой аксиологии. Подтверждение обозначенных тенденций отмечается в иссле-

дованиях по оценке готовности профессорско-преподавательского состава к инновационной профессионально-педагогической деятельности [2] и исследованиям высшей школы экономики [3].

3. Экосистема университета на основе цифровых платформ и технологий еще не имеет достаточных институционально-аксиологических основ для регулирования взаимодействий как в рамках социально-трудовых отношений педагогических работников, так и между преподавателем и студентом, что обуславливает психофизиологические и психоэмоциональные перегрузки у преподавателей, межличностные конфликты и другие негативные явления, в ряде случаев приводящие к оппортунизму и среди профессорско-преподавательского состава, и среди студентов.

4. Современные социально-экономические, геополитические процессы, направленные на усиление локализации производства и импортозамещения, обуславливают актуализацию патриотических и государственных ценностей в системе высшего образования.

5. На государственном уровне во всех странах мира особое внимание стало уделяться техническим вузам по формированию компетентных инженерно-технических специалистов на основе «обеспечения преемственности поколений» [2. С. 45]. О важности и проблемах использования цифровой образовательной среды и искусственного интеллекта в процессе подготовки инженеров в университетах России говорит Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [4], о необходимости и проблемах формирования цифровых компетенций преподавателей университетов речь идет в исследованиях Высшей школы экономики, а также в ряде научных статей [3, 5]. Учитывая, что преподаватель высшей школы является одним из ключевых «трансляторов» патриотических и государственных ценностей для будущих выпускников, отмеченные проблемы и противоречия обуславливают актуальность и необходимость данного исследования.

Цель настоящей работы – проанализировать трансформацию трудовых ценностей преподавателей и сформировать теоретико-методологические основы рефлексивно-аксиологической системы сопровождения преподавателей технических вузов в условиях развития экосистемы университета.

Теория и методология исследования

Рассмотрим теоретико-методологические основы исследования исходя из следующей логической структуры: экосистема университета → трудовые ценности, патриотические ценности, государственные ценности, трансформация ценностей → рефлексивно-аксиологическая система сопровождения преподавателей технических вузов.

Экосистема университета. Концепция экосистемы высшего образования появилась достаточно недавно, что связано с развитием цифровой экономики, с необходимостью формирования цифровых компетенций. Сам термин «экосистема» эволюционировал из области биологии, и под понятием понималась сложная, динамическая система взаимосвязей и взаимозависимостей живых организмов, в рамках которой осуществляется обмен энергией, веществами и подразумевает собой среду обитания живых организмов [6. С. 7].

На сегодняшний день не сформировалось единого подхода к трактовке и пониманию экосистемы университета. Так, например, ряд ученых экосистему связывают с онлайн-образованием на основе сетевых связей [7. С. 1276]. А.А. Климов под экосистемой университета понимает «пространство личного и цифрового взаимодействия субъектов друг с другом и с окружающей средой» [8, 9]. В исследованиях А.Г. Изотовой и Е.С. Гаврилюк в экосистему университета входят три взаимосвязанных

компонента (образовательная экосистема, инновационная экосистема, предпринимательская экосистема) [10]. Экосистемный подход к университетскому образованию широко изучается и в зарубежных исследованиях (Дж. Спенсер-Кейс [11. Р. 13], М.Х. Моррис [12], Г. Мораес, Б. Фишер, Матеус Лейте Кампос, П. Шеффер [13] и др.). В большинстве исследований происходит расширение понятия «образовательная среда» к «экосистеме», акцентируя внимание на образовательных, социальных и коммуникационных взаимодействиях в условиях цифровой среды в процессе образовательной деятельности.

В контексте данного исследования экосистему университета будем рассматривать с широкой точки зрения как сетевую систему взаимоотношений между субъектами социально-образовательного и социально-трудового процессов, построенную на ценностях, функционирующую рефлексивно и регулируемую институтами. Структура экосистемной модели вуза, с точки зрения авторов, представлена на рис. 1.

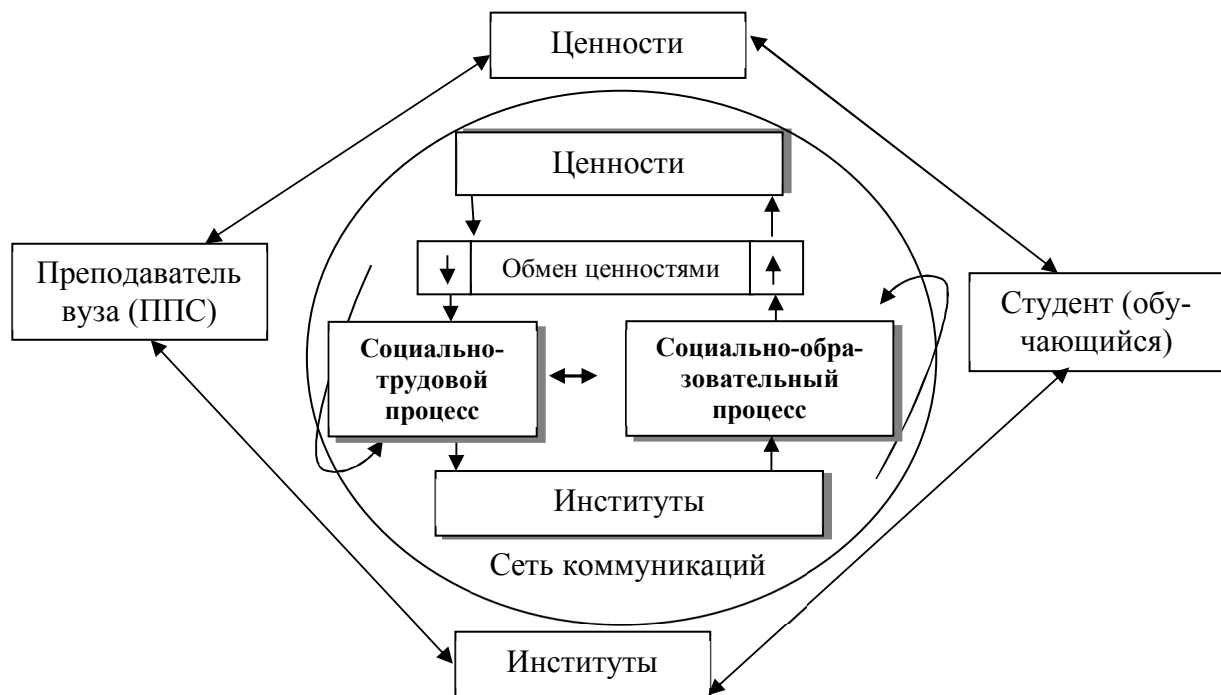

Рис. 1. Структура экосистемной модели вуза (авторский взгляд)

Опираясь на философские трактовки категории «отношения», авторы рассматривают «систему взаимоотношений между субъектами социально-образовательного и социально-трудового процессов» как «способ существования на основе взаимной связи, возникающий во взаимоотношении и взаимном сближении сторон с учетом скрытых в них свойств» [14. С. 546]. То есть в рамках социально-образовательного и социально-трудового процессов через отношения между субъектами на основе сети коммуникаций («виртуального коммуникационного пространства») происходит становление профессиональной личности студента, в основе которого лежит перенос интеллектуально-креативного и ценностного капитала от преподавателя к студенту. На

рис. 2 показана взаимосвязь двух процессов социально-трудового и социально-образовательного, в которых участвуют преподаватели высшей школы.

Современные тенденции развития экосистемы университета связаны с внедрением цифровых платформ и технологий, что обуславливает переход части социально-трудового и социально-образовательного процессов в виртуальное, цифровое пространство, в котором иерархические связи переходят в сетевые. Данные трансформационные процессы приводят к возникновению ряда проблем и противоречий во взаимодействиях между преподавателем и студентом, между преподавателями и руководством университета и др.

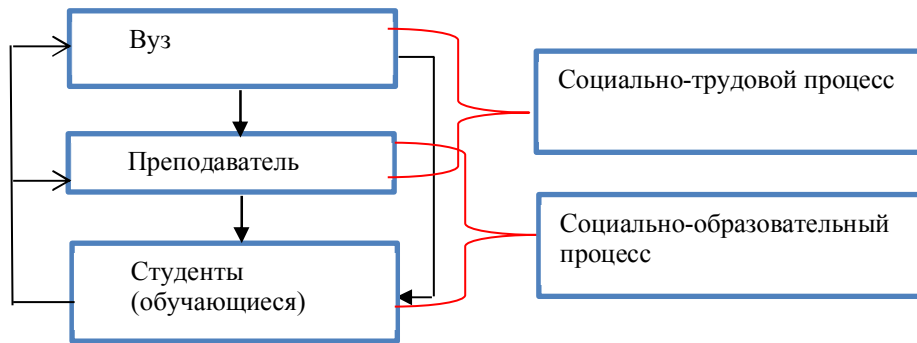

Рис. 2. Схема взаимосвязи социально-трудового и социально-образовательного процессов в экосистеме университета (составлено авторами)

Кроме того, возникают новые сетевые связи с партнерами университета, учредителями, государственными органами, работодателями, родителями студентов и с другими акторами экосистемы. Как было отмечено выше, с точки зрения авторов, общим значимым интересом для всех участников (акторов) экосистемы университета должны стать «общие разделяемые» ценности, на основе которых происходит достижение баланса интереса сторон (участников, акторов экосистемы). Соответственно, тогда особую актуальность и значимость в экосистеме университета приобретает аксиологический аспект взаимодействий акторов в цифровой образовательной среде экосистемы. Особый интерес представляют трудовые ценности преподавателей и их трансформация в экосистеме университета.

Ценности. Исследование ценностей основано на широкой теоретико-методологической базе. Плюрализм мнений и подходов в области аксиологии наблюдается как в зарубежных, так и в российских научных сообществах. Базовые элементы понимания сущности ценностей в данной работе основаны на трудах М. Роккича [15]. Соответственно, «ценности» понимаются авторами как основа целеполагания личности преподавателя, которая формирует содержание направленности научно-педагогической деятельности и определяет ядро мотивации преподавателя.

Для исследования ценностей авторами выбрана методология аксиологического подхода Д. Элизура [16], на основе которой трудовые ценности рассматриваются как совокупность единства «потребностей, мотивов, цели и средств, взаимосвязи свободы и ответственности личности преподавателя за свои поступки и поведение в научно-педагогической деятельности» [16. С. 86]. То есть «трудовые ценности» авторами трактуются как «формирование в сознании объективной значимости различных компонентов труда», которое отражает различные стороны научно-педагогической (трудовой) деятельности для преподавателя. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что под ценностями труда преподавателя университета понимается значимость научно-педагогической деятельности в жизни общества и личности преподавателя, а также значимость различных сторон трудовой деятельности, по отношению к которым преподаватель устанавливает свое отношение.

Особенность научно-педагогической (трудовой) деятельности преподавателя отражается в его одновременном участии в двух процессах: социально-трудовом (в контексте взаимодействия вуз ↔ преподаватель) и социально-образовательном (в контексте взаимодействия преподаватель ↔ студент), которые коэволюционно взаимозависимы (трудовые функции ↔ социально-образовательные функции). Соответственно, трудовые ценности преподавателя имеют коэволюционную обусловленность между корпоративными ценностями университета (вузом) и ценностями студентов. Так, с одной стороны преподаватель должен «разделять» корпоративные ценности университета, «встраиваться в них» в условиях развития экосистемы, а с другой стороны, сам преподаватель непосредственно влияет на формирование ценностей у студентов, транслируя новые ценности, необходимые в его (студента) профессиональной деятельности. С точки зрения авторов, корпоративная система ценностей определяет восприятие условий научно-педагогической деятельности и способствует формированию определенного трудового фрейма преподавателей, являясь необходимым аспектом при построении экосистемы университета. Понятие «трудовой фрейм» сформировано на основе концепции «когнитивной структуры схематизации опыта» Ч. Филлмора [17] и представляет собой некую «ценностно-смысловую рамку», определяющую направленность действий преподавателя в социально-трудовых и социально-образовательных процессах на основе системы институтов и ценностей.

Для решения противоречий и проблем, возникающих во взаимодействиях акторов в экосистеме университета в условиях внедрения цифровых платформ и технологий, развития виртуального пространства, необходима некая система сопровождения акторов в новом виртуальном пространстве экосистемы университета. В нашем исследовании сконцентрируем внимание на системе сопровождения научно-педагогической деятельности преподавателя в экосистемной среде университета, которая бы позволяла не только решать проблемы и противоречия, но и формировать необходимые трудовые ценности преподавателей в условиях цифровых трансформаций.

Соответственно, становится актуальной рефлексивно-аксиологическая система сопровождения преподавателя

давателя вуза, позволяющая сформировать определенный «фрейм» трудового поведения преподавателя в экосистеме университета.

Рефлексивно-аксиологическая система сопровождения. Теоретические и методологические аспекты рефлексивно-аксиологической системы сопровождения авторы рассматривают на основе трудов М.Е. Белобородовой [18], Н.В. Маркиной [19], Г.Я. Гревцевой [20] как совокупность институционально-аксиологических, организационно-педагогических, методических механизмов, направленных на формирование и регулирование «внутренне аналитической», мотивированной научно-педагогической деятельности в экосистеме университета, направленной на осознание ее ценностно-смысловой, процессуальной и результативной составляющих. Данная система сопровождения направлена на поддержку (помощь) преподавателей в процессе научно-педагогической деятельности в цифровой образовательной среде экосистемы университета и позволяет не только учитывать индивидуальные

особенности каждой личности, специфику профессиональной деятельности преподавателя вуза в цифровой среде, эмоциональное, психологическое, физическое состояние, но и оказывать управленческое воздействие на аксиологические аспекты трудового поведения преподавателя. То есть система предполагает, комплекс мер, направленных на развитие необходимых экосистеме университета цифровых компетенций и определенного трудового поведения преподавателя на основе трансформации трудовых ценностей, включая формирование новой «цифровой» аксиологии в области научно-педагогической деятельности и на основе рефлексивного анализа.

Соответственно, рефлексивно-аксиологическая система сопровождения включает три подсистемы: организационно-информационную, институционально-аксиологическую, психолого-педагогическую (рис. 3). Рефлексивный компонент направлен на развитие способности преподавателя к критическому самоанализу и осознанию ценности научно-педагогической деятельности в условиях экосистемы на основе рефлексии.

Рис. 3. Схема модели рефлексивно-аксиологической системы сопровождения

Организационно-информационная подсистема направлена на сопровождение организационных, учебно-методических и коммуникационных аспектов педагогической деятельности в экосистеме университета, в том числе организацию проведения учебных занятий с использованием цифровых средств, разработку рабочих программ дисциплин и т.п.

Данная подсистема предполагает организацию условий для рефлексии преподавателей в условиях развития цифровых технологий в экосистеме университета. Основными элементами организационно-информационной подсистемы являются индивид (преподаватель), группа (кафедра), подразделение (институт, факультет), организация в целом (университет).

Основными индикаторами выступают организованность социально-трудовых-процессов, социально-образовательных процессов, а также уровень сетевизации в цифровой среде.

Психолого-педагогическая подсистема представляет собой комплексную систему мер поддержки, направленную на создание педагогических и соци-

ально-психологических условий для успешного развития в процессе научно-педагогической деятельности, в частности психологическую поддержку преподавателя при работе в новой цифровой экосистеме университета, которая включает новый характер труда преподавателя (онлайн-занятия, видеолекции и т.п.), трансформацию учебных занятий, новые способы подачи учебного материала. Основными элементами выступают действия, умения и навыки. Ключевым индикатором психолого-педагогической подсистемы является эмоционально-физическая перегрузка преподавателя (так называемые технострессы [21]). Так, освоение цифровых технологий требует от преподавателей дополнительных усилий, обусловленных высокими темпами цифровизации, многозадачностью, избыточностью информации и новыми функциями, необходимостью соблюдения стандартов информационной безопасности, соответствие ожиданиям студентов и т.п.

Ряд инноваций требует от преподавателя особой концентрации внимания и квалификации, а также дополнительного времени для преодоления сложностей,

страха потери работы из-за автоматизации части социально-образовательных процессов.

Институционально-аксиологическая подсистема направлена на формирование новых институтов, правил, норм, регулирующих взаимодействие между преподавателем и студентом в экосистеме, и на формирование новой трудовой аксиологии, соответствующей потребностям экосистемы университета (в частности, цифровой аксиологии). Данная подсистема включает стратегические задачи развития экосистемы университета, совокупность (сеть) декларируемых корпоративных, государственных и патриотических ценностей и нормы поведения акторов в условиях цифровой среды экосистемы университета (в частности кодексы поведения преподавателей и студентов). Основными элементами системы выступают социальные нормы, правила поведения и взаимоотношений в цифровой среде экосистемы университета, ценности и мотивация. В условиях цифровизации преподаватель становится доступен для всех акторов экосистемы университета в режиме 24/7 («с ним всегда, в любое время можно связаться как руководству, так и студенту»), что обуславливает стирание границ между работой и личной жизнью и нуждается в регулировании.

Одной из важных подсистем является рефлексивный анализ, который предполагает переосмысление содержания сознания и осознание преподавателями

собственного мастерства, способностей, возможностей и перспектив развития в цифровой среде. Кроме того, с точки зрения авторов, рефлексия формирует способность преподавателя переосмысливать собственные стереотипы в цифровой среде с ориентацией на поиск нестандартных способов решения различных проблем. В данном контексте большое значение приобретает групповая рефлексивность, предложенная А.С. Горьким [22] и включающая анализ собственной деятельности в цифровой среде в рамках социально-трудового и социально-образовательного процессов, отношение к совместным действиям в коллективе, готовность использовать положительные результаты от совместной деятельности в работе, «то есть способность преподавателей анализировать эффективность своей деятельности, извлекая уроки из своего собственного и чужого опыта». Основными элементами подсистемы рефлексивного анализа являются мыслительная деятельность, знания, профессиональные способности и опыт. Ключевым индикатором выступает уровень неопределенности, который обусловлен постоянными изменениями и обновлениями в цифровой среде, устареванием знаний, интенсивностью постоянного обучения.

В табл. 1 представлена операционализация подсистем рефлексивно-аксиологической системы сопровождения.

Таблица 1

Индикаторы рефлексивно-аксиологической системы сопровождения преподавателей в экосистеме университета

Подсистема	Элементы	Индикаторы
Институционально-аксиологическая	Социальные нормы	Взаимная поддержка, ориентация на помощь друг другу в цифровой среде. Ориентация на общие цели цифровой трансформации экосистемы университета
	Правила поведения и взаимоотношений	Правила поведения и взаимоотношений в цифровой среде экосистемы университета (кодекс поведения в экосистеме университета)
	Ценности. Мотивация	Трудовые ценности
		Корпоративные ценности
Психолого-педагогическая	Действия	Эмоционально-физическая перегрузка преподавателя («техно-перегрузка», «техно-вторжение»)
	Умения и навыки	Уровень сложности выполняемых задач («техносложность»)
Рефлексивный анализ	Мыслительная Деятельность. Знания	Уровень неопределенности преподавателей
	Профессиональные Способности. Опыт	Участие во внедрении цифровых платформ и технологий в экосистему университета. Социальное наставничество
Организационно-информационная	Индивид (преподаватель)	Организованность социально-трудовых процессов в цифровой среде на уровне индивида (преподавателя), включая техподдержку. Организованность социально-образовательных процессов на уровне индивида (преподавателя)
	Группа преподавателей (кафедра)	Организованность социально-трудовых-процессов в цифровой среде на уровне группы (кафедры). Организованность социально-образовательных процессов на уровне группы (кафедры)
	Подразделение (институт, факультет)	Организованность социально-трудовых-процессов в цифровой среде на уровне подразделения (институт). Организованность социально-образовательных процессов на уровне подразделения (институт)
	Организация в целом (университет)	Уровень сетевизации в условиях цифровой среды

В настоящее время в России методология цифрового наставничества находится в стадии становления. Цифровой наставник получил широкое развитие в бизнесе. Развивается цифровая платформа наставничества (mo.mosreg.ru). Следует отметить, что для распространения новой цифровой аксиологии необходимы цифровые компетенции, формируемые у выпускников высшей школы. Соответственно, с начала данными компетенциями должны обладать преподаватели. Большинство моделей цифрового наставничества разработаны для школ и предприятий. Методология цифрового наставничества в высшем образовании рассмотрена в работах Д. Рид [23], Э.А. Маквильямс [24], Е. Солтовец, О. Чигишева, А. Дмитрова [25]. Авторы, опираясь на российские и зарубежные научные работы, рассматривают модель цифрового наставника в рамках экосистемы университета как рефлексивно-аксиологическую систему сопровождения научно-педагогической деятельности на основе рефлексивного анализа.

Основная гипотеза данного исследования заключается в возможности регулирования формирования и развития необходимого «трудового фрейма» преподавателей университета в условиях экосистемы на основе трансформации их трудовых ценностей с помощью рефлексивно-аксиологической системы сопровождения.

Материалы исследования

Исследование проводилось на базе Омского государственного университета путей сообщения. С 2017 г. в университете формируется экосистема на основе внедрения цифровой платформы на базе платформы Битрикс24 и цифровых технологий. Проект был рассчитан на пять лет. Для адаптации профессорско-преподавательского состава к цифровой среде экосистемы была предложена рефлексивно-аксиологическая система сопровождения, включающая три блока (подсистемы):

1) организационно-информационная подсистема (организация и сопровождение работы преподавателей в новом цифровом пространстве (включая организацию рабочего места), разработка для преподавателей информационных, учебных и методических материалов по работе на цифровой платформе экосистемы, организация коммуникаций преподавателей в виртуальном пространстве, в том числе с применением чат-ботов и др.);

2) институционально-аксиологическая подсистема (определение перечня корпоративных ценностей ОмГУПС, необходимых для работы в цифровой среде, разделение государственных и патриотических ценностей и т.д.);

3) психолого-педагогическая подсистема и подсистема рефлексивного анализа включали работу психолога с преподавателями по взаимодействиям в цифровой среде как в личных встречах, так и в виртуальном пространстве экосистемы. Создано три коворкинг-зоны в офлайн- и онлайн-пространстве для общения, с использованием корпоративных цветов университета

и ОАО «РЖД». Проведение с преподавателями трансформационных игр «Путь желаний» по достижению профессиональных целей в цифровой среде, способствующих трансформации трудовых ценностей преподавателя и популяризации государственных и патриотических ценностей; проведение психологических игр «Перфоманс для преподавателя», предполагающих создание творческих погружений в атмосферу доверия и развития с применением современных технологий включая VR-технологии.

Для участия в эксперименте была выбрана референтная группа с целью апробации рефлексивно-аксиологической системы сопровождения, которая включала преподавателей (53 человека), участвующих в реализации программ бакалавриата и магистратуры по направлению «Инноватика», направленность (профиль) «Инновационный менеджмент». Референтная группа включала 59% женщин и 41% мужчин. На момент начала проекта более 81% участников референтной группы имели стаж работы в университет более 10 лет, 12,5% – более 5 лет и 6,2% – менее 5 лет. Средний возраст респондентов в группе составил на момент начала исследования 48,8 лет.

Опрос респондентов проводился в три этапа (сентябрь 2017 г., сентябрь 2020 г., сентябрь 2022 г.). На первом этапе происходило внедрение рефлексивно-аксиологической системы сопровождения, организация работы с референтной группой, обучающие мероприятия, разработка экосистемы университета, освоение преподавателями профильных цифровых навыков. Опрос на данном этапе показывал начальное состояние ценностей преподавателей. Второй этап характеризовался процессом реализации рефлексивно-аксиологической системы сопровождения в выбранной референтной группе, внедрение цифровых технологий на основе изучения мировых практик, в частности Европейской модели цифровых компетенций педагога (DigCompEdu) [26], обновление (адаптация) образовательных материалов, разработка педагогического дизайна, разработка макета цифрового наставника для преподавателей университета. Следует отметить, что этот этап совпал с пандемией COVID-19 и мерами по нераспространению коронавирусной инфекции, что еще более актуализировало применение рефлексивно-аксиологической системы сопровождения в условиях организации удаленной, дистанционной работы преподавателей. Третий этап заключительный, в рамках которого у референтной группы должно было сформироваться ценностное отношение к рефлексивно-аксиологической системе сопровождения научно-педагогической деятельности, умение активно применять инструменты персонализации в экосистеме университета как для преподавателя, так и для студентов (в частности, для персонификации практических и тестовых заданий), внедрять элементы цифрового наставника. На третьем этапе происходило и внесение корректировок и включение рефлексивно-аксиологической системы сопровождения в экосистему университета, т.е. ее распространение и диффузия.

На каждом этапе проводился анкетный опрос, вопросы которого сформированы по методике Д. Элизура [16], в соответствии с которой ценности были разделены на три подгруппы: «Познавательные», «Эмоциональные», «Инструментальные». Перечень вопросов на разных этапах не менялся.

Измерение каждого варианта ответа респондента по значению для него той или иной предлагаемой переменной (ценности) производилось по пятибалльной шкале Лайкерта (от 0 до 5 баллов), где значению 0 соответствует «Не присуще» (в контексте: не является ценностью), а 5 – «Полностью разделяю» (в контексте: высокий приоритет ценности). Полученные данные по референтной группе были соотнесены со средними показателями по университету.

Результаты исследования

Основные результаты представлены в табл. 2. Как показали исследования, наиболее значимые трудовые ценности в целом для преподавателей университета – это «Удобное рабочее время (возможность гибкого графика работы)», «Стабильность оплаты труда», «Размер оплаты труда», «Интересная работа», «Статус преподавателя (наставника)», «Хорошие условия труда». Полученные результаты соотносятся с международными исследованиями. Так, например, трудовая ценность «Интересная работа» является приоритетной для голландцев, американцев, немцев, израильтян [16. Р. 23–28]. Следует отметить, что российские респонденты чаще всего предпочитают отдавать ценностям «Стабильность оплаты труда», «Размер оплаты труда», тогда как европейские и американские респонденты

«Успех на работе» ставят выше инструментальных ценностей.

Результаты опросов показали изменение ценностей как в среднем по университету, так и у референтной группы. Полученные данные о возможности изменения ценностей под воздействием различных факторов коррелируются с исследованиями ученых разных стран (В.В. Аранжин, Е.В. Нехода [27], Дж. Прайс [28], М. Гилберт, И. Гарсия [29]).

Ярко выраженные трансформации в трудовых ценностях преподавателей зафиксированы на втором этапе исследования (в 2020 г.). Выраженность трансформационных процессов определяется еще и общероссийскими тенденциями, обусловленными воздействием социально-экономических факторов, в том числе и воздействием ограничительных мер в связи с распространением коронавирусной инфекции, в результате чего произошла смена характера труда научно-педагогической деятельности не только преподавателей референтной группы, но и всех преподавателей университета. Так, в 2020 г. для большинства преподавателей университета ценность «Наличие современных информационно-цифровых технологий (в контексте экосистемы университета)» приобрела высокий приоритет (с 2,57 до 4,84) (табл. 2).

Для выбранной референтной группы преподавателей до начала (в 2017 г.) включения их в систему рефлексивно-аксиологического сопровождения приоритетными ценностями являлись «Размер зарплаты», «Удобное рабочее время (возможность гибкого графика работы)», «Стабильность оплаты труда (без задержки)», что соответствует значению показателя «в среднем по университету».

Таблица 2

Результаты исследования трансформации трудовых ценностей преподавателей, баллы

Переменная	За 2017 г.			За 2020 г.			За 2022 г.		
	По ун-ту	По эксперимент. группе		По ун-ту	По эксперимент. группе		По ун-ту	По эксперимент. группе	
	Ср. знач.	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Ср. знач.	Станд. откл.
Познавательные ценности	3,97	3,63	1,52	3,41	3,58	1,23	3,86	4,08	0,53
Карьерный рост	2,78	2,84	1,74	2,75	2,74	1,45	2,81	2,75	0,35
Видеть результат своей работы, достижения студентов	4,21	3,85	1,81	2,8	3,98	1,15	3,81	4,19	0,24
Статус преподавателя университета (наставника, учителя)	4,38	4,12	1,51	4,01	4,11	1,15	4,21	4,31	0,45
Научный успех (возможность разработки нового)	3,48	3,12	1,55	3,25	3,92	1,45	3,41	4,19	0,95
Интересная работа	4,74	4,21	1,45	4,56	4,24	1,15	4,73	4,63	0,60
Иметь возможность творческих командировок (участие в научных конференциях)	4,37	3,45	1,44	2,75	2,11	1,12	4,21	3,88	0,54
Иметь возможность развивать профессиональные навыки и способности	3,84	3,81	1,17	3,78	3,98	1,17	3,82	4,63	0,60
Эмоциональные ценности	3,57	3,41	1,67	2,74	3,41	1,47	3,54	3,62	0,95
Престиж университета	3,87	3,69	1,08	3,81	3,69	1,98	3,84	4,19	0,98
Хорошие отношения в коллективе	3,74	3,52	1,85	2,89	3,52	1,12	3,73	4,44	1,05

Переменная	За 2017 г.			За 2020 г.			За 2022 г.		
	По ун-ту	По эксперимент. группе		По ун-ту	По эксперимент. группе		По ун-ту	По эксперимент. группе	
	Ср. знач.	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Ср. знач.	Станд. откл.
Чувствовать себя нужным и ценным научно-педагогическим работником	3,73	3,64	1,98	3,45	3,64	1,54	3,75	4,00	0,98
Возможность знакомиться с разными интересными людьми	3,58	3,25	1,87	2,48	3,25	1,81	3,48	4,19	0,81
Иметь власть и вес среди студентов	3,23	3,12	1,98	1,85	3,12	1,20	3,21	2,06	0,84
Иметь власть и вес среди коллег	3,24	3,25	1,27	1,98	3,25	1,17	3,23	2,88	1,03
Инструментальные ценности	3,52	3,44	1,63	3,26	4,25	1,20	3,68	4,39	0,62
Размер зарплаты	4,88	4,98	1,45	4,87	4,98	1,15	4,85	4,44	0,93
Стабильность оплаты труда (без задержки)	4,77	4,88	1,88	4,98	4,98	1,13	4,75	4,63	0,86
Различные виды материальной поддержки	4,35	4,34	1,98	4,75	4,34	1,03	4,33	4,06	1,03
Удобное рабочее время (возможность гибкого графика работы)	4,86	4,95	1,25	3,24	4,94	1,15	4,85	4,94	0,24
Наличие профсоюза	3,18	1,85	1,64	2,85	2,98	1,75	3,21	2,75	0,64
Хорошие условия работы (труда)	4,35	4,37	1,75	1,85	4,24	1,15	4,41	4,38	0,78
Наличие рефлексивно-аксиологической системы сопровождения преподавателей университета	1,81	1,64	1,87	0,95	2,98	1,13	1,81	4,75	0,43
Наличие цифрового наставника (в контексте рефлексивно-аксиологической системы сопровождения преподавателей в условиях экосистемы университета)	0,92	0,98	1,45	0,98	3,98	1,11	1,92	4,80	0,24
Наличие современных информационно-цифровых технологий (в контексте экосистемы университета)	2,57	2,98	1,43	4,84	4,87	1,17	2,98	4,81	0,39

Примечание. Здесь и табл. 3: ср. знач – среднее значение; станд. откл – стандартное отклонение. Составлена авторами.

В результате экспериментальной работы рефлексивно-аксиологической системы сопровождения у преподавателей референтной группы произошли кардинальные изменения трудовых ценностей. Одной из приоритетных ценностей становится экосистема университета при снижении значимости ценности «Размер оплаты труда». Сократился разброс ответов респондентов референтной группы (стандартное отклонение по познавательным ценностям снизилось с 1,52 (в 2017 г.) до 0,53 в (2022 г.), по эмоциональным ценностям – с 1,67 до 0,95, по инструментальным ценностям – с 1,63 до 0,62. Полученные результаты косвенно свидетельствуют о том,

что в исследуемой референтной группе произошло формирование общих «корпоративных» трудовых ценностей в отношении рефлексивно-аксиологической системы сопровождения преподавателей университета.

Кроме того, наблюдается и корреляционная зависимость между изменениями трудовых и разделяемых патриотических, государственных ценностей, представленных в табл. 3. Коэффициент корреляции между показателями «Изменения приоритетности трудовых ценностей» и «Изменения приоритетности разделяемых патриотических и государственных ценностей» у референтной группы составил 0,4 (рис. 4).

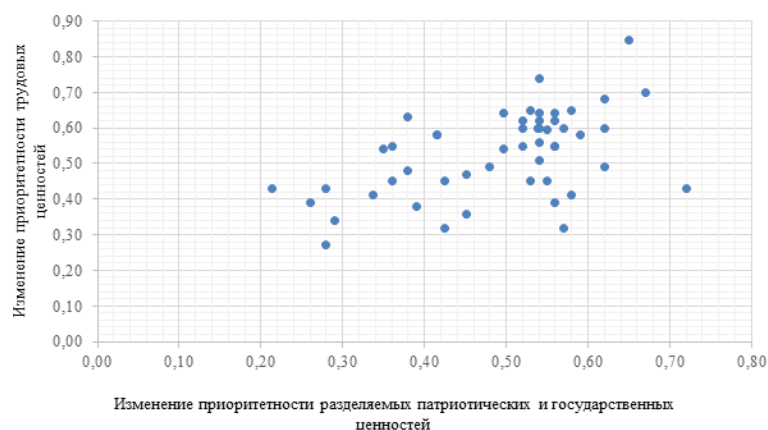

Рис. 4. График корреляции между изменением трудовых и разделяемых патриотических, государственных ценностей

Разделяемые патриотические и государственные ценности референтной группы, баллы

Переменная	За 2017 г.			За 2020 г.			За 2022 г.		
	По ун-ту	По эксперимент. группе		По ун-ту	По эксперимент. группе		По ун-ту	По эксперимент. группе	
	Ср. знач.	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Ср. знач.	Станд. откл.	Ср. знач.	Ср. знач.	Станд. откл.
Разделяемые патриотические ценности	3,42	3,49	1,41	3,04	3,75	0,55	3,50	3,98	0,60
<i>Познавательные ценности</i>	3,70	3,68	1,26	3,42	3,92	1,35	3,75	4,06	0,36
Национальное самосознание (в т.ч. знание истории своей родины, нации)	3,69	3,98	1,14	3,74	4,06	1,30	3,81	4,06	0,32
Верность национальной культуре, традициям, укладу жизни	3,73	3,94	1,27	2,85	3,73	1,41	3,75	4,00	0,41
Национальное осознание значимости российских научно-технических достижений	3,67	3,12	1,36	3,68	3,98	1,34	3,68	4,12	0,34
Эмоциональные ценности	3,35	3,66	1,45	3,03	3,98	0	3,50	4,12	0,45
Любовь и служение Родине (служение российской науке)	3,12	3,56	1,58	3,21	3,98	1,58	3,21	4,12	0,58
Гордость за страну (гордость за научные достижения и открытия)	3,57	3,75	1,32	2,85	3,98	1,32	3,78	4,13	0,32
Инструментальные ценности	3,21	3,14	1,53	2,67	3,35	0,3	3,25	3,75	0,99
Готовность действовать во благо своей Родины (стремление трудиться для процветания российской науки)	3,28	3,12	1,43	2,95	3,35	1,43	3,31	3,94	0,43
Готовность к самопожертвованию ради блага Родины или ее спасения	2,78	2,77	1,67	1,95	3,05	1,67	2,82	3,19	1,12
Готовность продвигать (популяризировать) национальные ценности (патриотические) среди студентов	3,58	3,54	1,48	3,1	3,65	1,48	3,63	4,12	1,43
Разделяемые государственные ценности	3,43	3,54	1,14	3,28	3,76	1,05	3,57	4,20	0,75
<i>Познавательные ценности</i>	3,99	3,80	1,12	3,39	3,98	1,08	3,57	4,32	0,74
Ценности, декларируемые Конституцией РФ	4,02	4,12	0,85	3,58	4,31	0,83	4,28	4,52	0,85
Ценности, декларируемые в государственных программах в области научно-технического прогресса	3,95	3,48	1,39	3,2	3,65	1,32	2,85	4,12	0,63
Эмоциональные ценности	3,48	3,69	0,97	3,81	4,13	0,89	4,15	4,64	0,59
Чувство гордости – «Я гражданин России»	2,98	3,12	1,37	2,95	3,54	1,12	3,21	4,32	1,12
Чувствовать себя свободным гражданином (свобода выбора)	4,35	3,98	0,97	4,35	4,32	0,98	4,61	4,75	0,39
Чувствовать себя защищенным (обеспечение гарантий прав и свобод)	3,12	3,98	0,56	4,12	4,52	0,56	4,63	4,85	0,27
Инструментальные ценности	2,82	3,12	1,33	2,64	3,16	1,18	3,00	3,65	0,92
Лояльность, доверие к деятельности государственных органов	2,78	2,81	1,40	2,12	3,12	1,17	2,81	3,20	0,98
Стремление к исполнению нравственного долга перед своей страной	2,74	3,12	1,45	3,65	3,25	1,25	3,25	3,63	1,12
Готовность поддерживать государственные программы в области научно-технического прогресса	2,93	3,42	1,14	2,15	3,12	1,13	2,93	4,12	0,65

Включение государственных и патриотических ценностей в систему сопровождения обусловлено социально-экономическими и политическими процессами современного общества [30]. После участия в проекте у участников референтной группы приоритет разделяемых патриотических ценностей вырос с 3,49 до 3,98, а разделяемых государственных ценностей – с 3,54 до 4,2.

Заключение

Полученные результаты исследования подтвердили гипотезу о возможном регулировании трансформации трудовых ценностей, а также о возможном целенаправленном формировании необходимого трудового поведения у преподавателей в экосистеме университета с помощью рефлексивно-аксиологической системы сопровождения.

Исследование выявило ряд проблем при реализации рефлексивно-аксиологического сопровождения. Так, например, на начальном этапе высокая загруженность преподавателей учебной и методической работой обуславливала недостаток времени для освоения новых цифровых инструментов. Отмечался разный уровень техподдержки у преподавателей, что ограничивало доступ к экосистеме университета (особенно на втором этапе) в условиях ограниченности ресурсов университета. Также к проблеме можно отнести отсутствие наработанных практик по психологическому и аксиологическому сопровождению преподавателей в экосистеме университета, отсутствие отработанных институциональных норм в области взаимодействия между подразделениями университета по организации и развитию экосистемы. Недостаточность цифровых практических решений и учебно-методических материалов по организации и реализации сопровождения учебных занятий в экосистеме университета. В результате нагрузка на преподавателей референтной группы увеличилась. Соответственно, новые проблемы и задачи на каждом этапе реализации проекта приводили к корректировке подсистем рефлексивно-аксиологического сопровождения в научно-педагогической деятельности, что усложняло реализацию проекта.

Несмотря на указанные проблемы, опыт применения инструментов рефлексивно-аксиологического сопровождения на референтной группе показывает возможность быстрой адаптации профессорско-преподавательского состава к новой цифровой среде экоси-

стемы университета, возможность регулирования изменения трудовых ценностей и трудового поведения. Так, произошло снижение психологического напряжения, повысилась сплоченность и стрессоустойчивость среди участников референтной группы. За время реализации данного проекта среди участников проекта не зафиксировано не одного случая оппортунизма. Качество подготовки студентов сохранилось на высоком уровне. Так, в 2021 г. 100% выпускников образовательных программ по «Инновационному менеджменту» защитили выпускные квалификационные работы на отлично, в 2022 г. по программе магистратуры большинство выпускников получили красные дипломы.

Выявленная в работе корреляция между трансформацией трудовых и патриотических ценностей показывает возможность регулирования (повышение приоритетности) разделяемых патриотических и государственных ценностей у преподавателей университета в экосистеме через аксиологические инструменты сопровождения, что в условиях социально-экономических, политических трансформаций является особо важным.

Полученные теоретико-методологические и практические результаты исследования стали основой для формирования технического задания и новой модели по цифровому наставничеству в экосистеме университета с использованием мобильного приложения.

В целом апробируемая рефлексивно-аксиологическая система сопровождения преподавателей в условиях экосистемы университета показала свою важность и необходимость развития.

Список источников

1. Рудаков В.Н. Различия в положении профессорско-преподавательского состава вузов по возрастным группам // Высшая школа экономики. Мониторинг экономики образования. 2020. № 13. 6 с.
2. Хусаинова Г.Р., Карстина С.Г., Галиханов М.Ф. Оценка готовности преподавателей к инновационной профессионально-педагогической деятельности // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 7. С. 42–60.
3. Цифровой переход: опыт педагогов и образовательных организаций в России и мире // Экспертно-аналитический доклад. М. : ВШЭ, 2021. 98с.
4. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утв. указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>
5. Лёвин Б.А., Пискунов А.А., Поляков В.Ю., Савин А.В. Искусственный интеллект в инженерном образовании // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 7. С. 79–95
6. Danilov-Danilyan V.I. Ecosystem is one of the most important fundamental conception of modern science // Экосистемы: экология и динамика. 2017. № 1. С. 5–9.
7. Сулейманкадиева А.Э., Петров М.А., Александров И.Н. Цифровая образовательная экосистема: генезис и перспективы развития онлайн-образования // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, № 3. С. 1273–1288.
8. Григорьев С.Г., Сабитов Р.А., Смирнова Г.С., Сабитов Ш. Р. Концепция формирования и развития цифровой интеллектуальной экосистемы смешанного университетского образования // Информатика и образование. 2020. № 5. С. 15–23.
9. Климов А.А., Заречкин Е.Ю., Куприяновский В.П. О цифровой экосистеме современного университета // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2019. № 4. С. 816–824.
10. Изотова А.Г., Гаврилюк Е.С. Экосистемный подход как новый тренд развития высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 2. С. 1211–1226.
11. Spencer-Keyse J., Luksha P., Cubista J. Learning Ecosystems: An Emerging Praxis For The Future Of Education. М. : School of Management SKOLKOVO & Global Education Futures, 2020. 176 p.
12. Morris M.H., Shirokova G., Tsukanova T. Student entrepreneurship and the university ecosystem: a multi-country empirical exploration // European Journal of International Management. 2017. № 1. P. 65–85.
13. Moraes G., Fischer B., Matheus Leite Campos, Schaeffer P. University Ecosystems and the Commitment of Faculty Members to Support Entrepreneurial Activity // BAR – Brazilian Administration Review. 2020. № 2. P. 1–26.
14. Философский словарь / сост. П. Апрышко, А. Поляков. М. : Мир философии ; Алгоритм, 2021. 942 с.
15. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York : Free Press, 1973. 438 p.
16. Elizur D., Borg I., Hunt R. and Beck I.M. The Structure of Work Values A Cross Cultural Comparison // Journal of Organizational Behaviour. 1991. № 7. P. 21–38.
17. Fillmore Ch.J. Toward a frame-based lexicon: The semantics of risk and its neighbors // Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantic and Lexical Organization. 1992. P. 75–102.
18. Белобородова М.Е. Рефлексивная деятельность студентов в учебном процессе и особенности ее организации в виртуальной информационной среде // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Информационные компьютерные технологии в образовании. 2013. № 9. С. 59–63.

19. Маркина Н.В., Ларюшкин С.А., Меншикова И.А. Профессиональная рефлексия педагогов в условиях цифровой трансформации образования. Челябинск : ЧИППКРО, 2021. 52 с.
20. Гревцева Г.Я., Циудина М.В. К анализу понятия «рефлексивно-ценностное сопровождение профессиональной подготовки студентов вуза» // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 2.
21. Коновалова В.Г. Цифровые технологии как фактор технотресса: проблемы и возможности их решения // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2022. № 3. С. 17–21.
22. Горький А.С. Групповая рефлексия как фактор эффективности совместной производственной деятельности // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2018. Т. 9, № 3. С. 24–30.
23. Reid D. Indigenizing and Mentoring Technology Usage in Undergraduate Teacher Education. Handbook of Research on Literacy and Digital Technology Integration in Teacher Education. IGI Global, 2020. С. 171–187.
24. McWilliams E.A. Wake Forest University: Building a Campus-Wide Mentoring Culture // Metropolitan Universities. 2016. № 28 (3). P. 67–79.
25. Soltovets E., Chigisheva O., Dmitrova A. The Role of Mentoring in Digital Literacy Development of Doctoral Students at British Universities // EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2020. № 16 (4).
26. Punie Y., Redecker C. European Framework for the Digital Competence of Educators: DigCompEdu // Publications Office of the European Union. Luxembourg, 2017. 95 p.
27. Аранжин В.В., Нехода Е.В. Влияние трудовых ценностей различных поколений работников на выбор форм и видов занятости: результаты теоретического анализа // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 1. С. 161–178.
28. Pryce J. Work Values: A Formidable Domain Within the Context of People's Lives // Value, Transvaluation and Globalization. Special Issue, 2014. P. 20–35.
29. Gilbert M., Garcia I. On Patriotism // Handbook of Patriotism. Ljubljana, Slovenia. 2020. P. 271–286.
30. Гревцева Г.Я. Проблема формирования гражданственности и патриотизма учащейся молодежи в системе высшего образования: от протестной к созидательной активности // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2020. Т. 12, № 1. С. 20–29.

References

1. Rudakov, V.N. (2020) Razlichiiya v polozhenii professorskogo-prepodavatel'skogo sostava vuzov po vozrastnym gruppam [Differences in the position of university teaching staff by age group]. *Vysshaya shkola ekonomiki. Monitoring ekonomiki obrazovaniya*. 13.
2. Khusainova, G.R., Karstina, S.G. & Galikhanov, M.F. (2022) Otsenka gotovnosti prepodavateley k innovatsionnoy professional'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti [Assessing the readiness of teachers for innovative professional pedagogical activities]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 7 (31). pp. 42–60.
3. Chukovskaya, A.A. & Pavlovskaya, Ya. A. (eds) (2021) *Tsifrovoy perekhod: opyt pedagogov i obrazovatel'nykh organizatsiy v Rossii i mire* [Digital Transition: Experience of teachers and educational organizations in Russia and the world]. Moscow: HSE.
4. Prezident Rossii [President of Russia]. (2019) *Natsionalnaya strategiya dlya razvitiya iskusstvennoy intellektual'noy informatsionnoy tekhnologii na 2024 god (sozdana v 2017 godu)* [National strategy for the development of artificial intelligence for the period until 2030 (approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019)]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>. (In Russian).
5. Levin, B.A. et al. (2022) Iskusstvennyy intellekt v inzhenernom obrazovanii [Artificial intelligence in engineering education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 7 (31). pp. 79–95
6. Danilov-Danilyan, V.I. (2017) Ecosystem is one of the most important fundamental conception of modern science [Ecosystem is one of the most important fundamental conception of modern science]. *Ekosistemy: ekologiya i dinamika*. 1. pp. 5–9.
7. Suleymankadiyeva, A.E., Petrov, M.A. & Aleksandrov, I.N. (2021) Tsifrovaya obrazovatel'naya ekosistema: genesis i perspektivy razvitiya onlayn-obrazovaniya [Digital educational ecosystem: genesis and prospects for the development of online education]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. 3 (11). pp. 1273–1288.
8. Grigor'ev, S.G. et al. (2020) Kontseptsiya formirovaniya i razvitiya tsifrovoy intellektual'noy ekosistemy smeshannogo universitetskogo obrazovaniya [Concept of formation and development of a digital intellectual ecosystem of mixed university education]. *Informatika i obrazovanie*. 5. pp. 15–23.
9. Klimov, A.A., Zarechkin, E.Yu. & Kupriyanovskiy, V.P. (2019) O tsifrovoy ekosisteme sovremennogo universiteta [About the digital ecosystem of a modern university]. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie*. 4. pp. 816–824.
10. Izotova, A.G. & Gavriluk, E.S. (2022) Ekosistemnyy podkhod kak novyy trend razvitiya vysshego obrazovaniya [Ecosystem approach as a new trend in the development of higher education]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. 2 (12). pp. 1211–1226.
11. Spencer-Keyse, J., Luksha, P. & Cubista, J. (2020) *Learning Ecosystems: An Emerging Praxis for the Future of Education*. Moscow: School of Management SKOLKOVO & Global Education Futures.
12. Morris, M.H., Shirokova, G. & Tsukanova, T. (2017) Student entrepreneurship and the university ecosystem: a multi-country empirical exploration. *European Journal of International Management*. 1. pp. 65–85.
13. Moraes, G. et al. (2020) University Ecosystems and the Commitment of Faculty Members to Support Entrepreneurial Activity. *BAR – Brazilian Administration Review*. 2. pp. 1–26.
14. Apryshko, P. & Polyakov, A. (eds) (2021) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow: Mir filosofii; Algoritm.
15. Rokeach, M. (1973) *The Nature of Human Values*. New York: Free Press.
16. Elizur, D. et al. (1991) The Structure of Work Values. A Cross Cultural Comparison. *Journal of Organizational Behaviour*. 7. pp. 21–38.
17. Fillmore, Ch.J. (1992) Toward a frame-based lexicon: The semantics of risk and its neighbors. In: Lehrer, A., Kittay, E.F. & Lehrer, R. (eds) *Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantic and Lexical Organization*. Routledge. pp. 75–102.
18. Beloborodova, M.E. (2013) Refleksivnaya deyatel'nost' studentov v uchebnom protsesse i osobennosti ee organizatsii v virtual'noy informatsionnoy srede [Reflective activity of students in the educational process and features of its organization in a virtual information environment]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Informatsionnye komp'yuternye tekhnologii v obrazovanii*. 9. pp. 59–63.
19. Markina, N.V., Laryushkin, S.A. & Menshchikova, I.A. (2021) *Professional'naya refleksiya pedagogov v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obrazovaniya* [Professional Reflection of Teachers in the Context of Digital Transformation of Education]. Chelyabinsk: ChIPPKRO.
20. Grevtseva, G.Ya. & Tsiulina, M.V. (2016) K analizu ponyatiya "refleksivno-tsennostnoye soprovozhdenie professional'noy podgotovki studentov vuzov" [On the analysis of the concept of "reflective-value support of professional training of university students"]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2.
21. Konovalova, V.G. (2022) Tsifrovye tekhnologii kak faktor tekhnostressa: problemy i vozmozhnosti ikh resheniya [Digital technologies as a factor of technostress: problems and possibilities for their solution]. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii*. 3. pp. 17–21.
22. Gor'kiy, A.S. (2018) Gruppovaya refleksiya kak faktor effektivnosti sovmestnoy proizvodstvennoy deyatel'nosti [Group reflection as a factor in the effectiveness of joint production activities]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie*. 3 (9). pp. 24–30.
23. Reid, D. (2020) *Indigenizing and Mentoring Technology Usage in Undergraduate Teacher Education. Handbook of Research on Literacy and Digital Technology Integration in Teacher Education*. IGI Global. pp. 171–187.
24. McWilliams, E.A. (2016) Wake Forest University: Building a Campus-Wide Mentoring Culture. *Metropolitan Universities*. 28 (3). pp. 67–79.

25. Soltovets, E., Chigisheva, O. & Dmitrova, A. (2020) The Role of Mentoring in Digital Literacy Development of Doctoral Students at British Universities. *EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. 16 (4).
26. Punie, Y. & Redecker, C. (2017) *European Framework for the Digital Competence of Educators: DigCompEdu*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
27. Aranzhin, V.V. & Nekhoda, E.V. (2022) Vliyaniye trudovykh tsennostey razlichnykh pokoleniy rabotnikov na vybor form i vidov zanyatosti: rezul'taty teoreticheskogo analiza [The influence of labor values of different generations of workers on the choice of forms and types of employment: results of theoretical analysis]. *Ekonomika truda*. 1 (9). pp. 161–178.
28. Pryce, J. (2014) Work Values: A Formidable Domain Within the Context of People's Lives. *eTropic*. 2 (13). Special Issue: Value, Transvaluation and Globalization. pp. 20–35.
29. Gilbert, M. & Garcia, I. (2020) On Patriotism. In: Sardoc, M. (ed.) *Handbook of Patriotism*. Ljubljana: Springer. pp. 271–286.
30. Grevtseva, G.Ya. (2020) Problema formirovaniya grazhdanstvennosti i patriotizma uchashcheysya molodezhi v sisteme vysshego obrazovaniya: ot protestnoy k sozidatel'noy aktivnosti [The problem of forming citizenship and patriotism among students in the higher education system: from protest to creative activity]. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyy aspekt*. 1 (12). pp. 20–29.

Информация об авторах:

Пиралова О.Ф. – д-р пед. наук, директор Института менеджмента и экономики Омского государственного университета путей сообщения (Омск, Россия). E-mail: piralovaof@mail.ru

Легчилина Е.Ю. – д-р экон. наук, зав. кафедрой «Менеджмент, маркетинг и коммерция» Омского государственного университета путей сообщения (Омск, Россия). E-mail: legcelena@yandex.ru

Нехода Е.В. – д-р экон. наук, зав. кафедрой стратегического менеджмента и маркетинга Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sheyna1963@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.F. Piralova, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Institute of Management and Economics, Omsk State Transport University (Omsk, Russian Federation). E-mail: piralovaof@mail.ru

E.Yu. Legchilina, Dr. Sci. (Economics), head of the Management, Marketing and Commerce Department, Omsk State Transport University (Omsk, Russian Federation). E-mail: legcelena@yandex.ru

E.V. Nekhoda, Dr. Sci. (Economics), head of the Department of Strategic Management and Marketing, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sheyna1963@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.09.2022;
одобрена после рецензирования 12.07.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 26.09.2022;
approved after reviewing 12.07.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94.41.99
doi: 10.17223/15617793/492/13

Логистическое взаимодействие регионов РФ с КНР: двусторонний и транснациональный аспекты

Алексей Николаевич Зарубин¹, Анна Евгеньевна Городкова²

^{1, 2}*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹*zarkaman@mail.ru*

²*annielueal@yandex.ru*

Аннотация. Рассмотрены две основные составляющие внешнеэкономического взаимодействия РФ и КНР: внешняя транзитная логистика в рамках транснационального коридора Европа–Азия и внутренняя двусторонняя логистика с регионами РФ. Представлены количественные и качественные результаты данных процессов и их взаимовлияние. Приведен изученный опыт успешной реализации альтернативного транзитного маршрута КНР – Европа через Республику Казахстан, а также анализ его положительных и негативных аспектов в контексте сравнения с российско-китайской логистической кооперацией регионального уровня.

Ключевые слова: транснациональные коридоры Европа–Азия, российско-китайское сотрудничество, региональная логистика, казахстанско-китайское партнерство, инициатива «Пояса и Пути», периферийные регионы

Для цитирования: Зарубин А.Н., Городкова А.Е. Логистическое взаимодействие регионов РФ с КНР: двусторонний и транснациональный аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 116–129. doi: 10.17223/15617793/492/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/13

Cooperation between Russia's regions and China in logistics: Bilateral and transnational aspects

Alexey N. Zarubin¹, Anna E. Gorodkova²

^{1, 2}*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹*zarkaman@mail.ru*

²*annielueal@yandex.ru*

Abstract. Issues of economic development of Russian regions cannot be solved without creation and modernization of a logistic infrastructure. Therefore, such a type of the most vital operations of economy as foreign economic activities, which first appeared in the regions after the establishment of a federal state structure in Russia, participate in solving the strategic issues of joint logistics with the People's Republic of China, the key economic partner of Russia's peripheral regions. Taking into account geographic and infrastructural features of Russian regions, the joint foreign economic activities consist of two main components: external transit logistics within the Europe–Asia transnational corridor and internal bilateral logistics with Russian regions. In this regard, this research aims to explore two main issues: (1) no implementation of the internal and external potential of transport infrastructure in the peripheral regions of Russia (Siberia and the Far East) in the context of increasing trade with China, (2) the peripheral status of Russia as a state, and its regions, within the Eurasian transport corridor under the facts that it is a strategic partner of China (the initiator state), and it has a transport infrastructure that is initially more developed than in Central Asian states. A historical survey of the issues revealed no dual approach to the problem of transport infrastructure's internal and external potential in Russian regions within regional and transnational cooperation with China. This article comprehensively analyzes Russian–Chinese cooperation in logistics at the two mentioned levels in order to generalize the experience in implementing joint-with-China logistic initiatives in the regions of Russia and, on the basis of this generalization, provide a scientific rationale to the above-mentioned problems, and determine their possible solutions for Russia and its regions. As a result, the research identified an almost complete absence of regional foreign economic activities with China in logistics. Only border Russian regions are involved in the mentioned cooperation due to their geographic proximity to China, and cooperation mostly concerns the customs processes. Nevertheless, in some specific cases, individual logistic initiatives in regions are developed by the prospective Chinese counterparty (whose work is approved by provincial and governmental bureaucracy) in the framework of foreign economic activities, and, regardless of being objectively unprofitable for China, some of the projects are even included in the framework of the Belt and Road Initiative.

Keywords: Europe–Asia transnational corridors, Russian–Chinese cooperation, regional logistics, Kazakhstan–Chinese partnership, Belt and Road Initiative, peripheral regions

For citation: Zarubin, A.N. & Gorodkova, A.E. (2023) Cooperation between Russia's regions and China in logistics: Bilateral and transnational aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 116–129. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/13

После проведения «Политики реформ и открытости» КНР нарастила экономическую, военную и политическую мощь, заняв позицию второй экономики мира [1]. С процессом вывода капитала за рубеж КНР инициировала и процесс глобализации своей экономики, что неизбежно вело к трансформации внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в инструмент политического влияния [2]. По этой причине стратегические шаги Китая во внешней политике имеют прямую взаимосвязь с экономическими процессами – поддержание отношений со странами, которые либо обладают природными ресурсами, либо представляют собой свободный для сбыта рынок, либо являются транспортными коридорами на пути к таковым рынкам.

Особый интерес в этом отношении для КНР представляет Российская Федерация в целом и ее регионы в частности как объекты реализации ВЭД [3]. Данный интерес обоснован тремя причинами: 1) ресурсный потенциал регионов Сибири и Дальнего Востока; 2) их территориальная близость к КНР; 3) стратегический характер российско-китайского партнерства. Основной сферой регионального сотрудничества РФ и КНР является двусторонняя торговля, которая невозможна без надлежащего обеспечения транспортной инфраструктурой. Соответственно, важность сферы логистики в двусторонних региональных отношениях РФ и КНР сложно переоценить.

Российские регионы с 1992 г. являются «самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений» и, как следствие, проводят собственную ВЭД [4]. С возникновением в 90-х гг. нового формата двусторонних отношений в горизонтальном Регион–государство появляются и новые внутрироссийские реалии, в которых целевые программы развития регионов отсутствовали как таковые, поэтому регионы были вынуждены начать привлекать зарубежные инвестиции на реализацию приоритетных отраслей [5]. Но из-за отсутствия опыта ведения собственной ВЭД региональные власти осуществляли поиск зарубежных партнеров по принципам территориальной близости или наличия межличностных контактов с представителями зарубежной власти или бизнеса. Флагманом развития двусторонней торговли (и, соответственно, логистики) с Китаем в РФ в обоих случаях вплоть до настоящего момента являются периферийные макрорегионы РФ – Сибирь и Дальний Восток [6].

Позднее, после первого Украинского кризиса в 2014 г., повлекшего за собой снижение цен на нефть, введение западных санкций и кризис рубля, для преодоления трудностей в сфере экономики и выхода из политической изоляции Правительство РФ объявило политику поворота России на Восток. Приоритетным направлением во внешней политике страны стало углубление стратегических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона – в частности с Китаем.

Нестабильность сотрудничества с Западом для РФ повлекла за собой изменение евразийской логистической карты в пользу стран Азии – произошла перестройка логистических цепочек за счет спроса на российские энергоресурсы [7]. В реализации данного сотрудничества значительная роль была отведена регионам Сибири и Дальнего Востока, территории которых традиционно обладали наиболее сильным инвестиционным потенциалом в контексте региональной ВЭД с КНР [7].

В то же время китайская сторона делает большой шаг в развитии транснациональной логистики и торговли: председатель КНР Си Цзиньпин инициировал концепцию «Один пояс – один путь», направленную на совершенствование имеющихся и создание новых торговых путей и транспортных коридоров между странами Азии, Европы и Африки. Интеграция российских регионов в рамках данной инициативы представлялась очевидным шагом как в контексте стратегических российско-китайских отношений, так и политики поворота на Восток [8].

Однако если исторически российские регионы были сухопутным звеном, через которое проходил транзитный коридор из Азии в Европу [9], то в XXI в. Российская Федерация объективно уступила среднеазиатскому макрорегиону в конкуренции за главную роль в трансконтинентальном коридоре Европа–Азия. К примеру, в 2021 г. по маршруту КНР – Европа – КНР в общей сложности перевезено 23,8 млн т грузов, из которых 21 млн т приходится на железнодорожный транспорт [10]. Из них 83% пришлось на перевозку с использованием железнодорожной сети Казахстана и менее 10% – на Транссибирскую магистраль. Ограниченность внутрироссийского финансирования стала причиной замедления или отсутствия развития логистической инфраструктуры в регионах России, вследствие чего восточные регионы России, как потенциальные транзитные единицы, потеряли свое конкурентное преимущество, а сама транспортная инфраструктура России характеризуется как устаревшая [11]. Следствием этого являются ее частые ремонты и реконструкции, что замедляет процесс реализации перевозок. Кроме того, лишь 10% от всего объема перевозок приходится на транзитные грузы, что составляет 1/10 часть от трафика морского оборота в рамках европейско-азиатской торговли [11]. Одним из главных барьеров развития международных автомобильных перевозок является состояние дорог, не соответствующее требованиям международных перевозок: деформации дорожного полотна – выбоины, проломы, просадки, гравийные участки на пути, часть дорог проходит через населенные пункты, все это усложняет движение и маршруты, а также снижает скорость транспортировки груза из-за невозможности развивать высокую скорость. Кроме того, через госу-

дарственную границу РФ, от пунктов пропуска до федеральных трасс, существует ограничение по нагрузке большинства участков дорог, допустимая масса – 28,5 т. [12]. Ограничение по весу также приводит к потере времени при согласовании, оформлении специальных разрешений на перевозку грузов, попадающих под условия.

Вышеперечисленные факторы указывают на актуальность развития логистической инфраструктуры для регионов России. В особенности для ведущих активную торговлю с КНР. При этом для китайской стороны данная тема актуализируется с точки зрения наличия ресурсного потенциала в российских регионах, а также динамически растущих оборотов региональной, приграничной и государственной торговли, обуславливающих необходимость улучшения транспортных сетей для повышения динамики грузопотока.

Несмотря на крайнюю степень актуализации данной проблемы, в течение длительного периода времени ситуация на практике остается неизменной: развитие российских регионов в сфере логистики сведено к минимуму. Периферийные регионы растрачивают свои ресурсы, вкладывая доход от них в сферу торговли, минуя развитие логистики, федеральный центр не принимает активного участия в формировании транспортной инфраструктуры, в связи с этим российские регионы прибегают к поиску партнеров из Китая. Однако реальный вклад Китая в региональную логистику минимален.

Одновременно с этим на транснациональном уровне наблюдается активизация во взаимной интеграции логистических инфраструктур европейских и азиатских государств с целью формирования единого транспортного коридора Европа–Азия, ключевая роль в котором отведена инициативе КНР «Один пояс – один путь» [13]. Начиная с 2000-х гг. происходит активное изучение данной темы на предмет поиска наиболее оптимальных маршрутов для ее реализации, и результаты большого числа китайских исследований сводились к приоритету государств Центральной Азии, а не регионов РФ. В качестве примера можно привести исследование китайского ученого Цин Фан Мин на тему современного состояния, проблем и развития железнодорожного транспорта в государствах Средней Азии [11]. Автор за несколько лет до указанной инициативы приходит к выводу о том, что государства Средней Азии, а не регионы России должны стать звеньями транснациональной транспортной цепи. С началом инициативы воссоздание Великого шелкового пути стало общей идеей всех среднеазиатских государств, что определило масштабы государственного финансирования сферы логистики в макрорегионе. Лидерство в этой связи захватил и удерживает до сих пор Казахстан. Цин Фан Мин, как и многие другие китайские исследователи, задолго до этого, еще в 2007 г., приходит к заключению, что Китаю необходимо осуществлять развитие сотрудничества с государствами Средней Азии в сфере железнодорожного транспорта и совместными усилиями выстраивать дей-

ствующий Евразийский трансконтинентальный коридор [11]. При этом российские регионы на картах – схемах реализации крупнейшего евразийского логистического проекта отсутствуют [14].

Для возвращения конкурентного преимущества территорий и увеличения товарооборота с заявленным стратегическим партнером необходимо развивать логистическую инфраструктуру прежде всего в периферийных регионах Российской Федерации, расположенных ближе к Китаю. Перспективы развития российской логистики очевидны: чем больше пропускная способность транспортной системы, тем выше динамика грузопотока и теснее экономическое сотрудничество, поэтому задача является приоритетной не только для российской, но и для китайской стороны.

Исходя из вышесказанного, обозначим две основные проблемы, к которым обращается данное исследование:

1) отсутствие реализации внутреннего и внешнего потенциалов транспортной инфраструктуры в периферийных регионах России (Сибирь и Дальний Восток) начиная с 1990-х гг. при одновременно растущих объемах их торговли с КНР;

2) периферийный статус России как государства и ее регионов в рамках реализации евразийского транспортного коридора при стратегическом партнерстве с государством-инициатором – Китаем, и наличии изначально более развитой транспортной инфраструктуры в сравнении с государствами Средней Азии.

По данным проблемам российскими, европейскими, китайскими и американскими исследователями проведено огромное количество исследований. Большинство из них посвящены вопросу развития транспортной инфраструктуры на транснациональном уровне. Российские ученые – И.Ю. Зуенко [15], С.В. Зубань [16] и С.Л. Сазонов [9] рассматривают конкуренцию России и стран Средней Азии, в частности Казахстана, при которой транзит через Казахстан оказывается выгоднее ввиду экономических и геополитических причин, тем самым предвещая тенденцию к смещению фокуса с регионов РФ как территорий, обладающих перспективными мощностями в сфере логистики. Другая группа российских ученых, представленная А.О. Пименовой [17], Ю.М. Баженовым, И.А. Донцовой и А.О. Акимовой [18], провела анализ инициативы «Один пояс – один путь» с точки зрения ожидаемых перспектив для Китая и стран-участниц. В то время как для стран Центральной Азии инициатива выступает единственной возможностью для развития экономик государств, роль Российской Федерации в инициативе рассматривается как глубоко периферийная. Еще один российский автор – И.Н. Комиссина [19], приходит к заключению о необходимости активного участия России в «морской составляющей» Экономического пояса Шелкового пути в связи с тем, что Россия является активным участником экономических процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а ее приморские регионы – ключевыми объектами торгово-экономических отношений с Китаем. Как итог, у отечественных ученых отсутствует допущение участия

РФ в реализации сухопутной составляющей инициативы «Пояса и Пути».

Китайские ученые Сяоин Лу [20] и Ма Бо [7] анализируют поэтапность развития двусторонних российско-китайских отношений начиная с 1990-х гг. и уделяя особое внимание российскому «Повороту на Восток», при котором отдаление от Запада характеризуется как шаг на пути укрепления стратегических отношений двух государств и совместное развитие в различных сферах совместных интересов. Однако, как уже было сказано выше, еще задолго до начала реализации инициативы «Пути» китайскими учеными в лице Цин Фан Мин были осуществлены исследования по условному проведению евроазиатских транспортных коридоров через страны Средней Азии, в то время как Российская Федерация, по причине отсутствия активной модернизации имеющихся транспортных и железнодорожных путей со стороны государства, не рассматривается в качестве перспективного партнера ВЭД Китая в сфере логистики. Некоторые западные исследователи, как, например, Майкл Балтенспергер и Ури Дадуш, при анализе места Российской Федерации в инициативе «Один пояс – один путь» приходят к выводу о том, что сама инициатива представляет собой угрозу положению России и имеющихся у нее транспортных коридоров под предлогом сдвига транспортных мощностей на транснациональном уровне, тем самым обуславливая ухудшение российско-китайских отношений [21]. Среди американских ученых, представленных, например, Люком Пэйти и Михалом Мэйданом, напротив, распространено мнение о выгоде от участия в инициативе «Пояса и Пути» для обеих сторон: России и стран Центральной Азии. Кроме того, авторы акцентируют внимание на том, что для РФ наиболее благоприятным выходом станет развитие морской части Шелкового пути, что также соотносится с точкой зрения некоторых из вышеупомянутых российских авторов [22].

Исследований проблемы на региональном уровне гораздо меньше: среди российских ученых отметим работы А.В. Лаврентьева [23], В.Л. Ларина, С.К. Песцова и И.Ю. Зуенко [24]. А.В. Лаврентьев, рассматривая развитие железнодорожных сообщений регионов Дальнего Востока с Китаем, подчеркивает, что низкое качество приграничной транспортной инфраструктуры в восточных регионах препятствует расширению торговли с Китаем. Исследование проведено за период с конца 1990-х гг. до начала 2000-х гг.; в то время как регионы Китая постепенно выстраивают свою часть железных дорог в рамках совместных проектов, российская сторона отстает ввиду проблем с государственным финансированием, с которыми сталкиваются ее регионы. Другая группа авторов в лице В.Л. Ларина, С.К. Песцова и И.Ю. Зуенко, рассматривая итоги программы сотрудничества восточных регионов России и Северо-Восточного Китая за 2009–2018 гг., приходят к выводам о том, что заявленные совместные проекты в сфере логистики реализованы не были. После объявления об инициативе «Экономического пояса Шелкового пути»

(ЭПШП) северо-восточные регионы Китая занялись разработкой собственных стратегий, чтобы включиться в ЭПШП. В связи с этим ожидаемого усиления экономического участия Китая на Дальнем Востоке не произошло.

Китайские ученые, в свою очередь, занимаясь исследованием совместного развития региональной логистики с РФ, отмечают отсутствие выгодополучения от данной сферы для китайской стороны [25]. Западные ученые не занимались изучением внутреннего транспортного потенциала регионов России в контексте региональной ВЭД с КНР. Как итог, констатируется отсутствие двойственного подхода к проблеме внутреннего и внешнего потенциалов транспортной инфраструктуры российских регионов в контексте регионального и транснационального взаимодействия с КНР. Данное исследование комплексно рассматривает российско-китайское взаимодействие в сфере логистики на двух указанных уровнях. Его цели следующие:

- обобщение практического опыта реализации совместных с Китаем логистических инициатив в регионах России;
- на основании данного обобщения дать научное обоснование поставленным выше проблемам и определить пути их решения для РФ и ее регионов.

ВЭД КНР в регионах РФ: сфера логистики и транспортной инфраструктуры

В силу политического и экономического дисбаланса РФ, вызванного крахом СССР и последующими экономическими преобразованиями, вопросы регионального развития, включая сферу логистики, были полностью переданы в ведение непосредственно регионов.

У последних же отсутствовали необходимые для решения этих вопросов финансовые ресурсы, поскольку ВЭД с иностранными государствами, представляла из себя исключительно хаотичную, разнонаправленную торговлю, большая часть которой реализовывалась в теневом сегменте. Для трансфера же объектов торговли в этот период имеющейся инфраструктуры было достаточно. Также сеть пешеходных и автомобильных маршрутов использовалась контрабандистами советского периода.

По этим причинам единственное изменение ВЭД в сфере логистики периода 1990-х гг. – упрощение таможенных процедур товаров, экспортируемых в Китай, на основных пунктах пропуска – г. Забайкальск, г. Благовещенск, порт Восточный. Причем таможенные процедуры были упрощены как для товаров повседневного спроса, так и для товаров промышленного производства и даже природных ресурсов, в большинстве случаев [26]. Помимо прочего, данный факт подтверждает доминирование теневого сектора ВЭД КНР в регионах РФ в 1990-х гг., поскольку подобные меры могли быть приняты только по решению региональной власти по упрощенному порядку, согласованному с Центром, не обладающим фактическим контролем над регионами.

За счет снижения таможенных пошлин и упрощения процесса пропуска товаров китайские приграничные города (Маньчжурия, Хэйхэ) начинают развиваться ускоренными темпами в период первого десятилетия [27]. Вкупе с активным распространением теневого сегмента ВЭД приграничья, а также контрабандой, объемы которой с советского периода увеличились, наблюдались абсолютно бесконтрольные трансграничные перевозки в рамках двусторонней торговли этого периода. При этом инвестиций в развитие железнодорожной инфраструктуры сибирско-дальневосточного региона с китайской стороны в этот период не последовало. Причиной этому послужило доминирование морских путей перевозок товаров в РФ.

Последствия же отсутствия назревших двусторонних проектов в сфере логистики были весьма ощутимы для периферийных регионов. Их вынужденная концентрация на разнонаправленной торговле с Китаем способствовала развитию челночного бизнеса и поставки в регион товаров широкого потребления, несмотря на кризисные условия в стране. В скором времени по причине неразвитой логистической инфраструктуры и отсутствия опыта регулярных приграничных сообщений на уровне межрегиональной ВЭД намечился разрыв между потребностью в экспортных товарах из Китая и реальными транспортными возможностями партнеров. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) устарела, что доказало – логистическая система как на территории Дальнего Востока, так и на протяжении всей российско-китайской транспортной сети нуждается в модернизации.

Во второй половине 1990-х гг. был утвержден проект о строительстве российско-китайского Хэйхэ-Благовещенского пограничного моста через р. Амур, которому надлежало стать связующим звеном двух государств в виде новой транспортной магистрали. Однако реализован данный проект будет только спустя 20 лет [28].

Что касается развития морских приграничных территорий, единственным принимающим российским портом оставался порт Восточный, однако сохранялась низкая координация сообщений между морскими и железнодорожными путями, что сказывалось на скорости экспорта-импорта сырья и товаров.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что в период 1990-х гг. совместная логистическая деятельность с Китаем практически отсутствовала. Исключением явился лишь Дальний Восток. Такое положение дел связано, во-первых, с развитием иного сектора ВЭД – торговли, и наличием внутрироссийских тяготящих факторов; во-вторых, с неподготовленностью регионов к новым российским реалиям. Будучи на протяжении 70 лет всецело зависимыми от центра и включенными в тесные межрегиональные связи после краха СССР, они не смогли выстроить собственную систему привлечения внешних инвестиций в сферу развития хозяйственной логистики, несмотря на то что на ней строилась вся ВЭД с Китаем периода 1990-х гг. Третьим и четвертым факторами явились отсутствие

конкретного плана развития двусторонней логистики и, наконец, географическая отдаленность большинства субъектов РФ от Китая.

С реинкарнацией государственного регулирования 2000-х гг. ситуация глобально не изменилась. Первой и главной мерой центра стало резкое ужесточение таможенного контроля на российских границах, исключившего возможности теневых трансграничных перевозок. Сразу после этого на пути к выстраиванию взаимно интегрированной межгосударственной сети китайская сторона, осознавая свое преимущество, как партнера России, стала требовать преференции транспортировки грузов на приграничных российских территориях [29]. Это стало причиной официального принятия закона «Об особых экономических зонах». Статья 3 данного закона гласит, что «особые экономические зоны создаются в целях развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей экономики, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции».

Положительными аспектами реализации проектов внутри ОЭЗ стал выход из теневого сегмента межрегиональной ВЭД, а также стимулирование инвестиционных потоков из КНР, характерных для периода 2000-х гг. Однако основная проблема, с которой столкнулись резиденты ОЭЗ, – слаборазвитая транспортная инфраструктура, повлекшая за собой высокие риски и издержки реализации проектов, на которые были готовы исключительно крупные контрагенты. Большинство же проектов откладывалось на неопределенный срок, после чего закрывалось [23]. И даже в этих условиях, когда сотрудничество начало укрепляться и «предъявлять» определенные требования к своим участникам, а центр выстроил вертикаль регионального контроля, инициативы качественной модернизации логистической инфраструктуры российских регионов не последовало ни со стороны РФ, ни со стороны КНР. При этом полное исключение из повестки создания новых объектов транспортной инфраструктуры означало то, что глобальный рост товарооборота между российскими регионами и Китаем не наблюдался.

Период 2010-х гг. характеризуется двумя особенностями. Первая – интеграция России в единое экономическое пространство с Казахстаном, получившая выражение в форме ЕАЭС одновременно с развитием китайско-казахстанской транснациональной транспортной системы. Совокупность этих двух факторов стимулировала массовые реверсивные потоки российских товаров в Китай через территорию Казахстана, поскольку резко понижало их стоимость для китайской стороны за счет более низких таможенных пошлин, а также себестоимости перевозки [30]. Данный процесс в перспективе должен быть являться закономерной причиной окончательного отказа Китая инвестировать в российскую логистику.

Однако второй особенностью, характерной для периода политики поворота России на Восток, стали попытки резидентов КНР вести переговоры с высшими представителями региональной власти многих субъектов по созданию совместных логистических центров. Главной отличительной особенностью представителей китайской стороны, участвующих в подоб-

ных инициативах, являлась их фактическая роль посредников, а не конечной инстанции принятия решений по конкретным капиталовложениям и заключению контрактов с посредниками. Более того, никаких связей данных резидентов даже с провинциальными властями зафиксировано не было, не говоря уже о правительстве КНР [31].

Логистические проекты КНР в регионах РФ

№ п/п	Название	Расположение	Год*	Инвестиции	Статус
1	Железнодорожный мост Нижнеленинское–Тунцзян	Между Еврейской АО и г. Тунцзян (Хэйлуцзян) через р. Амур	2022	Первоначальная стоимость 9 млрд руб., 25 % – из Фонда развития Дальнего Востока и Байкальского региона, 75 % – из Фонда прямых инвестиций через российско-китайский фонд	Достроен, регулярное движение поездов – с 2023 г. Пропускная способность – 21 млн т в год [32, 33]
2	Логистический центр в ТОР «Приамурская», инвестиционная площадка «Ровное»	Амурская обл.	2025	1,7 трлн руб., инвесторы – российские компании ООО «БЛИК» и «Агромир», информация о вложениях со стороны Китая отсутствует	В процессе. Будет построено 4 крытых склада, открытые площадки для хранения, зоны погрузки-выгрузки, контроля, сортировочный комплекс [34]
3	Проект «Большой порт Зарубино»	Пос. Зарубино, Приморский край	–	40 млрд руб., где 7 млрд руб. – из федерального бюджета, оставшаяся часть – от инвесторов, однако инвестор еще не найден. Китайские инвесторы предлагают увеличить проектную мощность порта, что потребует дополнительных финансовых затрат	В поисках инвесторов. Предполагается создание перегрузочных комплексов «Порт Зарубино» в бухте Троицы, которые будут включать в себя зерновой, контейнерный и бункеровочный терминалы, также планируется развитие ж/д и транспортной инфраструктуры на участке Зарубино и Хуньчунь (Китай) [35, 36]
4	Транспортно-логистический комплекс «Забайкальск»	Пгт. Забайкальск, Забайкальский край	2022	10 млрд руб. от ОАО «РЖД»	Работает. Комплекс предназначен для перегрузки контейнеров, угля, колесной техники, длинномерных и тяжеловесных грузов [37]
5	Пограничный переход Покровка – Жаохэ	Бикинский район, Хабаровский край и Жаохэ (Хэйлуцзян)	2022	Неизвестно, из фед. бюджета	Работает [38]
6	Автомобильный мост Благовещенск – Хэйхэ	Мост через р. Амур, между Благовещенском (Амурская обл.) и Хэйхэ (Хэйлуцзян)	2020	20 млрд руб., 2/3 инвестиций от правительства Амурской области, остальное – Китай	Работает. Мост снизит трансп. расходы предприятий и в три раза сократит расстояние импортных и экспортных путей [39]
7	Логистический центр в рамках российско-китайского индустриального парка «Биотехнологическая долина»	Хаб аэропорта в Красноярске	2026	Неизвестно. Инициатива от российской стороны (Восточносибирской ассоциации биотехнологических кластеров)	На стадии разработки [40]
8	Логистический центр в г. Юрга	Кемеровская обл., г. Юрга	–	Неизвестно. Планировались от китайской стороны	Не реализован. Для ускорения и упрощения реализации проекта в Юрге была создана ТОР [41], однако инвестор пропал на стадии оформления документов [31]

* Указан год планируемого окончания проекта и состояние на 2022 г.

Оставаясь на данных, приведенных в таблице, охарактеризуем российско-китайские региональные проекты на территории Сибири и Дальнего Востока:

1. Состояние реализованных или находящихся в процессе постройки проектов можно охарактеризовать как удовлетворительное, главным образом за счет привлечения вложений от российской стороны, такие проекты занимают большую часть от общего числа исследованных.

2. Российские инвестиции поступали либо из федерального бюджета, либо от частных лиц, что свидетельствует о том, что российские регионы не являются активными субъектами двустороннего взаимодействия.

3. Китайская сторона самостоятельно практически не вкладывается в проекты (только 1/8 проектов полностью профинансирован ею, частично – 1/4).

Опираясь на опыт проанализированных кейсов, мы можем предположить высокую вероятность системного подхода китайской стороны по переводу через данную отрасль собственных финансовых потоков в теневой сегмент. Учитывая высокую заинтересованность регионов в развитии транспортной инфраструктуры, обоснованную отсутствием соответствующих инициатив из федерального центра, а также стимул в привлечении инвестиций из Китая, продиктованный реализацией политики «Поворота на Восток», очевидна слабая позиция и уязвимость российской стороны перед контрпродуктивными механизмами ВЭД КНР, совершающими незаконную деятельность. То есть фактически к 2019 г. никаких реальных сдвигов даже в модернизации имеющейся инфраструктуры не последовало, не говоря уже о создании новых объектов. При этом распространение через данную сферу теневого сегмента китайской ВЭД в регионах РФ рассматривается нами как объективная реальность.

Другим негативным последствием стало распространение неконтролируемой логистической сети, реализуемой китайскими контрагентами, ведущими деятельность, никак с этой сферой не связанную. Например, по сообщениям региональных СМИ Томской области со ссылкой на силовые структуры, рабочие одного из предприятий ЛПК в г. Асино, занимаясь вырубкой леса, несанкционированно и целенаправленно прорубили дорогу в смежный регион – Красноярский край, после чего осуществляли транспортировку в него круглого леса для последующего экспорта в Китай в обход статистической фиксации со стороны Томской области [42]. Фактически подобное создание частных логистических маршрутов также препятствует полноценному развитию транспортной сети региона и стимулирует трансфер ВЭД в теневой сектор. При наличии подобных процессов в приграничных регионах форсированное развитие также получают потоки контрабанды, в том числе запрещенных товаров.

Транснациональный коридор «Европа-Азия»: конкуренция дальневосточного и центральноазиатского маршрутов

Как и в других сферах, логистическая инфраструктура регионов, в том числе сопряженная с иностранными государствами досталась Российской Федерации в наследие от советского периода. Наличие подобной инфраструктуры в регионах Сибири и Дальнего Востока позволяло данному макрорегиону претендовать на интеграцию его товарных и финансовых потоков в общую сеть между Азией и Европой, в которой ключевым звеном становился развивающийся Китай [9]. Элементы логистической сети периферийных регионов РФ не потеряли своей актуальности до настоящего момента, они включают в себя такие важные железнодорожные и морские объекты, как Транссибирская и Байкало-Амурская железнодорожные магистрали, порты Восточный, Владивосток, Ванино, пункт пропуска Забайкальск–Маньчжурия [26]. Представляется, что в этих условиях развитие логистического наследия Российской империи и Советского Союза для встраивания

восточных регионов в трансконтинентальную евразийскую инфраструктуру, которая начала формироваться в конце XX в., должно было стать обязательным решением федерального центра. Однако подобных действий не последовало.

Наиболее очевидной причиной здесь выступает доминирование в сфере товарных потоков морского сектора грузоперевозок, занимающего на протяжении двух десятилетий более 80% от общего количества перевозимых товаров [43. С. 378]. С началом контактов европейских и азиатских государств в сфере создания евразийских трансконтинентальных коридоров, морские пути остаются в приоритете в силу своей малой себестоимости перевозок [44]. Именно по этой причине сухопутная логистическая инфраструктура регионов РФ также не получила заметного развития.

Однако, несмотря на практически полную заморозку инновационного движения данной сферы в российских регионах, они сохраняли свою монополию на евразийское судоходство и торговлю. Периферия РФ вплоть до 2010-х гг. занимала центральное место в евразийской торговой решетке: российские порты на Дальнем Востоке являлись важными воротами в Европу для импортных товаров и сырья из Китая, а Транссибирская магистраль остается межконтинентальным маршрутом для транзитных перевозок [45].

Ситуация начала меняться во второй половине 2000-х гг., когда большое количество китайских ученых в сфере экономической географии и регионального развития обратили свой взор на транзитное положение ставших суверенными, но еще крайне отсталыми в экономическом аспекте государств Средней Азии. Исследования периода 2007–2011 гг. в Китае были направлены на анализ открывающихся перед Китаем возможностей в развитии сухопутного транзита товаров в Европу как альтернативы морским путям [46]. Это было связано с растущими потребностями европейского рынка в китайских товарах и низкой скоростью доставки по морю. Помимо ученых об этом открыто заговорили и в политических кругах КНР [47. С. 50]. При этом исследований и научных оценок, касающихся развития и использования в направлении европейского транзита имеющейся сухопутной инфраструктуры российских регионов, уже находящейся в двустороннем использовании на протяжении более 100 лет, не проводилось. Учитывая недавнюю общность логистической сети российских периферийных регионов, среднеазиатского региона и Китая, рассмотрим ту инфраструктурную конъюнктуру, которая сложилась к периоду «логистического поворота Китая в сторону Средней Азии» на примере флагмана инновационного развития транспортной сферы макрорегиона – Республики Казахстан.

Для данного государства развитие транспортно-транзитного потенциала фактически является одним из приоритетов экономической стратегии государства (в отличие от внутривнутриполитических приоритетов РФ). Исследователи высказываются о Казахстане как о стране, активно вкладывающейся в развитие транспорта и исключительно благодаря этому добившейся

подъема экономики [48]. Рассмотрим ключевые действия Казахстана по реализации транспортного потенциала и наращиванию логистических мощностей:

1. Республика Казахстан не упустила возможность использовать свое географическое положение, тем самым обеспечив вклад в реализацию госпрограммы инфраструктурного развития «Нұрлыжол», направленной на создание конкурентноспособной транспортной инфраструктуры, развитие транзита и транспортных услуг [49]. Развитие транспортной структуры Казахстана на государственном уровне: реализация программы «Нұрлыжол», которая имеет отношение как к автодорожной инфраструктуре, так и к водному транспорту. Основными результатами «Нұрлыжол» ожидаются: приведение 100% автодорог республиканского значения и 95% дорог областного и районного значения в хорошее и удовлетворительное состояние, рост железнодорожного транзита на 49% (с 18 до 26,9 млн т) и контейнерного железнодорожного транзита с 825 тыс. до 1,661 млн двадцатифутового эквивалента [50].

2. В 2012 г. на границе с КНР Казахстаном был создан второй железнодорожный пограничный переход за счет соединения городов Хоргос и Жетыген 293-километровой железнодорожной цепочкой, что позволило увеличить пропускную способность пограничного пункта до объемов 35–40 млн т в год [51]. Одна станция, к примеру Алтынколь (Алматинская область), выполняет следующие функции: прием и отправление, формирование и расформирование грузовых и пассажирских составов, прием и сдача грузов в КНР, техническое обслуживание и коммерческий осмотр вагонов, смена локомотивов и локомотивных бригад, оформление перевозочных документов, работа по подаче вагонов на погрузочно-разгрузочные фронты и т.д. [52].

3. Кроме того, между КНР и Казахстаном было заключено соглашение о создании совместного логистического центра в порту Ляньюньган [53], провинции Цзянсу, и вскоре был осуществлен запуск регулярного контейнерного поезда по маршруту Ляньюньган – Алматы. Как результат, торговый оборот Казахстана и Китая по итогам 9 месяцев 2018 г. составил 8,2 млрд долларов. В 2021 г. по маршруту КНР – Европа – КНР в общей сложности перевезено 23,8 млн т грузов, из которых 21 млн т приходится на железнодорожный транспорт [54]. В сравнении с Транссибирской магистралью, более 83% международного транзита из Китая в Европу приходится на долю Казахстана.

4. К третьему кварталу 2018 г. в сектор логистики Казахстана Китаем было произведено инвестирование в объеме 4,9 млрд долларов, это в два раза больше остальных инвестиционных вложений в любую другую отрасль страны [55]. Китайские инвестиции способствуют развитию экономики Казахстана, при этом порождают экспансию на построенные за счет китайских вложений объекты, т.е. определенные участки путей, трубопроводы или транспортные узлы становятся подконтрольными Китаю [56].

5. Уже после завершения программы «Нұрлыжол» в 2019 г. между торгово-транспортными компаниями АО «НК “Казахстан темиржолы” China Cosco Shipping

Corporation Limited был подписан Стратегический меморандум о взаимопонимании, направленный на расширение действий Казахстана и Китая в сфере логистики [57].

По мнению казахстанских специалистов [58], территориям Казахстана отведена особая роль при проведении маршрутов «Шелкового пути», поэтому Казахстан должен «диктовать свои условия» и пресекать экспансию, осуществляемую Китаем за счет вложений в программу «Нұрлыжол», маршруты которой сопряжены с «Шелковым путем». Фактически внутреннее форсированное развитие казахстанской транспортной инфраструктуры совпало с интересами КНР.

При этом к 2020 г. сформировался ряд негативных аспектов, вытекающих из тесного казахстанско-китайского сотрудничества:

– Чрезмерная зависимость экономики Казахстана от экспорта топлива, руд и других природных ресурсов в Китай является и рискованной, и неустойчивой [59]. При отсутствии спроса на экспорт ресурсов восстановленные государством железнодорожные системы рискуют оказаться нерентабельными.

– К 2020 г. китайские компании владели 1/4 нефтедобывающих мощностей Казахстана, что обусловлено нивелированием государственного контроля над данной сферой и развитием теневого сектора. Владельцы нефтяных компаний (резиденты КНР) осуществляют часть европейского транзита в обход центра [60]. Констатируется контроль китайских предпринимателей над экспортом части казахстанских ресурсов.

– Выгодополучателем казахстанских проектов, финансируемых китайской стороной, является исключительно центральная власть и региональные элиты государства. При этом население Казахстана испытывает на себе большинство негативных факторов данных процессов, как, например, сокращение числа рабочих мест в исследуемой сфере в связи с неконтролируемой миграцией рабочей силы из Китая. Это вызывает недовольство населения присутствием Китая на территориях Казахстана, что периодически демонстрируется на антикитайских и антикоррупционных протестах [15].

С учетом опыта Казахстана, заключающегося, с одной стороны, в инновационном логистическом развитии и подъеме экономики, с другой – в потере контроля над государственной инфраструктурой из-за отсутствия государственного регулирования совместных проектов, был сформулирован ряд практических шагов, рекомендованных для исполнения в рамках двустороннего логистического взаимодействия с КНР на региональном уровне:

1. Центр должен инвестировать в развитие транзитных маршрутов на периферийных российских территориях, в особенности пролегающих вдоль российско-китайской границы: упрощение таможенных процедур, введение в эксплуатацию новых автомобильных и железнодорожных путей, инвестирование в логистический сектор для стимулирования торговли и увеличения ее объемов и т.д.

2. Развитие логистической инфраструктуры в сибирском и восточном макрорегионах должно быть одним из приоритетных направлений программ регионального

развития, и иметь государственную поддержку, поскольку за 30 лет федерального устройства самостоятельность регионов в данном контексте себя не оправдала.

3. За счет ужесточения государственного контроля над любыми процессами в рамках проектов совместной с КНР ВЭД необходимо исключить развитие теневого сектора, в особенности со стороны китайских контрагентов, в сфере логистики и транспортной инфраструктуры на территориях Дальнего Востока и Сибири.

4. Модернизация и расширение транспортной инфраструктуры должны стать одним из ключевых драйверов российской экономики – с учетом реального спроса на существующие каналы и при этом за счет объективного прогнозирования реальной загрузки транспортных цепочек предполагается выйти на увеличение и стабилизацию грузопотока.

5. Для полноценного конкурирования с выстроенными транснациональными маршрутами в Центральной Азии необходима активная инициатива по созданию крупной межгосударственной логистической сети. Имеющиеся природные и антропогенные ресурсы РФ представляются достаточными для реализации подобных инициатив. Данная сеть должна носить комплексный характер (связывать ж/д, авто-, речные и морские транспортные потоки), соединяя российскую периферию, Китай и европейские государства и находиться под контролем властей двух уровней – регионального и вместе с тем центрального.

Подводя итоги, можно сказать, что последние несколько лет были достигнуты первые за 30 лет конкретные договоренности по логистическому развитию между двумя государствами – китайская сторона все же ответила на предложения региональной власти Приморского края, стремящейся привлечь капиталовложения из КНР для развития региона и Дальнего Востока в целом, при этом контрагенты китайской стороны в этих случаях не были связаны с теневым сектором экономики, но имели и государственную поддержку, и достаточный для реализации конкретных проектов объем оцененного капитала [61].

В 2014 г. было заключено соглашение о строительстве ж/д ветки из города Хунчунь в порт Зарубино, а также увеличении объемов перевалки грузов на транзите КНР – Республика Корея до 9 млн т [62]. Обеими сторонами данная договоренность рассматривается как начало продвижения инициативы «Пояса и Пути», а точнее – морской его составляющей в дальневосточный регион [63]. Идея погрузки на корабли товаров, экспортируемых из северо-восточных регионов Китая, в портах Приморского края, которые являются территориально очень близкими для данных провинций, первоначально выглядела крайне перспективной. Стоимость транспортного коридора от границы до порта Зарубина была оценена Министерством по развитию Дальнего Востока в 300 млрд руб., а основной источник инвестиций – китайские капиталовложения [64]. Выделение средств из российского бюджета Правительством одобрено не было, несмотря на тот факт, что выгодополучателем в этом проекте выступала в основном российская сторона. Китайские инвесторы северо-

восточных провинций, в свою очередь, шли на реализацию данной и рабочей инициативы крайне осторожно.

Причиной стала упомянутая российско-китайская таможенная процедура которой были ужесточены в период 2000-х гг. Несмотря на малое расстояние до китайских провинций, в целом время доставки груза с территории Китая до порта было очень большим из-за длительного времени пребывания на границе. Например, время доставки грузов из города Муданьцзян (провинция Хэйлунцзян) до порта в Шанхае составляет 85 часов со стоимостью 1200 долларов за контейнер. Несмотря на втрое меньшее расстояние, путь до порта Зарубино из той же отправной точки занимает 220 часов при увеличении стоимости перевозки всего лишь на 5–15%. Помимо этого, китайская сторона ставит под сомнение заявленные мощности инфраструктуры порта, а также то, что все транспортируемые товары смогут пройти таможенные процедуры на границе. Упомянутые выше факторы обосновывают осторожность китайской стороны [65].

Однако переговоры по данному транспортному коридору не прекращались вплоть до 2020 г., а китайская сторона не давала окончательного отказа инвестировать в проект при всей очевидности отсутствия для нее выгодополучения [66]. Мотивация продолжать неликвидный для себя проект понятна, если проследить логику региональных властей Китая, которые гипотетически предполагают спонсирование данной инициативы. Она очень прямолинейна и хорошо прослеживается в рамках быстрорастущей транспортной кооперации с Казахстаном, описанной выше. Парадокс поддержки КНР и ее регионов убыточных ж/д перевозок как альтернативы дешевым морским имеет несколько причин.

1. Глобальная конкуренция с США вынуждает КНР минимизировать возможные риски американского давления. Страна вряд ли сможет бросить вызов американскому морскому господству в обозримом будущем, поэтому ей необходимо разработать альтернативные маршруты для импорта природных ресурсов и экспорта коммерческих товаров, которые не могут контролироваться Соединенными Штатами.

2. КНР нужны новые проекты для поддержания темпов экономического роста и преодоления экономической стагнации, которое возможно через строительство инфраструктуры. При этом в самом Китае устранены дефициты жилья и дорожной инфраструктуры, а за последнее десятилетие созданы избыточные мощности в этих секторах. Логичным исходом является трансфер этих мощностей в соседние страны. Для выполнения этой задачи необходимы лояльные партнеры зарубежом, и китайская сторона порой идет на беспрецедентные решения, от предоставления кредитов до формирования нового поколения дружественных Китаю региональных элит в странах, где отсутствует естественная ротация управленческих кадров (государства Средней Азии, регионы РФ) [67].

Реализуя процессы форсированного развития транспортной инфраструктуры в рамках инициативы «Пояса

и Пути», китайская сторона делала региональные власти (например, в Казахстане) зависимыми от ее инвестиций, поскольку если по какой-либо причине остановится спонсирование наземного транспорта с китайской стороны, система, скорее всего, не сможет поддерживать себя. Учитывая растущую зависимость регионов России от китайского рынка, а также уже имеющийся факт привязанности экономики Казахстана к китайскому капиталу из-за развития с ним логистического взаимодействия, представляются необходимыми продуманные спланированные действия российской стороны в рамках углубления дальнейшего сотрудничества в этой сфере ВЭД, особенно в том случае, если в будущем китайская сторона все же одобрит инвестиции в проект описанного выше коридора. Мы можем констатировать практически полное отсутствие региональной ВЭД с Китаем в сфере логистики за исследуемый период. Из российских регионов только приграничные вовлечены в данную кооперацию, что обусловлено исключительно географической близостью и касается в основном таможенных процессов.

При этом острая необходимость развития данной сферы как сопутствующей взаимодействию в других областях представляется обоснованной наличием у остальных регионов Сибири и Дальнего Востока не меньшего ресурсного, транспортного и транзитного потенциалов, чем у приграничья. Однако до периода 2020-х гг. сфера логистики являлась инструментом для трансфера региональной ВЭД КНР в рамки теневого сегмента и никаким образом не была связана ни с инвестиционной деятельностью, ни с органами государственной власти Китая.

Подобный результат явился следствием экономической зависимости регионов, отсутствием квалифицированных кадров, способных давать оценку китайским контрагентам до начала переговорного процесса, а также коррупционной составляющей региональных чиновников РФ. В сочетании с проигранной государствам Средней Азии конкуренцией за приоритетное направление формирования транснационального коридора Европа–Азия, перспективы масштабного инновационного развития логистической сферы не представляются обозримыми в ближайшем будущем.

В отдельных случаях частные логистические инициативы на местах все же получают развитие в рамках ВЭД с перспективным (действующим с одобрения

провинциальной и государственной бюрократии) китайским контрагентом, и даже включаются в рамки программы «Пояса и Пути», несмотря на объективный фактор их убыточности для КНР. При этом со стороны центра РФ не выявлено ни одного действия в сфере региональной логистики, нивелирующего потенциальную экспансию влияния китайского капитала на экономически уязвимые регионы РФ в рамках ВЭД (создание принципиально новых транспортных систем или повышение эффективности государственного регулирования). В числе прочего российской стороне важно учитывать специфику мышления добросовестных китайских инвесторов: для них проекты, осуществляемые при непосредственном участии России и включающие ее капиталовложения, являются гарантией стабильности и плодотворности результатов, тем самым повышая интерес со стороны КНР (по позитивным аспектам примера Казахстана).

Мировая рыночная конъюнктура уже длительный период претерпевает сдвиг привычных устоев: происходит перестройка торговых потоков и наблюдается перевес экономической активности в сторону Азии [59]. При такой тенденции РФ необходимо в ближайшие сроки форсировать расширение логистических возможностей ее регионов, чтобы приблизиться к уровню стратегического партнера-лидера в лице Китая и занять равную с ним позицию, а не остаться на периферии транснациональных интеграционных процессов. Долгосрочный эффект принятых Россией решений станет ключевым фактором при определении отведенной ей роли в дальнейшем выстраивании трансконтинентальных торговых маршрутов. Именно поэтому важно объективно подходить к последующим соглашениям и проектам, чтобы соблюдать национальные интересы в рамках межгосударственного сотрудничества.

Разработка новых логистических маршрутов и модернизация устаревшей инфраструктуры в соответствии с международными стандартами, а также запросами транснационального движения товаров будут ведущими факторами на пути к встраиванию РФ в единое логистическое пространство Евразии. Это станет возможным только за счет системного государственного финансирования региональной логистики, а также контроля за всеми логистическими процессами в рамках ВЭД с иностранными государствами (в первую очередь соседними) со стороны центра.

Список источников

1. В Китае заявили об уверенном сохранении статуса второй экономики мира // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200117/1563521902.html> (дата обращения: 18.08.2022).
2. Рокина Д.С., Котенко А.А. Экономика Китая в системе мирового хозяйства // Вестник молодежной науки. 2021. № 3 (30).
3. Zou Lei. The political economy of China's Belt and Road Initiative // Series on China's Road and Belt Initiative. 2018. P. 1–403.
4. Федеративный договор от 31.03.1992 «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120324/ (дата обращения: 22.07.2022)
5. Зарубин А.Н. Фактор экологии в новейшей истории межрегиональных отношений России и Китая // Известия Алтайского государственного университета. 2021. № 5 (121). С. 1–5.
6. Балакин В.С., Сяоин Лу. КНР и СССР в 1960-е и 1980-е годы: от конфронтации к равноправному сотрудничеству // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2016. № 1. С. 1–5.
7. Ма Бо. Стратегия России «Поворот на Восток»: возможности и вызовы для сопряжения с китайскими трансрегиональными проектами // Сравнительная политика. 2017. Т. 8, № 2. С. 7–18.
8. «Один пояс – один путь» предполагает «большую игру» и «большую битву» // Регнум. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2726894.html> (дата обращения: 22.07.2022).

9. Сазонов С.И. Место России и ДФО в системе евроазиатских транспортных коридоров // РОССИЯ: тенденции и перспективы развития. 2015. С. 420–424.
10. Основные показатели транспортной деятельности в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Publ_TR_2021.docx (дата обращения: 27.07.2022).
11. Qin Fang Ming. Текущая ситуация на железнодорожном транспорте в странах Центральной Азии : Анализ проблем и развития [中亚国家铁路运输的现状_问题与发展探析] // Research on Development. 2007. № 4. Р. 1–4. (на кит. яз.).
12. Международные автомобильные перевозки грузов // Таможенный брокер. URL: <http://www.brokert.ru/material/mezhdunarodnye-avtomobilnye-perevozki-gruzov> (дата обращения: 25.07.2022).
13. Щербанин Ю.А. Некоторые проблемы развития железнодорожной инфраструктуры в России // Проблемы прогнозирования. 2012. С. 1–14.
14. Почему так важно провести онлайн-конференцию Беоасского азиатского форума в Бангкоке в июле? [Фото] [博鳌亚洲论坛曼谷会议7月上半场为什么会如此重要? [组图]. URL: http://www.china.com.cn/newphoto/news/2017-06/20/content_41063879_3.htm (дата обращения: 25.07.2022) (на кит. яз.).
15. Зуенко И.Ю. Антикитайские протесты на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18, № 6 (106). С. 174–186.
16. Зубань С.В., Зуенко И.Ю. Китай и ЕАЭС: динамика трансграничного движения товаров и будущее евразийской интеграции // Интеграция в АТР. 2017. С. 1–20.
17. Пименова А.О. «Один пояс – один путь» как глобальный экономический проект Китая // Концепт : научно-методический электронный журнал. 2020. № 5. С. 1–7.
18. Баженов Ю.М., Донцова И.А., Акимова А.О. Экономическая выгода стран проекта «Один пояс – один путь» // Постсоветский материк. 2021. № 2 (30). С. 88–96.
19. Комиссина И.Н. Морской Шелковый путь XXI в. – глобальный геополитический проект Китая // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 1 (40). С. 60–81.
20. Сяоин Лу. Повороты в сфере экономического сотрудничества между Россией и Китаем с 1992 по 1996 г. // Историческая и социально образовательная мысль. 2018. № 2-2. С. 108–114.
21. Baltensperger M., Dadush U. The Belt and Road Turns Five // Bruegel: Policy Contribution. 2019. P. 1–16.
22. Meidan M., Patey L. The Challenges Facing China's Belt and Road Initiative // DIIS: Danish Institute for International Studies. 2016. P. 1–5.
23. Лаврентьев А.В. Развитие железнодорожных сообщений между российским Дальним Востоком и КНР // Территория новых возможностей: Дальний Восток России в АТР и в мире: история и 21 век. 2010. № 2 (6). С. 100–108.
24. Ларин В.Л., Песцов С.К., Зуенко И.Ю. Программа сотрудничества восточных регионов России и северо-восточного Китая 2009–2018: итоги и дальнейшие перспективы // У карты Тихого океана. 2018. № 3 (251). С. 1–30.
25. Текущее состояние и планы развития транспортной отрасли России [俄罗斯交通业现状和发展规划]. URL: <http://www.doczj.com/doc/4a5559913-3.html> (дата обращения: 30.07.2022) (на кит. яз.).
26. Коваленко Ю.В. Приграничные транспортные связи Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2006. № 6. С. 21–26.
27. Изотов Д.А., Юн С.Е. Приграничное сотрудничество как объект исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 4. С. 8–21.
28. Мост через Амур в Китай заработал после двух лет ковидного простоя // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/845677> (дата обращения: 30.07.2022).
29. Зверев Г.С. Понять Красного дракона. Владивосток : Золотой Рог, 2005.
30. Гельбрас В.Г. Геоэкономическая стратегия Китая // Азия и Африка сегодня. 2016. № 1.
31. Зарубин А.Н. Проблемы и парадоксы сотрудничества регионов Российской Федерации и Китайской Народной Республики в 1990–2010-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 114–122. doi: 10.17223/15617793/469/15
32. Железнодорожный мост Нижнеленинское – Тунцзян // Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Железнодорожный_мост_Нижнеленинское_—_Тунцзян (дата обращения: 27.05.2022).
33. Достроен железнодорожный мост между Россией и Китаем // Гудок. URL: <https://gudok.ru/news/?ID=1575383> (дата обращения: 27.05.2022).
34. Логистический центр для роста товарооборота с КНР построят в Приамурье // EastRussia. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/logisticheskij-tsentr-dlya-rosta-tovarooborota-s-krp-postroyat-v-priamurie/> (дата обращения: 27.05.2022).
35. Китай предлагает создать логистический центр, чтобы разгрузить порт Зарубино // ATI.SU. URL: <https://news.ati.su/news/2014/08/13/kitaj-predlagaet-sozdat-logisticheskij-tsentr-chtoby-zagruzit-port-zarubino-494993/> (дата обращения: 27.05.2022).
36. Окно в Китай. Братья Магомедовы построят самый крупный порт на Дальнем Востоке // ATI.SU. URL: <https://news.ati.su/news/2014/08/13/kitaj-predlagaet-sozdat-logisticheskij-tsentr-chtoby-zagruzit-port-zarubino-494993/> (дата обращения: 27.05.2022).
37. Разворот на Восток: в Забайкалье введен в строй крупный транспортно-логистический комплекс Забайкальск // Vostok.Today : Поворот на Восток. URL: <https://vostok.today/41102-razvorot-na-vostok-v-zabajkale-vveden-v-stroj-krupnyj-transportno-logisticheskij-kompleks-zabajkalsk.html> (дата обращения: 27.05.2022).
38. Приграничный пункт с Жаоэхэ откроется в крае // Новости Хабаровска. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2022/04/12/140898/> (дата обращения: 27.05.2022).
39. Автомобильный мост между Россией и Китаем. История проекта и ход строительства // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/7227981> (дата обращения: 27.05.2022).
40. В Красноярске к 2026 году могут создать российско-китайский индустриальный парк // Индустриальные парки и технопарки России. URL: <https://russiaindustrialpark.ru/news/v-krasnoyarske-k-2026-godu-mogut-sozdat-rossijsko-kitajskiy-industrialnyy-park> (дата обращения: 28.05.2022).
41. Юрга станет территорией опережающего развития // Комсомольская правда. URL: <https://www.kem.kp.ru/daily/26441/3312342/#:~:text=Юрга%20станет%20первым%20кузбасским%20моногородом%20С.России%20на%20заседании%20профильной%20комиссии> (дата обращения: 28.05.2022).
42. Образ жизни. Регион : Еженедельная газета Асиновского района Томской области. Выпуск 13.06.2012.
43. Леонтьев Р.Г., Хмель В.А. Международные транспортные коридоры: трансформации региональной инфраструктуры. М. : ВНИИТИ РАН, 2003.
44. Ребковец А.В., Голенков В.Е. Исследование перспективного развития перевозок на пограничных реках Амурского бассейна и в смешанном плавании «река-море» сообщением Россия-КНР // Материалы семинара по транспортному сотрудничеству в пограничных районах Китая и России. Харбин, 2006. С. 4–8. (на рус. и кит. яз.).
45. Материалы семинара по транспортному сотрудничеству в пограничных регионах Китая и России. Харбин, 2006. 24 с. (на рус. и кит. яз.).
46. Цин Фамин. Анализ современного состояния и перспектив развития железнодорожной сети Средней Азии // Региональная экономика и региональное планирование. 2007. № 4. С. 31–34. (на кит. яз.).
47. Савкович Е.В. Политика Китая в Центральной Азии: 1992–2012 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2013.

48. Зуенко И.Ю., Зубань С.В. Трансконтинентальный транзит Европа–Азия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 7. С. 70–76.
49. Государственная программа инфраструктурного развития РК «Нұрлыжол» на 2020–2025 годы // *Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан*. URL: <https://primeminister.kz/ru/gosprogrammy/gosudarstvennaya-programma-infrastrukturnogo-razvitiya-rk-nurly-zhol-na-2020-2025-gg-9115141> (дата обращения: 28.10.2022).
50. Итоги программы «Нұрлыжол» за пять лет // *zakon.kz*. URL: <https://www.zakon.kz/5018356-itogi-programmy-n-rly-zhol-za-pyat-let.html> (дата обращения: 15.07.2022).
51. Ввод железнодорожного участка «Жетыген–Хоргос» увеличит пропускную способность на границе с КНР // *Международное информационное агентство «Казинформ»*. URL: https://www.inform.kz/ru/vvod-zheleznodorozhnogo-uchastka-zhetygen-horgos-uvlechit-prpusknuyu-sposobnost-na-granice-s-knr-ermek-kizatov_a2189342 (дата обращения: 15.07.2022).
52. Как работает железнодорожная станция Алтынколь на границе Казахстана и Китая // *Международное информационное агентство «Казинформ»*. URL: https://www.inform.kz/ru/kak-rabotaet-zheleznodorozhnaya-stanciya-altyngol-na-granice-kazahstana-i-kitaya_a3821434 (дата обращения: 15.07.2022).
53. КНР и Казахстан подписали соглашение о совместном проекте создания логистического терминала в порту Ляньюньган // *ПортНьюс – Информационно-аналитическое агентство*. URL: <https://portnews.ru/news/173707/> (дата обращения: 16.07.2022).
54. Вырос общий объем транзита через Казахстан в 2021 г. // *Железнодорожник Казахстана*. URL: <https://rail-news.kz/ru/cargo-transportation/10901-vyugos-obshchij-obem-tranzita-cherez-kazahstan-v-2021-godu.html> (дата обращения: 16.07.2022).
55. Китай стал крупнейшим инвестором транспортной инфраструктуры Казахстана // *zakon.kz*. URL: <https://www.zakon.kz/4947163-kitay-stal-kрупнейshim-investorom.html> (дата обращения: 16.07.2022).
56. Цена стабильности: Китай строит Казахстан на свои деньги // *Lenta*. URL: https://lenta.ru/articles/2019/06/18/money_money/ (дата обращения: 31.07.2022).
57. Казахстан и Китай намерены расширить взаимодействие в сфере транспорта и логистики // *АПК ИНФОРМ*. URL: <https://www.apk-inform.com/ru/news/1109866> (дата обращения: 30.07.2022).
58. Китайский Шелковый путь и «НурлыЖол» пойдут одной дорогой // *Forbes Казахстан*. URL: <https://forbes.kz/finances/integration/kitayskiy-shelkovyiy-put-i-nurlyj-ol-poydut-odnoy-dorogoy> (дата обращения: 15.07.2022).
59. Hongzhou Z. Building the Silk Road Economic Belt: Challenges in Central Asia // *Cambridge Journal of China Studies*. 2015. P. 17–35.
60. В РК 22 нефтяные компании с китайским участием // *Forbes Казахстан*. URL: https://forbes.kz/process/probing/v_rk_rabotayut_22-neftyanye-kompanii-s-kitayskim-uchastiem (дата обращения: 30.07.2022).
61. Транзитные проекты призраивают в Китай. В Приморье позволили очередную инфраструктурную компанию из КНР // *EastRussia*. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/tranzitnye-proekty-pristraivayut-v-kitay/> (дата обращения: 12.06.2021).
62. Россия обеспечивает КНР пути экспансии: переход на «китайскую» колею // *NEWSru.co.il*. URL: <https://www.newsru.co.il/world/25apr2016/russia498.html> (дата обращения: 12.06.2021).
63. РФ переходит на колею КНР: Правительство отказывается от отечественных железнодорожных стандартов ради дружбы с Поднебесной // *Независимая газета*. URL: https://www.ng.ru/economics/2016-04-25/1_knr.html (дата обращения: 12.06.2021).
64. Тисе едешь: насколько РЖД готова развивать международные перевозки в Приморье? // *Восток медиа*. URL: <https://vostokmedia.com/article/general/17-06-2020/tishe-edesh-naskolko-rzhd-gotova-razvivat-mezhdunarodnye-perevozki-v-primorie> (дата обращения: 12.06.2021).
65. «Приморье-2» упирается в Троицу // *EastRussia*. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/primore-2-upiraetsya-v-troitsu/> (дата обращения: 12.06.2021).
66. Многообещающий порт Зарубино // *Морские вести России*. URL: <http://www.morvesti.ru/analitika/1688/84824/> (дата обращения: 12.06.2021).
67. Лян Хун-И. Тайвань, российско-китайское сотрудничество и безопасность в Восточной Азии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2017. № 2. С. 86–95.

References

1. RIA Novosti. (2020) V Kitae zayavili ob uverennom sokhraneni statusa vtoroy ekonomiki mira [China announced confident preservation of its status as the second economy in the world]. *RIA Novosti*. 17 January. [Online] Available from: <https://ria.ru/20200117/1563521902.html> (Accessed: 18.08.2022).
2. Rokina, D.S. & Kotenko, A.A. (2021) *Ekonomika Kitaya v sisteme mirovogo khozyaystva* [The Chinese economy in the world economy]. *Vestnik molodezhnoy nauki*. 3 (30).
3. Zou, L. (2018) *The political economy of China' Belt and Road Initiative*. World Scientific.
4. Consultant Plus. (1992) *Agreement on the delimitation of jurisdiction and powers between the federal government bodies of the Russian Federation and the authorities of the sovereign republics within the Russian Federation. Federative Agreement of March 31, 1992*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120324/ (Accessed: 22.07.2022). (In Russian).
5. Zarubin, A.N. (2021) Faktor ekologii v noveyshey istorii mezhregional'nykh otoshneniy Rossii i Kitaya [The environmental factor in the modern history of interregional relations between Russia and China]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5 (121). pp. 1–5.
6. Balakin, V.S. & Syaoin, Lu. (2016) KNR i SSSR v 1960-e i 1980-e gody: ot konfrontatsii k ravnopravnomu sotrudnichestvu [China and the USSR in the 1960s and 1980s: from confrontation to equal cooperation]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 1–5.
7. Ma, B. (2017) Strategiya Rossii "Povorot na Vostok": vozmozhnosti i vyzovy dlya sopryazheniya s kitayskimi transregional'nymi proektami [Russia's "Turn to the East" strategy: opportunities and challenges for interfacing with Chinese transregional projects]. *Sravnitel'naya politika*. 2 (8). pp. 7–18.
8. Tarasov, S. (2023) "Odin poyas – odin put" predpolagaet "bol'shuyu igru" i "bol'shuyu bitvu" ["One Belt – One Road" presupposes a "great game" and a "great battle"]. *Regnum*. 29 October. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/polit/2726894.html> (Accessed: 22.07.2022).
9. Sazonov, S.L. (2015) Mesto Rossii i DFO v sisteme evroaziatskikh transportnykh koridorov [The place of Russia and the Far Eastern Federal District in the system of Euro-Asian transport corridors]. In: Pivovarov, Yu.S. (ed.) *ROSSIYA: tendentsii i perspektivy razvitiya* [RUSSIA: Trends and development prospects]. Moscow: INION RAS. pp. 420–424.
10. Federal State Statistics Service for the Russian Federation. (2021) *Osnovnye pokazateli transportnoy deyatel'nosti v Rossii* [Main indicators of transport activity in Russia]. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Publ_TR_2021.docx (Accessed: 27.07.2022).
11. Qin, F.M. (2007) Current situation in railway transport in the countries of Central Asia: Analysis of problems and development. *Research on Development*. 4. pp. 1–4. (In Chinese).
12. Tamozhennyi broker [Customs Broker]. (n.d.) *Mezhdunarodnye avtomobil'nye perevozki gruzov* [International road transport of goods]. [Online] Available from: <http://www.brokert.ru/material/mezhdunarodnye-avtomobilnye-perevozki-gruzov> (Accessed: 25.07.2022).
13. Shcherbanin, Yu.A. (2012) Nekotorye problemy razvitiya zheleznodorozhnoy infrastruktury v Rossii [Some problems of the development of railway infrastructure in Russia]. *Problemy prognozirovaniya*. 1. pp. 1–14.
14. Zhao, N. (2017) Why is it important to hold the Boao Asia Forum online in Bangkok in July? [Photo]. *China.com*. 20 June. [Online] Available from: http://www.china.com.cn/newphoto/news/2017-06/20/content_41063879_3.htm (Accessed: 25.07.2022). (In Chinese).

15. Zuenko, I.Yu. (2020) Antikitayskie protesty na postsovetском prostranstve [Anti-Chinese protests in the post-Soviet space]. *Rossiya v global'noy politike*. 6–18 (106). pp. 174–186.
16. Zuban', S.V. & Zuenko, I.Yu. (2017) Kitay i EAES: dinamika transgranichnogo dvizheniya tovarov i budushchee evraziyskoy integratsii [China and EAES: dynamics of cross-border movement of commodities and the future of Eurasian integration]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 2 (79). pp. 5–24.
17. Pimenova, A.O. (2020) "Odin po yas – odin put'" kak global'nyy ekonomicheskiy proekt Kitaya ["One Belt – One Road" as a global economic project of China]. *Kontsept: nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal*. 5. pp. 1–7.
18. Bazhenov, Yu.M., Dontsova, I.A. & Akimova, A.O. (2021) Ekonomicheskaya vygoda stran proekta "Odin po yas – odin put'" [Economic benefit of the countries of the "One Belt – One Road" project]. *Postsovetskiy materik*. 2 (30). pp. 88–96.
19. Komissina, I.N. (2017) Morskoy Shelkovyy put' XXI v. – global'nyy geopoliticheskiy proekt Kitaya [Maritime Silk Road of the 21st century. – China's global geopolitical project]. *Problemy natsional'noy strategii*. 1 (40). pp. 60–81.
20. Syaoin, Lu. (2018) Povороты в сфере экономического сотрудничества между Россией и Китаем с 1992 по 1996 г. [Turns in the sphere of economic cooperation between Russia and China from 1992 to 1996]. *Istoricheskaya i sotsial'no obrazovatel'naya mysl'*. 2–2. pp. 108–114.
21. Baltensperger, M. & Dadush, U. (2019) The Belt and Road Turns Five. *Bruegel: Policy Contribution*. 10 January. pp. 1–16.
22. Meidan, M. & Patey, L. (2016) *The Challenges Facing China's Belt and Road Initiative*. DIIS: Danish Institute for International Studies.
23. Lavrent'ev, A.V. (2010) Razvitiye zheleznodorozhnykh soobshcheniy mezhdu rossiyskim Dal'nim Vostokom i KNR [Development of railway communications between the Russian Far East and the People's Republic of China]. *Territoriya novykh vozmozhnostey: Dal'niy Vostok Rossii v ATR i v mire: istoriya i 21 vek*. 2 (6). pp. 100–108.
24. Larin, V.L., Pestsov, S.K. & Zuenko, I.Yu. (2018) Programma sotrudnichestva vostochnykh regionov Rossii i severo-vostochnogo Kitaya 2009–2018: itogi i dal'neyshie perspektivy [Cooperation program between the eastern regions of Russia and northeastern China 2009–2018: results and further prospects]. *U karty Tikhogo okeana*. 3 (251). pp. 1–30.
25. Doczj.com. (n.d.) *The current state and plans for the development of the Russian transport industry*. [Online] Available from: <http://www.doczj.com/doc/4a5559913-3.html> (Accessed: 30.07.2022). (In Chinese).
26. Kovalenko, Yu.V. (2006) Prigranichnye transportnye svyazi Dal'nego Vostoka Rossii i Severo-Vostochnogo Kitaya [Cross-border transport links between the Russian Far East and North-East China]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 6. pp. 21–26.
27. Izotov, D.A. & Yun, S.E. (2011) Prigranichnoe sotrudnichestvo kak ob'ekt issledovaniya [Cross-border cooperation as an object of research]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 4. pp. 8–21.
28. Interfaks. (2022) Most cherez Amur v Kitay zarabotal posle dvukh let kovidnogo prostoya [The bridge across the Amur to China started working after two years of Covid-induced downtime]. *Interfaks*. 10 June. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/russia/845677> (Accessed: 30.07.2022).
29. Zverev, G.S. (2005) *Ponyat' Krasnogo drakona* [Understand the Red Dragon]. Vladivostok: Zolotoy Rog.
30. Gel'bras, V.G. (2016) Geoekonomicheskaya strategiya Kitaya [Geoeconomic strategy of China]. *Aziya i Afrika segodnya*. 1.
31. Zarubin, A.N. (2021) Problems and paradoxes of cooperation between the regions of the Russian Federation and the People's republic of China in the 1990s – 2010s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 469. pp. 114–122. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/469/15
32. Wikipedia. (n.d.) *Zheleznodorozhnyy most Nizhneleninskoe – Tuntszyan* [Tongjiang-Nizhneleninskoye railway bridge]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Zheleznodorozhnyy_most_Nizhneleninskoe_-_Tuntszyan (Accessed: 27.05.2022).
33. Gudok.ru. (2021) Dostroen zheleznodorozhnyy most mezhdu Rossiei i Kitaem [The railway bridge between Russia and China has been completed]. *Gudok.ru*. 12 August. [Online] Available from: <https://gudok.ru/news/?ID=1575383> (Accessed: 27.05.2022).
34. EastRussia. (2022) Logisticheskiy tsentr dlya rosta tovarooborota s KNR postroyat v Priamur'e [A logistics center to increase trade turnover with China will be built in the Amur region]. *EastRussia*. 15 April. [Online] Available from: <https://www.eastrussia.ru/news/logisticheskiy-tsentr-dlya-rosta-tovarooborota-s-knr-postroyat-v-priamure/> (Accessed: 27.05.2022).
35. ATI.SU. (2014) Kitay predlagaet sozdat' logisticheskiy tsentr, chtoby razgruzit' port Zarubino [China proposes to create a logistics center to relieve the port of Zarubino]. *ATI.SU*. 13 August. [Online] Available from: <https://news.ati.su/news/2014/08/13/kitaj-predlagaet-sozdat-logisticheskiy-tsentr-chtoby-zagruzit-port-zarubino-494993/> (Accessed: 27.05.2022).
36. Kuznetsova, N. (n.d.) Okno v Kitay. Brat'ya Magomedovy postroyat samyy krupnyy port na Dal'nem Vostoke [Window to China. The Magomedov brothers will build the largest port in the Far East]. *MORSTROYTEKHNOLOGIYA*. [Online] Available from: <https://morproekt.ru/articles/blog/544-okno-v-kitaj> (Accessed: 27.05.2022).
37. Vostok.Today: Povорот na Vostok. (2022) Razvorot na Vostok: v Zabaykal'e vveden v stroy krupnyy transportno-logisticheskiy kompleks Zabaykal'sk [Turning to the East: a large transport and logistics complex Zabaikalsk was put into operation in Transbaikalia]. *Vostok.Today: Povорот na Vostok*. 29 March. [Online] Available from: <https://vostok.today/41102-razvorot-na-vostok-v-zabajkale-vveden-v-stroj-krupnyj-transportno-logisticheskiy-kompleks-zabajkalsk.html> (Accessed: 27.05.2022).
38. DVHAB.RU. (2022) Prigranichnyy punkt s Zhaokhe otkroetsya v krae [A border point with Raohe will open in the region]. *DVHAB.RU*. 12 April. [Online] Available from: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2022/04/12/140898/> (Accessed: 27.05.2022).
39. TASS. (2019) Avtomobil'nyy most mezhdu Rossiei i Kitaem. Istoriya proekta i khod stroitel'stva [Road bridge between Russia and China. History of the project and progress of construction]. *TASS*. 29 November. [Online] Available from: <https://tass.ru/info/7227981> (Accessed: 27.05.2022).
40. Industrial'nye parki i tekhnoparki Rossii. (n.d.) V Krasnoyarske k 2026 godu mogut sozdat' rossiysko-kitayskiy industrial'nyy park [A Russian-Chinese industrial park may be created in Krasnoyarsk by 2026]. *Industrial'nye parki i tekhnoparki Rossii*. [Online] Available from: <https://russiaindustrialpark.ru/news/v-krasnoyarske-k-2026-godu-mogut-sozdat-rossiysko-kitayskiy-industrialnyy-park> (Accessed: 28.05.2022).
41. Komsomol'skaya pravda. (2015) Yurga stanet territoriy opereshayushchego razvitiya [Yurga will become a priority development area]. *Komsomol'skaya pravda*. 5 October. [Online] Available from: <https://www.kem.kp.ru/daily/26441/3312342/#:~:text=Yurga%20stanet%20pervym%20kuzbasskim%20monogorodom%2C,Rossii%20na%20zasedanii%20profil'noy%20komissii> (Accessed: 28.05.2022).
42. *Obraz zhizni. Region*. (2012) 13 June.
43. Leont'ev, R.G. & Khmel', V.A. (2003) *Mezhdunarodnye transportnye koridory: transformatsii regional'noy infrastruktury* [International Transport Corridors: Transformations of regional infrastructure]. Moscow: VNIIT RAN.
44. Rebkovets, A.V. & Golenkov, V.E. (2006) Issledovanie perspektivnogo razvitiya perevozok na pogranichnykh rekakh Amurskogo basseyna i v smeshannom plavanii "reka-more" soobshcheniem Rossiya-KNR [Study of the future development of transportation on the border rivers of the Amur basin and in mixed river-sea navigation between Russia and China]. In: *Materialy seminarov po transportnomu sotrudnichestvu v pogranichnykh rayonakh Kitaya i Rossii* [Materials of a Seminar on Transport Cooperation in the Border Areas of China and Russia]. Harbin: [s.n.]. pp. 4–8. (In Russian and Chinese).
45. Anon. (2006) *Materialy seminarov po transportnomu sotrudnichestvu v pogranichnykh rayonakh Kitaya i Rossii* [Materials of a Seminar on Transport Cooperation in the Border Areas of China and Russia]. Harbin: [s.n.]. (In Russian and Chinese).
46. Qing, F. (2007) Analiz sovremennogo sostoyaniya i perspektiv razvitiya zheleznodorozhnoy seti Sredney Azii [Analysis of the current state and prospects for the development of the railway network in Central Asia]. *Regional'naya ekonomika i regional'noe planirovaniye*. 4. pp. 31–34. (In Chinese).
47. Savkovich, E.V. (2013) *Politika Kitaya v Tsentral'noy Azii: 1992–2012 gg.* [Chinese Policy in Central Asia: 1992–2012]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.

48. Zuenko, I.Yu. & Zuban', S.V. (2016) Transkontinental'nyy tranzit Evropa–Aziya [Transcontinental transit Europe–Asia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 7. pp. 70–76.
49. Ofitsial'nyy informatsionnyy resurs Prem'er-Ministra Respubliki Kazakhstan [Official Information Source of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan]. (n.d.) *Gosudarstvennaya programma infrastruktornogo razvitiya RK "Nurlyzhol" na 2020–2025 gody* [State program for infrastructural development of the Republic of Kazakhstan "Nurlyzhol" for 2020–2025]. [Online] Available from: <https://primeminister.kz/ru/gosprogrammy/gosudarstvennaya-programma-infrastruktornogo-razvitiya-rk-nurly-zhol-na-2020-2025-gg-9115141> (Accessed: 28.10.2022).
50. Zakon.kz. (2020) Itogi programmy "Nurlyzhol" za pyat' let [Results of the Nurlyzhol program for five years]. *Zakon.kz*. 21 April. [Online] Available from: <https://www.zakon.kz/5018356-itogi-programmy-n-ly-zhol-za-pyat-let.html> (Accessed: 15.07.2022).
51. Kazinform. (2009) Vvod zheleznodorozhnogo uchastka "Zhetygen-Khorgos" uvelichit propusknyuyu sposobnost' na granitse s KNR [The commissioning of the Zhetygen-Khorgos railway section will increase capacity on the border with the People's Republic of China]. *Kazinform*. 3 August. [Online] Available from: https://www.inform.kz/ru/vvod-zheleznodorozhnogo-uchastka-zhetygen-horgos-uvelichit-propusknyuyu-sposobnost-na-granice-s-krn-ermek-kizatov_a2189342 (Accessed: 15.07.2022).
52. Kazinform. (2021) Kak rabotaet zheleznodorozhnaya stantsiya Altynkol' na granitse Kazakhstana i Kitaya [How the Altynkol railway station works on the border of Kazakhstan and China]. *Kazinform*. 8 August. [Online] Available from: https://www.inform.kz/ru/kak-rabotaet-zheleznodorozhnaya-stantsiya-altynkol-na-granice-kazahstana-i-kitaya_a3821434 (Accessed: 15.07.2022).
53. PortNews. (2014) KNR i Kazakhstan podpisali soglasenie o sovmeystnom proekte sozdaniya logisticheskogo terminala v portu Lyan'yun'gan [The PRC and Kazakhstan signed an agreement on a joint project to create a logistics terminal in the port of Lianyungang]. *PortNews*. 15 January. [Online] Available from: <https://portnews.ru/news/173707/> (Accessed: 16.07.2022).
54. Zheleznodorozhnik Kazakhstana. (2022) Vyros obshchiy ob'em tranzita cherez Kazakhstan v 2021 g. [The total volume of transit through Kazakhstan has increased in 2021]. *Zheleznodorozhnik Kazakhstana*. 25 February. [Online] Available from: <https://rail-news.kz/ru/cargo-transportation/10901-vyros-obshchij-obem-tranzita-cherz-kazahstan-v-2021-godu.html> (Accessed: 16.07.2022).
55. Zakon.kz. (2018) Kitay stal krupneyshim investorem transportnoy infrastruktury Kazakhstan [China has become the largest investor in Kazakhstan's transport infrastructure]. *Zakon.kz*. 23 November. [Online] Available from: <https://www.zakon.kz/4947163-kitay-stal-krupneyshim-investorom.html> (Accessed: 16.07.2022).
56. Plotnikov, D. (2019) Tsena stabil'nosti: Kitay stroit Kazakhstan na svoi den'gi [The price of stability: China is building Kazakhstan with its own money]. *Lenta*. 18 June. [Online] Available from: https://lenta.ru/articles/2019/06/18/money_money/ (Accessed: 31.07.2022).
57. APK INFORM. (2019) Kazakhstan i Kitay namereny rasshirit' vzaimodeystvie v sfere transporta i logistiki [Kazakhstan and China intend to expand cooperation in the field of transport and logistics]. *APK INFORM*. 17 May. [Online] Available from: <https://www.apk-inform.com/ru/news/1109866> (Accessed: 30.07.2022).
58. Gayfutdinova, V. (2015) Kitayskiy Shelkovyy put' i "NurlyZhol" poydut odnoy dorogoy [The Chinese Silk Road and NurlyZhol will go the same way]. *Forbes Kazakhstan*. 12 May. [Online] Available from: https://forbes.kz/finances/integration/kitayskiy_shelkovyy_put_i_nurly_jol_poydut_odnoy_dorogoy (Accessed: 15.07.2022).
59. Hongzhou, Z. (2015) Building the Silk Road Economic Belt: Challenges in Central Asia. *Cambridge Journal of China Studies*. pp. 17–35.
60. Forbes Kazakhstan. (2013) V RK 22 neftyanye kompanii s kitayskim uchastiem [There are 22 oil companies with Chinese participation in the Republic of Kazakhstan]. *Forbes Kazakhstan*. 12 January. [Online] Available from: https://forbes.kz/process/probing/v_rk_rabotayut_22_neftyanyie_kompanii_s_kitayskim_uchastiem (Accessed: 30.07.2022).
61. Mikhaylov, I. (2018) Tranzitnye projekty pristraivayut v Kitay. V Primor'e pozvali ocherednuyu infrastrukturmuyu kompaniyu iz KNR [Transit projects are being added to China. Another infrastructure company from China was invited to Primorye]. *EastRussia*. 15 June. [Online] Available from: <https://www.eastrussia.ru/material/tranzitnye-proekty-pristraivayut-v-kitay/> (Accessed: 12.06.2021).
62. NEWSru.co.il. (2016) Rossiya obespechivaet KNR puti ekspansii: perekhod na "kitayskuyu" koleyu [Russia provides China with ways of expansion: transition to the "Chinese" track]. *NEWSru.co.il*. [Online] Available from: <https://www.newsru.co.il/world/25apr2016/russia498.html/> (Accessed: 12.06.2021).
63. Nezavisimaya gazeta. (2016) RF perekhodit na koleyu KNR: Pravitel'stvo otkazyvaetsya ot otechestvennykh zheleznodorozhnykh standartov radi druzhby s Podnebesnoy [The Russian Federation is switching to the track of the People's Republic of China: The government abandons domestic railway standards for the sake of friendship with the Celestial Empire]. *Nezavisimaya gazeta*. 25 April. [Online] Available from: https://www.ng.ru/economics/2016-04-25/1_knr.html (Accessed: 12.06.2021).
64. Vostok media. (2020) Tishe edesh': naskol'ko RZhD gotova razvivat' mezhdunarodnye perevozki v Primor'e? [The slower you drive: how ready is Russian Railways to develop international transportation in Primorye?]. *Vostok media*. 17 June. [Online] Available from: <https://vostokmedia.com/article/general/17-06-2020/tishe-edesh-naskolko-rzhd-gotova-razvivat-mezhdunarodnye-perevozki-v-primorie> (Accessed: 12.06.2021).
65. Andreev, K. (2016) "Primor'e-2" upiraetsya v Troitsu [Primorye-2 rests on the Trinity]. *EastRussia*. [Online] Available from: <https://www.eastrussia.ru/material/primore-2-upiraetsya-v-troitsu/> (Accessed: 12.06.2021).
66. Morskie vesti Rossii. (n.d.) Mnogoobeshchayushchiy port Zarubino [The promising port of Zarubino]. *Morskie vesti Rossii*. [Online] Available from: <http://www.morvesti.ru/analitika/1688/84824/> (Accessed: 12.06.2021).
67. Liang, H.-I. (2017) Tayvan', rossiysko-kitayskoe sotrudnichestvo i bezopasnost' v Vostochnoy Azii [Taiwan, Russian-Chinese cooperation and security in East Asia]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2. pp. 86–95.

Информация об авторах:

Зарубин А.Н. – старший преподаватель кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: zarkaman@mail.ru

Городкова А.Е. – студент кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: annielueal@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.N. Zarubin, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zarkaman@mail.ru

A.E. Gorodkova, student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annielueal@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.10.2022;
одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 30.10.2022;
approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/492/14

Межэтническое разделение труда в Семиреченской области по данным переписи 1897 г.

Василий Павлович Зиновьев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vpz@tsu.ru*

Аннотация. Рассматривается межэтническое разделение труда в Семиреченской области в конце XIX в. Автор на основе данных переписи 1897 г. доказывает, что традиционное кочевое скотоводство было главным в жизни казахов при большой доле занятых земледелием, земледелие преобладало у монголов, уйгуров (таранчей), дунган области. Основное занятие пришлого населения – великорусских, малоросских и других выходцев из Европейской России, было земледелие. Евреи, сарты, татары определились как в основном городское население, занятое ремеслом и торговлей при большой доле земледельцев.

Ключевые слова: Семиреченская область, межэтническое разделение труда, хозяйственное освоение, русские, казахи, уйгуры, дунгане, татары, сарты

Источник финансирования: результаты исследования получены при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири»

Для цитирования: Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Семиреченской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 130–135. doi: 10.17223/15617793/492/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/14

Interethnic division of labor in Semirechensk Oblast according to the 1897 Census

Vasiliy P. Zinoviev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vpz@tsu.ru*

Abstract. The article explores the interethnic division of labor in Semirechensk Oblast at the end of the 19th century. The analysis of the 1897 Census data for the region showed that, in Semirechensk Oblast, the census took into account only 987,863 people, including 217,581 working persons and 77,0282 persons living at their expense. Occupations of the population as a whole provided for an expanded reproduction of the labor force. One employed person supported himself and an average of 3.5 dependents. Of the total number of the working population, 32,050, or 14.7%, belonged to alien peoples; 185,531, or 85.3%, to the indigenous peoples (Tajiks, Kyrgyz, Taranchins (Uighurs), Sarts, Dungans); 77,715, or 10.1%, of the dependents belonged to alien peoples; 692,567, or 89.9%, to the indigenous peoples of Central Asia. The share of self-employed persons among the alien population was 29.2%, among the indigenous population of the region 21.1%. The difference of 8.1% indicates the presence of military personnel, workers without families among the alien element. The indigenous inhabitants of Semirechensk Oblast were mainly engaged in animal husbandry – 89867 (41.3%), agriculture – 79130 (36.4%), services – 5390 (2.5%), industry – 5879 (2.7%), trade – 5321 (2.4%), transport – 900 (0.4%). Only 29,433 indigenous residents of the region lived in cities, including 9,929 working people. The share of the indigenous peoples in the population of the cities of Semirechensk Oblast was significant, in contrast to Akmola and Semipalatinsk Oblasts, – 46.7%, but as part of the main Kyrgyz ethnic group of the region, the townspeople amounted to 6,643 people, or 1.1%. Taranchins (Uighurs) (10,772 people), Sarts (5,889), and Dungans (5,829) lived in the cities. The census took them into account mainly as employed in service, industry, and trade (Table 1). Alien ethnic groups prevailed in the cities of the region. These were Russians (25,350 people), Little Russians (2,369), Tatars (4,283), Jews (130). Mainly urban ethnic groups were local Sarts and new peoples – Jews, Tatars, and Poles. The author came to the conclusion that, by the end of the 19th century, the interethnic division of labor in Semirechensk Oblast, like in other regions of the Governor-Generalship of the Steppes – Akmola and Semipalatinsk, was preserved in relation to the largest Kyrgyz (Kazakh) ethnic group, still engaged in traditional cattle breeding. The Kyrgyz-Kaysaks of the region, like in other regions of Siberia, shunned cities and almost did not engage in industrial labor. However, in this region, Kazakhs resorted to agriculture as the main way of life support much more often. Taking into account the agricultural peoples (Uighurs and Dungans), the region had agriculture as the main source of food. The new peoples, with the Russian majority, differed little in their work in rural areas: they were also engaged in agriculture. The Great Russian population performed the main binding economic, cultural and managerial functions, preserving traditional agriculture as the leading occupation for peasants.

Keywords: Semirechensk Oblast, interethnic division of labor, economic development, Russians, Kazakhs, Uighurs, Dungans, Tatars, Sarts

Financial support: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, Project No. 075-15-2021-611: Human and the Changing Space of Ural and Siberia.

For citation: Zinoviev, V.P. (2023) Interethnic division of labor in Semirechensk Oblast according to the 1897 Census. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 130–135. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/14

Настоящая статья продолжает анализ межэтнического разделения труда в Сибири в конце XIX в. Начат он Е.В. Карих [1, 2]. Она доказала факт существования межэтнического разделения труда в Сибири. Статистический анализ переписи 1897 г. проведен ею по Тобольской, Томской губерниям, Омскому уезду Акмолинской области, т.е. по той территории, которая относится сейчас к Западной Сибири, а также по Якутской области [3].

Проведенный мной анализ материалов переписи населения Российской империи 1897 г. по Енисейской губернии подтвердил вывод Е.В. Карих на материалах Западной Сибири о делении населения на скотоводов-тюрков на юге губерний, пришлых, в основном русских земледельцев в средней их полосе и охотников и рыболовов эвенков и ненцев в таежной и арктической зонах [4. С. 122–121]. Материалы переписи 1897 г. по Иркутской губернии показали, что буряты Прибайкалья были уже больше земледельцами, чем скотоводами [5. С. 114–123]. Оценка характера межэтнического разделения труда в Забайкальской области по данным

Первой всероссийской переписи населения 1897 г., наоборот, показала, что буряты сохранили скотоводство как основной вид деятельности. А тунгусы оказались более склонны к земледелию [6]. Таким образом, разрушение традиционных систем жизнеобеспечения у коренных народов Сибири в разных районах Сибири шло в направлении перехода к земледелию как более эффективному способу получения средств существования, но разными темпами. В настоящей статье анализируется срез межэтнического разделения труда в Семиреченской области, в которой преобладающим населением, так же как в Акмолинской и Семипалатинской областях, были киргиз-кайсаки (казахи). Анализ велся по уже апробированной методике выделения коренных и пришлых этносов, различающихся по основным системам жизнеобеспечения и характеру участия в хозяйственной деятельности населения регионов.

Сведения таблицы № XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка» по Семиреченской области в обобщенном виде представлены в табл. 1а, 1б, 1в.

Таблица 1а

Распределение населения Семиреченской области по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г.

№ видов деятельности	Род занятий населения	Население области		Таджики		Киргизы*		Сарты	
		Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы
1–3	Управление	1 004	2 631	0	0	244	677	14	27
4	Военнослужащие	6 508	612	0	1	21	1	5	4
5–8	Служители культа	392	935	1	0	41	102	30	100
9–12	Образование, наука, культура, медицина	717	1 305	0	3	185	359	36	61
13	Прислуга	7 460	6 986	7	4	3 111	2 646	629	252
14–15	Рантье	1 320	1 199	1	1	353	168	52	59
16	Арестанты	352	8	0	0	198	0	8	0
17–18	Земледелие и пчеловодство	90 182	362 110	49	151	67 531	259 632	999	3 458
19	Животноводство	90 044	357 265	0	0	89 665	356 456	62	102
20	Лесные промыслы	319	709	0	0	102	147	12	18
21	Рыболовство, охота	199	466	0	0	159	369	2	0
22–40	Промышленность	9 247	15 434	12	13	3 371	3 310	1 101	1 491
41–45	Транспорт и связь	1 461	3 328	1	0	420	449	80	101
46–62	Торговля	6 895	15 890	17	34	1 262	2 665	2 103	3 943
63	Неопределенные занятия	626	709	2	0	265	285	39	34
64	Проституция	27	1	0	0	1	0	4	0
65	Занятия не указаны	654	711	1	4	330	372	34	16
Итого		217 581	770 282	69	195	163 276	627 539	5 233	9 672

*Казахи (киргиз-кайсаки) и кыргызы (дикокаменные киргизы) переписью не разделены.

Таблица 16

Распределение населения Семиреченской области по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г.

№ видов деятельности	Таранчины		Монголы		Дунгане		Коренные народы, всего		Русские		Малороссы	
	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы
1–3	36	92	2	3	10	24	306	823	629	1681	20	54
4	7	2	2	0	10	0	178	8	5899	587	120	6
5–8	66	177	2	0	50	112	199	496	133	268	9	13
9–12	66	148	2	8	23	42	312	621	323	576	10	21
13	1 141	1 797	9	11	479	915	5 390	5 639	1 758	1 162	73	42
14–15	136	106	1	0	18	25	562	359	719	726	38	39
16	47	8	0	0	13	0	275	8	71	0	1	0
17–18	8 653	33 982	308	1 107	1583	6 461	79 130	304 796	7 964	39 753	2 312	14 632
19	106	192	15	57	19	36	89 867	356 843	90	171	5	5
20	44	82	17	40	6	6	186	309	129	392	4	15
21	2	15	5	6	0	0	168	390	29	71	0	0
22–40	1 011	2 456	88	40	250	530	5 879	7 854	2 666	5 941	302	680
41–45	148	425	0	4	250	623	900	1 603	424	1 325	18	114
46–62	1 251	3 379	0	0	677	1 886	5 321	11 923	833	1 839	32	73
63	126	159	1	2	13	8	448	490	154	188	6	2
64	0	0	0	0	0	0	6	0	21	1	1	0
65	51	102	3	10	22	20	441	524	176	162	9	0
Итого	12 891	43 108	453	1 284	3 435	10 697	18 5531	692 567	22 018	54 821	2 893	15 718

Таблица 1в

Распределение населения Семиреченской области по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г.

№ видов деятельности	Поляки		Евреи		Черемисы		Татары		Пришлые народы, всего	
	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы
1–3	18	17	0	0	1	2	21	18	698	1 808
4	9	2	2	2	60	0	206	0	6 330	604
5–8	1	0	3	3	2	1	37	44	193	439
9–12	23	28	1	0	3	2	38	74	405	682
13	8	0	2	8	15	6	205	101	2 070	1 347
14–15	9	1	5	0	2	0	70	74	858	840
16	1	0	0	0	0	0	6	0	79	0
17–18	6	6	1	2	216	667	560	2 059	11 052	57 314
19	0	0	0	0	0	1	72	216	177	422
20	0	0	0	0	0	0	4	8	133	400
21	0	0	0	0	0	0	2	4	31	76
22–40	34	1	35	106	14	36	394	837	3 368	7 580
41–45	4	2	1	7	0	0	106	268	561	1 725
46–62	8	0	24	70	1	2	671	2 062	1 574	3 967
63	0	1	0	0	3	0	13	27	178	219
64	0	0	0	0	0	0	0	0	21	1
65	3	1	2	0	2	0	21	24	213	187
Итого	124	61	76	198	317	716	2 414	5 939	32 050	77 715

Источник подсчета: [7. С. 88, 96–101]

Необходимо дать к таблицам пояснения. В ней выделены европейские народы, пришедшие в Сибирь, начиная с XVII в. из-за Урала, и коренные народы Сибири и Центральной Азии. В переписи есть неясные моменты. Не разделены бухарские и казанские татары. Не сказано также, какие учтены евреи – бухарские или пришедшие из Европейской России. Не разделены киргиз-кайсаки, современные казахи и дикокаменные киргизы – современные кыргызы. В данном случае это не

имеет значения, так как характер занятий обоих этносов малоразличим. Под сартами имеется в виду оседлое тюркоязычное население Центральной Азии [8]. В таблице также выделены наиболее многочисленные пришлые народы – русские (великороссы и малороссы), малороссы, черемисы (марийцы), евреи, поляки.

Данные в табл. 1а, 1б, 1в сгруппированы по той же форме, что и по другим областям и губерниям по всей территории Азиатской России для того, чтобы получить

сравнимый материал. Рубрики таблицы XXII «Род занятий населения» из переписи в табл. № 1 были укрупнены по той же методике, что и по другим регионам, поскольку для анализа межэтнического разделения труда не требуется столь подробного определения рода занятий населения.

Анализ данных табл. 1а, 1б, 1в показывает, что в Семиреченской области перепись 1897 г. учла всего 987 863 чел., в том числе 217 581 самодеятельных лиц и 770 282 лиц, живущих за счет собственных средств. Таким образом, занятия населения в целом обеспечивали расширенное воспроизводство рабочей силы. Один занятый содержал себя и в среднем 3,5 иждивенца. Из общего числа самодеятельного населения 32 050 (14,7%) относились к пришлым народам, 185 531 (85,3%) – к коренным народам (таджики, киргизы, таранчины (уйгуры), сарты, дунганы), из числа иждивенцев 77 715 (10,1%) относились к пришлым народам, а 692 567 (89,9%) – к коренным народам Центральной Азии. Доля самодеятельных лиц в числе пришлого населения составляла 29,2%, у коренного населения области – 21,1%. Разница в 8,1% свидетельствует о присутствии среди пришлого элемента военнослужащих, работников без семей. Показатель соотношения самодеятельного населения и иждивенцев у коренных жителей региона 1 к 3,7 свидетельствует о расширенном воспроизводстве рабочей силы. Соотношение самодеятельного населения и иждивенцев у пришлого населения 1 к 2,4 свидетельствует о неполном воспроизводстве рабочей силы.

Коренные жители Семиреченской области занимались преимущественно животноводством – 89 867 (41,3%), земледелием – 79 130 (36,4%), услугами 5 390 (2,5%), промышленностью – 5 879 (2,7%), торговлей – 5 321 (2,4%), транспортом – 900 (0,4%). В городах жили всего 29 433 коренных жителя области, в том числе самодеятельных – 9 929 чел. [7. С. 106–107]. Доля представителей коренных народов в населении городов Семиреченской губернии была значительной, в отличие от Акмолинской и Семипалатинской областей – 46,7%, но в составе основного киргизского этноса области горожане составили 6 643 (1,1%). В городах жили таранчины (уйгуры) – 10 772 чел., сарты – 5 889, дунгане – 5 829 чел. Они и были учтены переписью преимущественно как занятые в услужении, промышленности и торговле (см. табл. 1а, 1б, 1в). Пришлые этносы в городах области преобладали. Это были русские – 253 50 чел., малороссы –

2 369, татары – 4 283, евреи – 130 чел. Преимущественно городскими этносами можно считать местных сартов, пришлых – евреев, татар, поляков.

Насколько изменился за время нахождения в империи сословный статус инородцев Семиреченской области, дает представление таблица XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям» [7. С. 134–135]. На основании данных таблицы XXIV были выделены сведения о распределении наиболее крупных народов области по сословиям (табл. 2). Анализ сведений таблицы показывает, что сословная идентичность киргизов области практически не была нарушена к концу XIX в. В имперские сословия перешли только 1 315 киргизов, из них 579 чел. относились к мещанам, 403 – к крестьянам. Таким образом, лишь 0,17% казахов области утратили сословную идентичность, в то же время традиционные занятия животноводством были утрачены 67 531 (45%) киргиз-кайсаком Семиреченской области. В Акмолинской таковых было 11%, в Семипалатинской области – 27%. Казахи оставляли традиционное животноводство ради земледелия и других занятий, однако расстаться с сословным статусом «инородец» не спешили, так как несли более легкие повинности по сравнению с крестьянами или мещанами империи.

Пришлые были заняты во всех сферах деятельности, более всего – в земледелии – 11 052 (34,5%), на военной службе – 6 330 (19,85%), в промышленности – 3368 (10,5%), в услужении – 2 070 (6,5%), существовали за счет ренты – 858 (2,7%), заняты в торговле – 1 574 (4,6%), на транспорте и связи – 561 (1,8%), в управлении – 698 (2,2%) и т.д. Большая часть пришлого самодеятельного населения составляли русские – 19 012 (68,7%). Они обеспечивали большинство занятых во всех сферах народного хозяйства области, за исключением земледелия и животноводства, в которых абсолютно преобладали киргиз-кайсаки. Русских было большинство во всех сословиях, за исключением инородцев. Они же составляли относительное большинство в городах области: 25 350 (40,3%) из 62 974 чел. городского населения.

Великороссы концентрировались преимущественно в городах и уездах Верненском – 33 664 чел., Лепсинском – 14 292, Пржевальском – 9 407, Пишпекском – 7 347 чел. из 76 839 их общего числа, большинство малороссов находилось в Лепсинском (7 825 чел.) и Пишпекском (4 656 чел.) уездах.

Таблица 2

Распределение населения Семиреченской области по сословиям и родному языку по данным переписи 1897 г.

Народы	Сословие							Всего
	Дворяне	Купцы и почетные граждане	Мещане	Крестьяне	Казаки	Инородцы	Прочие	
Все народы, в т.ч.:	2 983	968	29 579	61 274	29 757	860 131	2 811	987 863
русские	2 693	512	19 816	42 560	28 426	352	746	95 465
поляки	102	0	41	29	2	0	12	185
татары	22	327	4 960	1 120	249	1 605	72	8 053
черемисы	0	0	89	383	556	2	3	1 033
киргиз-кайсаки	125	37	559	403	120	793 499	71	794 815
дунгане	0	0	2 680	10 983	13	304	151	14 130
таранчины (уйгуры)	6	22	439	5306	37	49 941	251	55 999
евреи	0	22	204	16	0	0	28	274
монголы	0	0	11	13	104	1 604		1737
сарты	0	51	691	230	0	12 468	55	14 895

Источник: [7. С. 134–135].

Четыре этноса – татары, сарты, поляки и евреи в Семиреченской области были преимущественно городскими и занимались в основном ремеслом, торговлей, транспортом и услугами. Эти этносы входили в городские сословия – дворян, почетных граждан, купцов и мещан, среди татар таких было 66,0%, евреев – 82,5%. Особенностью городов Семиреченской области, как и в городах Семипалатинской и Акмолинской областей, была значительная доля татар в рядах купечества и мещанства [9]. В среде управленцев и военных преобладали русские (см. табл. 1а, 1б, 1в). Среди крестьян выделяется значительное число дунган – 10 983, уйгуров – 5 306, татар – 1 120. Иностранцами, кроме киргиз-кайсаков, числились сарты, монголы, таранчины (уйгуры), татары – 1 605 чел.

В числе казаков кроме русских выделяется значительное число черемисов (марийцев) – 556 чел. Они появились здесь, вероятнее всего, как поверстанные в Сибирское казачье войско в 1849 и 1851 гг. вместе с мордвой [10]. Перепись кроме черемисов учла 4 десятка казаков из других финских народов.

Деление населения в переписи произведено по основным занятиям. Однако население области кроме основных занятий занималось десятками различных отхожих побочных промыслов. Таблица XXIII «Распределение

населения, занимающегося сельским или кочевым хозяйством, рыболовством и охотой по побочным промысловым занятиям» дает представление о масштабах отхожих и побочных промыслах сельского населения. Сжатые сведения включены в табл. 3. Наиболее развитым промыслом населения области была кустарная выделка шерстяных изделий – войлока, ковров, одежды и обуви – 15,9 тыс. чел, в основном женщин. Производством изделий из льна и пеньки были заняты почти 6,3 тыс. чел., тоже в основном женщины. Число занятых животноводством как побочным промыслом значительно отставало от числа самодельного коренного населения, занятого в животноводстве: 16 689 чел. против 90 тыс. чел. Они не составляли серьезной конкуренции коренным жителям Степи в их главном занятии. Побочное занятие земледелием стало уже заметным в области и составило 36 450 чел. против 90 тыс. чел. занятых земледелием как основным видом деятельности. Занимавшихся же обработкой земли в области было 126 632 чел., или 40,2% из общего числа 314 816 всех работников в области, скотоводством были заняты как основным и побочным занятием 106 733 чел., или 33,9% от всех работников. Таким образом, земледелие в области было главным источником жизнеобеспечения.

Таблица 3

Распределение сельского населения Семиреченской области по побочным промыслам по данным переписи 1897 г.

Виды занятий	Кол-во самодельных	Кол-во членов семей	Итого
Общее число занятых в сельском хозяйстве	180 500	719 832	900 332
В том числе занимающихся побочными промыслами:	46 550	50 685	97 235
Земледелие и садоводство, пчеловодство и шелководство	25 750	10 700	36 450
Скотоводство	12 886	3 803	16 689
Лесные промыслы	237	138	375
Рыболовство и морской промысел	253	238	491
Промысловая охота	558	305	863
Обрабатывающая промышленность	5 246	33 986	39 232
Строительство	842	332	1 174
Транспорт	558	191	749
Торговля и услуги	1 315	550	1 865
Черная и поденная работа	350	460	810
Прочие заработки	50	18	68

Составлено по: [7. С. 128–132].

К концу XIX в. межэтническое разделение труда в Семиреченской области, как и в других областях Степного генерал-губернаторства – Акмолинской и Семипалатинской, сохранялось применительно к наиболее крупному киргизскому (казахскому) этносу, который по-прежнему занимался традиционным скотоводством. Также следует отметить, что киргиз-кайсаки области, как и других регионов Сибири, чуждались городов и почти не занимались индустриальным трудом, однако в этом регионе казахи прибегали к земледелию как к основному способу жизнеобеспечения значительно чаще. Если же учесть земледельческие

народы – уйгуров и дунган, то в области обозначился перевес земледелия как основного источника продовольствия. Пришлое население, в котором преобладали русские, мало различалось по характеру трудовой деятельности в сельской местности, оно занималось земледелием. Городскими этносами, кроме обычных для Азиатской России евреев, в условиях Степи следует считать татар, сартов, которые также занимались торговлей и ремеслами. Великорусское население выполняло основные связующие хозяйственные, культурные и управленческие функции, сохраняя традиционное земледелие как ведущее занятие для крестьян.

Список источников

1. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
2. Карих Е.В. Экономические связи эвенков и русских на севере Иркутской губернии во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 113–114.
3. Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95.

4. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 137–141. doi: 10.17223/19988613/76/16
5. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 40. С. 40–48. doi: 10.26516/2222-9124.2022.40.40
6. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 149–154. doi: 10.17223/19988613/78/19
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXV: Семиреченская область. СПб. : Типография т-ва «Народная польза», 1905. 149 с.
8. Иохельсон В. Сарты // Гранат. Энциклопедический словарь. Т. XXXVII: Рютли – Селевкия. М. : Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1917. Стлб. 354–358.
9. Зиновьев В.П. Национальный состав купечества и мещанства Северной Азии по переписи населения Российской империи 1897 г. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX вв. : тез. докл. Пятой междунар. науч. конф. (Новосибирск, 27–29 сентября 2022 г.) / Российская академия наук. Институт истории Сибирского отделения [и др.] ; сост. А.И. Раздорский. Санкт-Петербург ; Новосибирск, 2022. С. 109–111.
10. Андреев С.М. Мордва в этническом составе сибирского казачества (по материалам Г.Е. Катанаева 1890–1891 гг.) // Архивный вестник. Ежегодник архивного управления администрации Омской области. Омск, 1994. № 5. С. 26–29.

References

1. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya* [Interethnic Relations in Western Siberia in the Process of Its Economic Development]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Karikh, E.V. (2009) Economic relations between Evenks and Russians in the north of Irkutsk province in the second quarter of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 320. pp. 113–114. (In Russian).
3. Karikh, E.V. (2007) Ethnic Structure of the Yakut Region Population in the Late 19 Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 92–95. (In Russian).
4. Zinov'ev, V.P. (2022) Interethnic Division of Labor in the Yenisei Province According to the Census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 137–141. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/76/16
5. Zinov'ev, V.P. (2022) Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Irkutskoy gubernii po dannym perepisi 1897 g. [Interethnic division of labor in the Irkutsk province according to the 1897 census]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 40. pp. 40–48. doi: 10.26516/2222-9124.2022.40.40
6. Zinov'ev, V.P. (2022) Interethnic Division of Labor in the Trans-Baikal Region According to the Census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 149–154. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/78/19
7. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del* [The first general census of the Russian Empire, 1897. Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. Vol. 85. Saint Petersburg: Tipografiya t-va "Narodnaya pol'za".
8. Iokhel'son, V. (1917) Sarty [Sarts]. In: Gambarov, Yu.S. et al. (eds) *Granat. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Granat. Encyclopedic Dictionary]. Vol. 37. Moscow: Rus. bibliogr. in-t Granat. Columns 354–358.
9. Zinov'ev, V.P. (2022) [National composition of the merchants and meshchane of North Asia according to the population census of the Russian Empire in 1897]. *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XX vv.* [Trade, Merchants and Customs Affairs in Russia in the 16th – 20th Centuries]. Abstracts of the 5th International Conference. Novosibirsk. 27–29 September 2022. Saint Petersburg; Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 109–111. (In Russian).
10. Andreev, S.M. (1994) Mordva v etnicheskom sostave sibirskogo kazachestva (po materialam G.E. Katanaeva 1890–1891 gg.) [Mordvians in the ethnic composition of the Siberian Cossacks (based on materials from G.E. Katanaev 1890–1891)]. *Arkhivnyy vestnik. Ezhegodnik arkhivnogo upravleniya administratsii Omskoy oblasti*. 5. pp. 26–29.

Информация об авторе:

Зиновьев В.П. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: vpz@tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.P. Zinoviev, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); leading research fellow, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.04.2023;
одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 12.04.2023;
approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 622.324(571.121) (09)
doi: 10.17223/15617793/492/15

Движение в Арктику. Освоение газовых месторождений полуострова Ямал: практики советской эпохи

Галина Юрьевна Колева¹, Жеко Митков Колев²

^{1,2} Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия
¹gukoleva@gmail.com
²jackkolev@gmail.com

Аннотация. На основании впервые вводимых в научный оборот архивных документов рассматривается опыт освоения полуострова Ямал ЯНАО. Временные рамки работы охватывают период 1960–1980-х гг. Авторы приходят к выводу о длительном, поэтапном подступе к освоению полуострова, решении комплекса научно-исследовательских, технических и технологических проблем с привлечением широкого круга НИИ и проектных институтов СССР. Рассматриваются проблемы транспортного строительства – железной дороги «Обская–Бованенково», аэропортов, вертодромов, «перевалочной базы» в районе р. Сабеттаяха.

Ключевые слова: полуостров Ямал, ЯНАО, освоение, месторождения, Сабетта

Для цитирования: Колева Г.Ю., Колев Ж.М. Движение в Арктику. Освоение газовых месторождений полуострова Ямал: практики советской эпохи // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 136–146. doi: 10.17223/15617793/492/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/15

Movement to the Arctic. Development of Yamal Peninsula gas fields: Soviet-era practices

Galina Yu. Koleva¹, Zheko M. Kolev²

^{1,2} Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
¹gukoleva@gmail.com
²jackkolev@gmail.com

Abstract. On the basis of identified archival sources introduced into scholarly discourse for the first time, the article considers the experience of the development of the Yamal Peninsula of Yamal-Nenets Autonomous Okrug, belonging to the Arctic zones, in the Soviet period. The time frame of the work covers the 1960s–1980s. The practices for the development of the peninsula in the Soviet period are compared with the practices of the post-Soviet time. The object of the study is the history of the gas industry in Western Siberia. The focus of the study is a stage in the history of gas industry in Yamal-Nenets Autonomous Okrug in the conditions of access to the Yamal Peninsula. The aim of the study is to show the practices of Mingazprom and Tyumengazprom in preparing for the commissioning of gas fields and creating the foundations of transport communications of the peninsula. The authors mainly use the historical-comparative method, comparing the Soviet and post-Soviet periods of development. The authors come to the conclusion about a step-by-step approach to the development of the peninsula. The emerging research, technical, and technological problems were solved with the assistance from a wide range of the USSR research institutes and design institutes. The analysis of the documents suggests that advanced experience based on scientific developments and technological solutions of Soviet scientific institutes was used in preparation for the commissioning of deposits. By the end of the 1980s, conditions had been created for the organization of gas production at the Bovanenkovskoye field. The transport construction considered in the article concerns the construction of the Ob–Bovanenkovskoye railway, airports, heliports in the districts of Bovanenkovskoye, Novy Port, Sabetta. The authors note that the most difficult problem was the choice of the location of the “transshipment base” on the shore of the Gulf of Ob due to the complex hydrological conditions of the eastern shore of the Gulf of Ob in the Kara Sea, the complex shoreline, and the flooding of previously selected areas. The authors emphasize that the basis for the Sabetta seaport was laid in the Soviet period as part of the selection of the base location for the delivery of cargo for the Bovanenkovskoye and Kharasaveyskoye fields. The authors draw attention to the simultaneous formulation of industrial, housing, and social problems.

Keywords: Yamal Peninsula, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, development, deposits, Sabetta

For citation: Koleva, G.Yu. & Kolev, Zh.M. (2023) Movement to the Arctic. Development of Yamal Peninsula gas fields: Soviet-era practices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 136–146. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/15

В истории газовой промышленности СССР – России опыт советской эпохи по освоению месторождений полуострова Ямал (ЯНАО) не становился предметом изучения. Однако деятельность, развернувшаяся на полуострове в 1960–1980-е гг., включала создание ресурсной базы и подготовку к разработке месторождений углеводородов (УВ). Освоенческая практика отличалась тщательной проработкой научно-исследовательских, технических, технологических, транспортных проблем [1]. Следует отметить, что термин «Ямал» в научной литературе часто применяют для обозначения территории Ямало-Ненецкого автономного округа [2, 3]. В то же время Ямал – полуостров в составе ЯНАО, географически с севера, запада и востока омываемый Карским морем и его заливами (губами), с координатами, свойственными арктическим широтам: от 68° до 73° с. ш. и от 66° до 73° в. д.

Советский период оставил в наследство на территории Тюменской области, в том числе ЯНАО, мощнейшую ресурсную базу УВ. На полуострове, как и прилегающих акваториях, выявлено 11 газовых (ГМ) и 15 нефтегазоконденсатных (НГМ) месторождений, запасы газа в них оцениваются в 16–22 трлн куб. м., конденсата – 230,7 млн т., нефти – 291,8 млн т. [4]. Среди крупнейших месторождений – Новопортовское НГМ (открыто 27 декабря 1964 г.), Бованенковское НГМ (7 октября 1971 г.), Харасавейское ГМ (22 мая 1974 г.), Крузенштерновское ГМ (27 октября 1976 г.), Тамбейская группа ГМ месторождений, включающая Южно-Северо-Западное, Тамбейские, Малыгинское (открытия 1974–1985 гг.) и др. [5. С. 19, 183–190, 247–251, 253–273, 305–309, 417–420; 6. С. 86, 140, 168, 184]. Эти месторождения представляют значительный интерес для современных нефтегазовых компаний, их разработка открывает новые перспективы для экономики ЯНАО и РФ, а сама территория со сложнейшими природно-климатическими условиями, относящаяся к Арктической зоне, представляла и представляет вызов человеческим возможностям.

Индустриальное освоение полуострова продолжилось в постсоветский период, вступив в новую фазу, тем самым укрепив ресурсную базу газовой отрасли, которая играет исключительной важности роль в экономике и финансовой сфере страны. Счетная палата раскрыла на июнь 2023 г. крупнейших плательщиков дивидендов в российский федеральный бюджет: из 143 компаний из суммы в 753 млрд руб. первое место приходится на «Газпром» с суммой в 463,6 млрд руб. [7].

В историографии газовой отрасли нашей страны, в многотомном издании «История газовой отрасли России» [8] интересующая нас проблема затронута в третьем томе, главе 7 «Бованенково – территория больших возможностей» [8. С. 200–215], в ней относительно освоения месторождений полуострова Ямал в советский период говорится [8. С. 190] достаточно завуалировано, что «в течение последующих десятилетий (имеется ввиду открытие месторождения в 1971 г. –

Г.К., Ж.К.), предпринимались попытки освоения этого гигантского месторождения, но не доводились до конца» [8. С. 190]. Появлявшиеся публикации в 2000-е гг. раскрывали некоторые стороны освоения месторождений полуострова в постсоветский период, носили публицистически-информационный характер [4, 9, 10], относились к изданиям компании «Газпром», чаще к журналу с одноименным названием, его рубрике «Коротко», размещавшей новости за период от выхода предыдущего номера [11–13]. Эти публикации дополнялись информацией в интернет-ресурсах [9, 14], в том числе о сооружении транспортных объектов, таких как железная дорога «Обская–Бованенково–Карская» [15], морском порте Сабетта [16].

Все появлявшиеся публикации однозначно связывали освоение месторождений полуострова Ямал с постсоветским периодом. В то же время обращение к документам за 1960–1980-е гг. такой структуры, как «Тюменгазпром», менявший статус от производственного управления до объединения, Всесоюзного объединения, Главного управления, отразило сложную и долговременную работу по подготовке и осуществлению хозяйственного освоения полуострова Ямал в целом, как и открытых на нем месторождений УВ в частности. Выявлены партийно-правительственные постановления, касающиеся государственных установок по освоению полуострова. Информация архивных материалов советского периода входит в некоторое противоречие с утверждениями публикаций постсоветского периода.

Цель статьи – проанализировать процесс освоенческой практики месторождений полуострова Ямал в советский период.

Постсоветский период освоения полуострова (начнем с преобладающей информации в публикациях). «История газовой отрасли России» говорит о «попытках освоения» полуострова в начале 1990-х гг., затем – «в 1997–1998 гг.» [8. С. 191–192], а также с 2002 г., «при объединении усилий компании “Газпром” и правительства ЯНАО» [8. С. 192]. В публикациях журнала «Газпром» события сразу сдвигаются в начало 2000-х гг., когда ОАО «Газпром» совместно с Администрацией ЯНАО, как подчеркивается, «по поручению Президента и Правительства РФ», разработали проект «Программы комплексного освоения месторождений полуострова Ямал и прилегающих акваторий» [12. С. 10]. «В 2007 году проект был скорректирован... комплексное освоение месторождений суши Ямала» было решено осуществлять последовательно по трем промышленным зонам, к первой отнесли Бованенковскую [9. С. 3]. Добыча газа в этой зоне планировалась с 2011 г. [9. С. 3], с транспортировкой газа по газопроводу «Бованенково – Ухта» (5–6 ниток), двумя трассами: одной – до Торжка, второй – до Починок [9. С. 4]. Первоочередным объектом было намечено Бованенковское месторождение. Его ввод намечали в 2011 г. с объемом добычи газа в первый год 15 млрд

куб. м и последующим «проектным объемом в 115 млрд куб. м в год... при сооружении в 2007–2008 гг. первоочередных объектов промысла для инженерного обеспечения эксплуатационного бурения и объектов подготовки газа». С 2008 г. должна была начаться поставка буровых установок с Уралмашзавода для начала бурения эксплуатационных скважин [9. С. 5]. Стояла задача и сооружения установки комплексной подготовки газа [4]. По сообщениям компании «Газпром», 3 декабря 2008 г. началось строительство магистрального газопровода «Бованенково–Ухта» и бурение первой эксплуатационной газовой скважины [4]. В публикациях особо подчеркивалось, что «при обустройстве месторождений полуострова Ямал и создании новой газотранспортной системы стали “использовать передовой отечественный опыт”: теплоизолированные трубы при строительстве и эксплуатации скважин с целью предотвращения растепления многолетнемерзлых пород; в трубопроводах – высокопрочные трубы дм 1420 мм из стали марки К65 (Х80) с внутренним гладкостным покрытием, рассчитанные на рабочее давление 11,8 МПа (120 атмосфер); новые технологии и материалы при сварке и т.д. В журнале “Газпром” за 2004 г. говорилось о создании ОАО “Газпромнефть Ямал” для проведения добычи нефти на Новопортовском месторождении» [17. С. 5].

Также на конец первого десятилетия XXI в. сообщалось о строительстве железнодорожной линии «Обская–Бованенково», которая странным образом на отдельных участках оказалась уже «введенной в эксплуатацию» непонятно кем и когда. В 2009 г. дорогу полностью намеревались ввести в эксплуатацию [13. С. 10]. В 2011 г. сквозное движение от станции Обская-2 (рядом с г. Лабытнанги) до станции Карская общей протяженностью 572 км было открыто. На трассе имелось 5 станций, 12 разъездов, 70 мостов общей длиной 12 км. Дорогу стали называть самой северной в нашей стране и в мире [15].

Одновременно заявлялось о том, что готов к вводу аэропорт на Бованенковском месторождении [11. С. 8–9], первая очередь которого «18 апреля 2011 г. введена в эксплуатацию с полосой для взлета и посадки вертолетов, рулежной дорожкой, перроном на 10 вертолетов». 20 июня 2012 г. гендиректор «Газпромдобыча Надым» С.Н. Меньшиков сообщал, что «реализован проект строительства здания аэропорта с залом ожидания на 150 человек, комплексом сопутствующих сооружений». Первый технический рейс на аэродром Бованенково выполнен в октябре 2012 г. на самолете Ту-154 [11. С. 17]. В новостях говорилось о невероятных успехах и в обустройстве Бованенковского месторождения: «За 2007–2011 гг. построено 110 объектов, применены новшества – низкотемпературная сепарация газа, парожидкостные охлаждающие установки, термостабилизаторы. Создана автоматизированная система управления промыслом» [12. С. 17]. В декабре 2012 г. начался промысел Бованенковского месторождения и был введен в эксплуатацию магистральный газопровод «Ухта–Торжок» [9]. Подчеркивалось, что обустройство месторождения идет «без привлечения

иностраных инвесторов, практически «по-партизански» [9]. Для работающих было выделено 4 корпуса общежитий-гостиниц с номерами на двух и четырех человек с кухонным блоком, а также столовая, кафе, 2 буфета, больничные блок. Невероятно сжатые сроки работ и ввод объектов строительства в сложных условиях Арктики должны были поражать читателя, только почему-то практика работ определялась термином «по-партизански». Есть и еще завораживающая своими темпами работ информация: в 2012 г. заложен порт Сабетта на западном берегу Обской губы, в 2015 г. он уже начал принимать грузы в объеме 500 тыс. т. Объем грузов постоянно возрастал: в 2016 г. – 2,8 млн т, в 2017 г. – 7,9 млн т [16].

При этом в публикациях встречались малозаметная и очень единичная информация, не вписывающаяся в контекст постсоветского освоения Ямала: при описании строительства дороги «Обская–Бованенково» промелькнула отсылка ко второй половине 1980-х гг. [15], когда в декабре 1986 г. от станции «Обская», находившейся недалеко от города Лабытнанги, ПСМО «Ямалтрансстрой» начало строительство полотна. Стройка была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской, на нее прибыли бригады и строительно-монтажные поезда с Байкало-Амурской магистрали. Для участников ударной стройки неподалеку от Лабытнанг было построено жилье. Затем вахтовый поселок стал микрорайоном города [19]. К моменту ликвидации Мингазпрома в августе 1989 г. дорога была проложена до станции Харлов (268 км) [19]. В статье В. Касаткиной «От Саратова до Ямала», в интервью с генеральным директором ВНИПИГаздобычи В. Миловановым проскользнула фраза, что институт «проблемами полуострова Ямал начал заниматься в 1980-е гг.» [19. С. 42]. А относительно вахтового поселка на Бованенково Б. Марцинкевич [14] писал, что первые комплекты деталей вахтового жилого комплекса были доставлены на место в 1990 г. В только что вышедшей книге «Люди и недра. К 75-летию Тюменской геологии» [20. С. 318–319] относительно Бованенковского месторождения читаем, что месторождение открыто в 1971 г. Ямальской НРЭ, введено в разработку 2012 г., но в приводимой таблице «Добыча и текущие извлекаемые запасы углеводородов Бованенковского месторождения», в первой колонке «Годовая добыча» указан год начала добычи газа – 1985-й, в объеме 0,116 млн куб. м, далее по 2011 г. приводится динамика добычи, выделяется особо 1989 г. с добычей газа в 10,034 млрд куб. м. В 2012 г. накопленная добыча составила 10,980 млрд куб. м [20. С. 319]. По Новопортовскому месторождению в этом же издании есть информация, что добыча газа и газового конденсата на нем началась в 1985 г. и продолжалась в небольших объемах до 1992 г. [20. С. 211]. На Харасавейском месторождении, согласно книге «Люди и недра. К 75-летию Тюменской геологии», добыча газа осуществлялась с 1979 г. и сохраняется с перерывом в 1983–1984 гг. по настоящее время. В 1985–1995 гг. на этом месторождении осуществлялась и добыча конденсата [6. С. 201]. Дальше – больше: на Южно-Тамбейском месторождении добыча была

начата в небольших объемах газа с 1985 г., осуществлялась регулярно до официального ввода в промышленную эксплуатацию в 2021 г. Добыча конденсата велась с 1992 г. [6. С. 245]. Добычу, пусть и в небольших объемах, нельзя осуществлять без бурения, обустройства месторождения, поддержания процесса добычи, и, кроме того, и без постоянной фиксации объемов. И конечно, хотелось бы понять, откуда брались эти показатели добычи, если все сделала компания «Газпром» в постсоветский период.

Советский период освоения. Переход к рассмотрению нефтегазового освоения полуострова Ямал в рамках советского периода хотелось бы начать с обращения к известному экономисту Н.Д. Кондратьеву, писавшему о советской системе хозяйствования как построенной «на началах централизации, на принципе сознательного руководства со стороны органов государственной политики» [21. С. 570], где «государство непосредственно руководит значительной областью хозяйственной жизни» [21. С. 571], а «важнейшей предпосылкой» для этого «являются планы» [21. С. 571]. Н.Д. Кондратьев считал «неприемлемым для построения планов... выдвигание... отдаленных социально-экономических целей», потому что подобное планирование «не в состоянии привести к такой системе перспектив», которые «реально осуществимы в течение интересующего нас в плане определенного времени» [21. С. 571]. Подчеркивая, что нужно «строить и осуществимые перспективы» [21. С. 572], однако, признавал, что «в наших планах, как правило, наблюдается чрезвычайная смелость» [20. С. 586]. Приведенные выдержки из главной работы Н.Д. Кондратьева полностью коррелируют с нашим пониманием процессов в газовом освоении зон северных районов Тюменской области, где государственная политика опиралась на долгосрочное планирование, отличавшееся чрезмерной смелостью в постановке отдаленных целей с успешной их реализацией. Эти черты характеризовали освоение месторождений Тюменского Крайнего Севера, так и полуострова Ямал. Масштаб деятельности на этом направлении беспрецедентен. В современной российской историографии присутствует некая боязнь положительных оценок экономических успехов в рамках советского прошлого, тем более что перед нами так называемый период эпохи застоя Л.И. Брежнева. В публикациях последних пяти лет редко, но появлялись единичные положительные оценки советского опыта управления, планирования, хозяйствования, в основном в статьях, посвященных различным юбилейным событиям [22–25], что свидетельствует о новых тенденциях.

Первые планы освоения месторождений УВ полуострова Ямал связаны с первыми правительственными постановлениями по подготовке условий выхода на северные газовые месторождения Тюменской области в 1960-е гг., в частности с Постановлением Совета министров СССР от 9 июля 1966 г. № 512 «Об усилении геологоразведочных работ на газ и освоении выявленных крупных газовых месторождений в северных районах Тюменской области» [26. Д. 835. Л. 150–157]. Среди

намеченных в нем к освоению – месторождения Тазовское, Уренгойское, Губкинское (Пурпейское), Заполярное, а на полуострове Ямал – Новопортовское [27. С. 145]. Новопортовское месторождение находилось практически у побережья Обской губы, и, скорее всего, транспортировка газа с него связывалась с использованием морского транспорта. Несмотря на то, что «геологическое строение месторождения было не выяснено», Новопортовское попало в проект так называемого ГПУ «Пурпейгаз», на 1966–1970 гг. [27. С. 155]. В районе расположения месторождения предполагалось создание промысла, ввод самого месторождения планировался в 1968 или в 1970 г. [27. С. 156]. На Новопортовском месторождении в южной его части в 1966–1967 гг. бурились две разведочные скважины; одна скважина готовилась к испытанию, вторая находилась в стадии испытания. Подготовка газа предполагалась методом адсорбции, при сооружении двух пунктов подготовки газа [28. Д. 33. Л. 47–48]. Во второй половине 1960-х гг. Новопортовское сохранялось в планах наряду с Заполярным и Уренгойским месторождениями. При этом их не собирались вводить одновременно. Из документов видно, что между ними выбирали: осталось зачеркивание то одного, то другого, то третьего, а над ними – надписано одно из трех. Однако в тот период проект по Новопортовскому месторождению не был осуществлен. Основное внимание сосредоточилось на Уренгойском месторождении [27. С. 158–161].

Вторая по времени постановка задач, связанных с месторождениями полуострова Ямал, относилась к середине 1970-х гг. Курс подготовки к эксплуатации месторождений полуострова был сформулирован в бюро научно-технического совета Мингазпрома СССР 10–11 ноября 1976 г. в рамках обсуждения повестки «Проблемы развития газовой промышленности Западной Сибири в X пятилетке в свете решений XXV съезда КПСС» [28. Д. 640. Л. 145]. Первым месторождением для развертывания работ вновь стало рассматриваться Новопортовское НГК, расположенное в 30 км от побережья Обской губы [28. Д. 1329. Л. 312]. И опять процесс его подготовки растянулся на длительное время. Информация об этом очень скудна, но из нее можно понять, что со второй половины 1970-х до начала 1980-х гг. разрабатывался проект обустройства месторождения, прорабатывалось техническое решение по проведению пробной эксплуатации, составлялась программа подготовки к эксплуатации, обсуждалась «целесообразность ввода», готовилось бурение исследовательских скважин [28. Д. 1267. Л. 12, 13, 22]. В начале 1980-х гг. функции генподрядчика по проектированию освоения нефтяных залежей Новопортовского месторождения были закреплены за ТюменНИИгипрогазом [28. Д. 1111. Л. 109]. В проект включались поселок буровиков, причальные сооружения, дороги, объекты подготовительного периода, обустройство нефтяных залежей [28. Д. 1426. Л. 325]. В документах совета директоров Тюменгазпрома уже за 1985 г. [28. Д. 1329. Л. 312] содержится лаконичная информация о том, что обустройство Новопортовского месторождения велось

силами ПО «Надымгазпром». В 1985 г. действовало Новопортовское управление по повышению нефтеотдачи пластов, база производственно-технического обслуживания и комплектации, передвижная механизированная колонна в пос. Новый порт. [28. Д. 1356. Л. 21–22]. Относительно других месторождений полуострова Ямал в рамках поставленной задачи в 1975–1976 гг. информация по их освоению в документах отсутствует, известны работы только по Новопортовскому месторождению. Но по данным издания к юбилею тюменских геологов, добыча началась в 1970-е гг. на Харасавейском месторождении, в 1980-е гг. – на Бованенковском, Новопортовском и Южно-Тамбейском [6. С. 200–201, 244–245; 21. С. 210–211, 316–319]. Скорей всего, добыча проводилась в рамках пробной эксплуатации из разведочных скважин, газ использовался для местных нужд.

В партийно-правительственном Постановлении № 797 от 20 августа 1985 г. [26. Д. 1799. Л. 3–115.] «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986–1990 гг.» получил отражение большой комплекс вопросов по освоению месторождений полуострова Ямал, первым из которых к вводу в эксплуатацию намечалось в 1990 г. Бованенковское нефтегазоконденсатное месторождение. Задачи по вводу в действие объектов обустройства нефтяных и газовых месторождений на территории ЗСНГК на 1986–1990 гг. вошли в Приложение № 3, по Ямалу – отражены в виде формулировок «создание задела на Бованенковском месторождении» и «строительство резервуарного парка для сбора нефти на Новопортовском месторождении» [26. Д. 1799. Л. 35].

Большой объем в вышеназванном Постановлении заняли транспортные проблемы полуострова. Пункты 10.5 и 10.9 касались железнодорожного и автомобильного строительства. Министерство путей сообщения в 1985–1987 гг. по заданию Мингазпрома должно было разработать проект на строительство железной дороги на полуострове из г. Лабытнанги до мыса Харасавэй, в 1986 г. приступить к ее сооружению за счет средств Мингазпрома с открытием рабочего движения до Бованенковского месторождения не позднее 1990 г. Функции заказчика возлагались на Мингазпром СССР. Стройбанку СССР ставилась задача финансировать строительство дороги по рабочим чертежам и сметам. Минтрансстрой должен был выделить новые рельсы типа Р-50 (изготавливаются из стали К76Ф, Э76Ф, К90АФ, ДТ50, характеризуются как термоупроченные) [29] для надежности эксплуатации железнодорожного пути в экстремальных условиях Тюменского севера [26. Д. 1799. Л. 10–11]. Пункт 12 Постановления требовал в 1985–1986 гг. разработать проект и завершить к 1992 г. усиление железной дороги «Чум–Лабытнанги» для увеличения ее пропускной способности [26. Д. 1799. Л. 12]. Срочность этих объектов подтверждало требование в документе осуществлять финансирование работ по рабочим чертежам, а понимание сложности функционирования дороги – выделение новых рельсов Р-50 для обеспечения надежности эксплуатации железнодорожных путей.

Приложение Постановления 15 предусматривало строительство аэропортов: в районе Нового порта и Бованенково для самолетов Ан-26, в Бованенково было запланировано строительство вертодромов [26. Д. 1799. Л. 68].

В приложении 4 Постановления по вводу в действие важнейших магистральных нефтепроводов, газопроводов и компрессорных станций (КС) для транспортировки нефти и газа из Западной Сибири на 1986–1990 гг. намечено строительство силами Миннефтегазстроя газопровода «Ямал–Торжок–Ужгород» протяженностью 4 534 км, с вводом в 1991 г., с КС Бованенковская, Полярная, Карская и др. После Карской названа Ханавейская КС, что говорит о движении трассы трубопровода на территорию Коми АССР, а значит, с прокладкой трубы через Байдарацкую губу. Темпы строительства устанавливались очень жесткие: северный участок газопровода протяженностью 1840 км по постановлению Совета министров СССР от 7 июня 1985 г. № 1219 должен был с 4 КС вступить в строй в январе 1986 г., на всем протяжении северного участка – в феврале 1987 г. [26. Д. 1799. Л. 45, 46].

Значительное внимание уделялось решению энергетических проблем: в приложении 17 запланировано увеличение мощностей Печорской ГРЭС для передачи электроэнергии по ЛЭП «Сейда–Харп–Лабытнанги» с подстанциями (их строительство также предполагалось) к объектам освоения на Ямале. Министерство энергетики и электрификации СССР уже в 1985 г. должно было, согласно пункту 14, совместно с Госпланом СССР разработать и утвердить схемы энергоснабжения объектов по добыче, транспортировке нефти и газа и железнодорожного транспорта полуострова Ямал на период до 2020 г. [26. Д. 1799. Л. 12, 13, 69].

Не были оставлены без внимания проблемы вечной мерзлоты. Пункт 55з Постановления ставил задачу организации в Тюмени в составе СО АН СССР научно-исследовательского института по проблемам освоения Севера (НИИ ИПОС АН СССР); на полуострове Ямал – экспериментально-исследовательских мерзлотных станций этого НИИ; в Лабытнангах – экспериментальной лаборатории НИИ ИПОС АН СССР. Цель – изучение изменений природной среды, инженерно-геокриологических условий в процессе хозяйственного освоения полуострова Ямал [26. Д. 1799. Л. 27].

Таким образом, согласно партийно-правительственному Постановлению № 797 от 20 августа 1985 г., подготовка к освоению месторождений полуострова Ямал должна была одновременно сопровождаться решением транспортных, энергетических, научно-исследовательских проблем. Программа наступления на Ямал не ограничивалась только этим постановлением. К технической, технологической стороне имеют отношение: Постановление Совета министров СССР от 20 августа 1985 г. № 798 «О развитии мощностей и техническом переоснащении строительного-монтажных организаций, осуществляющих строительство объектов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1986–1990 гг.» и Постановление Совета министров СССР от

20 августа 1985 г. № 799 «О развитии мощностей по производству технологических установок и оборудования для нефтяной и газовой промышленности в 1986–1990 гг.» [26. Д. 1799. Л. 116–244]. Они предусматривали осуществление огромного блока мероприятий по разработке совершенного оборудования для нефтегазовой отрасли, в том числе работоспособного при температурах -60 °С; стальных труб из высокопрочной стали с термостойким и маслостойким электроизоляционным покрытием, с высокой твердостью и минимальной шероховатостью поверхности и т.д. [26. Д. 1799. Л. 197, 212]. Большое внимание было уделено многоуровневым системам управления объектами добычи, системам телемеханики, контроля за работой установок добычи и управлением скважин, автоматизации КС [26. Д. 1799. Л. 204].

Затем усилиями Мингазпрома и Главтюменгазпрома началась конкретизация тактики выполнения задач, в некоторых случаях – ее корректировка. Так, Коллегия Мингазпрома СССР в дополнение энергетических программ включила установку ГТЭС в г. Лабытнангах, расширение мощностей Печорской ГРЭС [28. Д. 1398. Л. 61]. В планах разработки месторождений полуострова появилось Харасавэйское месторождение, которое в постановлении не упоминалось. Требовалось разработать ко второму кварталу 1987 г. расширенное ТЭО по обустройству Бованенковского и Харасавэйского месторождений, задача поручалась ВНИПИгаздобыче [28. Д. 1398. Л. 55–57], а в октябре 1986 г. необходимо было утвердить основные технические решения обустройства Бованенковского и Харасавэйского месторождений; по ним предполагался выбор площадок под пионерные базы освоения и вахтовые поселки, разработка технических требований на арматуры с температурой работы до -60 °, обустройство месторождений суперблоками до 1000 т, в том числе и сооружение блочно-комплектных КС, подготовка технических требований на трубы из хладостойких сталей, производство термосвай, значительное внимание было уделено вопросам осушки газа – абсорберу и добавок к нему.

Программа первоочередных мероприятий по осуществлению работ, связанных с освоением месторождений на полуострове Ямал, и строительству магистральных газопроводов, подписанная в июне 1986 г. В.И. Вяхиревым, начальником Главтюменгазпрома и одновременно зам. министра Мингазпрома, наряду с разделом «Добыча газа», включала еще пять: «Бурение скважин», «Транспортная схема», «Энергоснабжение», «Строительство жилья и объектов соцкультбыта», «Строительство магистральных газопроводов». Практически все ставившиеся задачи имели сжатые сроки выполнения. Так, вопросы строительства жилья имеют даты выполнения работ «до августа 1986 г.», включают определение численности работающих из семи министерств: Мингазпрома, Миннефтегазстроя, Мингео, Минречфлота и Минморфлота, Мигражданской авиации; разработки схем размещения вахтовых поселков; вопросы расселения семей вахтовиков в городах Ухта, Воркута и

Тюмень и Лабытнангах. Ставилась задача застройки г. Лабытнанги с увеличением численности города до 11 тыс. человек [28. Д. 1398. Л. 62, 63]. Определялся вахтовый характер обслуживания КС «Лаборовая» и «Полярная». С жилищной проблемой по сжатости сроков соседствует проблема бурения скважин. Вопросы бурения на протяжении 1986 г. обсуждались в Министерстве, Главтюменгазпроме с ВНИПИгаздобычей, Ухтинским филиалом ВНИИГАЗа, научно-производственным объединением «Тюменгазтехнология», ВНИИИСТом, СибНИПИгазстроем. Определялось число скважин в кусте, расстояние между скважинами, устройство проектных площадок, намечались меры, обеспечивающие безопасное бурение, мероприятия по хозяйственному и питьевому водоснабжению базы бурения. Документ указывал ответственных за выполнение и сроки [28. Д. 1398. Л. 50]. Решение энергетических проблем на Бованенковском и Харасавэйском месторождениях виделось через осуществление поставок ГТЭС на месторождения в 1987 г., теплоснабжение от ПАЭС-2500, строительство ЛЭП и подстанций, проработки схем энергоснабжения от Печорской ГРЭС. Особо была выделена задача разработки схемы энергоснабжения газопроводных систем [28. Д. 1398. Л. 59].

Завершающий, VI раздел касался строительства магистральных газопроводов [28. Д. 1398. Л. 65].

Особое внимание в проработке проблем освоения Ямала уделялось развитию транспортных путей до Бованенковского месторождения, на этом направлении в большей степени осуществлялась корректировка намерений:

1. Аэропорт «Бованенково» построить нужно было ускоренными темпами, чтобы начать использовать в 1990 г. Первоначально он рассчитывался на прием самолетов АН-26. Однако осенью 1986 г. было внесено изменение. Протокол технического совещания при первом зам. министра газовой промышленности Р.И. Вяхиреве от 24 октября 1986 г. по вопросу транспортной схемы полуострова Ямал содержал решение «считать целесообразным сооружение на Бованенковском месторождении аэропорта, рассчитанного на прием тяжелых военно-транспортных самолетов типа ИЛ-76 [28. Д. 1402. Л. 285];

2. Назначением строящейся железной дороги «Лабытнанги – Бованенково» первоначально указывалось «для транспортировки газа и конденсата». Однако в октябре 1986 г. вопросы транспортировки газа связали с газопроводом «Ямал–Запад», при сооружении из труб диаметром 1400 мм, с толщиной стенок 26,6 мм, кат. «В» [28. Д. 1402. Л. 286];

3. Вопрос о «перевалочной базе» на побережье Обской губы прорабатывался сложно. Первоначальные идеи:

а) создание перевалочной база в устье р. Сеяха [28. Д. 1398. Л. 52, 54]; от нее до Бованенково – транспортировка грузов авиационным или автомобильным транспортом; в устье Сеяхи – сооружение причала, перевалочной базы, поселка, пункта пересадки вахт, установка вахтовых жилых комплексов «Вахта-80», Вахта-40»;

б) для доставки грузов на Харасавэйское месторождение – использование устья р. Мордыяха [28. Д. 1402. Л. 286];

в) осуществление доставки грузов в порт «Ямбург» через продление навигации и использование ледоколов. Предложена транспортная схема: «Ямбург – Обская губа – перегрузка на автодорогу – Бованенковское месторождение».

Однако после проведенных Гипроспецгазом геогностических изысканий и гидрологических расчетов стало понятно, что выбранные варианты площадки на берегу р. Сеяха требовали дноуглубительных работ для организации судоходства [28. Д. 1402. Л. 134, 135], а для использования порта Ямбург – ледоколов. Приказом МГП и МНГС № 248 /411 от 28 октября 1986 г. местом приема грузов для Бованенковского, Харасавэйского месторождений и строительства головного участка системы газопроводов «Ямал–Запад» определен район р. Сабеттаяха, на восточном побережье полуострова Ямал, с дальнейшей доставкой грузов на месторождения по автомобильным дорогам. Район р. Сеяха был отклонен по причине отсутствия источников энергоснабжения, нахождения территории планируемой инфраструктуры в затапливаемой зоне, невозможности строительства автомобильной дороги из-за необеспеченности грунтовыми карьерами, наличия многочисленных мостовых переходов. Район р. Сабеттаяха отличался энергоснабжением, наличием взлетно-посадочной полосы, действующей круглогодично, несколькими притрассовыми карьерами [28. Д. 1461. Л. 44, 45]. Было решено поручить НПО «Тюменгазтехнологии» совместно с институтом «СибНИПИгазстрой» (институт образован в 1971 г. в Тюмени на базе тюменского филиала ВНИИСТА) разработать в Сабетте до 15 марта 1987 г. генеральный план промышленной зоны с обработкой грузопотока в год в 600 тыс. тонн и вахтовым поселком на 1 500 чел. Сроки реализации плана – до 15 марта 1987 г.

Район Сабетты стали рассматривать как место решения комплекса транспортных проблем: вместо строительства аэродрома на Бованенковском месторождении с затратами 500 млн руб. ставилась задача проведения расширения ВПП в пос. Сабетта. Сабетта стала важной в реализации транспортной схемы «Сабетта–Бованенково» для транспортировки крупноблочных сооружений и грузов, доставляемых морским и воздушным путем. Для разворота работ в Сабетте в соответствии с приказом Мингазпрома СССР еще от 12 июня 1986 г. № 137 «О мерах по обеспечению буровых работ на Бованенковском месторождении пол. Ямал» [28. Д. 1461. Л. 45, 44] в сентябре 1986 г. на Ямал была «отправлена пионерная партия, которая высадилась в Сабетте». Был создан специальный трест инженерно-геокриологического мониторинга изысканий.

Транспортную схему освоения полуострова Ямал рассмотрели на Техническом совещании Главтюменгазпрома 7 февраля 1987 г. Протокол совещания назывался «По уточнению транспортной схемы и выбора места расположения основного пункта приемки грузов для обустройства Бованенковского месторождения».

Над вопросом работали представители главка, дирекции «Ямалгазпром», институтов «Гипроспецгаз», ВНИПИгаздобычи, НПО «Тюменгазтехнология», треста «Ямбургнефтегазстрой» [28. Д. 1462. Л. 42, 43]. На заседании коллегии Главтюменгазпрома 16 февраля 1987 г. № 1463 была рассмотрена транспортная схема полуострова Ямал, поставлена задача до 15 марта 1987 г. в устье р. Сабеттаяха создать все необходимое для жилья, питания с ежедневным информированием главка о принимаемых мерах по выходу на полуостров Ямал. Контроль возложен на двух заместителей начальника главка Ю.А. Горяинова и В.А. Попова [28. Д. 1461. Л. 40–41]. В 1988 г. перевалочная база в Сабетте уже работала и принимала грузы: в 1988 г. завезено 33 тыс. т материалов, оборудования, ГСМ [28. Д. 1402. Л. 95]. Документы 1989 г., в частности приказ Тюменгазпрома от 24 января 1989 г. «О подготовке предприятий к навигации 1989 г.», отразили информацию о доставке грузов на полуостров Ямал в пос. Сабетта. Перед директором дирекции «Ямалгазпром» В.П. Бурдиным и управляющим трестом «Тюменснабкомплект» Г.А. Баклановым ставились задачи по подготовке причалов и баз для приема грузов в Сабетте в навигацию 1989 г. [28. Д. 1555. Л. 52, 53]. Все это можно рассматривать как начало закладки будущего морского порта. Начальник транспортного управления «Тюменгазпром» В.П. Бирюков должен был осуществлять постоянный контроль за выделением автомашин, буксировкой плавкранов на полуостров Ямал, в Сабетту. В это же самое время принималось решение об ограничении строительства речного порта «Ямбург» первой очереди, а вторую очередь порта было решено не строить [28. Д. 1402. Л. 285]. Планировалось продление железной дороги «Обская–Бованенково» на Харасавэй, с изменением названия – «Обская–Бованенково–Харасавэй», рабочее движение до Бованенково должно было быть открыто во второй половине 1990 г.

Обустройство месторождений. В 1986 г. в качестве специальной структуры управления обустройством месторождений полуострова Ямал была создана дирекция строящихся газодобывающих и газотранспортных предприятий и железной дороги полуострова Ямал, под названием «Ямалгазпром», расположенная в г. Лабытнанги [28. Д. 1398. С. 129]. Мингазпром регулярно контролировал проведение работ на полуострове. 28 октября 1986 г. на коллегии Мингазпрома отмечалась низкая организация проектных работ, неудовлетворительная работа дирекции «Ямалгазпром». 3 декабря 1986 г. коллегия Мингазпрома приняла постановление № 14-86 «О первоочередных мероприятиях по освоению газоконденсатных месторождений на полуострове Ямал». Коллегия потребовала от ВНИПИгаздобычи составить комплексную программу освоения Бованенковского месторождения; рассмотреть вопрос о строительстве первоочередных кустов скважин с частичной подсыпкой и без подсыпки минерального грунта при бурении скважин в период отрицательных температур», утвердила число скважин в кусте в количестве 10; ставила задачу определиться с поставками гравия, щебня, песчано-гравийной смеси;

рассмотрела перечень первоочередных объектов на Бованенковском месторождении и вопрос по схеме доставки блок-понтон. Дирекции «Ямалгазпром» было необходимо «усилить организацию и координацию работ по проектированию и строительству первоочередных объектов бурения и обустройства Бованенковского месторождения», до 15 февраля 1987 г. определяться с выходом на месторождение, коллегии Тюменгазпрома ставилась задача систематического рассмотрения вопросов обустройства месторождений полуострова Ямал [28. Д. 1398. С. 134–136]. По Новопортовскому месторождению вели обсуждение по обустройству нефтяных залежей и пробной эксплуатации [28. Д. 1426. С. 325]. Приказом Главтюменгазпрома от 6 ноября 1986 г. № 528 Новопортовское управление по повышению нефтеотдачи пластов преобразуется в производственно-диспетчерскую службу по добыче нефти ПО «Надымгазпром». Однако 2 марта 1987 г. Мингазпром СССР принимает решение «о консервации залежей Новопортовского месторождения» с отсылкой к указаниям XXVII съезда партии «о максимальном сокращении строительных работ» [28. Д. 1457. Л. 80, 87]. 17 апреля 1987 г. уже приказом Главтюменгазпрома принимается решение о *временной консервации* Новопортовского месторождения. Составлялись ведомости на имеющееся оборудование, конструкции, материалы. ПО «Надымгазпром» ставилась задача сохранить законсервированные объекты, не смонтированное оборудование, конструкции, неиспользованные материалы. С трестом «Ямалгазстрой» должны были быть составлены сметы, чертежи на законсервированные объекты [28. Д. 1457. Л. 88].

На Бованенковском месторождении работы продолжались. По данным пояснительной записки к годовому отчету ГПУ (Главное производственное управление) «Тюменгазпром», в 1988 г. на месторождении *осуществлялось строительство эксплуатационных скважин*. Бурение вел подрядный трест «Северспецбургаз» (г. Ухта). Работы выполняли две буровые бригады, численность работающих в тресте «Северспецбургаз» составляла 869 человек. Отмечалась высокая аварийность в бурении [28. Д. 1542. Л. 38, 39]. План проходки трест выполнил за год на 55%, однако было введено и сдано 15 скважин на газ. Бурение на Ямале имело высокую стоимость – 1 метр проходки обходился в 1 440 руб., тогда как на Уренгойском, Ямбургском месторождениях – в 441 руб. Использовались буровые установки БУ-3000 ЭУК в эшелонном исполнении для кустового наклонно-направленного бурения. Отражено в пояснительной записке также строительство вертолетных площадок на КС «Байдарацкая» в количестве двух и одной – в Сабетте [28. Д. 1542. Л. 42, 89, 93]. Приводится динамика численности работающих в дирекции «Ямалгазпром»: в 1986 г. – 18 чел., на 1 января 1989 г. – 350 чел., в том числе занятых в промышленности – 220 чел. [28. Д. 1542. Л. 124].

В 1989 г. явно прослеживалось приближение Бованенковского месторождения к промышленной добыче. В январе 1989 г. на заседании ГПУ «Тюменгазпрома» рассматривался вопрос о создании производственного

объединения для эксплуатации месторождений Ямала, бурное обсуждение развернулось относительно названия объединения и места дислокации. Названием стало «Ямалгазпром», местом расположения, о чем также велись дискуссии, определили г. Тюмень [28. Д. 1559. Л. 1–4]. 15 июня 1989 г. ГПУ «Тюменгазпром» приняло решение о переводе «Дирекции строящихся газодобывающих, газотранспортных предприятий и железной дороги на полуострове Ямал» из Лабитнанги на Бованенковское месторождение, с переименованием в «Дирекцию по обустройству месторождений и строительству магистральных газопроводов пол. Ямал» [28. Д. 1552. Л. 113]. Деятельность прежней дирекции в основном стала концентрироваться на строительстве железной дороги «Обская–Бованенково–Харасавэй». Сабетта готовилась к приему грузов в навигацию 1989 г., ГПУ «Тюменгазпром» осуществлял постоянный контроль за выделением автомашин, плавучих кранов, их буксировкой в Сабетту. Введение в эксплуатацию 17 февраля 1989 г. Ен-Яхинское месторождения свидетельствовало о курсе на дальний север. Бованенковское было еще севернее.

В то время как Тюменгазпром все более приближался к цели по вводу месторождения в эксплуатацию, 10 июня 1989 г. Совет министров СССР принял решение за № ПП-13653 «О приостановке производства работ по обустройству и бурению на Бованенковском месторождении», которое 20 июня 1989 г. почему-то с легкостью одобрил исполком Совета народных депутатов ЯНАО. Образованная в Тюмени вместо Главтюменгазпрома структура производственно-распорядительного управления государственного концерна «Газпром» [31. Д. 1. Л. 1], которой подчинили бывшие предприятия «Тюменгазпрома», издала приказ ГПУ «Тюменгазпром» от 6 июля 1989 г. о приостановке всех работ на Бованенковском месторождении, правда, на срок с июля по октябрь 1989 г. Начались работы по временной консервации объектов на месторождении с обеспечением их сохранности. Дирекции «Ямалгазпром» ставилась задача обеспечить финансирование работ по консервации объектов с приостановкой работ на месторождении за счет средств на эксплуатационное бурение [28. 1556. Л. 161]. Все это очень напоминало ситуацию с Трансполярной магистралью 1953 г. [30].

С 1989 г. документация приобретает бессистемный характер, информация в ней отрывочна, есть информация о конце 1980-х гг. Однако ясно, что осуществлялась добыча газа на Бованенковском месторождении, которое находилось в структуре Ямалгазпрома, в 1988 г. в объеме 141 тыс. куб. м, в 1989 г. – 348 тыс. куб. м [31. Л. 86], при этом есть указание на добычу в том же 1989 г. «на старых скважинах» в объеме 22 млн куб. м. Бурение велось в небольших объемах, в 1989 г. составило 1608 м, количество скважин составляло 28 ед. На 1990 г. добычу на Бованенковском месторождении планировали в 40 млн куб. м [31. Л. 90, 97], а на 1993 г. – в 34,4 млрд куб. м [31. Л. 99].

В середине 1990-х гг. месторождения Ямала находились в подчинении ООО «Надымгазпром». В 1995 г. в составе Надымгазпрома названо предприятие «Ямальское ГПУ». В его ведении было два месторождения –

Бованенковское и Харасавэйское. На 1994 г. на Бованенковском месторождении было уже 53 скважины, из них 2 осуществляют добычу газа, на Харасавэйском – одна скважина, добыча велась на том и другом месторождении: на Бованенковском добывалось 17, 720 млн куб. м, на Харасавэйском – 25,46 млн куб. м [32. Д. 11. Л. 159]. На Бованенковском было два пункта подготовки газа: «имеющийся» и «построенный новый в 1995 г.». Есть газопровод длиной 1000 м от скважины № 6300, уложенный на эстакадах, при теплоизоляции, а к пункту подготовки газа проложен метанолопровод. Газ направлялся для пионерного снабжения вахтового поселка [33. Д. 21. Л. 177]. Количество скважин в 1996 г. – уже 58. Выделены скважины: «на балансе буровиков»; «разведочные» (2); «освоенные» (2); «в ожидании освоения»; «в ожидании испытания»; «экспериментальные», на которых проводились исследовательские работы; были «скважины, в которых спускаются после освоения листовые теплоизолирующие трубы»; «остановленные скважины», на них происходило «обратное промерзание по стабилизации отрицательных температур». Куст № 56 пробурен как опытно-экспериментальный без отсыпки грунта, но на блок-понтах. На четырех скважинах проводились исследования с целью герметичности колонн и цементного камня, определялись параметры газа [33. Д. 21. Л. 177]. На Харасавэйском месторождении велась добыча также для собственных нужд.

Таким образом, освоение месторождений полуострова Ямал началось в советский период и проводилось в несколько этапов. Первый подступ связан со второй половиной 1960-х гг., с Новопортовским месторождением. Со второй половины 1970-х гг. был осуществлен второй подступ к месторождениям полуострова, он

коснулся Новопортовского и Харасавэйского месторождений. Активная фаза освоения месторождений с широкомасштабным развитием транспортной сети началась с середины 1980-х гг. К эксплуатации были подготовлены два месторождения – Бованенковское и Новопортовское, велось строительство железной дороги «Обская – Бованенково», была осуществлена закладка промышленной базы и основ порта в районе Сабетты, строились КС на газопроводе «Ямал–Запад» и сам газопровод. Работы на полуострове сопровождались постоянным расширением масштабов исследовательских работ с подключением значительного числа научно-исследовательских институтов, разработкой новой техники, технологий для проведения работ в условиях вечной мерзлоты. Были созданы структуры управления строительством и эксплуатацией месторождений. Работы по Новопортовскому месторождению были остановлены в 1987 г., на Бованенковском – в 1989 г., месторождения были переведены в стадию временной консервации. То же самое, скорее всего, произошло и на строительстве транспортных объектов полуострова. В документах ГПУ «Тюменгазпром» и структур, меняющих название на протяжении 1990-х гг., создаваемых на основе предприятия «Тюменгазпром», отражено, что, несмотря на консервацию работ на месторождениях, на Бованенковском месторождении проводились исследования скважин, были построены два пункта подготовки газа, осуществлялась добыча газа. Добыча велась и на Харасавэйском месторождении, данные по Новопортовскому, как и по другим месторождениям Ямала, в архивных документах отсутствуют. В целом, можно утверждать, что в советский период был наработан огромный опыт по освоению полуострова Ямал и месторождений расположенных на нем углеводородов.

Список источников

1. Состояние и перспективы использования минерально-сырьевой базы Ямало-Ненецкого автономного округа на 15 марта 2021 г. // Справка ФГБУ «ВСЕГЕИ» от 14 января 2021 г. № 049-00016-21-00. URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/data/Fast/Files/202104/ad829a8fefe9fc69a4502beecc2eb711.pdf> (дата обращения: 16.20.2022).
2. История Ямала : в 2 т. / Ямал традиционный. Т. 1. Кн. 2: Российская колонизация / под ред. И.В. Побережникова и др. ; под общ. ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург : Баско, 2010. 324 с.
3. История Ямала : в 2 т. Т. II: Ямал современный. Кн. 1: У истоков модернизации / под ред. К.И. Зубкова. Екатеринбург : Баско, 2010. 368 с.
4. Бованенковское месторождение – опорное месторождение Ямальского центра газодобычи // ПАО «Газпром». URL: <https://www.gazprom.ru/projects/bovanenkovskoye/> (дата обращения: 07.05.2023).
5. Открытые горизонты Т. 1 (1962–1980 гг.) / сост. А.М. Брехунцов, В.Н. Битюков. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2002. 680 с.
6. Люди и недра. К 75-летию Тюменской геологии : в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. А.М. Брехунцова. Тюмень : МНП «Геодата», 2023. 420 с.
7. Счетная палата раскрыла крупнейших плательщиков дивидендов в федеральный бюджет // ЛЕНТА. URL: https://lenta.ru/news/2023/06/13/dividendy/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 13.06.2023).
8. История газовой отрасли России. 1992–2015 гг. Кн. 3 / отв. ред. Р.М. Гайсин. М. : Граница, 2016. 352 с.
9. Выход на Ямал имеет принципиальное значение для обеспечения роста добычи газа в России // ПАО «Газпром». URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2008/december/article56865/> (дата обращения: 05.05.2023).
10. Мегaproект «Ямал» // ПАО «Газпром». URL: https://www.gazprom.ru/f/posts/01/509532/yamal_brochure.pdf (дата обращения: 04.05.2023).
11. Фролов А., Правосудов С. Газпром приступил к добыче ачимовского газа на Уренгойском месторождении // Газпром. Корпоративный журнал ОАО «Газпром». 2008. № 8. С. 6–9.
12. Фролов А. Главные по Ямалу // Газпром. 2012. № 11. С. 16–19.
13. Хренков Н. Ямал открывает закрома // Газпром. 2008. № 12. С. 10–11.
14. Марцинкевич Б. Бованенково – новый этап газовой отрасли России (Газпром осваивает самую северную газовую провинцию // ИА REX. 14.12.2018. URL: <https://iarex.ru/articles/62632.html> (дата обращения: 04.05.2023).
15. Ямальский экспресс // ПАО «Газпром». URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/reports/2013/yamalskiy-express/> (дата обращения: 05.05.2023).
16. В 2012 г. заложен порт Сабетта // СЕВЕР–Пресс. 20.07.2021. URL: <https://sever-press.ru/news/transport/devjat-let-nazad-nachalos-stroitelstvo-jamalskogo-porta-sabetta/> (дата обращения: 06.05.2023).
17. Нефтяная стратегия // Газпром. 2004. № 1-2. С. 4–5.
18. Захватывающая история // ПАО «Газпром». URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/reports/2023/an-exciting-story/> (дата обращения: 07.05.2023).
19. Касаткина В. От Саратова до Ямала // Газпром. 2004. № 1–2. С. 41–43.

20. Люди и недра. К 75-летию Тюменской геологии : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. А.М. Брехунцова. Тюмень : МНП «Геодата», 2023. 420 с.
21. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / ред. И.А. Волкова. М. : Экономика, 2002. 767 с.
22. Газизуллин Н.Ф., Благих И.А. Долгосрочное планирование – основа модернизации экономики (к 100-летию плана ГОЭЛРО и Госплана) // Проблемы современной экономики. 2021. № 1 (77). С. 6–13.
23. Благих И.А., Газизуллин Ф.Г., Газизуллин Н.Ф. Военно-историческое значение Победы советского народа в Великой отечественной войне (1941–1945 гг.) // Проблемы современной экономики. 2020. № 1 (73). С. 6–11.
24. Хайшин М.Н., Благих И.А., Рудник С.Н., Газизуллин Н.Ф. Экономические основы Великой Победы во Второй мировой войне // Проблемы современной экономики. 2020. № 2 (74). С. 6–11.
25. Машков В.Д. Советский опыт преобразований как ориентир для евразийского реагирования на глобальные проблемы // Проблемы современной экономики. 2019. № 3 (71). С. 117–120.
26. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 814. Оп. 5.
27. Колева Г.Ю., Колев Ж.М. Газовая промышленность Тюменской области: от Березовского до Медвежьего. Тюмень : ТИУ, 2022. 236 с.
28. ГАТО. Ф. 2101. Оп. 1.
29. Рельсы тип Р-50 // Металл Транс Маркет. URL: <https://www.metalltm.ru/relsy-zheleznodorozhnye-r-50> (дата обращения: 26.05.2023).
30. Колева Г.Ю. Транспортируемая магистраль в освоении северо-западной части Западной Сибири (к 75-летию с начала строительства) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 135–148. doi: 10.17223/15617793/482/14
31. ГАТО. Ф. 2256. Оп. 1. Производственно-распорядительное управление Государственного концерна «Газпром» (1989–1991 гг.). Д. 1.
32. ГАТО. Ф. 2256. Оп. 2. Объединенное диспетчерское управление в г. Тюмени ЦПДУ (Центрального производственно-диспетчерского управления) РАО «Газпром».
33. ГАТО. Ф. 2256. Оп. 3. Представительство ОАО «Газпром» в г. Тюмени.

References

1. Rosnedra. (2021) *Sostoyaniye i perspektivy ispol'zovaniya mineral'no-syr'evoy bazy Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga na 15 marta 2021 g.* [State and prospects for the use of the mineral resource base of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug as of March 15, 2021]. [Online] Available from: <https://www.rosnedra.gov.ru/data/Fast/Files/202104/ad829a8fefe9fc69a4502beccc2eb711.pdf> (Accessed: 16.20.2022).
2. Alekseev, V.V. (ed.) (2010) *Istoriya Yamala* [History of Yamal]. Vol. 1. Book 2. Yekaterinburg: Basko.
3. Zubkov, K.I. (ed.) (2010) *Istoriya Yamala* [History of Yamal]. Vol. 2. Book 1. Yekaterinburg: Basko.
4. Gazprom. (n.d.) Bovanenkovskoe mestorozhdeniye – opornoe mestorozhdeniye Yamal'skogo tsentra gazodobychi [Bovanenkovskoye field, a reference field of the Yamal gas production center]. *Gazprom*. [Online] Available from: <https://www.gazprom.ru/projects/bovanenkovskoye/> (Accessed: 07.05.2023).
5. Brekhuntsov, A.M. & Bitukov, V.N. (eds) (2002) *Otkrytye gorizonty* [Open Horizons]. Vol. 1. Yekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo.
6. Brekhuntsov, A.M. (ed.) (2023) *Lyudi i nedra. K 75-letiyu Tyumenskoy geologii* [People and Subsoil. On the 75th anniversary of Tyumen geology]. Vol. 2. Tyumen: MNP “Geodata”.
7. LENTA. (2023) Schetnaya palata raskryla krupneyshikh platel'shchikov dividendov v federal'nyy byudzheth [The Accounts Chamber revealed the largest payers of dividends to the federal budget]. *LENTA*. 13 June. [Online] Available from: https://lenta.ru/news/2023/06/13/dividendy/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (Accessed: 13.06.2023).
8. Gaysin, R.M. (ed.) (2016) *Istoriya gazovoy otrasli Rossii. 1992–2015 gg.* [History of the Russian Gas Industry. 1992–2015]. Vol. 3. Moscow: Granitsa.
9. Gazprom. (2008) Vykhod na Yamal imeet printsipial'noye znachenie dlya obespecheniya rosta dobychi gaza v Rossii [Access to Yamal is of fundamental importance for ensuring the growth of gas production in Russia]. *Gazprom*. 12 December. [Online] Available from: <https://www.gazprom.ru/press/news/2008/december/article56865/> (Accessed: 05.05.2023).
10. Gazprom. (n.d.) *Megaproekt “Yamal”* [Yamal Megaproject]. [Online] Available from: https://www.gazprom.ru/f/posts/01/509532/yamal_brochure.pdf (Accessed: 04.05.2023).
11. Frolov, A. & Pravosudov, S. (2008) Gazprom pristupil k dobyche achimovskogo gaza na Urengoy'skom mestorozhdenii [Gazprom began production of Achimov gas at the Urengoy field]. *Gazprom*. 8. pp. 6–9.
12. Frolov, A. (2012) Glavnyy po Yamalu [Chief for Yamal]. *Gazprom*. 11. pp. 16–19.
13. Khrenkov, N. (2008) Yamal otkryvaet zakroma [Yamal opens the bins]. *Gazprom*. 12. pp. 10–11.
14. Martinkevich, B. (2018) Bovanenkovo – novyy etap gazovoy otrasli Rossii [Gazprom osvaivaet samuyu severnyuyu gazovuyu provintsiyu [Bovanenkovo – a new stage in the Russian gas industry (Gazprom is developing the northernmost gas province)]. *IA REX*. 14 December. [Online] Available from: <https://iarex.ru/articles/62632.html> (Accessed: 04.05.2023).
15. Gazprom. (2013) Yamal'skiy ekspress [Yamal Express]. *Gazprom*. 1 April. [Online] Available from: <https://www.gazprom.ru/press/news/reports/2013/yamalskiy-express/> (Accessed: 05.05.2023).
16. SEVER-Press. (2021) V 2012 g. zalozen port Sabetta [The port of Sabetta was founded in 2012]. *SEVER-Press*. 20 July. [Online] Available from: <https://sever-press.ru/news/transport/devyat-let-nazad-nachalos-stroitelstvo-jamalskogo-porta-sabetta/> (Accessed: 06.05.2023).
17. Gazprom. (2004) Neftyanaya strategiya [Oil strategy]. *Gazprom*. 1–2. pp. 4–5.
18. Gazprom. (2023) Zakhvatyvyayushchaya istoriya [Fascinating story]. *Gazprom*. 28 February. [Online] Available from: <https://www.gazprom.ru/press/news/reports/2023/an-exciting-story/> (Accessed: 07.05.2023).
19. Kasatkina, V. (2004) Ot Saratova do Yamala [From Saratov to Yamal]. *Gazprom*. 1–2. pp. 41–43.
20. Brekhuntsov, A.M. (ed.) (2023) *Lyudi i nedra. K 75-letiyu Tyumenskoy geologii* [People and Subsoil. On the 75th anniversary of Tyumen geology]. Vol. 1. Tyumen: MNP “Geodata”.
21. Kondrat'ev, N.D. (2002) *Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye Trudy* [Large Cycles of Conjunction and the Theory of Foresight. Selected works]. Moscow: Ekonomika.
22. Gazizullin, N.F. & Blagikh, I.A. (2021) Dolgosrochnoe planirovaniye – osnova modernizatsii ekonomiki (k 100-letiyu plana GOELRO i Gosplana) [Long-term planning is the basis for economic modernization (to the 100th anniversary of the GOELRO and State Planning Committee)]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 1 (77). pp. 6–13.
23. Blagikh, I.A., Gazizullin, F.G. & Gazizullin, N.F. (2020) Voenno-istoricheskoye znachenie Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.) [Military-historical significance of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 1 (73). pp. 6–11.
24. Khayshin, M.N. et al. (2020) Ekonomicheskie osnovy Velikoy Pobedy vo Vtoroy mirovoy voyne [Economic foundations of the Great Victory in the Second World War]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 2 (74). pp. 6–11.
25. Mashkov, V.D. (2019) Sovetskiy opyt preobrazovaniy kak orientir dlya evraziyskogo reagirovaniya na global'nye problemy [Soviet experience of transformations as a guideline for the Eurasian response to global problems]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 3 (71). pp. 117–120.
26. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 814. List 5. (In Russian).
27. Koleva, G.Yu. & Kolev, Zh.M. (2022) *Gazovaya promyshlennost' Tyumenskoy oblasti: ot Berезovskogo do Medvezh'ego* [Gas Industry of the Tyumen Region: From Berезovskoy to Medvezhy]. Tyumen: Industrial University of Tyumen.

28. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 2101. List 1. (In Russian).
29. Metall Trans Market. (n.d.) *Rel'sy tip R-50* [Rails type R-50]. [Online] Available from: <https://www.metalltm.ru/rel'sy-zhelezodorozhnye-r-50> (Accessed: 26.05.2023).
30. Koleva, G.Yu. (2022) The Transpolar Railway in the Development of the North-Western Part of Western Siberia (to the 75th Anniversary of the Beginning of Construction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University*. 482. pp. 135–148. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/14
31. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 2256. List 1. *Proizvodstvenno-rasporyaditel'noe upravlenie Gosudarstvennogo kontserna "Gazprom" (1989–1991 gg.)* [Production and administrative department of the State Concern Gazprom (1989–1991)]. File 1. (In Russian).
32. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 2256. List 2. *Ob"edinennoe dispetcherskoe upravlenie v g. Tyumeni TsPDU (Tsentral'nogo proizvodstvenno-dispetcherskogo upravleniya) RAO "Gazprom"* [Joint dispatch department in Tyumen of the Central Production Dispatch Directorate (CPDU) of RAO Gazprom]. (In Russian).
33. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 2256. List 3. *Predstavitel'stvo OAO "Gazprom" v g. Tyumeni* [Representative office of OJSC Gazprom in Tyumen]. (In Russian).

Информация об авторах:

Колева Г.Ю. – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета (Тюмень, Россия). E-mail: gukoleva@gmail.com

Колев Ж.М. – канд. техн. наук, доцент кафедры разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Тюменского индустриального университета (Тюмень, Россия). E-mail: jackkolev@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.Yu. Koleva, Dr. Sci. (History), professor, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

Zh.M. Kolev, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: jackkolev@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.06.2023;
одобрена после рецензирования 22.07.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 28.06.2023;
approved after reviewing 22.07.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 930.2
doi: 10.17223/15617793/492/16

Сюжет о царе-старце в массовой культуре

Михаил Сергеевич Путилин^{1, 2}

¹ Томский областной краеведческий музей имени М.Б. Шатилова, Томск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
^{1, 2} mish.put.1997@gmail.com

Аннотация. Анализируется развитие сюжета о царе-старце Александре I как явлении русских народных представлений от его зарождения в конце XIX в. до современности. Рассматривается проблема уникальной живучести в русской культуре легенды о царственном прошлом старца Фёдора Кузьмича. Сделано предположение о причине устойчивости сюжета о царе-старце в связи с его уникальным периодом формирования, переходном не только для России как государства, но и для ментальности ее населения.

Ключевые слова: модернизационный переход, социально-утопические легенды, история ментальностей, конструктивизм, сюжет о царе-старце

Для цитирования: Путилин М.С. Сюжет о царе-старце в массовой культуре // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 147–153. doi: 10.17223/15617793/492/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/16

The plot of the Starets Tsar in mass culture

Mikhail S. Putilin^{1, 2}

¹ Tomsk Regional Museum of Local Lore, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
^{1, 2} mish.put.1997@gmail.com

Abstract. The plot about Fyodor Kuzmich is a unique phenomenon of the Russian folk mentality. It does not fit well into the classifications of folklore as it has characteristics of different genres of Russian folklore. The very name of this plot – “of the Starets Tsar” – speaks of hints and rumors about Fyodor Kuzmich’s royal descent. The persistence with which people return to the question of his “secret” indicates that, despite the lack of real evidence, the figure of Emperor Alexander I is firmly associated with the Tomsk saint. However, the reasons that led to such a popularity of the legend, which has outlived both the hero himself and those periods in which this plot directly performed the function of helping people’s self-awareness, have not yet been disclosed in science. The aim of the article is to offer the author’s own working hypothesis about the reasons for the unique stability of the plot of the Starets Tsar as a phenomenon of Russian culture and folk perceptions on the material of the analysis of typologically related phenomena of folk perceptions in Russian history, as well as sources testifying to the fact that the legend about Emperor Alexander I’ becoming a starets has not lost relevance even in modern Russian culture. The sources include documents of a police investigation in the 1880s of rumors about the royal past of the Tomsk starets, the official life of Feodor of Tomsk published by the Russian Orthodox Church, and the exhibition materials on the plot of the Starets Tsar in Tomsk Regional Museum of Local Lore. For a more in-depth study of the sources reflecting the plot of the Starets Tsar and related phenomena of folk representations, the author applied the methodological principles of the history of mentalities and constructivism. A comparative analysis of the sources from the perspective of the selected methodology showed that the plot of the Starets Tsar is not connected with the mentality of any historically existing social or regional group, but relates to the mentality of the transition period, which to some extent has a timeless character, and sometimes can appear in certain individuals even in periods of “stability” if, for example, there are crisis phenomena in society.

Keywords: modernization transition, socio-utopian legends, history of mentalities, constructivism, legend of Starets Tsar

For citation: Putilin, M.S. (2023) The plot of the Starets Tsar in mass culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 147–153. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/16

Сюжет о Фёдоре Кузьмиче является уникальным явлением народной ментальности. Он плохо укладывается в рамки какой-либо классификации фольклорных

произведений, так как имеет черты и дореформенных легенд об «избавителях», и фольклорных бытовых историй, и жития святых подвижников. Фёдор Кузьмич

официально канонизирован церковью, поэтому его житие зафиксировано и включает описание подвижнического образа жизни старца, его скромности, прозорливости, чудес исцеления. Но в рамках общей истории сюжета это только один из компонентов, в котором отражены далеко не все аспекты и элементы легенды. При работе с источниками нам удалось установить, что сюжет сначала формировался как типичная легенда об избавителе, но начавшийся процесс модернизационного перехода сделал такие легенды неактуальными. Тем не менее Фёдор Кузьмич как герой вполне подошел и для новых потребностей общества, поэтому сюжет претерпел изменения, превратившись из темы об «избавителе» в сказание о «спасителе», который помогает людям в сложный исторический период найти свое место в мире и гармонизировать деревенское происхождение и городской быт переселенцев. Потребность «маленького человека» в поддержке от властей, с одной стороны, и в духовной опоре – с другой, актуализировала новые черты царя-старца, а именно заступничество для своих друзей и почитателей перед самыми высокими инстанциями, а также его смирение и желание жить непривычной для него скромной жизнью в провинциальном городке. Обращение русских писателей Серебряного века к этому сюжету укрепило эту актуальность легенды о царственном прошлом Фёдора Кузьмича и роль его образа как заступника «маленького человека» перед вызовами переходного периода и символа русского народного православия.

Само наименование этого сюжета – «о царе-старце» говорит еще и о намеках и слухах о царственном происхождении Фёдора Кузьмича. Упорство, с которым люди снова и снова возвращаются к вопросу о его «тайне», свидетельствует о том, что, несмотря на отсутствие реальных доказательств, фигура императора Александра I стойко ассоциируется с томским святым. Однако причины, которые привели к такой популярности легенды, которая пережила и самого героя, и те периоды, в которые сюжет непосредственно выполнял функцию помощи народному самосознанию, до сих пор в науке не раскрыты.

Цель данной статьи – предложить собственную рабочую гипотезу о причинах уникальной устойчивости сюжета о царе-старце как явления русской культуры и народных представлений на материале анализа типологически родственных ему явлений народных представлений в отечественной истории, а также источников, свидетельствующих о том, что легенда об уходе императора Александра I в старчество не потеряла значительной актуальности даже в современной русской культуре.

Для более глубокого исследования материала источников, отражающих сюжет о царе-старце и родственные ему явления народных представлений, мы обратились к методологическим принципам истории ментальности и конструктивизма. Для нашего исследования особенно актуально понятие идентичности, в контексте данных новых подходов.

С точки зрения исторического знания идентичность представляет собой феномен, который постепенно приобретал все большую субъектность и сущность. На протяжении долгого времени идентичность

как принадлежность человека к какой-то группе определялась внешними по отношению к нему параметрами, которые были аскриптивными, т.е. данными и определенными рождением и обществом. В XX в. все большее внимание стало уделяться тому, как индивид соотносит себя с сообществом, к которому он принадлежит. В соответствии с базовыми принципами конструктивизма идентичность представлена как сложно-составной феномен, имеющий множественные и многоуровневые формы.

Для реализации исследовательского замысла в качестве объекта исследования были выбраны три вектора идентичности: территориальная/региональная – общенациональная/государственная – межгосударственная/европейская. Идентичность территориальная и национальная, как можно предположить, особенно ярко проявляется в фольклорных сюжетах.

В качестве историографических предшественников нашего исследования следует выделить известного советского фольклориста В.Я. Проппа, который составил схему сюжетов фольклорного типа и основных элементов народных представлений, из которых они формируются. На основе его трудов К.В. Чистов в своем ключевом исследовании составил подробную характеристику такого типа явления ментальности, как социально-утопические легенды о «возвращающемся избавителе». Применимость схем, определенных В.Я. Проппом и К.В. Чистовым для исследования конкретных социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе», убедительно доказана работой А.С. Мыльниковой «Легенда о русском принце» [1]. Исследователь подробно проанализировал все основные варианты легенды о «возвращающемся избавителе» в лице Петра III, бытовавшей в XVIII в. Помимо этого, автор раскрыл причины зарождения и распространения этой легенды в форме слухов, а также причины ее устойчивости в народных представлениях. В более поздней монографии «Искушение чудом» [2] А.С. Мыльников расширил источниковую базу и углубил анализ, что позволило подтвердить на новом уровне сделанные им выводы.

Характеристика же сюжета о царе-старце как явления народных представлений, однотипного с легендами об «избавителе», принадлежит самому К.В. Чистову, который считал этот сюжет проявлением «несостоявшейся легенды об Александре I “избавителе”» [3. С. 202].

При этом важно помнить, что К.В. Чистов жестко придерживался марксистского подхода, требовавшего от исследователей работать, прежде всего, с историей социально-политической борьбы классов. По этой причине он назвал сюжет о царе-старце «несостоявшимся» как легенда об «избавителе», несмотря на наличие всех условных признаков таковой, по меньшей мере, в ранней версии этого сюжета. При этом скопческий «Пётр III», раскольник Кондратий Селиванов, и распространявший им сюжет автор признал версией легенды об «избавителе» без оговорки, отметив лишь ее «специфический сектантский» [3. С. 81] характер только потому, что это же имя использовал Е.И. Пугачёв.

Таким образом, характеристика предания о царе-старце Александре I как несостоявшейся легенды об «избавителе» в высшей степени условна и не может служить поводом для его полного исключения из контекста легенд о «возвращающихся избавителях».

Современные исследователи характеризуют легенду о царственном происхождении сибирского старца схожим образом. К примеру, Е.Б. Гайдукова, на основании анализа репрезентации этой легенды в произведениях литературы Серебряного века и у современных писателей пришла к убеждению о связи сюжета о царе-старце с легендами о «возвращающемся избавителе» [4. С. 4]. В связи с этим мы полагаем, что специфика сюжета о царе-старце как явления ментальности также должна изучаться с этих позиций.

В первой половине XIX в. в народных представлениях еще существовали легенды о «возвращающемся избавителе». Самая известная из них в исследовательской литературе – легенда о великом князе Константине Павловиче. Бытовавший в крестьянской среде на протяжении второй трети XIX в. сюжет об «избавителе» в лице Константина, брата императора Александра I, впервые был выделен исследователем крестьянских движений Д.С. Мордовцевым. Он отметил значительную популярность этой легенды, появившейся с самого воцарения императора Николая I, а также ее долгое бытование в народных представлениях: «...убеждение в том, что Константин-князь жив и придет на спасение угнетенных, так глубоко засело в уме народа, что он лелеял его до самой крестьянской реформы, именно до 19-го февраля 1861-го года» [5. С. 78]. К.В. Чистов позднее определил «константиновский» сюжет как одну из социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе», отметив среди ее особенностей скорость формирования и большое количество сопровождавших ее подробностей [3. С. 199]. Таким образом, во времена зарождения легенды о царственном прошлом Фёдора Кузьмича в народных представлениях еще возможно было возникновение легенды об «избавителе» в том же виде, что и в предшествующие два столетия.

Это косвенно подтверждает также исследование Б.Н. Миронова, убедительно доказавшего отсутствие принципиальных изменений внутри традиционной системы русских народных представлений до середины XIX в. включительно. Характеризуя особенности крестьянского менталитета до реформ 1860-х гг. и начала процесса модернизации в России, автор отметил: «...менталитет крестьянства находился в соответствии с идеалами православия, и его было бы правильно называть традиционным православным менталитетом» [6. С. 331]. Б.Н. Миронов показал на материале источников и литературы, что этот же менталитет, чертами которого были общинность, преклонение перед религиозным обрядом и сложное отношение к богатству и частной собственности вообще [6. С. 327–331], охватывал и городское непривилегированное население [6. С. 332]. Это позволяет нам утверждать, что сюжет о царе-старце во многом продолжал схему легенд об «избавителе» в народных представлениях, наследуя

представлению об «избавителе» в лице Константина Павловича.

Середина и вторая половина XIX в. в России были эпохой целого комплекса процессов в экономической, политической, социальной структуре общества, которые в совокупности составляли явление модернизационного перехода. Этот переход не мог не отразиться в культурной сфере страны, однако в связи со спецификой модернизационных процессов в разных регионах империи он порождает и разные явления в культуре. Не случайно именно на этот период пришелся расцвет духовных исканий российских интеллектуалов и возрождение массового интереса к институту православной церкви после столетнего упадка начиная с упразднения патриаршества. Ярким проявлением этих духовных исканий был рост влияния Оптиной пустыни в системе русского православия.

Эти процессы непосредственно повлияли на формирование сюжета о царе-старце, так как именно они обусловили особенности легенды о Фёдоре Кузьмиче и те специфические изменения, которые позволили этому сюжету занять особое место в сфере народных представлений. Начинались они, естественно, с центральных областей. На окраинах же Российской империи, в том числе в Сибири, отражение модернизационного перехода в культуре имело свою специфику. Одним из проявлений осмысления процессов перехода в Томске и стал сюжет о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича. Эта легенда была созвучна духовным исканиям столичной интеллигенции, однако отражала прежде всего духовные запросы, сформированные в ментальности переходного периода. Л.Н. Толстой и другие писатели Серебряного века не случайно обращались именно к этому сюжету, когда пребывали в поисках духовных ориентиров вне контекста официальной православной церкви.

Однако нельзя забывать о том, что региональная идентичность окраин является отражением общегосударственных процессов, что проявлялось в системе отношений общественных и государственных институтов, государственного официоза и общественного мнения. На это указал Б.Н. Миронов: «Вот показательный пример. В 1883 г. в Иркутске за пощечину генерал-губернатору Сибири Д.Г. Анучину был казнен народовец К.Г. Неустров. Общественное мнение Иркутска выступило против... Генерал-губернатор был вынужден уйти в отставку» [7. С. 767]. Таким образом, общероссийские процессы модернизации, имманентной частью которых являлось формирование гражданского общества и его институтов, выражавших общественное мнение, не обходили стороной региональную идентичность Сибири, в частности Томска, где был впервые записан С.Ф. Хромовым сюжет о царе-старце.

О популярности же сюжета о царе-старце в современной России свидетельствует высокий интерес томичей и посещающих Томск туристов к различным достопримечательностям, связанным с историей сибирского старца-подвижника. Богородице-Алексиевский

монастырь, где похоронен святой Фёдор Томский, до сих пор является одним из крупнейших в Сибири центров православного паломничества. А крупнейший музей города, Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова (ТОКМ), дважды за только 2000-е гг. проводил выставки, прямо или косвенно посвященные сюжету о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича, о которых сохранились материалы в его архиве.

Первая из этих выставок под названием «Богородице-Алексиевский монастырь. 400 лет истории» была посвящена обители, где был похоронен причисленный к лику святых сибирский подвижник. На первый взгляд, сюжет о царе-старце должен быть лишь одним из дополнений к этой выставке, однако там был целый зал, посвященный сюжету о царе-старце [8. С. 3], и большая часть материалов об этой выставке, сохраненных в архиве ТОКМ, относится именно к нему. Из его экспонатов следует отметить фотографии предметов старца Фёдора Кузьмича, оставшиеся после его смерти, в числе которых фотография с настенным распятием и знаменитым вензелем с буквой «А», о котором ходили различные предания среди мистиков белой эмиграции, а также одежды и записки, найденные купцом С.Ф. Хромым, на заимке которого провел последние годы Фёдор Кузьмич, в келье старца [8. С. 12]. Помимо этого, среди материалов указанного зала есть копии документов полицейского расследования, хранящихся в ГАТО. Данное расследование проводилось в 1882 г., во время того как С.Ф. Хромов осуществлял деятельность по популяризации своих записей [9. С. 13]. Вторая выставка под названием «Легенды города. Фёдор Томский» посвящена непосредственно сюжету о царе-старце в его динамическом развитии. Особый интерес представляют описания современных икон Фёдора Кузьмича, почитаемых Русской православной церковью. Это иконы «Святой Феодор Томский с Преподобным Серафимом Саровским и Святым царем-мучеником Николаем II» [10. С. 49] и «Собор Томских святых» [10. С. 46], созданные в 2001 г., а также «Явление Святому Феодору Томскому Святой Троицы» [10. С. 47–49], написанная в 2002 г. Любопытно, что сюжет первой иконы фактически повторяет сюжет о царе-старце, но не в оригинальной записи С.Ф. Хромова из его сочинений, а в версии, сочиненной писателем-экуменистом Даниилом Андреевым для его книги «Роза Мира», согласно которой император Александр I перед появлением в Сибири под именем старца Фёдора Кузьмича скрывался у святого Серафима Саровского, находясь у него в духовном послушании [11. С. 326]. Таким образом, эти факты указывают на непреходящую популярность сюжета о царе-старце среди населения России, и с этой популярностью считается как администрация светских культурно-просветительских учреждений, так и духовные иерархи крупнейшей в России религиозной конфессии.

Более того, даже при организации выставок, посвященных Александру I, проходящих в других городах, без включений с сюжетом о царе-старце не получается

обойтись. Например, на выставке «Александр I. Личность и время», проходившей в Омске с 1 октября 2022 г. по 30 июля 2023 г., в буклете отмечается: «Смерть в далеком южном городе, похороны в закрытом гробу, не раз высказанные мысли о желании уйти от мира способствовали возникновению слухов о том, что Александр жив. В народе утвердилась легенда о том, что появившийся в 1836 г. в Сибири старец, называвший себя Фёдором Кузьмичом и “бродягой, не помнящим родства” и есть император» [12]. О самом же Александре I осталось мнение не только как о победителе Наполеона и реформаторе, но и как о необыкновенно сильном, но сложном, противоречивом деятеле: «“Сфинкс, неразгаданный до гроба”, – писал об Александре I Петр Вяземский» [12]. ореол незаурядного правителя и в некоторой степени трагической судьбы человека и, конечно, загадочность, ставшая эпитетом к личности Александра I, вне всякого сомнения, способствовали устойчивости легенды о царе-старце. Следовательно, личности императора Александра I и сибирского старца неразрывно связаны не только в народных представлениях XIX в., но и настоящего времени. Данный факт свидетельствует о том, что легенда о царе-старце, изначально сформировавшаяся в рамках фольклора, с течением времени переросла такую форму народных представлений. Из всего массива информации, включающего статьи в периодической печати, тексты воспоминаний, художественные произведения, выставки и научные работы, сформировался общий концепт данного события, и он продолжает свое бытование и формирование в настоящее время. Как известно, концепт – мыслительный конструкт, имеющий полевою структуру. Ядром концепта легенды о царе-старце, бесспорно, выступает непосредственно легенда, передаваемая при упоминании о Федоре Кузьмиче. Близки к ядру записи Хромова, статьи и документы расследования и прочие источники, ближайшие ко времени актуализации легенды. Однако и остальная информация включается в структуру концепта, отражая его периферийные смыслы. Таким образом, легенда о Фёдоре Кузьмиче и музейные выставки, посвященные личности старца, связаны в рамках общего концепта. Не прекращаются и попытки научно подтвердить содержание сюжета о царе-старце.

В конце 1980-х гг. интерес к тайне Фёдора Кузьмича побудил специалистов Министерства юстиции РСФСР провести графологическую экспертизу некоторых источников. Ознакомившись с материалом писем к С.Ф. Хромову, авторство которых традиционно приписывалось сибирскому подвижнику, специалисты пришли к выводу о возможном тождестве подчерка императора Александра I и старца-подвижника. Справка с результатами этой экспертизы подшита в исторической справке о Фёдоре Кузьмиче, хранящейся в научном архиве ТОКМ: «В результате проведенного исследования установлено, что представленные рукописные записи, кроме записи на конверте, в котором были вложены факсимиле и тайна Ф. Кузьмича, выполнены, вероятнее всего, одним лицом; записи на конверте выполнены не Ф. Кузьмичом и не императо-

ром Александром I» [13. С. 1]. Таким образом, несмотря на схожесть почерка святого Фёдора Томского и Александра I, результаты экспертизы явно опровергают один из элементов легенды – передачу находящимся при смерти старцем письма со своей «тайной» своему покровителю, купцу С.Ф. Хромову. Последний, вероятнее всего, просто нашел разрозненные записки Фёдора Кузьмича после смерти старца, после чего собрал их воедино и представил как передачу от умершего подвижника в конверте, который был подписан либо самим Хромовым, либо его помощником.

Народная популярность сюжета о царе-старце Александре I в России, к сожалению, привлекает внимание не только квалифицированных специалистов из музеев и научных институтов, но и разного уровня авантюристов от науки. Последний пример подобной аферы случился летом 2015 г., когда в российских СМИ появились сообщения о том, что президент русского графологического общества С.М. Семенова доказала идентичность почерка императора Александра I и томского старца [14]. Однако независимые эксперты восприняли эту новость с большим недоверием. Авторы новостного ресурса «Газета.ru» установили, что автор экспертизы не имеет компетенции по профильным дисциплинам: «В базах данных научных статей Web of Science и eLibrary были найдены статьи авторов “Семенова С.М.” и “Semenova S.M.”, но ни одна из этих публикаций не была связана с графологией или хотя бы с филологией» [15]. Кроме того, оказалось, что Русское графологическое общество не было где-либо зарегистрировано в качестве общественной организации и являлось, по сути, частной фирмой. Следует заметить, что самозваного президента этой организации и ранее ловили на выдаче непроверенной и конъюнктурной информации за научно доказанные факты.

Официальные же представители православного духовенства, в которых при объективном взгляде со стороны можно было бы заподозрить заинтересованную в подтверждении сюжета о царе-старце сторону, не одобряют чрезмерное, по их мнению, внимание к тайне святого покровителя Томска. В выпуске газеты «Аргументы и факты» № 35 от 2009 г. иерей Андрей Носков весьма критично высказался об инициаторах подобных экспертиз: «Что изменится от результата экспертизы, если она даже покажет, что старец Фёдор не император Александр? Святости старца это не убавит... Но мне не нужны никакие экспертизы, я и без исследований знаю, что старец Фёдор – император Александр I. Конечно, для ученых-генетиков мое мнение не аргумент, но это мое личное мнение как историка, основанное на литературных исследованиях, чтении “Жития” старца» [16. С. 3]. Однако официальное житие святого Феодора Томского в редакции Русской православной церкви вовсе не стремится доказать истинность царственного происхождения святого подвижника. Напротив, оно, как и иерей Носков, утверждает невозможность подтвердить или опровергнуть основу сюжета о царе-старце с помощью экспертизы. На это красноречиво указывает описанное в житии чудо о покаянной молитве Фёдора Кузьмича, запись

которой пожелал получить один монах: «Старец Фёдор велел прийти за ней на следующий день. Каково же было удивление инока, когда, придя к старцу, он получил текст молитвы не переписанный, а напечатанный; причем печатный листок как будто только что вышел из типографии... А дело происходило в селе Краснореченском, где не было и не могло быть никакой типографии! Так сам Бог покрывал тайну старца, тщательно скрывавшего от посторонних свой почерк, чтобы по почерку его не опознали» [17. С. 8]. Это описание красноречиво свидетельствует о недоверии официальной Русской православной церкви к любым попыткам выяснить происхождение сибирского подвижника с помощью научной экспертизы, будь то генетическая или графологическая.

Подобная популярность сама по себе выглядит аномально на фоне типологически родственных явлений народных представлений. Достаточно вспомнить, что К.В. Чистов, автор схемы основных элементов любой легенды о «возвращающемся избавителе» отметил, что любое из явлений ментальности этого типа имеет собственный цикл появления, развития и отмирания: «Отсутствие прямой преемственности между отдельными легендами подтверждается и тем безусловным фактом, что подавляющее большинство из них не удержалось в традиции или со временем превратилось в исторические предания, лишённые социально-утопического содержания» [3. С. 223]. Но сюжет о царе-старце, на основании приведенных выше фактов, не подпадает под это суждение.

Столь устойчивого явления в народных представлениях не породила ни одна из легенд об «избавителях», что предшествовали «великим реформам» императора Александра II, положившим начало процессами модернизационного перехода в России. Это объяснение логически вытекает из формирования сюжета о царе-старце в переходный для России период конца XIX в., но его недостаточно для полного объяснения этого феномена, поскольку в российской истории существовали и более поздние предания с мотивами «избавительской» легенды. Приведем краткую характеристику этих явлений ментальности.

После казни бывшего императора Николая Александровича Романова появился мощный пласт преданий о чудесном спасении членов бывшей царской семьи, имевший вариации, в том числе и о самом отрекшемся от престола Николае II. Эти предания нашли широкое отражение в массовой культуре уже в скором времени. Одну из версий этого предания М.А. Булгаков вложил в уста поручика Шервинского, белогвардейского офицера на службе у гетмана Скоропадского. Говоря о казни семьи бывшего монарха, этот персонаж говорит, что она «вымышлена большевиками. Вы знаете, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана? Император Вильгельм сказал: “А о дальнейшем с вами будет говорить...” – портьера раздвинулась, и вышел наш государь» [18. С. 20]. В изложении Булгакова белогвардейскому офицеру представлялось, что бывший император жив и скрывается у немцев в ожидании создания достаточно сильной армии для похода на столицу против большевиков. Это явно

указывает на рецидив элементов из легенд о «возвращающихся избавителях».

Были и другие предания о спасении членов бывшей императорской семьи, казненных в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге, в которых упор был сделан на более подходящие для массовой культуры элементы фольклорного сюжета. Самым известным типом подобного сюжета являются истории о чудесном спасении бывшей великой княжны Анастасии Николаевны, дочери последнего русского императора. На его основе были созданы многие произведения массовой культуры, в том числе в сфере мультипликации¹ и компьютерных игр². Однако ни один из этих сюжетов не получил такого широкого резонанса как в народных массах, так и среди интеллигенции, какой произвела история о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича.

В качестве одной из главных причин подобной судьбы сюжетов о спасении царской семьи мы можем с высокой долей вероятности предположить завершение процессов модернизационного перехода в 1930-е гг., которое сделало неактуальным поиски компромисса с новыми явлениями в обществе со стороны

«маленького человека». Это подводит нас к формированию гипотезы о причине уникальной устойчивости сюжета о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича в народных представлениях.

Итак, сформулированная в работе на основе анализа источников гипотеза состоит в том, что уникальное сочетание нескольких этапов формирования и актуализации сюжета о царе-старце, факторов причисления Фёдора Кузьмича к лику святых, его скрытое появление, яркая индивидуальность и упорные слухи о царственном происхождении сделали легенду о Фёдоре Кузьмиче одной из культовых историй для всех, кто имеет потребность в тайне как элементе, придающем жизни интерес.

В совокупности эти факторы привели к тому, что сюжет о царе-старце стал привязан не к ментальности какой-либо исторически существовавшей социальной или региональной группы, а к ментальности переходного периода, которая в некоторой степени имеет вневременной характер и подчас может проявиться у отдельных индивидов даже в периоды «стабильности» при условии, например, возникновения кризисных явлений в обществе.

Примечания

¹ Выразительный пример этого см.: Анастасия (мультфильм, 1997).

² Выразительный пример этого см.: Assassin's Creed Chronicles: Russia (компьютерная игра, 2015).

Список источников

1. Мылников А.С. Легенда о русском принце (Русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры). Л., 1987. 174 с.
2. Мылников А.С. Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991. 272 с.
3. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. 342 с.
4. Гайдукова Е.Б. Сюжет о царе-старце в русской литературной традиции (на материале корпуса текстов о праведнике Фёдоре Кузьмиче) : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008.
5. Мордовцев Д.С. Один из Лжеконстантинов // Собрание сочинений. Один из Лже-Константинов. Исторические очерки: публицистика. Т. 19: Ванька Каин. СПб., 1901. С. 75–109.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. Т. 1. 2-е изд., испр. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 548 с.
7. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. 2-е изд., испр. Т. 2. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 912 с.
8. Материалы выставки «Богородице-Алексиевский монастырь. 400 лет истории» // Архив Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова (ТОКМ). Ф. 1. Оп. 13. Д. 1252. 2005 г. 13 л.
9. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 51. Д. 18. 1882 г. Рапорты, переписка с Томским губернатором о смерти старца Ф. Кузьмича, отождествляемого народом с Александром I. 13 л.
10. Материалы выставки «Легенды города Фёдор Томский» // Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 1263. 14.04.2009 – 24.05.2009. 122 л.
11. Андреев Д.Л. Роза Мира // Собрание сочинений : в 4 т. К 100-летию со дня рождения Даниила Леонидовича Андреева. М. : Русский путь, 2006. Т. 3. С. 7–142.
12. Александр I. Личность и время. Куратор В.-О. Лоога, н. с. Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа (буклет выставки).
13. Историческая справка «Фёдор Кузьмич» // Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 1231. 28.07.1924 – 20.12.1988. 33 л.
14. Графологи приблизились к разгадке тайны старца Федора // Москва 24. URL: <https://www.m24.ru/articles/nauka/23072015/80131> (дата обращения: 06.02.2023).
15. Царь все равно ненастоящий // Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/10/11_a_7811621.shtml (дата обращения: 06.02.2023).
16. Кто развеет легенду? // Аргументы и факты. Томск, 2009. 26 авг. (№ 35).
17. Житие святого праведного Феодора Томского / сост. игумен Силуан (Вьюров). Томск : Богородице-Алексиевский монастырь, 2016. 33 с.
18. Булгаков М.А. Дни Турбиных. 1926. 54 с.

References

1. Myl'nikov, A.S. (1987) *Legenda o russkom printse (Russko-slavyanskije svyazi XVIII v. v mire narodnoj kul'tury)* [The Legend of the Russian Prince (Russian-Slavic connections of the 18th century in the world of folk culture)]. Leningrad: Nauka.
2. Myl'nikov, A.S. (1991) *Iskushenie chudom: "Russkiy prints", ego prototipy i dvoyniki-samozvantsy* [Temptation by Miracle: "Russian Prince", his prototypes and impostor doubles]. Leningrad: Nauka.
3. Chistov, K.V. (1967) *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian Folk Social-Utopian Legends of the 17th – 19th Centuries]. Moscow: Nauka.
4. Gaydukova, E.B. (2008) *Syuzhet o tsare-startse v russkoy literaturnoy traditsii (na materiale korpusa tekstov o pravednike Fedore Kuz'miche)* [The plot of the Elder Tsar in the Russian literary tradition (based on the corpus of texts about the righteous Fyodor Kuzmich)]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.

5. Mordovtsev, D.S. (1901) *Odin iz Lzhekonstantinov* [One of the False Constantines]. In: Mordovtsev, D.L. *Sobranie sochineniy. Odin iz Lzhekonstantinov. Istoricheskie ocherki: publitsistika* [Collected Works. One of the False Constantines. Historical essays: journalism]. Vol. 19. Saint Petersburg: N.F. Merts. pp. 75–109.
6. Mironov, B.N. (2000) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social History of Russia during the imperial period (18th – early 20th centuries)]. Vol. 1. 2nd ed. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.
7. Mironov, B.N. (2018) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: From tradition to modernity]. 2nd ed. Vol. 2. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.
8. Archive of Tomsk Regional Museum of Local Lore. Fund 1. List 13. File 1252. (2005) *Materialy vystavki "Bogoroditse-Aleksievskiy monastyr'. 400 let istorii"* [Materials of the exhibition "Theotokos-Alexievsky Monastery. 400 years of history"].
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 51. File 18. (1882). *Raporty, perepiska s Tomskim gubernatorom o smerti startsa F. Kuz'micha, otzhdstvlyаемого narodom s Aleksandrom I* [Reports, correspondence with the Tomsk governor about the death of elder F. Kuzmich, identified by the people with Alexander I].
10. Archive of Tomsk Regional Museum of Local Lore. Fund 1. List 13. File 1263. 14.04.2009 – 24.05.2009. *Materialy vystavki "Legendy goroda Fedor Tomskiy"* [Materials of the exhibition "Legends of the City Fyodor of Tomsk"].
11. Andreev, D.L. (2006) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Russkiy put'. pp. 7–142.
12. Looga, V.-O. (n.d.) *Aleksandr I. Lichnost' i vremya* [Alexander I. Personality and time]. Saint Petersburg: State Hermitage.
13. Archive of Tomsk Regional Museum of Local Lore. Fund 1. List 13. File 1231. 28.07.1924 – 20.12.1988. *Istoricheskaya spravka "Fedor Kuz'mich"* [Historical information "Fyodor Kuzmich"].
14. Moskva 24. (2015) *Grafologi priblizilis' k razgadke tayny startsa Fedora* [Graphologists have come closer to solving the mystery of Elder Fyodor]. *Moskva* 24. 23 July. [Online] Available from: <https://www.m24.ru/articles/nauka/23072015/80131> (Accessed: 06.02.2023).
15. *Gazeta.ru*. (2015) *Tsar' vse ravno nenastoyashchiy* [The Tsar is still not real]. *Gazeta.ru*. 10 January. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/science/2015/10/11_a_7811621.shtml (Accessed: 06.02.2023).
16. *Argumenty i fakty. Tomsk*. (2009) *Kto razveet legendu?* [Who will dispel the legend?] *Argumenty i fakty. Tomsk*. 26 August. 35.
17. Siluan (V'yurov), hegumen. (ed.) (2016) *Zhitie svyatogo pravednogo Feodora Tomskogo* [Life of the Holy Righteous Feodor of Tomsk]. Tomsk: Bogoroditse-Aleksievskiy monastyr'.
18. Bulgakov, M.A. (1926) *Dni Turbinykh* [The Days of the Turbins]. [S.l.]: [s.n.].

Информация об авторе:

Путилин М.С. – научный сотрудник отдела документальных источников Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова (Томск, Россия); аспирант кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mish.put.1997@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.S. Putilin, research fellow, Tomsk Regional Museum of Local Lore (Tomsk, Russian Federation); postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mish.put.1997@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.07.2023;
одобрена после рецензирования 24.07.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 01.07.2023;
approved after reviewing 24.07.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 94(571.6)
doi: 10.17223/15617793/492/17

Снабжение населения Дальнего Востока России оружием и патронами из артиллерийских складов Приамурского военного округа в конце XIX – начале XX в.

Ольга Александровна Устюгова¹

¹ *Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, ustyugova75@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается организация снабжения населения оружием из казенных артиллерийских складов, ее законодательные основы и объемы. Установлено, что реализация оружия и патронов государством из казенных складов была эффективной мерой материальной поддержки местного населения, не располагавшего достаточными финансовыми средствами для приобретения дорогостоящего огнестрельного оружия, необходимого им для охоты и защиты от диких зверей и хунхузов, у торговцев в розничной продаже.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приамурский военный округ, артиллерийские склады, оружие, патроны, снабжение

Для цитирования: Устюгова О.А. Снабжение населения Дальнего Востока России оружием и патронами из артиллерийских складов Приамурского военного округа в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 154–160. doi: 10.17223/15617793/492/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/17

Provision of the population of the Russian Far East with firearms and ammunition from artillery magazines of the Priamursky Military District in the late 19th – early 20th centuries

Olga A. Ustyugova¹

¹ *Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, ustyugova75@mail.ru*

Abstract. Based on the study of correspondence of the Main Artillery Department, the Priamursky Military District Artillery Department, the Police Department of the Ministry of Internal Affairs, the Amur Governors-General and military governors of the Amur and Primorsky regions, the article examines the provision of the civilian population of the Russian Far East with firearms and ammunition from artillery magazines of the Priamursky Military District in the late 19th – early 20th centuries. The order of organizing provision, its legislative bases and volumes are analyzed, the influence of both foreign and domestic political factors on it is determined. The article shows that the Main Artillery Department, with the permission of the War Minister, could, without prejudice to the troops' allowance, release weapons and ammunition from artillery magazines for money to all departments for their needs and under their responsibility. Military governors of the Amur and Primorsky regions, having previously collected information about the reliability of the applicants and the amount of weapons and ammunition they needed, submitted petitions to the Main Artillery Department. By order of the Priamursky Military District Artillery Department, arms and ammunition were transferred to the governors for cash or on credit. The local authorities did not issue any special orders and instructions on this matter. From 1900, because of the Boxer Rebellion in China, until the end of the Russo-Japanese War, the population was supplied free of charge with Berdan rifles and ammunition from state artillery magazines. After the outbreak of the First Russian Revolution in 1905–1907, the state, fearing possible illegal armed actions, sought to strengthen control over the circulation of firearms. However, in the Russian Far East, due to the fact that there was practically no risk of peasant armed uprisings, and the local population, especially in the Primorsky region, was actively engaged in hunting, no firearms were taken away from them. Later on, the settlers repeatedly purchased government weapons at reduced prices. Nevertheless, since 1910, arms and ammunition were released to individuals and institutions by the Main Artillery Department only upon receipt of petitions from the Police Department of the Ministry of Internal Affairs and on its responsibility. The study determined that the sale of firearms and ammunition from the artillery magazines of the Priamursky Military District was an effective measure of material support for the local population, which did not have sufficient cash to purchase expensive firearms from private traders for hunting and protection from wild animals and the Hunghuz.

Keywords: Far East, Priamurskiy Military District, artillery magazines, firearms, ammunition, provision

For citation: Ustyugova, O.A. (2023) Provision of the population of the Russian Far East with firearms and ammunition from artillery magazines of the Priamursky Military District in the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 154–160. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/17

В конце XIX – начале XX в. на Дальнем Востоке России практиковалось снабжения населения оружием и патронами по сниженным ценам из артиллерийских складов Приамурского военного округа, однако этот вопрос до сих пор не нашел отражения в исторических исследованиях. В трудах П.А. Зайончковского [1], Л.Г. Бескровного [2, 3], Ю.Н. Лещенко [4] рассматривалась организация вооружения русской армии и ее снабжение оружием и боеприпасами. И.Н. Дворников [5] и И.С. Рудников [6] исследовали роль Приамурского военного округа в освоении и укреплении оборонноспособности Дальнего Востока России. Р.С. Авилыным [7] и М.Ю. Кузнецовым [8] изучена деятельность Омского и Иркутского артиллерийских складов Сибирского военного округа. Однако вопросы продажи гражданскому населению оружия и патронов из артиллерийских складов Приамурского военного округа исследователями не рассматривались.

Снабжение населения оружием и патронами из казенных складов на российском Дальнем Востоке находилось в ведении военных губернаторов: все оружие и патроны отпускались под их ответственность как в смысле правильного употребления оружия по назначению, так и своевременного поступления денег в казну. Непосредственно из казенных складов оружие и патроны населению не продавали. Губернаторы предварительно собирали сведения о требуемом их количестве, причем должна была быть установлена необходимость в них и причина для продажи по низким ценам. Желающие приобрести оружие подавали заявления Войсковому правлению, полицмейстерам, уездным начальникам, горным исправникам и др., которые со своими заключениями представляли их военным губернаторам, а те, в свою очередь, через Приамурский Военно-окружной совет возбуждали ходатайства перед Главным артиллерийским управлением. В случае положительного решения распоряжением Округного артиллерийского управления Приамурского военного округа оружие и патроны передавались губернаторам за наличные деньги или в долг, в последнем случае их стоимость заносилась в долговую отчетность. Распоряжением военных губернаторов устанавливался порядок продажи и наблюдение за продаваемым оружием и патронами. Специальных распоряжений и инструкций по настоящему вопросу местной властью не издавалось [9. Л. 8, 14 об.–15, 22–22 об.].

Первые выявленные нами сведения о фактах продажи казенного оружия населению относятся к 90-м гг. XIX в. Так, журналом от 13 октября 1894 г. Военный совет разрешил отпуск из артиллерийских складов Приамурского военного округа железнодорожным служащим и другим надежным частным лицам, по требованию местных губернаторов и под их личную от-

ветственность, до 5 тыс. 4,2-линейных винтовок Бердана, из числа бывших в употреблении, по установленной расценке (по 18 руб. 88 коп. с 30 патронами на каждую за винтовку и по 36 руб. 85 коп. за тысячу патронов в укупорке), со скидкой в 30% [10. Л. 36]. Военный губернатор Амурской области предложил Благовещенскому полицмейстеру представить список желающих приобрести винтовки по 13 руб. 22 коп. и патроны – по 25 руб. 80 коп. за тысячу с укупоркой, с указанием обстоятельных сведений о благонадежности каждого из них [11. Л. 2–2 об.]. В 1896 г. Округным артиллерийским управлением военному губернатору Амурской области по его требованию было отпущено 688 пехотных винтовок системы Бердана по сниженной цене, из которых было продано крестьянам – 328 шт., казакам Амурского казачьего войска – 156 шт., мещанам г. Благовещенска – 38 шт., офицерам и чиновникам – 19 шт., разночинцам – 14 шт., золотопромышленными компаниям – 12 шт., инженерам – 8 шт., купцам – 5 шт. Оставшиеся непроданными 5 винтовок предназначались для инженера Быстржинского, но приняты им не были [11. Л. 108, 110–110 об.].

Согласно предписанию Округного артиллерийского управления от 19 июня 1900 г., из Хабаровского округного артиллерийского склада в транспорте оружейного мастера Никулина на пароходе Товарищества Амурского пароходства «Невельской» для продажи крестьянскому населению было отправлено 100 бывших в употреблении пехотных винтовок Бердана с 30 тыс. боевых патронов в укупорке [10. Л. 46–46 об.]. Стоимость этих винтовок составила 225 руб. – по 2 руб. 25 коп. за шт., а 4,2-линейных боевых патронов к пехотной винтовке системы Бердана, производства 1881 г. в герметической укупорке по 1 152 шт. в ящике, – 1 050 руб. 30 коп. (35 руб. 1 коп. за тысячу) [10. Л. 54–54 об.]. Поярковскому станичному атаману Кореневу были сданы 95 винтовок, деньги за них были внесены в Благовещенское уездное казначейство, а 5 шт., в связи с началом военных действий китайцами, выданные командиру парохода Савинову, были позднее получены канцелярией военного губернатора Амурской области и препровождены Амурскому округному начальнику для продажи крестьянам. В пороховом погребе вблизи Благовещенского тюремного замка хранились 30 тыс. патронов; 10 июля 1900 г. военный губернатор Амурской области К.Н. Грибский распорядился предложить округному начальнику объявить о их продаже крестьянам по казенной цене [10. Л. 83–83 об.].

В ноябре 1902 г. из числа разрешенных к продаже 30 тыс. боевых патронов к берданкам было отпущено: Амурскому округному начальнику – 13 824 шт. для продажи крестьянскому населению Амурской области, деньги за которые в сумме 483 руб. 98 коп. были сданы в казначейство только 10 сентября 1904 г.; Управлению водных путей Амурского бассейна – 500 шт.,

плата за которые в размере 22 руб. 53 коп. была перечислена в Благовещенское казначейство 11 февраля 1900 г.; Войсковому правлению Амурского казачьего войска для казачьего населения – 12 тыс. патронов, деньги за которые, несмотря на неоднократные требования, не поступили даже к январю 1906 г. [10. Л. 109, 129]. Остальные же 3 676 патронов были оставлены для жителей города и хранились в пороховом погребе 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка [10. Л. 109 об., 129 об.].

В 1900 г., во время восстания ихэтуаней, население Приморской и Амурской областей для защиты от нападений хунхузов распоряжением администрации было снабжено винтовками системы Бердана, отпускаемыми из запасов, имеющихся в артиллерийских складах. Такими же винтовками с боевыми патронами к ним были вооружены вольные дружины, образованные для охраны населения и оказания помощи войскам во время Русско-японской войны [12. Л. 7]. Крестьянское население Приморской области «для самозащиты и самообороны» с 1900 г. и во время войны бесплатно снабжалось винтовками Бердана и боевыми патронами из казенных артиллерийских складов в Хабаровске и Никольске-Уссурийском, после окончания войны по распоряжению И.д. генерал-губернатора генерал-лейтенанта Г.Л. Андреева это оружие у населения было отобрано и временно хранилось в волостных правлениях, откуда по мере возможности отправлялось обратно в артиллерийские склады.

По сведениям военного губернатора Приморской области В.Е. Флуга, до войны большинство населения приобретало огнестрельное оружие для охоты за наличные деньги по казенным ценам из артиллерийских складов, причем продажа производилась лишь тем лицам, которые имели разрешения на их покупку. После войны продажа винтовок Бердана из казенных складов была прекращена, и только в крайних случаях артиллерийское ведомство отпускало винтовки и патроны за деньги для потребностей переселенцев [9. Л. 19–19 об.], остальное население, нуждающееся в огнестрельном оружии для охоты, покупало его в частных магазинах. Как указывал военный губернатор Приморской области В.Е. Флуг в своем представлении генерал-губернатору, «население северных уездов, которое наиболее всего нуждается в приобретении огнестрельного оружия для потребностей охоты предпочитает приобретать Винчестера или вообще оружие магазинное и почти вовсе не берет винтовок Бердана главное всего из-за того, что трудно доставать к ним боевые патроны. Винчестера и ружья других систем население приобретает от части торговцев свободною покупкою» [9. Л. 20].

После начала Первой русской революции 1905–1907 гг. государство, опасаясь вооруженных противоправительственных выступлений, стремилось усилить контроль за оборотом огнестрельного оружия. Это было особенно актуально в приграничном Дальневосточном регионе. Как отмечал военный губернатор Амурской области А.В. Сычевский в своем всеподданнейшем отчете за 1905 г., «большая часть населения

области еще с 1900 г. была всемерно поощряема к приобретению оружия, в предупреждение повторения событий, имевших место в 1900 г. в Русско-Китайскую войну» [13. Л. 11].

4 февраля 1906 г. от Управляющего Министерством внутренних дел П.Н. Дурново Приамурскому генерал-губернатору поступило телеграфное циркулярное распоряжение: поскольку в министерстве имеются сведения, что во многих местностях империи крестьянское население вооружается огнестрельным оружием, предлагалось «безотлагательно самым решительным образом и без всяких колебаний и, где нужно силою» отобрать у него все оружие, кроме охотничьих ружей, и патроны [12. Л. 3]. Содержание этой телеграммы генерал-губернатор передал губернаторам во Владивосток и Благовещенск для руководства и исполнения 6 февраля 1906 г. [12. Л. 4].

Военный губернатор Приморской области генерал-майор В.Е. Флуг 14 февраля 1906 г. в своем представлении доложил Вр. и. д. Приамурского генерал-губернатора Г.Л. Андрееву, что для применения подобной меры повсеместно в области не имеется достаточных оснований, так как опасаться массовых крестьянских волнений с использованием оружия, за исключением Григорьевской волости, оснований нет, в то время как местному населению оружие необходимо как для охоты, приносящей немалый доход и служащей большой поддержкой в их хозяйстве, так и для самообороны на случай нападения хунхузов, особенно в селениях, находящихся в глухих местностях. В.Е. Флуг считал, что отобрать оружие следует лишь в тех районах области, где это необходимо для предупреждения вооруженного сопротивления. Вр. и. об. генерал-губернатора согласился с этим мнением [12. Л. 8–9]. Так, 27 февраля 1906 г. военный губернатор Приморской области телеграфировал генерал-губернатору, что, по сообщению Начальника Южно-Уссурийского уезда, оружие у населения Григорьевской волости отобрано [12. Л. 11].

В то же время Вр. и. об. генерал-губернатора по Штабу Приамурского военного округа было сделано распоряжение отобрать у населения берданки и патроны, выданные ему на время Русско-японской войны, поскольку выяснилось, что в канцелярии Приамурского генерал-губернатора не было сведений о том, сдано ли это оружие после ее окончания [12. Л. 7–7 об., 9]. Уже 21 февраля 1906 г. Временно Командующий войсками Приамурского военного округа телеграфировал военным губернаторам Амурской и Приморской областей, что для раздачи населению на время войны была отпущена из артиллерийских складов 5 591 берданка и 1 560 261 патрон, в том числе: военному губернатору Амурской области 3 757 берданок и 791 916 патронов, Амурской казенной палате – 23 берданки и 345 патронов, военному губернатору Приморской области – 311 берданок и 468 тыс. патронов, начальнику участка на станции Гродеково – 1,5 тыс. берданок и 300 тыс. патронов. Если это оружие у жителей еще не изъято, его предписывалось отобрать и об исполнении донести [9. Л. 29–29 об.].

13 июня 1906 г. Начальник Удского уезда подал военному губернатору Приморской области рапорт следующего содержания: на время Русско-японской войны в урочище Чумукан для вооружения местных жителей было выслано 50 берданок с патронами, но в настоящее время они, как казенное имущество, находятся на хранении в казенном амбаре, тогда как тунгусы и якуты крайне нуждаются в оружии для охоты и просят об отпуске им этих ружей за наличные деньги [9. Л. 25–25 об.]. В свою очередь военный губернатор Приморской области 12 июля 1906 г. направил этот рапорт Приамурскому генерал-губернатору, добавив, что инородческому населению Удского округа действительно крайне необходимо оружие, так как инородцы занимаются только охотой, приобретая себе оружие на обмен пушного зверя за довольно высокую цену [9. Л. 24]. В августе 1906 г. население Удского и Хабаровского уездов, настроение которого не внушало никаких опасений в политическом отношении, также просило военного губернатора Приморской области В.Е. Флуга ходатайствовать перед генерал-губернатором об уступке им за деньги берданок с патронами для защиты скота от появившегося вблизи их селений большого количества зверей [9. Л. 26]. Окружное артиллерийское управление 24 августа 1906 г. уведомило канцелярию Приамурского генерал-губернатора, что удовлетворить это прошение нельзя, поскольку в распоряжении губернаторов имеются особые запасы винтовок и патронов, предназначенные исключительно для продажи, а не на случай войны [9. Л. 28 об.]. Как отмечал военный губернатор Амурской области в своем представлении генерал-губернатору от 3 ноября 1906 г., склады казенного оружия при волостях и в городе имеют назначение надления оружием населения в случае военных действий [9. Л. 22 об.].

Следует отметить, что существовавшая на Дальнем Востоке система реализации населению оружия и патронов из казенных складов вызывала интерес у руководства соседнего генерал-губернаторства. Ввиду необходимости снабжения населения Колымского округа дешевым и хорошим оружием из казенных складов и имеющихся сведений, что дело выдачи населению винтовок системы Бердана широко практикуется в Приамурском генерал-губернаторстве, где для этой цели существует в г. Хабаровске особый склад, 3 августа 1906 г. канцелярия Иркутского Военного генерал-губернатора обратилась в канцелярию Приамурского генерал-губернатора с запросом сообщить ей подробные сведения относительно постановки в Приамурском генерал-губернаторстве дела снабжения населения оружием [9. Л. 16]. Все необходимые разъяснения были даны Окружным артиллерийским управлением по запросу канцелярии генерал-губернатора 26 августа 1906 г. [9. Л. 14 об.–15].

Серьезной проблемой была значительная задолженность губернаторов перед Окружным артиллерийским управлением, которое 19 декабря 1905 г. сообщило военному губернатору Амурской области, что Командующий войсками Приамурского военного округа (Приамурский генерал-губернатор) обратил внимание на слишком медленную выплату долгов за

оружие и патроны, в разное время отпущенные в распоряжение военного губернатора, и приказал принять самые энергичные меры к их скорейшему погашению [10. Л. 130]. Согласно данным Приамурского окружного артиллерийского управления, на военном губернаторе Амурской области за 100 винтовок Бердана и 30 тыс. патронов к ним, отпущенных для продажи населению в 1900 г., числилось 565 руб. 79 коп. задолженности [10. Л. 131]. Так, 13 января и 16 сентября 1906 г. Командующий войсками Приамурского военного округа через Окружное артиллерийское управление вновь приказал настаивать на скорейшей уплате долгов [10. Л. 136]. На военном губернаторе Приморской области на 1 августа 1906 г. числилось 9 500 руб. 80 коп. долга, причем часть этой суммы – еще с 1894 г. В Окружном артиллерийском управлении резюмировали: «Пополнение долгов не производится, несмотря на неоднократные просьбы управления, почему, с доклада о том предшественником Командующего войсками, отпуск оружия и патронов по ходатайствам военного губернатора Приморской области прекращен, впредь до погашения прежних долгов, о чем и был поставлен в известность названный губернатор» [9. Л. 8].

Не ясно, была ли погашена эта задолженность, однако 15 октября и 14 декабря 1906 г. военный губернатор Приморской области В.Е. Флуг обращался к Приамурскому генерал-губернатору с ходатайством удовлетворить просьбы об отпуске из артиллерийских складов в Никольске-Уссурийском и Хабаровске за наличные деньги, по казенной цене винтовок Бердана и патронов тем крестьянам, которым будет дано разрешение от Полицийских управлений, а переселенцам – от чиновника Переселенческого управления. Согласно собранному губернатором сведениям о действительной потребности крестьян в оружии выяснилось, что в нем нуждались как переселенцы-новоселы, водворяющиеся на новых, незаселенных местах, так и проживающие на отдаленных заимках крестьяне-старожилы, которые нередко подвергались нападению как хищных зверей (особенно кабанов, портящих посевы, а также и хлеба, сложенные в скирды), так и хунхузов. Однако большинство нуждающихся в оружии для охоты и для самозащиты жителей, особенно переселенцы-новоселы, не всегда располагали достаточным количеством денежных средств для его покупки у торговцев, поэтому им необходимо было предоставить возможность приобретать в казенных складах вышедшие из употребления в войсках винтовки Бердана и патроны к ним по казенной стоимости, как это практиковалось в предшествующие годы. Кроме того, по мнению военного губернатора, если значительное число крестьян будет иметь собственное оружие и научится владеть им, это, как показывает опыт минувших лет, можно будет использовать, когда потребуются вновь организовать вольные дружины для самообороны, как во время китайских беспорядков 1900 г. и Русско-японской войны [9. Л. 49–50].

20 декабря 1906 г. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер уведомил военного губернатора Приморской области, что не встречает препятствий к продаже из артиллерийских складов благонадежным

лицам из крестьян Приморской области винтовок Бердана и патронов к ним, а ходатайствовать перед Главным артиллерийским управлением через Военно-окружной совет Приамурского военного округа об этом должен военный губернатор, которому надлежит представить также сведения о требуемом количестве оружия и патронов, с подробным указанием причин, вызывающих необходимость снабжения населения дешевым оружием [9. Л. 48, 51–52]. Согласно отношению Главного артиллерийского управления Командующему войсками Приамурского военного округа от 30 ноября 1906 г., поступившему в канцелярию генерал-губернатора при надписи Штаба Приамурского военного округа от 9 января 1907 г., Военный совет журналом от 11 ноября 1906 г. положил: разрешить отпустить из артиллерийских складов в распоряжение Командующего войсками Приамурского военного округа для продажи по пониженным ценам переселенцам, живущим в глухих местах Приамурского края, 300 винтовок Бердана с тем, чтобы укупорка и пересылка их были произведены без расходов для военного ведомства [9. Л. 48, 54]. Из этой партии оружия было отпущено 60 винтовок и 600 патронов начальникам 3-го и 4-го участков Амурской железной дороги [9. Л. 48–48 об.].

В дальнейшем винтовки из казенных складов неоднократно продавали переселенцам, нуждающимся в доступном дешевом оружии для охоты и защиты от хищных зверей и хунхузов. Так, в 1909 г. переселенцы очень часто обращались к Заведующему Переселенческим делом в Амурском районе с просьбой об отпуске им охотничьих ружей и патронов. Желая оказать им поддержку, военный губернатор Амурской области просил генерал-губернатора приказать опустить из артиллерийского склада для продажи переселенцам Амурского района 1 тыс. винтовок системы Бердана как пехотного, так и кавалерийского образца по 500 шт. уже бывших в употреблении, «цена на которые не особенно велика и для переселенцев более доступна», и 100 тыс. боевых патронов к ним, поскольку отпущенные в 1908 г. из Хабаровского артиллерийского склада 200 винтовок и 10 тыс. патронов были почти полностью распроданы [9. Л. 140–140 об.]. Приамурский генерал-губернатор обратился в Окружное артиллерийское управление, которое уведомило канцелярию о том, что в 1908 г. уже было разрешено выделить в распоряжение военного губернатора Амурской области для продажи гражданскому населению 1 тыс. винтовок Бердана и 200 тыс. боевых патронов к ним, из числа которых до настоящего времени выбрано из складов лишь 338 винтовок и 38 800 патронов, оставшиеся же 662 винтовки и 161 200 патронов могут быть отпущены по предъявлении квитанции казначейства о выплате денег за них. Ходатайство о выделении в распоряжение губернской Амурской области нового запаса оружия может быть возбуждено лишь после приобретения из складов старого [9. Л. 138–139].

Приказом по Военному Ведомству № 36 от 18 января 1910 г. была изменена ст. 13 Высочайше утвержденного 1 сентября 1875 г. Положения о довольствии войск предметами Артиллерийского ведомства [14. С. 33], согласно

которой «в случае поступления от центральных управлений всех министерств требований, Главное Артиллерийское управление, с разрешения военного министра, могло, насколько это возможно, без ущерба довольствию войск, отпускать за деньги из складов оружие, запасные части и проч. принадлежность всем ведомствам и казенным местам для их надобностей, в случае действительной потребности, при условии, что ответственность за это оружие и за действительность потребности в нем будет принята на себя тем ведомством, по которому представлено требование на оружие» [14. С. 35]. С 1910 г. разрешения военного министра на продажу оружия из складов не требовалось, а отпуск оружия и патронов за деньги частным лицам и учреждениям мог производиться распоряжением Главного артиллерийского управления, но лишь при условии поступления об этом ходатайств от Департамента полиции МВД под ответственность последнего [14. С. 35]. В соответствии с этим положением закона 12 июля 1911 г. Департамент полиции МВД на обращение генерал-губернатора от 10 июня уведомил его канцелярию, что им сделано распоряжение об отпуске из складов Приамурского военного округа винтовок Бердана и патронов к ним для вооружения населения «в наиболее угрожаемых пунктах от хунхузов» в размере действительной потребности за установленную плату [15. Л. 6].

В докладе Окружного артиллерийского управления Временно Командующему войсками Приамурского военного округа от 2 июня 1910 г. сообщалось, что в случаях, не терпящих отлагательства, без вреда государству – отпуск оружия производился и распоряжением начальника края, согласно ст. 40 кн. II Свода военных постановлений 1869 г. (изд. 3), с донесением о сделанном распоряжении Военному министру [9. Л. 161].

В феврале 1912 г. военный губернатор Амурской области вновь вышел с ходатайством об отпуске ему берданок и патронов к ним для вооружения населения для защиты от хунхузов. Начальник артиллерии округа 12 марта 1912 г. сообщил ему, что в складах Приамурского военного округа винтовок Бердана, которые можно реализовать населению области, нет, поэтому необходимо обратиться в Главное артиллерийское управление. 19 марта 1912 г. было сделано сношение с Министром внутренних дел, на которое от Департамента полиции был получен ответ, что Военный совет журналом от 17 мая 1912 г. положил образовать в артиллерийских складах Приамурского военного округа запас винтовок Бердана в количестве 7 800 шт. и 700 тыс. патронов к ним, выслав требуемое количество из складов Кавказского военного округа специально для вооружения населения Амурской и Приморской областей с тем, чтобы «отпуск винтовок и патронов производился исключительно по требованиям и на ответственность Главного Начальника Края без всяких расходов для военного ведомства» [15. Л. 54]. В сентябре 1913 г. винтовки поступили в Хабаровский окружной артиллерийский склад, а Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти разрешил отпускать их за деньги по требованиям военных губернаторов

Амурской и Приморской областей и заведующего Хабаровским сельскохозяйственным складом [15. Л. 54–54 об.]. Так, 26 сентября 1913 г. генерал-губернатор уполномочил военных губернаторов на получение винтовок из Хабаровского окружного артиллерийского склада по мере надобности, без предварительного сношения с ним по этому поводу [15. Л. 56, 57].

Практика снабжения населения оружием и патронами была продолжена и во время Первой мировой войны. Так, 2 августа 1914 г. крестьяне селения Кузнецово Ключевской волости Ольгинского уезда Приморской области обратились к генерал-губернатору с ходатайством о содействии им в получении как для охоты, так и для защиты от хищных зверей 27 7-миллиметровых винтовок системы Маузера и патронов к ним, по 200 шт. на каждую [16. Л. 1–1 об.]. Канцелярия генерал-губернатора запросила Окружное артиллерийское управление о том, имеются ли в Хабаровском арсенале или артиллерийском складе оружие и патроны и по какой цене их можно приобрести [16. Л. 2]. Управление ответило, что винтовок в настоящее время не имеется, а патроны, с разрешения Главного артиллерийского управления, могут быть отпущены из Хабаровского артиллерийского склада по цене 2 руб. за 100 шт. [16. Л. 2 об., 29]. По приказу генерал-губернатора его канцелярия возбудила перед Главным артиллерийским управлением соответствующее ходатайство. Окружное артиллерийское управление 10 ноября 1914 г. уведомило канцелярию Приамурского генерал-губернатора, что во исполнение предписания Главного артиллерийского управления от 19 октября 1914 г. Хабаровскому артиллерийскому складу предписано отпустить за деньги в распоряжение канцелярии 20 тыс. 7-миллиметровых патронов для винтовок системы Маузера [16. Л. 5, 29]. Хабаровский артиллерийский склад, с получением распоряжения о выдаче 20 тыс. патронов, при отношении от 18 ноября 1914 г. препроводил в канцелярию платежное свидетельство на сумму 400 руб., а отношением от 7 января 1915 г. просил поспешить с выплатой этих денег [16. Л. 29 об.].

25 ноября 1914 г. канцелярия генерал-губернатора обратилась к Удскому, Ольгинскому и Хабаровскому уездным начальникам с предложением выяснить среди вверенного им населения, не требуются ли ему патроны [16. Л. 29]. С той же просьбой канцелярия обратилась и к военному губернатору Амурской области. Согласно полученным ответам, для населения Амурской и Приморской областей и Удского уезда требовалось всего 6 600 патронов, а именно: Ольгинскому уездному начальнику – 1 тыс. шт., Хабаровскому – 300 шт., Буреинскому горному исправнику – 300 шт., Зейскому горному исправнику – 5 тыс. шт., стоимость которых составляла 132 руб. Как следовало из отзывов уездных начальников, столь ограниченная потребность в патронах к винтовкам системы Маузера объяс-

нялась тем, что население пользовалось почти исключительно винтовками системы Бердана [16. Л. 37–37 об.]. На 31 октября 1915 г. деньги за патроны в сумме 31 руб. были получены только от Ольгинского – 20 руб. за патроны и 5 руб. за пересылку – и Хабаровского – 6 руб. за патроны – уездных начальников, а деньги от горных исправников в сумме 106 руб. еще не поступили. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти распорядился уплатить из паспортных денег по Хабаровскому казначейству 400 руб. и отправить патроны Иманскому и Ольгинскому уездным начальникам, остальные же хранить, но так, чтобы их не украли, в находящемся во дворе канцелярии амбаре, в котором уже были сложены патроны для берданок, а полученные деньги употребить на выплату кредита [16. Л. 39].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. на Дальнем Востоке России существовала система снабжения населения качественным оружием и патронами по сниженным ценам из артиллерийских складов Приамурского военного округа. Главное артиллерийское управление по ходатайству местных властей давало Приамурскому окружному артиллерийскому управлению разрешение на отпуск оружия и патронов по определенной цене. Непосредственно в регионе дело продажи оружия и патронов находилось в ведении военных губернаторов Амурской и Приморской областей, которые устанавливали его порядок и наблюдали за ним. С 1900 г. до окончания Русско-японской войны население снабжалось из казенных артиллерийских складов винтовками Бердана и патронами к ним бесплатно. После начала Первой русской революции 1905–1907 гг. государство, опасаясь вооруженных противоправительственных выступлений, стремилось усилить контроль над оборотом огнестрельного оружия. Однако на российском Дальнем Востоке, в силу того, что здесь практически не было риска возникновения крестьянских волнений, а местное население, особенно в Приморской области, активно занималось охотой, оружие у него не изымали. В дальнейшем переселенцы, как старожилы, так и новоселы, неоднократно приобретали в артиллерийских складах Приамурского военного округа оружие, которое использовали для охоты, защиты от диких зверей и хунхузов. С 1910 г. отпуск оружия и патронов частным лицам и учреждениям производился Главным артиллерийским управлением лишь при условии поступления ходатайств от Департамента полиции МВД. Реализация оружия и патронов из артиллерийских складов Приамурского военного округа была эффективной мерой материальной поддержки местного населения, которое не располагало достаточными финансовыми средствами для приобретения необходимого ему для охоты и защиты от нападений диких зверей и разбойников-хунхузов дорогостоящего огнестрельного оружия у торговцев частным образом.

Список источников

1. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. М. : Мысль, 1973. 351 с.
2. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М. : Наука, 1973. 615 с.
3. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М. : Наука, 1986. 238 с.

4. Лещенко Ю.Н. Организация вооружения русской армии стрелковым оружием (конец XIX – начало XX в.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 279 с.
5. Дворников И.Н. Приамурский военный округ в системе управления, освоения и обороны Дальнего Востока (1884–1903 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 3 (44). С. 167–172.
6. Рудников И.С. Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (1884–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2010. 200 с.
7. Авиллов Р.С. Артиллерийские склады Сибирского военного округа в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // Известия лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18, № 2 (43). С. 75–85.
8. Кузнецов М.Ю. Иркутский артиллерийский склад в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914–1920 гг.) // Известия лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18, № 2 (43). С. 86–98.
9. Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 532.
10. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 998.
11. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 987.
12. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 550.
13. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 344.
14. Приказы по Военному ведомству за 1910 г. СПб. : Военная типография, 1910. 807 с.
15. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 721.
16. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 987.

References

1. Zaionchkovskii, P.A. (1973) *Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX–XX stoletij: 1881–1903* [Autocracy and the Russian Army in the late 19th –early 20th centuries: 1881–1903]. Moscow: Mysl'.
2. Beskrovnyi, L.G. (1977) *Russkaya armiya i flot v XIX v. Voенно-ehkonomicheskij potentsial Rossii* [Russian Army and Fleet in the 19th century. Military and economic potential of Russia]. Moscow: Nauka.
3. Beskrovnyi, L.G. (1986) *Armiya i flot Rossii v nachale XX v. Oчерki voенно-ehkonomicheskogo potentsiala* [Russian Army and Fleet in the early 20th century. Essays on military-economic potential]. Moscow: Nauka.
4. Leshchenko, Yu.N. (2009) Organizatsiya vooruzheniya russkoy armii strelkovym oruzhiem (konets XIX – nachalo XX vv.) [Organization of arming the Russian army with small arms (late 19th – early 20th centuries)]. History Cand. Diss. Moscow.
5. Dvornikov, I.N. (2008) Priamurskiy voennyi okrug v sisteme upravleniya, osvoeniya i oborony Dal'nego Vostoka (1884–1903 gg.) [Priamurskiy Military District in the system of administration, development and defense of the Far East (1884–1903)]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 3 (44). pp. 167–172.
6. Rudnikov, I.S. (2010) *Stanovlenie Priamurskogo voennogo okruga i ego rol' v ukreplenii oboronosposobnosti Dal'nego Vostoka Rossii (1884–1917 gg.)* [Formation of the Priamurskiy Military District and its role in strengthening the defense capability of the Russian Far East (1884–1917)]. History Cand. Diss. Khabarovsk.
7. Avilov, R.S. (2022) Artilleryskie sklady Sibirskogo voennogo okruga v 1899 g. (po materialam poezdki A.N. Kuropatkina) [The Artillery Magazines of Siberian Military District in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. 18:2 (43). pp. 75–85.
8. Kuznetsov, M.Yu. (2022) Irkutskiy artilleriyskiy sklad v gody Pervoy mirovoy i Grazhdanskoy voyn (1914–1920 gg.) [Irkutsk Artillery Depot during the World War I and the Civil War (1914–1920)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. 18:2 (43). pp. 86–98.
9. Russian State Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 1. File 532.
10. Russian State Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 704. List 3. File 998.
11. Russian State Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 704. List 3. File 987.
12. Russian State Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 4. File 550.
13. Russian State Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 704. List 1. File 344.
14. Voennaya tipografiya. (1910) *Priказы po Voennomu vedomstvu za 1910 g.* [Orders for the Military Department for 1910]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
15. Russian State Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 4. File 721.
16. Russian State Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 1. File 987.

Информация об авторе:

Устюгова О.А. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Россия). E-mail: ustyugova75@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.A. Ustyugova, Cand. Sci. (History), senior researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: ustyugova75@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.07.2023;
одобрена после рецензирования 22.07.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 18.07.2023;
approved after reviewing 22.07.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378.2+174+001.18
doi: 10.17223/15617793/492/18

Повышение эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований в высшей школе

*Кулжанат Нурымжановна Булатбаева¹, Валентина Хамитовна Адилова²,
Гузалия Жевдятовна Фахрутдинова³, Жанна Гажкеновна Жакиянова⁴*

^{1, 2, 4}*Национальная академия образования имени И. Алтынсарина, Астана, Казахстан*

³*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань*

¹*kulzhanat.bulatbayeva@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7288-8120*

²*Adilova.v@list.ru. ORCID: 0000-0002-8913-4739*

³*gdautova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3416-5300*

⁴*shanserik@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2944-0988*

Аннотация. Актуализированы способы повышения эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований в учреждениях высшего образования. Выделены содержательные аспекты системы этического надзора и контроля рисков научных исследований и их согласованность с основаниями и принципиальными особенностями Кодекса чести ученого. Проанализированы подходы к разработке способов повышения эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований в разделах этического кодекса, которые могут оказывать влияние на эффективность выполнения профессиональных обязанностей специалистов в процессе организации и проведения научных исследований. Выделены положения по подготовке, руководству и сопровождению будущих преподавателей высшей школы.

Ключевые слова: этос науки, концептуальные подходы, этический надзор, контроль рисков, этические принципы, профессионально-этические качества

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках программно-целевого финансирования научно-технической программы OR 11465474 «Научные основы модернизации системы образования и науки» (2021–2023 гг., Национальная академия образования им. И. Алтынсарина).

Для цитирования: Булатбаева К.Н., Адилова В.Х., Фахрутдинова Г.Ж., Жакиянова Ж.Г. Повышение эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований в высшей школе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 161–168. doi: 10.17223/15617793/492/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/18

Enhancing the effectiveness of the system of ethical supervision and risk control of scientific research in higher education

Kulzhanat N. Bulatbayeva¹, Valentina Kh. Adilova², Guzaliya Zh. Fahrutdinova³, Zhanna G. Zhakiyanova⁴

^{1, 2, 4}*National Academy of Education named after Ybyrai Altynsarin, Astana, Kazakhstan*

³*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation*

¹*kulzhanat.bulatbayeva@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7288-8120*

²*Adilova.v@list.ru. ORCID: 0000-0002-8913-4739*

³*gdautova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3416-5300*

⁴*shanserik@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2944-0988*

Abstract. The authors of the article actualize the problems of the relationship between science and ethics, substantiate their nature due to the researcher's generic, universal human qualities, evaluative abilities and moral attitudes. Since the solution of ethical issues in scientific activities depends not only on the researcher's professional qualities but also on the morality that has developed over the years and acts in the scientific community through imperative norms, they are presented in the form of instructions and samples. The revealed imperative methods determine sanctions and represent the essence of the ethos of science, and the revealed norms of scientific ethos, in order to obtain reliable knowledge in a methodologically sound way, determine the researcher's ethical behavior as the most effective for conducting scientific procedures and recognizing behavior as mandatory from a moral perspective. Therefore, the authors propose a specific mechanism within standards that determine practical ways to improve the effectiveness of the

system of ethical supervision and risk control of scientific research. Such a mechanism should be strictly and consistently implemented in the functioning of an educational organization, reflected ways to solve specifically identified ethical problems in the content of the pedagogical system. The conceptual aspects of the system of ethical supervision and risk control of scientific research in the Code have various grounds and fundamental features. In particular, there are sections in modern ethical codes that contain suggestions of a recommendatory nature to eliminate ethical problems that arise in a conflict of interest. The identified key factors are expressed as prescriptions and prohibitions, preferences and permissions; they are considered criteria of institutional values and indicators of institutional imperatives for researchers. The aim of the study is to identify ways to increase the effectiveness of the system of ethical supervision and risk control of scientific research in higher education on the basis of the identified principles and selected approaches. The leading method is a static model that determines the process of mastering the principles that affect the ways to improve the effectiveness of the system of ethical supervision and risk control of scientific research. Thus, the reliable results the authors obtained prove the need to find approaches to the development of methods in the sections of the Code of Ethics as a reflection of the professional duties of researchers. This will make it possible to substantiate the main provisions for the guidance and support of the status of a teacher who conducts scientific research without undermining his trust and reliability, and regulating relations within the scientific community and between society as a whole and science.

Keywords: ethos of science, conceptual approaches, ethical supervision, risk control, ethical principles, professional and ethical qualities

Financial support: The research was carried out within the framework of program-targeted financing of the OR 11465474 scientific and technical program (years 2021–2023, Altynsarin National Academy of Education).

For citation: Bulatbayeva, K.N., Adilova, V.Kh., Fahrutdinova, G.Zh. & Zhakiyanova, Zh.G. (2023) Enhancing the effectiveness of the system of ethical supervision and risk control of scientific research in higher education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 161–168. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/18

Введение

Фундаментальные установки на поиск истины и развитие ценностных форм бытия человека в процессе проведения научных исследований в высшей школе необходимо соотносить с гуманистическими требованиями, регулируемыми принципами этики науки или морально-этические нормы, признанные казахстанским сообществом в качестве нравственных регуляторов, устанавливающих конкретные нормы поведения человека, основу которого составляют стандарты о нравственности.

Этос науки или морально-этические нормы изучаются с целью трансформации современного научного познания. Обсуждение вопросов этики науки основано на том, что ценностные установки оказывают воздействие на способы повышения эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований, связанных с этическими принципами научной деятельности:

- 1) самооценностью истинных знаний;
- 2) ориентированностью на новизну знаний;
- 3) научным творчеством;
- 4) открытостью полученных результатов;
- 5) рассмотрением аспектов научного познания фундаментального и прикладного характера;
- 6) анализом проблемных вопросов в процессе ответственного проведения персонального и коллективного исследования. Эти и другие вопросы позволяют рассмотреть эволюционное развитие этических проблем науки, которые конкретизируются в исследованиях, становятся универсальными, так как могут возникнуть в сфере научного познания, включая и фундаментальные знания [1].

Дифференцированность этической оценки науки подразумевает исследование отдельных направлений и областей научного знания без дисциплинарной ограни-

ченности. Морально-этические нормы в исследованиях носят конструктивный уровень, что обосновывает теоретическое построение научного исследования, определяет конкретную, практическую значимость и влияет на формирование обновленных продуктов, имеющих культурную ценность. Целью данного исследования является определение оснований для подготовки, руководства и сопровождения будущих преподавателей высшей школы с учетом требований системы этического надзора и контроля рисков научных исследований.

Методологические подходы и методы исследования

Способы повышения эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований основаны на профессионально-этических качествах ученых-исследователей, исходные позиции которых строятся:

- 1) на антропологическом подходе, непосредственно определяющем роль, место и качество науки, перспективность развития которой неразрывно связана с переходом от абстрактного методологического суждения к раскрытию ситуативного исследования типа *case study*. Наука не должна относиться к узко специализированному анализу естествознания, ее необходимо умело преобразовать в междисциплинарное исследование, в котором должна преобладать гуманитарная составляющая, в силу которого научное исследование рассматривается как форма и способ познания качеств человека. Личность как носитель этических норм, правил, ценностей выражает представление общества о добрых и злых намерениях, справедливых и несправедливых установках. Исследование личности человека как носителя общественной морали основано

на способах оценивания не только действий и поступков человека, но и их мотивов;

2) компетентностном подходе, позволяющем определять этос, пафос и логос профессионально-этических качеств и уровень профессиональных знаний и умений;

3) полусубъектном подходе, отражающем взаимодействие личности с объектами социума, в результате которого раскрываются и реализовываются этические качества. Связь проблем социума с возрастающим значением задач междисциплинарного характера требует нетрадиционной формы производства знаний, связанных с практическим запросом решения вопросов, возникающих в рамках культурных изменений экологического, технологического, биоэтического, технического характера проблем;

4) экзистенциальном подходе, конкретизирующем антропологический аспект проблемы исследования с целью осмысления роли респондентов, участвующих в процессе актуализации сложной, саморазвивающейся системы. Реализация цели требует применения ряда методов, изучающих состояние субъектов, включенных в научно-исследовательскую программу в качестве наблюдателей, участников [2].

Поэтому в обновленных проектах Кодекса чести ученого необходимо учитывать и оценивать способность системы влиять на рост экономического благосостояния как отдельного исследователя, так и группы. Выявление позиции большинства ученых позволило прийти к заключению о том, что число опубликованных статей, уровень мотивации к проведению исследо-

ваний практически не могут соотноситься с классической концепцией норм. Сопряженность позволяет обосновать существование слабых связей между принципами. Непродуктивность и слабая мотивация ученых отражаются в их приверженности к нормам этоса. Социализация личности на проведение научных исследований влияет на разный уровень, выработку у него классических норм, склонность поддерживать эти нормы.

В исследовании использован анализ литературы по исследуемой проблематике, нормативных документов, кейс-стади, моделирование и анкетный опрос «Этика ответственности исследователей как императив деятельности».

Закон Республики Казахстан «О науке», регулируя общественные отношения в области развития науки и научно-технической деятельности, устанавливает основные принципы и механизмы функционирования и развития национальной научной системы Республики Казахстан [3]. В соответствии с данным законом повышение эффективности системы этического надзора и учет рисков научных исследований ориентированы на профессиональную этику, которая основана на учете принципов научно-исследовательской деятельности, утвержденных стандартами (рис. 1):

- 1) общечеловеческих этических принципов, связанных с правами, свободами человека;
- 2) принципов взаимодействия без ущемления прав;
- 3) особых профессиональных принципов, определяющих специфику научно-исследовательской деятельности и требующих учета рисков [4].

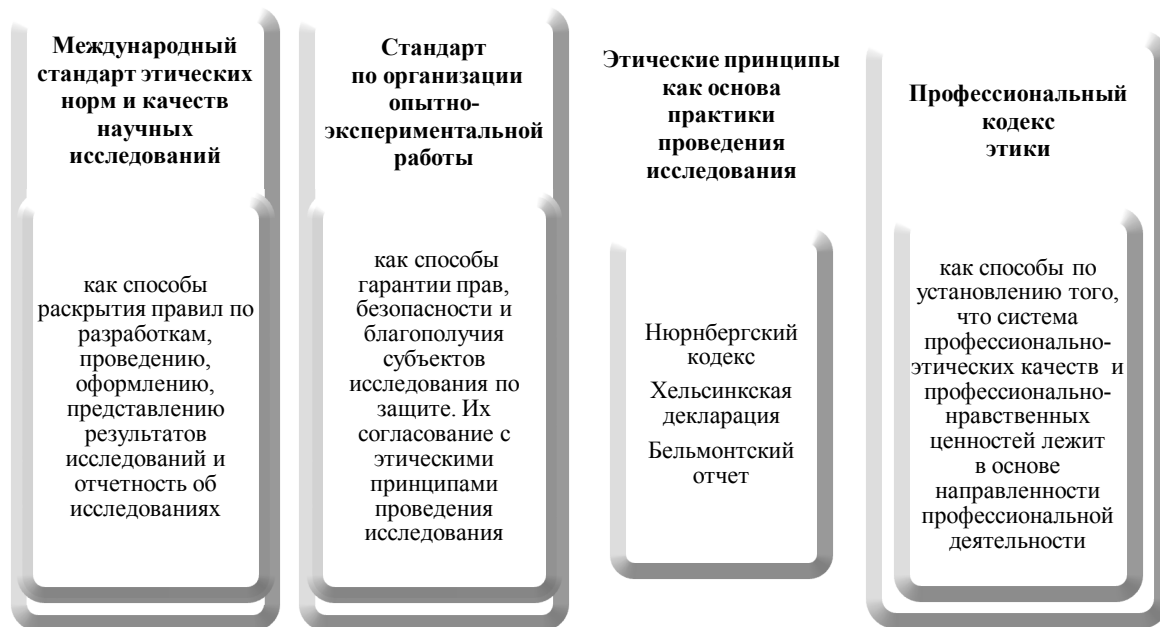

Рис. 1. Стандарты, определяющие способы повышения эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований

Результаты

В статической модели способы повышения эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований относят к эмоционально насыщенному комплексу ценностей и норм, разделяе-

мых учеными-исследователями. Эти способы выражены как предписания, запреты, предпочтения и разрешения, считаются правомерными терминами институциональных ценностей и относятся к институциональным императивам, к которым можно добавить

принципы, которые большинство исследователей берут за основу научной деятельности (рис. 2).

В статической модели исследователь как собственник или менеджер может проводить изучение не с целью эффективности и целесообразности, а потому что так надо, таковы условия. В рамках принципа всеобщности или коллективизма результат исследования относится к общественной собственности для доступности. Потому большинство исследователей должны рассматривать себя как человека, вносящего вклад в базу данных общего пользования. Результаты не должны утаиваться от других исследователей, их необходимо опубликовать в полном объеме и как можно кратко-срочно.

В ходе исследования нами проанализированы результаты анкетного опроса «Этика ответственности исследователей как императив деятельности». Было

установлено, что большинство респондентов в процессе проведения научных исследований придерживаются принципов с позиции оценки полученных результатов. 36% респондентов выделяют принцип универсализма вне персональных критериев, без каких-либо предрассудков по отношению к этнической или расовой принадлежности исследователя, его полу, научной репутации, отнесенности к научной школе. Принцип бескорыстия или внезаинтересованности исследователей показывает, что 14,5% респондентов убеждены в том, что в процессе организации научной деятельности необходимо эмоционально отстраниться от своей области исследования, искать доказательный факт без изначального предубеждения, и на результаты не должен влиять внеученый интерес ученого (рис. 2).

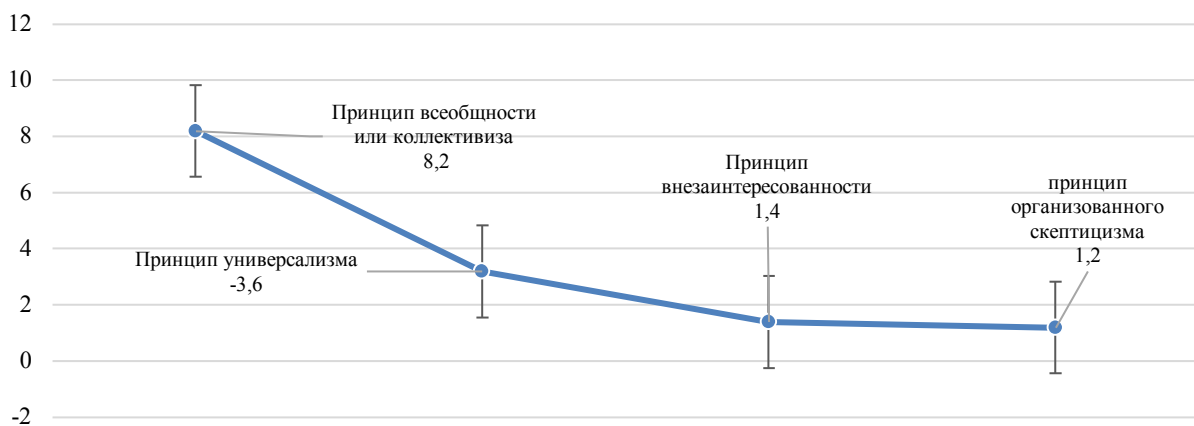

Рис. 2. Подверженность исследователей институциональному императиву

12% исследователей придерживаются принципа организованного скептицизма, что требует осмысления предположений, которые принимаются в качестве выдвинутой аксиомы по публикации научного результата и после прохождения всех этапов апробации, открытого обсуждения возможных источников ошибок, сомнений и пробелов в исследованиях. В целом в данной статической модели способы носят функциональное значение, так как исследователи воспринимают принципы как руководство к выполнению установленного плана действий, как нормы рациональности и эмоциональной нейтральности.

Большинство респондентов (82%) придерживаются принципа всеобщности или коллективизма, так как частные принципы сплачивают группу, организуют и направляют их волю на реализацию целей и задач исследования. Выполнение цели научной деятельности коллективом определяется теми задачами, которые ставятся руководством, осознаваемыми требованиями к выполнению повседневных служебных заданий. Эти факторы взаимосвязаны и определяются морально-психологическими особенностями коллективной среды и уровнем нравственной воспитанности каждого его члена. Проявление сотрудничества и оказание помощи в коллективе действенно и сочетается с принципиально-

стью. Однако этот принцип некоторые респонденты относят к круговой поруке, покрывая недобросовестность других. Поэтому изучение нравственной деформации коллектива, «заболевание» отдельного его сотрудника может повлиять на мнение тех, кто еще не выработал профессиональную позицию и далек от этоса науки. Подверженность институциональному императиву показывает: отдельные исследователи выполняют задания не потому, что результат будет эффективным и целесообразным, а потому что этим занимаются другие, потому что это в тренде.

Большинство аспектов в системе этического надзора и контроля рисков научных исследований в нормативно-организованной структуре определяется сплоченностью и морально сознательным отношением сотрудников коллектива к выполнению научно-исследовательской деятельности. Это предпосылка руководства по делегированию полномочий для принятия решений сотрудниками коллектива и переход от командно-административного отношения к взаимодействию на принципах сотрудничества должна базироваться на общей ответственности за успешное решение задач исследования.

Большинство сотрудников в нравственно зрелом коллективе относят выполнение задач исследования

к осознанной необходимости, а сознательное исполнение дисциплинарного требования должно привести к требуемой результативности научной деятельности. Любое нарушение дисциплины должно восприниматься как барьер на пути реализации общих целей и научных интересов, поэтому воздействие сотрудников на «перевоспитание» тех, кто нарушает порядок, должно влиять на установление в коллективе этического императива к научной деятельности.

В целях обеспечения качественных и результативных научных исследований, повышения эффективности принятия управленческих решений в сфере науки весьма важным является повышение эффективности системы этического надзора и контроля за рисками в осуществлении научных исследований. На основе выполненных исследовательских работ в этом направлении для решения поставленной проблемы и практической реализации предлагаются операционализованные способы повышения эффективности системы этического надзора (рис. 3).

Рис. 3. Операционализация способов повышения эффективности системы этического надзора

Основные положения данных принципов, утверждающие идею заботы о состоянии участников научного исследования и превалирующие над интересами науки и общества:

- уважать личность;
- защищать право и здоровье участника исследования;
- уважать право исследователя на защиту собственной безопасности [5].

Если нормам науки придать эффективность, а барьеры этики принимать как должное, то ценности науки можно охарактеризовать как «моральное предприятие», так как в научной деятельности нарушение норм приводит к навязыванию новых правил. Поэтому в науке эмпирическое тестирование утверждений, которые выводятся из теории, и данные, полученные в результате проведенного исследования, должны подтверждаться, опровергаться или уточнять теории. Логическую зависимость элементов теории необходимо проследить, поэтому ученые-исследователи осуществляют проверку на совпадение реальности с

утверждениями в теории, которую можно опровергнуть или уточнить фактами [6].

Система контроля рисков научных исследований включает процесс анализа рисков, основанный на выявлении, оценке, определении владельца рисков и выбора стратегии управления рисками. Анализ системы контроля рисков включает создание плана по управлению рисками, контроль и мониторинг эффективности выполнения созданного плана. Перечень запланированных рисков необходимо актуализировать не реже одного раза в 3–6 месяцев, пересмотр результата этапа анализа рисков заключается в добавлении/удалении риска, в переоценке выявленных рисков и их управлении.

В 1999 г. в американском журнале «Free Inquiry» был помещен доклад нового программного манифеста под названием «Гуманистический манифест-2000», подписанный Международной академией гуманизма, представителями которого были философы, социологи, нобелевские лауреаты в области литературы, химии, биологии, защитники гражданских свобод, астро-

номы, антропологи. В программном манифесте развернуто отражен алгоритм действий в глобальном планетарном сообществе, объясняется сущность планетарного гуманизма, перспективы будущего, научность мировоззрения, этика и право [7].

Разработка плана рисков происходит через составление организационно-распорядительной карты, в которой указываются основные этапы, задействованные подразделения и сроки выполнения. Более подробно опишем процесс управления рисками научной деятельности (рис. 4).

Процесс анализа рисков, их последовательная реализация, связан с нерешенными проблемами в сфере этического надзора. В основном у исследователей этический надзор ассоциируется с наличием разрешения от

представителей испытуемых объектов. При этом эти правила в основном соблюдаются у исследователей, подающих на конкурс свои научные проекты. Между тем этический надзор должен предусматривать множество различных аспектов, связанных не только с гуманистической и авторитарной этикой, но и с профессиональной этикой как рефлексивной ответственностью исследователя, умеющего просчитывать последствия собственной деятельности. Этот аспект связан с личностным подходом исследователя, требует строгой дисциплины и напряжения, не характеризуется иррациональностью и энтузиазмом. Исходя из этого, к главным признакам рефлексивной ответственности исследователя необходимо отнести рационалистическую ответственность как осмысленность действий в сценарии исследования.

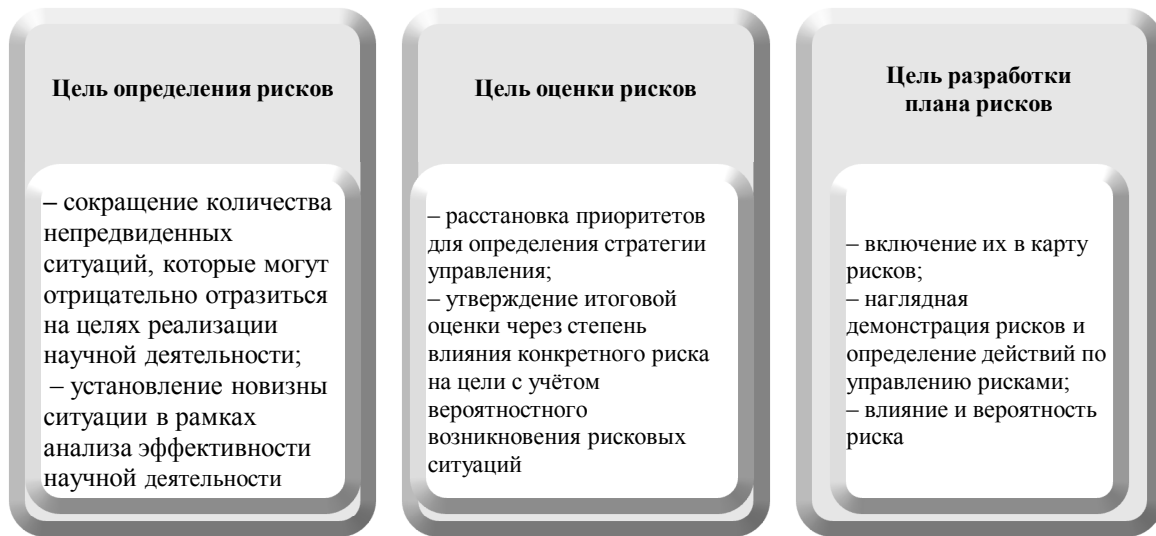

Рис. 4. Процесс анализа рисков – их последовательная реализация

В концепции Роберта Мертонa устойчивость и единство этоса науки или морально-нравственный комплекс эмоционально окрашенных ценностей и норм считаются обязательными для всех без исключения. Поэтому рассмотренные подходы к разработке способов повышения эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований необходимы для выполнения наукой главной задачи – достижение и расширение достоверных знаний об основных нормативах научной деятельности.

Обсуждение

В результате изучения данной проблемы разработан вариант Кодекса чести ученого, в котором исполнители научных исследований гарантируют:

1) обязательное следование основным принципам проведения научных исследований и реализации инновационных проектов в конкретных организациях в соответствии с вышеназванными показателями оценки эффективности этического надзора;

2) содействие наиболее эффективному использованию науки и научных методов во благо человека;

3) поддержку высоких стандартов отраслевой и вузовской науки – реализацию совместных комплексных исследований на основе интеграции с ведущими научными организациями и другими вузами, производственными предприятиями различных отраслей экономики с подготовкой в установленном порядке высококлассных специалистов на базе магистратуры и PhD докторантуры;

4) создание и обеспечение развития в конкретных организациях научно-образовательных консорциумов, бизнес-инкубаторов, технопарков, научных парков и других структур образования, науки и производства в целях решения государственно важных задач, направленных на обеспечение интенсивного социально-экономического развития страны;

5) развитие взаимовыгодного научно-технического сотрудничества с производственной сферой основных отраслей экономики, направленное на подготовку специалистов для создания новых предприятий;

6) содействие модернизации научной и инновационной инфраструктуры конкретных организаций, развитию их материально-технического обеспечения в целях осуществления научно-инновационной деятельности на современном уровне;

7) обсуждение реальных рисков в области научных исследований, ориентированных на отчетность (в том числе финансовую);

8) обсуждение реальных рисков с позиции сохранения здоровья исследователей, их классификация в соответствии с регламентирующими документами для отраслей науки;

9) регулирование селективного процесса как способ повышения эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований для противодействия негативным тенденциям в области образования и научно-инновационной сфере;

10) изучение научных работ ученых как дань признания их вклада в разработку проблем качественных исследований.

Многообразность принципиальной позиции ученых проявляется – через отстаивание исследований, основанных на концептуальных понятиях, включающих обоснование методики исследования, стремление к объективности результатов, аргументации выводов – в высоких показателях результатов научного труда, в действенности изложенных выводов и рекомендаций.

Первичность концептуальной единицы должна очертить трансдисциплинарное исследование и представлять план введенных понятий, охватывающих национальный, культурный и предметный уровень связей, с целью совершенствования концептуального понимания подходов к разработке способов повышения эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований. Изучение подходов через исследование разнообразной информации из предшествующего систематизированного знания, а также различного культурного перспективного опыта позволяет вывести ряд концептуальных принципов, определяющих суть понятий и конечной центральной идеи. Если способы повышения эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований зафиксировать в виде модели или конструкции, то богатство и изменчивость их контекста может повлиять на концептуальное понимание морально-нравственных ценностей, что и изменит пози-

цию большинства исследователей и позволит доработать или переосмыслить отношение к проведению интеллектуальных исследований.

Заключение

Формирование целенаправленной системы этического надзора обеспечивает эффективность и результативность проводимых научных исследований, придает ей нормативный правовой статус. В рамках реализации оценки эффективности и результативности деятельности организаций с целью выполнения научно-исследовательских, творческих, опытно-конструкторских и технологических работ можно будет обеспечить в обязательном порядке участие в реализации научных, научно-технических проектов и (или) программ молодых специалистов, студентов и магистрантов (не менее 30% от общего количества исполнителей), включая стажировки в известных отечественных и зарубежных организациях (центрах). Кроме того, на постоянной основе и в установленном порядке осуществлять коммерциализацию результатов научных исследований, их широкомасштабное использование и внедрение, укреплять научный потенциал конкретных организаций и повышать статус ученых, постоянно совершенствовать систему подготовки и переподготовки научных кадров.

Развитие и функционирование национальной научной системы в Республике Казахстан осуществляется на основе выполнения функций стратегического, экспертного и административного характера через управление научной и научно-технической деятельностью. Реализация этического-правовых способов повышения эффективности системы этического надзора и контроля рисков научных исследований в высшей школе должны гармонировать с культурой, моралью и психологическим настроем. Драйв-менеджеры, умело поддерживающие мобилизационную модель по развитию путей и подходов научно-исследовательской деятельности, смогут обеспечивать поддержку молодым ученым и будущим преподавателям вузов, а также способствовать созданию исследовательской среды.

Список источников

1. Философия науки. Этнос науки на рубеже веков. М. : Ин-т философии РАН, 2005. 341 с.
2. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. URL: www.philosophy.ru/library/lakat/01/0.html
3. Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2011 года № 407-IV «О науке» (с изм. и доп. по сост. на 01.05.2023 г.) // Информационная система «Параграф».
4. Цвык В.А., Саввина Ш.В. Этика науки и этика научных публикаций // Человек и культура. 2017. № 3. С. 8–22. doi: 10.25136/2409-8744.2017.3.19609. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19609
5. Кун Т. Логика и методология науки. Структура научных революций. URL: www.philosophy.ru/library/kuhn/01/00.html
6. Хаджаров М.Х. История и философия науки: учеб.-метод. пособие. Оренбург : Оренбургский гос. ун-т, 2017. 110 с.
7. Пол Куртц: Гуманизм и скептицизм – парадигмы культуры третьего тысячелетия // Гуманитарный портал. 21.02.2009. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5452>

References

1. Kiyashchenko, L.P. (ed.) (2005) *Filosofiya nauki. Etos nauki na rubezhe vekov* [Philosophy of Science. The ethos of science at the turn of the century]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
2. Lakatos, I. (n.d.) *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program* [Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes]. [Online] Available from: www.philosophy.ru/library/lakat/01/0.html.
3. Paragraf. (2011) *On Science. Law of the Republic of Kazakhstan No. 407-IV of February 18, 2011 (as amended and supplemented as of May 1, 2023)*. Almaty: Paragraf. (In Russian).
4. Tsvyk, V.A. & Savvina, Shch.V. (2017) *Etika nauki i etika nauchnykh publikatsiy* [Ethics of science and ethics of scientific publications]. *Chelovek i kul'tura*. 3. pp. 8–22. [Online] Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19609. doi: 10.25136/2409-8744.2017.3.19609

5. Kun, T. (n.d.) *Logika i metodologiya nauki. Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. [Online] Available from: www.philosophy.ru/library/kuhn/01/00.html.
6. Khadzharov, M.Kh. (2017) *Istoriya i filosofiya nauki* [History and Philosophy of Science]. Orenburg: Orenburg State University.
7. Kurtts, P. (2009) *Gumanizm i skeptitsizm – paradigmy kul'tury tret'ego tysyacheletiya* [Humanism and skepticism – cultural paradigms of the third millennium]. *Gumanitarnyy portal*. 21 February. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/library/articles/5452>.

Информация об авторах:

Булатбаева К.Н. – д-р пед. наук, главный научный сотрудник Национальной академии образования им. И. Алтынсарина (Астана, Казахстан). E-mail: kulzhanat.bulatbayeva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7288-8120

Адилова В.Х. – канд. пед. наук, ведущий научный сотрудник Национальной академии образования имени И. Алтынсарина (Астана, Казахстан). E-mail: Adilova.v@list.ru; ORCID: 0000-0002-8913-4739

Фахрутдинова Г.Ж. – д-р пед. наук, профессор кафедры методологии обучения и воспитания Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия, Казань). E-mail: gautova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3416-5300

Жакнинова Ж.Г. – PhD, главный ученый секретарь Национальной академии образования им. И. Алтынсарина (Астана, Казахстан). E-mail: shanserik@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2944-0988

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.N. Bulatbayeva, Dr. Sci. (Pedagogics), chief scientific officer, National Academy of Education named after Ybyrai Altynsarin (Astana, Kazakhstan). E-mail: kulzhanat.bulatbayeva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7288-8120

V.Kh. Adilova, Cand. Sci. (Pedagogics), leading researcher, National Academy of Education named after Ybyrai Altynsarin (Astana, Kazakhstan). E-mail: Adilova.v@list.ru; ORCID: 0000-0002-8913-4739

G.Zh. Fahrutdinova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: gautova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3416-5300

Zh.G. Zhakiyanova, PhD in Pedagogics, chief scientific secretary, National Academy of Education named after Ybyrai Altynsarin (Astana, Kazakhstan). E-mail: shanserik@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2944-0988

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.06.2023;
одобрена после рецензирования 14.07.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 29.06.2023;
approved after reviewing 14.07.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 378.14.015.62
doi: 10.17223/15617793/492/19

Профессиональные инициативы студентов как фактор развития субъектности будущих педагогов

Ине́сса Игоре́вна Соше́нко¹, Михаи́л Алекса́ндрович Черво́нный², Ната́лия Никола́евна Абаку́мова³

^{1,2}Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

³Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹*inessasoshenko@yandex.ru*

²*mach@tspu.edu.ru*

³*niv_tomsk@mail.ru*

Аннотация. Актуализировано и уточнено понятие «профессиональные инициативы студентов». Обоснована взаимосвязь профессиональных инициатив студентов и субъектности будущих педагогов. Выделены основания для систематизации профессиональных инициатив студентов: уровень, цель, масштаб инициации и т.д. Описаны механизмы поддержки профессиональных инициатив, сложившиеся в практике российской высшей школы, – конкурсы, проекты, программы и др.

Ключевые слова: профессиональные инициативы студентов, агентность, субъектность, искусственный интеллект, механизмы поддержки студенческих инициатив

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00577; <https://rscf.ru/project/23-28-00577/>)

Для цитирования: Сошенко И.И., Червонный М.А., Абакумова Н.Н. Профессиональные инициативы студентов как фактор развития субъектности будущих педагогов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 169–180. doi: 10.17223/15617793/492/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/19

Students' professional initiatives as a factor in future teachers' agency development

Inessa I. Soshenko¹, Mikhail A. Chervonnyy², Natalia N. Abakumova³

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

³ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹*inessasoshenko@yandex.ru*

²*mach@tspu.edu.ru*

³*niv_tomsk@mail.ru*

Abstract. The article considers the phenomenon of students' professional initiatives as a necessary element of the formation and development of a future teacher in the modern practice of higher education. The authors analyzed the literature to clarify the concept of student initiatives and concretized the definition of “students' professional initiatives”, creative, excessive, and subjective activity implemented in the form of ideas, projects, and “first experimental action”, the result of which is the student's theoretical and practical readiness to perform the labor function. The reasons for the systematization of students' professional initiatives were highlighted. Materials from 34 websites of pedagogical universities, dissertation research in pedagogical sciences for the period 2003–2023, projects of the winners of the competition for innovations in education (National Research University Higher School of Economics) and the Ideas for a New School all-Russian competition for student educational initiatives (Tomsk State Pedagogical University) were used for the analysis. The authors calculated a citation index for the keywords “student initiative”, “agency”, and “subjectivity”, and surveyed students to determine the types of student initiatives in daily educational practice. The authors identified the rationale for systematizing student professional initiatives: the level, purpose, and extent of initiation; the degree of state involvement; the scope of activities; the type of initiative (as defined by J. Murray); and the form of implementation. The mechanisms for supporting professional initiatives that have developed in the practice of Russian higher education institutions – competitions, projects, programs – are described. The results of the study confirm that students' professional initiative is implemented through activity, organization, and interaction, and its outcome may be a project, an educational product, or pedagogical and social practices. Examples include the implementation of intra-university, inter-university, and institutional competitions, various programs (accelerative, entrepreneurial), projects, student associations and communities. The results of the analysis of the materials of pedagogical universities' websites show that the “subjectification” of professional initiatives takes place within student associations in education,

research, campus, and service. The authors found that students in the subject position can independently produce digital educational content and create various educational products. The study concludes that the phenomenon of students' professional initiatives needs further research to clarify the context of its use and classification, and to determine the influence of the university's scientific and educational space on the formation of students' professional initiatives.

Keywords: students' professional initiatives, agency, subjectivity, artificial intelligence, sensors supporting students' initiatives

Financial support: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00577, <https://rscf.ru/project/23-28-00577/>

For citation: Soshenko, I.I., Chervonnyy, M.A. & Abakumova, N.N. (2023) Students' professional initiatives as a factor in future teachers' agency development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 169–180. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/19

Введение

Взаимосвязь сложных социально-экономических, технологических и культурных изменений определяет новые тенденции и вызовы для системы образования в целом и педагогического образования в частности, связанные с развитием человеческого капитала. Обязательным требованием к уровню подготовки и конкурентоспособности специалиста в стремительно меняющемся мире становятся такие характеристики, как инициативность, самостоятельность, способность к творческой деятельности, адаптивность к постоянным изменениям и ответственность, жизнь и работа на благо Родины [1, 2]. Ведь в эпоху экспоненциального роста технологий и тотальной цифровизации усиливается конкуренция в профессиональных и в межгосударственных сферах. Уже не одно десятилетие прогнозируется, что искусственному интеллекту постепенно будут переданы рутинные, шаблонные задачи [3]. В начале XXI в. дискуссии о вытеснении искусственным интеллектом с рынка труда людей велись относительно профессий, не требующих высокой квалификации. В исследованиях последних лет активно обсуждается замена искусственным интеллектом на рынке труда специалистов профессий, требующих высокой квалификации, включая финансистов, юристов, страховщиков, маркетологов, сотрудников кадровых служб, педагогов и др. [4–9]. Отметим, что, несмотря на последовательную цифровизацию образования, реальную практику функционирования роботов-педагогов в университетах (Sophia) и школах (цифровой учитель Уилл) [5. С. 43–44], стремительное развитие стартапов, предлагающих цифровые решения для образования [6; 7. Р. 161], в научных публикациях обсуждается необходимость перераспределения деятельности педагогов при неизбежном делегировании ряда задач искусственному интеллекту [4, 5].

Уже сегодня последовательно искусственному интеллекту делегируются задачи в сфере образования, способствующие снижению нагрузки на педагога: персонализация образования / контекстное обучение [7]; оценка знаний (генерация оценочных заданий и автоматизация оценочных процедур) [4. С. 347; 7. Р. 159]; аналитика результатов обучения, в том числе пробелов в знаниях; организация образовательного процесса и оцифровка теоретических занятий [5. С. 44]; автоматизация (расписания, оценки знаний) [7. Р. 158]. Особенностью делегируемых задач является не только их

шаблонность, повторяемость, но и возможность искусственного интеллекта выступать агентом образования, что влечет за собой «комплексное преобразование профессиональной деятельности» [8. С. 98]. Речь идет о неизбежном обновлении заданных норм профессиональной деятельности, необходимости разграничения сходного функционала, об определении зон партнерства и успешной совместной работы при становлении педагога в практике взаимодействия с искусственным интеллектом [9. С. 171]. Исследования П. Доэрт, Д. Уилсон [9], Кай Фу Ли и Чэнь Цюфань [4] показали, что именно творческая деятельность, характеризующаяся спонтанностью инициатив, самостоятельным выбором, останется за пределами возможного делегирования искусственному интеллекту. Кай Фу Ли и Чэнь Цюфань выделяют три области, в которых искусственный интеллект слаб: творчество, эмпатия, ловкость [4. С. 347].

Е.А. Алексеева рассматривая специфику активности преподавательской деятельности, дифференцирует понятие агентности и субъектности «настоящих» (преподаватель-человек) и «искусственных» (искусственный интеллект) преподавателей. Обобщая современные исследования, Е.А. Алексеева приходит к выводу о том, что агентность, понимаемая как способность действовать, присуща «настоящим» и «искусственным» преподавателям. А субъектность, понимаемая как способность действовать и оказывать влияние на других агентов на основе самостоятельного выбора, спонтанности, саморегуляции, свободы воли, ответственности, является характеристикой, присущей «настоящим» преподавателям [3, 5]. Мы разделяем точку зрения, что субъектность в сфере образования проявляется в расширении полномочий участия человека в своем образовании (с пассивного участия на «агентскую вовлеченность»), влиянии на образование [10. С. 31–32], характеризуется самостоятельной, инициативной, творческой, сознательной деятельностью [11].

Идея задействования потенциала студентов для оказания влияния на общество, развития их субъектности не является новой. Согласно исследованиям А. Хелферти и А. Кларка (2009) это объясняется «способностью действовать вне традиционных систем принятия решений и способностью оказывать давление». Если в прошлом веке (50–70-х гг. XX в.) студенческие инициативы рассматривались в контексте социальных движений (Н. ВанДайк, Ф. Винстон) и поведенческом

контексте (инициатива и инициативность), то современная оптика исследований фокусируется на профессиональных инициативах студентов [12. Р. 1197]. Указанный феномен – «профессиональные инициативы студентов» – нуждается в фиксации и описании. Это позволит достичь понятийного единства в педагогической практике и точности интерпретации исследуемого феномена.

Вместе с тем растет интерес к вопросу о том, как следует развивать и поддерживать творческую активность будущих педагогов, их субъектность в условиях стремительного меняющегося мира, чтобы они могли генерировать и внедрять профессиональные педагогические инициативы, обеспечить конкурентоспособность и качество образования. Для того чтобы понять сложную природу профессиональных инициатив студентов в современных реалиях, необходим распределенный анализ нескольких областей одновременно. Во-первых, какой поведенческий контекст присущ студентам, предлагающим профессиональные инициативы, и как профессиональные инициативы студентов способствуют развитию субъектности будущих педагогов? Во-вторых, какие виды профессиональных инициатив студентов сложились в российской практике? В-третьих, какие механизмы поддержки профессиональных инициатив студентов действуют в российской практике?

Методы исследования

Исследование осуществлялось в несколько этапов и включает следующие методы: теоретический анализ литературы, анализ сайтов университетов и диссертаций по педагогическим наукам (2003–2023 гг.), расчет индекса цитирования по ключевым словам «студенческая инициатива», «агентность», «субъектность», анкетирование студентов.

Этап 1. Обзор литературы по ключевым словам «студенческая инициатива», «агентность», «субъектность» и их комбинациям в базах eLIBRARY.RU и Scopus. Исследование проводилось в декабре 2022 г. – феврале 2023 г.

Этап 2. Выделение и систематизация видов профессиональных инициатив студентов проходили на основе результатов анализа тематик проектов – победителей конкурсов (конкурса инноваций в образовании (далее КИВО)), проводимых Институтом образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», и Общероссийского конкурса студенческих образовательных инициатив «Идеи для Новой Школы», проводимого ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет» (ТГПУ) при поддержке Министерства просвещения Российской Федерации (сентябрь – декабрь 2021 г.). Для выявления видов инициатив обучающихся в повседневной образовательной практике (декабрь 2022 г.) проводился анкетный опрос студентов ТГПУ (162 чел.).

Этап 3. Описание механизмов поддержки профессиональных инициатив студентов на материале анализа сайтов 34 педагогических университетов (январь–

март 2023 г.), платформы поддержки студенческих инициатив (<https://kivo.hse.ru/>).

Результаты

Формирование у обучающихся инициативности, самостоятельности, ответственности, способности к творческой деятельности, адаптивности к постоянным изменениям и ответственности определяется современным заказом общества. Механизмом реализации запроса общества является государственная политика и содержание профессиональной подготовки в университетах. При этом ключевая роль отводится педагогам всех уровней и видов образования, которые сами должны обладать теми личностными качествами, которые они формируют у обучающихся.

Следует отметить, что темпы изменения содержания подготовки будущих педагогов отстают от скорости социокультурных и технологических изменений, поэтому поддержка активности студентов, одной из форм которой являются профессиональные инициативы, является вкладом университетов в развитие человеческого капитала страны. В этой связи развитие профессиональных инициатив студентов в университетах является одним из наиболее актуальных вызовов, сопряженных с целью повышения качества образования, с решением задач ускорения внедрения научных разработок в экономику для обеспечения национальной безопасности, достижения технологического превосходства и импортонезависимости страны, что трудно реализуемо без развития агентности сотрудников и студентов, являющейся важнейшим компонентом достижения лидерских позиций университетом, развития человеческого потенциала страны [1. С. 6].

1. Какой поведенческий контекст присущ студентам, предлагающим профессиональные инициативы, и как профессиональные инициативы студентов способствуют развитию субъектности будущих педагогов?

В современных исследованиях студенты все чаще рассматриваются не как конечные пользователи системы образования (независимо от области профессиональной подготовки), а как субъекты влияния на него. J.R. Geraghty et al. [13] и Г.Н. Прозументова [10] подчеркивают значимость участия студентов (исполнительская позиция) в разработке, реализации и оценке учебных программ, другие исследователи отмечают их вклад в осуществление добровольческих, экологических, кампусных и иных инициатив [12, 14, 15]. Но еще более важным является расширение возможностей студентов – изменение позиции участника на инициатора и руководителя инициативы (инициативная, лидерская позиция), что обозначается в исследованиях L.L. Forrest, J.R. Geraghty [16], Г.Н. Прозументовой [10].

Проведенный анализ литературы [12, 20], показал высокую актуальность исследования профессиональных инициатив студентов. Это подтверждается результатами расчета индекса цитирования по ключевым

словам «студенческая инициатива», «агентность», «субъектность» (табл. 1).

Таблица 1
Индекс цитирования по ключевым словам

Ключевые слова	Год				
	2018	2019	2020	2021	2022
Студенческая инициатива	1	1	2	5	3
Агентность	4	7	17	18	36
Субъектность	228	257	280	270	263

Зафиксировано увеличение показателей по ключевым словам «студенческая инициатива», «агентность», «субъектность» в статьях, которые относятся к области «Педагогические науки», на протяжении последних пяти лет. Установлена связанность ключевых слов «агентность», «субъектность» в публикациях. Это указывает на возможность формирования нового тренда в педагогической практике высшей школы.

Вместе с тем анализ литературы по проблеме исследования указывает на отсутствие единого определения «профессиональные инициативы студентов». В общем виде «инициатива» понимается, как способность действовать творчески в условиях неопределенности. Сущность понятия «инициатива» как философская и психолого-педагогическая категория исследовалась в научных трудах многих ученых (К.Г. Абульхановой-Славской, Д.Б. Богдавленской, Н.В. Тучак и др.). Идентификация инициатив, по мнению Г.А. Шурухиной, предполагает исследование деятельности, которая характеризуется самостоятельностью, творчеством и способностью видеть перспективу [17. С. 23], что ассоциируется с инновационной деятельностью. Не случайно ряд исследователей, такие как Т.Б. Соломатина и С.В. Насибова [18], указывают на взаимосвязь студенческих инициатив и инноваций, включая изменения образования, к примеру В.А. Анисимова и Л.А. Драговоз [19. С. 26].

Реализация инициатив требует от студентов субъектности [19. С. 25; 20. С. 24]. При этом, как отмечают У. Ге [21], К.Н. Поливанова и А.А. Бочавер, агентность, инициативность, самостоятельность и субъектность могут использоваться как синонимы, поскольку обозначают проявление, характер и содержание поведения («как надситуативного по В.П. Петровскому» и «как преодоление полевого поведения, по К. Левину») и деятельности [22. С. 8].

Анализ публикаций позволяет выделить следующие пересекающиеся и взаимосвязанные содержательные контексты понимания инициатив студентов, характеризующие: 1) поведенческий контекст (активность) [23], самостоятельность, способность действовать, саморазвитие, решение профессиональных задач, сотрудничество/кооперация, творчество, ответственность) [24]; 2) вид деятельности (способствующий развитию навыков предпринимательства, воспитательная работа); 3) результат [25]; 4) процесс [20. С. 25]; 5) готовность (к управлению, самообразованию и саморегуляции) [26]; 6) направление реализации государственной молодежной политики; ориентированы на повышение качества

образования [27]; 7) достижение устойчивого развития в высшем образовании (экологическая повестка) [12]; 8) профессиональные и коммерческие инициативы [28].

Обобщая перечисленные характеристики, можно сделать заключение, что содержание инициатив студентов обращено к метапредметным и личностным сферам, связано с интересом студентов, запросом или требующей решения социальной потребностью, сопряжено с инновациями. Инициация и реализация профессиональных инициатив студентов делает акцент на их субъектности (индивидуальной и коллективной), их влиянии на образование и собственное благополучие.

Данное исследование будет основываться на понимании, что инициативы студентов становятся профессиональными тогда, когда они сопряжены с содержанием трудовых функций, определяемых действующими профессиональными стандартами и/или содержанием образовательной программы профессиональной подготовки. Являясь творческой, сверхнормативной субъектной деятельностью профессиональные инициативы студентов могут влиять на изменение сложившейся социальной практики и взаимодействий. Реализуются в форме новых идей, проектов и «первого пробного действия», совершаемых студентами в процессе их профессиональной подготовки, результатом которой является теоретическая и практическая готовность к выполнению трудовых функций.

В результате анализа литературы показано, что несмотря на разнообразие понятий «профессиональные инициативы студентов», данное понятие тесно связано с дефинициями «агентность» и «субъектность» [25. С. 24], которые могут использоваться исследователями как синонимы [21]. Категория «агентность» в сфере образования сопряжена с действиями, меняющими институты и структуры [9] и обладающими властью [29. С. 76]. А категория «субъектность» в исследовании Н.А. Калугиной и Т.В. Дмитроченко рассматривается как «интегратор профессиональных способностей» (И.А. Серегина), инициативная деятельность (В.А. Слостенин), характеризующаяся проявлением активности и самостоятельности [30].

В исследовании П.С. Сорокина и А.В. Зыковой структурированы уровни проявления агентности в зависимости от влияния на изменение среды («трансформирующее структуры действие») и источника изменений (инициативное действие «снизу» и «институциональные реформы «сверху») [31]. Авторы указывают на необходимость настройки оптики исследований именно на действия, а не на структуры. На наш взгляд, вклад структур, оказывающих институциональное сопровождение, как на уровне государства, так и на уровне университета состоит в создании пространства возможностей для развития профессиональных инициатив студентов.

Более 10 лет назад Г.Н. Прокументова обозначила противоречие между потребностью человека проявлять свою субъектность в образовании и сложившимися институциональными формами образования, образовательными практиками, негибкостью содер-

жания образования, предусмотренного образовательной программой [10. С. 156–162]. Преодоление этого кризиса исследователь видела в развитии субъектности педагогов и обучающихся, их субъектной вовлеченности в изменения и инициацию изменений «снизу» [10. С. 157–161].

Р.М. Кириллова акцентирует внимание на дефицитности возможностей студентов с высоко развитой агентностью проявлять свою субъектность – влиять на свое образование, опыт обучения, персонализировать свои траектории развития [32]. На наш взгляд, именно развитие практик профессиональных инициатив студентов в университетах, участия в них студентов как субъектов своего образования по инициативе и собственному выбору позволит процессу, считавшемуся прерогативой избранных, стать доступным и устойчивым. Следовательно, перед педагогической наукой и практикой актуализируется задача психолого-педагогического сопровождения процесса формирования и реализации профессиональных инициатив студентов.

Практика высшей школы показывает, что частные (единичные) профессиональные инициативы студентов были всегда, но их явно недостаточно для преодоления кризиса системных оснований образования, а также сближения теории профессиональной подготовки и практики профессиональной деятельности, рынка труда. Профессиональные инициативы студентов характеризуются тем, что самостоятельно иницируются, разрабатываются, реализуются и руководятся студентами. В рамках профессиональных инициатив студентов предлагаются новые способы деятельности, организации, взаимодействия. Анализ литературы показывает, что они могут быть реализованы в форме проектов, образовательных продуктов, новых образовательных и социальных практик. Опытно-экспериментальная часть исследования включает работу с профессиональными инициативами студентов в рамках проектов, так как это позволит более полно и последовательно описать характеристики процесса, результатов и уровней самостоятельной деятельности студентов, которые следует развивать и поддерживать системно в рамках профессиональной подготовки в университете.

Взаимосвязь развития субъектности будущих педагогов и профессиональных инициатив студентов определяется:

1. Вовлеченностью студента на этапе профессиональной подготовки в образование и решение профессиональных задач [33. С. 22], профессионального самоопределения и профессиональных проб [25. С. 39] в качестве субъекта влияния на свое образование. В данном аспекте профессиональная инициатива рассматривается как механизм преодоления разрыва между теорией и практикой подготовки педагогических кадров.

2. Деятельностью студентов, обладающей определенным уровнем самостоятельности и инновационности. Профессиональные инициативы студентов рассматриваются как фактор развития самостоятельности и субъектности студентов, характеризуют готовность

студентов к управленческой деятельности, самообразованию и саморегуляции [33. С. 26–28] и разный уровень субъектного участия в изменениях. Независимо от инициатора (персонального или командного) и уровня инициации (инициировано студентами, педагогами, университетом или за пределами университета) особое внимание уделяется инновационной составляющей профессиональных инициатив студентов, так как инновационные проекты создают возможности привлечения финансовых ресурсов для их реализации, являются одним из условий лидерских позиций университетов.

3. Ориентированностью на достижение запланированных результатов в самостоятельно определяемые сроки, что объясняется заданными сроками обучения и форматом реализации таких инициатив. Профессиональные инициативы студентов преимущественно реализуются в формате проектов, которые являются источником разнообразных инноваций в сфере образования, связаны с решением задач индивидуализации и персонализации образования, создания и распространения новых практик в образовании, доступности и качества образования, удовлетворения потребностей разных субъектов образования в вариативном образовательном пространстве и самореализации.

4. Способностью формировать образовательные сообщества, создающие «живые ценности» и «новый порядок в образовании» (Г.Н. Прокументова). Профессиональные студенческие инициативы – это сложный процесс, в который вовлечены разные субъекты образования, которые взаимодействуют, обладают силой влияния на образование. Здесь речь идет об осмыслении профессиональных студенческих инициатив в логике теории сетей. Специфика современных студенческих инициатив заключается в том, что они если и иницируются персонально, то развиваются как командный проект. Множество вовлеченных в реализацию такого проекта субъектов образования образуют формальные и неформальные сетевые взаимодействия, включая взаимодействие с наставниками, кураторами и консультантами. Таким образом, студенческие инициативы могут вносить изменения в институциональную среду университетов.

Интеграция профессиональных инициатив студентов в систему профессиональной педагогической подготовки имеет большой потенциал для развития будущей субъектности педагогов. Прежде всего, профессиональные студенческие инициативы следует рассматривать как надпредметную деятельность, обогащающую содержание образовательной программы. Это приводит к изменениям в организационной деятельности университета: как в содержании подготовки студентов – будущих педагогов и в организации практики, так и в создании условий для сопровождения развития профессиональных инициатив студентов.

2. Какие виды инициатив студентов сложились в Российской практике?

Классификация профессиональных инициатив студентов является многомерной и неоднородной. В ста-

тве исследование профессиональных инициатив студентов ограничивается сферой образования. Конкретизируем: профессиональные инициативы студентов в сфере образования в научной литературе рассматриваются в нескольких аспектах: социальные [33], социально-педагогические, добровольческие/волонтерские [14], предпринимательские [34], научно-исследовательские [27, 28], экологические (направлены на устойчивое развитие) [12], кампусные [15].

Чтобы получить дополнительную информацию о структуре студенческих инициатив, был проведен анализ номинаций конкурса инноваций в образовании (КИВО¹ и Общероссийского конкурса студенческих образовательных инициатив «Идеи для Новой Школы»²).

КиИОВО проводится Институтом образования НИУ «Высшая школа экономики» при поддержке Агентства стратегических инициатив и «Рыбаков фонд» с 2014 г. На конкурс принимаются персональные и командные проекты в сфере образования и образовательных технологий по номинациям, которые обновляются ежегодно. Следует отметить, что за почти 10-летнюю историю проведения КИВО пять проектов-победителей являются цифровыми («d notation» – приложение для ввода нотных текстов и обучения нотному письму на смартфонах, планшетах и интерактивных досках; «Дисграф» – сервис коррекции дисграфии; «Нанолаб» – программа для прямой манипуляции атомами в виртуальной рабочей среде; Платформа взаимного микрообучения школьников «Tensy»; Сервис по адаптации образовательных веб-сайтов и приложений для незрячих и слабовидящих людей «WM Products» и Платформа для анонимных и бесплатных психологических консультаций для школьников «QPSy»).

Общероссийский конкурс студенческих образовательных инициатив «Идеи для Новой Школы» проводился в 2021 г. ТГПУ при поддержке Министерства просвещения Российской Федерации. Конкурс ориентирован на выявление перспективных проектов для системы общего и дополнительного образования. На конкурс была представлена 101 работа из 28 университетов. Номинации конкурса охватывали мероприятия, курсы и стартапы в дополнительном образовании, внеурочной и досуговой деятельности обучающихся.

Для эмпирического выявления профессиональных инициатив студентов в феврале 2023 г. было проведено анкетирование студентов (162 чел.), обучающихся на базе ТГПУ. Из 162 студентов, принявших участие в анкетировании, 68 человек подтвердили, что разрабатывают/реализуют профессиональные инициативы. Распределение профессиональных инициатив студентов по уровням инициации: инициированные «снизу» составляют 29% («иницировано самим студентом» – 17 чел. (25%), «иницировано моим другом. Я – соисполнитель» – 3 чел. (4%)); инициативы «сверху» составляют 71% («иницировано педагогом / научным руководителем» – 23 чел. (34%); «другое» – 25 чел. (37%)). В комментариях к ответу «другое» студенты поясняли, что участвуют в общеуниверситетской инициативе, связанной с воспитательной, досуговой, волонтерской деятельностью, а также кампусными инициативами.

Указание на общеуниверситетскую инициативу дает основания определить уровень ее инициации «сверху».

По видам инициатив ответы студентов распределились следующим образом: в досуговой деятельности – 28 чел. (41%), в урочной деятельности – 5 чел. (7%), во внеурочной деятельности – 16 чел. (23%), в воспитательной деятельности – 6 чел. (10%), в дополнительном образовании – 8 чел. (11%), в волонтерской деятельности – 4 чел. (6%), участвуют в кампусной инициативе – 1 чел. (1%). Следует отметить, что 8 (12%) студентов разрабатывают стартап-инициативы, 4 (6%) из которых иницированы самим студентом, а 4 (6%) иницированы педагогом. Преимущественно стартап-инициативы разработаны на физико-математическом факультете (направление подготовки – «Информационные системы и технологии в образовании»), их количество составляет 7 из 8. Одна инициатива является межфакультетской (физико-математический факультет и технологического-экономического факультета).

Проведенный анализ литературных источников, конкурсов, опроса студентов и обзор сайтов педагогических университетов стали основой для систематизации профессиональных инициатив студентов по следующим основаниям:

1. Уровень инициации – инициированные «сверху» (студенты вовлекаются в решение прикладных задач производства, университета и т.д.), инициированные «снизу» (иницируются студентами самостоятельно).

2. Цель инициации – предпринимательские/коммерческие (цель – создание бизнеса, извлечение прибыли от деятельности), социальные/некоммерческие (цель – реализация социально значимого проекта), научно-исследовательские/академические (цель – получение нового знания), кампусные (цель – решение проблем университетского кампуса), сервисные (цель – улучшение характеристик сервисов в соответствии с потребностями целевой аудитории).

3. Масштаб – внутриорганизационные (на уровне факультета, межфакультетские, на уровне университета), межорганизационные, муниципальные, региональные, национальные, международные.

4. Степень государственного участия (отсутствует, присутствует частично, полное государственное участие).

5. Сфера деятельности (урочная деятельность, внеурочная деятельность, организация досуга, дополнительное образование, воспитательная деятельность, профориентационная деятельность, волонтерская деятельность).

6. Тип. В исследовании J. Миптау выявлено семь типов студенческих инициатив: «инициативы устойчивого развития, изменение поведения, изменение в политике, образование, сады кампуса, озеленение зданий, инициативы по сохранению и аудиту» [12. Р. 1110].

7. Форма реализации – цифровые и «реальные».

3. *Какие механизмы поддержки профессиональных инициатив студентов действуют в российской практике?*

Студенческие инициативы, включая профессиональные в сфере образования, сегодня находятся в оптике российской образовательной политики и педагогической практики. В рамках многих федеральных, государственных и региональных программ инициативы студентов рассматриваются как ресурс, направленный на долгосрочные результаты и эффекты [33. С. 35–45]. Анализ диссертационных исследований с 2003 по 2023 г. по направлению «Педагогические науки» показывает, что только в шести работах предметом становится студенческая инициатива. Контекст исследования касается познавательной инициативы [35], социокультурной деятельности [33, 36, 37] и организационных форм развития студенческой инициативы [38, 39]. В связи с этим необходимо остановиться на действующих механизмах поддержки профессиональных инициатив студентов в Российской Федерации и практиках поддержки инициатив студентов в университетах, способствующих развитию субъектности будущих педагогов. Следует отметить, что приведенные механизмы не являются взаимоисключающими и не действуют изолированно друг от друга, напротив, являются поддерживающими.

1. Конкурсы. Являются одним из наиболее распространенных механизмов поддержки инициатив студентов, которые можно сгруппировать в три категории: внутриуниверситетские (например, Конкурс студенческих инициатив по развитию образовательной и социокультурной среды города через взаимодействие с университетом, МГПУ; грантовый конкурс по поддержке студенческих инициатив Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова), межуниверситетские (например, Межвузовский конкурс социально значимых проектов «Моя инициатива в образовании» РГПУ им. А.И. Герцена; конкурс студенческих образовательных инициатив «Идеи для Новой Школы», ТГПУ) и за пределами университетов – институциональные (например, конкурс «Студенческий стартап», реализуемый Фондом содействия инновациям при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации с целью вовлечения студентов в технологическое предпринимательство и коммерциализацию инновационных идей; Всероссийский конкурс молодежных проектов для образовательных организаций (15 номинаций) или физических лиц (Федеральное агентство по делам молодежи); КиИОВО).

2. Индивидуализация образования. По мнению С.В. Алехина и др., наиболее сопряжена с проявлением инициатив индивидуализация образования [40. С. 419]. Активное внедрение цифровых технологий в учебный процесс создает пространство образовательных возможностей для проявления студентами субъектности. Влияя своим выбором на содержание своего образования, создавая цифровой образовательный контент, самостоятельно иницилируя проекты в рамках учебного плана, студенты создают «места личного присутствия» в образовании (Г.Н. Прокументова).

3. Обучение предпринимательству. В исследовании Wei Xingjian, Liu Xiaolang, Sha Jian обоснован вклад

обучения студентов предпринимательству для инкубации новых идей и инициатив [41]. Данный механизм, сопряженный с инициацией и внедрением инноваций (новых продуктов, технологий, процессов, выход на новые рынки), успешно реализован в российской практике. Одним из первых университетов, успешно реализовавших обучение предпринимательству в рамках учебного процесса, является Томский университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). С 2006 г. в ТУСУРе внедрена технология группового проектного обучения, позволяющая студентам не только вовлекаться в кафедральные проекты и проекты предприятий, но и инициировать и реализовывать собственные проекты, сопряженные с профессиональными задачами [42]. Практики обучения предпринимательству студентов – будущих педагогов являются дефицитными, но в современных реалиях становятся востребованными в связи с актуализацией государственного запроса на развитие студенческих стартапов. Общеизвестно, что не каждый педагог, освоивший программу обучения предпринимательству, открывает свое дело, но ожидается, что навыки предпринимательства будут переданы следующим поколениям учеников.

4. Проект «Стартап как диплом». С 2019 г. в Российской Федерации действует проект «Стартап как диплом», призванный предоставить студентам высокоэффективный образовательный опыт, сопряженный с практической реализацией инициативы студентов. Реализация проекта «Стартап как диплом» предусматривает защиту бизнес-проекта вместо диплома или магистерской диссертации, что способствует реальной вовлеченности студентов в экосистему технологического предпринимательства, решению прикладных задач региона и страны, демонстрации профессиональных навыков, полученных студентами в процессе обучения, подтверждающих готовность к самостоятельной профессиональной деятельности. Следует отметить, что сегодня в реализацию проекта вовлечено более 100 университетов, но несмотря на это данный механизм не используется в полной мере, что подтверждает количество защит дипломов в таком формате – 504 [43], а педагогические университеты делают только первые шаги в реализации данной инициативы. Анализ сайтов педагогических университетов в феврале 2023 г. позволяет зафиксировать их готовность приступить к реализации данной инициативы уже в текущем учебном году. Невысокие охваты студентов важной государственной инициативой «Стартап как диплом» объясняются тем, что ее реализация требует перенастраивания системы профессиональной подготовки в университете, дополнительной нагрузки на преподавательский корпус, готовности студентов и преподавателей к такой практике [44].

5. Акселерационные программы, целью которых является поддержка предпринимательских инициатив студентов и доведение разработок до практической стадии. Несмотря на то что в России акселерационные программы развиваются более 10 лет, педагогические университеты долгое время не использовали возмож-

ности данного механизма в полной мере. Сегодня собственные акселерационные программы апробируются на базе Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого – «Молодежный акселератор “Это мое дело”» (2022), РГППУ – «Акселератор проектного мышления» (2022), МГППУ – «Первый в России психолого-педагогический акселератор» (2023), ТГПУ – «ПроектУМ» (2023), МГПУ включен в Акселератор «Стартап-интенсив для ИВЦ» (стадия – макетный образец) УрФУ.

6. Студенческие объединения. Содержание деятельности студенческих объединений сопряжено с формированием надпрофессиональных компетенций, развитием социальной активности студентов, выявлением, реализацией и поддержкой социальных инициатив студентов [45]. Однако участие студентов в деятельности студенческих объединений не обязательно вносит вклад в обогащение профессионально-педагогического опыта. Обзор сайтов педагогических университетов показал, что инициативы в рамках студенческих объединений преимущественно являются воспитательными, научно-исследовательскими, кампусными или сервисными.

7. Сообщества. Сообщества, поддерживающие студенческие инициативы, значимы для междисциплинарных и трансдисциплинарных студенческих инициатив, поддержки социальной активности, формирования единого коммуникационного пространства, обмена передовым опытом и налаживания связей с профессионалами, единомышленниками, трансфера студенческих инициатив, что полезно как для университетов, так и для самих студентов. Примером такого сообщества является Форум лидеров студенческих инициатив.

Обсуждение

Возрастающие требования к профессиональной подготовке педагогических кадров сопряжены с вызовами стремительно меняющегося мира, в котором предстоит жить и работать будущим поколениям, решать сложные задачи в соответствии с национальными интересами государства. В этой связи развитие профессиональных инициатив студентов – будущих педагогов в университетах является одним из наиболее актуальных вызовов, связанных с трансформацией системы профессиональной педагогической подготовки.

Проведенное исследование показало, что студенты действуют преимущественно в исполнительской позиции, даже при наличии в университете действующих механизмов поддержки студенческих инициатив. Практики межфакультетских предпринимательских профессиональных студенческих инициатив (стартапы) являются дефицитными. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что механизмы поддержки студенческих инициатив в настоящее время не стали общераспространенной системной практикой, охватывающей каждого студента. Скорее действуют фрагментарно и не задействуют весь заложенный в них потенциал. В дискуссиях о предпринимательских профессиональных

инициативах студентов не всегда акцентируется внимание на результативности механизмов поддержки студенческих инициатив, преодолении студенческими стартапами «долины смерти», их финансовых показателях. Навигации студентов и связанности институциональной и университетской политики уделяется недостаточное внимание.

Вместе с тем профессиональные инициативы студентов могут иметь решающее значение для стыковки профессиональной педагогической подготовки и рынка труда. Во-первых, потому что усиливают практическую подготовку студентов ввиду вовлечения их в решение реальных профессиональных задач как по запросу организаций, так и инициированных самостоятельно. Во-вторых, потому что развивают новые форматы взаимодействия университетов и организаций реального сектора экономики и способствуют подключению студентов к потокам данных, возможностей сетей и индустрий, ресурсов, капиталов и иных активов. В-третьих, потому что способствуют «инициативам снизу» в сонастройке профессиональной педагогической подготовки и потребностей образования. Например, действуя в субъектной позиции, студенты не потребляют, а самостоятельно производят цифровой образовательный контент, создают иные образовательные продукты. Со временем индивидуальные студенческие инициативы могут объединяться в совместные, организационные, межорганизационные и сетевые, т.е. наращивать потенциал и влияние, что может способствовать изменениям образования, перенастраиванию образовательной системы.

Выводы

За последние годы в российской высшей школе расширяется практика психолого-педагогического сопровождения и научно-методической поддержки профессиональных студенческих инициатив, что является частью государственной политики развития человеческого капитала страны. Анализ литературы показал, что в исследовательском поле используются различные интерпретации понятия «студенческая инициатива», однако установленный тренд, связанный с использованием понятий «агентность» и «субъектность», требует от педагогической науки методологической определенности. Учитывая это, можно определить профессиональные инициативы студента как творческую, сверхнормативную и субъектную деятельность, реализуемую в форме идей, проектов и «первого пробного действия», результатом которой является теоретическая и практическая готовность обучающегося к выполнению трудовой функции.

Установлено, что субъектность в научно-образовательном пространстве вуза может быть проявлена обучающимися через расширение своих полномочий и влияние на получаемое образование. Субъектность выходит за рамки учебной деятельности и становится необходимой составляющей личностно-профессионального самоопределения обучающегося педагогического вуза.

Профессиональные инициативы студентов в современных условиях становятся адекватным и доступным «маркером» для исследования развития субъектности будущих педагогов.

В исследовании сделано предположение, что профессиональные инициативы студентов могут являться источником и ресурсом для развития человеческого капитала страны. Оно основывается на обобщении уже существующих в практике российской высшей школы механизмов – курсов, проектов, программ и т.д. В результате опытно-экспериментальной работы установлено, что профессиональная инициатива студента реализуется через деятельность, организацию и взаимодействие, а результатом может

быть проект, образовательный продукт, образовательные и социальные практики.

Проведенная опытно-экспериментальная работа показала, что феномен «профессиональных инициатив студентов» нуждается в описании и классификации. Для этого необходимо исследование генезиса понятия «студенческая инициатива», тогда станет возможной фиксация актуального состояния взаимосвязей «студенческих инициатив», «агентности» и «субъектности». Результаты такого исследования позволят в дальнейшем определить влияние научно-образовательного пространства вуза на формирование профессиональных студенческих инициатив.

Примечания

¹ URL: <https://kivo.hse.ru/>

² URL: <https://www.tspu.edu.ru/ins>

Список источников

1. Новые требования к человеческому потенциалу: развитие самостоятельности : доклады к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2022). М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 51 с.
2. Болотов В.А., Левицкий М.Л., Реморенко И.М., Сериков В.В. Педагогическое образование в контексте вызовов и проблем XXI века: актуальность трансформации // Педагогическое образование в современной России: стратегические ориентиры развития. Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во Южного федерального университета, 2020. С. 21–36.
3. Алексеева Е.А. Искусственный преподаватель: субъектность или агентность? // Искусственные общества. 2020. Т. 15, вып. 2. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800009804-3-1/>
4. Ли К.-Ф., Цюфань Ч. ИИ-2041. Десять образов нашего будущего. М. : Манн, Иванов и Фребер, 2022. 432 с.
5. Алексеева Е.А. Возможен ли искусственный преподаватель? // Технологос. 2020. № 4. С. 40–55.
6. Рынок образовательных стартапов в РФ: итоги 2021 и перспективы 2022 // Admitad: блог. 23.12.2021. URL: <https://admitad.pro/ru/blog/rynok-obrazovatelnyh-startapov-v-rossii>
7. Chaudhry M.A., Kazim E. Artificial Intelligence in Education (AIEd): a high-level academic and industry note 2021 // AI Ethics. 2022. № 2. P. 157–165.
8. Стеблецова И.С., Гейцман Л.Э. Цифровая трансформация преподавателя в условиях современного образовательного процесса // Технологии в образовании – 2021 : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (21–25 апреля 2021 г). Новосибирск, 2021. С. 95–100.
9. Доэрты П. Человек+машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта. М. : Манн, Иванов и Фребер, 2019. 304 с.
10. Прокументова Г.Н. Образовательные инновации: феномен «личного присутствия» и потенциал управления (опыт гуманитарного исследования). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 412 с.
11. Danilova D.A., Kornilova A.G., Kornilov I.V., Dmitrieva S.N., Ivanova M.A. Pedagogical conditions for the formation and development of the students' (educational psychologists) subjective position in the process of vocational education at the university // ESPACIOS. 2018. Vol. 39, № 23. URL: <https://www.revistaespacios.com/a18v39n23/18392320.html>
12. Murray J. Student-led action for sustainability in higher education: a literature review // International Journal of Sustainability in Higher Education. 2018. Vol. 19, № 6. P. 1095–1110. doi: 10.1108/IJSHE-09-2017-0164
13. Geraghty J.R., Young A.N., Berkel T.D.M. et al. Empowering medical students as agents of curricular change: A value-added approach to student engagement in medical education // Perspectives on Medical Education. 2020. № 9. P. 60–65.
14. Лужков Ю.В. Студенческие добровольческие инициативы как средство профессионального становления будущих специалистов социальной сферы // Педагогическое образование на Урале: история и современность : сб. материалов науч.-практ. конф. (15 ноября 2012 г.). Екатеринбург, 2012. Ч. 3. С. 44–49.
15. Syed Azhar S.N.F., Akib N.A.M., Khelghat-Doost H., Sibly S. Students as Catalysts in Achieving Sustainable Development in Higher Education: Initiatives and Program Highlights // Sustainability. 2020. № 13 (6). P. 271–281. doi: 10.1089/sus.2019.0038
16. Forrest L.L., Geraghty J.R. Student initiatives and advocacy in academic medicine: Empowering tomorrow's leaders // Academic Medicine. 2022. № 97 (6). P. 781–785. doi: 10.1097/ACM.0000000000004644
17. Шурухина Г.А. Основные направления исследования инициативности в современной психологии // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2013. № 4. С. 23–28.
18. Соломатина Т.Б., Насибова С.В. Социально-педагогические инициативы в деятельности учреждений дополнительного образования // Наука и школа. 2008. № 2. С. 37–39.
19. Анисимова В.А., Драгочев Л.А. Актуализация педагогической инициативы специалистов по физической культуре // Профессиональное образование. 2016. № 5. С. 24–26.
20. Махин А.С. Поддержка социальных инициатив как фактор формирования гражданской идентичности студентов // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 1. С. 23–28.
21. Ge Y. Study on the Subjectivity of Students in English Teaching // Open Access Library Journal. 2016. № 3. P. 1–7. doi: 10.4236/oalib.1102783
22. Поливанова К.Н., Бочавер А.А. Возможна ли детская самостоятельность в современной школе? // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27, № 3. С. 6–15. doi: 10.17759/pse.2022270301
23. Лучанинов Д.В., Баженов Р.И., Штепа Ю.П., Кузьмина Б.С. Развитие инициативности студентов на основе выбора преподавателем интерактивных форм обучения // Мир науки : научный интернет-журнал. 2017. Т. 5, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/64PDMN517.pdf> (дата обращения: 06.06.2023).
24. Бражник Е.И., Абашина А.Д. Интегративный подход в профессиональной подготовке студентов к социальной работе // Актуальные проблемы науки и сферы образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (23–24 апр. 2014). Алматы : Казахский нац. ун-т им. Аль-Фараби, 2014. С. 96–100.

25. Ермачкова М.В. Актуальность студенческих инициатив в области волонтерства // Спортивно-массовая работа и студенческий спорт : возможности и перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конференции. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2015. С. 60–66.
26. Белая А.В. Студенческая инициатива как готовность к управлению качеством образования // Наука XXI века: проблемы, поиски, решения : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Т. 2. Курган : Курганский гос. ун-т, 2020. С. 21–38.
27. Kosior-Kazberuk M., Pawlowski W. The role of student initiatives in the process of improving the quality of Higher Education // 2th annual International Conference of Education, Research and Innovation (ICERI2019 Proceedings). Seville, Spain, 2019. P. 3432–3440.
28. Сухонос А.П., Любченко О.А. Критерии оценки и отбора профессиональных и коммерчески значимых инициатив студентов и молодых учителей // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21514> (дата обращения: 14.05.2023).
29. Градосельская Г.В. Бизнес-сети в России. М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 589 с.
30. Kalugina N.A., Dmitrochenko T.V. Professional Subjectivity Formation Of Future Bachelors Of Pedagogical Education // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (AmurCon 2021) International Scientific Conference / N.G. Bogachenko (Ed.). 2022. Vol. 126. P. 409–416. doi: 10.15405/epsbs.2022.06.46
31. Сорокин П.С., Зыкова А.В. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 216–241. doi: 10.14515/monitoring.2021.5.1858
32. Кириллова Р.Н. Агентность студентов при организации образовательного процесса в условиях цифровой трансформации университетов // Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/471388000> (дата обращения: 06.06.2023).
33. Дашевская Л.В. Социальные инициативы студентов как фактор повышения качества подготовки специалиста в вузе : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005. 147 с.
34. Волошина Т.А. Особенности обучения предпринимательству студентов направления «Педагогическое образование» // Непрерывное образование: XXI век. 2018. № 3 (23). С. 84–95.
35. Головинова И.Ю. Формирование инициативности студентов младших курсов в учебно-познавательной деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2005. 176 с.
36. Ибатуллин А.Ш. Формирование молодежных инициатив в социокультурной деятельности студенческого педагогического отряда : дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2008. 179 с.
37. Шабанов А.Г. Формирование социальной инициативности студентов средствами коучинг-технологии : дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск, 2020. 239 с.
38. Попова И.С. Развитие инициативности студентов в условиях неформального образования в некоммерческой организации : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2011. 27 с.
39. Холодяева О.В. Развитие инициативности студентов в дискуссионных формах общения : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2012. 25 с.
40. Алехина С.В., Денисова О.А., Кобрин Л.М., Леханова О.Л., Маллаев Д.М. Инклюзивное образование в XXI веке: феноменология и нормативно-правовое измерение // Педагогическое образование в современной России: стратегические ориентиры развития / науч. ред. Ю.П. Зинченко. Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во Южного федерального университета, 2020. С. 417–447.
41. Wei Xingjian, Liu Xiaolang, Sha Jian. How Does the Entrepreneurship Education Influence the Students' Innovation? Testing on the Multiple Mediation Model // *Frontiers in Psychology*. 2019. № 10. doi: 10.3389/fpsyg.2019.01557. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.01557/full>
42. Групповое проектное обучение // ТУСУР URL: https://tusur.ru/ru/studentam/grupppovoe-proektnoe-obuchenie#konkursy_konferencii_stipendii_gro
43. Стартап как диплом 2.0: в Минобрнауки России взяли курс на цифровизацию программы // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 2023. 14 апреля. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/66673/?sphrase_id=7485138
44. Аветисян В.Р., Грабоздин Ю.П., Семенов А.А. Технология использования стартапа в профессиональной подготовке студентов педагогического университета // Социальные науки. 2022. Т. 24, № 83. С. 3–9.
45. Петрова М.С., Корсакова А.А., Смирнов П.А. Студенческие объединения как механизм выявления и поддержки инициатив обучающихся // Наука и реальность (Science&Reality). 2020. № 3.1. С. 45–48.

References

1. Sorokin, P.S. et al. (2022) *Novye trebovaniya k chelovecheskomu potentsialu: razvitie samostoyatel'nosti: doklady k XXIII Yasinskoy (April'skoy) mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva (Moskva, 2022)* [New Requirements for Human Potential: Development of independence: reports to the 23rd Yasinsk (April) international conference on problems of economic and social development (Moscow, 2022)]. Moscow: HSE.
2. Bolotov, V.A. et al. (2020) Pedagogicheskoe obrazovanie v kontekste vyzovov i problem XXI veka: aktual'nost' transformatsii [Pedagogical education in the context of the challenges and problems of the 21st century: the relevance of transformation]. In: Zinchenko, Yu.P. (ed.) *Pedagogicheskoe obrazovanie v sovremennoy Rossii: strategicheskie orientiry razvitiya* [Pedagogical Education in Modern Russia: Strategic guidelines for development]. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University. pp. 21–36.
3. Alekseeva, E.A. (2020) *Iskusstvennyy prepodavatel': sub'ektnost' ili agentnost'?* [Artificial teacher: subjectivity or agency?]. *Iskusstvennyye obshchestva*. 2 (15). [Online] Available from: <https://artsoc.jes.su/s207751800009804-3-1/>.
4. Kai-Fu, L. & Chen, Q. (2022) *II-2041. Desyat' obrazov nashego budushchego* [AI 2041. Ten visions of our future]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Freber.
5. Alekseeva, E.A. (2020) *Vozmozen li iskusstvennyy prepodavatel'?* [Is an artificial teacher possible?]. *Tekhnologos*. 4. pp. 40–55.
6. Admitad. (2021) *Rynok obrazovatel'nykh startapov v RF: itogi 2021 i perspektivy 2022* [Market of educational startups in the Russian Federation: results of 2021 and prospects for 2022]. *Admitad*. 23 December. [Online] Available from: <https://admitad.pro/ru/blog/rynok-obrazovatelnyh-startapov-v-rossii>.
7. Chaudhry, M.A. & Kazim, E. (2022) Artificial Intelligence in Education (AIEd): a high-level academic and industry note 2021. *AI Ethics*. 2. pp. 157–165.
8. Stebletsova, I.S. & Geytsman, L.E. (2021) [Digital transformation of the teacher in the conditions of the modern educational process]. *Tekhnologii v obrazovanii – 2021* [Technologies in Education – 2021]. Proceedings of the International Conference. Novosibirsk. 21–25 April 2021. Novosibirsk: Siberian University of Consumer Cooperation. pp. 95–100. (In Russian).
9. Doherty, P. & Wilson, J. (2019) *Chelovek+mashina. Novye printsipy raboty v epokhu iskusstvennogo intellekta* [Human + Machine. Reimagining Work in the Age of AI]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Freber.

10. Prozumentova, G.N. (2016) *Obrazovatel'nye innovatsii: fenomen "lichnogo prisutstviya" i potentsial upravleniya (opyt gumanitarnogo issledovaniya)* [Educational Innovations: The phenomenon of "personal presence" and the potential of management (experience of humanitarian research)]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Danilova, D.A. et al. (2018) Pedagogical conditions for the formation and development of the students' (educational psychologists) subjective position in the process of vocational education at the university. *ESPACIOS*. 23 (39). [Online] Available from: <https://www.revistaespacios.com/a18v39n23/18392320.html>.
12. Murray, J. (2018) Student-led action for sustainability in higher education: a literature review. *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 6 (19). pp. 1095–1110. doi: 10.1108/IJSHE-09-2017-0164
13. Geraghty, J.R. et al. (2020) Empowering medical students as agents of curricular change: A value-added approach to student engagement in medical education. *Perspectives on Medical Education*. 9. pp. 60–65.
14. Luzhkov, Yu.V. (2012) [Student volunteer initiatives as a means of professional development of future social sector specialists]. *Pedagogicheskoe obrazovanie na Urale: istoriya i sovremennost'* [Pedagogical education in the Urals: history and modernity]. Proceedings of the Conference. Part 3. Yekaterinburg. 15 November 2012. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 44–49. (In Russian).
15. Syed Azhar, S.N.F. et al. (2020) Students as Catalysts in Achieving Sustainable Development in Higher Education: Initiatives and Program Highlights. *Sustainability*. 13 (6). pp. 271–281. doi: 10.1089/sus.2019.0038
16. Forrest, L.L. & Geraghty, J.R. (2022) Student initiatives and advocacy in academic medicine: Empowering tomorrow's leaders. *Academic Medicine*. 97 (6). pp. 781–785. doi: 10.1097/ACM.0000000000004644
17. Shurukhina, G.A. (2013) Osnovnye napravleniya issledovaniya initsiativnosti v sovremennoy psikhologii [Main directions of research of initiative in modern psychology]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*. 4. pp. 23–28.
18. Solomatina, T.B. & Nasibova, S.V. (2008) Sotsial'no-pedagogicheskie initsiativy v deyatel'nosti uchrezhdeniy dopolnitel'nogo obrazovaniya [Social and pedagogical initiatives in the activities of additional education institutions]. *Nauka i shkola*. 2. pp. 37–39.
19. Anisimova, V.A. & Dragovoz, L.A. (2016) Aktualizatsiya pedagogicheskoy initsiativy spetsialistov po fizicheskoy kul'ture [Updating the pedagogical initiative of physical education specialists]. *Professional'noe obrazovanie*. 5. pp. 24–26.
20. Makhin, A.S. (2019) Podderzhka sotsial'nykh initsiativ kak faktor formirovaniya grazhdanskoj identichnosti studentov [Support for social initiatives as a factor in the formation of students' civic identity]. *Sibirskiy pedagogicheskij zhurnal*. 1. pp. 23–28.
21. Ge, Y. (2016) Study on the Subjectivity of Students in English Teaching. *Open Access Library Journal*. 3. pp. 1–7. doi: 10.4236/oalib.1102783
22. Polivanova, K.N. & Bochaver, A.A. (2022) Vozmozhna li detskaya samostoyatel'nost' v sovremennoy shkole? [Is children's independence possible in a modern school?]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 3 (27). pp. 6–15. doi: 10.17759/pse.2022270301
23. Luchaninov, D.V. et al. (2017) Razvitie initsiativnosti studentov na osnove vybora prepodavatelem interaktivnykh form obucheniya [Development of student initiative based on the teacher's choice of interactive forms of teaching]. *Mir nauki: nauchnyy internet-zhurnal*. 5 (5). [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/64PDMN517.pdf> (Accessed: 06.06.2023).
24. Brazhnik, E.I. & Abashina, A.D. (2014) [Integrative approach to the professional training of students for social work]. *Aktual'nye problemy nauki i sfery obrazovaniya* [Current Problems of Science and Education]. Proceedings of the International conference. Almaty. 23–24 April 2014. Almaty: Al-Farabi Kazakh National University. pp. 96–100. (In Russian).
25. Ermachkova, M.V. (2015) [Relevance of student initiatives in the field of volunteering]. *Sportivno-massovaya rabota i studencheskiy sport: vozmozhnosti i perspektivy* [Mass Sports Work and Student Sports: Opportunities and prospects]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 26 November 2015. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. pp. 60–66. (In Russian).
26. Belaya, A.V. (2020) [Student initiative as readiness to manage the quality of education]. *Nauka XXI veka: problemy, poiski, resheniya* [Science of the 21st Century: Problems, searches, solutions]. Proceedings of the All-Russian Conference. Vol. 2. Miass. 21 February 2020. Kurgan: Kurgan State University. pp. 21–38. (In Russian).
27. Kosior-Kazberuk, M. & Pawlowski, W. (2019) [The role of student initiatives in the process of improving the quality of Higher Education]. *ICERI2019 Proceedings*. Proceedings of the 12th Annual International Conference of Education, Research and Innovation. Seville. 11–13 November 2019. IATED. pp. 3432–3440.
28. Sukhonosov, A.P. & Lyubchenko, O.A. (2015) Kriterii otsenki i otbora professional'nykh i kommercheski znachimykh initsiativ studentov i molodykh uchiteley [Criteria for assessing and selecting professional and commercially significant initiatives of students and young teachers]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 5. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21514> (Accessed: 14.05.2023).
29. Gradosel'skaya, G.V. (2014) *Biznes-seti v Rossii* [Business Networks in Russia]. Moscow: Higher School of Economics.
30. Kalugina, N.A. & Dmitrochenko, T.V. (2022) [Professional Subjectivity Formation of Future Bachelors of Pedagogical Education]. *AmurCon 2021: International Scientific Conference*. Proceedings of the International Conference. Vol. 126. Birobidzhan. 17 December 2021. London: European Publisher. pp. 409–416. doi: 10.15405/epsbs.2022.06.46
31. Sorokin, P.S. & Zykova, A.V. (2021) "Transformiruyushchaya agentnost'" kak predmet issledovaniya i razrabotok v XXI veke: obzor i interpretatsiya mezhdunarodnogo opyta ["Transformative agency" as a subject of research and development in the 21st century: review and interpretation of international experience]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 5. pp. 216–241. doi: 10.14515/monitoring.2021.5.1858
32. Kirillova, R.N. (2021) *Agentnost' studentov pri organizatsii obrazovatel'nogo protsessa v usloviyakh tsifrovoy transformatsii universitetov* [Agency of students in organizing the educational process in the context of digital transformation of universities]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/edu/vkr/471388000> (Accessed: 06.06.2023).
33. Dashevskaya, L.V. (2005) *Sotsial'nye initsiativy studentov kak faktor povysheniya kachestva podgotovki spetsialista v vuze* [Social initiatives of students as a factor in improving the quality of specialist training at a university]. Pedagogics Cand. Diss. Saint Petersburg.
34. Voloshina, T.A. (2018) Osobennosti obucheniya predprinimatel'stvu studentov napravleniya "Pedagogicheskoe obrazovanie" [Features of teaching entrepreneurship to students of the direction "Pedagogical education"]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*. 3 (23). pp. 84–95.
35. Golovinova, I.Yu. (2005) *Formirovanie initsiativnosti studentov mladshikh kursov v uchebno-poznavatel'noy deyatel'nosti* [Formation of initiative of junior year students in educational and cognitive activities]. Pedagogics Cand. Diss. Volgograd.
36. Ibatulin, A.Sh. (2008) *Formirovanie molodezhnykh initsiativ v sotsiokul'turnoy deyatel'nosti studencheskogo pedagogicheskogo otryada* [Formation of youth initiatives in the sociocultural activities of the student teaching team]. Pedagogics Cand. Diss. Chelyabinsk.
37. Shabanov, A.G. (2020) *Formirovanie sotsial'noy initsiativnosti studentov sredstvami kouching-tehnologii* [Formation of social initiative of students using coaching technology]. Pedagogics Cand. Diss. Novosibirsk.
38. Popova, I.S. (2011) *Razvitie initsiativnosti studentov v usloviyakh neformal'nogo obrazovaniya v nekommercheskoy organizatsii* [Development of student initiative in conditions of non-formal education in a non-profit organization]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Chelyabinsk.
39. Kholodyaeva, O.V. (2012) *Razvitie initsiativnosti studentov v diskussionnykh formakh obshcheniya* [Development of students' initiative in discussion forms of communication]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Yelets.
40. Alekhina, S.V. et al. (2020) Inkluzivnoe obrazovanie v XXI veke: fenomenologiya i normativno-pravovoe izmerenie [Inclusive education in the 21st century: phenomenology and legal dimension]. In: Zinchenko, Yu.P. (ed.) *Pedagogicheskoe obrazovanie v sovremennoy Rossii*:

- strategicheskie orientiry razvitiya* [Pedagogical Education in Modern Russia: Strategic guidelines development]. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University. pp. 417–447.
41. Wei, X., Liu, X. & Sha, J. (2019) How Does the Entrepreneurship Education Influence the Students' Innovation? Testing on the Multiple Mediation Model. *Frontiers in Psychology*. 10. [Online] Available from: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.01557/full>. doi: 10.3389/fpsyg.2019.01557
 42. TUSUR University. (n.d.) *Grupповое proektное obuchenie* [Group project-based learning]. [Online] Available from: https://tusur.ru/ru/studentam/grupповое-proektное-obuchenie#konkursy_konferencii_stipendii_gpo.
 43. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2023) *Startup kak diplom 2.0: v Minobrnauki Rossii vzjali kurs na tsifrovizatsiyu programmy* [Startup as diploma 2.0: the Ministry of Education and Science of Russia has taken a course towards digitalization of the program]. [Online] Available from: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/66673/?sphrase_id=7485138.
 44. Avetisyan, V.R., Grabozdin, Yu.P. & Semenov, A.A. (2022) *Tekhnologiya ispol'zovaniya startapa v professional'noy podgotovke studentov pedagogicheskogo universiteta* [Technology of using a startup in the professional training of students at a pedagogical university]. *Sotsial'nye nauki*. 83 (24). pp. 3–9.
 45. Petrova, M.S., Korsakova, A.A. & Smirnov, P.A. (2020) *Studencheskie ob'edineniya kak mekhanizm vyyavleniya i podderzhki initsiativ obuchayushchikhsya* [Student associations as a mechanism for identifying and supporting student initiatives]. *Nauka i real'nost' (Science & Reality)*. 3.1. pp. 45–48.

Информация об авторах:

Сошенко И.И. – канд. пед. наук, старший научный сотрудник Центра дополнительного физико-математического и естественнонаучного образования Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: inessa-soshenko@yandex.ru

Червонный М.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры физики и методики обучения физике Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: mach@tspu.edu.ru

Абакумова Н.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: niv_tomsk@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.I. Soshenko, Cand. Sci. (Pedagogics), senior research fellow, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: inessasoshenko@yandex.ru

M.A. Chervonnyy, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mach@tspu.edu.ru

N.N. Abakumova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: niv_tomsk@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.07.2023;
одобрена после рецензирования 15.07.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 10.07.2023;
approved after reviewing 15.07.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.98 (075.8)
doi: 10.17223/15617793/492/20

Преюдиция как фактор формирования нового вида частных криминалистических методик

Алексей Степанович Князьков¹, Вадим Дмитриевич Кругликов²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *ask011050@yandex.ru*

² *kruglikovaov@mail.ru*

Аннотация. Исследуется проблема учета положений уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и иных видов правовых преюдиций в контексте конструирования частных криминалистических методик расследования преступлений с административной преюдицией. Отмечается сложность доктринальных подходов к пониманию каждого из видов правовых преюдиций, проявившаяся в несовершенстве законодательства и следственной практики по делам о названных преступлениях. Предлагаются отдельные понятия, имеющие методологическое значение для формирования концепции расследования отмеченных преступлений.

Ключевые слова: правовая преюдиция, преюдициальное обстоятельство, объект и предмет криминалистики, криминалистические классификации, частные криминалистические методики расследования преступлений с административной преюдицией, криминалистическая деятельность, следственная обстановка

Для цитирования: Князьков А.С., Кругликов В.Д. Преюдиция как фактор формирования нового вида частных криминалистических методик // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 181–192. doi: 10.17223/15617793/492/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/20

Pre-judiction as a forming factor of a new type of specific forensic techniques

Alexey S. Knyazkov¹, Vadim D. Kruglikov²

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *ask011050@yandex.ru*

² *kruglikovaov@mail.ru*

Abstract. The study aims to analyze the arguments of supporters and opponents of administrative pre-judiction in national criminal law and criminal procedure, to propose the concept of administrative prejudicial act and the authors' classifications of the methods of investigation of prejudicial crimes. The methodological basis of the research was the combination of modern methods of cognition (system method, situational method, classification method, historical and legal method, comparative method, method of analysis of statements, and others). The focus is on the circumstance of increased danger to the personality of the subject who commits a repeated administrative offense entailing criminal liability; the authors infer that the personality traits of this subject should be the basis of the system of elements of the criminalistic characteristics of a prejudicial crime. The authors pay special attention to the provisions on the prejudicial connection between the previous administrative offense, for which a person has been brought to administrative responsibility, and a repeated offense creating criminal liability. The study of the problems of the formation of methods of investigation of prejudicial crimes requires addressing the issue of classifications of methods as a necessary condition for the development of effective methodological and forensic recommendations. This issue, in turn, is closely connected with the issue of different meanings of criminal law provisions in the criminalistic classification of crimes, and therefore in the classification of forensic techniques. The article deals with the classifications of crime investigation techniques available in criminalistic science; argues the necessity of considering them as specific forensic techniques, regardless of the number of crimes mediated by the proposed methods; indicates the lack of classifications taking into consideration the need for the existence of criminalistic recommendations for the investigation of crimes with administrative pre-judiction in the classifications of crime investigation techniques. The article presents two authorial classifications of methods of investigation of crimes. The first of them is based on a different ratio of the criminal law and criminalistic provisions used for the formation of methods; the result is the naming of three groups of specific criminalistic methods. The second classification concerns the grouping of methods of investigation of crimes with administrative pre-judiction. Specific methods of investigation of prejudicial crimes proper can be divided into methods having a prejudicial

construction “administrative offense – administrative offense”, and methods having a construction “crime – administrative offense”, as, for example, in Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, the authors point out that the development of methods for investigating crimes with administrative pre-judgment will facilitate criminalistic crime prevention research.

Keywords: legal pre-judgment, prejudicial circumstance, object and subject of criminology, criminalistic classifications, specific criminalistic investigations of prejudicial crimes, criminalistic activity, investigative situation

For citation: Knyazkov, A.S. & Kruglikov, V.D. (2023) Pre-judgment as a forming factor of a new type of specific forensic techniques. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 181–192. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/20

Актуальность исследования. Возрастание в российском уголовном законодательстве числа составов преступлений с административной преюдицией ставит перед криминалистической наукой задачу формирования качественно иных по своему характеру методик расследования соответствующих преступлений. Решение этой задачи обуславливает необходимость исследования проблемы преюдициальности в отечественном уголовном праве и уголовном процессе и на основе результатов данного исследования – оценки имеющихся подходов к криминалистической классификации преступлений и частных криминалистических методик.

Цель исследования. Рассмотреть природу преюдициальности в праве, оценить доктринальные подходы к допустимости административной преюдиции в отечественном уголовном законодательстве, с учетом феномена права как регулятора поведения, призванного адекватно реагировать на изменяющиеся условия общественной жизни, систематизировать доводы об объективной необходимости введения в Уголовный кодекс Российской Федерации составов преступлений с административной преюдицией и на их основе предложить отдельные виды методик расследования отмеченных преступлений.

Методы исследования. Поставленная цель актуализирует необходимость комплексного задействования современных методов научного познания, к которым авторы прибегнули в своем исследовании, а именно: системного подхода, ситуационного подхода, метода классифицирования, историко-правового метода, компаративистского метода, метода анализа утверждений и др.

Результаты исследования. Необходимость формирования методики расследования преступления с административной преюдицией¹ предполагает исследование проблем преюдициальности в отечественной доктрине и законодательстве, в решении которых, по замечанию отдельных авторов, российская правовая наука в настоящий период времени лишь приближается, учитывая глубину и многоаспектность названного феномена [1. С. 7]. Проявившаяся сложность расследования преступлений с административной преюдицией делает необходимым обращение к работам, посвященным анализу категории преюдиции как межотраслевого правового явления, разумеется, в границах, диктуемых целями формирования соответствующих частных криминалистических методик. Ставя такую цель, нужно руководствоваться методологическим правилом о том, что использование криминалистикой знаний иных наук уголовно-правового цикла, равно как и перенос знаний

криминалистики в административный процесс, уголовный процесс и т.д., не должен осуществляться механически, без необходимой адаптации [2. С. 20–21].

Еще на более высоком уровне названные предметные рассуждения должны базироваться на устоявшихся положениях общей теории права, в частности, положениях о возможности права как регулятора поведения наиболее тонко учитывать изменяющиеся условия жизни общества, о возможностях, которые, в конечном счете, и предопределили главенствующее место права в системе регуляторов поведения наряду с обычаями, религией, моралью и т.д. Применительно к преступлениям, конструируемым как преступления с административной преюдицией, названным, например, в ст. 116.1, 151.1, 154, 157, 158.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, учитываемые условия несут разную степень законотворческой значимости. Вряд ли правильным будет видеть в качестве главной причины появления составов преступлений с административной преюдицией такое указываемое обстоятельство, как необходимость обеспечения уголовно-процессуальной экономии [3. С. 17]. Столь же условным можно считать довод противников административной преюдиции, состоящий в том, что расширение числа составов преступлений с административной преюдицией приведет к росту числа лиц, имеющих судимость [4. С. 4], уходящих при этом от обсуждения вопроса об общественной опасности отдельных административных правонарушений и невозможности права эффективно воздействовать на них с помощью устоявшихся юридических средств, а кроме того – о том, что административная преюдиция имеет потенциал для декриминализации некоторых преступлений.

Необходимо сразу сказать, что сложность проблем теории и практики административной преюдиции проявляется в самых разных аспектах, и недостаточным будет рассмотреть лишь один из них вне связи с другими. Примером попытки абсолютизировать один из таких аспектов является акцентирование в ходе научной дискуссии внимания исключительно на вопросе о том, «является ли такой признак, как общественная опасность, признаком, присущим только преступлению, либо его действие распространяется и на иные правонарушения» [5. С. 146]. Нетрудно увидеть, что в этом случае вопрос о допустимости существования административной преюдиции ставится исходя не из социальной практики, а из того, насколько правильно законодатель воспринял научную доктрину (причем, небесспорную) о том, что признак общественной опасности присущ только преступлению, и отвергнул доктрину, допускающую

щую наличие этого признака у административных правонарушений. В качестве примера сошлемся на высказывание А.М. Герасимова, отмечающего, что «юридическая наука не только в состоянии, но и обязана сформулировать методологические основания для разграничения правовых категорий общественной опасности и вредности» [6. С. 8]. Прежде всего, заметим, что здесь, как и в иных доступных нам работах, не указывается на родовое понятие, которое бы объединяло понятия общественной опасности и вредности. Кроме того, попытка исключить из признака административного правонарушения обстоятельство общественной опасности приводит названного автора к выводу о том, что «по существу вредоносность административно деликта ограничивается формальным нарушением нормы или правила поведения в сложившейся ситуации» [6. С. 8]. Очевидно, что при таком понимании сущности административного правонарушения упускается из вида, что наряду с формальными составами административного правонарушения существуют и материальные составы. Также нельзя забывать, что не всегда научная доктрина предшествует тому или иному решению законодателя – очевидно, что может быть и иначе: об этом свидетельствует предложение внести, в связи с тенденцией увеличения составов преступлений с административной преюдицией и ее доктринальным обоснованием, изменения в понятие преступления, содержащееся в Уголовном кодексе России [5. С. 147].

О том, что административные правонарушения спорно рассматривать как некую социально-юридическую формальность, свидетельствуют положения отдельных научных исследований. Так, например, применительно к мелкому хищению указывается, что в современном российском обществе магазинные кражи, в том числе оцениваемые как административные правонарушения, по причине своей массовости, мобильности, повсеместного распространения и фактической безнаказанности представляют собой самостоятельный вид корыстных посягательств, требующих по отношению к ним уже **экономической** оценки, в том числе в силу возрастания финансирования услуг охранных предприятий, влекущего рост стоимости товаров [7]. Одним словом, возникла правоохранительная ситуация, когда должна была, как отмечается, соответствующим образом проявить себя норма Конституции Российской Федерации об охране собственности [8. С. 20].

Весьма точно, на наш взгляд, обрисовала современную доктринальную ситуацию Н.А. Лопашенко, сказав о невозможности «решения проблемы наличия-отсутствия общественной опасности у административно-правовых деликтов для отличия их от преступлений по этому критерию, поскольку в большей степени этот спор позиционный и понятийно-терминологический...» [9. С. 133].

Одним из условий соблюдения доктрины соотношения преступления и административного правонарушения применительно к проблеме административной преюдиции отдельные авторы называют введение в отечественное уголовное право категории «уголовный проступок» [10. С. 56], название которого созвучно часто применяемой характеристике административного

правонарушения как проступка. Впрочем, есть суждение и о том, что такая новелла не в силах заменить идею административной преюдицией, поскольку уголовный проступок, будучи своего рода переходным элементом между административным правонарушением и преступлением, способен размыть границы административного и уголовного отраслей права [11. С. 19]. В определенной мере на это указывают исследования, в рамках которых делается вывод о том, что «механизм установления уголовного проступка предполагает констатацию в деянии характера общественной опасности (формальных признаков состава преступления) и дальнейшее исключение в содеянном степени общественной опасности и, как следствие, общественной опасности в целом» [12. С. 75]. Заметим, что идея уголовного проступка в отечественной науке не нова: еще в середине семидесятых годов прошлого века предлагалась такая новация [13. С. 12].

Здесь уместно сказать о таком приеме критики административной преюдиции, как ссылка на то, что в уголовном праве ряда государств, в том числе Западной Европы, отсутствует названный институт. Однако это не так: как пишут отдельные авторы, ответственность за преступления с административной преюдицией установлена, например, уголовными законами Аргентины, Бельгии, Японии, а в большинстве государств Западной Европы такая юридическая конструкция отсутствует по причине того, что в их уголовном законодательстве имеется уголовно-правовая категория уголовного проступка [14. С. 66]. Подчеркивается, что в правовых системах стран Запада административная ответственность – это исключение из правила: в законодательстве этих стран используется понятие «наказуемое нарушение», к которому, лишь различаясь по степени тяжести, относятся преступления, проступки и правонарушения, и что самое главное – все они преследуются в уголовном порядке [15. С. 185].

Идея административно-правовой преюдиции получила определенную критику в научном сообществе, и акцент в ее непринятии строится на тезисе о губительности для уголовного права оперирования соответствующей нормативно-правовой конструкцией состава преступления [16. С. 18; 17. С. 25–27; 18. С. 76]. Однако примечательно, что нередко противники административной преюдиции признают, что «в настоящее время нет строгой определенности критериев общественной опасности как основного и обязательного признака преступного деяния» [19. С. 101], а часть представителей уголовно-правовой науки указывают на общественную опасность как преступления, так и административного правонарушения. Так, например, А.В. Наумов пишет: «Общим основанием криминализации (также, как и декриминализации) соответствующих деяний является переоценка степени их общественной опасности» [20. С. 124]. Другими словами, и декриминализованное деяние, став административным правонарушением, имеет определенную степень общественной опасности, а криминализация административного правонарушения объективно возможна в силу

того, что оно обладает потенциальной общественной опасностью, на которую ссылается отечественный уголовный закон.

Оценивая мнение авторов, выступающих против административной преюдиции, следует, прежде всего, сказать о значимости их позиций для концептуализации административной преюдиции, предостерегающей, с позиции консервативности права как его ценностного качества, от правового волюнтаризма, и позволяющей увидеть основные ее сложности на пути выстраивания системы доводов в пользу существования такой уголовно-правовой конструкции. Не ставя целью рассмотреть всю совокупность таковых аргументов, укажем лишь на главные. Прежде всего, отмечается, что административная преюдиция позволяет максимально полно учесть общественную опасность повторного правонарушения и согласованность положений Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [21. С. 28], и ее «следует рассматривать в рамках признаков субъекта преступления. По смыслу закона такое преступление не складывается из ряда тождественных действий, его общественная опасность определяется, в частности, специальными признаками субъекта преступления» [22. С. 34]. Авторы, исследующие проблемы конструирования составов преступлений, отмечают правомерность учета в процессе законодательной деятельности свойств повышенной опасности личности преступника, подчеркивая, что «такой учет допустим при конструировании далеко не всех преступлений, а отдельных их групп и видов, когда необходимость такого шага подтверждается экспертными оценками, данными криминологии, правоприменительной практикой... Решив этот общий вопрос, мы тем самым положительно ответили и на частный вопрос о допустимости конструирования составов с административной преюдицией» [23. С. 230].

Именно признак повышенной опасности личности преступника, как отмечается в специальной литературе, позволяет «унифицировать конструкции составов преступлений с административной преюдицией, используя для определения специального признака субъекта преступления с административной преюдицией термин «лицо, подвергнутое административному наказанию» [24. С. 8], причем, это лицо демонстрирует устойчивое противоправное поведение [25. С. 90] – то, что получило название «паттерный характер поведения» [26. С. 17]. Соглашаясь с этим, заметим, что несовпадение уголовно-правового понятия «субъект преступления» и криминалистического понятия «личность преступника» должно учитываться при формировании методик расследования преступлений с административной преюдицией, прежде всего, с позиции устоявшегося в криминологии взгляда о необходимости широкого изучения личности преступника, включающего исследование проявлений его свойств и до совершения преступления. В противном случае для целей расследования термин «лицо, подвергнутое административному наказанию» будет лишь отражать

факт применения соответствующих норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях к определенному индивиду.

Нельзя не сказать, что многие представители административно-правовой науки характеризуют административное правонарушение как общественно опасное деяние, нередко лишь оговариваясь, что степень их общественной опасности может уступать степени общественной опасности преступления [27. С. 131–132; 28. С. 48–55].

О том, что отдельные административные правонарушения (по меньшей мере, те, что нашли отражение в составах преступлений с административной преюдицией) обладают степенью общественной опасности, свидетельствует наличие в УК РФ преступлений с признаком «мелкое», а именно: ст. 291² УК РФ (мелкое взяточничество), которое, как верно подчеркивается, является не административно-преюдициальным, а таким же по природе преступлением, как и деяния, названные в ст. 290 и 291 УК РФ (получение и дача взятки) [29. С. 44].

Задавшись вопросом о причине появления такого рода составов преступлений в УК РФ, нельзя ответить на него, сославшись на особую ценность защищаемого в такого рода случаях блага (помимо мелкой взятки можно назвать мелкий коммерческий подкуп – ст. 204² УК РФ), противопоставляя тем самым их другому, более важному, благу – собственности. Следует учитывать, что до определенного времени признак «мелкое деяние» использовался законодателем для отграничения отдельных видов преступлений от административных правонарушений, имеющих одинаковый объект правовой защиты. Признак, условно определяемый нами термином «мелкое деяние», не служит сам по себе аргументом pro или contra в отношении допустимости административной преюдиции. Ссылкой на него можно лишь еще раз проиллюстрировать факт использование законодателем различных юридических конструкций составов преступлений в связи с проявившейся правоохранительной необходимостью.

Вполне понятно, что концептуализация вопросов административной преюдиции лежит, в том числе, и в плоскости уголовно-процессуальной преюдиции. В исследованиях, посвященных проблемам преюдиции в отечественном уголовном процессе, отмечается неоднозначность подходов к пониманию ее сущности, возможности использования по преступлениям с административной преюдицией. Так, например, указывается, что преюдиция допустима только в гражданском судопроизводстве; менее радикальным является суждение состоит в том, что в уголовном судопроизводстве преюдициальным могут считаться только обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором [30. С. 69; 31. С. 9–10]. Собственно, это положение и получило свое законодательное закрепление в 2001 г. в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ), делая уголовно-процессуальную преюдицию отраслевой. Лишь с принятыми поправками в ст. 90 УПК РФ она вновь стала носить межотраслевой характер.

Представляется правильным согласиться, с учетом предъявленной аргументации, подкрепленной ссылками на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», с мнением о целесообразности и процессуальной эффективности административной преюдиции, которая «более качественно стимулирует граждан к соблюдению законности и правопорядка» [32. С. 233]. Что касается соотношения принципиального положения о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ), с положениями ст. 90 УПК РФ о признании без доказательств вступивших в законную силу решений, принятых в рамках административного судопроизводства, то оно должно решаться на основе исключения из данного правила преюдициально установленных фактов (за исключением случаев, когда эти факты вызовут сомнения у суда).

Нельзя не сказать, что именно противоречия между нормами ст. 17 и 90 УПК РФ вызывают критику. Так, В.А. Азаровым и Д.М. Нурбаевым предложен ряд условий по его преодолению, одно из которых указывает на ситуацию, когда от обстоятельств, установленных межотраслевой преюдицией, «зависит определение преступности либо непроступности действий или бездействия подозреваемого, обвиняемого или подсудимого» [33. С. 31], т.е. тех обстоятельств, которые опосредуют расследование преступлений с административной преюдицией. Развивая этот тезис, отмеченные ученые подчеркивают, что «административное судопроизводство, регулируемое отраслью публичного права (что чрезвычайно важно!) налагает на должностных лиц безальтернативную обязанность доказывания виновности правонарушителя в совершении административного деликта, создавая ему при этом определенные правовые гарантии» [33. С. 148]. Заметим, что подчеркивание соответствующих гарантий требует, как отмечается в специальной литературе, уточнения в ст. 90 УПК РФ положения о том, что речь идет именно о виновности в совершении преступления, а не скажем, в совершении преюдициального административного правонарушения [34. С. 13–14]. Схожесть схемы доказывания, как отмечают некоторые авторы, состоит в том, что уголовно-процессуальное и административно-процессуальное законодательство закрепляют перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию [35. С. 10; 36. С. 44–47]. Указывая на несущественные отличия схем доказывания в рамках уголовного и административного судопроизводства, что весьма значимо для признания преюдициального значения решения, принятого в рамках административного производства, В.С. Балакшин в пользу этого ссылается на широко используемые в криминалистической деятельности положения о материалистической диалектике, позволяющие выяснить механизм и сущность следов как результат административного правонарушения [37. С. 111]. Кроме того, нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что «составы с административной преюдицией – далеко не единственный случай, когда уголовное право зависит от административного, но эта зависимость выглядит весьма органично и является оправданной» [23. С. 234], свидетельствует о

своеобразном взаимопроникновении уголовного и административно-деликтного права [38. С. 17–18].

Говоря о сущности преюдиции, следует согласиться с авторами, которые видят ее «в совокупности обстоятельств, не нуждающихся в доказывании, поскольку они установлены вступившим в законную силу судебным решением по ранее рассмотренному делу» [39. С. 223].

Для целей построения методики расследования преступлений с административной преюдицией важное значение имеют положения о преюдициальных связях. Нередко преюдициальная связь характеризуется как системное явление [40. С. 59] и определяется как «взаимообусловленность вступивших и не вступивших в законную силу судебных актов, в части установления общих юридически значимых обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, решение по которому еще не принято» [41. С. 18]. Как и названные выше, это положение имеет методологическое значение, позволяющее максимально полно учитывать уголовно-правовое и криминалистическое своеобразие рассматриваемых деяний при их исследовании. Наконец, криминалистическое значение имеет и понятие административно-преюдициального правонарушения, даваемого представителями уголовно-правовой науки [11. С. 9].

На наш взгляд, административно-преюдициальное деяние представляет собой административное правонарушение, за совершение которого судом наложено административное наказание и которое, в случае совершения тождественного или аналогичного административного правонарушения в течение определенного времени, предопределяет возможность привлечения виновного к уголовной ответственности (придает административному наказанию, ранее наложенному судом, значение специальной, административно-юрисдикционной, наказанности).

Такое понимание названного деяния призвано ориентировать сотрудников полиции на необходимость особо тщательного исследования административного правонарушения, способного, при условии повторного совершения определенного деяния, приобрести признаки преступления с административной преюдицией. Что касается составов преюдициальных преступлений, в которых предшествующее административному правонарушению деяние является преступлением (ч. 2 ст. 264¹ УК РФ), преступное деяние, как представляется, не может считаться административно-преюдициальным. На наш взгляд, в плане совершенствования категориального аппарата криминалистики, такое деяние должно получить название уголовно-преюдициального обстоятельства.

Очевидно, что сложность проблематики преюдиции в уголовном праве и уголовном процессе, а также в уголовно-исполнительном праве [42] объективно свидетельствует об исключительной сложности исследования проблем построения методик расследования преступлений с административной преюдицией. Можно предположить, что именно доктринальная неопределенность идеи административной преюдиции, несмотря на очевидный профилактический потенциал

данной уголовно-правовой конструкции, до настоящего времени проходит мимо исследовательского взгляда авторов-сторонников концепции криминалистического предупреждения преступлений. Дело в том, что возрастание числа научных трудов, посвященных проблемам криминалистической профилактики преступлений, никак не отразилось на рассмотрении вопроса о возможности в рамках производства по преступлениям с административной преюдицией применять криминалистические средства с целью предупреждения этих и иных преступлений [43, 44]. Лишь в одной из доступных нам работ имеются соответствующие положения, которые, впрочем, в большей мере направлены на профилактику упущений должностных лиц при выявлении признаков преступления с административной преюдицией, чем на предупреждение самих преступлений [45. С. 159].

Исследование проблем формирования методик расследования преступлений с административной преюдицией требует обращения к вопросу о классификациях методик как необходимого условия разработки эффективных криминалистических рекомендаций [46. С. 305; 47. С. 198]. Данный вопрос, в свою очередь, тесно увязан с вопросом разной оценки значения уголовно-правовых положений в криминалистическом классифицировании преступлений (следует читать – в классифицировании криминалистических методик).

Необходимо сразу же подчеркнуть отсутствие подхода о возможности сформировать методику расследования преступления (группы преступлений) исключительно на основе криминалистических положений, не прибегая к задействованию уголовно-правовых положений, хотя имеются указания на разный объем их использования относительно объема задействуемых криминалистических положений, что получило выражение в некоторых классификациях методик. Так, Н.П. Яблоков, рассматривая информационно-теоретические начала методики расследования, говорил о допустимости классификации преступлений, а значит – и методик расследования – не по уголовно-правовым, а по криминалистическим основаниям, и в то же время подчеркивал, что они не исключают традиционных уголовно-правовых классификаций [48. С. 107; 49]. На аналогичных позициях находился и Р. С. Белкин, замечая, что «при построении системы частных криминалистических методик мы, как и другие криминалисты, исходили из уголовно-правовой классификации преступлений» [46. С. 328].

В.И. Образцову принадлежат несколько криминалистических классификаций методик, но применительно к каждой из них отражена мысль о необходимости использования для целей построения методик расследования как уголовно-правовых, так и собственно криминалистических положений [50. С. 69; 51. С. 586–587].

Отмечая современность классификаций методик расследования преступлений, предложенных И.А. Возгриным [52. С. 287–288], нельзя не сказать о весьма большой условности определения им такой группы методик, как общая методика расследования преступлений, которая, по сути, представляет собой общую часть

криминалистической методики как раздела криминалистики, призванную создать теоретико-методологический инструментальный фонд формирования методик расследования преступлений определенного вида.

Как отмечается в специальной литературе, «работающие методики расследования групп преступлений (одного или разных видов) являются частными, но с разным уровнем общности методических рекомендаций» [49. С. 45]. Собственно, на этом и строится предложение выделять более низкий, по сравнению с уровнем частных методик, уровень так называемых узкоспециализированных методик расследования преступлений [53. С. 45–47].

В исследованиях авторов, предлагающих универсальную модель формирования криминалистических методик (базовых методик), отсутствуют размышления о наличии в арсенале криминалистической науки методик расследования преступлений с административной преюдицией [54. С. 9; 55. С. 8]. Само выделение группы так называемых базовых криминалистических методик, происходит, на наш взгляд, в большей мере по весьма специфическим основаниям, а именно: по методологической значимости базовых методик для конструирования методик расследования преступлений, охватываемых соответствующей уголовно-правовой общностью, то, что у В.А. Образцова получило название «предпосылочного знания» [51. С. 586], но это не исключает возможности рассматривать их как частные криминалистические методики. Нельзя не заметить в этой связи, что и у авторов-разработчиков базовых методик есть точка зрения о том, что они являются частными методиками расследования [56. С. 14–19].

Отдельные авторы, например В.К. Гавло, считали необходимым в основу формирования методик расследования преступлений включать также положения уголовно-процессуального законодательства. [57. С. 145]. Оценивая это предложение, можно привести пример, когда в названии диссертационных исследований, посвященных вопросам расследования отдельных преступлений, обозначены, помимо криминалистических, также уголовно-процессуальные обстоятельства [58]. Однако в силу тесной связи криминалистики, особенно ее тактики, с уголовным процессом учет положений уголовно-процессуального законодательства при построении частных криминалистических методик носит, что называется, априорный характер.

Как попытку развить тему классификации методик следует оценить стремление Е.В. Гулиной делить их на вспомогательные и более общие методики расследования группы преступлений, связанные между собой тем, что первые методики будут играть своеобразную обеспечивающую роль [59. С. 11]. У названного автора нет предложения рассматривать в качестве вспомогательной методику расследования преступлений с административной преюдицией, более того – указания на существование такой методики. Несмотря на это, подчеркнем, что неверным будет видеть в методике расследования преступления с административной преюдицией некую «вспомогательную» по отношению к расследованию основного преступления совокупность

криминалистических рекомендаций: налицо качественно новое методико-криминалистическое образование. Содержащиеся в нем рекомендации могут, при условии их тщательной разработанности, использоваться при построении методики расследования основного преступления, равно как и наоборот, а кроме того – и для конструирования объединенной частной криминалистической методики, в которой бы имелись положения, касающиеся расследования основного преступления и соответствующего преступления с административной преюдицией.

Нужно сказать в этой связи о важности оперирования при формировании методики расследования преюдициальных преступлений доктринальным положением о необходимости выделять, наравне с уголовно-процессуальной, также криминалистическую деятельность [60, 61]. По-своему на существование уголовно-процессуальной и криминалистической видов деятельности указывал Н.П. Яблоков, говоря о процессуально-криминалистической деятельности [62. С. 135].

Обращение криминалистики к проблемам административной преюдиции позволяет по-новому взглянуть на высказанные отдельными учеными мнения о возможности расширения объекта и предмета криминалистики [63. С. 24–25; 64; 65. С. 62–63] и согласиться с ними. Дело в том, что на смену процессу заимствования производством по делам об административных правонарушениях некоторых технико-криминалистических разработок криминалистики приходит изучение самой криминалистикой административно-правового деликта как необходимого условия формирования методик расследования преступлений с административной преюдицией.

Оценивая существующие взгляды на классификации методик расследования преступлений в контексте цели настоящей работы, следует высказать несколько суждений. Прежде всего, нужно вести речь исключительно о частных криминалистических методиках, независимо от того, какое количество деяний получает в них свое методико-криминалистическое опосредование. При их формировании должны использоваться как криминалистические, так и уголовно-правовые положения, поскольку нет и не может быть расследования преступления как такового, вне признаков конкретного деяния. С.Ю. Косарев правильно подчеркивает, что при формировании методик расследования нельзя как игнорировать, так и абсолютизировать те и другие положения [66. С. 246]. Однако, на наш взгляд, важно сделать следующую оговорку: классифицирование методик расследования преступлений по уголовно-правовым признакам обусловлено законодательными велениями, получающими отражение в элементах состава преступления. В отличие от рассматриваемого классифицирования, разделение методик по собственно криминалистическим признакам (например, по ситуационным характеристикам) предполагает оперированием обстоятельствами, не названными в уголовном законе. При этом следует руководствоваться уточнением, сделанным О.В. Чельшевой о том, что в основу методик могут быть положены не все положения, разработанные криминалистикой, а «только

такие криминалистические критерии, которые определяют специфику расследования независимо от того, совпадают они с уголовно-правовыми или нет [67. С. 91]. В связи с отмеченным обстоятельством неудачным выглядит высказывание о том, что «разработка криминалистической классификации преступлений в российской науке впервые получила свое **законодательное закрепление** в XIX веке» [68. С. 141].

Кроме этого, заметим, что в соответствующих работах названных нами уважаемых авторов нет рассуждений о методиках расследования преступлений с административной преюдицией, а следовательно – и об их классификациях. Исходя из сказанного, необходимо в зависимости от соотношения используемых для формирования методик уголовно-правовых и криминалистических положений различать следующие группы частных криминалистических методик:

1. Частные методики, в основу разработки которых положены, помимо уголовно-правовых элементов, элементы, имеющие собственно криминалистический характер, делающие такую методику особенной, например методика расследования преступлений, совершенных в отдаленной местности. В этом примере обстоятельство местности получает значение одного из элементов криминалистической характеристики преступления, и на нем акцентирует внимание автор разрабатываемой методики.

2. Частные методики, в основу разработки которых положены уголовно-правовые признаки, т.е. признаки состава преступления [69]. В этом случае положения, получившие категориальное значение в криминалистике, не приобретают институционального (устанавливающего) значения для целей формирования соответствующей методики и используются как инструментарий поисково-познавательной деятельности.

3. Частные методики расследования преступлений с административной преюдицией как методики, охватывающие положения административного права и требующие в настоящий момент разработки соответствующего криминалистического инструментария.

Каждая группа частных криминалистических методик может быть, в свою очередь, подразделена на отдельные подгруппы. Так, в числе частных методик первой группы могут быть выделены методики, строящиеся на учете степени (быстроты) изменчивости элементов следственной ситуации. Например, названный Т.С. Волчецкой такой элемент, как следственная обстановка, представляет собой «наиболее стабильный компонент следственной ситуации, содержащий факторы, относящиеся к внешней среде расследования» [70. С. 74]. Ряд диссертационных исследований подтверждают необходимость учета этого компонента при формировании отдельных методик [71–73] и правильность нашей точки зрения.

В свою очередь, частные методики расследования преступлений с административной преюдицией могут быть разделены на методики, имеющие преюдициальную конструкцию «административное правонарушение – административное правонарушение», и методики, имеющие конструкцию «преступление – административное правонарушение», как, например, в ст. 264.1 УК

РФ. Возможна дальнейшая классификация методик расследования преступлений с административной преюдицией, строящаяся на том, что состав такого преступления, как, например, мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158¹ УК РФ), образует повторное совершение как *тождественного* административного правонарушения (его признаки названы в ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ), так и *однородного* (его признаки указаны в ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ).

Результаты исследования. Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов, отображающих системно представленные теоретические положения:

1) о сложности проблематики преюдиции в российском праве, актуализирующей необходимость выяснения связанных с ней методологических положений, лежащих в основе конструирования частных криминалистических методик расследования преступлений с административной преюдицией;

2) необходимости дополнения классификаций частных криминалистических методик по основанию наличия либо отсутствия преюдициальных обстоятельств;

3) продуктивности исходного разделения методик расследования преступлений с административной преюдицией на два вида в зависимости от того, что выступает в качестве преюдициального обстоятельства: административное правонарушение или преступление;

4) таком методологическом направлении расширения объекта криминалистики, как противоправная деятельность лица, совершившего административное правонарушение, и деятельность должностного лица по ее исследованию, а также вывод о соответствующем изменении ее предмета;

5) включении в число источников криминалистических методик расследования преступлений практику производства по делам об административных правонарушениях;

6) необходимости введения в криминалистическую методiku понятия допреюдициальных обстоятельств и выяснения механизмов включения их в криминалистическую деятельность по расследованию преступлений с административной преюдицией;

7) об исключительном значении доктрины криминалистической деятельности как методологической возможности выяснения специфики расследования преступлений с административной преюдицией. Различение взаимосвязи и самостоятельности уголовно-правовой и криминалистической классификаций преступлений для целей формирования частных криминалистических методик дополнительно свидетельствует о необходимости учета взаимосвязи и самостоятельности уголовно-процессуальной и криминалистической видов деятельности.

Примечание

¹ Под преступлением с административной преюдицией мы понимаем виновное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания, совершенное лицом, подвергнутым административному или уголовному наказанию, за совершение в течение определенного срока тождественного или однородного административного правонарушения.

Список источников

1. Колоколов Н.А. Введение // Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 6–9.
2. Волчецкая Т.С., Хорьков В.Н. Криминалистические аспекты административного расследования // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 3 (15). С. 19–24.
3. Кузнецова С.М. Проблемные вопросы осуществления проверки сообщений о преступлениях с административной преюдицией // Вестник Дальневосточного института МВД России. 2021. № 4 (57). С. 15–19.
4. Богданов А.В. Административная преюдиция в уголовном праве России: дис. ... канд.-юр. наук. М., 2019. 251 с.
5. Казанков В.Ю., Белоусова Е.А. К проблеме административной преюдиции в уголовном праве // Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. тр. Вып. 2. 2018. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России (электронное науч. изд.). С. 145–149.
6. Герасимов А.М. Методологические основания разграничения преступления и административного правонарушения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1 (76). С. 5–11.
7. Лебедь А.Л. Магазины кражи в розничной сетевой торговле: криминологический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2021. 28 с.
8. Кокорев В.Г., Иванничева А.П. К вопросу об административной преюдиции за совершение преступления, предусмотренного статьей 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию» // Государственный форум. 2019. Т. 3, № 12. С. 17–27.
9. Лопашенко Н.А. Межотраслевая дифференциация: модель критериев, учитываемых при криминализации деяний // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 131–136.
10. Ишук Я.Г. Административно-преюдициальное деяние и уголовный проступок в перспективной модели пробации // Сетевое издание «Академическая мысль». 2018. № 2 (3). С. 55–59.
11. Богданов А.В. Административная преюдиция в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 25 с.
12. Герасимов А.М. Уголовный проступок и механизм его установления // Lex Russica. 2021, октябрь. Том 74. № 10 (179). С. 75–84.
13. Курляндский В. Преступление и проступок // Литературная газета. 1974. 30 октября. № 44 (4486). С. 12.
14. Просочкин А.М. Административная преюдиция как новый этап борьбы с хищениями чужого имущества // Юристы-Правоведь. 2016. № 3 (76). С. 63–68.
15. Клепицкий И.А. Уголовная и административная ответственность в России // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: сб. науч. тр. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия. 2013. С. 184–191.
16. Волеводз А.Г. Уголовное и административно-деликтное право: обсуждаем проблемы науки и практики // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 18–19.
17. Агеев А.А. О совершенствовании уголовного и гражданского права, судьбе законодательства об административных правонарушениях и взаимоотношениях их между собой и с другими отраслями права России // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 20–32.
18. Ветков А.А. Уголовная и административная ответственность: самостоятельные правовые явления или «смещение жанров» // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 68–76.

19. Мамхягов З.З. Об административной преюдиции в уголовном праве // Общество и право. 2016. № 1(55). С. 100–102.
20. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М. : БЕК, 1996. 560 с.
21. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция сквозь призму междисциплинарных связей // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. 28–33.
22. Аюпова Г.Ш., Кичук В.Д. Признаки преступления с административной преюдицией, выделяемые в соответствии с формально-материальным способом определения понятия преступления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 3 (88). С. 32–36.
23. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления : теория и практика / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М. : Проспект, 2014. 352 с.
24. Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 27 с.
25. Гусев А.В. Значение состава административного правонарушения для конструирования состава преступления с административной преюдицией: юридико-технический и правоприменительный аспекты // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 1 (40). С. 90–94.
26. Коновалов С.И., Чангалиди Н.В. Субъект преступлений в сфере получения социальных выплат как элемент криминалистической характеристики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 3. С. 16–25.
27. Овсянко Д.М. Административное право : учеб. пособие / под ред. Г.А. Туманова. М. : Юристъ, 1997. 468 с.
28. Дерюга А.Н. Общественная опасность – признак административного правонарушения? // Журнал Российского права. 2011. № 8 (176). С. 48–55.
29. Алафьев М.М. Общественная опасность мелкого взяточничества как основание и основной принцип установления уголовно-правового запрета на его совершение // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 4 (59). С. 44–51.
30. Ефимичев С.П. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: принятый в первом чтении проект нуждается в уточнениях // Журнал Российского права. 1998. № 1. С. 66–78.
31. Гореликова А.Г. Преюдиция в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 27 с.
32. Заржицкая Л.С. Преюдиция как межотраслевой институт в системе права // Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 230–242.
33. Азаров В.А., Нурбаев Д.М. Внутреннее убеждение при оценке в уголовном процессе преюдициального значения решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве (по материалам проверки и уголовным делам о преступлениях в сфере экономики). М. : Юрлитинформ, 2016. 208 с.
34. Фидельский С.В. Преюдиция в уголовно-процессуальном праве: нормативное закрепление и порядок реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.
35. Арендаренко И.А. Доказательственное право уголовного судопроизводства в его соотношении с нормами, регулирующими доказывание в гражданском, арбитражном процессах и производстве по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 29 с.
36. Позднышев А.Н. Понятие истины в административном процессе // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 44–47.
37. Балакшин В.С. Преюдициальная сила решения, принятого в рамках административного процесса, в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 110–113.
38. Бородулькина Е.С. Взаимосвязь и «взаимопроникновение» уголовного и административно-деликтного права : постановка проблемы // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 28 апреля 2022 г.) : в 2 ч. Казань, 2022. Ч. 2. С. 16–21.
39. Заржицкая Л.С. Понятие преюдиции, ее сущность и значение при осуществлении уголовного судопроизводства // Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 218–230.
40. Бурганов Б.Р. Институт преюдиции в современном российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 191 с.
41. Заржицкая Л.С. Место и роль преюдиций в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 30 с.
42. Даланов Д.С. Уголовно-исполнительная преюдиция : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2021. 170 с.
43. Махтаев М.Ш., Яблоков Н.П. Криминалистическая профилактика. М. : Юрлитинформ, 2016. 288 с.
44. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 413 с.
45. Янгаева М.О. Основы методики расследования нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (статья 264.1 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2019. 206 с.
46. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Юристъ, 1997. 480 с.
47. Головин А.Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики : дис. ... д-ра юрид. наук. Тула, 2002. 460 с.
48. Яблоков Н.П. Информационно-теоретические начала методики расследования // Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 105–112.
49. Яблоков Н.П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 5. С. 40–50.
50. Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 176 с.
51. Образцов В.А. Общие положения криминалистической методики расследования // Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.А. Образцова. М. : Юристъ, 2002. С. 583–588.
52. Возгрин И.А. Введение в криминалистику. История, основы теории, библиография. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 475 с.
53. Подольный Н.А. Особенности и значение узкоспециализированной методики расследования преступлений // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы Межд. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1. Казань : ЭрЭксПрактик, 2022. С. 41–48.
54. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 39 с.
55. Субботина М.В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2004. 43 с.
56. Кулешов Р.В. Теоретико-методологические основы раскрытия и расследования преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2017. 49 с.
57. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методик расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. 333 с.
58. Галимханов А.Б. Организационно-тактические особенности расследования преступлений в условиях расширения прав подозреваемых и обвиняемых на защиту : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2001. 218 с.
59. Гулина Е.В. Особенности криминалистической методики расследования коррупционных преступлений в сфере высшего образования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 24 с.
60. Коновалов С.И., Маркова-Мурашева С.А. Гносеологическая ценность системного подхода в познании объекта криминалистики // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 53–55.
61. Князьков А.С., Ондар Д.С. Проблемы этапности криминалистической деятельности в контексте ситуационного подхода // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 34–53.

62. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2016. 192 с.
63. Жижина М.В., Ищенко Е.П. История развития и современные представления об объекте и предмете криминалистики // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). С. 14–25.
64. Комаров И.М. Парадигма криминалистики: несколько дискуссионных тезисов // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : сб. тр. конф. Симферополь–Алушта, 26–27 апреля 2018 г.. С. 48–51.
65. Кустов А.М. Научный взгляд на предмет и объекты российской криминалистики // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). С. 59–63.
66. Косарев С.Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений / под ред. В.И. Рохлина. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 495 с.
67. Чельшева О.В. К вопросу о систематизации частных методик расследования // Ученые записки юридического факультета Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Вып. 5. Актуальные проблемы юриспруденции в условиях становления правовой системы и гражданского общества в России. СПб., 2000. С. 90–93.
68. Менжега М.М., Хижняк Д.С. К вопросу о криминалистической классификации транснациональных киберпреступлений // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика : сб. ст. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». Вып. XVI. С. 141–143.
69. Шебалин А.В. Расследование хищений средств сотовой связи : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2010. 224 с.
70. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 395 с.
71. Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 565 с.
72. Обухов И.А. Особенности расследования преступлений террористического характера в условиях действия правового режима контртеррористической операции : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2018. 226 с.
73. Антонов А.Н. Расследование преступлений в условиях международного вооруженного конфликта (правовое обеспечение, организация, методика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2023. 57 с.

References

1. Kolokolov, N.A. (2012) *Teoriya ugovolnogo protsesssa: prezumpitsii i preyuditsii* [Theory of Criminal Procedure: Presumptions and pre-judgments]. Moscow: YurLitinform. pp. 6–9.
2. Volchetskaya, T.S. & Khor'kov, V.N. (2005) Kriminalisticheskie aspekty administrativnogo rassledovaniya [Forensic aspects of administrative investigation]. *Vestnik kriminalistiki*. 3 (15). pp. 19–24.
3. Kuznetsova, S.M. (2021) Problemnye voprosy osushchestvleniya proverki soobshcheniy o prestupleniyakh s administrativnoy preyuditsiyey [Problematic issues of checking reports of crimes with administrative pre-judgment]. *Vestnik Dal'nevostochnogo instituta MVD Rossii*. 4 (57). pp. 15–19.
4. Bogdanov, A.V. (2019) *Administrativnaya preyuditsiya v ugovolnom prave Rossii* [Administrative pre-judgment in criminal law of Russia]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Kazankov, V.Yu. & Belousova, E.A. (2018) K probleme administrativnoy preyuditsii v ugovolnom prave [On the problem of administrative pre-judgment in criminal law]. In: *Aktual'nye problemy nauki i praktiki* [Current Problems of Science and Practice]. Vol. 2. Khabarovsk: RIO DVYul MVD Rossii. pp. 145–149.
6. Gerasimov, A.M. (2020) Metodologicheskie osnovaniya razgranicheniya prestupleniya i administrativnogo pravonarusheniya [Methodological grounds for distinguishing between crime and administrative offense]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 1 (76). pp. 5–11.
7. Lebed', A.L. (2021) *Magazinnye krazhi v roznichnoy setevoy trgovle: kriminologicheskyy analiz* [Shoplifting in retail chain trade: criminological analysis]. Abstract of Law Cand. Diss. Kaliningrad.
8. Kokorev, V.G. & Ivanishcheva, A.P. (2019) K voprosu ob administrativnoy preyuditsii za sovershenie prestupleniya, predusmotrennogo stat'ey 158.1 UK RF «Melkoe khishchenie, sovershennoe litsom, podvergnutom administrativnomu nakazaniyu» [On the issue of administrative pre-judgment for committing a crime under Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation “Petty theft committed by a person subject to administrative punishment”]. *Derzhavinskiy forum*. 12 (3). pp. 17–27.
9. Lopashenko, N.A. (2018) Mezhotraslevaya differentsiatsiya: model' kriteriev, uchityvaemykh pri kriminalizatsii deyanii [Intersectoral differentiation: a model of criteria taken into account when criminalizing acts]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. 4 (29). pp. 131–136.
10. Ishchuk, Ya.G. (2018) Administrativno-preyuditsial'noe deyanie i ugovolnyy prostupok v perspektivnoy modeli probatsii [Administrative-prejudicial act and criminal offense in a promising probation model]. *Akademicheskaya mysl'*. 2 (3). pp. 55–59.
11. Bogdanov, A.V. (2019) *Administrativnaya preyuditsiya v ugovolnom prave* [Administrative pre-judgment in criminal law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
12. Gerasimov, A.M. (2021) Ugolovnyy prostupok i mekhanizm ego ustanovleniya [Criminal offense and the mechanism for its establishment]. *Lex Russica*. October. 10 (179). pp. 75–84.
13. Kurlandskiy, V. (1974) Prestuplenie i prostupok [Crime and misdemeanor]. *Literaturnaya gazeta*. 30 October. 44 (4486). P. 12.
14. Prosochkin, A.M. (2016) Administrativnaya preyuditsiya kak novyy etap bor'by s khishcheniyami chuzhogo imushchestva [Administrative pre-judgment as a new stage in the fight against theft of other people's property]. *Yurist'-Pravoved*". 3 (76). pp. 63–68.
15. Klepitskiy, I.A. (2013) Ugolovnaya i administrativnaya otvetstvennost' v Rossii [Criminal and administrative liability in Russia]. In: Lopashenko, N.A. (ed.) *Prestupnost', ugovalnaya politika, ugovolnyy zakon* [Crime, Criminal Policy, Criminal Law]. Saratov: Saratov State Law Academy. pp. 184–191.
16. Volevodz, A.G. (2013) Ugolovnoe i administrativno-deliktное pravo: obsuzhdaem problemy nauki i praktiki [Criminal and administrative-tort law: discussing problems of science and practice]. *Biblioteka kriminalista*. 2 (7). pp. 18–19.
17. Ageev, A.A. (2013) O sovershenstvovanii ugovolnogo i grazhdanskogo prava, sud'be zakonodatel'stva ob administrativnykh pravonarusheniyyakh i vzaimootnoshenii ikh mezhdub soboy i s drugimi otraslyami prava Rossii [On the improvement of criminal and civil law, the fate of legislation on administrative offenses and their relationship with each other and with other branches of Russian law]. *Biblioteka kriminalista*. 2 (7). pp. 20–32.
18. Vetkov, A.A. (2013) Ugolovnaya i administrativnaya otvetstvennost': samostoyatel'nye pravovye yavleniya ili «smeshenie zhanrov» [Criminal and administrative liability: independent legal phenomena or “mixing of genres”]. *Biblioteka kriminalista*. 2 (7). pp. 68–76.
19. Mamkhyagov, Z.Z. (2016) Ob administrativnoy preyuditsii v ugovolnom prave [On administrative pre-judgment in criminal law]. *Obshchestvo i pravo*. 1 (55). pp. 100–102.
20. Naumov, A.V. (1996) *Rossiyskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast'. Kurs lektsiy* [Russian Criminal Law. A common part. Lecture course]. Moscow: BEK.
21. Sidorenko, E.L. (2016) Administrativnaya preyuditsiya skvoz' prizmu mezhdistiplinarynykh svyazey [Administrative pre-judgment through the prism of interdisciplinary connections]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 5. pp. 28–33.
22. Ayupova, G.Sh. & Kichuk, V.D. (2021) Priznaki prestupleniya s administrativnoy preyuditsiyey, vydelyaemye v sootvetstvii s formal'no-material'nym sposobom opredeleniya ponyatiya prestupleniya [Signs of a crime with administrative pre-judgment, identified in accordance with the

- formal-material method of defining the concept of a crime]. *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova*. 3 (88). pp. 32–36.
23. Ivanchin, A.V. (2014) *Konstruirovaniye sostava prestupleniya: teoriya i praktika* [Construction of a Crime: Theory and practice]. Moscow: Prospekt.
 24. Ergasheva, Z.E. (2019) *Administrativnaya preyuditsiya v ugovolnom prave* [Administrative pre-judiction in criminal law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
 25. Gusev, A.V. (2021) Znacheniye sostava administrativnogo pravonarusheniya dlya konstruirovaniya sostava prestupleniya s administrativnoy preyuditsiyey: yuridiko-tekhnicheskii i pravoprimenitel'nyy aspekty [The importance of an administrative offense for constructing a crime with administrative pre-judiction: legal, technical and law enforcement aspects]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 1 (40). pp. 90–94.
 26. Kononov, S.I. & Changalidi, N.V. (2019) Sub'ekt prestupleniy v sfere polucheniya sotsial'nykh vyplat kak element kriminalisticheskoy kharakteristiki [The subject of crimes in the sphere of receiving social benefits as an element of forensic characteristics]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 3. pp. 16–25.
 27. Ovsyanko, D.M. (1997) *Administrativnoye pravo* [Administrative Law]. Moscow: Yurist'.
 28. Deryuga, A.N. (2011) Obshchestvennaya opasnost' – priznak administrativnogo pravonarusheniya? [Is public danger a sign of an administrative offense?]. *Zhurnal Rossiyskogo prava*. 8 (176). pp. 48–55.
 29. Alaf'ev, M.M. (2021) Obshchestvennaya opasnost' melkogo vzyatochnichestva kak osnovaniye i osnovnoy printsip ustanovleniya ugovolno-pravovogo zapreta na ego soversheniye [The public danger of petty bribery as the basis and basic principle of establishing a criminal law ban on its commission]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. 4 (59). pp. 44–51.
 30. Efimichev, S.P. (1998) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RF: prinyaty v pervom chtenii proekt nuzhdaetsya v utocneniyakh [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the draft adopted in the first reading needs clarification]. *Zhurnal Rossiyskogo prava*. 1. pp. 66–78.
 31. Gorelikova, A.G. (2010) *Preyuditsiya v ugovolnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [Prejudice in criminal proceedings of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
 32. Zarzhitskaya, L.S. (2012) Preyuditsiya kak mezhotraslevoyy institut v sisteme prava [Prejudice as an interbranch institution in the legal system]. In: Kolokolov, N.A. (ed.) *Teoriya ugovolnogo protsessa: prezumptsii i preyuditsii* [Theory of Criminal Process: Presumptions and pre-judgments]. Moscow: YurLitinform. pp. 230–242.
 33. Azarov, V.A. & Nurbaev, D.M. (2016) *Vnutrennee ubezhdeniye pri otsenke v ugovolnom protsesse preyuditsial'nogo znacheniya resheniy, prinyatykh v grazhdanskom, arbitrazhnom ili administrativnom sudoproizvodstve (po materialam proverki i ugovolnym delam o prestupleniyakh v sfere ekonomiki)* [Internal Conviction When Assessing in Criminal Proceedings the Prejudicial Significance of Decisions Made in Civil, Arbitration or Administrative Proceedings (Based on audit materials and criminal cases of crimes in the economic sphere)]. Moscow: YurLitinform.
 34. Fidel'skiy, S.V. (2011) *Preyuditsiya v ugovolno-protsessual'nom prave: normativnoye zakrepleniye i poriyadok realizatsii* [Prejudice in criminal procedural law: normative consolidation and implementation procedure]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
 35. Arendarenko, I.A. (2011) *Dokazatel'stvennoye pravo ugovolnogo sudoproizvodstva v ego sootnoshenii s normami, reguliruyushchimi dokazyvaniye v grazhdanskom, arbitrazhnom protsessakh i proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [The law of evidence in criminal proceedings in its relationship with the rules governing evidence in civil, arbitration and proceedings in cases of administrative offenses]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
 36. Pozdnyshchev, A.N. (2012) Ponyatiye istiny v administrativnom protsesse [The concept of truth in the administrative process]. *Filosofiya prava*. 2 (51). pp. 44–47.
 37. Balakshin, V.S. (2012) Preyuditsial'naya sila resheniya, prinyatogo v ramkakh administrativnogo protsessa, v ugovolnom sudoproizvodstve [Prejudicial force of a decision made within the administrative process in criminal proceedings]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 6. pp. 110–113.
 38. Borodul'kina, E.S. (2022) [Interrelation and “interpenetration” of criminal and administrative-tort law: statement of the problem]. *Kazanskiye ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Kazan Criminal Procedural and Forensic Readings]. Proceedings of the International Conference. Part 2. Kazan. 28 April 2022. Kazan: YurEksPraktik. pp. 16–21. (In Russian).
 39. Zarzhitskaya, L.S. (2012) Ponyatiye preyuditsii, ee sushchnost' i znacheniye pri osushchestvlenii ugovolnogo sudoproizvodstva [The concept of pre-judgment, its essence and significance in criminal proceedings]. In: Kolokolov, N.A. (ed.) *Teoriya ugovolnogo protsessa: prezumptsii i preyuditsii* [Theory of Criminal Proceedings: Presumptions and pre-judgments]. Moscow: YurLitinform. pp. 218–230.
 40. Burganov, B.R. (2016) *Institut preyuditsii v sovremennom rossiyskom ugovolnom protsesse* [Institute of pre-judgment in modern Russian criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Kazan.
 41. Zarzhitskaya, L.S. (2013) *Mesto i rol' preyuditsiy v ugovolno-protsessual'nom dokazyvanii* [The place and role of pre-judgments in criminal procedural evidence]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
 42. Dalanov, D.S. (2021) *Ugolovno-ispolnitel'naya preyuditsiya* [Criminal-executive pre-judgment]. Law Cand. Diss. Ryazan.
 43. Makhtaev, M.Sh. & Yablokov, N.P. (2016) *Kriminalisticheskaya profilaktika* [Forensic Prevention]. Moscow: YurLitinform.
 44. Akhmedshin, R.L. (2006) *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika* [Forensic characteristics of the personality of a criminal]. Law Dr. Diss. Tomsk.
 45. Yangueva, M.O. (2019) *Osnovy metodiki rassledovaniya narusheniya pravil dorozhnogo dvizheniya litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu (stat'ya 264.1 UK RF)* [Fundamentals of the methodology for investigating violations of traffic rules by a person subjected to administrative punishment (Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Law Cand. Diss. Barnaul.
 46. Belkin, R.S. (1997) *Kurs kriminalistiki* [Forensics Course]. Vol. 3. Moscow: Yurist'.
 47. Golovin, A.Yu. (2002) *Teoreticheskie osnovy i aktual'nye problemy kriminalisticheskoy sistematiki na sovremennom etape razvitiya kriminalistiki* [Theoretical foundations and current problems of forensic taxonomy at the present stage of development of criminology]. Law Dr. Diss. Tula.
 48. Yablokov, N.P. (1984) *Informatsionno-teoreticheskie nachala metodiki rassledovaniya* [Information-theoretical principles of investigation methods]. In: Vasil'ev, A.N. & Yablokov, N.P. *Predmet, sistema i teoreticheskie osnovy kriminalistiki* [Subject, System and Theoretical Foundations of Criminology]. Moscow: Moscow State University. pp. 105–112.
 49. Yablokov, N.P. (2015) *Kriminalisticheskaya klassifikatsiya prestupleniy v metodike rassledovaniya i ee vidy* [Forensic classification of crimes in investigation methods and its types]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 5. pp. 40–50.
 50. Obratstov, V.A. (1988) *Kriminalisticheskaya klassifikatsiya prestupleniy* [Forensic Classification of Crimes]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University.
 51. Obratstov, V.A. (2002) *Obshchie polozheniya kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya* [General provisions of forensic investigation methods]. In: Obratstov, V.A. (ed.) *Kriminalistika* [Forensic Science]. 2nd ed. Moscow: Yurist'. pp. 583–588.
 52. Vozgrin, I.A. (2003) *Vvedeniye v kriminalistiku. Istoriya, osnovy teorii, bibliografiya* [Introduction to Criminology. History, basic theory, bibliography]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
 53. Podol'nyy, N.A. (2022) [Features and significance of highly specialized methods for investigating crimes]. *Kazanskiye ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Kazan Criminal Procedural and Forensic Readings]. Proceedings of the International Conference. Part 1. Kazan. 28 April 2022. Kazan: YurEksPraktik. pp. 41–48. (In Russian).
 54. Garmaev, Yu.P. (2003) *Teoreticheskie osnovy formirovaniya kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestupleniy* [Theoretical foundations of the formation of forensic methods for investigating crimes]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.

55. Subbotina, M.V. (2004) *Kriminalisticheskie problemy rassledovaniya khishcheniy chuzhogo imushchestva* [Forensic problems of investigating theft of other people's property]. Abstract of Law Dr. Diss. Volgograd.
56. Kuleshov, R.V. (2017) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy v sfere ekstremistskoy i terroristicheskoy deyatel'nosti* [Theoretical and methodological foundations for solving and investigating crimes in the field of extremist and terrorist activities]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
57. Gavlo, V.K. (1985) *Teoreticheskie problemy i praktika primeneniya metodik rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy* [Theoretical Problems and Practice of Applying Methods for Investigating Certain Types of Crimes]. Tomsk: Tomsk State University.
58. Galimkhanov, A.B. (2001) *Organizatsionno-takticheskie osobennosti rassledovaniya prestupleniy v usloviyakh rasshireniya prav podozrevaemykh i obvinyaemykh na zashchitu* [Organizational and tactical features of the investigation of crimes in the context of expanding the rights of suspects and accused to defense]. Law Cand. Diss. Ufa.
59. Gulina, E.V. (2019) *Osobennosti kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya korruptsionnykh prestupleniy v sfere vysshego obrazovaniya* [Features of forensic methods for investigating corruption crimes in the field of higher education]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
60. Konovalov, S.I. & Markova-Murasheva, S.A. (2012) Gnoseologicheskaya tsennost' sistemnogo podkhoda v poznanii ob'ekta kriminalistiki [Epistemological value of a systematic approach to the knowledge of the object of criminology]. *Filosofiya prava*. 2 (51). pp. 53–55.
61. Knyaz'kov, A.S. & Ondar, D.S. (2018) Problems of Staging of Criminalistic Activity in the Context of Situational Approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2018. 30. pp. 34–53. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/30/4
62. Yablokov, N.P. (2016) *Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i problem* [Forensic Investigation Techniques: History, current state and problems]. Moscow: Norma; INFRA-M.
63. Zhizhina, M.V. & Ishchenko, E.P. (2012) Istoriya razvitiya i sovremennye predstavleniya ob ob'ekte i predmete kriminalistiki [History of development and modern ideas about the object and subject of criminology]. *Biblioteka kriminalista*. 3 (4). pp. 14–25.
64. Komarov, I.M. (2018) [The paradigm of criminology: several discussion theses]. *Ugolovnoe proizvodstvo: protsessual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika* [Criminal Proceedings: Procedural theory and forensic practice]. Proceedings of the 6th International Conference. Simferopol'–Alushta. 26–27 April 2018. Simferopol'–Alushta: Crimean Federal University. pp. 48–51. (In Russian).
65. Kustov, A.M. (2012) Nauchnyy vzglyad na predmet i ob'ekty rossiyskoy kriminalistiki [Scientific view on the subject and objects of Russian criminology]. *Biblioteka kriminalista*. 3 (4). pp. 59–63.
66. Kosarev, S.Yu. (2008) *Istoriya i teoriya kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestupleniy* [History and Theory of Forensic Methods for Investigating Crimes]. Saint Petersburg: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press».
67. Chelysheva, O.V. (2000) K voprosu o sistematizatsii chastnykh metodik rassledovaniya [On the issue of systematization of private investigative methods]. *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gumanitarnogo universiteta profsoyuzov*. 5. pp. 90–93.
68. Menzhega, M.M. & Khizhnyak, D.S. (2020) [On the issue of forensic classification of transnational cybercrimes]. *Problemy bor'by s prestupnost'yu v usloviyakh tsifrovizatsii: teoriya i praktika* [Problems of Combating Crime in the Context of Digitalization: Theory and practice]. Proceedings of the 18th International Conference. Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya na Altae [Criminal Procedural and Forensic Readings in Altai]. Vol. 16. Barnaul. 29 May 2020. Barnaul: Altai State University. pp. 141–143. (In Russian).
69. Shebalin, A.V. (2010) *Rassledovanie khishcheniy sredstv sotovoy svyazi* [Investigation of theft of cellular communications]. Law Cand. Diss. Barnaul.
70. Volchetskaya, T.S. (1997) *Kriminalisticheskaya situologiya* [Forensic situationology]. Law Dr. Diss. Moscow.
71. Grigor'ev, V.N. (1993) *Rassledovanie prestupleniy v chrezvychaynykh usloviyakh (pravovoe obespechenie, organizatsiya, metodika)* [Investigation of crimes in emergency conditions (legal support, organization, methodology)]. Law Dr. Diss. Moscow.
72. Obukhov, I.A. (2018) *Osobennosti rassledovaniya prestupleniy terroristicheskogo kharaktera v usloviyakh deystviya pravovogo rezhima kontrterroristicheskoy operatsii* [Features of the investigation of crimes of a terrorist nature in the context of the legal regime of a counter-terrorist operation]. Law Cand. Diss. Barnaul.
73. Antonov, A.N. (2023) *Rassledovanie prestupleniy v usloviyakh mezhdunarodnogo vooruzhennogo konflikta (pravovoe obespechenie, organizatsiya, metodika)* [Investigation of crimes in conditions of international armed conflict (legal support, organization, methodology)]. Abstract of Law Dr. Diss. Ulyanovsk.

Информация об авторах:

Князьков А.С. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ask011050@yandex.ru

Кругликов В.Д. – аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kruglikovaov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Knyazkov, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Criminology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ask011050@yandex.ru

V.D. Kruglikov, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kruglikovaov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.03.2023;
одобрена после рецензирования 25.06.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 20.03.2023;
approved after reviewing 25.06.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 340.5
doi: 10.17223/15617793/492/21

Философско-юридический метод в сравнительном правоведении: структурная интерпретация

Руслан Султанович Рааб¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, belchikroma@gmail.com*

Аннотация. Предпринимается попытка структурной интерпретации философско-юридического метода сравнительного правоведения. Описаны пять структурных паттернов сущности права, способных выступить дескриптивно-социологическим эквивалентом тех менее определенных ценностных критериев, которые составляют основу философского подхода. Выдвигается предположение, что структурная интерпретация поможет более эффективно применять философско-юридический метод в сравнительных правовых исследованиях.

Ключевые слова: философско-юридический метод, сравнительное правоведение, структурализм, автономия права, стабильность права, самовоспроизводство права, сложность права, свобода личности

Для цитирования: Рааб Р.С. Философско-юридический метод в сравнительном правоведении: структурная интерпретация // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 193–202. doi: 10.17223/15617793/492/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/21

Philosophical approach to law as a methodological attitude in comparative legal studies: A structuralist interpretation

Ruslan S. Raab¹

¹ *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
belchikroma@gmail.com*

Abstract. In the era of “identity crisis” of the science of law, the philosophical approach to law becomes more relevant. This approach implies a view of law that is focused on its nature as a distinct social institution. Stressing this unique nature, the philosophical approach provides for a more traditional understanding of law as a phenomenon that needs a special method of analysis and cannot be comprehensively studied by the methods of other sciences. So far, the philosophical approach emancipates law from the domination of non-legal methodology and helps to overcome its “identity crisis”. However, there is a reverse side of the medal. Being the only cure against methodological domination of non-legal sciences, the philosophical approach suffers from the vagueness of its terminology. This conceptual uncertainty hampers its application in legal research in general and in comparative legal studies in particular. According to V.A. Slyschenkoff, comparative law as an academic discipline is to benefit from using the philosophical approach to law, and it is hard to disagree. However, as has been mentioned, the inescapable vagueness of the method makes it difficult. To overcome this difficulty, the author proposes a new interpretation of the philosophical approach. This interpretation tries to translate uncertain philosophical concepts such as “nature”, “essence”, etc. into a more certain structuralist language. In structuralist terminology, the initially vague ideas such as “nature of law” or “essence of law” are decomposed into more applicable categories of autonomy of law, stability of law, self-reproduction of law, complexity of law, and individual liberty. Having these ideas formulated through the prism of structuralist methodology, the author demonstrates how they can be used in comparative legal research. In general, the utilization of these structuralist categories in comparative law implies our ability to reflect particular patterns of the mechanism of law which serve the realization of every structural characteristic of law noted and compare how these patterns work in different legal systems, for example, the pattern of structural dualism in English law and European *ius commune*. Being different in many references, these systems demonstrate the same structural pattern of “balanced tension” between a more rigid part of the legal system and a more flexible part of law such as equity law in English law or canon law in European *ius commune*. This structural dualism makes these systems more adaptive and autonomous from legislation, and helps them to preserve their distinct nature. Thus, through the structural method, we can organize a comparative study of structural patterns of law and understand how these patterns help law to preserve its distinct nature in terms of the philosophical approach, so needed in the era of “identity crisis” of jurisprudence.

Keywords: philosophical approach to law as methodological attitude, comparative legal studies, structuralism, autonomy of law, stability of law, self-reproduction of law, complexity of law, individual freedom

For citation: Raab, R.S. (2023) Philosophical approach to law as a methodological attitude in comparative legal studies: A structuralist interpretation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 193–202. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/21

Введение

Многообразие методов сравнительного правоведения может свидетельствовать как о высокой степени развития данной дисциплины, так и о методологическом кризисе. Вероятно, именно поэтому ученые не перестают искать наиболее универсальный метод сравнительно-правовых исследований, способный учесть сильные стороны других подходов. Интересным примером такого рода поисков является идея философско-юридического метода, предложенная российским исследователем Владимиром Александровичем Слыщенковым.

Как отмечает В.А. Слыщенков, философско-юридический метод основан на «субстанциальном понимании сугубо юридического свойства» [1. С. 259] и направлен на познание права как особой саморазвивающейся системы. Согласно философско-юридическому методу, «основанием сравнения являются правовые принципы, понятые как цели правового развития, иначе говоря, правовые ценности» [1. С. 260]. В качестве теоретических источников понимания этих правовых принципов и ценностей приводятся работы В.С. Нерсесянца, Ю. Хабермаса, Дж. Ролза, Р. Дворкина. В качестве образцов конкретного применения философско-юридического метода приводятся исследования У. Маттеи, Дж. Гордди, Дж. Уитмэна. Из данных работ становится понятным, каким образом конкретные правовые институты и практики исследуются с опорой на философско-юридический метод. Применение данного метода, как отмечает автор статьи, позволяет не только достичь более глубокого познания права в сравнительной перспективе, но и помогает юристам увидеть право как ценность особого рода, не сводимую к другим ценностям или подсистемам общества (политике, идеологии и т.д.). Такова миссия философско-юридического метода как аналитического инструмента, способного, помимо прочего, стать проводником культуры юридического мышления.

На наш взгляд, философско-юридический метод сравнительного правоведения как «лишенный недостатков прочих вышеизложенных методов» [1. С. 266] вполне оправдывает свой высокий статус. В части общего описания мы можем лишь присоединиться к изложенным В.А. Слыщенковым идеям. Вместе с тем есть и такие аспекты этого описания, которые, как кажется, могут быть дополнены. Эти аспекты связаны с рассуждением об особых правовых ценностях. Содержание этих ценностей трудно определить с достаточной точностью, не говоря о том, что не все готовы их признать. Ценностный дискурс всегда содержит в себе элемент субъективной оценки. И хотя право не может существовать без интересно-субъективно разделяемых ценностей, момент субъективности как таковой может затруднить научный анализ.

В подобной ситуации особую актуальность приобретают аналитические категории, способные, с одной стороны, отразить сущность субстанциальных правовых

ценностей, а с другой – сделать это с опорой не на нормативные, а на дескриптивные суждения. Не на юридическую аксиологию, а на социальную онтологию. Онтологические категории, отражающие объективно явленное всем «сущее», не столь дискуссионны, как деонтологические категории, отражающие субъективно признанное «должное». Поэтому перед тем, как договориться о должном, будет не лишним договориться о сущем. Так сказать, перевести на язык дескриптивной социологии то, что обычно осмысляется на языке юридической аксиологии. Представляется, что такой перевод может послужить социально-теоретическим дополнением к ценностному тезису философско-юридического метода.

Дабы произвести такой «перевод», мы попытаемся дать субстанциальным ценностям права онтологическое истолкование, позволяющее увидеть отражение этих ценностей в определенных паттернах социально-правовой структуры. В наших рассуждениях мы будем опираться на системно-структурный анализ права, а также на принципы методологического индивидуализма и субъективизма в социальных науках. В пределах этой сугубо дескриптивной методологической рамки мы попытаемся выявить конкретные особенности правовой структуры, которые позволяют праву сохранять свою сущностную определенность на фоне других общественных явлений и тем самым оставаться различимым объектом философско-юридического анализа.

Возможно, эти структуры не будут отражать «глубинной» сущности права. Но если у права в принципе есть хоть какая-то сущность, то для ее поддержания оно должно обладать определенными техническими характеристиками, позволяющими сохранить эту сущность несмотря на влияние политики, экономики, идеологии и тому подобных явлений. Если эти характеристики отсутствуют, сущность права исчезнет быстрее, чем мы успеем ее познать. То, что настолько быстро исчезает, едва ли может быть названо сущностью. И поскольку сущность права не может исключать структурных условий собственного сохранения, данные технические характеристики должны так или иначе включаться в эту сущность, а равно отражать ее.

Далее мы коснемся пяти технических условий субстанциальности права: 1) автономии права; 2) стабильности права; 3) самовоспроизводства права; 4) сложности права; 5) свободы личности, рассмотренной с точки зрения ее структурного значения. Пусть эти структурные паттерны не заменят подлинных правовых ценностей, они представят своеобразное логическое доказательство для тех, кто не разделяет ценностей права и на этом основании критикует философско-юридический метод. С этой мыслью мы приступаем к структурной интерпретации данного метода.

1. Автономия права

Главная идея философско-юридического метода сравнительного правоведения состоит в том, что у

права есть своя особая сущность [1. С. 248]. Только благодаря этой особой сущности, не сводимой к сущности экономических, политических и других явлений, возможна юридическая наука, не сводимая к наукам о других подсистемах общества. Отсюда же берется и самостоятельность науки сравнительного правоведения. Сравнительное правоведение можно признать методологически самостоятельной областью знания только в том случае, если его предмет будет обладать непроницаемостью для других наук сущностной спецификой. Утрата чувствительности к этой специфике, связанная со все большей ориентацией правоведов на неюридические методы социологии, экономики и других наук, с одной стороны, беспокоит правоведов, не желающих утратить свой предмет¹, а с другой – заставляет их искать такие сущностные основы права, которые бы требовали особой юридической методологии. В качестве такой основы философско-юридический метод предлагает рассматривать цели и ценности права [1. С. 231]. Не исключено, что такие цели и ценности помогут обозначить сущностную специфику правовых исследований.

Вместе с тем нельзя исключать и того, что разговор о специфических целях права, конституирующих его особую сущность, зайдет в тупик по причине различия взглядов на то, в чем именно эти цели состоят. Каждый будет предлагать собственный вариант сущностной цели, и ни один из них, образно говоря, не будет хуже другого. Получится ли в такой разногласии субъективных мнений выделить цель права, которая будет объективно отражать его сущностную специфику? На наш взгляд, ответ на этот вопрос является положительным. Какой бы цели ни служило право, чтобы данное право служило этой цели *именно как право*, а не как разновидность политических или экономических явлений, оно должно содержать в себе направленность на как минимум одну четкую цель – *поддержание своей сущностной автономности по отношению к другим социальным подсистемам*.

Именно поддержание своей сущностной автономности по отношению к другим социальным подсистемам является той целью права, которая необходимо присуща ему как самостоятельному феномену. Если данная цель не будет достигнута, то право как самостоятельный феномен тут же исчезнет, а вместе с ним исчезнет и вопрос о цели права. Как может существовать особая цель права, если права как особого феномена не существует? Вопрос риторический. Поэтому перед тем, как мы начнем выяснять вопрос об особых целях и ценностях права, надо убедиться, что такой феномен, как право, в принципе способен иметь собственные цели и ценности. Или, иными словами, в принципе способен поддерживать свою сущностную автономию по отношению к другим социальным подсистемам.

Способность к поддержанию такого рода автономии, в отличие от вопроса о тех или иных целях и ценностях права, не может быть решен произвольно. Если спор о ценностях может идти бесконечно, то вопрос о принципиальной способности права иметь собственные цели и ценности – это сугубо технический вопрос. Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно обратиться

не к метафизическим ценностям, но к общим рассуждениям относительно устройства социальных структур. В этом устройстве можно выделить такие структурные характеристики, без которых ни одна социальная структура, независимо от того, какой цели она служит, не способна поддерживать свою сущностную автономию. Какой бы значимой ни была та или иная социальная структура, ей может быть трудно поддерживать свою автономию, если у нее, например, не будет своего особого языка, нюансы которого известны лишь определенной группе специалистов, разделяющих общий корпоративный дух.

В какой бы сфере деятельности ни возникала подобная группа, она будет способствовать ее сущностной автономизации на фоне других подсистем. Когда другие системы попробуют совершить вмешательство в эту сферу деятельности и навязать ей свои принципы, только подобного рода группа сможет отстоять ее автономию. Хорошо ли, что эта автономия будет защищена? На такой вопрос наука ответить не может, это вопрос о ценностях. Полезна ли для защиты автономии некоего института особая социальная группа со своим языком общения, мифологией и корпоративным этосом? По всей видимости, да. В той мере, в которой этот вопрос не зависит от ценностей, наука может ответить на него положительно. Отвечая на подобные вопросы, наука формирует набор критериев, по которым мы можем определить способность некоего института быть сущностно автономным. Многие из этих критериев тесно связаны с идеей *верховенства права*.

Несмотря на то, что идея верховенства права нередко воспринимается как сугубо «западный» институт, мы не можем сказать, что в нем никак не проявляется универсальная идея автономии права. Идея автономности права на фоне иных социальных подсистем, как мы сказали, не имеет специфического ценностного содержания и может быть описана как объективная способность некоего социального института сопротивляться влиянию других социальных сфер. Сопротивление права влиянию других сфер социальной жизни, таких как, например, политика, может наблюдаться в любых культурах и быть осмыслено в категориях верховенства права. В той мере, в которой это так, категория «верховенство права» является не произвольно выбранной «западной» ценностью, но объективным структурным паттерном, описывающим автономию права по отношению к внеправовым феноменам. Сравнительный анализ различных правопорядков в свете такого структурного паттерна будет не проявлением «европоцентричных» ценностных предпочтений, но стремлением сравнить правовые системы как нормативные системы, способные поддерживать свою сущностную специфику.

На наш взгляд, интересным примером того, как ключевые установки философско-юридического метода реализуются с опорой на идею верховенства права, является исследование профессора НИУ ВШЭ Дмитрия Юрьевича Полдникова, посвященное сравнительно-историческому анализу роли профессионального юридического сообщества в процессе становления социальной нормы верховенства права. Автор не

только показывает, что утверждение социальной нормы верховенства права во многом стало результатом развития и деятельности *профессионального сообщества юристов* [4. С. 146], но и проводит сравнительный анализ конкретных паттернов юридической культуры, благодаря которым данная деятельность стала возможной.

Особенно интересным в этом отношении является сравнение европейского *ius commune* и исламского права. В качестве третьего элемента сравнения Д.Ю. Поддиковым были выбраны три аспекта профессиональной юридической культуры: 1) наличие авторитетного текста; 2) четко установленные приемы его толкования; 3) профессиональное сообщество толкователей. Как показало исследование, несмотря на цивилизационные различия между исламской и европейской культурами, с точки зрения обозначенных выше структурных паттернов исламское право и европейское *ius commune* обнаруживают определенное сходство [4. С. 147–149]. Причина этого сходства, как кажется, кроется в том, что вне зависимости от культурного или ценностного контекста автономное существование права требует весьма сходных элементов социально-правовой структуры. Стремление к выявлению и систематизации этих элементов исходя из анализа различных правоупорядков – одна из задач сравнительного правоведения в свете философско-юридического метода.

Еще одним интересным примером оказывается попытка сравнительного анализа теории и практики *Rechtsstaat* в Германии с традицией *Rule of Law* в англо-американской правовой культуре, предпринятая известным экономистом и правоведом Фридрихом Хайеком. Как пишет Ф. Хайек, вопреки характерному для тех времен стереотипу о превосходстве исконной теории *Rule of Law* над «выхоленной» концепцией *Rechtsstaat*, готовой признать «верховенством права» любой властный произвол, закрепленный политическим законодательством, немецкая доктрина обладала рядом преимуществ.

Если в классической английской доктрине еще А.В. Дайси установил строгий принцип подсудности споров между гражданами и чиновниками ординарным судам справедливости [5. С. 217], то в немецкой доктрине этот ключевой принцип верховенства права в какой-то момент был скорректирован в пользу создания системы особых административных судов [6. С. 201]. С одной стороны, такое решение может показаться отходом от ортодоксальной доктрины; с другой – именно оно сделало немецкую доктрину более актуальной в современных условиях. Современное бюрократическое государство «всеобщего благосостояния», набравшее силу после Второй мировой войны, существенно отличалось от той монархической власти, для сдерживания которой возникла классическая английская доктрина. К вызовам государства нового типа последняя оказалась не готова [6. С. 204]. В отличие от нее, немецкая доктрина *Rechtsstaat*, допускающая создание особых административных судов, оказалась более продуктивной с точки зрения сдерживания популистских разветвленного бюрократического аппарата. Отметив это, Ф. Хайек, не будучи специалистом по

сравнительному правоведению, тем не менее пришел к довольно интересным выводам о способности различных доктрин верховенства права препятствовать искажению правовых институтов под воздействием государства «всеобщего благосостояния».

Этот пример, как и исследование роли профессионального юридического сообщества в процессе утверждения социальной нормы верховенства права, иллюстрирует значение идеи верховенства права с точки зрения философско-юридического метода. До тех пор, пока этот метод ставит задачей сравнительное исследование права как субстанциального феномена, ему придется обращаться не только к ценностям верховенства права, но и к тем паттернам правовой культуры, которые являются объективным условием поддержания такого верховенства. В этом смысле верховенство права будет не произвольной ценностной категорией, характерной лишь для какой-то одной культуры, но объективным структурным паттерном, отражающим способность права быть самим собой в *любой* культуре.

Только тогда, когда в некоей культуре право является *правом*, а не ширмой политики, это право можно осмысленно сравнивать с правом, столь же самостоятельно существующим в другой культуре. Пользы от сравнения права как самостоятельной регулятивной подсистемы с *имитацией права*, прикрывающей властные манипуляции, будет немного. Такое имитационное право составит любопытный предмет сравнительных политических исследований. Тут потребуются другие методы и другие данные. Чтобы сравнительное исследование было юридическим, подлежащим сравнению институты должны иметь некую автономию от политики. В разных культурах эта автономия может достигаться по-разному, однако сравнительный анализ структурных паттернов такой автономизации, наиболее ярко выраженной в идее верховенства права, как кажется, может быть отнесен к задачам, нейтральным с точки зрения ценностей. Задачам, чье значение определяется не произвольным ценностным выбором исследователя, но методологической необходимостью сравнительного правоведения быть *правоведением*, а не чем-то иным.

2. Стабильность права

Автономия правовой системы, несмотря на свое значение, является не единственным структурным признаком субстанциальности права. Этой субстанциальности может и не быть, если своей автономией правовая система обязана не собственным структурным особенностям, а какому-то случайному стечению исторических обстоятельств. С исчезновением этих не зависящих от правовой системы обстоятельств может исчезнуть и ее автономия. Такая автономия не будет подлинной с точки зрения философского подхода и составит предмет исторической науки как науки об индивидуальных событиях. Чтобы представлять значение в контексте философско-юридического метода, автономия права должна определяться не внешними по отношению к праву обстоятельствами истории, но его внутренними свойствами. Благодаря таким свойствам

право способно поддерживать свою сущностную автономность несмотря на смену исторических обстоятельств и даже целых эпох. Или, что то же самое, поддерживать стабильность собственной структуры. Поэтому для философско-юридического метода, стремящегося к субстанциальному видению права, сравнительный анализ паттернов стабилизации правовой системы может представлять интерес.

Одним из наиболее интересных паттернов такой стабилизации, характерных не только для права, но и в целом для любой устойчивой культурной системы, является паттерн *структурного дуализма*². В различных правовых системах этот паттерн проявляет себя по-разному. Римское право известно дуализмом гражданского и преторского права, английское право – дуализмом общего права (*common law*) и права справедливости (*equity law*), европейское *ius commune* – дуализмом римского и канонического права. Каждый случай структурного дуализма уникален и обладает своими особенностями. В то же время, несмотря на содержательные различия, функциональные аналогии между этими дуалистическими структурами оказываются довольно существенными.

В этой связи крайне ценным будет наблюдение Г.Дж. Бермана, сравнившего английское общее право и европейское *ius commune*. Проведя аналогию между тем, как в английском праве более гибкое *equity law*, апеллирующее к справедливости и благоразумию, время от времени корректировало неподатливое *common law*, не всегда способное быть эффективным инструментом разрешения существующих современной эпохе конфликтов и ситуаций, и тем, как в европейском *ius commune* столь же архаичные римские нормы корректировались более гибкими принципами канонического права, автор не только указал на общий функциональный смысл дуалистической структуры английского общего права и европейского *ius commune*, но и обнаружил сходство этих дуалистических систем на уровне отдельных средств правовой защиты [8. С. 79]. В обеих системах более гибкая часть дуальной правовой системы порождала аналогичные средства правовой защиты, основанные на сходных принципах и даже сходном стиле рассуждений. Благодаря этим средствам правовой защиты юристы получали возможность, с одной стороны, решить конкретное дело с учетом разума и справедливости, а с другой – избежать прямого изменения «устаревшей» части правовой системы и несколько фиктивно сохранить преемственность между ней и актуальной юридической практикой.

Глядя на такое фиктивное поддержание актуальности устаревших правовых положений за счет ситуативного обращения к более гибкой подсистеме, можно задать вопросом: не будет ли правильным отказаться от такого ситуативного замещения одной правовой подсистемы средствами другой и просто изменить устаревшие нормы при помощи законодательных полномочий? Не лучше ли избежать дуалистичности права и обеспечить единство правовой системы, во время корректируемой законодателем?

Ответ следующий: с точки зрения политики – да. С точки зрения юриспруденции – не вполне. В юриспруденции такой дуалистический способ адаптации, позволяющий как можно дольше не прибегать к использованию законодательных полномочий для исправления устаревших норм, в целом ряде случаев будет предпочтительным, поскольку позволит праву выйти из-под власти политики через *стабилизацию своей канонической формы*.

Как отмечает культуролог Я. Ассман, формирование культурного канона играет важную роль при эмансипации человеческих отношений от политики [9. С. 102]. Если право хочет осуществить подобную эмансипацию, ему, в каком-то смысле, придется подчиниться логике формирования культурного канона. В основе этой логики лежит механизм, посредством которого те или иные события и образцы укореняются в культурной памяти народа. В этой культурной памяти выделяются две области: 1) область «сакральной истории», известной лишь по текстам и уже не имеющей живых свидетелей; 2) область живой памяти современников [9. С. 50–55].

Пока некая норма относится ко второй области и предполагает живых свидетелей своего появления, частью «сакральной истории» она стать не может. Какие бы тексты ни описывали формирование и содержание этих норм, за их наиболее точным пониманием и толкованием будут обращаться не к текстам, а к конкретным людям, при участии которых эти нормы создавались. Грубо говоря, мы имеем дело с властью людей, а не текстов. Но стоит некоему образцу поведения перейти в область «сакральной истории», у которой уже нет авторитетных свидетелей, то ситуация меняется диаметрально. Все люди будут «по-юридически» уравнены в своей неспособности претендовать на особое понимание правила, единственным источником знаний о котором теперь являются *лишь тексты*. Согласовать свое понимание правила через обращение к почетным свидетелям уже не получится. Придется договариваться о том, какой текст является каноничным, какие способы его толкования допустимы и т.д.

Все это заменяет власть людей властью текстов; власть политиков – властью права. Без такого укоренения в «сакральной истории» праву будет трудно эмансипироваться от политики, полной авторитетных свидетелей, произвольно определяющих правила игры. Чтобы стать частью «сакральной истории», текст должен не претерпевать изменений достаточно длительное время и адаптироваться к актуальным потребностям общества не через законодательные изменения, а через его фиктивное сохранение за счет дуалистических способов адаптации права, описанных выше. Фиктивное поддержание неизменности правового текста позволяет сохранять его на протяжении времени, достаточного для перехода текста из области памяти современников в область «сакральной истории», обретения им общепризнанной канонической формы и эмансипации от конкретных акторов.

Акторы перестают легитимировать тексты, тексты начинают легитимировать акторов. Такое положение

дел, при котором легитимность действий определяется текстами, есть признак правовой культуры и права как субстанциального института. Поэтому при всех издержках и неудобствах дуальной правовой структуры, ее способность выводить некий каноничный текст в область «сакральной истории» и поддерживать его актуальность даже в изменившихся исторических обстоятельствах может представлять интерес с точки зрения философско-юридического метода, стремящегося видеть право субстанциальным феноменом.

Впрочем, даже там, где мы имеем дело не с фиктивным поддержанием актуальности каноничного правового текста, а с его законодательным изменением, стремление устойчивых правопорядков к структурному дуализму снова дает о себе знать. Применительно к этой ситуации, мы, следуя идеям французского правоведа М. Ориу, можем выделить *два состояния позитивного права*: 1) «временное» состояние; 2) «установленное» состояние [10. С. 757]. Как отмечает ученый, в своем «временном» состоянии позитивное право опирается лишь на политическую волю, и только после того, как оно укоренится в традиции «установленного» права, опирающегося на факт длительного существования [10. С. 757], это временное право станет полноценным правом в юридическом смысле. Таков, вкратце, смысл этого различения.

Несмотря на то, что данное различие было разработано М. Ориу для решения догматических задач, связанных с анализом юридической силы решений в сфере публичного права, есть основания полагать, что оно имеет широкое теоретическое значение как один из паттернов структурной стабилизации права. Пусть речь и идет о вмешательстве суверена в область правовых текстов, что, конечно, очень опасно для стабильности их каноничной формы, данное вмешательство встречает требование длительности существования как признака подлинно юридического характера правил.

К слову, не менее красноречиво это требование обнаруживает себя и в рассуждениях американских правоведов о том, что юридическим значением обладают лишь те статуты (законы), что были применены судом [11. С. 21]. Чтобы приобрести юридический характер, закон должен выдержать проверку временем, подразумевающую возможность его судебного оспаривания или фактической нереализации в силу несовместимости с фундаментальными основаниями «установленного» права. Чем лучше работают механизмы, отделяющие установленное право от временного, а равно способствующие сохранению и применению лишь тех временных правил, которые могут быть продуктивно интегрированы в отмеченное длительным существованием установленное право, тем большей стабильностью и субстанциальностью будет обладать соответствующая правовая система.

Факторами такой субстанциальности и стабильности являются не только общие принципы организации правовой системы, но и более конкретные составляющие. Особенно важна роль правосознания, в котором идея стабилизации права может воспроизводиться как

на уровне не вполне осознанных «криптотипов» [12. С. 384], так и в виде артикулированных представлений о связи права с общим «порядком вселенной» [13. С. 13]. Нередко эти особенности правового сознания обнаруживают себя в специфике юридического языка³.

Глядя на *архаичность* юридического языка, присущего определенным правовым системам, возникает впечатление как о непосредственной способности этого языка оказывать усиленное психологическое воздействие [15. С. 91], так и о его большей способности сопротивляться агрессивным манипуляциям со стороны идеологизированных интерпретаций. По всей видимости, способность сопротивляться таким манипуляциям присуща языкам различных правовых систем в неодинаковой степени и определяется особенностями их структуры. Вопрос иммунизации юридического дискурса от разрушительного влияния конъюнктурных идеологизированных смыслов на уровне самой структуры юридического языка будет уместным в контексте философско-юридического метода. Прояснение этого вопроса дополнит наши представления о том, каким образом право поддерживает стабильность своего существования несмотря на попытки идеологического вмешательства.

В конце концов, что есть произвольное вмешательство отдельных субъектов в правовую систему, как не поток эмпирической случайности? Стремление отказаться от рассмотрения бесконечного потока эмпирической случайности в пользу достаточно стабильных вещей составляет основное намерение философии как образа мысли [16. С. 18]. Для философско-юридического метода сравнительного правоведения степень устойчивости и преэминентности правовых форм будет иметь немалое значение при их сравнительном анализе как *собственно юридических*. В полной мере юридической будет лишь та структура, которая не претерпевала значительных изменений на протяжении достаточно длительного времени. Сравнительное исследование различных механизмов и элементов, способствующих стабилизации правовой системы, поможет лучше понять право как субстанциальное явление и решить стоящие перед философско-юридическим методом задачи.

3. Самовоспроизводство права

Со стабильностью и автономностью права связано еще одно сугубо структурное его свойство, предполагающее не просто стабильное воспроизводство права в социальной реальности, но его *самовоспроизводство* [17. С. 95]. Даже если право автономно и стабильно, оно может быть обязано этой стабильностью субъективной воле какого-нибудь властителя. В таком случае стабильность права ничего не стоит, ведь его причиной будет индивидуально-психологическое свойство правителя, а не объективный механизм. Если юриспруденция хочет отличить свой предмет от политической психологии, придется признать, что право должно обладать объективной структурой, в которой предусмотрены механизмы самовоспроизводства и эндогенной эволюции. Сравнительный анализ таких механизмов

будет способствовать познанию права как субстанциального явления, что вполне согласуется с идеей философско-юридического метода.

Разумеется, говоря о самовоспроизводстве права, мы не имеем в виду ничего сверхъестественного. Нередко механизм такого самовоспроизводства оказывается довольно простым. Например, когда новые правовые нормы возникают в не в силу того, что кто-то их целенаправленно создал, но в силу *ошибки или случайности, повысившей эффективность взаимодействий внутри группы и получившей эволюционное закрепление*.

С одной стороны, источник такой «удачной ошибки» совсем не думал о том, чтобы изобрести более эффективный способ действия. Он лишь воспроизводил стандартную программу поведения. С другой стороны, поскольку каждый акт воспроизводства объективного механизма осуществляется через посредство субъективной психики, неизбежно накладывающей отпечаток индивидуальности и новизны на любое, даже самое типовое действие, не исключено отклонение от стандартной программы. Такие отклонения постоянно возникают и корректируются системой. Но если какое-то отклонение, получившее распространение в некой группе, случайно оказывается эффективным, оно делает такую группу преуспевающей.

По мере того, как преуспевающие группы, приверженные «ошибочной», но более эффективной программе поведения, постепенно вытесняют менее эффективные группы, старая программа действий, не содержащая в себе удачной ошибки, полностью вытесняется новой программой. То, что было ошибкой, становится правилом. Так, естественно-эволюционным образом, более эффективная программа поведения закрепляется без того, чтобы кто-то намеренно создал ее и ввел законодательным путем. Не отдельный индивид или законодатель, но объективный процесс эволюционного отбора преуспевающих групп будет направлять развитие системы правил поведения. В той мере, в которой это так, система правил поведения будет не столько воспроизводиться политическим законодателем, сколько самовоспроизводиться и развиваться согласно своей внутренней логике.

По мнению итальянского правоведа Бруно Леони, такое самовоспроизводство права не только защищает правовую систему от излишнего политического вмешательства, но и делает ее в целом более эффективной. Большую экономическую эффективность и адаптивность английского общего права ученый связывал с тем, что в прецедентной правовой системе оригинальные идеи и аргументы, созданные творческой способностью юристов и судей, быстрее проникают в правовую систему и, в случае пригодности, получают в ней стихийное распространение [18. С. 229]. Континентальную правовую систему, признающую главным источником права созданные политическим законодателем статуты, Б. Леони считал менее адаптивной: новые идеи, формируемые правоведами «на местах», не проникают в эту правовую систему и не апробируются в ней так же часто, как догадки судей и юристов общего права, непосредственно влияющих на толкование пре-

цедентов. Континентальное право не самовоспроизводится изнутри, через стихийный отбор удачных практик, но, скорее, целенаправленно воспроизводится политическим законодателем извне, и в этом смысле от него зависит. Стоит ли говорить, что в данном случае право утрачивает автономию от политики. Чтобы сохранить свою автономию, право должно не столь сильно полагаться на законодателя и адаптивно трансформировать себя изнутри, эволюционным путем [18. С. 175].

Структурным паттерном, указывающим на способность права к эволюционному самовоспроизводству, является гетерогенность источников права, когда к числу общепризнанных источников права относятся не только статуты (законы), но и прецеденты, обычаи, юридическая доктрина. Чем больше существует различных контекстов для локальных нормативных инноваций и их локальной апробации с целью эволюционного отбора наиболее эффективных правил, тем лучше.

В этом отношении востребована не только гетерогенность источников права, но и *гетерогенность самого правового порядка в целом*. Правовый порядок, предполагающий сосуществование и конкуренцию различных нормативных систем, основанных на несовпадающих принципах, но способных продуктивно дополнять друг друга, будет обладать большим потенциалом эндогенной эволюции, нежели правовой порядок, основанный на монополизации регулирования всех социальных отношений одной единственной юрисдикцией. При всех неудобствах, сопровождающих конкуренцию различных юридических систем на одной и той же территории, именно такая конкурентная система продемонстрирует больший потенциал эндогенного самовоспроизводства.

Определенное влияние на этот потенциал оказывает и паттерн *структурной избыточности*⁴ права. Под структурной избыточностью можно понимать способность актуального права сосуществовать с большим количеством устаревших правовых конструкций, которые в данных условиях не применяются, но и не пропадают из правовой реальности насовсем.

Здесь можно сравнить английское право и исламское право. В английском праве даже давно не используемый прецедент в каком-то смысле никогда не утрачивает своей юридической силы⁵, равно как и в исламском праве ни одно юридически значимое правило, даже если оно было признано неприменимым к тем фактам, для которых оно применялось ранее, не отменяется в смысле утраты своего юридического значения. В случае возникновения каких-то новых ситуаций такое пассивное поддержание юридической актуальности давно не применяемых правил позволяет, при должном искусстве правоведов, урегулировать новые ситуации не путем принятия нового закона, приводящего к дестабилизации права, но путем обращения к «некогда забытым» правилам.

Так, благодаря фактору структурной избыточности, право самовоспроизводится за счет внутреннего ресурса правовой традиции, без внешних по отношению

к нему актов законодательного вмешательства. Данный стиль адаптации, в большей степени гарантирующий сущностную автономию права от политики, требует определенных приемов юридического мышления и методик юридического образования, которые также могут стать объектом сравнительного анализа, основанного на философско-юридическом методе. Рискнем предположить, что с точки зрения этого метода такие паттерны самовоспроизводящихся правовых структур, как структурная избыточность, механизм эволюционного отбора эффективных практик, гетерогенность источников права и т.д., могут оказаться одним из параметров для сравнительного изучения.

4. Сложность права

Трудно отрицать, что именно в *сложной* нормативной системе возникают такие структурные паттерны, которые указывают на ее автономность и сущностную субстанциальность. Согласимся с В.А. Слыщенковым, который, ссылаясь на У. Маттеи, подчеркивает, что наиболее ярким проявлением права является именно профессионализированное право [1. С. 260], характерное для сложных социальных порядков.

Дело в том, что чем более простой является соционормативная система, тем большее количество неправовых способов управления и распределения благ может быть реализовано в рамках такой системы. Вождь может управлять небольшим племенем как в ручном режиме, отдавая конкретные приказы, так и путем установления правил, одинаковых для всех. Но чем более дифференцированной становится социальная структура, тем сложнее вождю предвидеть все социальные последствия своих приказов. Управление сложным обществом в ручном режиме становится невозможным.

Для координации социальных взаимодействий в таком обществе требуются не конкретные приказы, а абстрактные правила [21. С. 43]. Системы и подсистемы этих правил становятся все более сложными, их эволюция становится все менее произвольной и все более зависящей от эволюционного отбора наиболее эффективных правил в рамках конкуренции юридических подсистем общества. Право все менее связано с приказами и все более определяется объективными условиями социальной эволюции, превосходящей границы человеческого понимания и контроля. Оно перестает быть *инструментом политического управления* и становится *объектом юридического познания*.

Любопытно, что в этом отношении речь может идти не только о юридическом познании в смысле познания некоего специфически юридического объекта, но и о том, что сами юридические правила иногда выступают инструментом познания сложных социальных фактов, воспринимать которые человеческий разум не в состоянии и адаптироваться к которым он может посредством специфических приемов юридического мышления. Хорошим примером таких приемов служат юридические фикции. В частности, речь идет об «исследующих фикциях» (exploratory fictions), описанных Лоном Фуллером [22. С. 69].

Пусть Л. Фуллер и не создал развитой концепции исследующих фикций, мы считаем важным обратить внимание на следующий момент. Согласно его теории, опытный судья, анализирующий сложные факты общественной жизни, не всегда может ясно выразить то, что открылось его профессиональной интуиции. Для описания некоторых взаимосвязей социальных фактов подходящих слов может не найтись. В итоге судья вынужден прибегать к фиктивной аналогии, которая нарушает правила обычного языка, однако опосредованно выражает то понимание связи различных общественных отношений, которое на нормальном языке пока еще не может быть выражено в ясном виде и воспринимается не вполне сознательно. Как писал о фикциях С.А. Муромцев, «родство отношений могло чувствоваться, но не осознаваться» [23. С. 12]. Со временем эти не вполне осознанные аналогии проясняются и оформляются в новые языковые средства, позволяющие ясно выразить некогда лишь интуитивную идею. Однако до того, как фикция станет привычной, она успеет побывать инструментом познания таких социальных фактов, для ясного осознания и выражения которых надлежащий язык еще не сформирован [22. С. 132].

Не получится ли, что некоторые из этих скрытых от нормального языка и сознания социальных фактов станут впервые доступны именно правоведам, привыкшим к использованию юридических фикций? Если да, то правоведение окажется *методом восприятия фактов*, которые для той же социологии, не оперирующей юридическими фикциями, окажутся труднодоступны по причине своей сложности. Способность работать с такими социальными фактами послужит признаком эпистемологической самостоятельности правовой науки.

Таков еще один аспект взаимосвязи между сложностью социальной системы и возникновением в ней специфических интеллектуальных конструкций, эпистемологически отличающих юриспруденцию от других видов знания и позволяющих понять ее как нечто субстанциальное, т.е. в духе философско-юридического метода сравнительного правоведения.

5. Свобода личности

С идеей структурной сложности права тесно связана идея свободы личности. По всей видимости, свобода личности, понятая в либертарно-юридическом смысле [24. С. 4], является не только юридической ценностью, но и структурным условием развития права как субстанциальной системы. Самым очевидным здесь является момент тесной связи между свободой индивида и степенью сложности правовой структуры.

Сложность правовой структуры определяется не в последнюю очередь тем, *какой степенью свободы обладают ее элементы*. Чем большей свободой обладают индивиды, тем более сложная и дифференцированная социально-правовая структура способна родиться из их взаимодействий. Есть, конечно, минимальные требования совместимости свободы одного со свободой другого, дабы общество не распалось из-

за конфликтов «неупорядоченных элементов». В остальном же большая степень свободы действий индивидов ведет к более комплексным конфигурациям их взаимодействий.

Высокая степень дифференциации и внутренней специализации такого общества исключает приказное управление и требует, как уже было отмечено, координации на основе системы абстрактных правил. Развитие этих правил, в силу структурной сложности общества, уже не может всецело направляться планирующими умами [25. С. 71–73]. На место законодателей приходят объективные эволюционные процессы [25. С. 16], продиктованные внутренней логикой самого права. Чтобы достичь этой стадии правового развития, мы должны обеспечить такую степень свободы субъектов социальных взаимодействий, которая породит достаточно сложную структуру социальной коммуникации. Причем свобода эта должна быть присуща не ограниченному перечню людей, но каждому. Если свободных и рискованных людей станет слишком мало, то потребность в развитых формах юриспруденции исчезнет сама собой⁶.

Такова, вкратце, структурная взаимосвязь свободы личности, сложности общества и субстанциальности права, учет которой позволит сделать применение философско-юридического метода сравнительного правоведения более строгим, нежели при трактовке свободы индивида в исключительно ценностном значении.

Заключение

В данной работе мы попытались показать, что в той степени, в которой право мыслится как субстанциальный феномен, оно с необходимостью обладает определенными структурными параметрами. Признание этого факта позволяет описывать философско-юридический метод сравнительного правоведения не только в терминах ценностного дискурса, но и с точки зрения некоторых паттернов структурной организации права, объективно вытекающих из допущения того, что у него может быть хоть какая-то самостоятельная сущность. В перечне этих паттернов нашлось место не только самым базовым качествам, таким как автономность и сложность права, но даже таким «метафизическим» категориям, как свобода личности. Если ценностный подход к интерпретации философско-юридического метода сравнительного правоведения не всегда дает понять, что и почему должно выступать третьим элементом сравнения в конкретном исследовании, то структурная интерпретация, оперирующая конкретными паттернами субстанциальности права, предполагает большую определенность касательно данного вопроса. Это может принести пользу в ситуациях, когда дискурсу философско-юридического метода не хватит той степени определенности, которая необходима для эффективной научной коммуникации.

Примечания

¹ Об угрозе потери юриспруденцией собственной идентичности говорят многие ученые [2. С. 4–6]. Известный компаративист Уве Кишель также отмечает несколько односторонний характер научной коммуникации между юристами и представителями других наук [3. С. 223].

² Общая теория структурного дуализма культуры, частным случаем которого является дуализм правовых систем, представлена в работах современных структуралистов [7. С. 317].

³ К слову, интересный пример сравнительного исследования правовых стилей представлен в одной из работ Кэтрин Валки [14. С. 274–296]. В качестве типологизирующего критерия стилей К. Валки выбирает модель моральной аргументации С. Дарвелла. Применимость этой модели к правовым стилям в договорном праве составляет главный результат ее исследования. В то же время перспектива философско-юридического метода в данном случае требует не только той или иной типологизации, но и оценки различных стилей аргументации с точки зрения того, как они влияют на субстанциальность правовой системы.

⁴ В семиотике идея структурной избыточности уже давно осмыслена как важный фактор социокультурной динамики [19. С. 119].

⁵ Как пишет Руперт Кросс, «заключенное в *ratio decidendi* правоположение не может признаваться утратившим силу по причине устарелости» [20. С. 153]. Прецедент может просто выйти из употребления и более не применяться к тем фактам, к которым он применялся ранее. Однако в теории ничто не мешает придать ему такую интерпретацию, которая может повлиять на решение того или иного дела в будущем, когда возникнут совершенно новые фактические составы.

⁶ Хорошей иллюстрацией к этой проблеме может служить замечание А.А. Иванова о том, что значительная часть сложных юридических конструкций, предусмотренных нашим гражданским кодексом, не востребована из-за деградации социально-экономических отношений [26. С. 2].

Список источников

1. Слыщенко В.А. Методы сравнительного правоведения: значение для постсоветской юриспруденции // Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества : сб. ст. М., 2018.
2. Smith J. The Mind and Method of the Legal Academic. Edward Elgar, 2012.
3. Kischel U. Comparative Law. Oxford University Press, 2019.
4. Поддников Д.Ю. «Право ученых» как фактор становления социальной нормы верховенства права в Западной Европе // Труды Института государства и права РАН. Т. 15, № 6. С. 143–168.
5. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. М., 1905.
6. Hayek F.A. The Constitution of Liberty. University of Chicago Press, 1978.
7. Иванов Вяч.Вс. Дуальные структуры в антропологии: курс лекций. М., 2008.
8. Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999.
9. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
10. Ориу М.О юридической силе политической власти и о двух слоях права // Ориу М. Основы публичного права. М., 1929.
11. Postema G.A. Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 11. Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Common Law World. Springer, 2011.
12. Sacco R. Legal Formants: A Dynamic Approach to Comparative Law. Installment II // The American Journal of Comparative Law. 1991. Vol. 39, № 2.
13. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
14. Valcke C. Comparing Legal Styles // International Journal of Law in Context. 2019. № 15.
15. Дождев Д.В. Римское частное право : учеб. для вузов. М., 1996.

16. Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики. М., 2009.
17. Четвернин В.А. Луман Н. Самовоспроизводство права и его пределы // Правовая мысль XX века. Сборник обзоров и рефератов. РАН ИНИОН. М., 2002.
18. Леони Б. Свобода и закон. М., 2008.
19. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Избранные статьи. Т. I. Таллин, 1992.
20. Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985.
21. Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty. Routledge & Kegan Paul Ltd, 1982.
22. Fuller L.L. Legal Fictions. Stanford University Press, 1967.
23. Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции. М., 1875.
24. Четвернин В.А. Теория права. М., 2020.
25. Hayek F.A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism. University of Chicago Press, 1991.
26. Иванов А.А. Проблема примитивизации гражданского права в России // Закон. 2015. № 5.

References

1. Slyshchenkov, V.A. (2018) Metody sravnitel'nogo pravovedeniya: znachenie dlya postsovetskoy yurisprudentsii [Methods of comparative law: significance for post-Soviet jurisprudence]. In: *Problemy postsovetskoy teorii i filosofii prava: perspektivy svobodnogo obshchestva* [Problems of Post-Soviet Theory and Philosophy of Law: Prospects for a free society]. Moscow: YurLitinform.
2. Smith, J. (2012) *The Mind and Method of the Legal Academic*. Edward Elgar Publishing.
3. Kischel, U. (2019) *Comparative Law*. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press.
4. Poldnikov, D.Yu. (2020) "Pravo uchenykh" kak faktor stanovleniya sotsial'noy normy verkhovenstva prava v Zapadnoy Evrope [The right of scientists" as a factor in the formation of the social norm of the rule of law in Western Europe]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 6 (15). pp. 143–168.
5. Dicey, A.V. (1905) *Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii. Vvedenie v izuchenie angliyskoy konstitutsii* [Introduction to the Study of the Law of the Constitution]. Moscow: tip. t-va. I. D. Sytina.
6. Hayek, F.A. (1978) *The Constitution of Liberty*. Chicago: University of Chicago Press.
7. Ivanov, Vyach.Vs. (2008) *Dual'nye struktury v antropologii: kurs lektsiy* [Dual Structures in Anthropology: A course of lectures]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
8. Berman, H.J. (1999) *Vera i zakon: primirenje prava i religii* [Faith and Order. The Reconciliation of Law and Religion]. Translated from English. Moscow: AdMarginem.
9. Assmann, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Translated from German. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
10. Hauriou, M. (1929) *Osnovy publichnogo prava* [Fundamentals of Public Law]. Translated from French. Moscow: Izd-vo Kommunisticheskoy Akademii.
11. Postema, G.A. (2011) *Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence*. Vol. 11. London; New York: Springer.
12. Sacco, R. (1991) Legal Formants: A Dynamic Approach to Comparative Law. Installment II. *The American Journal of Comparative Law*. 2 (39).
13. Berman, H.J. (1998) *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Western Tradition of Law: The era of formation]. Translated from English. Moscow: INFRA-NORMA.
14. Valcke, C. (2019) Comparing Legal Styles. *International Journal of Law in Context*. 15.
15. Dozhdov, D.V. (1996) *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman Private Law]. Moscow: Izd. gruppy "INFRA-M": Norma.
16. Mamardashvili, M.K. (2009) *Opyt fizicheskoy metafiziki* [Experience of Physical Metaphysics]. Moscow: Progress traditsiya.
17. Четвернин, В.А. & Луман, Н. (2002) Самовоспроизводство права и его пределы [Self-reproduction of law and its limits]. In: Zagoruyko, K.F. (ed.) *Pravovaya mysl' XX veka* [Legal Thought of the 20th Century]. Moscow: INION RAS.
18. Leoni, B. (2008) *Svoboda i zakon* [Freedom and the Law]. Moscow: IRISEN.
19. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannyye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 1. Tallin: "Aleksandra".
20. Cross, R. (1985) *Pretsedent v angliyskom prave* [Precedent in English Law]. Translated from English. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
21. Hayek, F.A. (1982) *Law, Legislation and Liberty*. Routledge & Kegan Paul Ltd.
22. Fuller, L.L. (1967) *Legal Fictions*. Redwood City, California: Stanford University Press.
23. Муромцев, С.А. (1875) *O konservatizme rimskoy yurisprudentsii* [On the Conservatism of Roman Jurisprudence]. Moscow: Tip. A.I. Mamontova i Ko.
24. Четвернин, В.А. (2020) *Teoriya prava* [Theory of Law]. Moscow: Higher School of Economics.
25. Hayek, F.A. (1991) *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. Chicago: University of Chicago Press.
26. Ivanov, A.A. (2015) Problema primitivizatsii grazhdanskogo prava v Rossii [The problem of primitivization of civil law in Russia]. *Zakon*. 5. pp. 2–8.

Информация об авторе:

Рааб Р.С. – аспирант Департамента теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: belchikroma@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.S. Raab, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: belchikroma@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.11.2022;
одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 31.07.2023.

The article was submitted 05.11.2022;
approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 31.07.2023.

Научная статья
УДК 347.4
doi: 10.17223/15617793/492/22

Невозможность исполнения обязательства по французскому праву: результаты реформы в сравнительной перспективе

Екатерина Сергеевна Терди¹, Даниил Олегович Тузов²

^{1,2} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ e.terdi@mail.ru

² dtuzov@hse.ru

Аннотация. Анализируются обновленные в 2016 г. положения Гражданского кодекса Франции (ФГК) о невозможности исполнения обязательства в их сравнении с соответствующими нормами Кодекса Наполеона 1804 г. и ГК РФ. На основе сопоставления французской, российской, англосаксонской, пандектной и единообразной моделей невозможности исполнения обязательства сделан вывод о том, что, несмотря на авторитетность актов единообразного права, отказ их разработчиков от признания невозможности исполнения в качестве самостоятельного основания автоматического прекращения обязательства ни французским, ни российским гражданским законодательством в ходе их реформы воспринят не был. Подчеркивается значительная схожесть российской и французской моделей невозможности исполнения.

Ключевые слова: невозможность исполнения обязательства, альтернативное обязательство, форс-мажор, Гражданский кодекс Франции

Для цитирования: Терди Е.С., Тузов Д.О. Невозможность исполнения обязательства по французскому праву: результаты реформы в сравнительной перспективе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 203–209. doi: 10.17223/15617793/492/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/20

Impossibility of performance of an obligation under French law: Results of the reform in a comparative perspective

Ekaterina S. Terdi¹, Daniil O. Tuzov²

^{1,2} National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk Russian Federation

¹ e.terdi@mail.ru

² dtuzov@hse.ru

Abstract. The aim of the article is to identify the state of the Russian institution of impossibility of performance of an obligation on the basis of a detailed analysis of the French model of this institution in its historical development and in comparison with its other models (Pandect, Anglo-Saxon, Uniform models). The aim of the research determines its methodology, which is based on historical legal and comparative legal analyses mainly. The authors examine the provisions of the French Civil Code on the impossibility of performance of an obligation, updated on October 1, 2016, in comparison with both the relevant norms of the Napoleonic Code of 1804, the Russian Civil Code, the legislation of Germany and the United Kingdom, and *lex mercatoria*, taking into account the practice of their application. The authors establish prerequisites for the reform of the French law of obligations in 2016 in the relevant part. They note that introduction of the legal category “impossibility of performance of an obligation” is one of the novelties of the new version of the French Civil Code. This circumstance, however, did not lead to a significant change of the legal regulation in the relevant area. As before, a subsequent permanent impossibility of performance, for which neither party is responsible, is recognized by French law as a ground for an automatic termination of an obligation. The latter reflects the unwillingness of the French legislator to follow the trends set in this area by *lex mercatoria*. The authors emphasize that, despite the significant similarity between the Russian and French models of the impossibility of performance, the French judicial practice prevents a consistent implementation of the new legislative model, as it allows contract’s termination or amendment due to the impossibility of its performance by a court decision.

Keywords: impossibility of performance of obligation, alternative obligation, force majeure, French Civil Code

For citation: Terdi, E.S. & Tuzov, D.O. (2023) Impossibility of performance of an obligation under French law: Results of the reform in a comparative perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 203–209. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/22

Отсутствие легальной категории невозможности исполнения обязательства долгое время являлось особенностью французского гражданского законодательства, определявшего правовые последствия такой невозможности лишь применительно к частным случаям гибели, изъятия из гражданского оборота или утраты имущества, подлежащего передаче по договору [1]. Из трех наиболее известных проектов реформирования французского Гражданского кодекса – так называемые Проект Катала [2], Проект Министерства юстиции Франции [3] и Проект Терре [4] – невозможности исполнения обязательства было уделено внимание только в последнем, хронологически третьем проекте реформирования Гражданского кодекса Франции (ФГК), подготовленном за период 2009–2013 гг. рабочей группой, созданной при Академии нравственных и политических наук (*Académie des sciences morales et politiques*) под руководством почетного профессора Парижского университета Пантеон-Ассас (*Université Paris-Panthéon-Assas*) Франсуа Терре (*François Terré*).

Именно положения этого проекта, посвященные данному институту, нашли отражение в действующем ФГК, в результате реформы которого, состоявшейся в феврале 2016 г. (новая редакция соответствующих норм вступила в силу 1 октября 2016 г.) [5], в гражданском законодательстве Франции впервые появился термин «невозможность исполнения обязательства». Основу рассматриваемого правового института составляют ст. 1351 и 1351-1, формирующие раздел 5 «Невозможность исполнения» («*L'impossibilité d'exécuter*») главы IV «Прекращение обязательства» («*L'extinction de l'obligation*»), титула IV «Общий режим обязательств» («*Du régime général des obligations*») книги III ФГК, а также ст. 1218, размещенная в общих положениях о договоре.

Расположение ст. 1351 и 1351-1 ФГК в главе IV «Прекращение обязательства» само по себе свидетельствует о правопрекращающем эффекте невозможности исполнения. Более того, он прямо обозначен во втором предложении части второй ст. 1218 ФГК: «Если препятствие [к исполнению обязательства] является окончательным, договор автоматически прекращается, и стороны освобождаются от своих обязательств на условиях, предусмотренных ст. 1351 и 1351-1». Таким образом, несмотря на то, что одной из целей проведения реформы французского обязательственного права была его гармонизация с гражданским правом других европейских стран, а также с европейским правом и актами *lex mercatoria* [6; 7. Р. 2–3; 8. Р. 45–50; 9. Р. 1041–1043; 10], французский законодатель не воспринял все более распространяющийся в настоящее время подход, согласно которому наступление невозможности исполнения не прекращает обязательство автоматически, но дает право на расторжение договора в одностороннем порядке [1. С. 197–198].

Аналогичный путь был избран и российским законодателем, что позволяет констатировать определенную схожесть французской и российской моделей рассматриваемого правового института. Так, в обоих правовых порядках прекращение обязательства сопряжено только с *постоянной* (неустранимой) невозможностью исполнения. Во французском праве данное положение зафиксировано в ст. 1218 и 1351 ФГК, а в российском – разъяснено в п. 36 постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений ГК РФ о прекращении обязательств». При этом последствия *временной* невозможности исполнения во французском праве предусмотрены не в ст. 1351 и 1351-1 ФГК, которыми был введен институт невозможности исполнения, а в посвященной концепции форс-мажора ст. 1218 ФГК (первое предложение части второй): «Если препятствие [к исполнению обязательства] является временным, исполнение обязательства приостанавливается, кроме случаев, когда возникшая просрочка оправдывает расторжение договора». Аналогичные положения закреплены в ст. 328 ГК РФ применительно к синаллагматическим обязательствам. Таким образом, в ходе реформы ФГК законодательно был закреплен широко распространенный в гражданском праве континентальных европейских стран подход, согласно которому временная невозможность исполнения не считается невозможностью в собственном смысле этого слова, а потому не признается основанием прекращения обязательства [11. С. 390].

В соответствии со ст. 1351 ФГК «невозможность осуществить предоставление освобождает должника [от исполнения обязательства] в соответствующей части, когда она была вызвана обстоятельством непреодолимой силы и является окончательной, если только должник не принимает ее на себя или не находится в просрочке». Согласно ст. 1351-1 ФГК, «если невозможность исполнения вызвана утратой причитающейся [кредитору] вещи, то должник, находящийся в просрочке, тем не менее освобождается [от обязательства], если докажет, что эта утрата все равно произошла бы, даже если бы обязательство было исполнено. При этом он обязан уступить кредитору все связанные с вещью права и иски».

Данные нормы воспроизводят положения ст. 213 и 214 Проекта Терре. При этом следует согласиться с А.А. Маковской, которая, комментируя ст. 1351 ФГК, отмечает, что «в данном новом положении ФГК в виде более общего правила сформулированы те же идеи, которые выражены в положениях прежних ст. 1302–1303 Кодекса, предусматривающих прекращение обязательства в случае гибели вещи» [12. С. 101].

Более того, надо признать, что и ст. 1351-1 ФГК во многом дублирует нормы ст. 1302 и 1303 ФГК в первоначальной редакции, упоминая, как и прежде, лишь частный случай невозможности исполнения – утрату

предмета обязательства, что несколько нарушает целостность проведенной реформы, направленной на создание единого института невозможности исполнения. Кроме того, не ново и положение ст. 1351 ФГК, прямо разрешающее перераспределение риска наступления невозможности исполнения по договору в форме принятия должником на себя риска неисполнения обязательства в связи со случайной невозможностью. Из прежней редакции ФГК было заимствовано также указание на то, что должник не освобождается от обязательства при допущенной им просрочке, даже если невозможность исполнения была вызвана форс-мажором [1. С. 199–200]. Оно согласуется и с другими нормами французского гражданского законодательства.

Так, в соответствии со ст. 1196 ФГК право собственности на вещь и риск случайной гибели последней переходят на приобретателя в момент заключения договора (принцип *solo consensu*), если из договора, природы вещей или закона не следует иное. Отступлением от этого принципа является ситуация, когда требование кредитора-приобретателя о передаче вещи, создавая состояние просрочки должника-отчуждателя (*la mise en demeure de délivrer*), снова переносит на последнего этот риск (ст. 1196, 1344-2 ФГК).

Таким образом, при вызванной форс-мажором невозможности исполнения обязательства по договору, предусматривающему встречное удовлетворение (*contrat à titre onéreux*), например по договору купли-продажи, когда эта невозможность выражается в том, что предмет исполнения – индивидуально определенная вещь – случайно погиб в период допущенной должником (продавцом) просрочки исполнения обязанности по его передаче, риск такой случайной гибели лежит на должнике. Поэтому последний не имеет права требовать от кредитора (покупателя) уплаты покупной цены, а если она уже была уплачена – обязан возратить ее. Если же предмет обязательства погиб по причине форс-мажора после заключения договора, но до допущения должником (продавцом) просрочки, то риск несет кредитор (покупатель), который, таким образом, хотя и не получил вещь, обязан уплатить должнику (продавцу) ее покупную цену [13, 14].

Нельзя не заметить, что при формулировании новых положений о невозможности исполнения обязательства французский законодатель сохранил приверженность теории трансформации, или «продолжения», обязательства (лат. *perpetuatio obligationis*), берущей начало в римском праве, указав в ст. 1351 ФГК, что должник освобождается от обязательства только в том случае, если невозможность его исполнения вызвана форс-мажором. Данная позиция разделяется и российским законодателем: согласно п. 1 ст. 416 ГК РФ, обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. Между тем в российской цивилистической литературе можно встретить критику такого подхода, основанную на том, что какими бы причинами невозможность исполнения ни была вызвана, она влечет прекращение регулятивного договорного

обязательства; возникновение же при этом охранительного обязательства (а не трансформация регулятивного обязательства в охранительное) сопряжено лишь с невозможностью исполнения, за наступление которой отвечает одна из его сторон [15. С. 804].

Еще одним из результатов реформы французского обязательственного права стало закрепление в ст. 1218 ФГК применительно к договорному праву ранее отсутствовавшего легального определения форс-мажора (*force majeure*) как препятствующего должнику исполнить свое обязательство события, «*выходящего из-под контроля должника, которое нельзя было разумно предвидеть в момент заключения договора и последствия которого нельзя избежать соответствующими мерами*».

Следует отметить, что французский законодатель в полном соответствии с современными тенденциями развития цивилистической мысли и потребностями гражданского оборота отказался от признания первоначальной невозможности исполнения обязательства в качестве самостоятельного основания недействительности договора. Такому решению, по-видимому, во многом способствовал отказ от концепции каузы. Действующая редакция ст. 1128 ФГК более не предусматривает наличие дозволенной каузы и дозволенного предмета в качестве условий действительности договора.

В настоящее время к таким условиям относятся, как и ранее, наличие соглашения сторон и их дееспособность, а также – и в этом состоит новелла 2016 г. – соответствие договора требованиям закона к его содержанию и определенности его условий. Последнее условие, функционально заменившее условия о дозволенных каузе и предмете, должно быть рассмотрено более внимательно, поскольку ситуация, при которой на момент заключения договора и возникновения обязательства обязанность должника не могла быть исполнена в связи с несоответствием договора закону, с чем связана, согласно ст. 1128 ФГК недействительность договора, может быть охарактеризована, с точки зрения пандектной доктрины, как первоначальная юридическая невозможность исполнения. Более того, в соответствии со ст. 1163 ФГК предмет договора может быть как наличествующим, так и будущим, но в любом случае он должен быть возможным и определенным либо определенным. Поскольку данная статья помещена в субсекцию «Содержание договора» («*Le contenu du contrat*»), а в соответствии со ст. 1128 ФГК условием действительности договора является, как показано выше, соответствие содержания договора требованиям закона, то представляется, что договор с незаконным либо невозможным предметом (например, договор подряда о создании *perpetuum mobile*) является недействительным. Несмотря на то, что в пандектике такое решение объяснялось с помощью концепции первоначальной невозможности исполнения, а в действующем французском гражданском законодательстве (как и в Германском гражданском уложении в редакции 2002 г., а также в актах *lex mercatoria*) оно имеет иное обоснование, по существу результат такого правового регулирования в различных правовых системах идентичен.

Отдельный интерес представляют обновленные положения ФГК о невозможности исполнения *альтернативного* и *факультативного* обязательств и об этих обязательствах вообще. Они полностью воспроизводят ст. 170–174 Проекта Терре и существенно отличаются от первоначальных, так как были сформулированы с учетом правовых позиций Кассационного суда Франции.

Первое принципиальное отличие состоит в том, что ст. 1307-1 ФГК в новой редакции впервые определяет последствия неосуществления управомоченной стороной в предусмотренный договором срок или в отсутствие такового – в разумный срок принадлежащего ей права выбора одного из нескольких предусмотренных договором альтернативных предметов исполнения. В таком случае другая сторона имеет право после предъявления требования об исполнении самостоятельно осуществить выбор или расторгнуть договор. Осуществление выбора предмета исполнения является окончательным и влечет утрату обязательством характера альтернативного. Данное правило, сформулированное Кассационным судом Франции в решении, вынесенном 3 июня 1966 г. [16], означает, что надлежащим признается только исполнение, осуществленное в соответствии со сделанным управомоченной стороной выбором. В ГК РФ вопросу неосуществления управомоченной стороной выбора в альтернативном обязательстве посвящена ст. 320, согласно которой, если должник по альтернативному обязательству, имеющий право выбора, не сделал его в пределах установленного для этого срока, в том числе путем исполнения обязательства, кредитор по своему выбору вправе потребовать от должника «совершения соответствующего действия или воздержаться от совершения действия». Недостатком юридической техники в данной формулировке является ее двусмысленность. В частности, может возникнуть вопрос относительно того, на что в рассматриваемом случае имеет право кредитор: на осуществление выбора вместо должника или на адресованное должнику требование осуществить этот выбор.

Данную неопределенность устраняет разъяснение, содержащееся п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (далее Пленум № 54): если должник не сделал выбор в установленные сроки, управомоченным на выбор в соответствии с п. 1 ст. 320 ГК РФ становится кредитор. Пункт 2 ст. 320 ГК РФ сформулирован более конкретно и гласит, что если право выбора по альтернативному обязательству предоставлено кредитору или третьему лицу и указанные субъекты не сделали выбор в пределах установленного для этого срока, должник исполняет обязательство по своему выбору. Таким образом, последствием неосуществления управомоченным лицом права выбора предмета исполнения альтернативного обязательства является переход этого права к контрагенту. При этом, в отличие от ФГК, в российском гражданском законодательстве возникновение этого права не сопряжено с предварительным предъявлением контрагенту требования,

хотя Пленум № 54 все-таки предоставляет должнику право (но не обязанность!) потребовать от кредитора или третьего лица, обладающих правом выбора, указаний на предмет исполнения обязательства; должник, не обратившийся с таким требованием после истечения срока для его осуществления, не считается просрочившим (п. 45 Пленума № 54).

Как следует из формулировки ст. 1307-1 ФГК, стороной, управомоченной на выбор предмета исполнения, признается должник. Однако с учетом ст. 1307-4 ФГК, устанавливающей правовые последствия возникновения невозможности исполнения альтернативного обязательства в случае неосуществления *кредитором* права выбора предмета исполнения, во французской цивилистике признается, что право выбора может быть предоставлено законом или соглашением сторон кредитору. Первоначальная редакция ст. 1190 ФГК не требовала подобного толкования, так как прямо устанавливала, что право выбора предмета исполнения альтернативного обязательства принадлежит должнику, если оно не было явно предоставлено кредитору [1. С. 203]. Позиция, согласно которой суд не может заменить сторону в осуществлении выбора предмета исполнения альтернативного обязательства, так как не является стороной договора, а потому при неосуществлении права выбора управомоченной стороной оно переходит к ее контрагенту, была сформулирована Кассационным судом Франции в решении, вынесенном 4 июля 1968 г. [17].

Второе существенное отличие новых норм об альтернативных обязательствах от их предыдущей редакции заключается в значительно менее подробном регулировании отношений, связанных с *невозможностью исполнения* альтернативного обязательства. Существовавшее до реформы правовое регулирование практически не оставляло «белых пятен» и при этом критиковалось некоторыми французскими цивилистами (в частности, М. Планиолем) за избыточность [1. С. 203]. Новая редакция ФГК в этом отношении гораздо более лаконична, хотя при этом нормы ст. 1307-2 и 1307-5 ФГК, посвященные невозможности исполнения альтернативного обязательства, дублируют, как представляется, общие положения ФГК о невозможности исполнения и нормы ФГК об осуществлении выбора предмета исполнения альтернативного обязательства.

Так, согласно ст. 1307-2 ФГК, должник освобождается от исполнения альтернативного обязательства, если после осуществления выбора предмета обязательства наступила вызванная форс-мажором невозможность его исполнения. Как отмечалось выше, ст. 1307-1 ФГК связывает с осуществлением выбора предмета исполнения трансформацию альтернативного обязательства в простое. В соответствии со ст. 1351 ФГК, невозможность исполнения обязательства, вызванная форс-мажором, влечет его прекращение. Таким образом, системное толкование указанных норм в принципе позволяет обойтись без ст. 1307-2 ФГК [17].

Далее, в соответствии со ст. 1307-5 ФГК, в случае наступления невозможности совершения каждого из

действий, предусмотренных альтернативным обязательством, должник освобождается от его исполнения только в том случае, если форс-мажор стал причиной невозможности совершения всех предусмотренных обязательств альтернативных действий. С учетом того, что данная ситуация может сложиться, если только выбор предмета исполнения до момента наступления невозможности исполнения еще не был осуществлен, аналогичный вывод можно было бы сделать на основании лишь ст. 1351 ФГК. Так, если форс-мажор стал причиной невозможности совершения только одного из двух действий, предусмотренных альтернативным обязательством (или, если в обязательстве более двух предметов, то при невозможности всех их, кроме одного), то оно трансформируется в простое. Если предмет последнего не может быть предоставлен по причине, с форс-мажором не связанной, то в соответствии со ст. 1351 ФГК должник не освобождается от исполнения обязательства; он обязан возместить кредитору стоимость предмета исполнения и другие убытки, причиненные неисполнением обязательства. Если же форс-мажор привел к невозможности совершения всех действий, предусмотренных альтернативным обязательством, то последнее прекращается без возникновения обязанности должника по возмещению убытков. Данное правовое последствие, как отмечалось выше, наступит и в том случае, если невозможность исполнения, вызванная форс-мажором, возникнет после осуществления управомоченной стороной права выбора предмета исполнения [17].

Две другие статьи, посвященные альтернативному обязательству, – ст. 1307-3 и 1307-4 ФГК – определяют правовые последствия невозможности исполнения при неосуществлении выбора предмета исполнения должником или кредитором, соответственно. Должник, не выбравший предмет исполнения, в случае наступления невозможности исполнения альтернативного обязательства предоставлением одного из предметов обязан предоставить кредитору другой предмет (ст. 1307-3 ФГК). Кредитор, не выбравший предмет исполнения, в случае наступления невозможности исполнения альтернативного обязательства предоставлением одного из предметов по причине форс-мажора, обязан принять другой предмет (ст. 1307-4 ФГК). В ГК РФ отсутствуют нормы, посвященные распределению риска наступления невозможности исполнения альтернативного обязательства до осуществления выбора управомоченной стороной. Представляется, что они и не требуются, так как могут быть логически выведены с учетом других установленных законом и разъясненных Верховным Судом РФ правил. Так, если невозможность совершения одного из предусмотренных альтернативным обязательством действий наступила до истечения срока для осуществления управомоченным лицом выбора предмета исполнения, то применению подлежат разъяснения уже упоминавшегося п. 46 Пленума № 54. Если же невозможность исполнения наступила после истечения срока для осуществления выбора, то те же разъяснения применяются с учетом того, что право выбора переходит к контрагенту.

Необходимо упомянуть, что новая редакция ФГК, в отличие от предыдущей, содержит положения не только об альтернативных, но и о факультативных обязательствах, т.е. обязательствах с единственным предметом исполнения, который, однако, может быть заменен должником. Поскольку замена предмета является правом, а не обязанностью должника, ст. 1308 ФГК констатирует прекращение факультативного обязательства в связи с невозможностью его исполнения, возникшей по причине форс-мажора. Российский законодатель в ходе реформы ГК РФ также посчитал необходимым обратить внимание на факультативные обязательства, посвятив им ст. 308 и 320 ГК РФ. При этом последствия невозможности исполнения факультативного обязательства в российском законодательстве не определяются, но разъяснения по данному вопросу содержатся в п. 48 Пленума № 54: в случае невозможности исполнения должником основного предоставления кредитор не имеет права требовать исполнения факультативного.

Итак, следует заключить, что, поскольку в первоначальной редакции ФГК термин «невозможность исполнения обязательства» не использовался, это некоторым образом роднило французский подход с существовавшим в Великобритании до середины XIX в., в соответствии с которым ни первоначальная, ни последующая невозможность не влияли на обязательство. Между тем, в отличие от описанной англосаксонской модели, такие частные случаи невозможности исполнения обязательства, как гибель, изъятие из гражданского оборота или утрата предмета обязательства, наступившие после его возникновения, являлись, согласно прежней редакции ФГК, основанием автоматического прекращения обязательства, если происходили без вины должника и до того, как он допустил просрочку. Это позволяет констатировать схожесть французской и российской моделей рассматриваемого правового института, а также принципиальное их отличие от подхода, воплощенного в актах *lex mercatoria* и в действующей редакции ГГУ, согласно которым прекращение обязательства связывается не с невозможностью исполнения как таковой, а с уведомлением должника о расторжении договора в связи с неисполнением обязательства. При этом французские суды считали допустимым не только констатировать автоматическое прекращение обязательства в момент наступления невозможности его исполнения, но также прекращать соответствующие договоры своим решением или даже изменять их, что вызывало критику в адрес французской модели невозможности исполнения (в том числе со стороны французских цивилистов) за ее непоследовательность [11. С. 386; 18. Р. 199–202; 19. С. 113].

Если модель невозможности исполнения обязательства, принятая в актах единообразного права, не признает первоначальную невозможность самостоятельным основанием недействительности договора (в отличие от пандектной модели, исходящей из латинской максимы *impossibilium nulla obligatio est*), рассматривая ее в ракурсе или нарушения договора, приводящего к его расторжению, или ошибки при заключении договора, влекущей недействительность последнего, то во французском праве до реформы ФГК одним

из оснований недействительности договора была *недозволенность* его *каузы* – основание, характерное для гражданского права Франции и стран, воспринявших французскую модель.

В результате реформы обязательственного права 2016 г. французский законодатель отказался от таких оснований недействительности договора, как отсутствие или недозволенность *каузы* и *недозволенность* предмета, и по примеру действующей редакции ГГУ и актов *lex mercatoria* не признал первоначальную невозможность исполнения обязательства как таковую в качестве самостоятельного основания недействительности договора. Между тем, согласно действующему ФГК, несоответствие договора требованиям закона к содержанию и неопределенность его условий (в том числе условия о предмете) хоть и не квалифицируется в качестве первоначальной невозможности исполнения обязательства, является основанием недействительности договора, что, по сути, делает таким основанием в том числе и невозможность предмета.

Существенной новеллой ФГК стало введение термина «невозможность исполнения обязательства», ранее в нем отсутствовавшего, и признание такой невозможности основанием освобождения должника от исполнения обязательства и автоматического прекращения последнего. Данное обстоятельство представляется важным, так как отражает нежелание французского законодателя следовать некоторым современным трендам, заданным единообразным правом.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в части регулирования отношений, связанных с наступлением невозможности исполнения обязательства, французский и российский законодатель реализуют во многом схожие модели. Следует, однако, учитывать, что сложившаяся до рассматриваемой реформы ФГК французская судебная практика, допускающая при наступлении невозможности исполнения обязательства изменение или расторжение договора судом, не вполне соответствует новой законодательной модели.

Список источников

1. Терди Е.С., Тузов Д.О. Невозможность исполнения обязательства по Кодексу Наполеона 1804 г. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 195–207. doi: 10.17223/22253513/46/14
2. Catala P. (dir.) *Avant-projet de Reforme du Droit des Obligations (Articles 1101 a 1386 du Code Civil) et du Droit de la Prescription (Articles 2234 a 2281 Code Civil). Rapport a Monsieur Pascal Clement Garde des Sceaux, Ministre de la Justice, 22 Septembre 2005.* URL: http://www.justice.gouv.fr/art_pix/RAPPORTCATALESEPTEMBRE2005.pdf (дата обращения: 02.03.2023).
3. Le Projet de la Chancellerie de Réforme du Droit des Contrats. URL: http://www.chairejlb.ca/files/sites/38/2010/07/reforme_all.pdf (дата обращения: 02.03.2023).
4. Terré F. (dir.) *L'avant-projet de Réforme du Droit des Obligations.* Document de travail 23 octobre 2013 [ressource électronique]. mfmblog.files.wordpress.com. URL: <https://mfmblog.files.wordpress.com/2014/09/avant-projet-de-rc3a9forme-octobre-2013.pdf> (дата обращения: 02.03.2023).
5. Ordonnance n° 2016-131 du 10 février 2016 Portant Réforme du Droit des Contrats, du Régime Général et de la Prevue des Obligations // Journal Officiel n°0035 du 11 février 2016 texte n° 26. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032004939&categorieLien=id> (дата обращения: 02.03.2023).
6. Séjean M. The French Reform of Contracts: An Opportunity to Tie Together the Community of Civil Lawyers // *A Louisiana Law Review*. 2016. Vol. 76, № 4. P. 1151–1161.
7. Boucard H. The Curious Process of Reforming France's Law of Obligations // *Montesquieu Law Review*. 2015. № 1. P. 1–13.
8. Downe A. The Reform of French Contract Law: A Critical Overview // *Revista da Faculdade de Direito UFPR*. 2016. Vol. 61, № 1. P. 43–68.
9. Smits J., Calomme C. The Reform of the French Law of Obligations // *Maastricht Journal*. 2016. № 6. P. 1040–1050.
10. Rowan S. The New French Law of Contract // *International & Comparative Law Quarterly*. 2017. P. 2–4; 17–20. URL: http://eprints.lse.ac.uk/75815/1/Rowan_New%20French%20law_2017.pdf (дата обращения: 02.03.2023).
11. Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции. Т. 2. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 728 с.
12. Маковская А.А. Реформа договорного права во Франции. Новые положения Гражданского кодекса Франции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 8. С. 76–101.
13. François C. La Réforme du Droit des Contrats Présentée par l'IEJ de Paris 1. Présentation des Articles 1217 à 1218 de la Nouvelle Section 5 «L'inexécution du Contrat». URL: <https://iej.univ-paris1.fr/openaccess/reforme-contrats/titre3/stitre1/chap4/sect5/> (дата обращения: 02.03.2023).
14. François C. La Réforme du Droit des Contrats Présentée par l'IEJ de Paris 1. Présentation des Articles 1196 à 1198 de la Nouvelle Section 2 «Effet Translatif». URL: <https://iej.univ-paris1.fr/openaccess/reforme-contrats/titre3/stitre1/chap4/sect1/ssect2-effet-translatif/> (дата обращения: 02.03.2023).
15. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. 1120 с.
16. Bamdè A. L'obligation Plurale par ses Objets: les Obligations Cumulatives, Alternatives et Facultatives. URL: <https://aurelien-bamde.com/2017/09/11/obligation-plurale-par-ses-objets-les-obligations-cumulatives-alternatives-et-facultatives/> (дата обращения: 02.03.2023).
17. François C. La Réforme du Droit des Contrats Présentée par l'IEJ de Paris 1. Présentation des Articles 1307 à 1307-5 du Nouveau Paragraphe 2 «L'obligation Alternative». URL: <https://iej.univ-paris1.fr/openaccess/reforme-contrats/titre4/chap1/sect3/ssect1/para2-obligation-alternative/> (дата обращения: 02.03.2023).
18. Nicholas B. *French Law of Contract*. London: Butterworths, 1982. 253 p.
19. Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции. Т. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 742 с.

References

1. Terdi, E.S. & Tuzov, D.O. (2022) Impossibility of Performance of an Obligation under the Napoleonic Code of 1804. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal of Law*. 46. pp. 195–207. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/46/14
2. Catala, P. (ed.) *Avant-projet de Reforme du Droit des Obligations (Articles 1101 a 1386 du Code Civil) et du Droit de la Prescription (Articles 2234 a 2281 Code Civil). Rapport a Monsieur Pascal Clement Garde des Sceaux, Ministre de la Justice, 22 Septembre 2005.* [Online] Available from: http://www.justice.gouv.fr/art_pix/RAPPORTCATALESEPTEMBRE2005.pdf (Accessed: 02.03.2023).
3. Chaire Jean-Louis Baudouin. (2008) *Le Projet de la Chancellerie de Réforme du Droit des Contrats.* [Online] Available from: http://www.chairejlb.ca/files/sites/38/2010/07/reforme_all.pdf (Accessed: 02.03.2023).

4. Terré, F. (ed.) (2013) L'avant-projet de Réforme du Droit des Obligations. Document de travail 23 octobre 2013. *Mfmblog*. [Online] Available from: <https://mfmblog.files.wordpress.com/2014/09/avant-projet-de-rc3a9forme-octobre-2013.pdf> (Accessed: 02.03.2023).
5. Légifrance. (2016) Ordonnance n° 2016-131 du 10 février 2016 Portant Réforme du Droit des Contrats, du Régime Général et de la Preuve des Obligations. *Journal Officiel*. 0035 (26). 11 February. [Online] Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032004939&categorieLien=id> (Accessed: 02.03.2023).
6. Séjean, M. (2016) The French Reform of Contracts: An Opportunity to Tie Together the Community of Civil Lawyers. *A Louisiana Law Review*. 4 (76). pp. 1151–1161.
7. Boucard, H. (2015) The Curious Process of Reforming France's Law of Obligations. *Montesquieu Law Review*. 1. pp. 1–13.
8. Downe, A. (2016) The Reform of French Contract Law: A Critical Overview. *Revista da Faculdade de Direito UFPR*. 1 (61). pp. 43–68.
9. Smits, J. & Calomme, C. (2016) The Reform of the French Law of Obligations. *Maastricht Journal*. 6. pp. 1040–1050.
10. Rowan, S. (2017) The New French Law of Contract. *International & Comparative Law Quarterly*. pp. 2–4; 17–20. [Online] Available from: http://eprints.lse.ac.uk/75815/1/Rowan_New%20French%20law_2017.pdf (Accessed: 02.03.2023).
11. de la Morandière, J.L. (1960) *Grazhdanskoe pravo Frantsii* [Civil Law of France]. Translated from French. Vol. 2. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
12. Makovskaya, A.A. (2016) Reforma dogovornogo prava vo Frantsii. Novye polozheniya Grazhdanskogo kodeksa Frantsii [Reform of contract law in France. New provisions of the French Civil Code]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 8. pp. 76–101.
13. François, S. (2016) La Réforme du Droit des Contrats Présentée par l'IEJ de Paris 1. Présentation des Articles 1217 à 1218 de la Nouvelle Section 5 "L'inexécution du Contrat". *Institut d'études judiciaires Jean Domat*. [Online] Available from: <https://iej.univ-paris1.fr/openaccess/reforme-contracts/titre3/stitre1/chap4/sect5/> (Accessed: 02.03.2023).
14. François, S. (2016) La Réforme du Droit des Contrats Présentée par l'IEJ de Paris 1. Présentation des Articles 1196 à 1198 de la Nouvelle Section 2 "Effet Translatif". *Institut d'études judiciaires Jean Domat*. [Online] Available from: <https://iej.univ-paris1.fr/openaccess/reforme-contracts/titre3/stitre1/chap4/sect1/ssect2-effet-translatif/> (Accessed: 02.03.2023).
15. Karapetov, A.G. (ed.) (2017) *Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast')*: *postateynny kommentariy k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Contract and Obligation Law (General part): article-by-article commentary to articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. [Electronic edition. Version 1.0]. Moscow: M-Logos.
16. Bamdé, A. (2017) L'obligation Plurale par ses Objets: les Obligations Cumulatives, Alternatives et Facultatives. *A. Bamdé & J. Bourdoiseau. Le droit dans tous ses états*. 11 September. [Online] Available from: <https://aurelienbamde.com/2017/09/11/lobligation-plurale-par-ses-objets-les-obligations-cumulatives-alternatives-et-facultatives/> (Accessed: 02.03.2023).
17. François, S. (2016) La Réforme du Droit des Contrats Présentée par l'IEJ de Paris 1. Présentation des Articles 1307 à 1307-5 du Nouveau Paragraphe 2 "L'obligation Alternative". *Institut d'études judiciaires Jean Domat*. [Online] Available from: <https://iej.univ-paris1.fr/openaccess/reforme-contracts/titre4/chap1/sect3/ssect1/para2-obligation-alternative/> (Accessed: 02.03.2023).
18. Nicholas, B. (1982) *French Law of Contract*. London: Butterworths.
19. de la Morandière, J.L. (1960) *Grazhdanskoe pravo Frantsii* [Civil Law of France]. Translated from French. Vol. 1. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.

Информация об авторах:

Терди Е.С. – канд. юрид. наук, магистр наук в области сравнительного права, экономики и финансов, доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: e.terdi@mail.ru

Тузов Д.О. – д-р юрид. наук, доктор римского и гражданского права, профессор кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dtuzov@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.S. Terdi, Cand. Sci. (Law), MSc. (Comparative Law, Economics and Finance), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.terdi@mail.ru

D.O. Tuzov, Dr. Sci. (Law), Doctor of Roman and Civil Law, professor, National Research Tomsk State University (Tomsk Russian Federation); professor, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dtuzov@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.06.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 28.04.2023;
approved after reviewing 25.06.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

Научная статья
УДК 343.3.7
doi: 10.17223/15617793/492/23

Кодификационные проекты советского уголовного законодательства в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Татьяна Федоровна Яшук¹

¹ Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, yashukomsu@mail.ru

Аннотация. Выявлены и рассмотрены кодификационные проекты уголовного законодательства, которые готовились в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Рассмотрены причины их создания. Дан анализ трех основных проектов Уголовных кодексов. Отмечено, при всех различиях они отражали социологическое понимание права. Особенностью обсуждений проектов была высокая дискуссионность. Хотя ни один из проектов не стал законом, своим содержанием они оказали влияние на последующее развитие уголовного законодательства.

Ключевые слова: история права, советское законодательство, история уголовного законодательства, кодификация, история кодификации, проекты кодексов

Для цитирования: Яшук Т.Ф. Кодификационные проекты советского уголовного законодательства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 210–219. doi: 10.17223/15617793/492/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/492/23

Codification projects of the Soviet criminal legislation in the late 1920s and early 1930s

Tatiana F. Yashchuk¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, yashukomsu@mail.ru

Abstract. The article considers codification projects of criminal legislation, which have not been previously studied in legal science. The chronological framework of the study is substantiated. It covers the period from the late 1920s to the early 1930s. Codification consisted in drafting the Criminal Code. The article is based on various sources. First of all, the texts of the projects themselves were studied. Many of them were printed in separate brochures, accompanied by explanatory notes and commentaries. The process of discussing projects was reflected in specialized legal journals. In addition to published sources, archival materials from the funds of scientific institutions that participated in the preparation of projects were used. The main research methods were comparative legal (used to compare individual projects) and formal legal (used to analyze the content of the proposed rules). The conditions and reasons for the reform of the criminal legislation that was developed in the late 1920s are revealed. The following reasons are indicated and disclosed: political; law enforcement; legislative; doctrinal; legislative. Three main drafts of the Criminal Code are analyzed. The most famous was the project of N.V. Krylenko. The second project was prepared in a scientific institution – the State Institute for the Study of Crime and the Criminal. The third project was developed by the leaders and staff of the Supreme Court of the USSR. Similarities and differences of the projects are shown. All the projects reflected the influence of the sociological school of law. They proposed a simplified classification of crimes, replaced the concept of punishment, and, when imposing punishment, they recommended taking into account the class origin of the offender. When considering the case, the court allowed a wide judicial discretion. Krylenko's project was characterized as the most radical. Krylenko openly denied the domestic tradition of codifying criminal law. Each project was actively criticized. There was no constructive cooperation. The drafts did not become laws, but they influenced the change in criminal law in the 1930s, which turned into a means of solving political problems. A positive result was an attempt to holistically reform the sources of criminal law. A number of projects intended to unite in one law rules that had previously been dispersed in the laws of the USSR and the RSFSR. Studying the drafts of the Criminal Code fills the gap in knowledge about an important stage in the codification of Soviet legislation and the development of criminal law.

Keywords: history of law, Soviet legislation, history of criminal law, codification, history of codification, draft codes

For citation: Yashchuk, T.F. (2023) Codification projects of the Soviet criminal legislation in the late 1920s and early 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 210–219. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/23

Введение

В юридической науке основное внимание уделяется актам, которые обладали статусом действующих законов, а содержащиеся в них нормы регулировали реальные общественные отношения. Однако для всестороннего познания эволюции законодательства необходимо выявлять и исследовать документальные источники различного происхождения, поскольку они отражают законотворческий процесс, который далеко не всегда имел однолинейную направленность и завершался утверждением готовившегося акта. Богатая практика кодификации уголовного законодательства, одной из наиболее развитых отраслей отечественной системы права, позволяет показать важность и продуктивность такого исследовательского ракурса.

В истории кодификации российского уголовного законодательства советского периода можно выделить несколько этапов. Первый этап – это время становления советского государства и права, когда систематизированные акты были единичными. Уголовно-правовые нормы в наиболее обобщенном виде были закреплены в «Руководящих началах по уголовному праву» 1919 г., которые являлись не законом, а инструкцией наркомата юстиции. Следующий этап – с 1922 до 1924 г. – характеризуется успешным созданием УК РСФСР 1922 г. и первым опытом его реализации. Принятие Конституции СССР 1924 г., установившей особый вид общесоюзных законов, за которыми впоследствии закрепилось собирательное название «Основы», открыло новый этап систематизации законодательства. В соответствии с конституционным требованием в октябре 1924 г. приняты Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а в 1926 г. с учетом их положений – УК РСФСР. Двухуровневая система источников уголовного права сохранялась до утверждения Конституции СССР 1936 г., передавшей кодификацию уголовного законодательства в сферу общесоюзной компетенции. Усилия по подготовке УК СССР предпринимались до пересмотра в конце 1950-х гг. конституционно нормы, вернувшей УК статус республиканского закона. Восстанавливалась апробированная ранее двухуровневая модель структурирования законодательства: в 1958 г. приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а в 1960 г. – УК РСФСР. До конца советского периода уголовное законодательство развивалось путем внесения изменений и дополнений в действующие акты.

В историко-правовой и отраслевой науке не все этапы кодификации уголовного законодательства рассмотрены равномерно. Наибольший исследовательский интерес вызывают крупные систематизированные акты, прежде всего УК РСФСР 1922 [1]. Юбилейная дата – 100-летие со дня принятия – способствовала активизации его дальнейшего изучения [2].

Последующие этапы кодификации советского уголовного законодательства в качестве самостоятельных обычно не выделялись и предметно не анализировались. В целом их содержание отражено в коллективной монографии «История советского уголовного права» [3], обобщающих трудах, посвященных советскому

государству и праву [4], статьях Н.Ф. Кузнецовой [5, 6], публикациях других авторов [7]. При этом акцент переносился на крупные действующие акты, в отношении их выделялась и анализировалась законотворческая стадия. «Тупиковые» проекты могли упоминаться, но отдельно не рассматриваться. Немногочисленные работы, непосредственно посвященные нереализованным проектам, лучше освещают процесс подготовки и содержание проекта УК СССР [8, 9], т.е., касаются более поздних событий. Проекты реформирования УК, появившиеся в конце нэпа и поддерживаемые в актуальном поле вплоть до середины 1930-х гг. не становились предметом отдельных исследований. Косвенно они затрагивались при обращении к истории судебной системы, органов юстиции [10], политического и профессионального противостояния между видными юристами в 1920–1930-х гг., прежде всего, между Н.В. Крыленко и А.Я. Вышинским [11].

Представленная статья имеет целью восполнить сложившийся в историко-правовой науке тематический пробел, а именно всесторонне рассмотреть выдвигаемые и обсуждаемые в конце 1920 – начале 1930-х гг. проекты кодификации уголовного законодательства. Основные задачи будут состоять в выявлении причин, обусловивших стремление разных акторов к реформированию основного кодифицированного акта в области уголовного права; проведении сравнительного анализа выдвигаемых проектов; их дифференциации на «тупиковые» и перспективные варианты; установлении взаимосвязи законотворческой деятельности с государственной политикой, социальными запросами и ожиданиями.

В итоге проведенного исследования появится возможность оценить место проектных работ в общем процессе трансформации отечественного уголовного законодательства, определить степень транзита выдвигаемых идей в правоприменительную практику и последующие законодательные акты.

Заявленная тема хорошо обеспечена многочисленными и различными по происхождению источниками. Процесс выдвижения, обсуждения, критики проектов был открытым и публичным, поэтому подробно освещался на страницах профильных юридических журналов и в других изданиях. Большинство проектов печатались отдельными брошюрами и сопровождалось пояснительными записками, комментариями. В архивных фондах государственных и научных учреждений, где трудились составители проектов, сохранились различные документы (протоколы заседаний, тезисы докладов и др.).

Исследование проведено с использованием ряда методов, среди которых наибольшее значение имели сравнительно-правовой, который позволил провести сопоставление отдельных проектов, и формально-юридический, применявшийся для анализа содержания предлагаемых норм.

Условия и причины реформирования уголовного законодательства

К концу 1920-х гг. уголовное законодательство было полностью кодифицировано, причем, состояние источников в этой отрасли было существенно лучше, чем в

ряде других отраслей советского права. Как отмечалось ранее, оперативно было выполнено требование ст. 1 Конституции СССР 1924 г.: в октябре 1924 г. утверждены Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. При этом подготовка предусмотренных Конституцией аналогичных актов в отношении гражданского законодательства, судоустройства и судопроизводства и откладывалась или затягивалась. В юридической доктрине 1920-х гг. считалось, что Основные начала формулировали общие принципы уголовного законодательства и «не были рассчитаны на то, чтобы заменить собой общие части отдельных республиканских УК» [12. С. 75]. Принятый в 1926 г. УК РСФСР, с одной стороны, сохранил высокую преемственность с предыдущим Уголовным кодексом, поэтому можно встретить его обозначение как «УК РСФСР 1922 г. в редакции 1926 г.». С другой стороны, в 1926 г. в республиканский кодекс был имплементирован основной методологический посыл Основ – отказ от понятия «наказания», как характерного для буржуазного права и связанного с возмездием, и замена его неравнозначным термином «меры социальной защиты». Кроме того, подтверждался закрепленный в предыдущих уголовных актах (Руководящих началах по уголовному праву 1919 г., УК РСФСР 1922 г., Основах 1924 г.) принцип, что при выборе санкции учитывается не столько вина, сколько социальная опасность и самого преступника, и совершенного им деяния.

К сожалению, состоявшееся упорядочение системы источников уголовного права, как и целесообразность поддержания ее стабильности, не считались самоценностью, напротив, недавно введенные в действие они стали подвергаться критике, после чего был сделан вывод о необходимости их пересмотра. Причины такого поворота можно сгруппировать следующим образом.

1. Политические причины, которые отражали потребность в кодексе, лучше отвечающем задачам реконструктивного периода, «потребностям эпохи индустриализации страны и развернутого социалистического строительства» [13. С. 3]. Приведенная цитата воспроизводит звучавшие рефреном заявления видных юристов на ряде статусных мероприятий: 1-м Всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей (октябрь 1928 г.), на VI съезде деятелей советской юстиции (февраль 1929 г.). Ораторы искренне полагали, что уголовный кодекс должен был стать юридическим средством решения политических задач.

2. Правоприменительные причины вытекали из практики назначения и отбывания наказаний. Официальный курс на гуманизацию и ограничение уголовной репрессии, о чем свидетельствовало снижение в УК 1926 г. по сравнению с УК 1922 г. санкций почти в половине статей, не поддерживался. Суды по-прежнему выносили приговоры, предусматривающие лишение свободы на длительные сроки за незначительные преступления, назначали краткосрочное лишение свободы в тех случаях, где можно было ограничиться иными мерами воздействия [14. С. 264]. Криминологические исследования показывали, что подавляющее большинство

осужденных относились к трудящимся, т.е. не являлись классовыми врагами. К приему значительного количества заключенных не были готовы исправительно-трудовые учреждения, поэтому на пересмотре уголовного законодательства с целью исправить явно ненормальную ситуацию настаивали работники пенитенциарной системы.

3. Законодательные причины заключались в состоянии источников уголовного законодательства. Форма уровневой систематизации отраслевых норм была новой для отечественной законотворческой практики и начала складываться только в советских условиях. Применительно к уголовному праву, относящемуся к публичным отраслям, провести разграничение нормативных предписаний между союзным и республиканским законодательством было особенно сложно. Такая проблема обозначилась в процессе подготовки УК РСФСР 1926 г. В него не получалось включить главу «Государственные (контрреволюционные) преступления», поскольку установление уголовной ответственности за данный вид преступлений допускалось исключительно нормами общесоюзного законодательства. Аналогичное ограничение действовало в отношении воинских преступлений. Поэтому только после принятия в 1927 г. соответствующих общесоюзных актов разделы об этих видах преступлений были инкорпорированы в УК РСФСР.

4. Причины, обусловленные наличием различных подходов к пониманию права в целом и уголовного права в частности. В формировании концептуальных основ советского законодательства большую роль сыграла социологическая школа права. Особенно заметным было ее влияние на содержание Руководящих начал по уголовному праву 1919 г., где девальвировалось значение строгих формулировок, допускалось широкое судебное усмотрение. Стремление воплотить аналогичные принципы проявилось в период подготовки первых проектов УК, особенно в предложениях и публикациях одного из активных участников этого процесса М.Ю. Козловского. Хотя в итоге был принят проект, составленный под руководством Д.И. Курского, но и в нем «отразились многие положения социологической школы уголовного права» [15. С. 123]. Не отрицая этого факта, укажем на рецепцию в УК РСФСР 1922 г. отечественной традиции кодификации (деление на Общую и Особенную части, распределение нормативного материала между частями), а в теоретическом аспекте – очевидное влияние позитивизма. Однако приверженцы социологического типа правоупонимания сохранили свои позиции, добились их частичного восстановления в Основах 1924 г. и УК РСФСР 1926 г. и доказывали необходимость дальнейшего реформирования уголовного кодекса.

4. Причины, связанные с законотворческой традицией. Революционный период сформировал практику высокой профессиональной активности, неформальной инициативы и альтернативности в выдвижении проектов, что со всей наглядностью проявилось во время составлением первого советского уголовного кодекса. Поэтому возобновление кодификационных

работ в связи с изменившейся политической обстановкой считалось нормальной практикой, поощряемой и на официальном уровне и активно поддерживаемой юридической общественностью.

Проект Уголовного кодекса Н.В. Крыленко 1930 г.

Начало большой публичной дискуссии о судьбе УК РСФСР было положено выступлениями и публикациями Н.В. Крыленко. Занимая в данный период ответственные должности заместителя наркома юстиции РСФСР, заместителя прокурора РСФСР, Н.В. Крыленко представил 24 мая 1928 г. на заседании коллегии НКЮ тезисы «Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР». Коллегия проявила осторожность, поэтому тезисы, как писал сам Н.В. Крыленко, оказались «прямо не принятые, но и не опровергнутые» [16. С. 146]. Материалы обсуждения были напечатаны, что обеспечило расширение дискуссии. К ней располагал и формат изложения, очень похожий на стенограмму: воспроизводились реплики и возражения участников, реакция докладчика и др.

Положения Общей части формулировались исходя из социологического правопонимания, т.е. наличие преступлений объяснялось социальными противоречиями классового общества. Особенная, или, как обозначал автор, «Практическая» часть УК основывалась на выделении трех основных категорий преступлений: «Первая – это социально-вредные действия... Вторая – социально-опасные действия; и третья – особо опасные действия» [17. С. 662]. Как пишет В.А. Томсинов, идея не отличалась оригинальностью, а была заимствована у П.И. Стучки, причем заимствование носило «политический, а не юридический характер» [11. С. 93]. В этой части предусматривалось три раздела, «из которых каждый должен содержать по возможности наиболее исчерпывающий перечень преступлений данной категории, и в одной статье дать такой же полный перечень соответствующих мер воздействия, которые суд может варьировать по своему усмотрению» [17. С. 663]. В 1935 г. Н.В. Крыленко вспоминал, что тезисы «произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Настолько необычными были те предложения, которые я сделал» [18. С. 3]. Действительно, сразу же обозначились противники Н.В. Крыленко. «Это тов. Сольц, который выступил с тем, что основой уголовной политики и определения репрессии должен быть принцип “соответствия” меры репрессии содеянному» [19. С. 641]. Поясним, что именно такой принцип был закреплен в действующем на даны момент уголовном законе. Активно возражал А.В. Галкин, доказывавший имманентное присутствие в уголовном праве принципа устрашения и эффективность его воздействия в советских условиях на оставшуюся буржуазию. Кроме того, он считал, что предлагаемые Н.В. Крыленко новации «идут вразрез с сознанием и воззрениями крестьянских масс» [17. С. 662].

Несмотря на высказанную критику, продвижение проекта продолжилось.

Следующим по хронологии значимым мероприятием, способствующим его популяризации, стало совещание краевых, областных и губернских прокуроров и

председателей судов совместно с НКЮ некоторых автономных республик, проходившем в Москве 23–27 ноября 1928 г. К проведению совещания была привлечена академическая и вузовская научная общественность. Так, в первый день состоялось открытое заседание секции общей теории права и государства Института советского права совместно с участниками совещания, где был заслушан доклад Н.В. Крыленко «Основные принципы пересмотра Уголовного кодекса РСФСР» с последующим обсуждением. Хотя вновь прозвучали различные возражения, например, говорилось, что реализация озвученных тезисов Н.В. Крыленко приведет «к значительному углублению репрессии» [20], фактически состоялось неформальное санкционирование проекта учеными и юристами-практиками. Сам Н.В. Крыленко отметил позитивным тот факт, что его идеи прошли «сквозь горнило критики» [16. С. 146].

Вопрос «Основные принципы пересмотра Уголовного кодекса РСФСР» (докладчик Н.В. Крыленко) был включен вторым пунктом в повестку дня VI съезда прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР. Первым значился отчет народного комиссариата юстиции РСФСР, а третьим – обсуждение проекта Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (докладчик Я.Н. Бранденбургский). По этим вопросам НКЮ сформулировал исходные позиции, зафиксированные на указанном Совещании в ноябре 1928 г. Подготовительные материалы к съезду были опубликованы в журнале «Еженедельник советской юстиции» для всеобщего ознакомления. Формат публикаций отличался: Уголовно-процессуальный кодекс был представлен в виде готового проекта (указывалось, что он принят Коллегией НКЮ 7 декабря 1928 г. по докладу Я.Н. Бранденбургского), а вопрос об Уголовном кодексе – в виде тезисов к докладу Н.В. Крыленко. Публикация тезисов перед съездом в многотиражном журнале, который по подписке поступал в центральные и местные учреждения юридического профиля, способствовала пропаганде планируемых изменений.

Тезисы достаточно полно и понятно раскрывали содержание готовившихся изменений УК. Тезисы 1 и 2 назывались общие причины и необходимость изменений УК. Более конкретно они объяснялись недостатками исправительно-трудовой практики (тезисы 3 и 4), а именно большим числом заключенных из-за того, что УК, построенный на принципе соответствия репрессии тяжести преступления, предусматривает назначение лишения свободы по многим преступлениям. В тезисе 5 с постоянным апеллированием к марксизму делалась попытка обосновать пролетарскую теорию уголовной политики, а фактически отрицались исторически сложившиеся принципы уголовного права. Утверждалось, что «всякая переоценка “устрашения” и задач общего предупреждения, как и задач “исправления”, должна быть признана и ненаучной, и практически ошибочной» [21. С. 1178]. Далее в тезисе 6 говорилось, что «принцип дозирования репрессии, как основанный на идеях “возмездия” и “справедливого наказания”, должен быть отвергнут в корне; вместе с тем должна быть отвергнута вся система построения кодекса на основе

статей, где против каждой статьи и так называемой «карательной санкции» указан размер допустимой соответствующей репрессии» [21. С. 1178].

Вместо этого предлагалось использовать три метода самозащиты пролетарского общества в зависимости от категорий преступников: физическое уничтожение (расстрел); изоляцию; меры общественно-воспитательного характера. В соответствии с таким подходом выстраивалось содержание Общей части (тезис 7) и Особенной части (тезис 8). Последний тезис 9 являлся выводом. В последующем эти положения повторялись и развивались в в многочисленных публикациях Н.В. Крыленко и вошли в проект УК 1930 г. Доклад на VI Съезде прокурорских, судебных и следственных работников был издан отдельной брошюрой [22].

С целью обретения сторонников своих идей Н.В. Крыленко демонстрировал высокую публикационную активность, активно взаимодействовал с учеными. Поэтому опубликованный в 1930 г. завершённый проект был представлен как коллективный труд подсекции уголовного права Института советского строительства и права при Коммунистической академии, что придавало ему большую профессиональную значимость. Руководствуясь этими же соображениями, был перечислен персональный состав редакционной группы, в которую вошли, кроме Н.В. Крыленко, также Е.Б. Пашуканис, Я.А. Берман, А.Я. Эстрин и другие специалисты [23. С. 28]. Не отрицая роли редакционной группы, отметим, что ее название также выбрано не случайно: научные коллеги Н.В. Крыленко не занимались написанием проекта «с нуля», а работали с предложенным им материалом. Предваряющая проект статья Н.В. Крыленко имела заголовок «Кодекс без особенной части и без дозирок», что отражало приверженность прежней концепции. Проект оценивался как попытка «переложить вызвавшие в свое время столько споров наши тезисы о реформе Уголовного Кодекса на язык законодательного акта» [23. С. 3].

Указывались и кратко раскрывались наиболее существенные новшества. Во-первых, особо подчеркивалось, что место первого раздела заняли общесоюзные Основные начала, которые «представляют собой то, что обыкновенно именуется Общей частью уголовного кодекса» [23. С. 15]. Эта часть содержала всего 20 статей. Однако ее лаконичность не помешала составителям утверждалось, что она способна «заменить собой действующие «Основы» уголовного права Союза» [23. С. 15]. Второе отличие заключалось в выделении двух, а не трех групп преступлений, на чем ранее настаивал Н.В. Крыленко. Такая градация определила структуру УК, где второй раздел стал называться «Особо опасные преступления и меры классового подавления», а третий – «Преступления менее опасные и меры принудительно-воспитательного воздействия». Эти разделы имели однотипную внутреннюю структуру, каждый делился на две главы. Второй раздел включал главы «Особо опасные преступления» и «Меры классового подавления», третий, соответственно, главы «Преступления менее опасные» и «Меры принудительно-воспитательного воздействия». Основные принципы УК де-

кларировались во введении. В нем говорилось: «Построенный на основе четкого разделения мер борьбы и подавления в отношении классовых врагов и явно деклассированных элементов и мер принудительно-воспитательного воздействия в отношении и остальных трудящихся, новый кодекс должен дать в руки судье-пролетарию, вместо прежнего преysкуранта преступления и мер репрессии, лишь ориентировочный перечень наиболее опасных преступлений, в отношении совершителей которых закон определяет необходимость их реального изъятия из общества, и ориентировочный широкий перечень мер принудительно-воспитательного воздействия в отношении совершивших менее опасные преступления» [23. С. 31].

Н.В. Крыленко всемерно подчеркивал принципиальную новизну и достоинства своего проекта: «Взамен общей части УК в проекте излагаются общие политические партийные принципы и директивы... Вместе с тем наряду с общеполитическими директивами суду дается вполне определенный и достаточно конкретный перечень особо опасных и менее опасных преступлений, качественно отличных друг от друга, и примерный перечень мер борьбы по обоим видам преступлений, также качественно отличный друг от друга» [24. С. 26].

Иные проекты реформы уголовного законодательства: обсуждение и критика

В юридической литературе утвердилось мнение о трех проектах УК, готовившихся в конце 1920-х гг. О них, соотнося с определенными группами разработчиков, говорил Н.В. Крыленко, поддерживает эту позицию В.А. Томсинов. Если первый проект связан с именем Н.В. Крыленко, а в его продвижении использовался статус Коммунистической Академии, то второй проект инициировал Государственный институт по изучению преступности и преступника (ГИИПП), возглавляемый в это период Е.Г. Ширвиндтом. Придерживаясь научной специализации, ГИИПП тесно увязывал воедино пересмотр уголовного и уголовно-исправительного законодательства. Именно в таком ракурсе вопрос рассматривался на 1-м Всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей (октябрь 1928 г.), в организации и проведении которого руководители и сотрудники Института принимали непосредственное участие. Возможно, стремление занять лидерскую позицию в создании нового УК провоцировало презентацию «сырых» разработок, поэтому первый проект УК, исходящий от ГИИПП, имел только Общую часть. В обширном предисловии, написанном Е.Г. Ширвиндтом, давалось обещание подготовить также Особую часть, но позднее «в первой половине следующего (1929/1930) академического года» [13. С. 8]. При ее составлении планировалось учесть распространенность отдельных видов преступлений и особенности их совершения, дифференцировать составы, выделить более или менее опасные виды определенного преступления, и устранить те статьи, которые «почти не применяются судами за полным отсутствием на практике соответствующих преступлений» [13. С. 8]. В целом заявленное намерение было реализовано.

Составители проекта, как и Н.В. Крыленко, ориентировались на особенности источников советского уголовного права и искали способ комплексного реформирования общесоюзных и республиканских норм с учетом их соподчиненности и взаимосвязи.

В 1930 г. ГИИПП предложил такой вариант, названный «Проект Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и уголовного кодекса РСФСР». Основные начала заняли место Общей части, а Особенная часть в некоторой степени была заимствована из действующего республиканского кодекса.

Проект готовился специальной комиссией из числа научных сотрудников Института, в которую входили Е.Г. Ширвиндт (председатель), Н.Н. Спасокукоцкий, М.М. Исаев, С.П. Мокринский, А.А. Пионтковский, Д.Б. Рубинштейн, С.Б. Тагер, А.Н. Трайнин, Б.С. Утевский. Как отмечал ее руководитель, проект развивал уголовно-правую концепцию Института, который вел борьбу с «перепроизводством наказаний» [25. С. 1], с «фетишизмом решеток» за переход от лишения свободы к другим более целесообразным мерам социальной защиты. Проект, как полагали его составители, соответствовал требованиям реконструктивного периода социалистического строительства, поскольку учитывая практику борьбы с преступностью, предлагал «наиболее гибкие и пригодные к жизни формы уголовного репрессии» [25. С. 1].

Составители стремились максимально конкретизировать описание составов преступлений. Например, в главе первой Особенной части, озаглавленной «Действия против пролетарской диктатуры», после общего определения перечислялись отдельные составы таких действий (вооруженное восстание, разрушение государственных сооружений, террористические акты против представителей власти, разрушение имущества представителей власти, подрыв хозяйственных основ пролетарской диктатуры, саботаж, сношение с иностранными государствами с целью ослабления пролетарской диктатуры, способствованию вражескому иностранному государству, склонение иностранного государства к неприязненным действиям, оказание помощи международной буржуазии, шпионаж, пропаганда и агитация, борьба против революционного движения в прошлом). В целом перечень занимал статьи с 44-й по 56-ю. Конкретные виды санкций применительно к каждому составу не указывались, но в завершающей раздел ст. 57 «Меры социальной защиты» говорилось, что расстрел может применяться лишь в тех случаях, когда «эти действия содержат признаки, свидетельствующие об особой социальной опасности лица или действия» [25. С. 21].

Проект вызвал острое неприятие со стороны Н.В. Крыленко, который назвал его «развернутой программой разоружения пролетариата в момент максимального обострения классово-борьбы» [24. С. 43].

Третий проект УК В.А. Томсинов связывает с именами П.А. Красикова, А.Н. Винокурова и А.В. Галкина [11. С. 86] (Н.В. Крыленко А.В. Галкина не упоминает).

В данный период Александр Николаевич Винокуров являлся председателем Верховного Суда СССР, Петр Ананьевич Красиков – Прокурором Верховного Суда СССР, Александр Владимирович Галкин – зам. председателя Верховного Суда СССР. Завершенный проект этой группы в опубликованном виде не известен, но основные идеи можно реконструировать, опираясь на публикации и полемику по поводу его содержания.

А.Н. Винокуров, высоко оценивая достижения советского уголовного законодательства, особенно актов, принятых при жизни Ленина (Руководящих начал по уголовному праву 1919 г., УК РСФСР 1922 г.), доказывал, что «те принципы уголовного законодательства, которые заложены были еще Лениным, а затем реципированы в восстановительный период нэпа... нуждаются не в принципиальной коренной переработке, а лишь в некоторых изменениях соответственно новому этапу нэпа» [26. С. 40–41]. Исключительно критически он оценивал заимствование из антрополого-социологической школы Ферри понятия «меры социальной защиты», что, по его мнению, искажало принципы уголовного права, прежде всего, «соответствие уголовного воздействия степени опасности преступника и преступления» [26. С. 42].

В целом он не видел возможности построения Уголовного кодекса «без “особенной части” и без дозирования» [27. С. 50]. А.Н. Винокурову нельзя отказать в иронии, когда он пишет, что рекламируемый Н.В. Крыленко кодекс «очевидно должен произвести переворот в науке и практике уголовного права» [27. С. 50] и задает два обоснованных вопроса: «1. Правда ли, что этот кодекс действительно “без особенной части”... 2. Верно ли, что рассматриваемый проект уголовного кодекса “без дозирования”?» [27. С. 50–51]. На оба вопроса он дает отрицательные ответы, считая, что те нормы, которые обычно включаются в Общую часть УК, оказались рассредоточены по всему тексту. В проекте, по его мнению, осталась и “дозировка”, но она теперь «имеет тот существенный недостаток, что, регламентируя определенное преступление определенной уголовной мерой, а давая общий прецедент для целой категории преступлений, она ведет к судейскому усмотрению, головотяпству и нарушению революционной законности. Однако устанавливая для всех преступников единообразную норму... она устраняет возможность индивидуализировать меры уголовной репрессии» [27. С. 52]. А.Н. Винокуров справедливо указывал на отражение в проекте Н.В. Крыленко «механистической, вульгарно-эклетикической уголовной социологической школы» [27. С. 54], которая противоречила и законам диалектики, и марксистскому учению. «Построить уголовный кодекс на чистом принципе опасности преступника и на одной лишь целесообразности уголовной репрессии без примеси правовых норм – оказалось непосильной задачей. Получился компромисс... беспринципная мешанина» [27. С. 56].

Несмотря на общий дискуссионный фон, сложившийся вокруг проектов кодексов, ведущую роль в обострении полемики принадлежала Н.В. Крыленко. В 1931 г. на I Всесоюзном съезде марксистов-государ-

ственников он выступил с докладом «Три проекта реформы уголовного кодекса», затем поместил его в брошюру, где опубликовал свой проект УК, сопроводив подзаголовком «К борьбе за марксистско-ленинский уголовный кодекс». Читателя изначально ориентировали на то, что есть только один правильный проект УК, а все другие, отличные от него, являются немарксистскими и, следовательно, ошибочными. Н.В. Крыленко утверждал: «Ширвинд и его группа написали такой же правооportunистический и реакционный проект, как и группа Красикова–Винокурова, с той только разницей, что он написали свой безграмотный оппортунистический проект самостоятельно, Ширвинд же написал его вкупе с буржуазными профессорами, которых он в данном случае возглавил в борьбе против Комакадемии» [24. С. 44]. Таким образом, Н.В. Крыленко признает, что его проект не поддержали ни в высшем судебном органе, где работали А.Н. Винокуров, П.А. Красиков, А.В. Галкин, ни в единственном специализированном научном учреждении, занимающимся уголовной политикой и законодательством – ГИИПП.

Анализ дискуссии показывает, что аргументы, выдвигаемые противниками позиции Н.В. Крыленко, следует признать обоснованными, научными и менее политизированными.

Обсуждаемые проекты имеют как сходства, так и отличия. Объединяет их концептуальная принадлежность к социологической школе права, проявление которой в советских условиях выражались наиболее ярко. Отсюда проистекало отрицание важнейших принципов уголовного закона, предусматривающих строго формализованные предписаниями и ограничения. Такие принципы теперь считались буржуазными. Проекты исходили из необходимости рационализации уголовной репрессии, ее дифференциации в зависимости от категорий правонарушителей. Преступление оценивалось по степени общественно опасности, т.е. использовался только его материальный признак и отсутствовал формальный, чем нарушалось сформулированное еще римскими юристами правило: «...нет наказания без преступления, нет преступления без указания на то в законе». Конструкция статей, где описывались отдельные составы преступлений, не предусматривала конкретной санкции, т.е. мера социальной защиты назначалась по усмотрению суда. По сравнению с УК РСФСР 1922 г., даже в редакции 1926 г., концептуально проекты представляли существенный шаг назад. Значительно уступали проекты этим актам и в отношении юридической техники. Они отличались многословием, демагогическими рассуждениями, неоднозначной терминологией, преднамеренным отказом от таких понятий, как вина, формы вины, отягчающие и смягчающие вину обстоятельства, наказание и другие, хотя они были хорошо известны русской правовой доктрине и законодательству. При всех недостатках проекте ГИИПП в большей степени соответствовал сложившейся в континентальной правовой системе модели кодифицированного акта, яркими и удачными примерами которого было Уголовное уложение 1903 г. и первый советский уголовный кодекс. Проект

ГИИПП следовал традиции целесообразности Общей и Особенной частей в УК с соответствующим распределением нормативного материала.

В начале 1930-х гг. не наблюдается активности в продвижении какого-либо проекта. Причины такого положения требуют дополнительного исследования, но объективно они обуславливались следующими обстоятельствами. Во-первых, необходимость оперативного использования прямого принуждения, включая и репрессивные средства для ускоренного проведения индустриализации и коллективизации, реализовывалась через принятие актов разной юридической природы. Во-вторых, совершенно очевидной была нецелесообразность разработки республиканского кодекса в отрыве от пересмотра общесоюзных Основ. В-третьих, высказывались обоснованные сомнения в качестве предлагаемых проектов, давались негативные прогнозы в случае их утверждения.

После некоторой стабилизации социально-экономической обстановки в 1934–1935 гг. происходит реанимация идеи о необходимости нового уголовного закона. Инициатором вновь проявил Н.В. Крыленко, используя апробированные ранее методы привлечения сторонников через устройства публичных докладов и обсуждений. Так, 25 декабря 1934 г. он выступил на заседании Президиума Коммунистической академии, проводимом совместно с Государственным м институтом уголовной политики (бывшим ГИИПП). Наиболее существенные новации состояли в следующем. Во-первых, презентовался проект Уголовного кодекса СССР, хотя прямого законодательного указания на его подготовку еще не было. Во-вторых (с чем можно согласиться), предлагалось кодифицировать в одном акте разновременные законы преимущественно союзного происхождения. В-третьих, намечался серьезный концептуальный пересмотр прежних предложений. Н.В. Крыленко признал их, как «ошибки левацкого порядка» [18. С. 3]. Особенно заметен был отказ от крайностей социологического подхода. А.Н. Винокуров справедливо указал, что в новом проекте «мы находим старых знакомцев: в Общей части – наказание, умысел, давность, пропорциональность наказания, в Особенной – точные составы преступлений, определение наказаний по каждому из них. Куда же девался кодекс без составов и дозировки? Где преискурнт мер репрессий, который давался к каждому разделу проекта 1930 г.? Все это исчезло» [28. С. 20]. Эволюция позиции Н.В. Крыленко отразила его стремление соответствовать менявшейся юридической парадигме, которую наилучшим образом выражал А.Я. Вышинский. По мнению В.А. Томсинова, Н.В. Крыленко и А.Я. Вышинский воплощали два разных мировоззренческих типа: один был «большевиком-революционером, другой – большевиком-государственником» [29. С. 78]. В 1935 г. А.Я. Вышинский раскритиковал проект УК СССР Н.В. Крыленко, но Н.В. Крыленко не стал продолжать спор. Таким образом, завершился данный этап законопроектной работы. На следующем этапе составление проекта УК

СССР проходило в иных организационных формах, иным составом участников.

Заключение

Ни один из проектов, созданных в конце 1920-х – начале 1930-х гг., не стал законом. При всех различиях предлагаемые проекты исходили из социологического типа правосопонимания, который, как считали, показал свою эффективность в революционную эпоху. Выдвижение и обсуждение проектов характеризовалось чрезмерной полемичностью, критикой персоналий, политическими обвинениями, что в целом отличало данный исторический период, но мало способствовало конструктивному диалогу и сотрудничеству.

С формальной стороны остановка проектов имела позитивное значение, в противном случае принятие уголовного кодекса подобного содержания серьезно девальвировало ценность кодифицированного акта как основного отраслевого закона. Однако даже оставаясь

проектами, своим содержанием эти документы оказали влияние на изменение уголовного законодательства 1930-х гг., которое превращалось в средство решения политических задач. В.М. Сырых верно отмечает, что разрабатываемый с 1928 г. Н.В. Крыленко проект УК предусматривал «все те меры, которые в 30-х были положены в основу сталинского террора и беззакония, породивших массу грубейших нарушений прав и свобод советских граждан» [30. С. 406]. Жертвами репрессий стали многие участники законотворческого процесса.

Выдвигаемые проекты отразили важную тенденцию в развитии советского государства, а именно объективное усиление общесоюзного сегмента правового регулирования. Впервые были предприняты попытки целостного реформирования уголовного законодательства, включая союзный и республиканский уровни.

В заключение отметим, что задача кодификации отраслевого законодательства является очень сложной, зависит от многих факторов, а изучение исторического опыта кодификации позволяет лучше планировать такую деятельность и прогнозировать ее результаты.

Список источников

1. Швеков Г.В. История создания первого советского уголовного кодекса (УК РСФСР 1922 г.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967. 19 с.
2. Чучаев А.И. Первый советский уголовный кодекс: концептуальные основы и общая характеристика (К 100-летию со дня принятия) // Государство и право. 2022. № 6. С. 152–167.
3. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, Б.С. Утевский. М. : Юридическое издательство МЮ СССР, 1948. 466 с.
4. Сырых В.М. История советского государства и права. Советский и современный периоды. М. : Юрист, 1999. 484 с.
5. Кузнецова Н.Ф. Вопросы истории советского уголовного законодательства (общая часть) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1991. № 4. С. 25–32.
6. Кузнецова Н.Ф. Вопросы истории советского уголовного законодательства (общая часть) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1991. № 5. С. 31–39.
7. Упоров И.В. УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.: общеправовая характеристика // Apriori. Серия: Гуманитарные науки. Электронный журнал. 2017. № 1. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27718680_33193185.pdf (дата обращения: 30.12.2022).
8. Сорокина А.В. Проект Уголовного кодекса СССР 1939 г.: общая характеристика особенной части // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27. С. 94–108. doi: 10.17223/22253513/27/10
9. Яцук Т.Ф. Проекты кодификации российского уголовного законодательства в конце 1920-х – 1930-х годов // Социология, философия и право в системе противодействия преступности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Е. Шинкевич. Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД, 2018. С. 204–207.
10. Козинцев А.Я. Государственная политика в сфере юстиции в СССР. В 30–50-е годы XX века в сфере юстиции. Куртамыш, 2008. 590 с.
11. Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовец. Статья девятая // Законодательство. 2018. № 4. С. 86–94.
12. Эстрин А. УК РСФСР 1926 года и Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик // Ежегодник Советской юстиции. 1929. № 4. С. 75–78.
13. Проект общей части Уголовного кодекса. С предисловием председателя Государственного института по изучению преступника и преступности Е.Г. Ширвиндта. М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1929. 20 с.
14. Яцук Т.Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2021. 414 с.
15. Окунева М.О. Влияние социологической школы уголовного права на кодификацию советского уголовного законодательства (1917–1922 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 4. С. 115–125.
16. Крыленко Н.В. Еще раз о принципах пересмотра Уголовного Кодекса // Ежегодник советской юстиции. 1929. № 7. С. 146–152.
17. Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного Кодекса РСФСР // Ежегодник советской юстиции. 1928. № 23. С. 661–664.
18. Крыленко Н. Вопрос Уголовного кодекса Союза ССР // Советская юстиция. 1935. № 11. С. 1–9.
19. Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного Кодекса РСФСР // Ежегодник советской юстиции. 1928. № 22. С. 641–643.
20. Архив РАН (АРАН). Ф. 360. Оп. 4. Д. 60. Л. 200.
21. Основные принципы пересмотра Уголовного кодекса РСФСР // Ежегодник советской юстиции. 1928. № 46/47. С. 1176–1180.
22. Крыленко Н.В. Реформа уголовного кодекса (основные принципы пересмотра уголовного кодекса). М. : Госюриздат РСФСР, 1929. 64 с.
23. Проект нового уголовного кодекса РСФСР, выработанный подсекцией уголовного права Института советского строительства и права при Коммунистической Академии. М. : Госюриздат РСФСР, 1930. 65 с.
24. Три проекта реформы уголовного кодекса. М ; Л. : Советское законодательство, 1931. 88 с.
25. Проект Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и уголовного кодекса РСФСР. М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1930. 40 с.
26. Винокуров А. О пересмотре Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Советское строительство. 1930. № 1. С. 38–44.
27. Винокуров А. Об уголовном кодексе без «особенной части» и без дозировки // Советское строительство. 1930. № 10–11. С. 50–57.
28. На докладе т. Крыленко о проекте Уголовного кодекса СССР // Советская юстиция. 1935. № 11. С. 20–22.
29. Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовец. Статья десятая // Законодательство. 2018. № 5. С. 78–86.

30. Сырых В.М. Крыленко Николай Иванович // Правовая наука и юридическая идеология в России / отв. ред. В.М. Сырых. М. : Юрист, 2009. Т. 2. С. 405–409.

References

- Shvekov, G.V. (1967) *Istoriya sozdaniya pervogo sovetskogo ugolovno kodeksa (UK RSFSR 1922 g.)* [The history of the creation of the first Soviet criminal code (Criminal Code of the RSFSR 1922)]. Abstract of Low Cand. Diss. Moscow.
- Chuchaev, A. I. (2022) The first Soviet Criminal Code: conceptual framework and general characteristics (To the 100th anniversary of the adoption). *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6, pp.152-167. (In Russian). doi: 10.31857/S102694520020481-0
- Gertsenzon, A.A. et al. (1948) *Istoriya sovetskogo ugolovno prava* [History of Soviet criminal law]. Moscow: Yuridicheskoye izdatelstvo Ministerstva yustitsii SSSR.
- Syrykh, V.M. (1999) *Istoriya sovetskogo gosudarstva i prava. Sovetskii i sovremennyy periody* [History of the Soviet state and law. Soviet and modern periods]. Moscow: Yurist.
- Kuznetsova, N.F. (1991) Voprosy istorii sovetskogo ugolovno prava (obshchaya chast') [Issues of the history of Soviet criminal law (general part)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*. 4. pp. 25–32.
- Kuznetsova, N.F. (1991) Voprosy istorii sovetskogo ugolovno prava (obshchaya chast') [Issues of the history of Soviet criminal law (general part)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*. 5. pp. 31–39.
- Uporov, I.V. (2017) Ugolovnyy kodeks RSFSR 1922, 1926, 1960 gg.: obshcheppravovaya kharakteristika [Criminal Code of the RSFSR 1922, 1926, 1960: general legal characteristic]. *Apriori. Seriya: Gumanitarnyye nauki. Elektronnyy zhurnal*. 1.
- Sorokina, A.V. (2018) The Draft Criminal Code of the USSR in 1939: General Characteristics Special Parts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo– Tomsk State University Journal of Law*. 27. pp.94–108. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/27/10
- Yashchuk, T.F. (2018) [Projects of codification of Russian criminal legislation in the late 1920s–1930s]. *Sotsiologiya, filosofiya i pravo v sisteme bor'by s prestupnost'yu* [Sociology, philosophy and law in the fight against crime]. Conference Proceedings. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of MIA. pp. 204–207. (In Russian).
- Kodintsev, A.Ya. (2008) *Gosudarstvennaya politika SSSR v 30-50-kh godakh XX veka v sfere yustitsii* [State policy in the USSR in the 1930s–1950s in the field of justice]. Kurtamysh: Kurtamyshskaya tip.
- Tomsinov, V.A. (2018) *Andrey Yanuar'yevich Vyshinskiy (1883–1954): gosudarstvennyy deyatel' i pravoved. Stat'ya devyataya* [Andrei Yanuarievich Vyshinsky (1883–1954): statesman and jurist. Article nine]. *Zakonodatel'stvo*. 4. pp. 86–94.
- Estrin, A. (1929) *Ugolovnyy kodeks RSFSR 1926 g. i Osnovnyye printsipy ugolovno zakonodatel'stva SSSR i soyuznykh respublik* [Criminal Code of the RSFSR of 1926 and the Basic Principles of the Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics]. *Yezhenedel'nik Sovetskoy yustitsii*. 4. pp. 75–78.
- NKVD RSFSR. (1929) *Proekt obshchey chasti UK RF. S predislaviem predsedatelya Gosudarstvennogo instituta izucheniya ugolovno delo i prestupnosti Ye.G. Shirvindta* [Draft of the general part of the Criminal Code. With a preface by E.G. Shirvindt, chairman of the State Institute for the Study of the Criminal and Crime]. Moscow: Izdatelstvo NKVD RSFSR.
- Yashchuk, T.F. (2021) *Sistematizatsiya rossiyanskogo zakonodatel'stva v sovetskiiy period* [Systematization of Russian legislation in the Soviet period]. Omsk: Omsk State University.
- Okuneva, M.O. (2016) *Vliyaniye sotsiologicheskoy shkoly ugolovno prava na kodifikatsiyu sovetskogo ugolovno prava (1917–1922 gg.)* [Influence of the sociological school of criminal law on the codification of Soviet criminal law (1917–1922)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*. 4. pp. 115–125.
- Krylenko, N.V. (1929) *Yeshche raz o printsipakh peresmotra Ugolovno kodeksa* [Once again about the principles of the revision of the Criminal Code]. *Yezhenedel'nik Sovetskoy yustitsii*. 7. pp. 146–152.
- Krylenko, N.V. (1928) *Printsipy peresmotra Ugolovno kodeksa RSFSR* [Principles of revision of the Criminal Code of the RSFSR]. *Yezhenedel'nik Sovetskoy yustitsii*. 23. pp. 661–664.
- Krylenko, N. (1935) *Vopros ob UK SSSR* [Question of the Criminal Code of the USSR]. *Sovetskaya yustitsiya*. 11. pp. 1–9.
- Krylenko, N.V. (1928) *Printsipy peresmotra Ugolovno kodeksa RSFSR* [Principles of revision of the Criminal Code of the RSFSR]. *Yezhenedel'nik Sovetskoy yustitsii*. 22. pp. 641–643.
- Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 360. List 4. File 60. (In Russian).
- Yezhenedel'nik Sovetskoy yustitsii. (1928) *Osnovnyye printsipy peresmotra Ugolovno kodeksa RSFSR* [Basic principles of the revision of the Criminal Code of the RSFSR]. *Yezhenedel'nik Sovetskoy yustitsii*. 46/47. pp.1176-1180.
- Krylenko, N.V. (1929) *Reforma UK (osnovnyye printsipy peresmotra UK)* [Reform of the Criminal Code (basic principles for the revision of the Criminal Code)]. Moscow: Gosyurizdat RSFSR.
- Gosyurizdat RSFSR. (1930) *Proyekt novogo Ugolovno kodeksa RSFSR, razrabotannyy ugolovno-pravovoy podotdelom Instituta sovetskogo stroitel'stva i prava pri Komakademii* [Draft of a new criminal code of the RSFSR, developed by the criminal law subsection of the Institute of Soviet Construction and Law at the Communist Academy]. Moscow: Gosyurizdat RSFSR.
- Sovetskoye zakonodatel'stvo. (1931) *Tri proyekta reformy ugolovno kodeksa* [Three projects for the reform of the criminal code]. Moscow; Leningrad: Sovetskoye zakonodatel'stvo.
- NKVD RSFSR. (1930) *Proyekt Osnov ugolovno zakonodatel'stva Soyuzo SSR i soyuznykh respublik i Ugolovno kodeksa RSFSR* [Draft Basic Principles of the Criminal Legislation of the USSR and Union Republics and the Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Izdatelstvo NKVD RSFSR.
- Vinokurov, A. (1930) O peresmotre Osnov ugolovno zakonodatel'stva SSSR i soyuznykh respublik [On the revision of the Basic principles of the criminal legislation of the USSR and the Union republics]. *Sovetskoye stroitel'stvo*. 1. pp. 38–44.
- Vinokurov, A. (1930) Ob UK bez "osobnoy chasti" i bez dozirovki [On the Criminal Code without a "special part" and without dosage]. *Sovetskoye stroitel'stvo*. 10–11. pp. 50–57.
- Sovetskaya yustitsiya. (1935) O doklade tov. Krylenko o projekte Ugolovno kodeksa SSSR [On the report of Comrade Krylenko on the draft Criminal Code of the USSR]. *Sovetskaya yustitsiya*. 11. pp. 20–22.
- Tomsinov, V.A. (2018) *Andrey Yanuar'yevich Vyshinskiy (1883-1954): gosudarstvennyy deyatel' i pravoved. Stat'ya desyataya* [Andrei Yanuarievich Vyshinsky (1883-1954): statesman and jurist. Article Ten]. *Zakonodatel'stvo*. 5. pp. 78–86.
- Syrykh, V.M. (2009) *Krylenko Nikolay Ivanovich* [Nikolai Ivanovich Krylenko]. In: Syrykh, V.M. (ed.) *Yuridicheskaya nauka i pravovaya ideologiya v Rossii* [Legal science and legal ideology in Russia]. Vol. 2. Moscow: Yurist, pp. 405–409.

Информация об авторе:

Ящук Т.Ф. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: yashukomsu@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.F. Yashchuk, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail yashukomsu@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.01.2023;
одобрена после рецензирования 27.06.2023; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 10.01.2023;
approved after reviewing 27.06.2023; accepted for publication 31.07.2023.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2023. № 492. Июль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.07.2023 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 27,5. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 50 экз.
Заказ № 5691. Цена свободная.

Дата выхода в свет 13.12.2023 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомьтесь с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru